

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

МАГАЗИН БУКВАРИ
МОСКВА

51

№ 165 м
11 100 р 12 г
МК

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF WISCONSIN

Г Graetz, Heinrich Hirsch

Д-ръ ГЕНРИХЪ ГРЕТЦЪ.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВЪ

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАСТОЯЩАГО

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДНЯГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

О. И Н Б Е Р А.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ ИСПРАВЛЕННОЕ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Изданіе книжнаго магазина ШЕРМАНА.

ОДЕССА.

Типографія „Издатель“ Я. Х. Шермана, Еврейская 19.
1906 г.

Prof. J. H. Grady

FG 1
.G 77
.R

1

671737
JUN 30 1949

Предисловіе къ первому изданію.

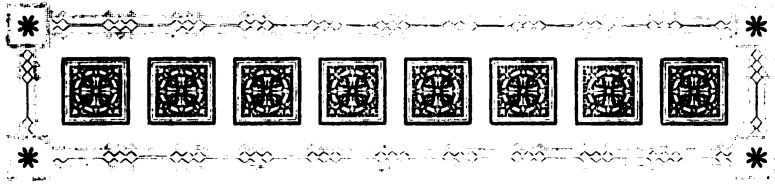
Приступая къ настоящему изданію, мы считаемъ совершенно лишнимъ доказывать его необходимость. Не говоря уже о томъ, что „Исторія“ Греца далеко не вся имѣется въ русскомъ переводѣ, даже и тѣ томы ея, которые одновременно появлялись на этомъ языкѣ, давно вышли изъ продажи. Потребность въ появленіи классическаго труда величайшаго изъ еврейскихъ историковъ на русскомъ языкѣ ощущается поэтому очень давно, и съ особенной силой чувствуется въ настоящее время, когда національное движеніе среди русскаго еврейства дѣлаетъ такіе большіе успѣхи. Только особо неблагоприятными условіями и возможно объяснить тотъ фактъ, что трудъ Греца до сихъ поръ не появлялся въ новомъ и полномъ русскомъ переводѣ. Мы имѣемъ основанія думать, что этихъ условій въ настоящее время болѣе не существуетъ. Это подаетъ намъ

надежду на то, что при поддержкѣ читающей публики предпринятое нами изданіе будетъ благополучно доведено до конца.

Предисловіе ко второму изданію.

Первое изданіе настоящаго выпуска разошлось въ теченіе *нѣсколькихъ мѣсяцевъ*. Столь блестящій успѣхъ доказываетъ, что появленіе труда Гретца на русскомъ языкѣ отвѣчаетъ вполне назрѣвшей потребности и въ то же время служитъ гарантіей того, что настоящее изданіе, при всей его обширности, будетъ своевременно доведено до конца.

ГЕНРИХЪ ГРЕЦЪ.

Человѣкъ и историкъ.

Немного дѣятелей найдется среди современныхъ евреевъ, которые имѣли бы такое глубокое вліяніе на міровозрѣніе своего народа, какъ Генрихъ Грець. Будущій историкъ еврейства долженъ будетъ удѣлить ему весьма видное мѣсто не только какъ первоклассному ученому, но и какъ человѣку, капитальный трудъ котораго послужилъ могущественнымъ факторомъ національнаго и общественнаго развитія еврейства второй половины XIX столѣтія. Мы отнюдь не намѣрены преувеличивать заслуги Греча въ ущербъ другимъ корифеямъ, до и послѣ него посвятившимъ свою жизнь еврейской наукѣ. На обширномъ горизонтѣ этой науки авторъ „Исторіи Евреевъ“ является лишь однимъ изъ многочисленныхъ свѣтилъ, его украшающихъ. Справедливость требуетъ однако сказать, что изъ всей блестящей плеяды своихъ современниковъ ни одинъ не представляетъ столь счастливаго сочетанія глубокой учености и перворазряднаго литературнаго таланта съ пламенной любовью къ своему народу, какъ именно Грець.

Дѣло въ томъ, что изъ тяжеловѣснаго золота многоученой эрудиціи вовсѣ не такъ легко выковывать легкую, всѣмъ доступную монету, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Многие, не будучи сами изслѣдователями и популяризируя лишь результаты чужихъ изысканій, даютъ читателю одни суррогаты знанія. Они кормятъ его случайнымъ наборомъ не провѣренныхъ фактовъ и не продуманныхъ выводовъ, потому что они не дали себѣ труда черпать непосредственно изъ источниковъ и пропускать собранные факты чрезъ фильтръ своей критической мысли. У компилятора

поэтому никогда не будет ни той оригинальности научного творчества, ни той осторожности въ выборѣ фактовъ и выводахъ изъ нихъ, какія такъ выгодно отличаютъ истиннаго ученаго, самостоятельно изучившаго первоисточники.

Но этого мало. Въ мертвый лѣтописный матеріалъ историкъ кромѣ того долженъ вдохнуть „душу живу“; оставаясь ученымъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть и художникомъ, сухіе историческіе факты умѣющимъ изображать яркими, живыми красками. И кромѣ Греца не мало ученыхъ трудилось надъ первоисточниками еврейской исторіи и обогатило послѣднюю массой превосходныхъ изслѣдованій. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ труды эти доступны, однако, однимъ лишь специалистамъ: средний образованный еврей охотно вѣритъ, что эти люди обогатили еврейскую науку, но многоучеными трудами ихъ никогда не пользуется. Какъ историка своего *par excellence* еврейство подъ всеми широтами признаетъ одного Греца. Его высоко цѣнятъ и любятъ даже тѣ, которые, не имѣя возможности судить о чисто-научныхъ достоинствахъ его труда, тѣмъ не менѣе съ истиннымъ увлеченіемъ читаютъ его широкія и яркія картины многовѣковой жизни еврейскаго народа.

Но для того, чтобы создать этотъ колоссальный трудъ, недостаточно было феноменальной эрудиціи и блестящаго художественнаго таланта Греца. Для этого необходимо было обладать, сверхъ того, и необыкновенной энергіей, и мужествомъ, не отступающимъ предъ величіемъ взятой на себя задачи. Мужество, вѣра въ себя и въ науку двигаютъ горами. Тотъ, кто робѣетъ предъ размѣрами задуманнаго труда, потому ли что онъ считаетъ себя не доросшимъ до него, либо потому, что время, по его мнѣнію, для такого труда еще не настало, — тотъ со всей своей ученостью, со всеми талантами своими ничего капитальнаго не создастъ.

Вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ друзей, любуясь за нѣсколько дней до своей смерти портретомъ Леопольда Цунца, Грець замѣтилъ: „Этому человѣку я обязанъ не только тѣмъ, что онъ успѣлъ сдѣлать, но еще больше тѣмъ, чего онъ не сдѣлалъ. Онъ такъ хорошо могъ бы написать исторію евреевъ, а между тѣмъ предоставилъ этотъ трудъ мнѣ“. Этими словами Грець какъ будто хотѣлъ сказать, что у его глубокоученнаго друга не хватило мужества на такой гигантскій подвигъ, не достало и той горячей любви къ дѣлу, которая безусловно необходима для того, чтобы сразу овладѣть своей задачей, объединить безчисленную и пеструю

массу фактовъ въ одной одухотворящей ихъ идеѣ, — словомъ дать читателю нѣчто цѣльное, стройное и живое.

Незнакомый съ Грецомъ читатель сплошь и рядомъ беретъ за его трудъ съ нѣкоторой неохотой, робѣя предъ его ученостью, предъ размѣрами его. Стоитъ, однако, такому читателю осилить любую главу любого тома его „Исторіи“, для того, чтобы дочитать этотъ томъ до конца. И подъ обаяніемъ захватывающихъ сценъ, рисуемыхъ авторомъ, его оригинальныхъ мыслей и его удивительнаго стиля, онъ безъ сомнѣнія прочтетъ затѣмъ и весь трудъ. Одной ученостью такихъ результатовъ не достигаютъ. „Исторіи и легенды, — говоритъ самъ Грецъ, — нагроможденные предъ вами въ тысячахъ книгъ, напоминаютъ вавилонскую башню, если ихъ не объединяетъ живое чувство любви“. Эта-то любовь Грца къ своему народу, — вотъ то святое чувство, которое отъ первой строки до послѣдней водило его перомъ, когда онъ писалъ свою исторію. Однако, при всей своей любви къ еврейству, Грецъ такъ глубоко былъ проникнутъ сознаниемъ величія взятаго имъ на себя труда, что не считалъ себя въ правѣ утаить или смягчить невыгодные для еврейства факты и, подобно извѣстнаго рода адвокатамъ, представлять въ особенно выгодномъ свѣтѣ положительныя стороны еврейства, оставляя въ тѣни отрицательныя. Правду, одну неприкрашенную правду Грецъ изображалъ въ своей „Исторіи“, исходя изъ того убѣжденія, что подобно тому, какъ солнце остается величайшимъ свѣтиломъ при всѣхъ его пятнахъ, такъ и еврейство было, есть и останется великимъ народомъ, несмотря на всѣ его недостатки. И Грецъ былъ правъ. Въ его трудѣ мы имѣемъ настоящую, правдивую исторію еврейскаго народа.

Отъ этой общей характеристики главнаго труда Грца мы перейдемъ къ краткому очерку его не изобилующей внѣшними фактами, но богатой внутреннимъ содержаніемъ жизни.

Генрихъ (Гиршъ) Грецъ родился 31 октября 1817 г. въ городѣ Кшионѣ, въ Познанской провинціи. Городокъ, имѣющій честь считаться родиной перваго еврейскаго историографа, нынѣ еще представляетъ убогое мѣстечко, не насчитывающее и тысячи обитателей и извѣстное въ тѣсныхъ предѣлахъ Познанской провинціи — только тѣмъ, что въ немъ въ 1848 г. происходило нѣчто вродѣ сраженія между прусскими войсками и польскими инсургентами. Самое разумное, что родители юнаго Грца могли сдѣлать, это по возможности скорѣе удалить его изъ этого боло-

та. Такъ они въ дѣйствительности и сдѣлали, хотя нельзя сказать, чтобы новое мѣсто жительства, которое они для него избрали, было лучше стараго. Городъ Церковь, въ который онъ попалъ, оказался такимъ же медвѣжьимъ угломъ, какъ и Кшюнесъ. Просвѣтительное же учрежденіе, по просту именуемое хедеромъ, въ которомъ ему здѣсь предстояло получить свое первое образованіе, весьма плохо было приспособлено къ тому, чтобы развить въ талантливомъ ребенкѣ его природныя дарованія.

Каждому еврею извѣстно, что такое представляютъ собою хедера даже въ настоящее время. Нетрудно поэтому представить себѣ, чѣмъ они были какихъ-нибудь 75 лѣтъ тому назадъ. Сплошь и рядомъ это была темная грязная конура, одновременно служившая столовой и спальней для самого меламеда и его многочисленныхъ домочадцевъ, и тѣмъ, что теперь называютъ классной комнатою—для его еще болѣе многочисленныхъ учениковъ. Въ эту конуру набожные еврейскіе родители каждодневно съ ранняго утра доставляли, —нерѣдко на рукахъ,—своихъ дѣтей, начиная четырехлѣтнимъ крошками, и оставляли ихъ на попеченіи меламеда до поздняго вечера. Ученіе шло круглый годъ, безъ каникулъ, прерываясь на нѣсколько дней только по большимъ праздникамъ. Жалобъ на переутомленіе учащихся въ то время ни съ чьей стороны не раздавалось, да еврейскіе родители и не обращали бы на нихъ ни малѣйшаго вниманія. О чемъ-нибудь въ родѣ педагогической системы церковскіе мелаеды и представленія не имѣли. Палка и розга въ ихъ рукахъ были универсальнымъ средствомъ противъ нерадивости, лѣни, плохой памяти и прочихъ дѣтскихъ „пороковъ“.

Грецу, впрочемъ, здѣсь сначала было повезло. У перваго меламеда, къ которому онъ попалъ, онъ сдѣлалъ такіе быстрые успѣхи, что чрезъ короткое время родители нашли возможнымъ перевести его въ другой хедеръ, высшаго разряда. У новаго учителя пятилѣтнему Генриху, однако, не посчастливилось. Ему пришлось здѣсь испытать ту судьбу, какая выпадаетъ на долю всѣхъ талантливыхъ дѣтей, попавшихъ въ руки къ ограниченному и жестокому въ своей глупости педагогу. Даровитѣйшихъ своихъ учениковъ такіе школьные тираны считаютъ тупицами на томъ единственномъ основаніи, что они не желаютъ, да и не могутъ мириться съ ихъ желѣзной ферулой. Новый учитель маленькаго Греца всѣмъ и каждому рассказывалъ, что его строптивый ученикъ—совершеннѣйшая бездарность. Это несправедливое отношеніе къ

Генриху сильно возмущало перваго его меламеда, обучившаго его грамотѣ и успѣвшаго его полюбить за необыкновенныя способности. Въ одинъ прекрасный день онъ явился въ школу своего коллеги и, не говоря ни слова, взявъ своего бывшего ученика на руки и унесъ къ себѣ.

Сколько интеллектуальной мощи, сколько непреодолимой любви къ знанію и не-дѣтской силы воли должно было таиться въ душѣ этого ребенка, если онъ въ такихъ убійственныхъ условіяхъ могъ еще дѣлать успѣхи въ той мертвой „наукѣ“, которою мертвые люди его пичкали. Современная еврейская молодежь и представленія не имѣетъ о тѣхъ мытарствахъ, какія въ тѣ темныя времена приходилось претерпѣвать жаждущему какого ни на есть знанія еврейскому мальчику и чрезъ какія пытки долженъ былъ пройти будущій исторіографъ, пока онъ добился до источника настоящаго знанія.

Когда мальчику минуло тринадцать лѣтъ, родители отправили его для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ въ сосѣдній городъ Вольштейнъ. О пребываніи юнаго Греця въ этомъ городѣ одинъ изъ старыхъ друзей историка рассказываетъ слѣдующее: „Приблизительно въ 1830 г. г-жа Грецъ, — простая, но замѣчательно умная еврейка, — привезла своего тринадцатилѣтняго сына въ ея родной городъ Вольштейнъ. Пріотивъ его у своихъ бѣдныхъ родственниковъ, она для основательнаго изученія Талмуда дала ему въ учителя мѣстнаго раввина. Замѣчательно прилежнаго и жаждавшаго знанія Генриха, однако, и тогда уже привлекать къ себѣ не одинъ Талмудъ. Не оставляя послѣдняго, онъ сталъ изучать... французскій языкъ, благо подъ руки ему случайно подвернулся старый учебникъ этого языка; доставъ затѣмъ грамматику нѣмецкаго языка, онъ съ неменьшимъ рвеніемъ принялся и за послѣдній. Онъ самъ былъ своимъ учителемъ; кругомъ него не было ни одного человѣка, кто могъ бы придти ему на помощь совѣтомъ или указаніями. Своей желѣзной волей и неутолимой умственной жаждой онъ одолѣвалъ все трудности, не обращая вниманія ни на голодъ и холодъ, ни на крайнюю нужду вообще, въ какой ему въ то время приходилось жить. Въ одинъ зимній вечеръ я какъ-то заглянулъ къ нему. Онъ былъ въ постели, такъ какъ въ его комнатѣ былъ такой же собачій холодъ, какъ на дворѣ. У убогой кровати стояла скамейка, а на ней масляная лампочка, еле-еле освѣщавшая одинъ уголъ комнаты. Грецъ былъ по самый подбородокъ окутанъ въ

одѣяло: видны были одни полузамерзшіе концы пальцевъ одной руки, державшіе книгу, которую онъ, повидимому, читалъ съ большимъ увлеченіемъ“.

Въ этой ужасной обстановкѣ Грець прожилъ ровно пять лѣтъ. Въ теченіе этого времени онъ, однако, успѣлъ весьма многому научиться и значительно расширить свой кругозоръ. У него тогда уже стали обозначаться довольно широкія воззрѣнія на Библию и Талмудъ. Но онъ инстинктивно чувствовалъ, что ему еще многого недостаетъ. И со всѣмъ пыломъ своей неудовлетворенной души онъ рвался изъ душевной атмосферы, чувствуя, что она изведетъ его и умственно и физически.

Въ то время въ ортодоксальныхъ кругахъ восточной Пруссіи гремяло имя молодого ольденбургскаго раввина Самсона Рафанла Гирша, прославившагося вполѣдствіи вождя консервативнаго еврейства Германіи. Старые правовѣрные равнины познанскихъ городковъ видимо не въ состояніи были уже тогда удовлетворять духовнымъ запросамъ еврейской молодежи, чужавшей въ воздухѣ дыханіе какой-то новой жизни; эти равнины, роясь всю свою жизнь, въ старыхъ еврейскихъ фоліантахъ, не понимали однако священнаго Писанія, не умѣли даже правильно читать еврейскіе тексты. Были, правда, между ними счастливыя исключенія, но въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти почтенные пастыри не знали ни древне-еврейскаго, ни нѣмецкаго языка, говорили на варварскомъ жаргонѣ и въ итогъ, при всей своей мнимой учености, были въ сущности большими невѣждами. Въ этой затхлои средѣ восемнадцатилѣтній Грець не могъ, разумѣется, найти того идеала, къ которому его тянуло.

Его, воспитаннаго въ строгихъ правилахъ вѣры и благочестія, также мало, съ другой стороны, могли удовлетворять и свободомыслящіе проповѣдники религіозныхъ реформъ. Онъ искалъ середины, примиренія между неподвижной догмой и критической мыслью. Этого примирителя онъ нашелъ въ новой звѣздѣ, возшедшей на горизонтъ еврейства, въ ольденбургскомъ равнинѣ. Случайно попавшая въ его руки брошюра Гирша привела молодого Греца въ восторгъ. Онъ сразу увидѣлъ въ немъ свой идеаль. Именно такъ, какъ онъ мечталъ, Гиршъ соединялъ въ своемъ лицѣ истинно ученаго еврея и просвѣщеннаго нѣмца, человѣка вѣрующаго и мыслящаго, пастыря и вождя. Это былъ какъ разъ тотъ человѣкъ, какой, по мнѣнію Греца, нуженъ былъ тогдашнему консервативному еврейству, темному, безпомощному, сбитаго съ толку новымъ вѣяніями.

Къ нему то Грецъ и обратился съ просьбой взять его въ свои ученики. Гиршъ охотно согласился, отвѣтивъ ему письмомъ, въ которомъ онъ между прочимъ высказывалъ мысль, что учитель долженъ еще болѣе стремиться учить, чѣмъ ученикъ—учиться. Грецъ переѣхалъ въ Ольденбургъ и провель въ этомъ городѣ нѣсколько лѣтъ, совершенствуясь въ еврейскомъ богословіи и въ то же время посѣщая мѣстную гимназію, для того, чтобъ впоследствии поступить въ университетъ.

Гиршъ вскорѣ успѣлъ полюбить своего ученика и сдѣлался для него не только наставникомъ, но и покровителемъ и опекуномъ. Грецъ же прямо боготворилъ его. Онъ съ восторгомъ слушалъ его проповѣди и зачитывался его „Письмами о еврействѣ“, въ которыхъ молодой равинъ страстно и горячо протестовалъ противъ реформъ въ области еврейской обрядности съ одной, и массовыхъ переходовъ германскихъ евреевъ въ лютеранство, съ другой стороны. Книга эта вообще имѣла огромное вліяніе на Грца и, можно сказать, опредѣлила его воззрѣнія на еврейство. Подобно своему духовному отцу, Грецъ въ то время также благоговѣлъ передъ „историческимъ еврействомъ“, негодовалъ на реформаторовъ и мечталъ сдѣлаться... равинномъ по образцу Гирша, о которомъ онъ, — кстати прибавимъ, — въ теченіе всей своей жизни сохранилъ самыя свѣтлыя воспоминанія, какъ о единственномъ учителѣ своемъ въ истинномъ значеніи этого слова.

На 23-мъ году жизни Грецъ окончилъ гимназію и рѣшилъ перейти въ бреславльскій университетъ. До поступленія въ послѣдній онъ воспользовался каникулярнымъ временемъ, для того, чтобы погостить въ родномъ Кшюнсѣ. Здѣсь онъ впервые узналъ свою будущую супругу. Въ очеркѣ жизни Грца нельзя не удѣлить нѣсколько словъ этой благородной въ своей простотѣ и любвеобильной женщинѣ, разумными совѣтами своими не разъ предупреждавшей ошибки, въ которыя Грецъ при своей непримиримой, прямолинейной натурѣ такъ легко впадалъ.

Въ Бреславлѣ Грецъ весьма усердно занимался, основательно изучая на филологическомъ („философскомъ“) факультетѣ классическія литературы, новые языки и философію, и въ то же время продолжая совершенствоваться въ своей специальности, еврейской исторіи и литературѣ.

Равинномъ въ Бреславлѣ въ то время былъ знаменитый Гейгеръ вмѣстѣ съ Филиссономъ и Гольдгеймомъ стоявшій во главѣ еврейскаго реформаціоннаго движенія, переживавшаго тогда

свой Sturm - und - Drang - Periode. То была дѣйствительно эпоха „бури и натиска“ либеральной еврейской интеллигенціи, въ своемъ стремленіи все реформировать, доходившей до глубоко-оскорбительныхъ для вѣрующихъ евреевъ крутыхъ новшествъ, въ родѣ устраненія изъ богослуженія еврейскаго языка, произвольнаго „исправления“ молитвенниковъ и т. п. Возмущенный этимъ „кощунствомъ“ Грець-студентъ разразился противъ Гейгера статьей, въ которой рѣзко раскритиковалъ его, какъ равина и „реформатора“. Этой статьей молодой ученый впервые обратилъ на себя вниманіе еврейской интеллигенціи. Что статья эта попала въ цѣль, можно судить по тѣмъ яркимъ нападкамъ, какимъ молодой ученый подвергался за нее со стороны бреславльскихъ прогрессистовъ.

Въ этомъ первомъ публицистическомъ опытѣ Греца замѣчается еще нѣкоторая тяжеловатость стиля. Это далеко еще не та блестящая, плавная рѣчь, которая такъ легко лилась изъ - подъ пера Греца впоследствии; но тутъ во всякомъ случаѣ нѣтъ и поверхностной болтовни, стремленія много наговорить и ничего въ сущности не сказать. Грець, наоборотъ, и въ этой первой работѣ своей въ немногихъ словахъ говоритъ очень много, говоритъ мѣтко и сильно, какъ человѣкъ убѣжденный и умѣющій отстаивать свои убѣжденія. Мало того, Грець и въ этомъ трудѣ уже весьма остроумно формулируетъ господствующія идеи большихъ историческихъ эпохъ и устанавливаетъ между ними преемственную связь.

Слѣдующей большой и самостоятельной работой Греца явилось его изслѣдованіе: „Гностицизмъ и Еврейство“, посвященное имъ „Его преподобію Господину Окружному равину Самсону-Рафаилу Гиршу, просвѣщенному борцу за историческое еврейство, незабвенному учителю и другу, въ знакъ любви и признательности“. Это посвященіе, кстати замѣтимъ, лучше всего доказываетъ, какъ ошибались тѣ, которые тогда уже считали молодого Греца противникомъ его учителя. Разрывъ же, который между ними дѣйствительно произошелъ позже, въ сороковыхъ годахъ, былъ вызванъ не Грецемъ а самимъ Гиршемъ къ тому времени вернувшимся въ лагерь крайнихъ ортодоксовъ. Грець же, какъ мы видѣли, уже въ тридцатыхъ годахъ порвалъ съ этимъ лагеремъ. Онъ тогда уже говорилъ о макаеевскихъ псалмахъ, смотрѣлъ на Талмудъ не ослѣпленными фанатизмомъ глазами и съ восторгомъ привѣтствовалъ свободную критику Цунца. Вообще же замѣтимъ, что во взглядахъ своихъ на еврейскую исторію и религію Грець оставался неизмѣнно вѣренъ себѣ въ теченіе всей своей жизни. И

это, конечно, дѣлаетъ ему большую честь. Коренная перемѣна въ національно-религіозныхъ взглядахъ нерѣдко, правда, является результатомъ большой внутренней ломки, но все же въ подобныхъ случаяхъ невольно возникаетъ иногда сомнѣніе, не произошелъ ли такой крутой перевероть подъ вліяніемъ чисто внѣшнихъ соображеній.

Только что названное изслѣдованіе Грецъ, по окончаніи университета, написалъ для полученія степени доктора философіи, которую онъ и получилъ въ 1845 г. Приурочивая это изслѣдованіе къ волновавшимъ современное еврейство національно-религіознымъ вопросамъ, Грецъ сюжетомъ для него избралъ догматическіе споры одной изъ раннихъ эпохъ еврейской исторіи, когда іудейство на своей родной почвѣ впервые столкнулось съ чуждымъ ему ученіемъ и, помѣрившись съ нимъ силами, навсегда его отвергло. Дѣло идетъ здѣсь о борьбѣ, въ первые вѣка христіанской эры, возгорѣвшейся между еврействомъ, съ одной стороны, и ученіями гностиковъ, александрійцевъ и другихъ мистическихъ сектъ къ нимъ примыкавшихъ, съ другой. Грецъ показываетъ, что еврейство вышло изъ этой борьбы такимъ же невредимымъ и чистымъ, какимъ оно до того вышло изъ болѣе долгой еще борьбы съ язычествомъ.

„Съ этой стороны, многозначительно замѣчаетъ въ концѣ своего изслѣдованія Грецъ,—разсматриваемая нами эпоха представляетъ очевидную аналогію съ переживаемымъ нами временемъ. Стоитъ лишь подставить на мѣсто гностическаго дуализма современный пантеизмъ со всѣми его послѣдствіями,—это модное ученіе, которому при помощи всякихъ софизмовъ измѣнническимъ образомъ стараются нынѣ подчинить юдаизмъ. И въ наше время нѣтъ недостатка въ открытыхъ или замаскированныхъ Ахерахъ; но, памятуя прошлое, мы не должны терять надежду на появленіе Акивъ“.

Эти прозрачныя намеки на пантеистовъ Гете и Шеллинга и на Ахеровъ—Гейгеровъ и Филипсоновъ, которыхъ сотрутъ съ лица еврейской земли Акивы—Гирши, какъ будто не совсѣмъ умѣстны въ серьезномъ и чисто научномъ изслѣдованіи, тѣмъ болѣе, что въ своемъ полемическомъ задорѣ молодой консерваторъ увлекается до того, что насилуя историческую правду, объявляетъ Ахера вѣроотступникомъ и ренегатомъ. Акиву же—идеаломъ человѣка и еврея.

Всѣ эти полемическія рѣзкости, легко объясняемыя страстностью момента и отъ которыхъ Грецъ въ послѣдствіи совершенно излѣчился, не умаляютъ однако чисто-научныхъ достоинствъ его труда. Рядомъ весьма остроумныхъ историческихъ параллелей Грецъ освѣщаетъ въ этомъ трудѣ одно изъ любопытнѣйшихъ движеній въ еврей-

ствѣ. Попутно же онъ разъясняетъ весьма много темныхъ мѣстъ въ Талмудѣ, до него оставшихся совершенно „мертвыми“.

Большимъ счастьемъ для самого Греца и для еврейской науки слѣдуетъ, конечно, считать то, что надежды его на получение мѣста равина — проповѣдника въ какой-нибудь большой еврейской общинѣ, не увѣнчались успѣхомъ. Отъ равина, какъ отъ официального представителя общины и присяжнаго проповѣдника, требуется, какъ извѣстно, не столько внутреннія достоинства, сколько чисто-внѣшнія: представительная наружность и умѣніе красно говорить. Сплошь и рядомъ, между тѣмъ, люди весьма способные и знающіе, совсѣмъ не презентабельны и довольно плохо владѣютъ устной рѣчью. У такихъ людей, когда они очутятся лицомъ къ лицу съ большой толпой, очень часто не хватаетъ мужества и умѣнія сказать самую несложную рѣчь. Робость передъ массой слушателей у иныхъ весьма толковыхъ и совсѣмъ не трусливыхъ людей доходитъ до того, что начиная какую-нибудь рѣчь, они нутаются, перескакиваютъ съ одного предмета на другой и говорятъ совсѣмъ не то, что они хотѣли сказать.

Изъ такихъ „ораторовъ“ былъ и Грець. Въ одномъ городѣ, гдѣ онъ выставилъ свою кандидатуру въ равины, ему, по издавна заведенному обычаю, предложили сказать въ синагогѣ пробную проповѣдь. Грець взомель на амвонъ и приступилъ было къ произнесенію своей заблаговременно приготовленной рѣчи, но оробѣлъ, застрялъ на первой же фразѣ и, сильно сконфузившись, долженъ былъ ретироваться. Онъ такимъ образомъ на опытѣ убѣдился, что роль равина не по немъ. Его мѣсто въ самомъ дѣлѣ было не на амвонѣ проповѣдника, а въ кабинетѣ ученаго, его аудиторія была не тамъ или другая община, а весь еврейскій народъ.

Отказавшись отъ равинства, Грець съ университетскимъ дипломомъ въ карманѣ пріѣхалъ въ Берлинъ, рассчитывая пристроиться здѣсь къ какому-нибудь ученому учрежденію и отдаться задуманной имъ уже тогда „Исторіи Евреевъ“. Но послѣ долгихъ поисковъ ему удалось найти только весьма скромное мѣсто завѣдующаго одной начальной еврейской школой. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, однако, и эта школа была закрыта, и Грецу пришлось уѣхать изъ Берлина. Послѣ двухлѣтнихъ исканій онъ снова получилъ такую же должность, — завѣдующаго еврейской школой въ Линденбургѣ, подъ Вѣной. Мѣсто было весьма скромное, но Грець принялъ его, надѣясь, что оно дастъ ему возможность основательно заняться своей „Исторіей“. Планъ этого колоссальнаго труда къ

тому времени былъ у него уже почти совсѣмъ готовъ. Кое-какъ устроившись въ Липденбургъ и женившись, онъ приступилъ къ обработкѣ исторіи талмудической эпохи, наиболѣе ему знакомой и наименѣе въ то время извѣстной. Работѣ этой Грецъ въ теченіе трехъ лѣтъ удѣлялъ всѣ свои свободные отъ школьныхъ занятій часы, и къ 1853 году закончилъ первый по времени выхода и *четвертый* по порядку томъ своей „Исторіи“, обнимающей исторію евреевъ отъ разрушенія Іерусалима римлянами до заключенія Талмуда (70—500 гг.). Съ рукописью въ карманѣ Грецъ отправился въ Берлинъ, и здѣсь, въ лицѣ нѣкоего Фейта, нашелъ для нея вскорѣ издателя. Книга вышла въ концѣ того же 1853 года.

Старый учитель Греча, Гиршъ, оказалъ ему при этомъ огромную услугу. Бывшій ольденбургскій равинъ посвятилъ нѣсколько сотъ горячо написанныхъ страницъ на то, чтобы въ нухъ и прахъ разнести первый томъ „Исторіи“ своего бывшего ученика. Почтенный зондъ добился, однако, результатовъ діаметрально противоположныхъ тѣмъ, какихъ онъ ожидалъ. Нелицепріятные судьи рѣшили, что книга, на которую нападаютъ съ такимъ азартомъ, съ такой, можно сказать, пѣной у рта, должна во всякомъ случаѣ представлять нѣчто выдающееся. Книгой заинтересовались, ее стали читать, разбирать въ журналахъ и—превозносить. Имя Греча было у всѣхъ на устахъ. Ни одна неумѣренная похвала со стороны его друзей не могла бы сослужить ему такую службу, какъ яркая нападкѣ на него его стараго учителя.

Для того, чтобы по достоинству оцѣнить и этотъ первый, и всѣ послѣдовавшіе за нимъ томы „Исторіи“ Греча, стоитъ лишь сравнить послѣднюю съ такой же исторіей, за 35 лѣтъ до того написанной Іостомъ. При всей учености послѣдняго, такое сравненіе окажется для него крайне невыгоднымъ. Трудъ Іоста былъ, такъ сказать, исторіографическимъ „покушеніемъ съ негодными средствами“. Ни специальныхъ изслѣдованій по еврейской исторіи ни научной критики въ то время, когда онъ сочинялъ свою „Исторію Израильтянъ“ и въ поминѣ еще не было. Матеріаломъ для него служили исторія Іосифа Флавія и средневѣковыя хроники. Не анализируя и не обобщая фактовъ, онъ удовольствовался однимъ изложеніемъ ихъ, нисколько не заботясь объ освѣщеніи событій, выясненіи характеровъ эпохъ и историческихъ лицъ. И въ результатѣ вмѣсто одухотворенной мыслью и согрѣтой любовью автора широкой исторической картины получился сухой и безжизненный протоколъ.

Отъ этого лѣтописнаго протокола до историческаго монумента, созданнаго Грецомъ—неизмѣримое разстояніе. Но для того, чтобы это разстояніе пройти, надо было употребить колоссальныя усилія, совершить сизифовъ трудъ. Ни у одного народа исторія не охватываетъ такой громадный періодъ времени и столь многообразныя культуры, какъ у евреевъ: историку послѣднихъ приходится имѣть дѣло съ народомъ, живущимъ три тысячи лѣтъ и во всѣхъ концахъ земного шара. Для того, чтобы охватить такую необъятную сферу исторической жизни, необходимы не только совершенно исключительныя знанія, но и необыкновенное трудолюбіе, въ особенности, когда исторіографъ не довѣряетъ другимъ, а желаетъ все черпать изъ первыхъ источниковъ.

Для единственнаго въ своемъ родѣ труда Греца абсолютно не годятся тѣ мѣрки, какія обычно примѣняются къ исторіографическимъ трудамъ у другихъ націй. Большинство новѣйшихъ историковъ имѣютъ дѣло съ эпохами и народами, всесторонне обследованными и неоднократно описанными. Ученые, во второй половинѣ XIX столѣтія, писавшіе исторію Греціи или Рима, Германіи или Франціи, безъ сомнѣнія приносили своимъ читателямъ большую пользу. Но такъ какъ все существенное въ этой области было сдѣлано уже до нихъ, событія, эпохи и лица подробно описаны и съ различныхъ сторонъ освѣщены, то новымъ историкамъ оставалось лишь дополнять и исправлять своихъ предшественниковъ. Совершенно не то предстояло Грецу, когда онъ принимался за свой трудъ. Представьте себѣ архитектора, который задумалъ постронть домъ по всѣмъ правиламъ современнаго зодчества, но у котораго нѣтъ ни рабочихъ, ни подрядчиковъ, а вмѣсто строительныхъ матеріаловъ однѣ кучи глины, песку, да необдѣланныхъ каменныхъ глыбъ. Въ такомъ именно положеніи былъ Грець, когда онъ приступалъ къ своему труду. Ему самому приходилось мѣсить глину, дѣлать цементъ, тесать камни, копать ямы, возводить стѣны, настилать полы, вставлять окна. Безъ чьей либо помощи, одиѣми своими руками и по собственному своему плану онъ, однимъ словомъ, долженъ былъ исполнить и всю черную работу, и всю „чистую“ отдѣлку. И онъ ее исполнилъ, и исполнилъ къ тому же не только какъ добросовѣстный строитель, но и какъ первоклассный художникъ... Груды мусора подъ его волшебной рукой превратились въ великолѣпный многоэтажный дворець...

Отъ „Исторіи“ Гретца не вѣетъ той архивной пылью, которой авторъ ея долженъ былъ изрядно наглотаться во время

своей многолѣтней работы, Грець не щеголяетъ своей ученостью, не загромождаеть свой текстъ бесполезными для публики цитатами. Онъ не желаетъ imponировать читателю, и ученый аппаратъ свой сводитъ къ необходимѣйшему минимуму. Задавшись цѣлью написать не только ученую, но и доступную всеѣмъ и каждому исторію евреевъ, Грець, съ другой стороны, вовсе не стремится къ холодной объективности; какъ живой, мыслящій и глубоко чувствующій человекъ, онъ пишетъ свою исторію кровью своего сердца и сокомъ своихъ нервовъ: читатель на каждой страницѣ видитъ, какъ глубоко событія, имъ описываемыя, трогаютъ его самого. Въ большое заблужденіе впадаютъ вообще тѣ, которые думаютъ, что историкъ непремѣнно долженъ быть безстрастно-объективенъ, между тѣмъ, какъ единственная его обязанность—быть правдивымъ. Онъ не долженъ искажать фактовъ въ угоду какой-либо узко-партийной доктринѣ, но читатель хочетъ и можетъ знать, на чьей сторонѣ его симпатіи. И Грець въ его глазахъ весьма много выигрываетъ отъ того, что когда онъ его читаетъ, то всегда слышитъ биснія его сердца и знаетъ, кому именно онъ сочувствуетъ, — жертвамъ или палачамъ. Грець по этому не только просвѣщаетъ, но и увлекаетъ и ободряетъ, вселяя въ читателя вѣру въ несокрушимую духовную мощь своего народа и надежду на лучшее его будущее. Сколько колеблющихся осталось въ лонѣ еврейства только благодаря ему, сколько незнающихъ и равнодушныхъ, благодаря ему, успѣли узнать и полюбить свой народъ!

Въ 1854 г. въ положеніи Греца произошла большая и важная перемѣна, опредѣлившая всю его дальнѣйшую ученую карьеру. Онъ получилъ кафедру исторіи и литературы въ основанной въ этомъ году въ Бреславлѣ еврейской богословской семинаріи. Это мѣсто обезпечило его матеріально на всю жизнь и поставило въ наилучшія условія для продолженія его труда. Нашлось затѣмъ учрежденіе, избавившее его и отъ хлопотъ по прінсканію издателей для слѣдующихъ томовъ его „Исторіи“. Основанный въ 1855 г. нѣсколькими еврейскими учеными Германіи и обладавшій значительными средствами „Институтъ еврейской литературы“, взялъ на себя изданіе всего труда Греца. Въ 1856 г. институтъ издалъ второй по времени выхода и третій по порядку томъ его „Исторіи“, обнимающій эпоху Макавеевъ и римскаго владычества, а чрезъ три года еще одинъ, пятый въ хронологическомъ порядкѣ томъ, обнимающій время отъ заключенія Талмуда до паденія вавилонскаго гаоната (500—1040),

Вошедши такимъ образомъ,—по его же выраженію въ колею, Грець затѣмъ съ 1859 по 1870 годъ выпускаетъ подрядъ семь томовъ, обнимающихъ часть средней, новую и новѣйшую исторію евреевъ до половины XIX столѣтія. Покончивъ такимъ образомъ съ исторіей послѣднихъ двухъ тысячелѣтій, Грець возвращается къ древнѣйшему, библейскому періоду и въ 1873—1874 г.г. выпускаетъ послѣдніе по времени выхода и первые въ хронологическомъ порядкѣ два тома своей исторіи. Весь трудъ, обнимающій 30 вѣковъ еврейской исторіи, былъ такимъ образомъ совершенно оконченъ.

Двадцать три года непрерывной тяжелой работы, потраченные на созданіе этого колоссальнаго труда, ни мало, однако, не утомили его творца. Грець и по окончаніи своей „Исторіи“ продолжалъ работать не покладая рукъ. Читая лекціи въ семинаріи и университетѣ, онъ продолжалъ исправлять и дополнять текстъ своей „Исторіи“ на основаніи новыхъ историческихъ данныхъ и изслѣдованій, и въ то же время писалъ одну статью за другой для ученаго ежемѣсячника („Monatschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judenthums“), который самъ же и редактировалъ. Статьи эти почти всѣ были посвящены весьма важной и чрезвычайно кропотливой работѣ, предпринятой въ то время Грецомъ; — критическому пересмотру библейскаго текста. Изъ этихъ экзегетическихъ трудовъ особенную цѣнность представляетъ обширный критическій комментарий къ Псалмамъ, изданный въ 1882 г.

31 октября 1887 г. еврейство торжественно чествовало Греца по случаю его 70-лѣтія, въ этотъ день исполнившагося. Торжество это носило международный характеръ. Не одно ученое, но и все образованное еврейство вообще во всѣхъ странахъ въ этотъ день доказало, какъ высоко оно цѣнитъ своего національнаго исторіографа, въ теченіе всей своей жизни высоко державшаго знамя науки и въ то же время трудившагося не ради самой науки, а ради своего горячо-любимаго народа, его просвѣщенія, его національнаго самосознанія.

Великія почести, въ этотъ день оказанныя Грецу, не ставили его, однако, опочить на лаврахъ. На другой же день послѣ своего юбилея семидесятилѣтній старецъ съ чисто юношескимъ рвеніемъ принялся за новый, давно задуманный и чрезвычайно полезный трудъ, въ которомъ ощущалась настоятельная потребность: переработку своей многотомной, дорогой и не всѣмъ поэтому доступной „Исторіи“ для народнаго употребленія.

Огромный трудъ Греця отъ этой, сдѣланой рукою первокласснаго мастера, передѣлки нимало не потерялъ ни въ художественной своей кратотѣ, ни въ фактическомъ содержаніи. Грецъ сократилъ его только въ научно-критическомъ отношеніи, и 12-ти томный трудъ превратился въ трехтомную „Народную Исторію Евреевъ“, представляющую образцовый компендіумъ для народнаго чтенія.

Но Грецъ и на этомъ не успокоился, и до самаго конца жизни продолжалъ трудиться, перерабатывая на основаніи новыхъ изслѣдованій то одинъ, то другой томъ своей Исторіи, и въ то же время продолжая свои любимые труды по возстановленію первоначальнаго еврейскаго текста Библии. За этими трудами неожиданно, 7 сентября 1891 г. его застигла смерть.

Если бы Грецъ не обладалъ той скромностью, какая свойственна всѣмъ истинно-великимъ людямъ, то, умирая, онъ смѣло и съ полнымъ правомъ могъ бы сказать о себѣ, что онъ самъ, своими руками, воздвигъ себѣ памятникъ, къ которому „не заростетъ народная тропа, доколѣ живъ будетъ“ еврейскій народъ. Да, до тѣхъ поръ, пока этотъ народъ не устанетъ жить и бороться, онъ въ благодарномъ сердцѣ своемъ будетъ свято хранить память о человѣкѣ, увѣковѣчившемъ его безиримѣрное прошлое въ величественномъ историческомъ монументѣ, который на всегда останется источникомъ свѣта и вдохновенія, скорби и негодованія, восторга и умиленія, вѣры и надежды для страждущей еврейской души.

Предисловіе.*)

Меня нерѣдко и частнымъ образомъ и въ печати упрекали въ томъ, что я свою „Исторію Евреевъ отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго“ началъ не съ библейской эпохи, а съ талмудической, или, выражаясь по-типографски, не первымъ томомъ, а третьимъ. Лица, наивно или лукаво выражавшія мнѣ по этому поводу свое удивленіе, очевидно знали, — либо притворялись, будто они не знаютъ, — какія громадныя трудности представляетъ обработка того періода еврейской исторіи, главными источниками для котораго служитъ библейская литература. Трудности эти про-

*) Предисловіе это, какъ и слѣдующее за нимъ введеніе написаны Грецомъ спеціально для перваго тома его „Исторіи“.

истекають не отъ бѣдности, а, наоборотъ, отъ обилія изслѣдованій, которыя эта литература вызвала. Въ Библии не найдется ни одного мѣста, которое не было бы сотни разъ предметомъ спеціального изслѣдованія. Для богослововъ, въ глазахъ которыхъ каждое слово священнаго Писанія имѣетъ исключительную важность, монографіи эти имѣютъ, конечно, огромную цѣну. Исторіографы же этотъ подавляющій своимъ изобиліемъ матеріалъ можетъ скорѣе сбить съ толку, чѣмъ навести на путь. Довѣрившись этимъ руководителямъ, онъ рискуетъ получить головокруженіе и потерять всякое равновѣсіе. Самое благоразумное, что онъ съ этой беспорядочной литературой можетъ сдѣлать, это совершенно ею пренебречь и обратиться непосредственно къ первоисточникамъ. Однако и этотъ путь не ведетъ прямо къ цѣли. Для того, чтобы пользоваться первоисточниками недостаточно одного историческаго чутія и спеціального знанія древне-еврейскаго языка и литературы. Ибо несмотря на то, что эти первоисточники во всей своей совокупности существуютъ много вѣковъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы ихъ теперь знаемъ, изъ нихъ одни умудрялись вычитывать одно, другіе— другое, діаметрально-противоположное. Въ то время, какъ одни превозносили Библию до небесъ и въ каждомъ словѣ ея, чуть ли не въ каждой ея буквѣ видѣли спасительную истину, другіе попирали ее ногами, какъ „жидовскія басни“. Изображеніе библейской эпохи, данное супрунатуралистами, такъ далеко отъ картины той же эпохи, которую въ различныхъ видахъ рисовали рационалисты, что если бы не одни и тѣ же имена, то читатель едва ли могъ бы догадаться, что дѣло идетъ объ одномъ и томъ же народѣ.

Для правильнаго пониманія Библии и для того, чтобы составить себѣ собственное мнѣніе объ изображаемой ею эпохѣ, безусловно необходимо кое-что такое, чего ни историческое чутіе, ни основательныя филологическія познанія замѣнить не могутъ. Этотъ первоисточникъ древнѣйшей исторіи евреевъ надо читать въ той самой странѣ, въ которой онъ впервые явился, а мѣста, гдѣ происходили библейскія событія надо осматривать съ самой Библией въ рукахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я впервые сталъ заниматься древней исторіей, я всегда и рѣшительно держался того мнѣнія, что ключъ къ разгадкѣ многаго загадочнаго и темнаго въ Библии можно найти только на ея родинѣ. Съ моей стороны было бы поэтому весьма большой смѣлостью, еслибъ я взялся за исторію Палестины, не видавъ ея самой и зная ее только изъ книгъ. Весною 1872 г. мнѣ удалось, наконецъ, увидѣть и изучить страну праотцевъ. И только

это путешествіе дало мнѣ возможность и внушило мнѣ мужество приступить въ разработкѣ древнѣйшей исторіи евреевъ.

Античныхъ сокровищъ я во время своей поѣздки по Палестинѣ никакихъ не открылъ; раскопокъ, съ помощью которыхъ я могъ бы въ точности установить первоначальное положеніе всѣхъ сомнительныхъ мѣстностей, я не имѣлъ возможности дѣлать. Но я этими цѣлями вовсе и не задавался, я только хотѣлъ придти въ непосредственное соприкосновеніе съ природой замѣчательной страны, которая до сихъ поръ осталась той же, какой она была во времена Авраама, Иошуи, Давида, Иешаи, Эзры и Макавеевъ. Горы и холмы, глубокія долины, ихъ окружающія, море, шумящій весною Иорданъ, снѣжныя вершины Хермона и Ливана, тропическій зной у Мертваго моря, великолѣпныя ущелья вокругъ источниковъ Иордана и у подножья Хермона, зеркальная гладь Тиверіадскаго озера и его бьющіе фонтаномъ горячіе ключи, удивительно прозрачный воздухъ и наконецъ, это регулярное выпаденіе дождей каждый годъ въ одно и тоже время,—все это осталось такимъ же, какимъ было тысячи лѣтъ тому назадъ. Все это, и только это одно, служитъ надежнѣйшимъ комментариемъ къ Библіи, и ключемъ для пониманія темныхъ мѣстъ библейской исторіи своеобразной библейской поэзіи. Страна, нѣкогда изобиловавшая млекою и медомъ, правда, измѣнилась и современный путешественникъ встрѣчаетъ здѣсь повсюду страшное опустѣніе. Горныя вершины большей частью оголены; романтическіе львы пантеры, гіены и медвѣди исчезли вмѣстѣ съ лѣсными чащами; изъ пальмовыхъ рощъ остались кое-гдѣ одинокія деревья; гавани занесены пескомъ, а вмѣсто широкихъ дорогъ имѣются однѣ тропинки для всадниковъ. Поля большей частью не воздѣлываются,—но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ туземцы ихъ обрабатываютъ, земля даетъ обильные урожаи; долины покрыты дикими растеніями вышиною въ человѣческую ростъ и имѣютъ видъ тучныхъ нивъ и густо покрытыхъ цвѣтами луговъ; оливковыхъ деревьевъ еще довольно много, хотя густыми рощами онѣ уже не встрѣчаются; кое-гдѣ попадаются сады золотистыхъ, ароматныхъ апельсиновъ и сочныхъ винныхъ ягодъ. То свидѣтели былого изобилія обѣтованной страны, того незапамятнаго времени, когда горы ея еще были покрыты дремучими лѣсами, а долины—дававшими богатѣйшіе урожаи полями. Но даже и по той картинѣ, какую эта страна нынѣ представляетъ, не трудно представить себѣ, что она нѣкогда дѣйствительно должна была „течь млекою и медомъ“.

Однако, при всей важности и даже необходимости личного осмотра и изучения Палестины въ интересахъ правильнаго пониманія Библии,— одной такой „аутопсіи“ для этого все же недостаточно. Многія путешественники,— англичане, американцы, французы,— въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій объѣхали эту страну вдоль и поперекъ, дѣлая историческія или археологическія изысканія, и все же они очень мало подвинули впередъ библейскую исторію. Объясняется это тѣмъ, что они не знали первобытнаго языка страны и должны были поэтому довольствоваться переводами; эти же переводы, сдѣланные по септуагинтѣ или вулгатѣ, безусловно ненадежны. Но даже и тѣ изслѣдователи, которые пріѣхали въ Палестину съ знаніемъ древне-еврейскаго языка, сплошь и рядомъ изображали историческія событія, въ ней пронеходившія, въ ложномъ свѣтѣ, такъ какъ они ихъ либо совсѣмъ не понимали, либо не дерзали критиковать библейскій текстъ изъ религіозныхъ соображеній. Недостаточность критическаго чутія или мужества мѣшала имъ видѣть и наблюдать неутуменнымъ и безпристрастнымъ взоромъ. А между тѣмъ только наблюденія надъ ареной историческихъ событій въ соединеніи съ тщательной критикой источниковъ могутъ дать правильный взглядъ на причины, внутреннюю связь и относительное значеніе историческихъ событій. Критика изощряетъ зрѣніе историка, а наблюденія регулируютъ самую критику.

Недовѣріе, инымъ питаемое къ критическому анализу библейскихъ источниковъ, къ тому же ничѣмъ не можетъ быть оправдываемо. Какъ историческій матеріалъ, Библия не можетъ претендовать на особыя привилегіи, дѣлающія ее неприкосновенною въ глазахъ теологовъ. Отъ критическаго анализа библейская исторія не только ровно ничего не теряетъ, но, наоборотъ, выигрываетъ въ достовѣрности, величинѣ и красотѣ. Между тѣмъ только путемъ примѣненія къ пей тѣхъ же методовъ, какіе принято примѣнять къ изслѣдованію историческихъ первоисточниковъ другихъ народовъ, мы можемъ добиться того, что лукаво-мудрствующіе враги наши перестануть, наконецъ, съ такой безцеремонностью и презрѣніемъ третировать еврейскій народъ, какъ выродившуюся расу, лѣтопись его какъ „жидовскую исторію“, а его ученіе — какъ „религію орды“. Изъ Библии, критически очищенной отъ всего апокрифическаго — наноснаго, во всей своей импозантности выступаютъ своеобразныя черты еврейскаго народа, его вѣроученія, его исторіи и поэзи. Все же это въ совокупности вполне объясняетъ,

какимъ образомъ еврейство могло сыграть такую видную роль въ исторіи человѣчества. Новѣйшіе социальныя психологи, все богатство и блескъ исторіи приписывающіе одной арійской расѣ, а всю бѣдность и позоръ ея—семитической, убѣдились бы, что ихъ теоріи не выдерживаютъ критики и сильно понизили бы тонъ, если бы первоисточники исторіи евреевъ, которые имъ, впрочемъ, едва-едва знакомы, были освобождены отъ теологическихъ примѣсей и предстали бы предъ ними въ видѣ чисто-историческаго матеріала, трактуемаго по общимъ историческимъ законамъ. Иные изъ этихъ „психологовъ“ знаютъ исторію евреевъ только изъ полузабытыхъ школьныхъ учебниковъ, рисующихъ ее падкимъ до чудесъ дѣтямъ, какъ какой-то сказочный міръ. Знай они евреевъ и ихъ исторію съ болѣе надежныхъ источниковъ, они, можетъ быть, и вовсе не стали бы ихъ причислять къ семитической расѣ, и эту послѣднюю, во всякомъ случаѣ, не аттестовали бы столь безнадежно-тупой.

Историческая критика, къ которой приходитъ на помощь личныя наблюденія, на мѣстѣ сдѣланныя, даютъ историку мѣрило для надлежащей оцѣнки историческихъ преданій, заключающихся въ Библии, отнимаетъ у этого первоисточника еврейской исторіи его сказочный характеръ, и придаетъ его легендамъ значеніе дѣйствительныхъ событій. Съ присущимъ ему историческимъ чутьемъ Нибуръ высказалъ совершенно вѣрную мысль, что въ ряду преданій всѣхъ временъ и народовъ первоисточники еврейской исторіи отличаются наибольшою правдивостью и точностью. Наблюденія на мѣстѣ, гдѣ дѣлалась еврейская исторія, на каждомъ шагу доказываютъ, какъ вѣрна эта мысль великаго историка. Въ тѣхъ случаяхъ, когда Библия точно указываетъ мѣсто, гдѣ данное событіе произошло, вы, осмотрѣвъ это мѣсто, сразу убѣждаетесь въ наглядности и точности библейскаго его описанія. Находясь на мѣстѣ, вы мысленно можете прослѣдить ходъ историческихъ событій. Почти излишне углубляться затѣмъ въ вопросъ о томъ, принадлежатъ ли источники, передающіе данное событіе, къ ранней или позднѣйшей эпохѣ. Установленіе этого факта имѣетъ извѣстную цѣну лишь для сужденія объ общемъ положеніи, о законахъ страны и вообще о явленіяхъ болѣе или менѣе постоянныхъ, но не для оцѣнки тѣхъ и другихъ событій и ихъ связи съ другими, т. е. для явленій текущихъ. Въ послѣднемъ случаѣ важно лишь установить достовѣрность преданія,—а за это ручается опредѣленное указаніе мѣстности. Преданія, которыя мы находимъ въ книгахъ Іошуи, Судей, Самуи-

ла и Царей, постолько, поскольку въ нихъ даны топографическія указанія, потому самому оказываются вполне соответствующими исторической дѣйствительности, независимо отъ того, были ли они записаны раньше или позже. Само собой разумѣется, что рѣчи, историческими лицами въ извѣстныхъ случаяхъ произнесенныя, въ библейской передачѣ также мало могутъ претендовать на топографическую точность, какъ и тѣ разукрашенные разными риторическими фигурами монологи и діалоги, какіе греческіе и римскіе историки влагали въ уста своихъ героевъ. Живая рѣчь, если она не была въ точности записана во время самаго ея произнесенія, по самому характеру своему не можетъ быть впоследствии воспроизведена въ первоначальномъ ея видѣ. Съ теченіемъ же времени такая рѣчь подвергается разнымъ измѣненіямъ; ее „исправляютъ“, украшаютъ и нерѣдко придаютъ ей тенденціозную окраску. Точно тоже слѣдуетъ сказать и о числовыхъ данныхъ. Память ихъ не удерживаетъ, произвольно увеличивая или уменьшая ихъ даже и въ томъ случаѣ, если они точнѣйшимъ образомъ были записаны на мѣстѣ и въ моментъ самаго событія,— что, разумѣется, не всегда возможно. Относительно одного и того же событія мы въ разныхъ источникахъ часто находимъ поэтому различныя числовыя указанія. Болѣе точны хронологическія данныя, если они не приведены въ слишкомъ круглыхъ цифрахъ (ср. замѣтку о хронологіи, стр. 323 и дд.). Цифры сверхъ того могутъ быть ошибочно воспроизведены переписчиками. Дѣло критики въ такихъ случаяхъ возстановляетъ первоначальныя указанія.

Опредѣленныя топографическія данныя въ первоисточникахъ представляютъ, наоборотъ, нѣчто столь надежное, что они могутъ служить исторической критикѣ средствомъ для провѣрки самой дѣйствительности даннаго факта. Событія, въ библейскомъ описаніи которыхъ мѣстность указана въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, либо же совсѣмъ не указана, не могутъ считаться историческими фактами: они рассказаны съ дидактической цѣлью или съ извѣстной тенденціей. Дополненія къ книгамъ Царей служатъ въ этомъ отношеніи яркимъ примѣромъ. Тѣ преданія, въ нихъ рассказанныя, въ которыхъ точно указана мѣстность описываемаго событія, имѣютъ настоящую историческую цѣнность, тѣ же, въ которыхъ этихъ указаній нѣтъ, относятся къ области поучительныхъ или тенденціозныхъ вымысловъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о находящихся съ этими „Дополненіями“ въ связи книгахъ Ээры и Нехеміи, а также и о первой книгѣ Макавеевъ. Что же касается Пяти-

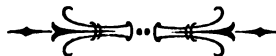
книжнїи, то лишь тѣ части его, въ которыхъ заключается фактическія данныя, имѣютъ важное значеніе для первобытнаго періода еврейской исторіи. Первая часть книги Бытія, отъ сотворенія міра до появленія Терахидовъ, никакого отношенія къ исторіи не имѣетъ и любопытна лишь какъ первобытная космогоническая или этно-генеалогическая теорія. Даже слѣдующая часть книги Бытія, рассказывающая фамильную исторію Авраамитовъ, матеріаломъ для подлинной исторіи израильскаго народа служить не можетъ, представляя лишь введеніе къ ней. Настоящій историческій рассказъ Библии начинается лишь съ книги Исхода. Разсказанныя въ этой книгѣ событія, безъ сомнѣнія, вполнѣ достовѣрны, потому что они подтверждаются и другими, независимыми отъ Четверокнижїи, источниками. Пророки, псалмопѣвцы, напимѣрь, неоднократно прославляли эти событія. Пребываніе израильтянъ въ Египтѣ, гоненія, которымъ они подвергались въ странѣ фараоновъ, ихъ освобожденіемъ изъ рабства и переходъ черезъ Черное море представляютъ основной мотивъ всей древне-еврейской литературы. Явленіе Бога народу на Синаѣ подтверждается пѣснью Деборы, появившейся около двухсотъ лѣтъ послѣ исхода. Скрижали завѣта были древнѣйшимъ памятникомъ, сохранившимся до времени перваго разрушенія храма. О 40-лѣтнемъ странствованіи въ пустынѣ упоминаетъ также и пророкъ Амосъ. Книга этого пророка слѣдуетъ считать вторымъ, отъ Исхода и Чисель независимымъ источникомъ; если жъ Амосъ имѣлъ предъ собой названные источники, то это доказываетъ, что они такъ стары и подлинны, что никакихъ сомнѣній относительно ихъ возникать не можетъ. Исторію съ манной, наконецъ, допускаетъ даже пессимистическая критика. Вообще всѣ главные факты древнѣйшаго періода, до завоеванія Заіорданской территоріи, не вызываютъ никакихъ сомнѣній. А этихъ главныхъ событій достаточно для выясненія фактическаго содержанія первоначальной исторіи народа.

Разложеніе Библии на составныя части къ серьезнымъ результатамъ до сихъ поръ никого не приводило. Формулы: іеговизмъ, элоизмъ девтеронимизмъ или мозизмъ, профетизмъ и левитизмъ, которыми протестантская богословская критика оперируетъ, это одни слова, за которыми нѣтъ никакого содержанія. Для историка они также бесполезны, какъ догадка тѣхъ богослововъ, которые въ Библии всюду усматриваютъ тенденціи и нарочитыя искаженія. Для начала исторіи вполнѣ достаточно того, что главные факты достовѣрны. Этотъ первый періодъ исторіи вплоть до кульми-

національного его пункта, царствованій Давида и Соломона, и слѣдующій за нимъ, періодъ обратнаго движенія, развиваются изъ данныхъ отношеній такъ естественно, что ихъ въ томъ же самомъ видѣ можно было бы построить а priori, на основаніи закона историческаго движенія. Только вторженіе въ эту эпоху пророческаго элемента представляетъ какъ будто нѣкоторую аномалію, но и оно—фактъ, котораго нельзя отрицать (ср. Примѣчаніе о пророкахъ, стр. 299—304) и который необходимо поэтому включить въ историческій процессъ.

Въ пророческой поэзіи древнѣйшая исторія евреевъ имѣетъ достовѣрный источникъ, какимъ не обладаетъ исторія ни одного народа. Отъ перваго великаго пророка и до послѣдняго, отъ Амоса и до Іереміи и Іехезкели, пророки въ своихъ рѣчахъ передаютъ не только живые факты и цѣлыя картины современныхъ имъ эпохъ, но и настроенія каждаго даннаго момента, взрывы народнаго горя и радости, опасенія и надежды, заносчивость толпы и ея уныніе, стремленія партій и ихъ лозунги. Начиная какъ разъ съ того момента, когда офіціальный источникъ— вторая книга Царей— даетъ уже одни краткія фактическія свѣдѣнія или, вѣрнѣе, одни контуры событій.—именно съ этого момента пророки въ своихъ рѣчахъ рисуютъ всю послѣдующую эпоху, до паденія Іудейскаго царства и даже послѣ нея, въ полныхъ жизни историческихъ картинахъ. Если историку затѣмъ удастся еще выяснитъ историческій фонъ тѣхъ псалмовъ, которые таковой несомнѣнно имѣютъ, въ особенности *царскихъ* псалмовъ, то и они могутъ дать вѣрную современную дѣйствительности картину.

Съ этой точки зрѣнія и по указанному методу я попытался написать древнѣйшую исторію израильскаго народа. Въ результатѣ получилось кое-что новое или отличное отъ того, какъ до сихъ поръ изображали эту эпоху. Въ краткихъ примѣчаніяхъ подъ текстомъ и въ болѣе обширныхъ въ концѣ книги я, мнѣ кажется, обосновалъ свои, уклоняющіяся отъ обычныхъ, воззрѣнія на тѣ или нныя событія. Мои палестинскія наблюденія нерѣдко давали мнѣ возможность исправлять ошибки. Я признаю, впрочемъ, что въ настоящей работѣ мною постоянно руководило любовь къ народу, которому я принадлежу по рожденію и убѣжденію. Читатели, надѣюсь, убѣдятся, что эта любовь отнюдь не довела меня до партійности и преувеличеній.

В в е д е н і е.

Я желаю въ этой книгѣ разсказать про первые историческіе шаги народа, происхожденіе котораго теряется во мракѣ вѣковъ и который, проживъ болѣе трехъ тысячъ лѣтъ, съ міровой арены и не думаетъ еще сойти. Народъ этотъ въ одно и то же время и старъ и молодъ. Въ чертахъ его лица замѣтенъ отпечатокъ доисторической старины, и все же лицо это дышетъ такой юношеской свѣжестью, какъ будто онъ только недавно родился. Если бы какое-нибудь древнее племя, вышедшее изъ первобытнаго варварства и черезъ непрерывный рядъ поколѣвій сохранившееся затѣмъ до настоящаго времени, ничего выдающагося не сдѣлавъ и никакого вліянія на остальной міръ не оказавъ,—если бы такое племя жило въ какомъ-нибудь отдаленномъ уголку земнаго шара, то ученые, навѣрное, отправились бы къ нему цѣлыми экспедиціями и изслѣдовали бы его во всевозможныхъ отношеніяхъ, какъ величайшую этнографическую рѣдкость. Такой обломокъ сѣдой старины, свидѣтель основанія и гибели древнѣйшихъ государствъ, дожившій до нашихъ дней, во всякомъ случаѣ заслуживалъ бы полнаго нашего вниманія. Но тотъ народъ, древнѣйшая исторія котораго здѣсь будетъ разсказана,—народъ еврейскій или израильскій,—какъ отнюдь не отшельникомъ, вдали отъ людей; нѣтъ, онъ всегда стоялъ въ самой кручѣ историческаго водоворота, постоянно боролся и страдалъ, нерѣдко былъ объектомъ серьезныхъ экзекуцій, получилъ изрядное число „ночныхъ“ ранъ, добился никѣмъ у него не оспариваемаго права на мученичeskій вѣнецъ и—до сихъ поръ продолжаетъ жить. Нужно быть очень большимъ пессимистомъ и завядлымъ врагомъ этого народа, чтобы утверждать, что онъ ничего не сдѣлалъ для другихъ. Если онъ только освободилъ человѣчество отъ жи язычества и исцѣплялъ его отъ того нравственнаго маразма, въ который оно нѣкогда впало, то и за это одно онъ заслуживалъ бы особаго уваженія. Но еврейскій народъ сдѣлалъ для человѣчества гораздо больше.

Каково, въ самомъ дѣлѣ, происхожденіе той высокой культуры, которой современные цивилизованные народы такъ гордятся? Нынѣшняя Европа не сама эту культуру создала,—она только дала себѣ трудъ унаслѣдовать огромный капиталъ, накопленный древними, для того, чтобы его затѣмъ приумножить. Отцами той античной цивилизаціи, которая вывела человѣчество изъ мрака первобытнаго варварства, были два народотворца, эллины и іудеи, и только они одни. Латинскій народъ выдумалъ лишь и оставилъ намъ въ наслѣдство полицейское государство и организованное военное искусство. Творцами же высшей культуры были греки и евреи, и никто больше.

Отнимите у нынѣшнихъ народовъ стараго и новаго свѣта то, что они получили отъ древнихъ грековъ и евреевъ, и у нихъ многого, очень многого не будетъ хватать. Сдѣлать это, однако, довольно трудно, ибо то, что ими унаслѣдовано отъ древнихъ, такъ глубоко восалось въ ихъ плоть и кровь, что стало неотдѣлимую частью ихъ самихъ. Греко-эллинская культура была для человѣчества, выражаясь фигурально, лѣстницею, съ помощью которой оно могло взобраться до вершинъ цивилизаціи; она была электрическимъ токомъ, разрядившимъ дремавшія въ немъ силы. Эллинизмъ и еврейство создали, однимъ словомъ, ту идеальную атмосферу, безъ которой немислима истинная культура. Какъ ни мала была та доля, жизненнаго элексира, которую народы въ эпоху великаго переселенія получили чрезъ посредство римлянъ отъ грековъ и евреевъ; какъ ни грязенъ былъ тотъ сосудъ, въ которомъ Римъ хранилъ этотъ эликсиръ,—все же и этой слабой дозы чудодѣйственнаго средства, впрыснутой въ организмъ не тронутой еще цивилизаціей Европы, хватило на то, чтобы организмъ этотъ совершенно переродить. Во время крестовыхъ походовъ Европа снова черпнула изъ этого живительнаго источника, къ тому времени, правда, значительно уже ослабленнаго. Католическіе монахи затѣмъ совсѣмъ было его засыпали, но въ эпоху реформаціи и возрожденія его откапали и очистили, для того чтобы снова черпать изъ него. И ни Лойола, ни инквизиція, ни мертвыя догмы, ни самъ себя обоготворявшій политическій деспотизмъ не сумѣли уже затѣмъ парализовать благотѣльное вліяніе греческихъ и еврейскихъ гуманистовъ на возродившую къ новой жизни Европу.

Въ наше время міръ не оспариваетъ больше тѣхъ огромныхъ услугъ, какія эллинская цивилизація оказала дѣлу духовнаго возрожденія человѣчества. Всѣ громогласно и безъ зависти признаютъ, что она обогатила насъ великими произведеніями искусства, литературы и науки, что она открыла намъ міръ истинной красоты, что идеальный духъ ея и олимпійская ясность эллинской мысли воплотились въ древне-греческой поэзіи, которая вмѣстѣ съ великими памятниками эллинскаго искусства донывѣ еще

является неисчерпаемым источником высоких эстетических наслаждений. Древние греки давно вымерли, а к мертвым потомство не только не питает вражды или зависти, но сплошь и рядом даже переувеличивает их заслуги.

Совершенно иначе мир относится к другому творческому народу древности—евреям. Именно потому, что этот народ не думает еще умирать, люди не хотят признать его заслуг предъ цивилизаціей: их нарочито умалют, их приписывают другим, чтобы его оставить в тѣни, а то и совѣтъ отъ всякихъ заслугъ устроить. Если иные, болѣе справедливые судьи и допускаютъ, что человѣчество обязано еврейству монотеистической идеей и высшей моралью, то лишь весьма немногіе признаютъ все огромное значеніе этихъ заслугъ. Никто не только не выясняетъ, но и не ставитъ даже вопроса, почему это одинъ творческій народъ сошелъ со сцены въ полномъ расцвѣтѣ своихъ духовныхъ силъ, между тѣмъ какъ другой, которому столько разъ грозила окончательная гибель, продолжаетъ жить, нисколько не старѣясь.

Дѣло въ томъ, что со всѣми своими великолѣпными богами, со всѣми высоко художественными произведеніями своего искусства и поэзіи и, наконецъ, со всей своей жизнерадостной философіей, древніе греки оказались совершенно несостоятельными, когда на нихъ нахлынули македонскіе фаланги и римскіе легіоны. Ни беззаботные боги Олимпа, ни бодро смотрѣвшіе на жизнь эллинскіе мудрецы не могли спасти свой народъ отъ отчаянія и предотвратить его національное самоубійство. Подобно отдѣльному человѣку, и народъ познается только въ несчастіи. У грековъ не оказалось прочныхъ нравственныхъ устоевъ, которые могли бы имъ преодолѣть свое несчастье и остаться вѣрными себѣ. Великое прошлое одно не въ состояніи было связать ихъ въ національное цѣлое, религія же и философія были бессильны вдохнуть въ ихъ сердца утѣшеніе и надежду на лучшее будущее. И на самой родинѣ своей и въ изгнаніи они скоро потеряли узы, соединявшія ихъ въ одинъ народъ, и мало-по-малу растворились въ смѣси сосѣднихъ варварскихъ племенъ. Чѣмъ же объясняется это вырожденіе великаго народа? Паденіе Рима, какъ и нѣкоторыхъ другихъ большихъ государствъ, до него существовавшихъ, объясняется тѣмъ, что они опирались исключительно на военную силу. Ибо и къ народамъ вполне примѣняется законъ возмездія, въ силу котораго „мечъ подъявшій отъ меча и погибнетъ!“ Но почему же пала Эллада, преслѣдовавшая не одинъ завоевательный цѣль? А потому, что у нея не было опредѣленнаго, вошедшаго въ сознаніе всего народа идеала, никакой жизненной задачи.

У еврейства же такой идеалъ и такая задача были. И только они могли его объединить въ одно національное цѣлое, укрѣпить его и сохра-

нить. Ибо только народъ, сознающій свое призваніе и не живущій безцѣльно изо дня въ день, можетъ быть силенъ внутренней духовной силой. Еврейство всегда стремилось къ нравственному самоусовершенствованію, къ побѣдѣ духа надъ тѣломъ, къ воздержанію и самоограниченію—словомъ, къ достиженію святости. Для того, чтобы достигнуть послѣдней путемъ отреченія отъ всего грубо-чувственнаго, еврей долженъ былъ подвергать себя извѣстнымъ самоограниченіямъ не доходя, однако, при этомъ до изнуренія своего тѣла и духа. Исторія всѣхъ временъ показала, что евреи были правы, ибо всѣ древніе народы, свое благополучіе основавшіе на одной грубой силѣ и запятнавшіе себя развратомъ, одинъ за другимъ погибли. Въ культѣ святости, въ служеніи высшей морали израильскій народъ видѣлъ свое жизненное назначеніе. И къ исполненію этого призванія своего онъ относился чрезвычайно серьезно, какъ къ великому общенациональному дѣлу. Среди народовъ, погрязшихъ въ самыхъ извѣстныхъ порокахъ, еврейство, развернувшее знамя нравственной чистоты, составляло такимъ образомъ единственное исключеніе.

Нравственныя воззрѣнія языческихъ народовъ древности самымъ тѣснымъ образомъ были связаны, однако, съ ихъ религіями, ибо одни обусловливали другія. Была ли ихъ ложная мораль слѣдствіемъ ложныхъ религіозныхъ представлений, или наоборотъ, результаты во всякомъ случаѣ были плачевны. Наличие цѣлаго сонма боговъ, сама по себѣ, не могла не вызывать между ними соревнованія, вражды и раздоровъ. Даже когда такія обоготворяемые людьми существа имѣются лишь въ двойственномъ числѣ, то и тогда, конфликты между ними неизбѣжны, ибо если одно изъ нихъ представляетъ создателя, то другое является разрушителемъ, если одно—богъ добра или свѣта, то другое олицетворяетъ зло или мракъ, и т. д. Сверхъ того, языческія божества бываютъ еще разныхъ половъ и страдаютъ поэтому всѣми слабостями, отъ такого различія неизбѣжно вытекающими. Правда, говорятъ, что люди сотворяютъ себѣ боговъ по своему образу и подобию, но съ другой стороны канонизированный разъ навсегда Олимпъ обусловливалъ своимъ поведеніемъ поведеніе его смертныхъ почитателей, и въ результатѣ послѣдніе стали также порочны, какъ тѣ прототипы ихъ, которымъ они поклонялись.

Въ противоположность этому хаосу израильскій народъ провозгласилъ существованіе одного Бога, единого и неизмѣннаго въ своей святости, и той же святости требующаго и отъ людей; Бога, сотворившаго и небо и землю, и свѣтъ и тьму; Бога, въ величій своемъ недоступнаго людямъ, и въ то же время близкаго имъ, покровителя и защитника немущихъ и угнетенныхъ; Бога строгаго, карающаго людскіе пороки, но и Бога мило-

сердаго, исполненнаго любви къ людямъ, потому что они—твореніе его рукъ; Бога-добра и справедливости, Бога—заступника вдовъ и сиротъ.

Величайшее міровое значеніе имѣло это новое слово, съ теченіемъ времени избавившее человѣчество отъ красивой лжи грѣховнаго язычества. Но всемірно-историческое значеніе оно получило лишь чрезъ ту высокую мораль, которую оно возвело въ законъ. Ибо для такой обще-обязательной морали совѣмъ не безразлично, считаютъ ли люди, что міромъ управляетъ единое божество, или цѣлый синклитъ боговъ, другъ съ другомъ враждующихъ. Не безразлично потому, что въ то время, какъ единобожіе гарантируетъ имъ гармонию и миръ и требуетъ отъ нихъ самихъ смиренія, многобожіе, наоборотъ, какъ бы санкціонируетъ дисгармонию, хаосъ и распущенность. Богоподобность человѣка въ противоположность нечестивому представленію о человѣкоподобности божества, это логическое слѣдствіе ученія о единобожіи, внушаетъ человѣку уваженіе къ самому себѣ и къ своему ближнему и гарантируетъ даже самому слабому существу защиту со стороны религіи и морали. Дѣтоубійство, напримѣръ, составляетъ ли преступленіе? Древніе народы, и въ ихъ числѣ греки, не считали его таковымъ. И родители бросали своихъ младенцевъ въ воду, когда они находили, что они имъ въ тягость, не чувствуя при этомъ никакихъ угрызений совѣсти. Никто на эти преступленія не обращалъ вниманія, а законъ за нихъ никакой карѣ не подвергалъ. Далѣе, на убійство раба смотрѣли въ древности также равнодушно, какъ и на умерщвленіе звѣря на охотѣ. Почему же современный культурный человѣкъ приходитъ въ ужасъ отъ одной мысли о такихъ злодѣяніяхъ? Потому что израильтяне нѣкогда провозгласили законъ: „Не убій, ибо человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Божию!“ „Не убивай ни младенца, ни попавшаго въ рабство“. Пессимисты утверждаютъ, что только умъ человѣческой сдѣлалъ въ теченіе вѣковъ колоссальныя завоеванія, нравственно же люди съ самыхъ незапамятныхъ временъ весьма мало подвинулись впередъ. Нельзя, однако, при этомъ не принять въ соображеніе, что отъ грубыхъ животныхъ инстинктовъ люди стали освобождаться гораздо позже, чѣмъ отъ невѣжества. Будить въ себѣ дремавшую совѣсть и отвращеніе ко всевозможнымъ порокамъ люди стали лишь тогда, когда они уже достигли довольно высокой степени интеллектуальнаго развитія. Однимъ изъ такихъ будильниковъ былъ—израильскій народъ. Онъ первый возвелъ въ основной принципъ своего законодательства вытекавшую изъ идеи о богоподобности человѣка мысль о равенствѣ всѣхъ людей передъ закономъ Божиимъ и человѣческимъ. Этотъ узаконенный евреями нравственный принципъ былъ первымъ въ исторіи признаніемъ нѣкоторой части человѣческихъ правъ. Другіе же древніе народы, даже самые культурные изъ нихъ,

этихъ правъ, нынѣ повсюду возведенныхъ въ законъ совѣмъ не признавали. „Чужихъ“, судьбою въ ихъ страну занесенныхъ, они либо просто истребляли, либо подчинили исключительнымъ законамъ, въ силу которыхъ они на общественной лѣстницѣ стояли лишь одной ступеню выше рабовъ. Эта жестокость въ отношеніяхъ къ „чужимъ“, къ стыду для человѣчества, сохранилась еще очень долго послѣ паденія древняго міра; въ кое-какихъ „цивилизованныхъ“ странахъ Европы она удержалась до сихъ поръ.

Еще менѣе доступна была погрязшимъ во всевозможныхъ порокахъ народамъ древности мысль о самособлюденіи путемъ цѣломудренной жизни. Еврейскіе пророки-поэты въ пламенныхъ рѣчахъ своихъ предостерегали ихъ, когда они еще были на верху своего могущества, что съ своими лжеученіями о божествѣ, съ жестокой, противоестественной моралью своей, и съ своими плотскими излишествами они идутъ навстрѣчу окончательной гибели. Народы смѣялись надъ этими предостереженіями, продолжали себя изводить и, разумѣется, погибли. Безразличное искусство и еще болѣе безразличная философія не въ силахъ были эту гибель предотвратить. Израильскій народъ одинъ принесъ людямъ спасеніе, провозгласивъ принципы богоподобности человѣка, равенства всѣхъ людей предъ закономъ и гуманности въ отношеніяхъ къ иноплеменникамъ и рабамъ. Не лишне вспомнить при этомъ, что краеугольный камень современной морали: „люби ближняго, какъ самого себя“ впервые возведенъ въ нравственный императивъ именно этимъ народомъ. И въ дѣйствительности, не онъ ли первый простеръ руку помощи немущимъ, страждущимъ, осиротѣлымъ и безпомощнымъ? Не его ли пророки провозгласили всеобщій миръ великимъ идеаломъ будущаго? Народъ этотъ называютъ скитающейся по землѣ тайной. Но гораздо правильнѣе было бы назвать его скитающимся откровеніемъ, ибо онъ не хранилъ своей тайны, а открывалъ ее всѣмъ, кто хотѣлъ его слушать. Онъ всѣхъ и всегда училъ искусству изъ искусствъ, — какъ народъ долженъ жить, чтобы жить вѣчно.

Большимъ заблужденіемъ было бы однако думать, будто народъ этотъ проповѣдывалъ самоумерщвленіе, смотрѣлъ на жизнь мрачными глазами аскета и стремился одѣть весь міръ въ саванъ. Въ дѣйствительности не израильтяне, а всѣ другіе народы древности придавали смерти огромное значеніе, умилостивляя ее жертвоприношеніями и предаваясь при этомъ благоговѣйнымъ и преувеличенно-мрачнымъ размышленіямъ. То были такъ называемыя мистеріи, которыя, какъ всякая крайность, вызывали реакцію въ совершенно противоположную сторону, смѣняясь безумными оргіями. Сами боги языческіе были не избавителями отъ смерти, а только рядовыми жертвами ея; подобно простому смертному и они уходили въ царство тѣней, и люди то и дѣло показывали то гробницу, то могилу, какого-нибудь

божества. Иудейство же, которое своему единому Богу поклонялось как „источнику жизни“, придавало, наоборот, огромную важность живому началу, и все, что напоминает о смерти, оно не считало святым; загробная же жизнь его весьма мало интересовало, и евреевъ поэтому нерѣдко упрекали въ томъ, что они заботятся только объ „этомъ мѣрѣ“. Эти обвинители были правы. Еврейство всегда высоко почитало и цѣнило жизнь,—разумѣется нравственную, достойную человѣка, святую жизнь. И только послѣ цѣлаго ряда пережитыхъ имъ несчастій, въ его среду мало-по-малу стало проникать иное, мрачное, аскетическое воззрѣніе на жизнь, возникли враждебныя жизни партіи, объявившія мѣрѣ юдолюю скорби и отчасти самп сдѣлавшія ее таковою. Весь же народъ израильскій ничего общаго не имѣлъ съ тѣми, родственному ему лишь по крови языческими племенами, которыхъ называютъ семитами, съ ихъ оргіями самоумертвленія въ честь однихъ боговъ и плотскими вакханаліями въ честь другихъ. Онъ ушелъ отъ нихъ въ свою строгую мораль, не увлекшись ихъ крайностями. Объ этомъ народѣ вообще судятъ крайне несправедливо, когда хитроумно стараются объяснить его недостатки расовыми особенностями семитовъ. И точно также глубоко заблуждаются, когда о немъ судятъ по тѣмъ двумъ народностямъ, которыя вышли изъ его среды, но вступивъ въ смѣшанные браки, потеряли въ значительной степени свои родовыя черты.

Не подлежитъ сомнѣнію, что израильскій народъ имѣлъ за всѣмъ тѣмъ большіе недостатки, что онъ много грѣшилъ и за эти прегрѣшенія, разумѣется, много и сильно пострадалъ. Дѣло исторіи указать на эти ошибки, на ихъ происхожденіе, и на тяжелыя послѣдствія ихъ. Иные промахи были во всякомъ случаѣ сдѣланы подъ чужимъ вліяніемъ, иные недостатки привиты израильщинамъ извнѣ, сосѣдними племенами. Но въ народномъ характерѣ ихъ немало было и своихъ собственныхъ, такъ сказать, доморощенныхъ изъяновъ. Почему же, въ самомъ дѣлѣ, евреи должны быть совершеннѣе всѣхъ прочихъ народовъ, тогда какъ ни одинъ изъ нихъ и самъ не считаетъ себя вмѣстилищемъ всѣхъ добродѣтелей? Тѣ строгіе судьи, которые съ увеличительнымъ стекломъ въ рукахъ стараются во что бы то ни стало найти у евреевъ всевозможныя пороки, сами того не замѣчая, оказываютъ имъ большую честь, предъявляя къ нимъ гораздо болѣе высокія требованія, чѣмъ ко всѣмъ другимъ народамъ.

Но, независимо отъ ихъ недостатковъ и ошибокъ, евреямъ адресуютъ еще цѣлый рядъ упрековъ крайне несправедливыхъ. Ихъ упрекаютъ, напримѣръ, въ томъ, что они не успѣли выработать хорошихъ государственныхъ учрежденій. Упрекъ этотъ основанъ на очевидномъ недоразумѣніи. Единственнымъ критеріемъ для оцѣнки политическихъ учрежденій того или другого народа служить ихъ успѣхъ или, точнѣе, продолжительность су-

ществованія того государства, которому они служили. Еврейское царство между тѣмъ, просуществовало почти столько же времени, сколько и большинство государствъ древняго міра,—Вавилонъ, Персія, Греція и Македонія,—т. е. по меньшей мѣрѣ шестьсотъ лѣтъ, если даже второго царскаго періода не считать. Только два-три государства продержались дольше: Египеть, Римъ и Византія. Если же принять въ расчетъ періоды дряхлости и медленнаго разложенія, длившіеся цѣлыя столѣтія, то окажется, что эти послѣднія государства настоящей самостоятельной жизнью прожили гораздо меньше. Израильское царство, говорятъ, не сумѣло удержаться на той высотѣ, на которой оно стояло при царяхъ Давидъ и Соломонъ, и часто попадало затѣмъ даже подъ чужую власть. Но эту судьбу съ нимъ раздѣляли и другія государства древности. Вмѣняютъ въ вину израильтянамъ и то, что царство ихъ распалось на двѣ половины, а они не сумѣли ихъ воссоединить. Но и Греціи, которая съ самаго начала своего существованія была разбита по крайней мѣрѣ на двѣ враждовавшія одна съ другой половины, точно также не удалось объединить ихъ. Не миновала эта судьба и могущественнѣйшей имперіи древности, Рима.

Больше всего, однако, израильтянамъ вмѣняютъ въ вину ихъ государственный строй, который называютъ утопическимъ. Относительно, конечно, этотъ упрекъ основателенъ. Ибо всякая конституція, какъ политической идеаль, подлежащій осуществленію въ болѣе или мѣнѣе далекомъ будущемъ, должна считаться утопией до тѣхъ поръ, пока не наступятъ обстоятельства вполне благоприятныя для полнаго ея осуществленія. Оужденіе теоріи, которая легла въ основаніе конституціи израильскаго царства, равносильно, такимъ образомъ, оужденію всякаго соціального или политическаго идеала вообще. Теорія эта, какъ мы видѣли, была чѣмъ-то въ родѣ Декларации человѣческихъ правъ: она строила государство на демократическомъ фундаментѣ, она уравнила въ правахъ не только всѣхъ коренныхъ жителей, но и пришельцевъ; она отмѣнила всѣ кастовыя, сословныя и классовыя различія и даже самыхъ рабовъ взяла подъ свою защиту. Основнымъ государственнымъ закономъ она провозгласила дезидератъ: „чтобы въ странѣ не было бѣдныхъ“; она объявляла войну накопленію богатствъ и пороку роскоши, съ одной стороны и такому же накопленію бѣдности и пороку нищеты, съ другой. Введеніемъ системы льготныхъ и юбилейныхъ годовъ она стремилась обезпечить хотя бы временную свободу невольникамъ, и на время же пзъять изъ единоличнаго владѣнія національную собственность. Теорія эта, однимъ словомъ стремилась къ идеальной цѣли: не допускать развитія тѣхъ соціальныхъ язвъ, которыя и поныиѣ еще разъѣдаютъ всѣ общественныя организмы. Можно, разумѣется, сколько угодно смѣяться надъ этими идеалами, но

не слѣдуетъ забывать, что они представляютъ единственное асептическое средство, предохраняющее всякій государственный организмъ отъ гвѣнія.

Израильтянъ во всякомъ случаѣ нельзя похвалить за то, что они не оставили послѣ себя никакихъ большихъ сооружений и архитектурныхъ памятниковъ. Весьма возможно, что они не обладали для этого надлежащими талантами, но главнымъ образомъ это обстоятельство объясняется тѣмъ, что со своими эгалитарными воззрѣніями они царей своихъ вовсе не ставили такъ высоко, чтобы при жизни воздвигать имъ великолѣпные дворцы, а послѣ ихъ смерти—всякіе мавзолеи и пирамиды. Хижины бѣдняка израильтяне ставили выше монументовъ. Самому Богу своему они не воздвигли храма—Соломоновъ храмъ, какъ извѣстно, соорудили финиціане—потому что они Его носили въ сердцѣ своемъ. Свое единое Божество израильтяне не изображали ни въ статуяхъ, ни въ картинахъ, потому что ово для нихъ было предметомъ не вѣшняго, а внутренняго поклоненія, духовнымъ совершенствомъ, а не физическимъ.

Народъ этотъ также ничего не сдѣлалъ и въ области драматическаго искусства: его лишняя всякой миѳологіи монотеистическая религія не давала никакого матеріала для трагедій и комедій, врожденная же антипатія ко всякаго рода условностямъ препятствовала возникновенію у него и сценическаго искусства. Зато онъ создалъ два рода поэтическаго творчества, въ которыхъ во всей своей полнотѣ отразились его національные идеалы: псалмы и пророческія импровизаціи. Общее у тѣхъ и у другихъ то, что они не плодъ воображенія, а результатъ наблюденія надъ дѣйствительною жизнью, что поэтическіе образы служатъ псалмопѣвцамъ и пророкамъ лишь средствомъ для воздѣйствія на воображеніе народа въ цѣляхъ высшаго нравственнаго порядка. Въ этой литературѣ нѣтъ драмы въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но есть драматическая живость; нѣтъ комедій съ ея смѣхомъ, но есть та благородная иронія, которая съ своей идеальной высоты гордо взираетъ на всякую фикцію. Пророки и псалмопѣвцы сумѣли выработать для своихъ импровизацій прекрасную поэтическую форму, не пожертвовавъ для нея ни внутреннимъ ихъ содержаніемъ, ни правдой. Израильтяне создали также и свой родъ лѣтописей, имѣющихъ то преимущество предъ историческими преданіями другихъ древнихъ народовъ, что онѣ не замалчиваютъ недостойныхъ и безнравственныхъ поступковъ своихъ царей, героевъ и народа вообще, а излагаютъ событія согласно съ дѣйствительностью.

Эта своеобразная древне-еврейская литература, подобной которой нѣтъ,—если не считать подражаній,—ни у одного народа, во всѣ времена имѣла и понынѣ имѣетъ огромное моральное вліяніе на людей, благодаря ей только-что указаннымъ высокимъ достоинствамъ. Читающіе Библію не

могутъ противостоять обаянію той искренности и правдивости, которой отъ нея вѣетъ. Если элпская литература является апофеозомъ красоты и разума, то древне-еврейская возвела въ идеаль святость и нравственную чистоту.

Поверхностно и лишь съ вѣншей стороны разсматриваемый библейскій періодъ еврейской исторіи легко можетъ привести къ ложнымъ заключеніямъ. Ибо отъ переселенія израильтянъ въ Ханаанъ и до послѣднихъ царей всѣ событія имѣютъ исключительно военно-политическій характеръ. Вторженія, экспедиціи, войны, пораженія и побѣды занимаютъ весь передній планъ исторіи этого періода. Передъ зрителемъ дефилируютъ одни цари, военачальники и герои, то заключающіе союзы, то ихъ расторгающіе. Умственное же движеніе народа едва-едва обозначается на самомъ заднемъ планѣ. Судьи-герои Эгудъ, Гидеонъ, его сынъ Авимелехъ и въ особенности Іефтахъ и Самсонъ, такъ мало напоминаютъ израильтянъ, что ихъ очень легко можно принять за ханаанейцевъ, филистимлянъ или моавитовъ... О Самсонѣ, напримѣръ, говорили, что онъ былъ списанъ съ тирскаго Геркулеса. Далѣе, большинство царей, ихъ сановники и придворные правили народомъ такъ деспотически и вели образъ жизни въ такой мѣрѣ непристойный, какъ-будто надъ ними не было никакого закона, который смирялъ бы ихъ произволъ, словно они и не подозрѣвали существованія десяти заповѣдей. Самъ народъ цѣлыя столѣтія предавался грубому идолопоклонству и мало чѣмъ отличался отъ окружающихъ его язычниковъ. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ невольно возникаетъ сомнѣніе, представлялъ ли этотъ народъ искони что-нибудь выдающееся? Или онъ долгое время и въ самомъ дѣлѣ ничѣмъ не отличался отъ своихъ семитическихъ сородичей и только позже, много позже, проявилъ свою національную фізіономію, совершенно отличную отъ фізіономіи окружающихъ его народовъ? Возникаетъ, наконецъ, сомнѣніе, не были ли великія истины возвѣщены этому народу съ высотъ Сіная не на зарѣ его исторіи, а гораздо позже? Скептики именно это и утверждаютъ, но остатки поэзіи израильтянъ древнѣйшей эпохи доказываютъ совершенную несостоятельность этого мнѣнія. За нѣсколько столѣтій до возникновенія израильскаго царства, въ эпоху судей-героевъ, во дни Деборы, „матери во Израилѣ“, одинъ поэтъ воспѣвалъ уже величественное, явленіе Бога народу на Синаѣ. Характеризуя при этомъ израильтянъ какъ „Божій народъ“, существенно отличный отъ всѣхъ окружающихъ его, пѣвецъ этотъ объясняетъ ихъ слабости тѣмъ, что они избрали себѣ чужихъ боговъ и забыли заветы своихъ благородныхъ предковъ. Историческому разсказу мы въ данномъ случаѣ можемъ не довѣрять, но поэту, какъ несомнѣнному очевидцу, мы не можемъ не вѣрять. Нѣтъ вообще основаній сомнѣваться въ томъ, что израильтяне родились, такъ сказать, физически

и духовно въ одно время, что мѣсторожденіемъ въ одномъ случаѣ былъ Египеть, въ другомъ Синай, и что скрижали съ заповѣдями, на нихъ начертанными, были ихъ путеводной звѣздой съ самой ихъ колыбели.

Эти священныя заповѣди только съ виду представляютъ собраніе религиозныхъ догматовъ, въ дѣйствительности они—чисто нравственный законъ. Богъ—первоисточникъ начертаннаго на скрижаляхъ ученія, но не цѣль его; цѣлью и объектомъ его является самъ человѣкъ, какъ личность и общество, со всѣми ихъ правами и законными требованіями. Богъ по этому ученію есть священная Воля, опредѣляющая, что нравственно и благо, Верховный Разумъ, указующій путь къ добру, но не самоцѣль, ради которой люди обязаны дѣлать это добро, безъ отношенія къ тому, нужно и полезно ли оно имъ. Ученіе израильтянъ представляетъ такимъ образомъ не символъ вѣры, а кодексъ морали, наставленіе о томъ, какъ человѣкъ долженъ поступать и мыслить, чтобы быть нравственнымъ. Оно въ тоже время и ученіе о спасеніи души, но безъ всякой мистической примѣси. Это ученіе называли „религіей духа“, и не безъ основанія, такъ какъ въ его представленіи Верховное Существо—чисто духовное начало, нравственно и матеріально неограниченная священная Воля.

Религія эта во всякомъ случаѣ, была слишкомъ возвышенна, чтобы весь народъ въ пору его младенчества могъ ее постичь. Онъ очень долго не въ состояніи былъ воспринять тѣ идеалы, которые одни составляли его истинное, внутреннее содержаніе и одни же это ученіе увѣковѣчили. Прошло немало времени, пока израильскій народъ, облагороженный и просвѣщенный своими гениальными пророками, сталъ истиннымъ носителемъ возвышеннаго на Синаѣ ученія и воздвигъ Ему въ сердце своемъ вѣчный храмъ. Когда же народъ достигъ такимъ образомъ зрѣлости, когда его „сердце изъ камня стало сердцемъ изъ плоти и крови“, пророки могли сойти со сцены. Они стали лишними: народъ позналъ себя и понялъ свое призваніе.

Исторія наглядно показываетъ, какимъ образомъ эта двойная метаморфоза произошла; какъ изъ маленькаго патріархальнаго рода выросло цѣлое племя, какъ это племя выродилось затѣмъ въ орду и какъ эта орда, перевоспитанная великими учителями своими, стала избраннымъ народомъ, когда въ тѣло его вдохнули душу, въ видѣ возвышеннаго ученія о Божествѣ и богоподобности человѣка. Эта „душа“ росла и развивалась затѣмъ вмѣстѣ съ тѣломъ народа, не покоряясь превратностямъ судьбы, но приспособляясь къ требованіямъ времени. Эволюція совершалась медленно и не безъ упорной борьбы. Приходилось преодолевать всякія внутреннія и внѣшнія препятствія, исправлять промахи и залѣчивать частые рецидивы, пока тѣло народа не стало послушнымъ орудіемъ его души. Все, въ глу-

бинахъ этой души скрытое, надо было обнаружить, все темное - освѣтить, смутныя ощущенія довести до созанія, для того, чтобы тотъ Израиль, котораго пророки видѣли лишь въ дали времени (и который они рѣзко отличали отъ современнаго имъ, грѣховнаго Израиля) сталъ „свѣточемъ для народовъ“. Положительно вѣтъ и не было на землѣ народа, который, подобно израильскому, носилъ бы съ собою повсюду вполне определенное ученіе. Но народъ этотъ не только носилъ съ собою это ученіе,— онъ превосходно сознавалъ, кромѣ того, что только ради него онъ и существуетъ, какъ органъ его, какъ провозгласитель и проповѣдникъ его; онъ зналъ сверхъ того, что спасительную правду этого ученія онъ долженъ распространять не силой и принужденіемъ, а собственнымъ примѣромъ, дѣятельнымъ стремленіемъ къ осуществленію провозглашенныхъ въ немъ идеаловъ. Только въ новѣйшее время глубокое изученіе исторіи древнихъ грековъ показало, что культурная миссія этого народа состояла въ томъ, чтобы открыть людямъ идеальный міръ искусства и познанія: сами эллины этого не сознавали и жили поэтому только для своего настоящаго, а не для будущаго, для себя однихъ, а не для другихъ также. Не то было у израильтянъ. Они не только провикались съ теченіемъ времени сознаніемъ своей національной задачи, но понимали и то, что это именно ихъ задача, и что только ради нея они и могутъ имѣть нѣкоторое значеніе, безъ нея же они—ничто, „капля въ ведрѣ, пылинка на вѣсахъ“. Только ради этой миссіи пророки и возвели израильтянъ въ санъ избраннаго народа. Этими они, однако, отнюдь не хотѣли будить въ нихъ тщеславіе и поддерживать въ нихъ національное самомнѣіе. Нѣтъ, въ глазахъ пророковъ ихъ народъ не былъ ни лучше, ни благороднѣе другихъ. Они же сами постоянно и въ самой рѣзкой формѣ порицали его за его необузданность, упрямство и злость ¹⁾ Избранничество Израиля, по мнѣнію пророковъ, только налагало на него болѣе тяжелую отвѣтственность, умножало его обязанности. Избранный народъ долженъ былъ смотрѣть на себя, какъ на „раба Божія“, какъ на носителя Его ученія, глашатая высшей морали. Ради этой высокой мисіи онъ долженъ былъ подвергаться жестокимъ гоненіямъ. И надо отдать ему справедливость, онъ, не колеблясь пошелъ на мученичество. Уразумѣвъ истинный смыслъ своего избранничества

¹⁾ Неносвященные въ дѣло такъ часто упрекаютъ израильтянъ въ самомнѣніи, вызванномъ будто бы ихъ преувеличенными представленіями о своемъ избранничествѣ, что мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь кое-какія цитаты, свидѣтельствующія о томъ, что пророки не признавали за израильтянами никакихъ преимуществъ. Второзаконіе IX, 4—5: „Не за праведность твою и не за прямоту твоей души наследуешь ты ихъ землю“; Амосъ IX, 7: „Для меня вы, сыны израилены, тоже что и сыны вѣіоповъ“. Въ томъ же духѣ надо понимать и у Амоса VI, 1—2: Іешая XLII, 9: „Кто такъ слышъ, какъ рабъ Мой, такъ глухъ, какъ вѣстникъ Мой, Милою посланный?“

ства и достигнувъ свое высокое назначеніе, онъ сталъ цѣнить его превыше всего, выше любви къ отечеству и къ народу, выше самой жизни. И только отдавая себя въ жертву, онъ могъ достигнуть долговѣчности и бессмертія. Это былъ первый народъ, обладавшій *courage d'opinion* и ради своихъ идей поставившій на карту самое свое существованіе, — первый народъ, доказавшій, что торжество великой истины можетъ быть куплено лишь цѣной мученичества. Непоколебимая вѣрность своимъ убѣжденіямъ закалила его духъ и тѣло, дала ему мужество, стойкость и долготерпѣніе. У этого народа во всякомъ случаѣ должно было быть очень здоровое ядро, если онъ могъ устоять противъ разрушительной силы почти четырехъ тысячелѣтій и цѣлаго міра враговъ.

Исторія израильтянъ въ ея началѣ носитъ поэтому перемѣнный характеръ. Двумя факторами обусловляется его возвышеніе и паденіе: физическимъ и духовнымъ, или политическимъ и религіозно - нравственнымъ. Вначалѣ разграниченіе этихъ двухъ элементовъ въ жизни народа обозначено очень ясно: вожди, судьи - герои и цари, вообще, представляютъ первый, физическій или политическій элементъ, а левиты и пророки—второй, духовный или религіозно-нравственный. Но съ теченіемъ времени, когда божественное ученіе начинаетъ все больше и больше проникать въ массу и мало-по-малу становится духовнымъ достояніемъ всего народа, разлічіе это постепенно сглаживается и оба класса сливаются въ одну общую массу. Вначалѣ политическое теченіе рѣшительно доминируетъ и настолько покрываетъ собою другое, что почти совсѣмъ незамѣтно. Но затѣмъ это послѣднее вдругъ прорывается съ страшной силой, подобно горному ключу, который, долго таясь подъ землею и собирая силы, внезапно прорывается наружу бурнымъ потокомъ. Появленіе въ средѣ израильтянъ пророковъ и псалмопѣвцевъ, съ ихъ пламенными и въ то же время столь плодотворными импровизаціями, можно вполне уподобить такому внезапно забившему многоводной струей ключу. Эти народные трибуны и поэты, представлявшіе цвѣтъ Израіля, и въ художественной, плѣнительной формѣ говорившіе народу правду и учившіе его добру, не могли бы однако явиться и не имѣли бы никакого успѣха, если бы въ самомъ народѣ не было для того благоприятныхъ условій. Они выросли изъ духовно оплодотворенной до ихъ появленія почвы и поняты были лишь потому, что съ своей возвышенной моралью они народу вѣщали не что -нибудь новое и чуждое ему. Нѣтъ въ вдохновенныхъ рѣчахъ и въ поэтическихъ гимнахъ своихъ они воспѣвали, проповѣдывали и распространяли старыя и извѣстныя, но позабытыя народомъ истины. Послѣ Іешаи ихъ могучее слово какъ-будто ослабѣваетъ, но только подобно стремительному горному потоку, пошавъ на равнину, течетъ медленно и ровнѣе, но зато становится чище и прозрачнѣе.

И тотъ, кто не вѣритъ въ чудеса, въ ходѣ исторіи израильтянъ не можетъ не видѣть нѣчто довольно близко напоминающее чудо. Историкъ констатируетъ здѣсь не только смѣну періодовъ роста, цвѣтенія и увяданія, какъ у другихъ народовъ, но и необыкновенное въ исторіи явленіе, что вслѣдъ за увяданіемъ наступаетъ новое прорастаніе и новое цвѣтеніе, а главное то, что эта эволюція во всѣхъ ея фазахъ повторяется три раза. Исторія кристаллизаціи первобытнаго еврейскаго племени въ народъ, переселеніе его въ Ханаанъ и возникновенія царства образуетъ первую эпоху—ростъ націи. Вторую эпоху,—расцвѣтъ,—составляютъ царствованія Давида и Соломона, поднявшихъ израильскую страну до степени первокласснаго государства. Непродолжительна была эта блестящая эпоха,—за нею слѣдовалъ постепенный упадокъ силъ народа и, наконецъ, его паденіе. Но онъ возродился, и подѣ властью персовъ и грековъ мало-по-малу росъ, при Макавеяхъ опять развернулся во всю свою мощь для того, чтобы подѣ властью Рима снова придти въ упадокъ. Но и на этотъ разъ то была лишь временная летаргія, послѣ которой народъ опять весьма скоро ожилъ. Впрочемъ эта послѣдняя метаморфоза не относится уже къ области древней исторіи израильтянъ. Не менѣе удивительно и то обстоятельство, что народъ этотъ каждый разъ воскресалъ на чужбинѣ: въ первый разъ въ Египтѣ, во второй—въ Вавилоніи и, по жалуй, въ третій разъ—подѣ властью Рима и цареванъ. Одинъ изъ библейскихъ пророковъ аллегорически изображаетъ возрожденіе израильтянъ въ Египтѣ въ видѣ затерявшейся въ полѣ, окровавленной, вышачканной въ грязи дѣвочки, которая, несмотря на свое несчастіе, развивается въ цвѣтущую дѣвушку. Возрожденіе того же народа въ Вавилоніи другой пророкъ символизируетъ въ образѣ удрученной горемъ вдовы, потерявшей всѣхъ своихъ дѣтей, но къ которой, сверхъ ея ожиданій, одно за другимъ возвращаются всѣ ея чада, а съ ними—и счастье ея и молодость. И для третьяго воскресенья изъ мертвыхъ Израиля было сдѣлано весьма мѣткое сравненіе. Сравненія, правда, часто хромаютъ, но иногда они даютъ довольно вѣрную картину того или другаго необычнаго явленія. Такое экстраординарное явленіе представляетъ народъ, который, проживъ четыре тысячелѣтія и на столь долгомъ вѣку своемъ испыталъ столько превратностей, сохранилъ юность и свѣжесть и остался неизмѣнно вѣрнымъ самому себѣ.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВЪ

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАСТОЯЩАГО

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Не желая загромождать настоящее издание, рассчитанное главнымъ образомъ на большую публику, ученымъ баластомъ, доступнымъ и имѣющимъ интересъ лишь для весьма немногихъ специалистовъ, редація этого перевода изъ многочисленныхъ примѣчаній автора подъ текстомъ удержала лишь тѣ, которыя имѣютъ общее историческое, а не специально-историографическое значеніе. Исключены такимъ образомъ всѣ примѣчанія, имѣющія чисто экзегетическій характеръ, или трактующія специально-археологическія, филологическія и другія частности. Иныя изъ этихъ примѣчаній въ настоящее время и для специалистовъ потеряли интересъ, такъ какъ многочисленныя изслѣдованія, появившіяся уже послѣ смерти Греца, его догадки либо совсѣмъ опровергли, либо внесли въ нихъ существенныя поправки. По тѣмъ же соображеніямъ въ настоящее издание не включены и нѣкоторыя „примѣчанія“ послѣ текста, не имѣющія прямой связи съ историческимъ рассказомъ автора и представляющія самостоятельныя монографіи по тѣмъ же специальнымъ вопросамъ. Изъ ссылокъ автора на источники въ русскомъ изданіи оставлены лишь тѣ, которыя могутъ имѣть какую-нибудь цѣну для обыкновеннаго читателя, а именно: ссылки на Библію, Талмудъ и общеизвѣстные историческіе труды.

Первый періодъ. ДО ВАВИЛОНСКАГО ПЛѢНЕНІЯ.

Первая эпоха.

ЗАЧАТКИ ИСТОРИИ.

ГЛАВА I.

Доисторическое время.

Первобытныя обитатели Ханаана. Исполны Анакиты или Рефанты. Финикіане. Права израильтянъ на Ханаанъ. Патріархи. Наслѣдственное ученіе. Переселеніе въ Египетъ. Кристаллизація племенъ въ народъ. Свѣтлыя и темныя стороны египтянъ. Моисей, Аронъ и Міріамъ. Пророчество. Призваніе Моисея къ освобожденію. Его сопротивленіе. Исходъ изъ Египта. Переходъ черезъ Чермное море. Странствованія въ пустынь. Законодательство на горѣ Синаѣ. Заповѣди. Отпаденіе. Признаніе. Скитанія. Побѣды надъ заіорданскими народами. Зачатки еврейской поэзіи. Смерть Моисея.

Въ незапамятное время пастушескія племена, жившія за Іорданомъ, перешли въ одинъ прекрасный день эту рѣку и расселились на узкой прибрежной полосѣ у Средиземнаго моря, въ странѣ Ханаанъ, впоследствии получившей названіе Палестины. Это переселеніе заіорданскихъ племенъ въ Ханаанъ представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ всемірной исторіи. Территорія, на которой эти племена осѣли, въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ стала ареной міровыхъ событій, отъ которыхъ страна получила названіе Святой земли. Народы, жившіе далеко за предѣлами Ханаана, какъ и въ самой этой странѣ, и не подозрѣвали тогда, какое огромное значеніе впоследствии будетъ имѣть это переселеніе еврейскихъ или израильскихъ племенъ. Приходъ въ Ханаанъ того или другого племени со стадами былъ въ тѣ времена обычнымъ явленіемъ, такъ какъ страна эта славилась своими богатыми пастбищами. Для новыхъ пришельцевъ въ ней тогда было еще достаточно простора. Силошь и ря-

домъ попадались свободныя мѣста, на которыхъ пришлыя племена могли селиться и мирно пасти свои стада рядомъ съ коренными обитателями страны.

Изъ этихъ обитателей назовемъ прежде всего первобытное племя Анакитовъ или Рефантовъ,—исполиновъ съ высокой грудью и толстой шеей. То были, по преданіямъ, послѣдніе остатки племени гигантовъ, необузданныхъ похитителей женщинъ, которые въ высокомѣрїи своемъ вздумали штурмовать самое небо и за свое дерзкое предпріятіе погибли позорной смертью. Съ воздвигнутыхъ ими высотъ они были низвергнуты въ самую глубь преисподней „еще глубже, чѣмъ дно морское съ его обитателями“. Отъ этого Анакиты получили названіе „низверженныхъ“ (Nephilim или Rephaim).

Великорослые коренные обитатели Ханаана, которыхъ обыкновенно считаютъ потомками этихъ первобытныхъ исполиновъ и которыхъ иные туземные народы называли „страшными“ (Emim), не удержались въ странѣ, несмотря на всю свою силу и свирѣпость. Они были мало-по-малу вытѣснены изъ Ханаана позднѣйшими, не столь рослыми и неуклюжими обитателями его, и попадались впослѣдствіи лишь къ востоку отъ Іордана и въ южной части страны по сю сторону рѣки.

Эти остатки Анакитовъ внушили развѣдчикамъ, высланнымъ израильтянами, такой страхъ, что переселенцы должны были, по ихъ словамъ, навсегда отказаться отъ мысли завоевать Ханаанъ. Въ этой странѣ тогда говорили, что никто не въ состояніи устоять противъ Анакитовъ. „И показались мы себѣ самими,—разсказывали израильтянамъ вернувшіеся развѣдчики,—при взглядѣ на нихъ саравчей, и саравчей же мы показались и имъ“ ¹⁾. Развѣдчики, однако ошибались. Эти гиганты впослѣдствіи не устояли передъ пигмеями-израильтянами.

Въ Ханаанѣ въ тѣ времена поселился и другой народъ, *ханаанейцы*, которыхъ древніе греки называли финикійцами, по многочисленнымъ финиковымъ пальмамъ (phoenix), которыя они нашли въ этой странѣ. Народъ этотъ пришелъ въ Ханаанъ, какъ онъ самъ передавалъ, съ береговъ Персидскаго залива или Краснаго моря ²⁾. На новой родинѣ своей ханаанейцы продолжали заниматься тѣмъ же дѣломъ, какимъ они, повидному, занимались въ той странѣ, откуда они пришли. Главное занятіе ихъ было судоходство и торговля съ близлежащими островами и побережьями, какъ Кипръ, Египеть, Африка, а затѣмъ и съ болѣе далекими

¹⁾ Второзаконіе IX, 2; Числа XIII, 33.

²⁾ Геродотъ I, VII, 89; Страбонъ I, 24. Именемъ Thalassa eruthra, Красное море, древніе обозначали не только Аравійскій, но и Персидскій заливъ, а можетъ быть и всю часть Индійскаго океана, ихъ соединяющую.

странами,—Греціей, Италіей, Испаніей и южной Франціей. Корабли ихъ отъ Евфрата и Тигра доходили до устьевъ Вислы. Мѣстность, которую они избрали для поселенія, была чрезвычайно благопріятна для обширной морской торговли. Продолженіе Атлантическаго океана, Средиземное море, дойдя до Ливана и его отроговъ, останавливается и не будучи въ состояніи проникнуть вглубь материка, образуетъ въ этомъ мѣстѣ нѣчто въ родѣ внутренняго озера. Мѣста, удобныя для причала судовъ, образовали здѣсь цѣлый рядъ естественныхъ гаваней, не требующихъ искусственныхъ сооружений. На одномъ такомъ мѣстѣ, раньше служившемъ только для рыбной ловли ханаанейцы построили городъ Сидонъ; нѣсколько позже они на небольшомъ прибрежномъ островкѣ построили прославившуюся впоследствии гавань Тиръ, къ сѣверу отъ Сидона—Арадъ, а къ югу отъ Тира—Ако. Естественныя богатства страны также немало способствовали тому, чтобы финикіяне сдѣлались первымъ торговымъ народомъ древности. Сосѣдніе лѣса Ливана и Хермона доставляли имъ высокоствольные кедры и крѣпкіе кипарисы для ихъ кораблей. На морскомъ берегу водились разные виды улятокъ (Tolaat, Schani), кровь которыхъ давала блестящій пурпуръ, находившій повсюду большой сбытъ. Изъ прекраснаго бѣлаго песку у рѣки Белуса, возлѣ Ако, финикіяне выдѣлывали превосходное стекло,¹⁾ также находившее большой сбытъ. Обширныя торговыя сношенія весьма рано вызвали у этого народа потребность въ удобныхъ письменахъ. А такъ какъ египетское фигурное письмо съ его трудно разбираемыми іероглифами для торговыхъ записей не годилось, то ханаанейцы и придумали свою буквенную азбуку, послужившую образцомъ для всѣхъ древнихъ и новыхъ алфавитовъ. Жители финикійскаго города Виблоса (Гиббала) первые стали дѣлать нѣчто въ родѣ бумаги изъ лубяныхъ полосъ, отчего книги вообще въ древности называли „библами“ или „библіями“. Благодаря своей предпримчивости и изобрѣтательности, обитатели маленькой Финикіи играли такимъ образомъ весьма видную роль въ древности, содѣйствуя развитію торговыхъ сношеній между самыми отдаленными странами. Не тяжелые египтяне и не мечтательные обитатели Индіи, а дѣловыя ханаанейцы явились такимъ образомъ первыми піонерами цивилизаціи.

Кромѣ береговой полосы между моремъ и Ливаномъ, ханаанейцы жили и въ разныхъ другихъ мѣстахъ внутри страны, которая отъ нихъ и получила названіе „Ханаанской земли“. Ко времени переселенія изра-

¹⁾ Плиній V, 17, XXXVI, 65; Тацитъ 5, 7. „Сокровища, сокрытыя въ пескѣ“, о которыхъ говорится въ стихѣ Второзаконія XXXIII, 19, Талмудъ справедливо относитъ къ песку у рѣки Белуса и къ пурпурной уляткѣ, находимой въ прибрежныхъ пескахъ между Тиромъ и Кайфой.

ильтянъ въ эту страну, финикіане или ханаанейцы успѣли занять самыя лучшія мѣста, плодородившія ея долины и наилучше защищенныя высоты. Эти внутри страны жившіе ханаанейцы раздѣлялись на мелкія племена, почему-то носившія различныя названія. Преданія сохранили имена семи изъ этихъ племенъ. Это во первыхъ, *эмориты* или *амореи*, рослые и сильные люди, о которыхъ говорили, что они „высоки, какъ кедръ и крѣпки, какъ дубы“: они жили на югѣ Ханаана и за Иорданомъ¹⁾. Не столь сильны были *хитейцы*, „сыны Хета“, часто воевавшіе съ египтянами; *хивейцы* жили на горѣ Хермонѣ и въ центрѣ страны, а *феризейцы*—въ равнинѣ Іезреель. Менѣе важны *іевусеи*, жившіе на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ впоследствии былъ построенъ Іерусалимъ, и еще меньшее значеніе имѣють *гиргашеи*, мѣсто жительства которыхъ трудно установить. Всѣхъ этихъ мелкихъ племенъ и самыхъ именъ ихъ мы совершенно не знали бы, если бы израильтяне не переселились въ Ханаанъ.

Только благодаря имъ эта полуднякая страна и стала впоследствии ареной мировыхъ событій. Переселяясь въ Ханаанъ, израильтяне стремились не къ тому, чтобы мирно пасти свои стада рядомъ съ прочими его обитателями. У нихъ были иныя, болѣе обширныя цѣли. Они задумали овладѣть всей страной, считая, что она принадлежитъ имъ по праву наследства, такъ какъ въ этой странѣ были могилы ихъ предковъ. Первый родовачальникъ ихъ Авраамъ, пришедшій въ Ханаанъ съ береговъ Евфрата, изъ Арама, приобрѣлъ въ Хевронѣ такъ называемую двойную пещеру (Махпелу), съ землей, къ ней прилегавшей, для семейной гробницы. Тамъ была погребена сначала его жена Сарра, затѣмъ онъ самъ, а позже и его сынъ, второй патриархъ Исаакъ. Третій же, Іаковъ послѣ долгихъ искутаній и странствованій приобрѣлъ мѣсто у Сихема, „мечомъ своимъ и лукомъ“ завоевалъ затѣмъ у амореевъ этотъ въ то время важнѣйшій городъ въ Ханаанѣ,—въ наказаніе за то, что сынъ сихемскаго царя похитилъ и обезчестилъ его дочь²⁾. Яковъ гонимый свирѣпствовавшимъ тогда въ Ханаанѣ голодомъ, весьма неохотно оставилъ эту страну, которую онъ считалъ своей собственностью, для того, чтобы переселиться въ изобиловавшій хлѣбомъ Египетъ³⁾. Предъ смертью онъ потребовалъ отъ своихъ сыновей, чтобы они перевезли его останки въ Ханаанъ и предали

¹⁾ Амосъ II, 9.

²⁾ Бытіе XLVIII, 22.

³⁾ Подобныя переселенія кочевниковъ въ Египетъ въ то время были обычнымъ явленіемъ. На одной изъ египетскихъ гробницъ изображена сцена пріема группы переселенцевъ египетскимъ намѣстникомъ. Надписи на изображеніи поясняютъ, что семья въ 37 душъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей проситъ у намѣстника пріюта. (Brugsch, Histoire d'Égypte, 63 и далѣе).

ихъ землѣ въ семейной гробницѣ у Хеврона. У израильтянъ въ этой странѣ были не только могилы праотцевъ ихъ, но и жертвенники, въ разныхъ мѣстахъ воздвигнутые всѣми тремя патриархами Богу, которому они поклонялись и именемъ котораго они называли самые жертвенники. Всѣ эти святыни, по мнѣнію израильтянъ, давали имъ полное право на безраздѣльное обладаніе Ханаанской землей.

Въ связи съ этими наслѣдственными притязаніями, израильтяне предъявляли на Ханаанъ и инныя права, высшей категоріи. По священному преданію, унаслѣдованному отъ патриарховъ, впервые признанный послѣдними единый Богъ многократно и недвусмысленно, хотя и въ видѣніяхъ, обѣщаль эту землю ихъ потомкамъ въ исключительное владѣніе. Обѣщаль не въ видѣ ни къ чему ихъ не обязывающей милости, а съ тѣмъ, чтобы они въ ней и чрезъ нее распространяли свое вѣроученіе. Это вѣроученіе прежде всего состояло въ служеніи единому Богу, совершенно отличному отъ того божества, или тѣхъ боговъ, которымъ другіе, языческіе народы тогда поклонялись. Это высокое представленіе о Божествѣ требовало отъ израильтянъ примѣненія началъ права и справедливости во всѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ, въ противоположность той несправедливости, какая царила тогда въ жизни всѣхъ другихъ народовъ¹⁾. Высшая мораль эта была завѣтомъ самого Бога, „путемъ Господнимъ“, по которому люди должны были слѣдовать въ жизни. Это возвышенное представленіе о божественномъ началѣ и вытекавшую изъ него высшую мораль патриархи должны были передать, какъ священный завѣтъ, своимъ потомкамъ, какъ наслѣдственное ученіе²⁾. Патриархамъ было также внушено, что чрезъ ихъ потомковъ, какъ вѣрныхъ хранителей этого ученія, произойдетъ спасеніе всего человѣческаго рода, путемъ приобщенія его къ божественной морали³⁾. Съ этой цѣлью Израилю обѣтована была въ

¹⁾ Это воззрѣніе ясно изложено въ Бытіи XVIII, 19.

²⁾ Второзаконіе, XXXIII, 4.

³⁾ Бытіе, XVIII, 19. Давидъ Штраусъ, несмотря на свой атеизмъ и свою антипатію къ еврейству, долженъ, однако, признать, что „монотеизмъ былъ школой права и морали“ („Der Alte und der Neue Glaube“ 105). Если онъ въ другомъ мѣстѣ своей книги (103), несмотря на это, говоритъ, что „монотеизмъ израильтянъ по происхожденію и сущности своей былъ религіей орды“, то это доказываетъ лишь, что Штраусъ не всегда считался съ логикой. Всѣ народы безъ исключенія въ первобытномъ своемъ состояніи вели жизнь орды, воевали другъ съ другомъ и въ видахъ самозащиты и самосохраненія должны были замыкаться въ свое національное единство. Монотеизмъ поэтому должнъ былъ бы быть древнѣе политейзма. Штраусъ не признаетъ заслугъ юдаизма, потому что онъ не можетъ избавиться отъ дуалистическаго воззрѣнія на исторію, которое такъ ясно и правдиво формулировано было впервые Генрихомъ Гейне. Для „эллиническихъ“ натуръ высшими факторами культуры являются науки и искусство, т. е. эстетическіе ея моменты. Но развѣ эстетика въ состояніи «смирить эго

даръ именно Ханаанская земля, какъ наиболѣе для этой высокой цѣли пригодная. Съ одной стороны эта земля моремъ, пустыней и высокими горами изолирована отъ остальнаго міра, какъ бы отдѣлена отъ него высокими стѣнами, для того, чтобы никакія вліянія извнѣ не могли въ нее проникнуть и свернуть избранный народъ съ „пути Господни“. Но въ то же время страна эта достаточно открыта для того, чтобы наследственное ученіе израильтянъ могло проникнуть къ другимъ народамъ. Обѣтованная земля въ достаточной мѣрѣ плодородна, чтобы прокормить всѣ живущіе въ ней народы, и въ то же время въ ней нѣтъ такого изобилія, чтобы обитатели ея имѣли возможность предаваться праздности, и расслабляющей лѣни.

Израильтяне поэтому и на чужбинѣ питали непреодолимое влеченіе къ этой странѣ, взоры ихъ всегда были устремлены на нее. Предки ихъ внушили имъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, что если нынѣ поколѣнія ихъ и пребудутъ въ чужой странѣ, то все же они раньше или позже неминуемо вернутся въ ту страну, гдѣ были могилы ихъ праотцевъ и гдѣ послѣдніе воздвигли своему Богу жертвенники. Для израильтянъ въ ихъ странствованіяхъ по чужимъ землямъ это обѣщаніе всегда было надеждой, подлежащей непрѣминуемо осуществленію. Но они въ то же время знали, что обладаніе обѣтованной землей возлагаетъ на нихъ обязанность почитать одного Бога праотцевъ ихъ и жить по справедливости.

Въ чемъ именно должно было выражаться это богопочитаніе и жизнь по справедливости,—на это у нихъ прямыхъ указаній тогда еще не было. Они, впрочемъ, могли обойтись и безъ нихъ, такъ какъ сохранившіеся у нихъ изъ рода въ родъ преданія о жизни патриарховъ вполне замѣняли имъ эти указанія. Жизнь Авраама въ особенности могла въ этомъ отношеніи служить для нихъ примѣромъ и образцомъ. Израильтяне почитали въ этомъ родоначальникѣ своемъ не героя, совершившаго какіе-либо удивительные и животные инстинкты человѣка? Нѣтъ, усильно бороться съ ними могутъ одни императивы нравственнаго порядка: „долгъ“. И „закопъ“. Идея же долга и нравственнаго закона въ исторію ввело еврейство и именно только въ связи съ монотеизмомъ. Какъ всѣ плодотворныя идеи, и эта послѣдняя, вѣроятно, родилась въ мозгу одного человѣка, Авраама или кого-либо другаго. Юдаизмъ, какъ наследственное ученіе, ставящее этическое начало выше эстетическаго, есть въ сущности только развитіе этой монотеистической идеи. Само собой разумѣется, если допустить элементарное опредѣленіе религіи и признать ее „познаніемъ и почитаніемъ Бога и вѣрой въ будущій міръ“, или же формулировать ее квази-философски „чувствомъ зависимости человѣка отъ природы“,—тогда еврейская религія теряетъ значеніе, по той простой причинѣ, что ни тотъ ни другой масштабъ къ ней совершенно непримѣнны. Ибо ея центръ тяжести,—въ святости жизни, въ полномъ осуществленіи этическихъ требованій, формулированныхъ въ законъ и возлагающихъ на послѣдователей его извѣстныя нравственныя обязанности.

вительные подвиги и тѣмъ возвысившаго себя до степени бога или полу-бога,—какъ это было у прочихъ народовъ. Въ памяти своего потомства первый праотецъ жилъ не какъ побѣдоносный воинъ, а какъ праведный, богобоязненный человѣкъ, въ патріархальной простотѣ и скромности своей благородно мыслившій и самоотверженно поступавшій. По преданіямъ, *еврей* Авраамъ, родившійся въ языческой семьѣ, въ странѣ Арамъ, за Евфратомъ, и въ языческой же средѣ выросшій, оставилъ навсегда родительскій домъ и самую родину свою, повинувся внушенію свыше, открывшему ему истиннаго, единаго Бога. Тѣ же преданія рпсують его человѣкомъ въ высшей степени миролюбивымъ и безкорыстнымъ. При спорахъ онъ никогда не настаивалъ на своихъ правахъ, отказывался отъ нихъ и уступалъ дабы жить въ мирѣ. Онъ былъ такъ гостепріименъ, что выходилъ на встрѣчу странникамъ, очутившимся въ его сосѣдствѣ, находя особое удовольствіе въ томъ, чтобы ихъ принимать и угощать. За грѣшниковъ Содома и сосѣднихъ городовъ, которые навлекли на себя небесную кару за свои безчеловѣчныя жестокости, онъ ходатайствовалъ предъ Богомъ, умоляя Его, чтобы онъ ихъ пощадилъ ради нѣсколькихъ праведниковъ.

Израильтяне съ благоговѣніемъ вспоминали всегда о возвышенныхъ чертахъ характера перваго патріарха, о его миролюбіи, безкорыстіи, готовности къ самопожертвованію и богобоязненности, сознавая, что такая праведная жизнь угодна Богу праотцевъ ихъ. Ради его святой жизни Господь всегда защищалъ Авраама и снискалъ его Своею благодатью, а также и сына и внука его, столь походившихъ на него. Что Всевышній сугубое покровительство оказываетъ добродѣтельнымъ, справедливымъ и слабымъ, тому поучительнымъ примѣромъ для израильтянъ была въ особенности жизнь праотца Іакова, которому присвоено было также имя Израиль. Его жизнь была коротка и тяжела, но Господь выручилъ его изъ всѣхъ бѣдъ. Свято хранили и благоговѣнно передавали изъ рода въ родъ израильтяне эти трогательныя воспоминанія о жизни патріарховъ своихъ, черпая въ нихъ указанія на истинный смыслъ божественнаго ученія.

Объединеніе отдѣльныхъ израильскихъ родовъ въ связную національную единицу сопровождалось исключительными обстоятельствами. Зачатки исторіи этого народа вообще весьма мало напоминаютъ тотъ же историческій періодъ у другихъ народовъ древняго міра. У послѣднихъ процессъ объединенія и группировки всегда былъ тѣсно связанъ съ страной, въ которой они жили и съ которой они себя, такъ сказать, отождествляли. Родная земля со всѣми особенностями ея природы формировала не только ихъ національный характеръ, но и міровоззрѣнія. Родину свою они любили какъ самихъ себя; они защищали ее отъ вѣншихъ враговъ и глубоко страдали, когда имъ приходилось ее оставлять. Не то было у из-

раильтянъ. Объединеніе ихъ въ народъ произошло въ чужой странѣ, съ которою ихъ не связывали никакія традиціи и гдѣ они поэтому едва-ли могли бы пустить глубокіе корни. Какъ ни темны преданія, относящіеся къ первому періоду исторіи израильтянъ, съ достовѣрностью можно, однако, по нимъ установить основной историческій фактъ, а именно, что одинъ изъ родоначальниковъ этого племени, патриархъ Яковъ, въ виду голода въ Ханаанѣ перекочевалъ съ своей семьей и стадами своими въ Египеть. Переселенцамъ въ этой странѣ отвели малонаселенную страну Гошенъ или Рамзесъ, у восточнаго рукава Нила, между рѣкой и большой аравійской пустыней. Край этотъ изобиловалъ обширными пастбищами, на которыхъ переселенцы могли безпрепятственно кочевать со своими стадами. Плодятся и размножаясь въ этой странѣ, израильтяне мало по малу стали переходить отъ кочевой жизни къ осѣдой, занимаясь земледѣліемъ и ремеслами, которымъ они научились отъ египтянъ.

Пытались ли они возвратиться въ Ханаанъ? Есть указанія на то, что такая попытка была сдѣлана, но не имѣла успѣха ¹⁾. Послѣ того они еще долгое время продолжали жить въ Гошенѣ. Семьи разрослись въ большіе роды, связанные одной вѣрой и воспоминаніями объ общихъ предкахъ. Такихъ родовъ или „колѣнъ“ было отъ 12 до 14 ²⁾. Старшимъ изъ нихъ считалось Рувиново, предводительствовавшее всѣми прочими, хотя израильтяне ему повидимому неохотно подчинялись, не признавая за нимъ достаточной для этой роли силы характера и самообладанія. Недовѣріе къ Рувинитамъ кромѣ того находило свое объясненіе въ преданіи, согласно которому самъ патриархъ Израиль (Яковъ) отказалъ имъ въ правѣ первородства и старшинства надъ братьями за то, что родоначальникъ ихъ, а его старшій сынъ Рувинъ „непостоянный какъ вода“, осквернилъ брачное ложе своего отца ³⁾. Рувиново колѣно было и осталось навсегда насухами, какъ и Гадово, и какъ полу-колѣно Манашинно (Гилеадъ), съ которымъ оно имѣло нѣкоторое сходство. Второе по старшинству колѣно Симеоново также всегда оставалось подчиненнымъ другимъ, считаясь лишь придаткомъ къ колѣну Иегудину (Иудину). Это послѣднее, съ теченіемъ времени ставшее самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ колѣнъ,

¹⁾ Хроники I. VII, 20--22.

²⁾ Число колѣнъ большей частью опредѣляютъ въ 12, причѣмъ роды Эфранмовъ и Манашинъ, на которые распалось Юсифово колѣно, принимаются за два отдѣльных колѣна, колѣно же Левинно не считается. Манашинно колѣно впоследствии распалось на два гнѣзда. Принимая послѣднія за самостоятельныя колѣна, мы получимъ 13, а съ колѣномъ Левинномъ, которое, какъ жрецкое, въ этотъ счетъ не входитъ, 14 колѣнъ.

³⁾ Бытіе XLIX, 2-3; Хроники I. V, 1.

въ первое время также ничѣмъ не выдавалось и вмѣстѣ съ другими подчинялось колѣну Іосифову. Это колѣно, какъ сказано уже, распалось на два гнѣзда, Эфраимово и Манашіино, а послѣднее въ свою очередь на двѣ вѣтви: Махиръ и Гилеадъ, Предводительствованіе всѣми колѣнами потомки Іосифа повидимому унаслѣдовали отъ своего родовачальника, въ качествѣ правителя государствомъ при одномъ изъ фараоновъ, сильно покровительствовавшаго всѣмъ сынамъ израилевымъ. Власть, которую послѣдніе добровольно признавали за Іосифомъ, по смерти его перешла, вѣроятно, къ его сыну Эфраиму, а отъ него и къ его потомству. Въ силу этой власти колѣно Іосифово или Эфраимово стали называть просто Израилемъ. Прочія колѣна были всегда въ подчиненіи у другихъ. Изъ нихъ Веняминово, Исахарово и Зевулоново тѣсно примыкали къ Іосифову, Даново же, Ашерово и Нафталиево жили врозь и не примыкали къ прочимъ колѣнамъ. Левіино колѣно, наконецъ, занимало особое положеніе. Оно то руководило всѣми прочими, то само прибѣгало къ ихъ покровительству. Численностью оно было значительно ниже всѣхъ другихъ. Верховнаго главы надъ всѣми колѣнами не было. Египетскимъ царямъ израильтяне также не были подвластны и пользовались такимъ образомъ въ Гошенѣ широкой свободой и независимостью.

Не смѣшиваясь съ египтянами, которые не любили пастуховъ,— вѣроятно потому, что они нѣкогда были покорены пастушескимъ племенемъ Гиксовъ,— израильтяне однако не могли совсѣмъ избѣгнуть сношеній съ ними. Нѣкоторые семьи и роды, въ особенности изъ Эфраимова колѣна, занимаясь земледѣліемъ и ремеслами должны были посѣщать египетскіе города и вступать въ сношенія съ мѣстными жителями. Съ одной стороны эти сношенія имѣли весьма благотворное вліяніе на израильтянъ. Египтяне въ то время имѣли уже за собою тысячелѣтнюю исторію и достигли довольно высокой степени культуры. У нихъ были уже многолюдные города, замѣчательныя сооруженія въ видѣ обширныхъ храмовъ, дворцовъ, пирамидъ и гробницъ. Воины ихъ къ тому времени сдѣлали уже цѣлый рядъ походовъ, одержали много побѣдъ, покорили разныя племена и способствовали такимъ образомъ развитію въ своемъ народѣ національнаго самосознанія. Жрецы египетскіе довели до извѣстной степени совершенства искусства и науки, необходимость которыхъ вызывались мѣстными особенностями страны. Это были во первыхъ, знанія, необходимыя въ виду климатическихъ условій страны, ея бездождія, песчаной почвы періодическихъ разливовъ Нила; во вторыхъ, спеціальныя искусства, вызванныя къ жизни своеобразными религіозными представленіями египтянъ, и ихъ взглядами на жизнь и смерть, и въ третьихъ, наконецъ, не менѣе спеціальныя знанія, которыя породило тщесловіе ихъ царей,

требовавшихъ, чтобы ихъ дворцы и гробницы существовали вѣчно, имена ихъ и подвиги передавались изъ рода въ родъ. Строительное, водопроводное и землѣрное дѣло, врачебная наука, искусство бальзамированія труповъ такъ, чтобы они могли сохраниться цѣлыми тысячелѣтїями, изготовленіе предметовъ роскоши для царей изъ драгоценныхъ металловъ и каменьевъ, ваяніе, особая метеорологія для опредѣленія времени наводней Нила и, наконецъ, астрологія,—всѣ эти науки, искусства и ремесла были въ теченіе тысячи лѣтъ изобрѣтены или усовершенствованы египетскими жрецами, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были совѣтниками-руководителями фараоновъ и славились своей высокой мудростью. Жрецы же изобрѣли нѣчто въ родѣ письма,—грубыя фигуры, придуманныя ими специально для увѣковѣченія на камнѣ и металлѣ памяти и подвиговъ царей. Впослѣдствїи тѣ же жрецы стали пользоваться своимъ изобрѣтеніемъ и для всякихъ записей вообще на ими же найденномъ папирусѣ, причемъ неуклюжія фигуры были замѣнены идеографическими знаками.

Изъ этихъ „наукъ“ и искусствъ кое что, по всей вѣроятности, было заимствовано у египтянъ жившими въ Гошенѣ израильянами. Колѣно Левїино, повидному, довольно рано научилось у мѣстныхъ жрецовъ искусству письма. Изъ всѣхъ колѣнъ левиты считались поэтому самымъ образованнымъ и въ Египтѣ уже пользовались нѣкоторыми преимуществами, какъ классъ священнослужителей. Отдѣльные представители прочихъ израильскихъ колѣнъ научились въ Египтѣ нѣкоторымъ другимъ искусствамъ. Два израильянина, Бецалель изъ Іегудина и Агалиавъ изъ Данова колѣна, прославились впослѣдствїи, какъ искусные работники по золоту, серебру, камнямъ и дереву, умѣвшіе кромѣ того выдѣлывать тонкія ткани, красить ихъ и вышивать по нимъ. Въ этомъ отношенїи пребываніе израильтянъ въ Египтѣ принесло имъ несомнѣнно большую пользу, отъ полуживотнаго существованія номадовъ поднявъ ихъ—или по крайней мѣрѣ часть изъ нихъ—на первую степень культуры. Но то, что они выиграли съ этой стороны, они потеряли съ другой. Несмотря на познанія, которыми они себя обогатили въ этой странѣ, они оставаясь въ ней, легко могли бы совершенно выродиться и, подобно самимъ египтянамъ, дойти до полного нравственнаго разложенія.

Ни у одного народа, перешагнувшаго первую степень фетишизма, идолопоклонство не принимало столь отвратительныхъ формъ и не оказывало такого губительнаго вліянія на нравы народа, какъ у египтянъ. Отъ соединенія различныхъ божествъ у египтянъ получилась такая богатая коллекція боговъ, что ихъ пришлось разбить на категорїи. И получилось 8 боговъ перваго разряда, 12—второго и 7—третьяго. Кромѣ боговъ были, разумѣется, и богини. Всѣ эти божества египтяне представляли се-

бѣ въ плотскихъ образахъ, въ видѣ людей съ длинными бородами. Эти извращенныя религіозныя представленія съ египтянами, впрочемъ, раздѣляли и многіе другіе народы древности, и между прочимъ, греки и римляне. Ужасѣе и отвратительнѣе всего въ идолопоклонствѣ египтянъ было, однако, то, что они тѣ самыя существа, которымъ молились и отъ которыхъ ждали помощи, ставили гораздо ниже людей. Главнаго бога своего Аммона они изображали съ бараньими рогами, богиню Пехтъ (Пахтъ)— съ кошачьей головой и Гатору (Атиру) „богиню всеобщей любви“— съ коровьей головой; съ такой же коровьей головой изображали они свою богиню искусствъ Изиду, которую почитали во всемъ Египтѣ. Вслѣдствіе бѣдности этой страны въ животныхъ, первобытное населеніе ея такъ дорожило ими, что мало-по-малу стали воздавать имъ божескія почести. Такъ въ Мемфисѣ поклонялись черному быку Анису, а въ Гелиополисѣ— бѣлому, Менису; въ другихъ мѣстахъ поклонялись козламъ, собакамъ и въ особенности конкамъ, а также разнымъ птицамъ, змѣямъ и даже мышамъ. За умерщвленіе быка или кошки по египетскимъ законамъ полагалось болѣе строгое наказаніе, чѣмъ за убійство человѣка.

Результаты этихъ ужасныхъ заблужденій были довольно плачевны. Люди, доходящіе до возведенія козловъ и кошекъ въ божества, сами должны пасть до ступени животныхъ. Въ дѣйствительности цари египетскіе, жрецы и воины обращались съ своимъ народомъ гораздо хуже, чѣмъ мы обращаемся съ собаками. Фараоны, выдававшіе себя за потомковъ боговъ, всю землю египетскую со всѣми ея обитателями считали своей личной собственностью. Въ сущности никакого народа въ Египтѣ и не было, были только крѣпостные. Сотни тысячъ этихъ рабовъ всю свою жизнь трудилась надъ сооруженіемъ колоссальныхъ храмовъ и пирамидъ; другія сотни тысячъ занимались ломкой и тесаніемъ огромныхъ каменныхъ глыбъ, самъ же затѣмъ доставляли ихъ за тысячи верстъ къ мѣсту постройки, для того, чтобы, нагромодивъ ихъ съ неимовѣрными трудами одинъ на другой, соорудить безобразную каменную громаду въ память какого нибудь ничтожнаго фараона ¹⁾. Египетскіе жрецы стояли своихъ царей и боговъ. Какъ бы фараоны не истязали своихъ крѣпостныхъ, для жрецовъ они всегда были полубогами. Что же удивительнаго въ томъ, что подъ такой пожизненной каторгой народъ терялъ всякій человѣческій образъ и превращался въ рабочій скотъ. Они до того свыклись съ рабствомъ, что никогда даже не пытались стряхнуть съ себя свое тяжелое иго.

Ужасное идолопоклонство египтянъ привело ихъ къ еще болѣе ужасной разнузданности нравовъ. Такъ какъ скоты въ ихъ представленіяхъ бы-

¹⁾ Надъ сооруженіемъ знаменитой Хеопсовой пирамиды, напримѣръ, 100,000 человѣкъ работало непрерывно въ теченіе тридцати лѣтъ.

ли выше людей, то скотоложство было въ Египтѣ обычнымъ явленіемъ, которое не влекло за собой никакого наказанія. Въ провинціи Мендесъ женщины на глазахъ у всѣхъ отдавались козламъ¹⁾. Египтянки не только не гнушались этими и другимъ животными, но, наоборотъ, считали особой честью для себя отдаваться имъ, какъ богамъ. Ежегодно ко времени сбора винограда, сотни тысячъ мужчинъ и женщинъ отправлялись въ городъ Бубастисъ, вблизи Гошена, на праздникъ богини всеобщей любви Пахтѣ. Во всѣхъ городахъ, которые эти „паломники“ проходили, и въ самомъ Бубастисѣ она на улицахъ и площадяхъ предавалась самому развудданному и противоестественному разврату. Такіе же праздники бывали каждый годъ и въ верхнемъ Египтѣ.

Ничто не дѣйствуетъ такъ заразительно, какъ глупость и порокъ. Израильтяне, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые поддерживали сношенія съ египтянами, мало по малу стали перенимать ихъ извращенное идолопоклонство и отвратительные нравы²⁾. Главнымъ образомъ способствовала этому паденію израильтянъ крутая перемѣна, происшедшая въ ихъ положеніи. Долгое время они были совершенно свободны, такъ какъ ихъ продолжали считать кочевниками, которые въ тѣ времена часто приходили въ Египетъ и такъ же часто уходили изъ него. Прошло, однако, болѣе ста лѣтъ со времени ихъ прибытія въ страну, а израильтяке, успѣвшіе тѣмъ временемъ сильно умножиться въ числѣ, и не думали ее оставлять. Совѣтники одного изъ фараоновъ позавидовали тогда ихъ свободѣ, которой не пользовались сами туземцы. При дворѣ египетскомъ стали также опасаться, какъ бы эти сильно расплодившіеся геменскіе пастухи не стали со временемъ во враждебныя отношенія къ самому Египту. Во избѣжаніе этого израильтяне въ одинъ прекрасный день были объявлены крѣпостными фараона, обязанными исполнять на него барщину. Въ это время царь Рамсесъ велѣлъ построить два новыхъ города, Питомъ и Рамсесъ. Къ этимъ постройкамъ впервые были привлечены всѣ взрослые израильтяне. Они должны были доставить на мѣсто всѣ строительные матеріалы и сами же исполнить всѣ работы. Многіе изъ нихъ падали отъ этого тяжелаго и непривычнаго для нихъ труда. Такихъ слабосильныхъ и изнемогавшихъ египетскіе надсмотрщики поощряли ударами своихъ колючихъ бичей. Эти надсмотрщики вообще обращались съ израильтянами-рабочими чрезвычайно жестоко, получивъ на этотъ счетъ ярымыя указанія. При дворѣ египетскомъ было рѣшено „сократить“ число израильтянъ. Къ великой досадѣ фараоновыхъ совѣтниковъ, бывшіе пастухи, несмотря на

¹⁾ Геродотъ II, 46; Страбонъ XVII, 4. Ср. Левитъ 18.

²⁾ Іезекиель XX, 7-8; XXIII, 3-8.

всѣ эти жестокости продолжали размножаться. Фараонъ тогда приказалъ, чтобы всѣхъ новорожденныхъ израильскихъ мальчиковъ топили въ рѣкѣ, оставляя въ живыхъ однѣхъ дѣвочекъ. Пребываніе въ Гошенѣ, гдѣ они до того пользовались свободой, превратилось такимъ образомъ для израильтянъ въ вѣчную каторгу. Это было испытаніе, которое должно было показать, останутся ли они вѣрны своему наслѣдственному ученію, или же они признають чужихъ боговъ.

Большая часть израильтянъ не выдержала этого тяжелого испытанія. У нихъ, правда, и въ рабствѣ сохранились еще воспоминанія о Богѣ ихъ праотцевъ, столь непохожемъ на египетскія божества. Но съ каждымъ днемъ эти воспоминанія все болѣе слабѣли. Тяжелый гнетъ съ одной, и инстинктъ подражанія съ другой стороны, мало-по-малу вытравивли изъ души ихъ послѣднюю память о наслѣдственномъ ученіи. Въ тяжеломъ рабствѣ своемъ они перестали возлагать надежды на своего невидимаго Бога, и обратились къ новымъ, видимымъ богамъ, которые были такъ милостивы къ ихъ властелинамъ и мучителямъ. Израильтяне стали молиться быку Апису, котораго они называли Абиромъ, и приносить жертвы козламъ¹⁾. Израильскія дѣвушки предавались разврату съ египтянами. И все племя окончательно погибло бы такимъ образомъ въ этомъ грубомъ служеніи идоламъ и не менѣе грубомъ развратѣ, подобно другимъ народамъ входившимъ въ сношенія съ страной Хама, если бы два брата и сестра ихъ, по внушенію свыше, во время не спасли ихъ. То были Моисей, Ааронъ и Миріамъ.

Въ чемъ именно заключалось величіе этого братскаго созвѣдія, какія духовныя силы, въ немъ таившіяся, дали ему силу предпринять освободительное дѣло, которое должно было имѣть столь благотѣльное влияніе не на одинъ его народъ и не на одну современную ему эпоху? Что это были за люди, какова была ихъ прошлая жизнь и какимъ образомъ они пришли къ исполненію столь высокой миссіи? Историческія преданія сохранили весьма мало воспоминаній о личныхъ качествахъ Моисея, и почти никакихъ—о его братѣ и сестрѣ, такъ что по нимъ довольно трудно понять, почему именно эти люди оказались достойными столь высокой задачи. Евтонисцы израильскіе считавшіе всякаго даже величайшаго смертнаго ничтожнымъ прахомъ въ сравненіи съ Всемогущимъ Творцомъ, намѣренно избѣгаютъ всякаго прославленія замѣчательныхъ людей, потому что это легко можетъ повести къ ихъ обоготворенію и къ тѣмъ самымъ заблужденіямъ, къ какимъ языческіе народы привело идолопоклонство. Моисея, величайшаго изъ пророковъ,

¹⁾ Левитъ XVII. 7.

богоизбраннаго собирателя, вождя и воспитателя племени, которому суждено было пережить цѣлыя тысячелѣтія, быть свидѣтелемъ гибели величайшихъ народовъ и послѣ безчисленныхъ страданій сохранить всю свою жизнеспособность,—этого человѣка библейскія предавія рисуютъ самыми блѣдными чертами, случайно сохранившимися въ памяти его современниковъ. Но при всей своей скудости, воспоминанія эти, однако, вполне достовѣрны.

Братья-пророки и сестра ихъ принадлежали къ колѣну, на которое израильтяне, въ виду его спеціальныхъ знаній, смотрѣли какъ на своихъ священнослужителей. Амрамъ, отецъ, и Йохеведъ, мать ихъ, были оба изъ колѣна Левіина, изъ семьи Кегать. Не подлежитъ сомнѣнію, что ихъ родъ или по крайней мѣрѣ семья ихъ осталась до ковца вѣрной Богу праотцевъ и наслѣдственному ученію, и держалась въ сторонѣ отъ египетскихъ идолопоклонниковъ съ ихъ ужасными заблужденіями¹⁾. Аронъ, старшій братъ, Моисей и Миріамъ такимъ образомъ родились и выросли въ атмосферѣ, гораздо болѣе чистой въ религіозно-нравственномъ отношеніи, чѣмъ прочіе израильтяне. О Моисей Библия рассказываетъ, что мать три мѣсяца скрывала его новорожденнаго у себя въ домѣ, не рѣшаясь обречь его смерти, какъ того требовалъ приказъ фараона, въ волнахъ Нила. Но, опасаясь, какъ бы о ребенкѣ не узнали царскіе соглядатаи, она его уложила въ корзину, которую спрятала въ прирѣчномъ тростникѣ. Тутъ, во время купанія, нашла его фараонова дочь, и такъ какъ онъ былъ красивъ, то она сжалилась надъ нимъ и воспитала его какъ свое родное дитя²⁾. Молодой Моисей былъ безъ сомнѣнія знакомъ съ дворомъ фараона въ Мемфисѣ или Танисѣ (Цаонѣ). Съ своими блестящими способностямъ,—слѣдуетъ во всякомъ случаѣ полагать, что у него таковыя были,—ему не трудно было усвоить всѣ египетскія науки. Съ своей счастливой наружностью и блестящими дарованіями онъ легко могъ снискать при дворѣ всеобщее расположеніе. Но еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ физическія и умственные преимущества, его украшали нравственныя добродѣтели—кротость и скромность. „Моисей былъ самымъ кроткимъ человѣкомъ на землѣ“,—вотъ единственная похвала, какую ему воздаютъ лѣтописныя сказанія. Не геройство, не воинскіе подвиги прославляютъ они въ немъ, а его самоотверженіе, его готовность принести себя въ жертву другимъ. Чистое ученіе Бога праотцевъ. Бога сираведливости, должно было внушить Моисею отвращеніе къ тѣмъ омерзительнымъ картинамъ, какія онъ

¹⁾ Ср. Самуиль I, II, 27.

²⁾ Имя Моисея производятъ отъ египетскаго слова *mes, messu*, что значитъ „ребенокъ“. Имя Арона, по всей вѣроятности, также египетское.

въ Египтѣ каждый день видѣлъ передъ своими глазами. Грубѣйшее идо-лопоклонство, обоготвореніе животныхъ, безстыдный развратъ, порабощеніе цѣлаго народа царемъ и жрецами, низведеніе человѣка до степени животнаго или даже ниже животнаго—всего этого Моисей былъ каждодневнымъ свидѣтелемъ. И въ то же время онъ видѣлъ, что всей этой грязью уже успѣли осквернить себя его соплеменники.

Къ этимъ несчастнымъ онъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ питалъ глубокое состраданіе. Не потому лишь, что то были его братья, но и оттого что ихъ на каждомъ шагѣ унижали и оскорбляли, потому что всякій власть имущій подвергалъ ихъ самымъ жестокимъ истязаніямъ. Моисей былъ заклятымъ врагомъ всякой несправедливости. Его сердце обливалось кровью при мысли о томъ, что его народъ отданъ въ рабство и отъ каждаго негодяя-египтянина долженъ молчаливо сносить возмутительнѣйшія насилія. Увидѣвъ однажды, какъ надсмотрщикъ ни за что ни про что бьетъ израильянина-рабочаго, онъ не выдержалъ и убилъ египтянина. Опасаясь жестокой раслаты со стороны египетскихъ властей, онъ бѣжалъ въ сосѣднюю пустыню, по ту сторону Краснаго моря, въ оазисъ близъ синайскаго хребта, гдѣ жилъ родственннй израильтянамъ народецъ *кениты*, отрасль семитическаго племени мидіанитовъ. Моисей и здѣсь повсюду встрѣчалъ несправедливость и насилія; и здѣсь пришлось ему выступать на защиту слабыхъ. Увидѣвъ однажды, какъ пастухи обижаютъ дѣвушекъ, пришедшихъ къ колодцу, чтобы напоить своихъ овецъ, онъ вступилъ за обиженныхъ и спасъ ихъ отъ дальнѣйшихъ оскорбленій. Старѣйшина или жрецъ кевитскій, узнавъ объ этомъ отъ своихъ дочерей-пастушекъ, пригласилъ его къ себѣ въ домъ, сблизился съ нимъ и въ послѣдствіи выдалъ за него одну изъ своихъ дочерей, Ципору. Оставшись въ этой странѣ, Моисей пасъ стада своего тестя въ синайскомъ оазисѣ между Краснымъ моремъ и горами. Здѣсь-то въ уединеніи пустыни на него снизошелъ пророческій духъ.

Что такое пророческій духъ? Даже люди, умѣющіе проникать въ великія тайны природы и сокровенные изгибы человѣческой души, и тѣ до сихъ поръ не дали болѣе или менѣе яснаго отвѣта на этотъ вопросъ и не пошли далѣе смутныхъ догадокъ. Психическая жизнь человѣка полна тайнъ, остающихся неразгаданными даже для самыхъ проникательныхъ умовъ. Нельзя, однако, отрицать, что разумъ человѣческій можетъ и безъ помощи внѣшнихъ чувствъ проникнуть въ эту загадочную область. Какая-то неизслѣдованная еще духовная сила даетъ людямъ возможность открывать истины, лежація въ сферѣ внѣшнихъ чувствъ. Этими чувствами можно лишь подтверждать и провѣрять найденныя уже истины, но никакъ не открывать ихъ. Съ помощью этихъ, неизвѣданной духовной силой че-

ловѣка открытыхъ истинъ люди научились познавать природу и подчинять себѣ ея силы. И то, что одинъ изслѣдователь открываетъ своимъ прозорливымъ окомъ, дѣлается затѣмъ всеобщимъ достояніемъ и ходячей истиной. Всѣ эти факты доказываютъ, что духъ или разумъ человѣческой несомнѣнно обладаетъ какой-то особенной интуитивной силой, выходящей далеко за предѣлы чувственныхъ воспріятій и самаго проницательнаго анализа, и дающей счастливымъ натурамъ, этой высшей интуиціей одареннымъ, возможность приподымать завѣсу съ темнаго будущаго, открывать невидимыя простыми смертными нравственныя истины и даже проникать въ сущность того таинственнаго Начала, которое управляетъ міромъ и всѣмъ на немъ живущимъ. Само собою разумѣется, что человѣку, преданному однимъ мелкимъ житейскимъ заботамъ, такое ясновидѣніе недоступно. Но почему же не допустить, что натурамъ избраннымъ, свободнымъ отъ грубыхъ страстей и грѣховныхъ желаній, не загрязнившимъ души свои всѣми пошлостями повседневной дѣятельности и всецѣло ушедшимъ въ исکانіе Бога и стремленіе къ нравственному совершенству, — почему не допустить, что такимъ праведникамъ воплѣ по силамъ откровеніе высшихъ религіозныхъ и нравственныхъ истинъ? Изъ вѣдръ Израиля нѣсколько вѣковъ подрядъ дѣйствительно выходили такіе праведные мужи, обладавшіе даромъ провидѣнія грядущаго, откровенія Бога и его завѣтовъ. Это историческій фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію: пророки ветхозавѣтные не только предсказывали будущіе судьбы израильскаго и другихъ народовъ, но пророчества ихъ затѣмъ и воплѣ сбывались. Первому изъ нихъ, удостоившемуся божественнаго откровенія, сыну Амрама, всѣ послѣдующіе пророки отдавали пальму первенства, такъ какъ его предсказанія были яснѣе, умѣреннѣе ихъ собственныхъ. Они признавали Моисея не только первымъ, но и величайшимъ изъ пророковъ. На свою дѣятельность они смотрѣли лишь какъ на отраженіе его высшаго духа. И смѣло можно сказать, что если душа смертнаго была когда либо одарена свѣтлымъ пророческимъ взоромъ, то это была чистая, святая, великая душа Моисея.

Конечно способы и средства, дающія пророку возможность прозрѣвать будущее и открывать высокія истины, также таинственны, какъ и та духовная сила, которая служитъ первоисточникомъ пророчества. Дѣло не станетъ яснѣе, если мы скажемъ, что Богъ является пророку въ необыкновенныхъ видѣніяхъ, на яву или во снѣ, или говоритъ къ нему загадками и образами¹⁾. Сами пророки объ этихъ способахъ и средствахъ ничего не сообщаютъ, они изрѣдка говорятъ лишь о тѣхъ ощущеніяхъ, какія

¹⁾ Числа XII, 6—8.

они испытывали, когда на них сниходило откровение. По их словам они чувствовали себя в это время охваченными какой-то невидимой силой, ощущали какую-то физическую боль; внутри их точно пылал огонь и стучал молотъ, которымъ можно было бы раздробить скалу¹⁾. Какая то невѣдомая сила заставляла ихъ говорить, влагая имъ въ уста слова, нагоняя на нихъ священный страхъ и въ тоже время внушая имъ презирающее опасности мужество²⁾. Они отлично сознавали, что то, что они должны говорить, не въ ихъ мозгу родилось, а вложено имъ въ уста другимъ, Высшимъ существомъ, внушено Божьимъ духомъ³⁾. Откровение, которые они должны были возвѣститъ, казалось имъ чуждымъ, слова, которыя текли изъ устъ ихъ, они произносили не по своему произволу; „что-то въ нихъ говорило“, и это „что-то“ вселяло мужество въ робкихъ, дѣлало юношей зрѣлыми и косноязычныхъ—краснорѣчивыми. Цѣломудренная жизнь, готовность къ самопожертвованію и страхъ Божій,— вотъ что прежде всего требовалось отъ будущаго пророка; полное самоотречение и глубокая преданность высокой задачѣ, на нихъ возложенной, — вотъ отличительныя черты ихъ высокой дѣятельности. Возвышавшееся надъ всякимъ сознательнымъ и безсознательнымъ обманомъ, это боговдохновенное пророчество дѣйствительно проявилось въ данномъ рядѣ необыкновенныхъ личностей. Языкъ вашъ, слишкомъ бѣдный для того, чтобы дать хотя бы приблизительное представленіе о могуществѣ челоуѣческаго духа, долженъ довольствоваться опредѣленіями, нимало не уясняющими давняго понятія и часто подающими поводъ къ недоразумѣніямъ. Съ своей скудной рѣчью лѣтописецъ не могъ не прибѣгать къ такимъ выраженіямъ, какъ: „лицомъ къ лицу видѣлъ Моисей Господа“. Чтобы отмѣтить разницу между пророчествами Моисея и его преемниковъ, Библия говоритъ, что въ то время, какъ другимъ пророкамъ Господь являлся лишь въ смутныхъ видѣніяхъ, онъ Моисею вѣщалъ изъ устъ въ уста, не загадками, а въ отчетливомъ явленіи“. Высокія качества ума и души, для пророческой миссии необходимыя, точно также ни у одного изъ позднѣйшихъ пророковъ не были въ такой полной гармоніи, какъ у сына Амрама. Прозорливость его была такъ велика, что отъ него не была сокрыта ни сущность вещей, ни тѣсная связь ея съ Предвѣчными. Первоначально, впрочемъ, и Моисей не обладалъ пророческимъ даромъ въ полной мѣрѣ: слѣдуетъ думать, что онъ у него только съ теченіемъ времени выработался и изощрился.

¹⁾ Іеремія XXIV, 25—29.

²⁾ Іеремія XX, 7—9.

³⁾ Числа XVI, 28; Іезекиель XIII, 2 и др.

Въ синайской пустынѣ,—разсказываетъ преданіе,—у подошвы Хорива, гдѣ Моисей пасъ стада своего тестя, ему однажды явилось дивное видѣніе, которое потрясло все его существо. Онъ увидѣлъ терновый кустъ, горѣвшій, но не сгоравшій, и услышалъ голосъ изъ него выходившій, который возвѣстилъ ему новое откровеніе о существѣ Бога и возлагалъ на него высокую миссію. Патріархи израильскіе и ихъ потомки называли Бога своего именами, которыми другіе народы, родственные по языку израильтянамъ, также называли своихъ языческихъ боговъ,—именами El, Elohim или Schaddai (Всемогущій, Милосердый). Вслѣдствіе этой одпнаковости имевъ израильтяне, поработенные въ Египтѣ, смѣшали своего единого Бога съ ложными богами своихъ поработителей. Совершенно одичавъ въ странѣ фараоновъ, они уже не въ состояніи были дѣлать различіе между ихъ истиннымъ Богомъ и египетскими идолами. У подошвы Хорива Моисею впервые возвѣщено было другое имя Бога Израиля, для точнаго отличія Его отъ всѣхъ прочихъ и познанія Его истиннаго Существа. Израильтяне впредь должны были называть своего Бога именемъ Jhwh (Iehovah), означающимъ жизнь и бытіе. Этимъ же именемъ они обязаны были клясться¹⁾. Голосъ изъ горящаго куста возвѣщалъ далѣе Моисею,

¹⁾ Исходъ III, 14-15. Слова: „Вотъ имя Мое навѣки и напомянаніе обо Мнѣ изъ рода въ родъ“ означаютъ собственно, что Богъ желаетъ, чтобы его называли однимъ этимъ именемъ, и чтобы только имъ клялись: слова אֲנִי הוְיְהוָה или אֲנִי הוְיְהוָה означаютъ: „клясться именемъ:“ Эберсъ утверждаетъ, будто у египтянъ существовало сходное съ библейскимъ опредѣленіе божества: „Anuk ru Anuk“ „Я есмь тотъ, кто есть“,—Богъ, одновременно являющійся отцомъ и сыномъ, воплощающій настоящее, прошедшее и будущее. Но такое представленіе о божествѣ до того не гармонируетъ съ нецѣлостями египетской міеологіи, что оно кажется совершенно невѣроятнымъ. Въ данномъ случаѣ къ тому же весьма важно знать, къ какому имени времени эти и однородныя съ ними метафизическія опредѣленія языческихъ боговъ относятся, для того, чтобы установить, не заимствованны ли они у евреевъ или у древнихъ грековъ; важно даже въ томъ случаѣ, если египтологи правильно дешифровали гіероглифы, что, однако, съ ними не всегда бываетъ. Что же касается монотензма, впервые провозглашеннаго евреями, то даже серьезные изслѣдователи всячески стараются умалить его значеніе. Одни представляютъ это ученіе грубой анти-культурной „религіей орды“, продуктомъ крайне ограниченнаго міровоззрѣнія семитовъ или евреевъ; для другихъ монотензмъ—религія народа, лишенаго всякой фантазіи, всякаго поэтическаго дара, неспособнаго создать свой собственный Олимпъ; третьи, наконецъ, находятъ, что евреи свое ученіе просто заимствовали у другихъ болѣе цивилизованныхъ народовъ древности. Эти произвольныя гипотезы совершенно непримиримы одна съ другой, но такъ называемые ученые съ большимъ апломбомъ умудряются тѣмъ не менѣе находить между ними связь. Плохо скрываеомой враждой и расовой антипатіей, недостойной людей науки, вѣсть отъ этихъ „теорій“. Въ дѣйствительности ничто не можетъ быть достовѣрнѣе того факта, что именно евреи провозгласили и возвели въ символъ вѣры единобожіе со всей вытекавшей изъ него моралью. Также ложно и то заключеніе, которое эти ученые выводятъ изъ своихъ гипотезъ. „Послѣ провозглашенія единобожія,

что онъ призванъ освободить израильтянъ изъ египетскаго рабства и повести ихъ въ обѣтованную страну. Въ этой пустынѣ, у горы Синай, освобожденный народъ получить отъ Бога своихъ прароцвѣвъ заповѣди. Не привыкшій еще къ такимъ экстраординарнымъ явленіямъ, Моисей закрылъ свое лицо и съ благоговѣйнымъ трепетомъ внималъ то милостивымъ, то гнѣвнымъ рѣчамъ Іеговы. Въ смиреніи своемъ Моисей попытался было замѣтить, что тяжелая и опасная задача освобожденія цѣлаго народа изъ рабства ему совсѣмъ не по силамъ. Кто и что я въ глазахъ фараона,—спрашивалъ онъ,—чтобы я осмѣлился выступить предъ нимъ съ требованіемъ объ освобожденіи израильтянъ? Его нескладная рѣчь казалась ему большимъ препятствіемъ для исполненія миссіи при дворѣ, гдѣ требуется извѣстная бойкость и краснорѣчіе. Но голосъ изъ куста успокоилъ его и на этотъ счетъ, говоря что фараонъ долго будетъ сопротивляться, но послѣ цѣлаго ряда „казней“, который Господь пошлетъ на его страну, онъ въ концѣ концовъ долженъ будетъ уступить. Потрясенный и просвѣтленный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, Моисей возвратился въ домъ своего тестя. Съ этихъ поръ онъ сталъ другимъ человѣкомъ; онъ сознавалъ, что отнынѣ онъ только слуга Бога и исполнитель Его предначертаній.

Такое же видѣніе явилось и оставшемуся въ Египтѣ Арону, которому тотъ же голосъ свыше повелѣлъ отправиться къ брату и вмѣстѣ съ нимъ приготовиться къ великому дѣлу, на нихъ возложенному. Нелегкимъ казался братьямъ этотъ подвигъ. Они знали, что въ Египтѣ имъ придется бороться съ всевозможными препятствіями и что самц израильтяне, погрязшіе въ рабствѣ, будутъ еще упорнѣе сопротивляться своему — говорятъ они, — еврей очень долго еще оставались язычниками, и монотеистическая идея въ чистомъ ея видѣ была *поэтому* формулирована лишь въ позднѣйшее время пророками израильтянскими, предварительно прошедшими длинный очистительный процессъ. Ложень этотъ выводъ потому, что политеизмъ официально существовалъ у евреевъ и послѣ пророковъ, до самаго вавилонскаго изгнанія и даже позже. Правда, чистый монотеизмъ съ самаго начала его возникновенія зналъ и исповѣдывалъ только высшій классъ израильтянъ, вся же масса народная имѣла о немъ довольно смутное представленіе, въ дѣйствительности оставаясь политеистами. Къ чистому монотеизму относятся и имя Бога Іhwh, о которомъ также одни утверждали, что оно усвоено было евреями лишь въ позднѣйшія времена (отсюда и гипотеза, будто іеговистскія части Пятикнижія и другихъ библейскихъ книгъ — позднѣйшаго происхожденія), а другіе, что оно заимствовано изъ семитической міеологіи и соответствуетъ Діонисію или сатурну (Тифону). Подозпаго рода догадки, основанныя на совершенно произвольныхъ этимологическихъ сближеніяхъ, нельзя принимать въ серъезъ. Въ пользу древности и чисто-еврейскаго происхоженія имени Іhwh неопровержимо свидѣтельствуетъ древнѣйшая пѣснь Деборы. Вообще такъ называемыя „іеговистская“ и „элогистская“ гипотезы, сторонники которыхъ даже въ предѣлахъ одного и того же лагера сильно расходятся между собою, должны бы совсѣмъ исчезнуть изъ библейской критики, такъ какъ ни къ чему опредѣленному съ ними нельзя придти.

освобожденію, чѣмъ фараонъ. Но, хотя оба они были уже немолоды, они однако не робѣли предъ трудностями предстоявшаго имъ подвига. Съ мужествомъ истинныхъ пророковъ и упованіемъ на Божию помощь они приступили къ дѣлу. Прибывъ въ Египетъ, они прежде всего обратились къ представителямъ израильскихъ семей и родовъ и къ старѣйшинамъ народа и объявили имъ, что Богъ повелѣлъ имъ освободить народъ и погнать его въ страну его праотцевъ. Старѣйшины обрадовались этому извѣстію и съ своей стороны стали проповѣдывать въ средѣ своихъ соплеменниковъ мысль объ освобожденіи. Но свыкшаяся уже съ рабствомъ чернь довольно равнодушно отнеслась къ этимъ проповѣдямъ. Тяжелая работа сдѣлала ихъ трусливыми и недобѣрчивыми. Самыя пламенные рѣчи и убѣдительнѣйшіе доводы оказались безсильными предъ жестоковѣйностью этихъ совершенно одичавшихъ рабовъ. „Намъ лучше,—говорятъ они,—оставаться рабами въ Египтѣ, чѣмъ умереть голодной смертію въ пустынѣ“¹⁾.

Не обезкураженные, однако, этимъ сопротивленіемъ, братья обратились затѣмъ къ фараону и именемъ Бога, ихъ посланнаго, потребовали отпущеніе ихъ единоплеменниковъ, добровольно пришедшихъ въ Египетъ и не утратившихъ своихъ правъ на свободу. Но если сами израильтяне не хотѣли свачала оставить эту страну, то фараонъ еще менѣе склоненъ былъ отпустить ихъ. Освободить нѣсколько сотъ тысячъ рабовъ, даромъ обработывавшихъ его поля и строившихъ для него города, только потому, что этого хотѣлъ какой-то неизвѣстный ему Богъ и въ силу права, котораго онъ не признавалъ,—одно такое требованіе казалось фараону величайшей наглостію. И онъ не только не отпустилъ израильтянъ, но, наоборотъ, приказалъ удвоить имъ работы, для того, чтобы у нихъ не оставалось времени мечтать о свободѣ. Израильтяне возроптали тогда на своихъ освободителей, упрекая ихъ въ томъ, что они, возбудивъ гнѣвъ фараона сдѣлали и безъ того тяжелое положеніе ихъ совершенно невыносимымъ. Если братья-пророки когда нибудь тѣшили себя иллюзіей, что народъ израильскій нетрудно будетъ вывести изъ Египта, то послѣдовавшее разочарованіе должно было отбить у нихъ охоту предпринимать дальнѣйшіе шаги. Все краснорѣчіе, которое Аронъ—говорившій за обонхъ—пускалъ въ ходъ въ бесѣдахъ съ фараономъ и своими единомышленниками, разбивалось объ ихъ упрямство.

И только тогда, когда страну египетскую и самого царя ея постигъ цѣлый рядъ лютыхъ казней, и когда онъ убѣдился, что несчастія эти дѣйствительно посланы на него неизвѣстнымъ ему Богомъ за его упрямство, фараонъ рѣшился уступить. Одинъ изъ позднѣйшихъ поэтовъ въ слѣдующемъ стихѣ описалъ эти „египетскія казни“.

¹⁾ Исходъ XIV. 12.

„Онъ превратилъ въ кровь ихъ рѣки, такъ что они не могли изъ нихъ пить; послалъ на нихъ насѣкомыхъ, которыя ихъ жалили, и жабы, которыя ихъ истребляли; Онъ посѣвы ихъ отдалъ на съѣденіе хлѣбному жуку и сарапчѣ; побилъ ихъ виноградники градомъ и смоковницы ихъ—морозомъ; отдалъ ихъ скотъ въ жертву молніи и стада ихъ—грозѣ. Онъ обрушился на нихъ со всей яростью Своего негодованія. Злые духи, освобожденные отъ оковъ, прокладывали путь Его гнѣву; Онъ не освободилъ отъ смерти самыя души ихъ, жизнь ихъ Онъ отдалъ въ жертву чумѣ и умертвилъ всѣхъ первенцовъ, родившихся въ странѣ Хама“¹⁾.

Въ виду послѣдней казни самъ фараонъ сталъ торопить Моисея и Арона, умоляя ихъ поскорѣе увести изъ страны своихъ соплеменниковъ. „Уходите поскорѣе,—говорилъ онъ имъ,—а то мы всѣ перемремъ“. Израильтяне едва успѣли занастысь пищей для своего далекаго и труднаго пути. Въ памятное утро пятнадцатаго Нисана израильтяне, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ мучительнаго рабства, сразу, безъ кровопролитія, получили свободу. Въ память этого высокочинаменательнаго событія, впоследствии былъ установленъ особый праздникъ.

Съ опоясанными чреслами и посохами въ рукахъ сотни тысячъ израильтянъ изъ деревень и шатровъ своихъ потянулись къ городу Рамзесу. Къ нимъ присоединились „разноплеменные люди“, родственные имъ по происхожденію и языку мелкіе пастушескіе народцы, вмѣстѣ съ ними и среди нихъ жившіе въ Египтѣ. Вся эта безпорядочная орда толпилась вокругъ своего избавителя и воздавала ему царскія почести, хотя самъ Моисей, первый провозгласившій равенство всѣхъ людей, меньше всего могъ думать о власти. Исходъ изъ Египта представлялъ для него еще большія трудности, чѣмъ самое освобожденіе. Эту нестройную толпу только что отпущенныхъ рабовъ, совершенно неспособныхъ—за исключеніемъ несьма немногихъ изъ нихъ—понимать возвышенную миссію, на нихъ возложенную, и безотчетно, какъ стадо, слѣдовавшихъ за своимъ вождемъ, готовые покинуть его при первомъ испытаніи—этихъ дикарей Моисей долженъ былъ вести черезъ пустыню въ обѣтованную землю! Для нихъ онъ долженъ былъ завоевать Ханаанъ, устроить ихъ на этой землѣ и создать затѣмъ изъ нихъ народъ, способный къ самостоятельной жизни! Въ этомъ колоссальномъ трудѣ онъ могъ разсчитывать на помощь лишь со стороны колѣна Левина, единственнаго, стоявшаго на высотѣ этой задачи. Левиты дѣйствительно были вѣрными помощниками его въ этомъ трудномъ сложномъ дѣлѣ созданія и перевоспитанія цѣлаго народа.

Между тѣмъ, какъ египтяне хоронили своихъ пораженныхъ чумой сыновей, израильтяне покидали ихъ страну, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ

¹⁾ Псаломъ 78, 44 и 90.

пробыванія къ ней¹⁾). То было четвертое поколѣніе первыхъ израильтянъ, переселившихся въ Египеть. Выходцы направлялись къ пустынь Шуръ или Этамъ, отдѣляющей Египеть отъ Ханаана, по той самой дорогѣ, по которой послѣдній патриархъ шелъ изъ Ханаана въ Египеть. Слѣдуя этимъ кратчайшимъ путемъ, израильтяне въ нѣсколько дней достигли бы границъ Ханаана. Но Моисей, ожидавшій сопротивленія нашествію израильтянъ со стороны прибрежныхъ жителей Ханаана, боялся какъ бы его трусливая, только что вышедшая изъ рабства орда, въ виду опасности, не обратилась въ бѣгство и не вернулась въ Египеть. Къ тому же онъ прежде всего долженъ былъ вести израильтянъ къ горѣ Синай, гдѣ имъ предстояло получить отъ Бога новое ученіе и законы, ради которыхъ имъ и дана была свобода. Когда они уже нѣсколько дней были въ пути, Моисей вдругъ повернулъ обратно и остановился съ слѣпо слѣдовавшимъ за нимъ народомъ у города Pi-ha-Chirot (Heropolis), на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ храмъ идола Тифона (Baal-Zerphon), бога пустыни, котораго жители этого города особенно почитали.

Когда фараонъ узналъ, что израильтяне повернули назадъ, онъ рѣшилъ воспользоваться этимъ для того, чтобы получить обратно только что отпущенныхъ имъ рабовъ. Онъ успѣлъ уже раскаяться, что въ минуту слабости уступилъ. Теперь ему представлялся случай поправить свою ошибку. Израильтяне сами давались ему въ руки, вѣроятно потому, что богъ Тифонъ преградилъ имъ дорогу къ пустынь. Царь наскоро снарядилъ войско съ боевыми колесницами и конями и велѣлъ ихъ нагнать и возвратить въ Египеть. Израильтяне, увидѣвъ издали египетское войско, пришли въ отчаяніе. Огступленія никакого не было. Предъ ними бы-

¹⁾ Сколько именно времени израильтяне пробыли въ Египтѣ, трудно установить. Указанія Библии на этотъ счетъ противорѣчивы. Въ одномъ мѣстѣ (Исходъ XII, 40) говорится о 430 годахъ, а въ другомъ (Бытіе XV, 13) о 400, въ круглыхъ цифрахъ и о „четырехъ поколѣніяхъ“. Сколько именно лѣтъ эти четыре поколѣнія прожили въ Египтѣ можно было бы опредѣлить лишь въ томъ случаѣ, еслибы въ Библии былъ указанъ возрастъ каждаго отца при рожденіи сына, подобно тому, какъ она показываетъ сколько лѣтъ вообще каждый изъ нихъ прожилъ. Въ Исходѣ (VI, 16-20; VII, 7) сказано, что Леви жилъ 137, Кегать—133, Амрамъ—137 и Моисей—80 лѣтъ. Продолжительность трехъ поколѣній обыкновенно принимается въ 100 лѣтъ: если мы въ данномъ случаѣ число это даже удвоимъ, да прибавимъ къ нему число лѣтъ Моисея—80—то и тогда мы получимъ только 280, а не 400 или 430 лѣтъ. Противорѣчіе это давно уже констатировано. Греческій переводчикъ Библии вышеозначенный стихъ Исхода понимаетъ такъ, что 430 лѣтъ продолжалось пребываніе израильтянъ въ Египтѣ и Ханаанѣ. Талмудъ точно также находитъ, что эти 430 лѣтъ слѣдуетъ считать не отъ переселенія Іакова въ Египеть, а отъ рожденія Исаака, Авторъ Seder Olam Rabba (170 послѣ Р. Х.) опредѣляетъ продолжительность пребыванія израильтянъ въ Египтѣ въ 210, а авторъ Pirke di Rabbi Elieser (с. 48) въ 215 лѣтъ.

ло море, а позади неприятель, который быстро приближался. Бывшіе рабы стали роптать на Моисея, говоря: „развѣ въ Египтѣ вѣтъ могилъ, что ты насъ вывелъ оттуда, для того, чтобы мы умерли въ пустынь?“ Но въ ту же минуту явилось спасеніе, на которое израильяне должны были смотрѣть какъ на величайшее чудо. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ ночью погналъ воду изъ узкаго пролива Чермнаго моря на югъ, почти совершенно обнаживъ дно морское. Вожди израильскіе немедленно воспользовались этимъ и быстро погнали весь народъ на другой берегъ. Египетскія полчища тѣмъ временемъ приближались. Но глубокой прибрежный песокъ мѣшалъ ихъ тяжелымъ колесницамъ подвигаться съ надлежащей быстротой. Густой туманъ, „облачный столбъ“, скрывалъ отъ ихъ взоровъ окрестность и не давалъ имъ возможности ориентироваться. Египтяне пришли поэтому въ замѣшательство и погоня замедлилась. Когда же они на разсвѣтѣ добрались, наконецъ, до берега и бросились за израильянами, успѣвшими уже по сухому дну переправиться на противоположный берегъ, вѣтеръ, бушевавшій всю ночь, вдругъ стихъ, вода огромнымъ потокомъ хлынула въ свое ложе и мгновенно потопило все египетское войско вмѣстѣ съ колесницами и конями. Это чудесное спасеніе израильянъ, на ихъ глазахъ происшедшее, просвѣтило даже самыхъ тупыхъ и вселило въ нихъ надежду на будущее. Въ этотъ день они окончательно увѣрвали въ Бога и Его посланника Моисея. Изъ глубины благодарныхъ сердецъ вырвался восторженный гимнъ. Мужчины пѣли хоромъ:

„Хвалу воспѣть хочу я Господу,
„Ибо великъ оупъ и всемогущъ.
„Коня и всадника свергнулъ оупъ въ море“.

Сестра Моисея и Арона, Миріамъ, взяла въ руки тимпанъ и запѣла тотъ же гимнъ; къ ней присоединились прочія израильянки съ тимпанами и вмѣстѣ съ ней стали пѣть и плясать. Великое зрѣлище, котораго весь этотъ народъ былъ свидѣтелемъ, такъ крѣпко запечатлѣлось въ его памяти, что рассказы о немъ много вѣковъ затѣмъ передавались изъ рода въ родъ. Псалмопѣвцы на различные лады воспѣвали это чудесное событіе:

„Они видѣли шествіе Твое, о Боже,
„Шествіе Бога моего, Царя моего въ высяхъ!
Впереди шли пѣвцы,
За ними—игравшіе на арфахъ,
А посреди нихъ—
Дѣвы, бившія въ тимпаны.
Хоромъ славили Бога и Владыку
Присшедшіе изъ дома Израилева“¹⁾.

¹⁾ Псаломъ LXVIII, 25—27.

* *
*

Колесницы фараона и войско его
Онъ ввергнулъ въ море,
Храбрѣйшіе военачальники
Потонули въ Черномъ морѣ.
Хляби морскія покрыли ихъ,
И пошли они ко дну, какъ камень.
Отъ дуновенія Твоего всучились воды,
Волны стали стѣною
И окаменѣли пучины среди моря.
Сказалъ врагъ:
„Я хочу настигнуть ихъ и взять ихъ въ добычу.
„Душа моя жаждетъ мести,
„Я обнажу мечъ свой
„И моя рука истребитъ ихъ“.
Тогда ты пахнулъ на нихъ вѣтромъ Твоимъ,
Море покрыло ихъ,
И они подобно свинцу погрузились въ могучія волны¹⁾.

Освобожденіе изъ рабства, переходъ чрезъ Черное море и внезапная гибель жаждавшихъ мести египтянъ,—все это были событія, пережитыя самими израильтянами и навѣки поэтому оставшіяся въ ихъ памяти. Въ минуты отчаянія и нужды воспоминанія объ этихъ чудесахъ вселяли въ нихъ надежду и мужество. Они вѣрили, что Господь, который освободилъ ихъ изъ рабства, превратилъ для нихъ море въ сушу и истребилъ ихъ враговъ, никогда ихъ не оставитъ и „всегда будетъ покровительствовать имъ“²⁾. У большинства народа эта вѣра, преданность Богу и мужество, правда, недолго удержались и исчезли, какъ только ихъ постигла новая бѣда, но меньшинство *пробужденныхъ* сохранили эти чувства навсегда и несмотря на всѣ позднѣйшія испытанія.

Чудеснымъ образомъ избавившись отъ новаго рабства, израильтяне могли теперь спокойно продолжать свой путь. До Синая, первой цѣли ихъ странствованія, было еще довольно далеко. Хотя страна, которую имъ предстояло пройти,—Синайскій полуостровъ, между Суэцкимъ заливомъ и Айлатомъ (Акабой),—представляетъ въ большей своей части песчаную пустыню (пустыни Шуръ, Сизъ и Синай), но все же въ ней нѣтъ недостатка въ оазисахъ съ водой и пастбищахъ. Монсею, прежде пасшему въ этой мѣстности стада своего тестя, страна эта была хорошо знакома. Съ утесовъ высокаго Синайскаго хребта и его отроговъ каждой весной спускаются къ котловинѣ Краснаго моря многочисленныя потоки. Израильтяне такимъ образомъ повсюду на пути своемъ могли находить воду. Но когда ея бывало мало или она не годилась для питья, то малодушные

¹⁾ Исходъ XV, 4—10.

²⁾ Таковъ смыслъ заключительнаго стиха въ „Пѣснѣ къ морю“ Исходъ XV 18.

среди них снова принимались роптать на Моисея, повторяя: „Не для того ли ты вывел насъ изъ Египта, чтобы мы, дѣти наши и скотъ нашъ погибли отъ жажды въ этой пустынѣ?“ Но Моисей, вдохновляемый свыше, всегда находилъ средства для успокоенія недовольныхъ. Онъ давалъ имъ какое-то сладкое дерево, которое дѣлало самую горькую воду пріятной для питья, или ударялъ своимъ посохомъ по какой-нибудь скалѣ, изъ которой послѣ этого обильнымъ ключемъ начинала бить вода. И въ хлѣбѣ у израильтянъ не было недостатка: его отлично замѣняла мавна. Последнюю они по всему пути своему находили въ такомъ изобиліи, что странники и на это должны были смотрѣть какъ на чудо. Тамариски,—особая порода деревьевъ, встрѣчающаяся исключительно въ этой мѣстности,—даютъ особое смолистое и сладкое какъ медъ вещество, крупныя капли котораго, падая на землю, твердѣютъ, образуя круглыя шарикки вродѣ гороха или кориандровыхъ сѣмянъ¹⁾. Моисей велѣлъ израильтянамъ собирать эти сладкіе и питательные шарикки по утрамъ, когда они не уснѣваютъ еще растаять отъ лучей солнца. Когда израильтяне впервые, изумленные, увидѣли этотъ „небесный хлѣбъ“, они назвали его „манна“ (даръ), не зная, что онъ собою представляетъ. Этими шариками израильтяне питались въ теченіи всего своего странствованія въ пустынѣ. Манна, которая по преданію не падала съ неба только по субботамъ, должна была служить израильтянамъ напоминаніемъ о томъ, что „не однимъ хлѣбомъ живъ человѣкъ, но всякимъ словомъ, изъ устъ Господа исходящимъ“²⁾.

Первый, медовый мѣсяцъ свободы прошелъ довольно благополучно, но на второмъ мѣсяцѣ ихъ странствованія, израильтяне подверглись у Рефидима, на предгорьяхъ Синая, жестокому нападенію. Воинственное полу-арабское племя амалекиты (тамуден?), которые вели бродячій образъ жизни въ этой мѣстности, живя разбоями и грабежами, напали однажды на слабыхъ и усталыхъ отъ долгаго пути израильтянъ, ограбивъ и убивъ многихъ изъ нихъ. Моисею пришлось вступить въ бой съ этими хищниками, ибо въ противномъ случаѣ они, не встрѣчая сопротивленія, продолжали бы свои истребительныя набѣги. Однако, только что вышедшіе изъ вѣковаго рабства израильтяне были весьма мало подготовлены для такого отпора. Моисей выбралъ поэтому изъ всѣхъ колѣнъ людей сильныхъ, мужественныхъ и владѣвшихъ оружіемъ. Среди нихъ былъ одинъ изъ колѣ-

¹⁾ О маннѣ см. подробно въ извѣстномъ географическомъ трудѣ Риттера („Erdkunde“ В. I, 665 и далѣе). Нѣкоторые египтологи утверждаютъ, что это смолистое вещество, стекающее съ тамарисковаго дерева, было подъ тѣмъ же именемъ *манну* извѣстно и египтянамъ Ebers. Durch Gosen. 226).

²⁾ Второзаконіе VIII, 3.

на Эфраимова, который въ молодости своей обнаружилъ отличныя воинскія способности и въ Египтѣ всегда сопровождалъ Моисея. Это былъ Юшуа, сынъ Нуна (Исусъ Навинъ), которому впоследствии выпало на долю совершить дѣло Моисея. Во главѣ отборнаго отряда Юшуа выступилъ противъ амалекитовъ. Моисей же, взошедши на гору, сталъ умолять Господа, чтобы онъ внушилъ израильскимъ воинамъ мужество и даровалъ имъ побѣду. Долго продолжался бой, но въ концѣ концовъ Юшуѣ удалось сразить врага, истребивъ одну его часть и обративъ другую въ бѣгство. Это сраженіе, которое легко могло кончиться истребленіемъ только что получившихъ свободу израильтянъ, надолго осталось въ памяти у обонхъ народовъ, впоследствии часто приходившихъ въ соприкосновеніе. Амалекъ сдѣлался первымъ наслѣдственнымъ врагомъ Израиля. Другія племена, жившія на Синайскомъ полуостровѣ, не беспокоили странниковъ. Съ однимъ изъ нихъ, вышеупомянутыми кенитами, израильтяне даже заключили выгодный союзъ. Мидіаниты, такое же хищническое племя, какъ амалекиты, не тревожили израильтянъ.

Обезпеченные отъ дальнѣйшихъ нападеній и ободренные своей первой побѣдой, израильтяне, казалось, готовы были принять то величайшее благо, ради котораго Моисей и повелъ ихъ въ Ханаанъ окольнымъ путемъ, чрезъ пустыни и горы Синайскія. Изъ Рефидима, довольно высоко расположеннаго, онъ повелъ ихъ еще выше, чрезъ горный узелъ, вершины котораго уходятъ въ облака и покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Отъ береговъ Краснаго моря въ этомъ мѣстѣ поднимаются одиѣ горныя массы надъ другими, вышиною почти въ 9000 футовъ, съ круглыми и острокопечными вершинами фантастическихъ формъ и гигантскаго вида, дикія, мощныя, вселяющія трепеть и ужасъ. Отважный горецъ, взобравшись на какую-нибудь изъ этихъ вершинъ, съ ея заоблачной высоты наслаждается свободнымъ видомъ на всѣ окрестныя страны. Двѣ части свѣта, Азія и Африка, распростерты подъ его ногами. Предъ нимъ, какъ на ладони, голубая гладь Средиземнаго моря съ его бухтами и островами, принадлежащими уже къ третьей части свѣта. Кругомъ во всѣ стороны отъ этой пустынной и безплодной возвышенности разбѣгаются плодородныя и населенныя долины. Такія же обширныя и плодородныя, но необитаемыя горныя долины имѣются и на самой возвышенности.

На третьемъ мѣсяцѣ странствованія въ пустынѣ Моисей повелъ израильтянъ къ одной изъ горъ Синая, велѣлъ имъ разбить у подножья ея шатры и двухдневнымъ постомъ и молитвой приготовиться къ воспріятію божественнаго откровенія. Съ утра третьяго дня вершина горы представляла необыкновенное зрѣлище: изъ черныхъ тучъ, ее окутывавшихъ

безпрерывно вылетали молніи, пылавшія, точно костеръ, и громы, оглушительные раскаты которыхъ могучимъ эхомъ переносились по окрестнымъ горамъ и долинамъ. Казалось, что вся природа пришла въ смятеніе, точно приближалась кончина міра. Израильтяне съ священнымъ трепетомъ взирали на эту величественную картину. Но при всемъ его грозномъ величїи, зрѣлище это въ дѣйствительности было лишь прелюдїей къ тѣмъ истинно-великимъ словамъ, которыя вслѣдъ за тѣмъ раздалась съ вершины.

Подъ раскатами грома и сверканіемъ молній Моисей повелѣлъ израильтянъ къ горѣ, на которую затѣмъ самъ взошелъ. Вслѣдъ затѣмъ съ пылавшей вершины ея раздался могучій голосъ Бога и до слуха народа отчетливо донеслись слова, столь простыя по содержанию своему, столь понятныя каждому и въ тоже время столь возвышенныя, представляющія главныя основанія всей человѣческой морали. „Богъ,—говорилъ голосъ съ вершины,—Котораго одного израильтяне должны отнынѣ признавать, есть Тотъ Вседержитель, Котораго они по чудеснымъ дѣламъ Его сами познали и могущественнаго вліянія Котораго на человѣческія судьбы они были свидѣтелями. Этотъ Богъ—не продуктъ воображенія, не порожденіе человѣческаго разума и не символъ природы. Невидимый, Онъ не долженъ быть представляемъ ни въ какихъ видимыхъ образахъ и подобїяхъ. Въ виду того идолопоклонства, къ которому израильтяне привыкли въ Египтѣ, это запрещеніе было сформулировано съ особой ясностью и рѣшительностью. Имя Бога Израїля вообще не должно быть прилагаяемо ни къ чему пустому, ничтожному. Ибо въ сравненіи съ Нимъ, все, что людьми можетъ быть обоготворяемо, пусто и ничтожно. Далѣе, соблюденіе субботы,—исконный обычай у израильтянъ,—на Синаѣ было предписано, какъ подлежащій непремѣнному исполненію законъ. Въ виду варварскихъ нравовъ того времени необходимо было также вмѣнить израильтянамъ въ обязанность почитаніе отца и матери. У многихъ народовъ древности было въ обычаѣ убивать престарѣлыхъ родителей, или же бросать ихъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ. Мать была въ презрѣніи и по смерти отца должна была подчиняться старшему сыну. На Синаѣ впервые было повелѣно, чтобы сынъ-глава семьи почиталъ мать свою какъ отца. Человѣческая жизнь въ тѣ времена вообще не имѣла большой цѣны: голосъ съ вершины Синая вѣщалъ поэтому: „Не убивай“. Въ видѣ поясненія къ этому закону въ другомъ мѣстѣ было присовокуплено: „Человѣкъ созданъ по образу и подобию Божію, и потому его жизнь неприкосновенна“. Древній міръ страдалъ отъ всеобщей распущенности нравовъ, такъ что даже боговъ изображали въ самомъ непристойномъ видѣ. Люди не понимали, что чрезмѣрнымъ и противоестественнымъ раз-

драженіемъ полового чувства они доводили себя до полного истощенія и преждевременной гибели. Голосъ съ Синая предписывалъ поэтому: „Не предавайся разврату“ ¹⁾. Послѣднія три заповѣди, наконецъ, провозглашали неприкосновенность чужой собственности и запрещали лжесвидѣтельство. Осуждены были при этомъ не только самыя дѣявія, но и дурныя помыслы. „Не пожелай ни жены, ни имущества ближняго твоего!“

Какими ничтожными кажутся намъ культуры древней Индіи и Египта, насчитывавшихъ къ тому времени уже цѣлыхъ двѣ тысячи лѣтъ своего существованія, со всей ихъ мудростью, со всеми ихъ колоссальными монументами, въ сравненіи съ этимъ событіемъ на Синаѣ? Здѣсь совершено было нѣчто истинно-великое, невыблемое, нѣчто предназначенное для вѣчности; здѣсь былъ положенъ фундаментъ всей человѣческой морали; здѣсь созданъ былъ народъ, подобнаго которому до тѣхъ поръ не было. Простыя и въ то же время глубокія истины о безличномъ, отвлеченномъ Богѣ, о Богѣ-Избавителѣ, о Богѣ-Защитникѣ угнетенныхъ и поращенныхъ; о почитаніи родителей, о цѣломудріи нравовъ, объ уваженіи къ жизни человѣческой и къ чужому добру, о честности отношеній между людьми и чистотѣ ихъ помысловъ,—все эти высокія истины и нравственные законы впервые и на вѣчныя времена были возвѣщены людямъ съ вершины Синая. Впервые здѣсь открыто было нѣчто дотолѣ совершенно неизвѣстное: найдена была совѣсть человѣческая.

У другихъ народовъ въ то время были уже свои законы, къ которымъ въ послѣдствіи прибавились еще и новыя. Но то были исключительно законы угнетателей, ложившіеся тяжкимъ бременемъ на угнетаемыхъ, законы сильныхъ, составленные властью имущими спеціально для того, чтобы держать безсильныя массы въ пожизненномъ рабствѣ. На Синаѣ же впервые были провозглашены законы равенства, которые должны были способствовать установленію между людьми иныхъ, болѣе справедливыхъ отношеній ²⁾. Классовымъ различіямъ такимъ образомъ былъ нанесенъ пер-

¹⁾ Глаголь *אָמַר* въ древне-еврейскомъ означаетъ преимущественно „предлюбо-дѣйствовать“, но онъ употребляется также въ значеніи разврата вообще. Седьмая заповѣдь имѣетъ навѣрно въ виду и кровосмѣсительство, и педерастію, и содомскій грѣхъ, ибо въ противномъ случаѣ было бы точнѣе указано, что именно подъ „предлюбо-дѣяніемъ“ подразумѣвается.

²⁾ Древне-греческій географъ Страбонъ въ слѣдующихъ немногихъ словахъ характеризуетъ различіе между ученіемъ, выраженнымъ въ заповѣдяхъ, и лжеученіями язычества: „Моисей училъ, что египтяне несправедливо думали и поступали, уподобляя божество животному; что неправы были и ливійцы, и не многимъ лучше ихъ были и греки, представляя себѣ своихъ боговъ въ образѣ людей. Ибо Бога, обнимающаго все сущее, нѣтъ видѣть, такъ какъ онъ вездѣ. Какой неразумный человѣкъ дерзнетъ пред-

вый ударъ. Десятисловіе было дальнѣйшимъ развитіемъ ученія, возвѣщеннаго праотцу Аврааму. Трепещущими рабами еврей шли къ Синаю; народомъ избранныхъ служителей божіихъ возвращались они къ своимъ шатрамъ. Строго соблюдая и проводя въ жизнь данные имъ завѣты, они должны были стать наставниками человѣческаго рода, его избавителями отъ язычества. Народы и не подозрѣвали, что въ одномъ уголку земли маленькое племя призвано было стать ихъ просвѣтителемъ.

Многознаменательное событіе, происшедшее на Синаѣ, осталось незабвеннымъ въ памяти израильтянъ и изъ рода въ родъ служило внослѣдствіи предметомъ вдохновенія для ихъ поэтовъ.

„Когда Ты предшествовалъ, о, Боже, народу твоему.
Когда Ты вступалъ въ пустыню,
То всколебалася земля
И разверзались небеса,
Горы разступились предъ тобою,
О, Боже, Богъ Нараидевъ“¹⁾.

На иной ладъ прославляетъ то же событіе другая пѣснь:

„Пришелъ Господь отъ Синая
Воссіялъ Своему народу отъ Сеира.

Они припали къ стопамъ Твоимъ
И словъ Твоихъ приняли
Ученіе, заповѣданное Моисеемъ,
Наслѣдіе дому Іакова“²⁾.

Другой поэтъ изобразилъ великое событіе въ слѣдующей картинѣ:

„Богъ градесть отъ Таммана,
Святой отъ горъ Фарапа.
Затмило небеса величіе Его,
И славой его преисполнилась земля.
Лунный свѣтъ былъ какъ сіянье дня,
И въ рукахъ его—два каменныхъ столба.

Онъ сталъ и потрясъ землю,
Возрѣлъ, и въ трепеть пришли народы,
Разверзались первозданныя горы,
Рухнули предвѣчныя высоты.

Задрожали шатры въ странѣ мидіанской.
Не на рѣки ли воспыдалъ Господь гнѣвомъ.

ставить такого Бога въ какого бы то ни было вещественномъ видѣ? Должно сставить всякое дѣланіе изображеній и поклоняться Богу безъ всякихъ образовъ“. Въ этой объективной передачѣ Моисеева ученія язычникомъ Страбономъ явно сквозитъ удивленіе, которое слѣдуетъ приписать Александри, гдѣ этотъ ученый получилъ образованіе.

¹⁾ Псаломъ LXVIII, 8—9.

²⁾ Второзаконіе XXXIII, 2—4.

Не на горы ли—яростью Своей.
 Не на моря ли—негодоваиємъ,
 Что восшелъ онъ на копей Своихъ,
 На колесницы Свои побѣдосныя?¹⁾

Одинъ псалмопѣвецъ въ слѣдующихъ строфахъ воспѣваетъ божественное откровеніе:

„Когда Господь пошелъ на землю египетскую,
 Услышалъ я невѣдомый мнѣ гласъ:
 „Я освободилъ спину твою отъ тяжести
 И руки твои отъ работъ;
 Въ бѣдѣ ты призвалъ меня,
 И Я избавилъ тебя;
 Я говорилъ тебѣ среди грома:
 Слушай, народъ мой!
 Я повелѣваю тебѣ,
 Чтобы въ средѣ твоей не было чужого бога,
 Чтобы инымъ богамъ ты не поклонялся,
 Ибо Я твой Богъ,
 Который вывелъ тебя изъ Египта“²⁾.

Чтобы увѣковѣчить божественное ученіе, выраженное въ десяти заповѣдяхъ, Моисей велѣлъ вырѣзать послѣднія на обѣихъ сторонахъ двухъ каменныхъ плитъ. Эти плиты, получившія названіе „скрижалей свидѣтельства или завѣта“, хранились израильтянами, какъ святыня. Ихъ держали въ особомъ ящикѣ, который помѣщался въ центрѣ шатра, куда старѣйшины израильскіе по приглашенію Моисея собирались для совѣщаній. Скрижали служили эмблемой союза, заключеннаго на Синаѣ между Богомъ и Его народомъ. Ковчегъ и самыя скрижали получили поэтому еще названіе „ковчега или скрижалей союза“³⁾. У всѣхъ народовъ древняго міра были свои святыни, но то были либо идолы, иногда весьма отвратительнаго вида, либо какой-нибудь фетишъ, дерево и т. п. Для израильтянъ же святыней были скрижали, на которыхъ начертаны были основныя начала ихъ религіи и вѣчные законы общечеловѣческой морали.

Эти основныя религіозно-нравственныя истины были дополнены и разъяснены впоследствии точно сформулированными законами, регулировавшими частную и общественную жизнь израильскаго народа. Первая заповѣдь, напоминавшая израильтянамъ о томъ, что Богъ освободилъ ихъ изъ египетскаго рабства, послѣ этихъ разъясненій сдѣлалась ученіемъ о равенствѣ всѣхъ членовъ общества, не признававшихъ ни господъ, ни ра-

¹⁾ Хавакукъ III. 3—8.

²⁾ Псаломъ, XXXI, 6—11.

³⁾ Книга Царей I, VIII, IX. Отсюда выраженіе לִבְיָהוּא—„скрижали сердца“ Притчи III, 3. У Иереміи XXXI. 32 также по всей вѣроятности первоначально было עַל לִבֵּי מַחֲבָה

бовъ. Никто не могъ продавать себя или быть проданнымъ въ вѣчное рабство. Если же кто продалъ свою свободу, то по истеченіи шести лѣтъ онъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ получить ее обратно. За оскорбленіе родителей или преднамѣренное убійство виновный подлежалъ смертной казни, отъ которой его не спасало самое святилище, если онъ въ немъ скрывался. Даже убійство раба-иноплеменика строжайшимъ образомъ преслѣдовалось; рабъ получалъ по закону свободу, если господинъ его дурно обращался съ нимъ. Законы, далѣе, точно опредѣляли размѣръ вознагражденія за нарушеніе права собственности, даже если нарушеніе было не предумышленное. Обезчестившій дѣвицу обязанъ былъ жениться на ней или уплатить отцу ея извѣстную сумму за безчестіе. Особое покровительство законы эти оказывали вдовамъ и сиротамъ. Они брали подъ свою защиту даже иноплемениковъ, жившихъ среди израильтянъ. Послѣдніе обязаны были помнить, что они сами были чужими въ Египтѣ и не должны были поэтому обращаться съ иноплемениками, какъ въ странѣ фараоновъ обращались съ ними самими.

Въ этихъ законахъ, проникнутыхъ чувствами справедливости и человѣколюбія, весьма мало говорится о всякихъ обрядностяхъ и жертвоприношеніяхъ. Древнѣйшій сводъ законовъ, написанный Моисеемъ, получилъ названіе „Книги завѣта“ (Sopher ha-Berit¹). Какъ дополненіе къ „Скрижалямъ завѣта“, книга эта была, вѣроятно, ввѣрена левитамъ, наиболѣе ученому изъ израильскихъ колѣнъ.

Однако, задача, возложенная на израильтянъ въ пустынѣ Синай, была слишкомъ идеальна и слишкомъ не соответствовала всемъ ихъ тогдашнимъ представленіямъ, всемъ склонностямъ ихъ и обычаямъ, для того, чтобы они сейчасъ же могли ее постичь и ею проникнуться. Даже въ наше время люди весьма образованные, не говоря уже о народныхъ массахъ, не могутъ себя представить невидимаго, отвлеченнаго Бога, лишеннаго человѣкоподобнаго образа. Полу-дикари, недавно только поклонявшіеся быку Апису, тѣмъ менѣе, разумѣется, могли увѣрять въ такого Бога. Подобно египтянамъ, почитавшимъ своихъ царей и жрецовъ какъ видимыхъ боговъ, израильтяне также стали поклоняться своему вождю Моисею. Но такъ какъ онъ долго не возвращался съ Синая, то они подумали, что онъ ихъ покинулъ навсегда въ этой пустынѣ, выхода изъ которой они не знали. Они стали дерзко требовать отъ Арона, замѣнившаго своего брата въ его отсутствіе, чтобы онъ имъ изготовилъ идола. Аронъ по слабости своей уступилъ, и изъ золотыхъ украшеній, которыя къ нему стали носить изъ всѣхъ шатровъ, отлил истуканъ въ видѣ тельца. Обрадованный народъ сталъ плясать вокругъ этого изображенія Аинса. Воззрив-

¹) Исходъ, XXIV, 7.

писи въ станъ израильскій и увидѣвъ народъ свой плянущимъ вокругъ золотого тельца, Моисей пришелъ въ страшный гнѣвъ и приказалъ оставшимся ему вѣрными левитамъ убить вѣскольکو тысячъ идолопоклонниковъ. Онъ зналъ, что только такими экзекуціями и можно отучить израильтянъ отъ идолопоклонства.

Моисей понималъ, однако, что одѣями строгостями онъ никогда не достигнетъ всей своей цѣли. Принимая мѣры противъ дальнѣйшихъ отпаденій въ язычество, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не считаться съ вѣковыми обычаями и вѣрованіями этихъ массъ, и долженъ былъ сдѣлать пмѣ нѣкоторыя уступки. Уступки эти состояли, во первыхъ, въ томъ, что народъ получилъ право символизировать, такъ сказать, Бога въ чемъ-нибудь конкретномъ, видимомъ, хотя и не въ какомъ бы то ни было образѣ. Когда Богъ явился народу, чтобы возвѣстить ему свой законъ, вершина Синая вся была въ огнѣ и гласъ Божій выходилъ изъ пылавашаго облака. Эта картина, какъ наиболѣе запечатлѣвшаяся въ умѣ народа, должна была отнынѣ напоминать ему о Богѣ, явившемся ему на Синаѣ. Моисей велѣлъ соорудить переносный алтарь, на которомъ долженъ былъ горѣть неугасимый огонь¹⁾. Въ пути этотъ алтарь должны были носить впереди народа. Другая уступка грубымъ представленіямъ толпы состояла въ слѣдующемъ. Первоначально ученіе Божіе не требовало отъ народа никакихъ жертвоприпошеній²⁾. Въ противность воззрѣніямъ языческихъ народовъ, согласно которымъ боги нуждались въ жертвенномъ мясѣ, израильтяне должны были проникнуться мыслью, что тотъ возвышенный Богъ, которому они были призваны служить, не нуждается ни въ какихъ жертвахъ.

„Изъ дворовъ твоихъ быковъ
Изъ хлѣвовъ твоихъ козловъ — Я не возьму:
Мои всѣ звѣри въ лѣсахъ
И птицы всѣ въ горахъ.
Голодь свой Я безъ тебя утолю,
Ибо моя земля и все на ней живущее.
Не Миѣ ли ѣсть мясо вола
И пить кровь козляну?“³⁾

„Жертвъ и даровъ Ты не желаешь,
Всесожженій на грѣхъ Ты не требуешь.“⁴⁾

„Ибо повинненія Я требую, а не жертвы.

¹⁾ Левитъ VI, 6. Сопоставленіе съ огнемъ на вершинѣ Синая указано въ Числахъ XXVIII, 6.

²⁾ Ср. Іеремія VII, 22-23. Амосъ V, 25.

³⁾ Псаломъ L, 8 — 13.

⁴⁾ Псаломъ XL, 7 и LI, 18.

И вѣра для Меня дороже всесожженія¹⁾.

„У Ливана не хватило бы дичи

И звѣрей для жертвоприношеній Ему“²⁾.

Вмѣсто такихъ жертвоприношеній Богъ требовалъ отъ евреевъ одного лишь—нравственной, святой жизни. Но до такой высоты этому народу тогда еще было довольно далеко. Какъ и у прочихъ народовъ того времени, и у израильтянъ понятіе о служеніи Богу было неразрывно связано съ обрядомъ жертвоприношенія. Моисей рѣшилъ поэтому сохранить на время въ народѣ этотъ культъ, по возможности очистивъ его отъ слишкомъ грубыхъ формъ. Изъ упомянутаго выше переноснаго шатра сдѣлали нѣчто въ родѣ храма, въ которомъ кромѣ ковчега съ скрижальми стоялъ также алтарь съ неугасимымъ свѣтильникомъ и столъ съ 12 хлѣбами, эмблемой 12 израильскихъ колѣнъ. Во дворѣ, окружавшемъ шатеръ, былъ воздвигнутъ алтарь для жертвоприношеній.

Храмъ этотъ требовалъ специальныхъ священнослужителей. Эта обязанность была возложена, разумѣется, на левитовъ, самыхъ вѣрующихъ и ученыхъ среди израильтянъ, еще въ Египтѣ исполнявшихъ эту обязанность. Но для того, чтобы эти священнослужители не эксплуатировали народъ, подобно египетскимъ жрецамъ, они, по постановленію Моисея, не имѣли права владѣть недвижимою собственностью и должны были жить платой, получаемой за требы въ точно установленномъ размѣрѣ. Сами левиты къ тому же знали, что жертвоприношенія и прочія службы, за которыя имъ платили, вовсе не предписывались религіей и что вѣншній культъ этотъ былъ лишь временной уступкой требованіямъ народа, переходной ступенью къ иному, высшему культу.

Почти цѣлый годъ,—годъ, богатый послѣдствіями,—провели израильтяне у Синая. Весною на второмъ году послѣ исхода изъ Египта они двинулись по направленію къ Ханаану. Проводникомъ ихъ въ пустынѣ былъ начальникъ племенн кенитовъ, Ховавъ, братъ жены Моисея, знавшій всѣ дороги и пристанища въ этой странѣ³⁾. Слѣдуя по сѣверо-восточному направленію и миновавъ оазисъ Хазерось, горную цѣнь Сеиръ и пастбища Фарана, израильтяне на четвертомъ мѣсяцѣ пути прибыли въ городъ Кадешъ, у южныхъ границъ Ханаана. Отсюда Моисей послалъ въ обѣтованную землю развѣдчиковъ, которымъ поручилъ осмотрѣть эту страну, узнать какая въ ней почва, растительность и какіе тамъ живутъ люди. Развѣдчики отравились и осмотрѣли всю страну до горъ Хермона. Извѣстія, ими привезенныя, были весьма неблагопріятны для переселен-

¹⁾ Іошуа VI, 6: ср. VIII 13.

²⁾ Іезая XL, 16.

³⁾ Числа X, 31; Самуилъ I. XV, 6.

цевъ. Правда, они хвалили плодородіе страны и показывали лозы винограда невиданной величины, имъ тамъ срѣзанныя, но жители Ханаана казались имъ непобѣдимыми. При вступленіи въ нее съ юга,—говорили они,—израильтянамъ придется имѣть дѣло сначала съ амалекитами, затѣмъ, въ горахъ, съ амореями, съ ханаанейцами,—у Иордана и у побережья морского, и, наконецъ, съ племенемъ свирѣпыхъ исполиновъ-анакитовъ. Всѣ эти народы и племена имѣли укрѣпленные города. Эти вѣсти не могли не произвести удручающаго впечатлѣнія на народъ. Малодушные снова стали осыпать упреками Моисея и Арона за то, что они вывели пхъ изъ Египта, нынѣ изъ нихъ предлагали даже немедленно выбрать вождя, который повелѣ бы ихъ обратно въ страну фараоновъ. Двухъ развѣдчиковъ, которые, вопреки своимъ товарищамъ утверждали, что въ Ханаанѣ никакой опасности нѣтъ, народъ едва не забросалъ камнями. Моисею едва удалось успокоить эту возбужденную орду. Убѣдившись, что съ этими трусливыми рабами ему Ханаана никогда не покорить, Моисей велѣлъ повернуть назадъ. Онъ рѣшилъ остаться въ пустынѣ до тѣхъ поръ, пока подрастетъ новое поколѣніе, которое, будучи воспитано на свободѣ, окажется болѣе мужественнымъ. Однако, когда было объявлено отступленіе, многіе смѣльчаки рѣшились лучше силой пробиться въ Ханаанъ, чѣмъ опять начать безконечныя скитанія по пустынѣ. Отдѣлившись отъ стана израильскаго, они пошли прямо къ горамъ, по направленію къ Ханаану, но были разсѣяны амалекитами и ханаанейцами. Нѣкоторое время затѣмъ израильтяне оставались еще въ Кадешѣ, а затѣмъ направились обратно въ пустыню и вскорѣ дошли до горъ Сина. Здѣсь они вступили въ сношенія съ родственнымъ племенемъ идумейцевъ, за деньги или въ обмѣнъ на скоть, получая отъ нихъ хлѣбъ и воду. Съ этого времени они не терпѣли болѣе нужды.

Тридцать восемь лѣтъ израильтяне кочевали со своими стадами въ пустынѣ между Кадешомъ и Аппатомъ, у южныхъ границъ Ханаана. Старое поколѣніе въ это время мало-по-малу вымирало, новое же Моисей и ближайшіе его помощники воспитывали уже въ новомъ духѣ, вырабатывая изъ нихъ людей мужественныхъ, свободолобивыхъ и преданныхъ истинной вѣрѣ. Моисей окружилъ себя совѣтомъ изъ старшихъ членовъ семидесяти семей. Это собраніе старѣйшинъ, послужившее образцомъ для однородныхъ учрежденій позднѣйшаго времени, облегчило Моисею бремя управленія народомъ. Учреждены были также и суды, высшей и низшей инстанціи. Выборъ судей, по одному на 100 и 1000 семействъ, Моисей предоставилъ самому народу. Судьямъ онъ постоянно внушалъ, чтобы они судили по правдѣ не только въ тяжбахъ израильтянъ между собою, но и въ спорахъ ихъ съ иноплемениками. Лицензіяція на судѣ и подкупъ строжайше воспрещались.

Любовь къ ближнимъ, равенство всѣхъ людей, справедливость и милосердіе,—вотъ тѣ идеалы, въ которыхъ Моисей воспитывалъ молодое поколѣніе. То было золотое время, время духовнаго перерожденія юнаго народа, въ своихъ странствованіяхъ по дѣвственнымъ степямъ учившагося понимать Бога и слѣдовать его завѣтамъ. Одинъ изъ позднѣйшихъ поэтовъ израильскихъ воспѣлъ эту эпоху въ слѣдующихъ стихахъ:

„Нашелъ Богъ народъ Свой	Несясь надъ птенцами,
Въ пустынной землѣ,	Онъ крылья простерши,
Среди коловрата	Подыметъ его,
И воя самумовъ.	На крыльяхъ своихъ
Его оградилъ Онь,	Его понесетъ!
Устроилъ его;	Единый Господь
Какъ зеницу ока	Его такъ ведетъ,
Хранилъ Онь его	И не было Бога
Подобно орлу,	Иного при немъ“ ¹⁾ .
Что бдитъ надъ гнѣздомъ.	

Подходилъ, однако, конецъ этимъ многолѣтнимъ скитаніямъ по пустынѣ. Старики всѣ почти повymiрали, молодые же были всецѣло преданы Моисею и болѣе способны къ самостоятельной жизни. Сорокъ лѣтъ почти, читая со дня исхода изъ Египта, израильтяне провели въ пустынѣ²⁾ Еще немного, и они бы совсѣмъ свыклись съ бродячей жизнью и превратились бы въ хищниковъ, вродѣ мидіанитовъ или амалекитовъ. Моисей рѣшилъ поэтому повести ихъ опять въ Ханаанъ. Первая попытка, однако, не удалась. На нихъ напалъ ханаанскій царь Арадъ. Послѣ кровопролитнаго боя, въ которомъ израильтяне потеряли и поражение, они принуждены были вновь отступить къ Кадену, оставивъ въ рукахъ побѣдителя изрядное число плѣнныхъ. Однако, вслѣдъ за тѣмъ часть израильтянъ, колѣна Іегудино и Симеоново, усилъа, при помощи кенитовъ, одержать побѣду надъ ханаанейцами. Отдѣлившись отъ израильскаго стана, они напали на нихъ, разбили ихъ на голову при Цефатѣ и заняли нѣсколько ихъ городовъ. Главная же масса израильтянъ рѣшила проникнуть въ Ханаанъ съ востока. Большой кругъ, который имъ для этого приходилось дѣлать, могъ бы быть значительно сокращенъ, если бы идумейцы позволили имъ пройти черезъ ихъ территорію. Моисей имѣлъ основаніе рассчитывать на это позволеніе со стороны родственнаго израильтянамъ народа, съ которымъ они во время пребыванія ихъ въ пустынѣ поддерживали самыя дружественныя отношенія. Идумейцы, однако, не согласились ихъ пропустить и даже выступили противъ нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы воспрепятствовать насильственному ихъ вторженію въ ихъ страну. Моавиты, жившіе нѣсколько сѣвернѣе

¹⁾ Второзаконіе XXXII, 10—12.

²⁾ О сорокалѣтнемъ пребываніи въ пустынѣ упоминаетъ также и древнѣйшій изъ пророковъ-писателей, Амось: II, 10; 5, 25.

идумейцевъ, также не соглашались пропустить израильтянъ. А такъ какъ Моисей не желалъ воевать ни съ тѣми, ни съ другими, то онъ принужденъ былъ обойти ихъ земли и пройти къ Хаанаанъ чрезъ заіорданскую страну. Къ востоку отъ моавитовъ жили аммониты, также родственное израильтянамъ племя. Ихъ плодородная, богатая пастбищами страна, простиравшаяся отъ рѣки Арнонъ до рѣки Яббокъ, вдоль восточнаго берега Иордана, незадолго до того была завоевана могущественнымъ аморейскимъ царемъ Сихономъ. Съ этимъ царемъ, также отказавшимся пропустить израильтянъ и выступившимъ противъ нихъ съ многочисленнымъ войскомъ, Моисею пришлось, наконецъ, вступить въ бой. Молодое израильское войско, воодушевленное своимъ вождемъ, сражалось храбро и навело амореямъ жестокое пораженіе.

Эта первая и большая побѣда, одержанная израильтянами у самыхъ границъ Хаанаана, имѣла для нихъ весьма важныя послѣдствія. Прежде всего она дала имъ возможность занять всю аморейскую землю и свободно на ней расселиться. Такимъ образомъ былъ положенъ конецъ ихъ многолѣтнимъ скитаніямъ. Побѣда эта, кромѣ того, придавала израильтянамъ бодрость и мужество, и вселила въ нихъ вѣру въ то, что они справятся и съ прочими врагами, при дальнѣйшемъ слѣдованіи своемъ въ обѣтванную землю. Сосѣднія племена, узнавъ о пораженіи, нанесенномъ ими могущественному царю Сихону, преисполнились уваженіемъ къ его побѣдителямъ.

„Услышавъ, племена трепещутъ;
 Страхъ объялъ филистимлянъ;
 Въ смущеніе пришли
 Старѣйшины Эдома;
 Первѣйшіе Моава
 Тамъ ужасомъ объяты;
 Хаанаанейцы вострепетали,
 Напалъ на нихъ испугъ и страхъ.
 Могуществомъ руки Твоей
 Да онѣмѣютъ, словно камни,
 Покуда мимо нихъ пройдетъ
 Твой народъ, о Господи,
 Покуда мимо нихъ пройдетъ
 Народъ, который Ты создалъ“).

Первая побѣда манила къ другимъ. Израильтяне не довольствовались уже тѣмъ, чтобы удержать въ своихъ рукахъ аморейскую землю, но стремились расширить ее завоеваніемъ новыхъ. По той сторонѣ Яббока была маленькая страна Гезеръ, также населенная амореями. Израильтяне и ее покорили. Далѣе на востокъ простиралась богатая лѣсами и плодород-

¹⁾ Исходъ XV, 14—16.

ными равнинами земля Басанъ, которой владѣлъ царь Огъ, потомокъ первобытнаго племени исполиновъ, въ этой странѣ вѣкогда обитавшаго. Израильтяне разбили и этого царя и завладѣли его страной.

Моисей сталъ такимъ образомъ твердой ногой въ восточномъ Ханаанѣ, располагая здѣсь обширною территоріей. Побѣды израильтянъ, однако, не давали покою сосѣднимъ племенамъ. Моавиты въ особенности боялись нападенія съ ихъ стороны за то, что они не пропустили ихъ чрезъ свою землю. Ихъ царь, Балакъ, не чувствуя себя въ силахъ сразиться съ израильтянами, прибѣгнувъ къ своеобразному способу борьбы съ ними. Призвавъ къ себѣ чародѣя Билеама, (про котораго ходила молва, что человекъ или народъ, котораго онъ проклялъ, дѣйствительно дѣлается несчастнымъ и погибаетъ), онъ повелъ его на вершину одной горы, откуда виденъ былъ весь станъ израильскій для того чтобы онъ оттуда предалъ израильтянъ проклятію. Но очарованный видомъ, представившимся его глазамъ, Билеамъ вмѣсто того, чтобы проклясть израильтянъ, сталъ ихъ благословлять. Онъ былъ убѣжденъ, что его проклятія не повредятъ Израилю, ибо „этотъ народъ“,—говорилъ онъ, „несетъ будущее на своихъ плечахъ“. Сошедши съ горы, колдунъ посоветовалъ моавитскому царю, если онъ желаетъ погубить израильтянъ, употребить болѣе дѣйствительное средство,—женскія чары. Балаку совѣтъ этотъ понравился. Но вмѣсто моавитскихъ женщинъ, къ которымъ израильтяне могли питать недобѣріе, онъ отправилъ въ ихъ станъ женщинъ изъ племени мидіанъ, съ которыми они были въ дружбѣ. По совѣту Билеама и требованію Балака, многіе мидіаниты отправились въ израильскій лагерь съ женами и дочерьми своими и пригласили израильтянъ на народный праздникъ въ Вааль-Пеоръ. На этомъ языческомъ праздникѣ мидіаниты мужчины по обычаю приносили жертвы идоламъ своимъ, а ихъ жены и дочери въ это время предавались открытому разврату. Соблазненные мидіанитками, израильтяне приняли участіе въ этой оргіи и стали приносить жертвы мидіанитскому идолу, самымъ грубымъ образомъ нарушая заповѣди. Воспоминаніе объ этомъ новомъ и возмутительномъ прегрѣшеніи надолго осталось въ памяти народа. Одинъ изъ позднѣйшихъ поэтовъ упоминаетъ о немъ въ слѣдующемъ стихѣ,

„Чистымъ, какъ виноградъ пустыни,
Нашелъ я Израиля;
Непорочными, какъ первую смоковницу
Узрѣлъ я отцовъ вашихъ
Но они пошли въ Вааль-Пеоръ,
Предались развратницамъ
И осквернились ихъ грѣхомъ“¹⁾.

¹⁾ Гошеа IX, 10.

Хуже всего было то, что ни у кого изъ израильтянъ не хватило мужества положить конецъ этой оргіи, несмотря на всѣ вопли Моисея. Одинъ Пинхасъ, внукъ Арона, показалъ примѣръ рвенія во имя поруганнаго Бога. Увидѣвъ, какъ одна мидіанитка на глазахъ у всѣхъ вводитъ израильтянина въ свой шатеръ, онъ закололъ ихъ обоихъ и тѣмъ прекратилъ разгулъ. Израильтяне опомнились и прогнали мидіанитовъ съ ихъ женами и дочерьми. Оскорбленные затѣяли войну, но въ первомъ же сраженіи были разбиты на голову.

Цѣлый рядъ побѣдъ, одержанныхъ израильтянами надъ различными народами со времени выхода ихъ изъ пустыни, вызвалъ къ жизни особый циклъ народныхъ пѣсенъ, этотъ первый признакъ возникновенія у народа національнаго самосознанія. Первыми произведеніями израильской музы были военныя, побѣдныя пѣсни. Поэты (Moschlim), слагавшіе эти гимны, пользовались большимъ успѣхомъ въ народѣ и собраніе ихъ произведеній („Книга браней Господнихъ“¹⁾) очень долго сохранялось. Изъ этихъ пѣсенъ до насъ дошли, и то въ отрывкахъ, только три. Первая изъ нихъ, изъ которой мы знаемъ только одну крайне неясную строфу, воспѣвала, повидимому, первые походы израильтянъ, до того момента, когда они осѣли въ Ханаанѣ. Вторая представляетъ такъ называемую „Пѣснь у колодца“,—²⁾ того колодца, который израильтяне впервые вырыли въ странѣ аммонитовъ, въ знакъ того, что они намѣрены ее занять. Всѣ старѣйшины Израиля участвовали въ рытьѣ этого колодца, который отъ того получилъ названіе „Колодца князей“ (Beer-Elim). Третья пѣснь была сложена во время возстановленія разрушенной израильтянами аморейской столицы Хешбона. Эти первые произведенія еврейской поэзіи, правда, не блещутъ ни глубиной содержанія, ни красотой формы, но въ нихъ уже замѣчаются кое-какія достоинства, впоследствии доведенныя поэтами Израиля до совершенства. Со стороны формы въ нихъ можно констатировать равномѣрность частей (parallelismus membrorum), такъ что одна и та же мысль повторяется въ нѣсколькихъ строфахъ на разные лады. Что же касается содержанія, то въ этихъ первыхъ стихахъ явно сквозитъ уже народный юморъ, какъ результатъ сопоставленія идеала съ столь мало гармонизирующей съ нимъ дѣйствительностью.

„Горе тебѣ, Арионъ!³⁾
 Бѣда тебѣ, о Моавъ!
 Погибъ народъ языческій:
 Сыновей своихъ бѣглецовъ

¹⁾ Числа XXI, 14.

²⁾ Т. же XXI, 17—18.

³⁾ Т. же 27—29.

И дочерей плѣнныхъ
Онъ самъ отдалъ Сихону,
Царю аморейскому...“

Однако, для того, чтобы добиться своей главной цѣли, покоренія обѣтованной земли, израильтянамъ незначѣмъ было долѣе оставаться въ странѣ аморейской: необходимо было готовиться къ переходу черезъ Иорданъ. Но тутъ обнаружился печальный результатъ послѣднихъ завоеваній. Колѣно Рувиново и Гадово и полуколѣно Манашино вдругъ объявили, что они желаютъ остаться въ завоеванной странѣ, богатая пастбища которой были весьма удобны для ихъ многочисленныхъ стадъ. Они рѣшили отдѣлиться отъ общей массы израильтянъ и повести самостоятельное существованіе. Это было новымъ ударомъ для Моисея. Онъ долго увѣщевалъ ихъ, горько упрекалъ въ измѣнѣ общенародному дѣлу, но въ концѣ концовъ долженъ былъ уступить. Они же съ своей стороны поклялись въ случаѣ войны придти на помощь прочимъ колѣнамъ. Такимъ образомъ возникла отдѣльная израильская территорія, такъ называемое „Заиорданье“ (Eber ha-Jarden, Pella), или „Земля двухъ съ половиной колѣнъ“. Идея территориальнаго единства всего израильскаго народа такимъ образомъ не могла быть осуществлена. Народъ оказался разбитымъ на двѣ неравныя половины, раздѣленныя Иорданомъ. Меньшая половина впослѣдствіи часто подвергалась нападеніямъ со стороны сосѣднихъ племенъ, а братья ихъ по той сторонѣ рѣки не всегда и не скоро могли придти имъ на помощь. Отдѣльное существованіе этихъ двухъ съ половиною колѣнъ къ тому же надолго остановило ихъ собственное развитіе: они остались кочевниками, въ исторіи всего народа игравшими одну пассивную роль.

Прочія колѣна готовились уже къ переходу черезъ Иорданъ, какъ вдругъ скончался Моисей. Если израильтяне оплакивали своего вождя, какъ преданіе гласитъ, тридцать дней, то нельзя сказать, чтобы этотъ трауръ былъ слишкомъ продолжителенъ, ибо потеря была великая и невознаградимая. Израильтяне съ полнымъ правомъ могли сказать, что съ этой смертью они всѣ осиротѣли. Ни одинъ изъ законодателей, основателей государствъ и объединителей націй древнихъ и новыхъ временъ не можетъ идти въ сравненіе съ Моисеемъ. Изъ орды рабовъ, находившихся въ самыхъ несчастныхъ условіяхъ, онъ сдѣлалъ сильный и самостоятельный народъ, въ умравшій организмъ его вдохнувъ безсмертную душу. Онъ поставилъ этому народу цѣль, идеаль, отъ осуществленія или неосуществленія которыхъ зависѣла вся его будущность. Моисей съ полнымъ правомъ могъ бы сказать о себѣ, что онъ вынесъ народъ израильскій на своихъ плечахъ, вынянчилъ его, какъ любящая мать вынянчиваетъ своего ребенка. И при этомъ онъ никогда почти не терялъ терпѣнія. Крот-

кій характеръ, самоотверженная душа и ясный пророческій взоръ сдѣлали его орудіемъ Божественнаго Промысла. Умирая, онъ могъ бы сказать, что онъ во всю свою жизнь никого не обидѣлъ, и никому не причинилъ зла. Онъ первый желалъ, чтобы всѣ израильтяне стали пророками, чтобы они подобно ему удостоились божьяго вдохновенія. Моисей остался навсегда недостижимымъ идеаломъ пророка. И воспоминаніе о томъ, что у колыбели еврейскаго народа стоялъ такой лучезарный образъ, такое великое свѣтило, животворящимъ, просвѣтляющимъ образомъ дѣйствовало на позднѣйшія поколѣнія. Сама смерть Моисея могла служить для нихъ примѣромъ и поученіемъ. Въ землѣ Моавъ, въ долину, окружающей священную для моавитовъ гору Пеоръ, тихо, безъ всякихъ торжествъ были преданы землѣ останки великаго пророка, и никто до сихъ поръ не знаетъ, гдѣ была его могила. Его же строгимъ завѣтамъ слѣдуя, израильтяне не должны были обоготворять его ни при жизни, ни послѣ смерти его, какъ это дѣлали другіе народы древности съ своими царями, вождами и пророками. Съ великою скорбью въ сердцѣ по любимомъ вождѣ, которому не суждено было ввести ихъ въ обѣтованную землю, съ славными воспоминаніями объ освобожденіи изъ египетскаго рабства, о чудесномъ переходѣ чрезъ Черное море, объ откровеніи на Синаѣ, съ мужествомъ и надеждой, внушенными побѣдами надъ ханаанейцами, амореями и мидіанитами,—израильтяне въ одинъ ясный весенній день перешли черезъ Иорданъ, предводимые любимымъ ученикомъ Моисея, Іошуой.

ГЛАВА II.

Іошуа—преемникъ Моисея. Переходъ черезъ Иорданъ. Завоеваніе Іерихона. Гивеониты. Коалиція ханаанскихъ городовъ противъ израильтянъ. Побѣда у Гивеона. Покореніе страны. Разъединеніе колѣнъ и ихъ удѣлы. Колѣно Левіино и ковчегъ завѣта въ Шилоуѣ. Природа „Земли Израильской“. Климатъ и растительность. Устройство поверхности и орошеніе. Остатки ханаанскихъ народцевъ. Смерть Іошуа.

При переходѣ черезъ Иорданъ и дальнѣйшемъ движеніи своемъ вглубь страны израильтяне серьезнаго сопротивленія не встрѣтили. Страхъ предъ побѣдителями Сихона и Ога такъ обуялъ многочисленныя племена и народцы Ханаана, что они почти не пытались остановить ихъ нашествіе. Страна эта въ то время была раздроблена на 31 царство, но каждый изъ царьковъ въ дѣйствительности владѣлъ лишь однимъ городомъ, да полями и пастбищами, его окружавшими. Связи между ними или ихъ народцами никакой не было, а объ объединеніи своихъ силъ противъ общаго врага они и не думали. И пришельцы могли безпрепятственно расположиться большимъ лагеремъ у Гилгала, между Иорданомъ и Іерихо-

номъ. Самы же пришельцы были, наоборотъ, объединены въ одинъ большой народъ, жаждавшій новыхъ завоеваній, опытный въ военномъ дѣлѣ и въ лицѣ Юшуа имѣвшій отличнаго вождя.

Чувствуя свою близкую кончину, Моисей просилъ Бога поставить во главѣ народа новаго вождя, дабы онъ не вступилъ въ обѣтованную землю, какъ стадо безъ пастуха. По внушенію Бога Моисей передалъ предводительство Юшуѣ, сыну Нуна, изъ колѣна Эфраимова, благословивъ его предъ смертію на дальнѣйшіе подвиги. Пророкомъ Юшуа никогда не былъ и сама Библия не считаетъ его въ ихъ числѣ. Это былъ только военачальникъ, обнаружившій отличныя военныя способности еще въ молодости своей въ сраженіи съ амалекитами у Рефидима. Однако, несмотря на всѣ эти преимущества, гордое и строптивое колѣно Эфраимово не признало бы его вождемъ, еслибъ онъ не вышелъ изъ его рядовъ. Но такъ какъ Юшуа принадлежалъ къ ихъ колѣну, то эфраимиты первые признали его власть, а за ними ужъ провозгласили его своимъ вождемъ и всѣ остальные колѣна.

Израильтянамъ въ первой очереди предстояло взять Иерихонъ. Этотъ городъ лежалъ въ чрезвычайно плодородной мѣстности, изобиловавшей высокоствольными пальмами, рѣдкими кустами бальзамника и многочисленными ключами. Вслѣдствіе близости Мертваго моря температура въ этой мѣстности круглый годъ весьма высокая, такъ что плоды созреваютъ тамъ значительно раньше, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Ханаана. Для израильтянъ было поэтому весь маважно овладѣть этимъ городомъ. Иерихонъ былъ, однако, окруженъ крѣпкими стѣнами. Но подъ дружнымъ натискомъ израильскихъ полчищъ стѣны эти рухнули. Побѣдители ворвались въ городъ и истребили все его ослабѣвшее отъ невоздержанной жизни населеніе. Эта легкая побѣда придавала израильтянамъ много смѣлости. Они рѣшили, что для завоеванія ближайшаго города Ай, лежавшаго въ 2-3 часахъ пути къ сѣверу отъ Иерихона, и весьма слабо населеннаго, достаточно будетъ небольшого отряда. Юшуа поэтому отправилъ туда всего нѣсколько сотъ человекъ. Сверхъ ожиданія этотъ отрядъ потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ бѣжать, оставивъ на мѣстѣ изрядное число убитыхъ. Юшуа собралъ тогда все свое войско и, прибѣгнувъ къ хитрости, взялъ этотъ городъ, истребивъ его жителей. Съ помощью такой же хитрости войскамъ Эфраимова колѣна удалось затѣмъ овладѣть сосѣднимъ городомъ Бетелемъ. Узнавъ объ этомъ, жители ближайшихъ городовъ и деревень разбѣжались во всѣ стороны, безъ боя предоставивъ израильтянамъ занять ихъ владѣнія, что тѣ и не замедлили сдѣлать. Хивейцы изъ сосѣдней страны Гивеонъ, или гивеониты, добровольно покорились израильтянамъ подъ однимъ условіемъ—чтобы ихъ оставили въ живыхъ. Такимъ образомъ

почти вся горная страна въ центрѣ Ханаана, отъ Иордана до Іевуса (позднѣйшаго Іерусалима), была въ рукахъ израильтянъ. Эта полоса земли отдѣляла сѣверныя Ханаанскія племена отъ южныхъ, такъ что тѣ и другіе не въ состояніи были приходиться другъ другу на помощь. Народцы южнаго Ханаана, опасаясь, какъ бы и ихъ владѣнія не попали въ добычу пришельцамъ, рѣшили положить конецъ своимъ раздорамъ и заключили между собою союзъ для совмѣстной борьбы съ общимъ врагомъ. Цари пяти городовъ, Іевуса, Хеврона, Ирмута, Лахиппа и Эглона, пошли войною на гивеонитовъ за то, что они покорились израильтянамъ и тѣмъ открыли имъ путь къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ. Гивеониты тогда обратились за помощью къ Іошуѣ. Израильскій вождь повелъ свое войско противъ союзныхъ царей и у Гивеона нанесъ имъ сильнѣйшее пораженіе. Остатки ханаанейцевъ, спасшіеся бѣгствомъ, были, по преданію, побиты необыкновеннымъ градомъ. Столь блестяща и важна была эта побѣда для израильтянъ, что еще 500 лѣтъ спустя она сохранилась въ памяти народа*). Одинъ поэтъ воспѣлъ ее въ слѣдующемъ стихѣ:

„И сказалъ Іошуа:
 О солнце, остановись у Гивеона!
 И луна надъ долиной Аялонской!
 Остановилось солнце на небѣ
 И вѣсѣть съ луною стояло,
 Пока народъ мстилъ своимъ врагамъ²⁾).

Неожиданно счастливый переходъ черезъ Иорданъ и слѣдовавшія за ними одна за другою побѣды явились въ глазахъ израильтянъ новыми чудесами, на подобіе тѣхъ, которыми сопровождался исходъ ихъ изъ Египта. Для псалмонѣвцевъ же и пророковъ эти новыя чудеса представляли богатый матеріалъ для прославленія Бога и его великихъ дѣяній:

„Когда изъ Египта вышелъ Израиль,

 Увидѣло море и убѣжало;
 Іорданъ въ страхѣ отступилъ;
 Горы прыгали, какъ козы,
 Вершины, какъ рѣзвыя стада.
 Что съ тобою, море,
 Что ты такъ убѣгаешь?
 А съ тобою, Іорданъ,
 Что отступаешь назадъ?
 Предъ Господомъ трепещетъ земля,
 Предъ Богомъ Іакова³⁾).

*) Іешая XXVIII, 21.

2) Іошуа X, 12-13.

3) Псаломъ 114.

„Солнце и луна остановились на пути своемъ. Они (израильтяне) шли при свѣтѣ Твоихъ стрѣлъ, при сверканіи Твоихъ копій. Грозою вступилъ Ты въ эту землю, во гнѣвъ раздавилъ Ты племена ея. Ты выступилъ на защиту Своего народа, на помощь избраннаго Тобою“¹⁾.

Съ завершеіемъ главнаго дѣла, завоеваніемъ всей центральной области, возобновилась старая рознь между колѣнами. Первое подало поводъ къ раздорамъ Юсифово колѣно. Эфраимово и Манашинно полуколѣна, на которыя оно подраздѣлялось, требовали для себя особыхъ преимуществъ, ссылаясь на привилегированное положеніе, которое они занимали еще въ Египтѣ, и на то, что главный вождь всего народа, Юшуа, вышелъ изъ ихъ среды. На этихъ основаніяхъ они потребовали и получили лучшую часть страны, центральную горную область, простирающуюся къ сѣверу и югу отъ Сихема, богатую источниками и чрезвычайно плодородную. Столицей этой области былъ древнѣйшій хивейскій городъ Сихемъ, расположенный въ весьма удобномъ мѣстѣ, въ долинѣ между горами Гаризимъ и Эбаль, снабжавшими его въ изобиліи водой. Эфраимиты и полуколѣно Манашинно не довольствовались, однако, этой прекрасной областью (получившей впоследствии названіе „Эфраимовыхъ горъ“) и стали требовать еще земли увѣренные, что Юшуа имъ въ этомъ не откажетъ. Они ссылались на то, что отведенная имъ территорія слишкомъ мала для ихъ многочисленныхъ семей, и на этомъ основаніи требовали для себя не только прекрасной плодородной равнины, которая тянется на нѣсколько часовъ пути къ сѣверу отъ отведенной имъ уже области, но сверхъ того еще и всю территорію, простирающуюся далѣе къ сѣверу, вплоть до возвышенности Таворъ. Сверхъ своихъ ожиданій они со стороны Юшуа встрѣтили энергичный отпоръ. Въ полу-насмѣшливомъ тоиѣ онъ замѣтилъ эфраимитамъ, что если ихъ такъ много, то имъ ничего не стоитъ самимъ завоевать у туземцевъ таворскую возвышенность. Эфраимиты, однако, нисколько не расположены были воевать, хотя и не прочь были, чтобы прочія колѣна завоевали для нихъ однихъ весь Хаанаанъ. Но встрѣтивъ со стороны Юшуа рѣшительное сопротивление ихъ эгоистическимъ притязаніямъ, они отдѣлились отъ прочихъ колѣнъ и перестали принимать участіе въ общенародныхъ дѣлахъ. Они, впрочемъ, могли быть вполне довольны и тѣмъ, что имъ досталось.

Это отпаденіе эфраимитовъ послужило сигналомъ для всѣхъ прочихъ колѣнъ. Каждое изъ нихъ стало только о томъ и заботиться, какъ бы отдѣлиться отъ остальныхъ и зажить на своей собственной землѣ. Четыре колѣна обратили свои взоры на сѣверъ четыре другихъ—на югъ и западъ. То, на что не отваживались Эфраимово и Манашинно полуколѣна, смѣло предприняли колѣна Исахаръ, Зевулонъ, Ашеръ и Нафтали.

¹⁾ Хаваукъ Ш, 11-13.

Они спустились въ долину Іезреель и отчасти разселись въ ней самой, отчасти проникли далѣе на сѣверъ, до плоскогорья, примыкающаго къ горамъ Ливана. Эти четыре колѣна еще менѣе эфраимитовъ способны были воевать съ обитателями Іезреельской равнины, такъ какъ не устояли бы противъ боевыхъ колесницъ туземцевъ. Колѣно Исахарово было довольно уже и тѣмъ, что оно на этой обширной равнинѣ нашло отличныя пастбища для своихъ стадъ; объ осѣдломъ и независимомъ существованіи оно пока не могло думать. Чувствуя свою слабость и желая жить въ мирѣ, оно признало надъ собой власть туземнаго царя. Весьма близкое къ Исахарову колѣно Зевулоново, не столь миролюбивое, завоевало себя на плоскогорьѣ, къ сѣверу отъ Тавора, отдѣльный участокъ земли. Другимъ двумъ колѣнамъ, Ашерову и Нафталіеву, труднѣе всего было добыть себѣ постоянное мѣсто осѣдности въ облюбованной ими области, такъ какъ туземныя племена въ этомъ мѣстѣ были весьма воинственны и тѣсно сплочены между собою. Здѣсь въ то время существовало даже нѣчто вроде столицы, городъ Хацоръ, въ которомъ жилъ царь Явинъ, владѣвшій всей окрестной землей. При первой вѣсти о вторженіи въ нее двухъ израильскихъ колѣнъ, царь этотъ собралъ всѣ подвластныя ему племена и выступилъ въ походъ, чтобы истребить пришельцевъ. Последніе обратились за помощью къ Іошуѣ. Собравъ все свое войско, Іошуа быстро прибылъ на мѣсто и, напавъ враслохъ на союзныя племена, подъ предводительствомъ царя Явина стоявшія у Меромскаго озера, разбилъ ихъ и обратилъ въ бѣгство. Это была вторая большая побѣда, одержанная израильтянами надъ союзными племенами Ханаана. Побѣда эта дала обимъ колѣнамъ возможность стать твердой ногой на сѣверѣ страны, между Іорданомъ съ востока и моремъ съ запада. Ашеръ и Нафгали остались такимъ образомъ самыми сѣверными изъ всѣхъ колѣнъ и до извѣстной степени охранителями границъ израильскихъ владѣній, причемъ первое разселилось въ западной, а второе въ восточной долининѣ плоскогорья.

Четыре прочія колѣна въ то же время завоевали себѣ осѣдность на югѣ, и притомъ собственными силами, безъ помощи всего народа. Малочисленное колѣно Вениаминово получило, по всей вѣроятности, отъ состоявшаго съ нимъ въ тѣсной связи Іосифова колѣна небольшой и не весьма плодородный участокъ, бывшее владѣніе гивеонитовъ, съ нѣкоторыми прирѣзками съ востока и запада. Въ своей средѣ вениамиты такимъ образомъ имѣли чужое хивейское населеніе. Проникнуть далѣе на югъ имъ было также трудно, какъ и двигаться на сѣверъ, чрезъ большую равнину. Ибо центръ страны, на возвышенности занимали іевусеи, сильное и воинст-

венное племя, владѣнія котораго были защищены неприступной скалистой крѣпостью Іевусомъ¹⁾). Племена же, жившія на западной равнинѣ, прилегающей къ морю, имѣли желѣзныя боевыя колесницы, которымъ израильтяне тогда не въ силахъ были противостоять. Остальнымъ колѣнамъ пришлось поэтому найти себѣ пристанище гдѣнибудь на югѣ и западѣ. Изъ нихъ самымъ многочисленнымъ и сильнымъ было колѣно Іегудино, къ которому примыкало малочисленное колѣно Симеоново.

Іегудеи должны были чувствовать себя сильно обиженными тѣмъ, что лучшая часть страны была отдана Іосифову колѣну, или присвоена была имъ. Крайне недовольные, они отдѣлились отъ прочихъ колѣнъ и съ помощью родственнаго израильтянѣ племени кенитовъ, старыхъ ихъ союзниковъ, стали искать для себя мѣста въ отдаленныхъ частяхъ Ханаана. Не затѣвая войны съ іевусеями, а можетъ быть и по соглашенію съ ними, іегудеи обошли ихъ страну и къ югу отъ нея завоевали при помощи симеонитовъ одинъ за другимъ вѣсколько городовъ. Прежде всего они взяли Хевронъ, впоследствии ставшій ихъ столицей. Затѣмъ были покорены и нѣкоторые другіе города. Этими завоеваніями іегудеи и ограничились. Подвигаясь далѣе на югъ, они, вмѣсто того, чтобы воевать съ туземцами, предпочли войти съ ними въ мирное соглашеніе, въ силу котораго они получили возможность поселиться въ ихъ владѣніяхъ рядомъ съ ними. Мѣста было достаточно для всѣхъ, такъ что пришельцамъ незначѣмъ было силою вытѣснять туземцевъ. Что же касается Симеонова колѣна, то оно собственной земли никогда не имѣло и не владѣло ни однимъ городомъ. Съ теченіемъ времени это колѣно вполне подчинилось іегудеямъ. Живя вмѣстѣ съ ними въ городахъ, оно однако правомъ голоса на ихъ народныхъ собраніяхъ не пользовалось.

Самая незавидная участь выпала на долю Данова колѣна, висѣвшая какъ бы между небомъ и землей. Слѣдуетъ думать, что это колѣно было самымъ малочисленнымъ изъ всѣхъ, такъ какъ Бибія упоминаетъ объ одной лишь семьѣ изъ этого колѣна, Хушамитахъ или Шухамитахъ²⁾). Даже въ средѣ самихъ израильтянъ даниты не имѣли колѣна-покровителя. Одно время они повидимому примыкали къ эфрамитамъ, но послѣдніе, по крайней эгоистичности своей, отвели имъ неудобный во всѣхъ отношеніяхъ участокъ въ юго-западномъ углу своей области, до того еще отведенный ими Веніаминиову колѣну. Данитамъ приходилось по

¹⁾ Іевусъ, позднѣйшій Іерусалимъ, былъ завоеванъ израильтянами только при царѣ Давидѣ.

²⁾ Бытіе XLVI, 23; Числа XXVI, 42.

этому самимъ завоевать себѣ сосѣднюю Саронскую равнину, прилегающую къ морю. Амореи, населявшіе эту равнину, этому, однако, воспротивились и отгѣснили ихъ къ горамъ. Но тутъ не позволили имъ поселиться эфратимиты и веніамиты. Даниты такимъ образомъ надолго осуждены были скитаться съ мѣста на мѣсто, не находя нигдѣ постоянного пріюта. Эти скитанія принудили впоследствии одну часть изъ нихъ отправиться на далекой сѣверъ, для того, чтобы тамъ найти для себя клочекъ земли.

Завоеваніе большей части Ханаана совершилось такъ быстро, что и современникамъ и потомкамъ ихъ оно должно было казаться новымъ чудомъ. Лишь за полвѣка до того израильтяне отступили отъ границъ этой страны, когда развѣдчики ихъ имъ заявили, что обитатели ея непобѣдимы. Теперь же эти столь страшные народы сами въ страхѣ бѣжали отъ израильтянъ, безъ сопротивленія оставивъ имъ свои владѣнія; тѣ же, которые оказали сопротивленіе, были истреблены или покорены. Израильтяне вѣрили поэтому, что во главѣ ихъ полчищъ, незримо шествовалъ самъ Господь, приводившій въ смятеніе и разсѣивавшій ихъ враговъ. Одинъ изъ позднѣйшихъ народныхъ поэтовъ воспѣлъ завоеваніе Ханаана въ слѣдующей прекрасной пѣснѣ:

„Ушами своими, о Боже, не разъ мы слышали,
Отцы наши про то намъ рассказывали,
Что во времена стародревнія,
Ты великія творилъ чудеса,
Ты рукою своею изгонялъ народы,
Сокрушалъ ихъ и искоренялъ,
Ибо не своимъ мечемъ завоевали они эту землю,
Не ихъ руки спасли ихъ,
А Твоя десница и Твоя рука
И свѣтъ лица Твоего, Твое благоволеніе“¹⁾.

Какъ плохо ни приходилось такимъ слабосильнымъ колѣнамъ, какъ Даново и Симеоново, все же они имѣли хоть какіе ни есть клочки земли, служившіе для нихъ точкой опоры въ настоящемъ и базисомъ для расширенія своихъ владѣній въ будущемъ. Одно колѣно Левіино осталось совершенно безземельнымъ. Законъ, на этотъ счетъ данный Моисеемъ, исполнялся въ точности. Какъ наследственный классъ священнослужителей, левиты не должны были пріобщаться ни къ какимъ мірскимъ интересамъ и не могли поэтому думать о пріобрѣтеніи земельной собственности; они не должны были, подобно египетскимъ жрецамъ, образовать богатую кассу, эксплуатирующую религіозныя чувства народа въ свою личную пользу. По мысли Моисея левиты должны были оставаться неимущими, довольствоваться приношеніями мірянъ и заботиться исключительно о святилищахъ,

¹⁾ Псаломъ XLIV, 2-4

при которыхъ они состояли, и законахъ, толкованіе которыхъ лежало на ихъ обязанности:

„Они якова учать законамъ и Израиля заповѣдямъ Твоимъ; они курятъ оміамъ предъ лицомъ Твоимъ, и дѣлають всеожженія на жертвенникѣ Твоемъ“¹⁾.

Главнымъ мѣстопробываніемъ святины израильскихъ былъ при Юшуѣ городъ Гилгалъ, лежавшій между Иорданомъ и Геригономъ. Здѣсь въ то время находилась скинія съ ковчегомъ завѣта, здѣсь совершались жертвоприношенія и тутъ же находились 12 камней, доставленные сюда изъ Иордана, въ память перехода 12 колѣнъ черезъ эту рѣку²⁾. Здѣсь же жили тогда и левиты, съ первосвященникомъ Элеазаромъ, сыномъ Арона, во главѣ. Служа сборнымъ пунктомъ для израильтянъ впредь до окончательнаго упроченія ихъ въ Ханаанѣ, Гилгалъ въ тоже время считался святымъ мѣстомъ, куда израильтяне ходили на поклоненіе. Но, расположенный въ бесплодной и отдаленной отъ центра страны мѣстности, Гилгалъ не могъ долго оставаться сборнымъ пунктомъ для всего народа. Какъ только израильтяне стали твердой ногой въ Ханаанѣ, а заиорданскіе воины изъ колѣнъ Рувина и Гада вернулись въ свои владѣнія, рѣшено было перенести святилище и сборный пунктъ въ болѣе подходящее мѣсто. Почему-то выборъ палъ на ничѣмъ до того неизвѣстный городъ Шилонъ (Шило, Сило, Салемъ) и пренебрегли гораздо болѣе для того пригодными пунктами, какъ гора Гаризимъ у Сихема, или городъ Ветель. Шилонъ во всякомъ случаѣ сталъ сходбищемъ если не для всѣхъ колѣнъ, то для тѣхъ, которыя занимали центръ страны,—Эфраимова, Манашіина и Веніамина. Первосвященникъ, внукъ Арона, Пинхасъ, а за нимъ и его преемники жили тутъ же, такъ какъ сюда была перенесена скинія завѣта и алтарь для жертвоприношеній. Здѣсь поселилась и часть левитовъ, остальные же жили въ другихъ городахъ, разбросанныхъ во владѣніяхъ различныхъ колѣнъ, переходя съ мѣста на мѣсто въ качествѣ странствующихъ служителей божіихъ и духовныхъ наставниковъ народа.

Съ водвореніемъ израильтянъ Ханаанъ получилъ не только новое имя, но и совершенно нной характеръ. Страна эта стала „Святой землей“, „Наслѣдіемъ Господнимъ“. Сама обѣтованная земля должна была способствовать выполненію народомъ израильскимъ своей мисіи,—служить образцомъ святости и справедливости. Всѣ прочія страны въ сравненіи съ Ханааномъ считались нечистыми, такими, гдѣ служеніе единому Богу и исполненіе его заповѣдей не могли быть достигнуты³⁾. Святой землѣ при-

¹⁾ Второзаконіе XXXIII 10.

²⁾ Юшуа 4.

³⁾ Ср. Самуиль I, XXIV, 19; II, XX, 19; Захарія II, 16; Юшуа VI, 15; XXII, 19.

писывалась особая чувствительность, она какъ будто реагировала на угодный или негодный Богу образъ жизни народовъ, ее населявшихъ. Три грѣха, заповѣдами объявленные самими тяжкими, убійство, развратъ и идолопоклонство, земля эта не терпѣла. За такія преступленія она извергла, какъ бы „выплюнула“ языческихъ обитателей своихъ, и такая же участь ждала, по словамъ пророковъ, и израильскій народъ, если бы онъ впалъ въ тѣ же грѣхи ¹⁾). Особенности страны поддерживали въ народѣ эти представленія, израильтяне считали ее какимъ-то особеннымъ, единственнымъ на землѣ уголкомъ, съ которымъ ни одна страна не могла идти въ сравненіе.

„Земля Израильская“,—какъ стали называть Ханаанъ со времени водворенія въ ней израильтянъ,—дѣйствительно представляетъ нѣкоторыя особенности, не встрѣчающіяся нигдѣ больше на земномъ шарѣ. Эта маленькая страна, занимающая всего 30 миль въ длину и 12 въ ширину (считая уже и заіорданскую область), представляетъ поразительные контрасты. Покрытая вѣчнымъ снѣгомъ вершины Хермона и Ливана на сѣверѣ господствуютъ надъ цѣлымъ рядомъ горъ и долинъ, которыя тянутся до песчаной пустыни на югѣ страны, гдѣ африканскій зной душитъ всякую растительность. Вокъ о бокъ произрастаютъ здѣсь породы деревьевъ, нигдѣ вмѣстѣ не встрѣчающіяся; стройная пальма, требующая весьма высокой температуры, и дубъ, температуры этой не выносящій. Если тропическая жара южной ея полосы черезчуръ волнуется кровь ея обитателей и возбуждаетъ въ нихъ сильныя страсти, то холодный вѣтеръ, дующій съ снѣжныхъ вершинъ сѣвера, кровь эту охлаждаетъ и дѣлаетъ жителей болѣе разсудительными и сдержанными. Съ двухъ сторонъ Ханаанъ омывается водою: съ запада Средиземнымъ моремъ, берегъ котораго изобилуетъ отличными пристанями для судовъ, а съ востока Іорданомъ, который, начинаясь на высотахъ Хермона, течетъ почти прямой линіей съ сѣвера на югъ. Верховья и устья, начало и конецъ этой рѣки, обозначаются двумя большими озерами, или внутренними морями, Генисаретскимъ или Тиверіадскимъ озеромъ (Kineret) на сѣверѣ, у истоковъ ея, а на югѣ Мертвымъ моремъ, въ которое она впадаетъ. Эти два озера въ свою очередь представляютъ полный контрастъ. Въ сладкихъ водахъ перваго водятся всевозможныя породы рыбъ, а на плодородныхъ его берегахъ произрастаютъ пальмы, фиговые деревья, виноградъ; благодаря высокой температурѣ плоды здѣсь созрѣваютъ на цѣлый мѣсяць раньше, чѣмъ на сосѣднемъ плоскогорьѣ. Соленое же озеро потому и получило названіе Мертваго моря,

¹⁾ Левитъ XVIII, 24-23; XX, 22-23. Числа XXXV, 33; Іеремія III, 1-9. Псаломъ CVI, 38.

что въ немъ не можетъ жить ни одна живая тварь. Соль, магnezія и асфальтъ, которые его воды въ обилии содержатъ, убиваютъ все живое. Самый воздухъ вокругъ этого озера и почва его береговъ насыщены солью; убивающей всякую растительность. Окружающая его котловина, склоны которой мѣстами поднимаются болѣе чѣмъ на 1300 футовъ надъ уровнемъ воды, лишенная всякой растительности и совершенно пустынная, придаетъ всей окрестности чрезвычайно мрачный колоритъ. У береговъ этого моря встрѣчаются при всемъ томъ оазисы, роскошной растительностью своей не уступающіе самымъ благодатнымъ уголкамъ на землѣ, и встрѣчаются такія рѣдкости, напримѣръ, какъ бальзамный кустъ. Плодороденъ оазисъ Энгади, на западномъ берегу моря, у его средины, орошаемый двумя рѣдко высыхающими потоками. Еще великолѣпнѣе другой оазисъ, у юго-восточнаго угла моря, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ городъ Цоаръ, и отъ пальмовыхъ рощъ своихъ получившій названіе „Города пальмъ“ (Thamaga). Здѣсь также нѣкогда произрастали бальзамные кусты. Въ полутора часахъ пути отъ моря къ сѣверо-востоку, въ окрестностяхъ города Бетъ-Гарама, росъ знаменитый въ древности гилеадскій бальзамникъ. И рядомъ, у тѣхъ же береговъ, тянутся обширные солончаки, отравляющіе окрестную атмосферу своими вредными испареніями. Оба озера, Соленое и Генисаретское, имѣютъ лишь то общее, что на ихъ берегахъ встрѣчаются горячіе сѣрные ключи, цѣлебная сила которыхъ въ извѣстнаго рода болѣзняхъ давно признана.

Мертвое море всегда напоминало израильтянамъ объ одной тяжелой Божьей карѣ. Дно его, по преданію, нѣкогда представляло плодородную низменность, прекрасную, какъ „Садъ Божій“. Но жители расположенныхъ въ этой мѣстности городовъ Содома, Аморы и Цевонма отличались безчеловѣчной жестокостью. Пресыщенные, они не питали никакого сочувствія къ страждущимъ и немущимъ; странники, имѣвшіе неосторожность входить въ ихъ города, подвергались немилосерднымъ истязаніямъ; сами жители предавались противоестественному разврату. Богъ внялъ, наконецъ, стовамъ ихъ многочисленныхъ жертвъ. И внезапно, — это было, по преданію, за нѣсколько сотъ лѣтъ до переселенія въ Ханаанъ израильтянъ, — города эти были постигнуты ужаснымъ землетрясеніемъ. Въ потокахъ огня и кипящей сѣры, разлившихся по всей низменности, города эти погибли со всеми ихъ жителями. На опустошенную низменность хлынули соленыя воды, и вся мѣстность вокругъ превратилась въ мрачную пустыню. Такъ погибли забывшіе Бога грѣшники Содома и Аморы, судьба которыхъ впоследствии служила израильтянамъ предостереженіемъ и поучительнымъ примѣромъ.

Географическое положеніе Ханаана, между умѣреннымъ поясомъ и жаркимъ, придаетъ его климату ему одному свойственную регулярность.

Продолжительность дня и ночи круглый годъ почти равна 12 часамъ, и только въ самые жаркіе лѣтніе и самые холодные зимніе мѣсяцы дни или ночи на два часа длиннѣе. Смѣна дня и ночи совершается быстро, такъ что вечеръ и утро наступаютъ сразу, почти безъ сумерекъ. Времена года слѣдуютъ одно за другимъ съ замѣчательной правильностью. Въ сущности здѣсь только два времени года: сухое и дождливое. Въ началѣ осени падаютъ такъ называемые „ранніе дожди“ съ такой регулярностью, что если ихъ изрѣдка не бываетъ, то населеніе смотритъ на это, какъ на бѣдствіе, угрожающее посѣвамъ. Дождливые дни смѣняются затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ зимнихъ мѣсяцевъ солнечными днями, ливни сопровождаются грозами, а иногда переходятъ въ снѣгъ или градъ. Это „поздніе дожди“, пополняющіе иногда недостатокъ въ осеннихъ дождяхъ. Эти правильно выпадающіе осадки происхожденіемъ своимъ обязаны главнымъ образомъ Ливанскимъ горамъ и Средиземному морю, „отцамъ дождя“, какъ ихъ называли израильтяне. Тающій подъ лучами лѣтняго солнца снѣгъ на вершинахъ Ливана насыщаетъ осенью атмосферу обильной влагой, собирающейся въ облака; дующіе съ моря вѣтры гонятъ затѣмъ эти облака на югъ и такимъ образомъ „сѣверный вѣтеръ производитъ дожди“¹⁾. Въ сухое же время года, съ апрѣля по октябрь, небо совершенно безоблачно: ни одна капля дождя не освѣжаетъ атмосферы. Отъ этой шестимѣсячной засухи ни люди, ни животныя и растенія нимало, однако, не страдаютъ. Обильная роса, выпадающая по ночамъ, вполне замѣняетъ дожди, а сѣверо-западные вѣтры, въ продолженіе всего лѣта дующіе съ моря, значительно умѣряютъ дневную жару. Изрѣдка лишь вѣетъ съ востока знойный вѣтеръ (Kadim, Sal-Aphot), который несетъ съ собою проникающую во всѣ поры тѣла горячую пыль. Вѣтеръ этотъ, однако, далеко не такъ вреденъ для здоровья, какъ африканскій самумъ, напримѣръ.

Большимъ благодѣніемъ для страны являются ея горы. Палестина по преимуществу страна горъ. Двѣ величественныя горныя цѣпи, раздѣленные глубокой долиной, поднимаются на сѣверъ, какъ два могучихъ великана въ бѣлыхъ шапкахъ: *Ливанъ*, высочайшая вершина котораго (Dhor-el-Khédir), достигающая 10000 футовъ надъ уровнемъ моря, теряется въ области вѣчныхъ снѣговъ, и *Хермонъ* (Антилванъ), высшая точка котораго („Шейхъ“) доходитъ до 9300 футовъ. Ливанъ никогда не входилъ въ составъ Израильской Земли, а принадлежалъ къ владѣніямъ финикянъ, арамейцевъ и народовъ, наслѣдовавшихъ ихъ земли. Израильтяне пользовались, однако, его знаменитыми кедровыми лѣсами, а поэты израильскіе воспѣвали его величавыя вершины и его благоухан-

¹⁾ Притчи XXV, 23.

ные лѣса. Ближе къ владѣніямъ израильтянъ былъ Хермонъ. Имъ можно уже любоваться на расстояніи двадцати миль, если его не заслоняютъ высокія предгорья. Границы Земли Израильской доходили до самой подошвы его крутого южнаго склона.

Отроги Ливана и Хермона образуютъ такъ называемыя *Израильскія горы* (горы Нафтали, позднѣе—„Галилейскія горы“), высшая точка которыхъ доходитъ до 4000 футовъ. Къ югу эти горы мало-по-малу понижаются, переходя въ большую плодородную равнину (*Иезреель*), не поднимающуюся выше 500 футовъ надъ уровнемъ моря. Равнину эту прорѣзываетъ, однако, и дѣлитъ на нѣсколько мелкихъ равнинъ рядъ горныхъ узловъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательными являются: извѣстный своей округленной формой *Таворъ* (1865 футовъ), видный на весьма далекомъ разстояніи, такъ какъ онъ не заслоненъ предгорьями, гора *Морэ* (нынѣ Ed-Duhy, 1830 ф.), какъ будто прислонившаяся къ Тавору, и нѣсколько дальше къ востоку, горы *Гильбоа* (2000 ф.). Къ западу же отъ большой равнины тянется густо покрытый деревьями *Кармель* (1720 ф.), въ видѣ горнаго отвѣса доходящій до самаго берега моря. Большая равнина Иезреель, по формѣ представляющая неправильный треугольникъ, съ Кармеломъ, съ одной, и Гильбоа, съ другой стороны, раздѣляетъ всю страну на двѣ неравныя части: меньшую сѣверную половину (впослѣдствіи получившую названіе *Галилеи*) и большую южную половину. Далѣе къ югу отъ равнины почва страны снова подымается, доходя въ *горахъ Эфраимовыхъ* до 2000 футовъ вышины, и еще южнѣе, между Иерусалимомъ и Хеврономъ, даже до 3000 футовъ: это *горы Іудейскія*. Отсюда почва снова понижается, такъ что бывшій пограничный городъ Бееръ-Шева лежитъ уже довольно низко (700 ф.). Отсюда начинаются опять возвышенности (*горы Фаранъ*), которыя однако не принадлежатъ уже къ Израильской Землѣ. Какъ Эфраимовы, такъ и Іудейскія горы спускаются покато съ востока къ западу. Въ этомъ мѣстѣ, отъ подошвы Іудейскихъ горъ и до моря, съ одной стороны, и отъ Кармела до южныхъ степей, съ другой, тянется, постепенно расширяясь съ сѣвера на югъ, *Саронская равнина*, и такъ называемая *Низменность* (Шефела). На востокѣ горная цѣпь также постепенно понижается, подходя къ Іордану. Нѣкоторыя вершины Эфраимовыхъ и Іудейскихъ горъ имѣютъ важное историческое значеніе. Въ числѣ ихъ назовемъ обѣ горы, примыкающія къ Сихему, *Гаризимъ*, „гора благословенія“ (2650 ф.) и *Эбаль*, „гора проклятiя“ (2700 ф.). *Бетель* на востокѣ (2400 ф.), *Мицпу* (2650 ф.), въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ города того же имени, и наконецъ вершины *Сіонъ* (2610 ф.) и *Масличную гору* (2720 ф.) у Иерусалима.

Это своеобразное устройство поверхности страны обуславливает собою разнообразіе ея природы, которое въ свою очередь влияетъ не только на растительность страны, но и на характеръ ея жителей. По направленію съ сѣвера на югъ страна дѣлится на три пояса. Самый широкій, горный поясъ, занимаетъ центръ страны, низменность (Шефела)—западъ до моря, а луга—весь востокъ до Іордана. На сѣверѣ однако это разграниченіе далеко не такъ замѣтно, какъ въ срединѣ страны и въ особенности на югѣ. На низменности климатъ мягкій, въ горахъ онъ въ дождливое время года сырой, а въ сухое—умѣренный, въ Іорданской же долинѣ климатъ большую часть года жаркій.

Рѣкъ въ настоящемъ смыслѣ слова, т. е. такихъ, которыя никогда не высыхаютъ, въ Палестинѣ имѣется только одна, Іорданъ, да и та несудоходна. Она беретъ начало въ трехъ ключахъ на склонахъ Хермона, течетъ до впаденія своего въ маленькое Меромское озеро очень медленно, распадаясь на мелкіе рукава, и только по выходѣ изъ этого озера собирается въ одинъ общій потокъ, вливающейся затѣмъ вновь въ Тиверіадское озеро. По выходѣ изъ послѣдняго Іорданъ представляетъ уже настоящую, широкую и многоводную рѣку: преодолевая на пути своемъ всевозможныя преграды, она несется отсюда прямо на югъ, до впаденія своего въ Мертвое море. Велѣдствіе быстрого теченія своего Іорданъ и не судоходенъ. Онъ только оплодотворяетъ берега свои—преимущественно восточный—весною, когда тающій на Хермонѣ снѣгъ снабжаетъ его большими массаами воды. Остальныя рѣки палестинскія не заслуживаютъ этого названія, такъ какъ лѣтомъ онѣ совершенно высыхаютъ, даже наиболѣе значительныя изъ нихъ, какъ *Ярмукъ* и *Ясолъ*. Такія „зимнія“ рѣки (Nachal) тѣмъ не менѣе приносятъ большую пользу мѣстности, по которой онѣ протекаютъ, такъ что пахотныя поля всегда расположены у береговъ ихъ. Почва орошается также небольшими источниками, которые стекаютъ съ горъ, но не могутъ слиться въ одинъ большой потокъ. Такихъ источниковъ въ странѣ довольно много, и немало городовъ носятъ ихъ названіе (Ain). Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и такихъ источниковъ нѣтъ, жители употребляютъ для питья дождевую воду, собираемую въ высѣченныя въ скалахъ колодцахъ.

Своеобразныя орографическія условія страны, обиліе воды, стекающей съ высотъ Ливана и Хермона и ихъ отроговъ, большое число ключей и дважды въ годъ обильно падающіе дожди,—все это въ совокупности дѣлаетъ страну, въ большей ея части, весьма плодородной. Земля Израильская въ древности была и нынѣ еще,—тамъ, гдѣ существуетъ какая-нибудь культура,—осталась землею „текущею млекою и медомъ“, прекрасной „страной ручьевъ, ключей и озеръ, горъ и долинъ, гдѣ про-

израстаютъ пшеница и ямень, виноградъ, фиги и гранаты; страню оливковаго масла и меда, не знающей нужды, и ни въ чемъ не имѣющей недостатка“¹⁾). Необыкновенно плодородны въ особенности равнины палестинскія, при тщательной обработкѣ дающія по два урожая въ годъ. Но и плоскогорье, расположенное къ сѣверу отъ большой Іезреельской равнины, также весьма производительно; въ древности тамъ было столько масличныхъ деревьевъ, что про этотъ край говорили: „тамъ ноги тонуть въ маслѣ“²⁾). Центральная область, къ югу отъ большой равнины, владѣнія колѣна Эфраимова и Манашина, также щедро вознаграждаютъ трудъ земледѣльца; удѣломъ потомковъ Іосифа была, по выраженію Библіи, „земля благословенная отъ Господа дарами неба и земли, плодами, созрѣвающими подъ лучами солнца и поспѣвающими при свѣтѣ луны“³⁾).

Горные склоны Ханаана нѣкогда были покрыты роскошными виноградниками, садами и лѣсами изъ дубовыхъ, скипидарныхъ и тисовыхъ деревьевъ⁴⁾). Только къ югу плодородіе почвы уменьшается: здѣсь преобладаютъ голые известковые холмы и почти нѣтъ долинъ; пастбищъ для скота, однако, достаточно. Еще южнѣе, ниже Хеврона, ландшафтъ напоминаетъ мрачную пустыню. Здѣсь преобладаютъ песчанья пространства и голыя скалы; знойные вѣтры, дующіе изъ большой пустыни, совершенно иссушаютъ атмосферу и губятъ всякую растительность. Край этотъ вполнѣ заслуживаетъ того названія, которое онъ носилъ въ древности, Negeb, что означаетъ „сухіе нески“. Здѣсь изрѣдка только попадаются плодородные оазисы, съ многоводными ключами и богатой растительностью.

Климатъ страны, умѣряемый влажными вѣтрами, дующими съ моря, въ высшей степени здоровый. Болѣзней мѣстнаго происхожденія здѣсь нѣтъ, а эпидеміи бываютъ очень рѣдко, случайно заносимыя извнѣ.

Еще болѣе оздоровляющимъ образомъ, чѣмъ на тѣло человѣка, страна Израильская дѣйствовала на душу его. Пространствомъ эта страна, правда, весьма мала въ сравненіи съ обширными территоріями другихъ государствъ древности, Египта, Индіи и Ассиріи. Съ нѣкихъ вершинъ въ центрѣ страны можно однимъ взглядомъ окинуть всю страну до самыхъ границъ ея на востокъ и западъ, и отчетливо различать воды Средиземнаго моря, съ одной стороны, и поверхность Мертваго моря съ Іорданомъ и Гилеадскими горами—съ другой. Съ высотъ же Хермона глазъ охва-

¹⁾ Второзаконіе VIII, 7-9

²⁾ т. же XXXIII, 24

³⁾ т. же XXXIII, 13-14

⁴⁾ Въ настоящее время палестинскія горы въ большинствѣ оголены. Таворъ и Кармель довольно скудно покрыты лѣсомъ и даже на обоихъ Ливанахъ лѣса совершенно исчезли.

тываетъ еще большую площадь. Какъ возвышающе зрѣлище это дѣйствуетъ на душу! Взорамъ представляются прекраснѣйшіе, величественные ландшафты. Воздухъ въ странѣ большую часть года до того чистъ и прозраченъ, что дѣйствуетъ, какъ сильнѣйшая подзорная труба, сокращая зрителю огромныя разстоянія и приближая отдаленнѣйшіе пункты. Впечатлительный и мыслящій умъ на каждомъ шагѣ усматриваетъ здѣсь перстъ Божій: „Таворъ и Хермонъ славятъ имя Его“. Красиво очерченныя горныя вершины и волнообразныя гребни холмовъ чередуются съ зелеными долинами и прозрачными какъ хрусталь потоками. Высоты эти не подавляютъ душу зрителя, подобно уходящимъ въ небо горнымъ громадамъ другихъ странъ, не угнетаютъ ее фантастически-дикими обрывами и ущельями, а, наоборотъ, кротко и мягко возносятся ея надъ всѣмъ земнымъ и вливаютъ въ нее благодатное чувство чего-то мирно-ласкающаго, близкаго, родного. И если въ душѣ зрителя дремлютъ зародыши поэтическаго дара, то одно созерцаніе этихъ дивныхъ въ своемъ разнообразіи ландшафтовъ въ состояніи пробудить этотъ даръ и осѣнить поэта вдохновеніемъ. Истинная, проникнутая теплотой и глубокой чувства поэзія природы могла родиться только на этой почвѣ. Грекамъ и римлянамъ поэзія эта не была доступна, потому что она коренится также и въ благоговѣйномъ чувствѣ удивленія предъ величіемъ Творца. Ни съ чѣмъ не сравнимая по непосредственности чувства и безыскусственной правдивости своей, библейская поэзія источникомъ своимъ могла имѣть только вѣру народа, который первый призналъ лживость идолопоклонства и первый же постигъ истиннаго единаго, чисто-духовнаго Бога.

„Съ горныхъ высотъ Онъ спускаетъ ключи текущими въ долинахъ ручьями, всякую тварь въ поляхъ напоющими и жажду дикихъ ословъ утоляющими. Онъ лѣса населяетъ птицами, поющими въ вѣтвяхъ. Онъ траву вызываетъ изъ земли на пищу скоту и всякую зелень въ пищу человѣку, всякій злакъ на потребу его, и вино, сердце его веселящее, и елей для лица его, и хлѣбъ, силы его укрѣпляющій и кедры ливанскіе, гдѣ птицы гнѣздятся, и кипарисы, въ которыхъ аистъ живетъ; Онъ высокія горы создалъ для серньи и скалы для горныхъ козъ; Онъ луну сотворилъ для указанія времени и солнце—свѣтило дня; Онъ простираетъ надъ міромъ тьму и настаетъ ночь: лѣсные звѣри выходятъ тогда на добычу, и молодые львы рыча просятъ у Бога пищи; съ восходомъ солнца они возвращаются въ свои логовища; тогда человѣкъ принимается за свое дѣло и работаетъ до вечера. Какъ велики дѣла Твои, о Господи: все Ты въ премудрости Своей устроилъ, земля полна твореніемъ рукъ Твоихъ“¹⁾.

Такіе восторженные гимны могъ извлечь изъ глубины души своей только сынъ Израиля, съ глубокой любовью къ родинѣ своей соединявшій столь же глубокую вѣру въ своего Бога.

¹⁾ Псаломъ CIV, 10-24.

Человѣкъ, который съ каждой вершины могъ обозрѣть цѣлую страну во всемъ безконечномъ ея разнообразіи, самымъ естественнымъ образомъ долженъ былъ придти къ мысли о безконечности всего сущаго, — мысли, которая во всякой другой странѣ могла быть внушена людямъ лишь искусственнымъ, отвлеченнымъ путемъ. Въ этой странѣ и неразвитая дѣтская душа ея обитателей могла и должна была проникнуться мыслью о безпредѣльномъ могуществѣ Бога. Всесильную десницу Его она могла видѣть и въ безпредѣльной ширѣ моря, въ правильной смѣнѣ временъ года, дней и ночей, и въ каждодневныхъ чудесахъ, которыя остаются скрытыми для замкнутаго въ тѣсномъ горизонтѣ взора, но глубоко постигаются человѣкомъ, предъ которымъ свободный кругозоръ. „Ибо Тотъ, Кто горы создалъ и вѣтеръ производитъ, Кто дневной свѣтъ обращаетъ въ мракъ и высоты земныя понираетъ, Тотъ есть Богъ Израиля“¹⁾.

Такъ поздно вошедшая въ сознание человѣчества и тѣмъ не менѣе столь простая мысль о томъ, что Творецъ, управляющій міромъ, въ то же время направляетъ и исторію человѣчества; что Богъ непреложныхъ законовъ природы есть тотъ самый Богъ, который проявляетъ Свою Волю и въ судьбахъ народовъ, въ ихъ возвышеніи и паденіи,—эта мысль представляетъ духовный продуктъ народа, исторія и страна котораго расширили его кругозоръ и сдѣлали духовное око его воспріимчивымъ ко всему чрезвычайному и чудесному. „И взоры свои подымаю къ небесамъ: откуда явится мнѣ помощь? Помощь явится мнѣ отъ Бога, Творца неба и земли“²⁾.

Эта столь простая мысль о зависимости человѣка отъ Бога могла быть вполне постигнута и, слѣдовательно, ясно выражена только этимъ народомъ и въ этой странѣ. Глубина и искренность религіознаго чувства явились результатомъ этой мысли, покоившейся на пережитыхъ самимъ народомъ событіяхъ, на совмѣстномъ дѣйствіи его чувства и разума, и отнюдь не привитой народу израильскому извнѣ. Религія духа, подобно поэзіи природы, есть продуктъ самой почвы Земли Израильской.

Идея закона и непреложнаго мірового порядка, разъ возникнувъ въ средѣ этого народа, скоро вошла въ его сознание и стала для него нормой, регулировавшей весь его жизненный обиходъ. Изъ вѣка вѣковъ волны Средиземнаго моря омываютъ его низкіе песчаные берега; гонимыя же бурей, онѣ наводняютъ песчаныя дюны, угрожая узкой береговой полосѣ новымъ потопомъ. Но въ то же время пески эти представляютъ для моря преграду, вѣчный предѣлъ, котораго ему не пе-

¹⁾ Амось 4, 13.

²⁾ Псаломъ 121.

рейти. „Клокочуть морскія воды, бушуютъ высокіе валы, но не могутъ предѣла, ими положеннаго переступить“¹⁾. Чуткому уху израильскому море это нашентывало то самое, что пылавшая вершина Синая ему повелѣвала: „Ты не должентъ“. Слишкомъ роскошная природа Египта, напримѣръ, развивала въ обитателяхъ его склонность къ излишствамъ, необузданность чувствъ и страстей, которую фараоны и жрецы стремились сдерживать лишь постольку, поскольку она могла мѣшать ихъ собственнымъ оргіямъ. Вѣчно раскаленное солнце и все безпрепятственно затопляющій Ниль, знойный, роскошный лотосъ, похотливый быкъ и козелъ,—все это для египтянъ было не только символами, но и средствами, возбуждавшими сладострастныя чувства. Культъ свободной любви въ Египтѣ, какъ и въ Индіи и Греціи, былъ продуктомъ роскошной природы этихъ странъ. Напротивъ, природа и почва Земли Израильской внушала обитателямъ ея самоограниченіе, соблюденіе мѣры и порядка во всемъ и вызвала синайское ученіе о святости предѣла (Шок) и слѣдованіи долгу. Мертвое море, наконецъ,—подъ солеными водами своими навѣки похоронившее нечестивые содомскіе города, въ свою очередь служило израильтянамъ предостереженіемъ противъ нарушенія „предѣловъ“ и забвенія долга.

Заіорданская область, Гилеадъ, бывшія владѣнія амореевъ и царей Сихона и Ога, завоеванныя и заселенныя колѣнами Рувиновымъ и Гадовымъ и полуколѣномъ Манашіинымъ, представляли почти тѣ же естественныя условія, что и страна по сю сторону Іордана. И здѣсь съ горныхъ вершинъ можно окинуть всю окрестную страну. Съ горы Писги, напримѣръ, Моисей предъ смертью своею обозрѣлъ весь Ханаанъ до подошвы Хермона на сѣверѣ и города Цоаръ на югѣ. Но средиземное море съ заіорданскихъ высотъ почти не видно, оно едва мелькаетъ вдали синей полосой. Для поэтическаго творчества Заіорданье не представляетъ поэтому достаточной почвы. Гилеадъ, насколько это извѣстно, не далъ ни одного поэта и число пророковъ увеличилъ всего однимъ, столь же суровымъ и дикимъ, какъ горы и ущелья его родины. Іорданъ вообще представлялъ не только физическую, но и духовную границу между обѣими частями Израильской Земли. Приморская часть послѣдней имѣла еще и другое преимущество предъ заіорданской. Тамъ израильтяне при покореніи страны застали уже довольно большое число укрѣпленныхъ городовъ и городекую жизнь,—эту первую основу гражданственности,—въ то время какъ въ Гилеадѣ городовъ было очень мало, да и тѣ были слишкомъ да-

¹⁾ Іеремія 5. 22.

леки одинъ отъ другого. На югѣ были *Ароеръ* и *Хешбонъ*, въ центрѣ страны—*Рамоть-Гилеадъ* (Рамоть-Мицпа), *Иезеръ* и *Махнаимъ*. Впослѣдствіи возникъ еще городъ *Явешъ-Гилеадъ* и немногіе другіе. Колѣна, жившія по сую сторону Іордана, поэтому мало по малу усвоили городскую культуру, между тѣмъ какъ заіорданскія продолжали вести патриархально-простой, пастушескій образъ жизни.

Однако, большая часть Ханаана еще не была завоевана израильтянами и раздѣлена между колѣнами: обширныя и весьма важныя по мѣстоположенію своему области оставались еще въ рукахъ коренныхъ обитателей страны. Осталось неизвѣстнымъ, въ какой мѣрѣ повиненъ въ этомъ Іошуа. Извѣстно лишь, что на склонѣ лѣтъ своихъ онъ не обладалъ уже той бодростью духа какую до самой кончины своей сохранилъ его великій учитель Моисей¹⁾. Не подлежитъ также сомнѣнію, что колѣно Эффрамово, составлявшее свиту Іошуи, охладило въ немъ завоевательный пылъ. Получивъ въ удѣлъ наилучшую область Ханаана, эффраимиты опочили на лаврахъ. На нихъ глядя, и прочія колѣна стали думать только о своихъ надѣлахъ и о своемъ спокойствіи, и такъ сказать, вложили мечи въ ножны. За первымъ завоевательнымъ порывомъ наступилъ долгій миръ, когда израильтяне перестали думать объ общемъ дѣлѣ. Въ виду враждебнаго отношенія къ нимъ туземцевъ, раздѣленнымъ колѣнамъ было, разумѣется, очень трудно, если не совѣтъ невозможно, округлять свои владѣнія. Одному лишь Эффрамову колѣну удалось очистить свою область отъ чужихъ элементовъ и даже присоединить къ ней важный городъ *Газеръ* (Гезеръ).

Осталась такимъ образомъ непокоренной вся береговая полоса отъ города Газы до Акко. Повидному, не сдѣлано было даже попытки завоевать эту область, изъ страха предъ ея первобытными обитателями, которые были весьма опыты въ военномъ дѣлѣ и располагали большимъ числомъ желѣзныхъ боевыхъ колесницъ, какихъ у израильтянъ вовсе не было. Это южное побережье, равно какъ и сѣверное, отъ Акко до Тира и Сидона,—страна финикіянь,—и впослѣдствіи не входило въ составъ Израильской Земли. Прекрасная равнина Іезреель равнымъ образомъ вначалѣ оставалась во власти туземныхъ племенъ, также весьма воинственныхъ. И хотя три колѣна, Манаше, Исахаръ и Ашеръ, имѣли притязанія на эту равнину, но имъ не удалось отвоевать ее у феризейцевъ и рефантовъ. Колѣно Исахарово осталось подвластнымъ туземцамъ. Ашериты также вначалѣ не имѣли своей территоріи и жили разсѣянными родами среди финикіянь; главнымъ городомъ ихъ былъ *Мишалъ*, вблизи Кармела и моря, гдѣ нынѣ гавань *Кайфа*; сосѣдняго же порта Акко имъ не удалось завоевать. Колѣна Нафта-

¹⁾ Указаніе на это имѣется въ Іошуѣ 13, 1.

ли и Зевулонъ также были окружены ханаанейцами, и только впоследствии зевулонитамъ удалось распространить свои владѣнія до моря. Точно также и наиболѣе обдѣленное колѣно Даново было со всѣхъ сторонъ окружено амореями и располагало лишь маленькимъ клочкомъ земли. Наконецъ, совершенно отдѣлившіяся отъ всѣхъ другихъ, колѣна Иегудино и Симеоново были еще болѣе перемѣшаны съ туземными племенами и съ такими притоми, которыя пастушескія занятія соединяли съ разбоями на большихъ дорогахъ. Левусен, какъ выше упомянуто, образовали какъ бы живую стѣну между двумя южными колѣнами и всѣми сѣверными. Только впоследствии, съ завоеваніемъ укрѣпленнаго города Левуса (позднѣйшаго Іерусалима) стѣна эта рухнула.

Если Іошуа на склонѣ лѣтъ своихъ радовался тому, что обѣтованіе, данное Богомъ праотцамъ, исполнилось, то радость эта во всякомъ случаѣ не могла быть полною. Какъ это часто бываетъ въ жизни отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ народовъ, и въ данномъ случаѣ дѣйствительность была весьма далека отъ мечты. Обѣтованная земля какъ будто принадлежала израильтянамъ, но принадлежала имъ едва на половину, да и то, что было въ ихъ рукахъ, могло быть, при дружномъ натискѣ туземцевъ, отвоевано у нихъ, а сами они легко могли снова остаться безъ пріюта. Мысль о томъ, что онъ не окончилъ возложенную на него миссію, должна была сильно угнетать Іошуу въ послѣдніе годы его жизни. Обѣщанія его были тѣмъ болѣе основательны, что кругомъ не было ни одного человѣка, котораго онъ могъ бы назначить своимъ преемникомъ, ни одного такого, по крайней мѣрѣ, которому всѣ колѣна, и въ особенности строптивые эфрамиты желали бы подчиниться. Умирая, Іошуа оставилъ народъ свой осиротѣлымъ. Хуже всего было то, что израильтяне даже не чувствовали этого. Второго вождя своего они уже не оплакивали какъ перваго. Одно только оставилъ Іошуа народу,—надежду и упованіе на то, что когда нибудь вся страна ханаанская, отъ Тира и Сидона на сѣверѣ до „города палмъ“, Цоара, на юго-востокѣ и до Шихора, у границъ Египта, на юго-западѣ, станетъ ихъ нераздѣльной собственностью. Надежды, въ осуществленіе которыхъ народы твердо вѣрятъ, обыкновенно сбываются. Израильтянамъ во всякомъ случаѣ предстояло еще долгая и тяжелая борьба, прежде чѣмъ эта мечта о нераздѣльномъ обладаніи Ханааномъ могла получить осуществленіе.

ГЛАВА III.

Сосѣди.

Финикіянне, арамейцы, филистимляне и идумейцы, ихъ нравы, обычаи и вѣрованія. Моавиты и аммониты. Сближеніе израильтянъ съ сосѣдами и подражаніе имъ. Раздробленіе колѣвъ, отсутствіе единства между ними и, вслѣдствіе этого, ихъ слабость. Спасители на часъ.

Израильтяне оказались окруженными со всѣхъ сторонъ многочисленными народцами различнаго происхожденія и стоявшими на различныхъ степеняхъ культуры: финикіянами, ханаанейцами, арамейцами, филистимлянами, идумейцами, моавитами, аммонитами, амалекитами, арабами и полуарабами. Со всѣми этими племенами израильтянамъ пришлось войти въ болѣе или менѣе близкія сношенія. У каждаго изъ нихъ между тѣмъ были свои нравы, обычаи и вѣрованія. Вліяніе среды и законъ ассимиляціи мало по малу дѣлали свое дѣло. И въ результатъ исторія израильтянъ въ первый періодъ по водвореніи ихъ въ Ханаанѣ представляетъ удивительную картину борьбы за сохраненіе ими своей внутренней и вѣншей самостоятельности. Нѣсколько разъ они подъ вліяніемъ окружающей среды почти совсѣмъ ее теряли, болѣе или менѣе тѣсно сливаясь съ сосѣдними племенами. Но и въ этомъ раннемъ періодѣ народъ израильскій стоялъ уже въ культурномъ отношеніи настолько выше всѣхъ окружавшихъ его народцевъ, что каждый разъ выходилъ побѣдителемъ изъ этой борьбы, энергично отстаивая свою національную независимость.

Чаще всего израильтянамъ приходилось сталкиваться съ финикіянами, съ которыми сѣверныя колѣвна Ашеръ, Зевулонъ и Исахаръ жили въ непосредственномъ сосѣдствѣ. Финикіянне, ханаанейцы, и въ особенности жители Сидона, благороднѣйшіе среди нихъ, во время переселенія израильтянъ стояли уже на довольно высокой степени культуры. Для далекихъ морскихъ путешествій, на которыя они первые отважились, они по необходимости должны были усовершенствоваться въ искусствѣ кораблестроенія и вспомогательныхъ механическихъ ремеслахъ. Сидонцы также отлично строили храмы и дворцы, хотя и не столь колоссальныхъ размѣровъ, какъ египетскіе. Искусство окрашиванія матерій въ пурпуръ и фабрикацію стекла знали въ древности одни финикіянне. Они умѣли также добывать изъ горъ металлы, плавить ихъ и выдѣлывать изъ нихъ ожерелья, серьги и кольца, которыя они во множествѣ вывозили въ чужія страны. Сидонскія покрывала съ изображеніями финикійскихъ боговъ, на нихъ вышитыми, также пользовались повсюду большимъ спросомъ. Финикіянне были хорошо знакомы съ искусствомъ счисленія, хотя и не ими изобрѣтеннымъ, и пер-

вые ввели гораздо болѣе удобное, чѣмъ египетскіе іероглифы, звуковое или буквенное письмо. Сидонская область имѣла прочное государственное устройство, съ царемъ во главѣ, и правильную систему управленія. Къ тому времени, о которомъ идетъ рѣчь, финикійяне успѣли уже основать нѣкоторыя колоніи; важнѣйшей изъ нихъ, Карфагена, тогда еще не было, но зачительныя финикійскія поселенія, на близлежащихъ островахъ Кипръ и Критъ, тогда уже существовали. Путемъ частныхъ и мирныхъ сношеній со многими народами кругозоръ ханаанейцевъ значительно расширился и языкъ обогатился. Финикійскій языкъ имѣлъ большое сходство съ древне-еврейскимъ и отличался отъ него только нѣкоторыми діалектическими особенностями. Важнѣйшее различіе между обоими языками состояло, однако, не въ этомъ. Какъ выраженіе всеобъемлющаго еврейскаго духа, древне-еврейскій языкъ достигъ того богатства и той утонченности, которыя ставятъ его въ одинъ рядъ съ совершеннѣйшими языками древности. Финикійскій же языкъ, насколько онъ извѣстенъ по дошедшимъ до насъ памятникамъ, былъ и остался языкомъ крестьянъ, торговцевъ и солдатъ. Какъ народъ израильскій сдѣлалъ Хаанаанъ Святой Землей, такъ и рѣчь его стала священнымъ языкомъ.

Финикійяне такимъ образомъ имѣли лишь то внѣшнее преимущество предъ израильтянами, что знакомы были съ нѣкоторыми искусствами и ремеслами, да умѣли строить города и крѣпости, чего израильтяне во время переселенія ихъ въ Хаанаанъ совсѣмъ еще не знали. Но въ религіозномъ и нравственномъ отношеніи финикійяне, съ сидонцами включительно, стояли еще на весьма низкой ступени, чуть чуть выше египтянъ. Правда, число ихъ боговъ было значительно меньше, чѣмъ у этихъ послѣднихъ, и низшихъ животныхъ они въ божества не возводили. Но большее или меньшее количество боговъ въ данномъ случаѣ не существенно. Ибо всякая религія, въ которой количество это превышаетъ единственное число, и боги которой, слѣдовательно, являются существами міеологическими, неминуемо должна привести къ извращенію чистаго религіознаго чувства и къ порчѣ нравовъ. Хаанаанейцы прежде всего почитали бога *Ваала* и богиню *Астарту*, которые въ иныхъ финикійскихъ городахъ и колоніяхъ носили имена *Адониса* и *Ваалти* (Белтисъ). Вааль олицетворялъ солнце, а Астарта—луну, но не какъ чистыя свѣтила, движущіяся въ эфирномъ пространствѣ, а какъ производительныя силы природы, оплодотворяющія землю и возбуждающія людей и животныхъ къ саморазмноженію. Кромѣ того, ханаанейцы поклонялись еще семи другимъ божествамъ, по числу извѣстныхъ имъ семи планетъ, которыя они называли *Кабиръ* (могущественныя), и восьмому, которое носило имя *Асмунъ*, считалось богомъ, исплывшимъ отъ болѣзней, и изображалось въ видѣ змѣи.

Религіозный культ у финикіянь носилъ крайне неблагопрістойный характеръ. Половой элементъ при этомъ игралъ главную роль, такъ какъ въ основѣ всѣхъ религіозныхъ представленій этого жившаго въ совершенно безплодной странѣ народа лежала мысль объ оплодотвореніи всего сущаго. У каждаго храма Ваала, какъ бога все на землѣ оплодотворяющаго солнца, финикіяне воздвигали каменные столбы (Mazevot) въ видѣ изображенія мужскаго уда (Phallus erectus): богиню же луны у нихъ символизировалъ многосѣмянный плодъ граната. Въ концѣ каждой осени у финикіянь былъ особый праздникъ, посвященный Ваалу и Астартѣ и представлявшій одну сплошную оргію сладострастія. Но и въ теченіе всего года при каждомъ храмѣ состоялъ многочисленный штатъ дѣвушекъ, носившихъ названіе „посвященныхъ“ („Kedeschot“) и тутъ же въ храмѣ отдававшихъ свое тѣло всякому и каждому. Юноши и мужчины въ честь Астарты оскотляли себя и облачались въ женскіе одежды. Эти скопцы, собиравшіе по городамъ пожертвованія на храмы или, вѣрнѣе, въ пользу жрецовъ, также считались святыми („Kedeschim“). Таковъ былъ культъ финикіянь, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ которыми жили израильтяне, такія картины послѣднимъ приходилось видѣть каждый день.

Къ сѣверу и востоку отъ Финикіи, въ горахъ Ливана и Антилива-на, жило уже тогда или одновременно съ израильтянами переселилось другое семитическое племя, *арамейцы*. Изъ области, расположенной у рѣки Киръ въ Арменіи, ихъ настоящей родины, они первоначально переселились въ страну, расположенную на низменности между Евфратомъ и Тигромъ, которая отъ нихъ получила названіе *Арама*, или Арама двухъ рѣкъ (Agam Naharaim, Месопотамія). Часть изъ нихъ затѣмъ выселилась отсюда и водворилась на возвышенностяхъ сѣвернаго Ханаана; отъ нихъ эту область въ послѣдствіи стали называть просто *Арамъ*. Арамейцы были родственны израильтянамъ, и древнѣйшія преданія гласятъ, что патріархъ Авраамъ вышелъ изъ ихъ среды. Языкъ арамейскій, хотя и одного происхожденія съ древне-еврейскимъ, въ корняхъ и формахъ, однако, настолько отъ него отличенъ, что израильтяне его не понимали. У арамейцевъ были свои укрѣпленные города, изъ которыхъ нѣкоторые сохранились до сихъ поръ, а именно *Дамаскъ*, расположенный въ весьма живописной мѣстности, и *Хаматъ*, у рѣки Оронта. О государственномъ устройствѣ арамейцевъ извѣстно лишь, что у нихъ были свои цари. Въ послѣдствіи народъ этотъ распался на группы: *Арамъ Цоба*, у Евфрата (съ главнымъ городомъ Tharsacus?), *Арамъ Хаматъ* и *Арамъ Дамаскъ*. О нравахъ и обычаяхъ арамейцевъ еще менѣе извѣстно. Мифологія ихъ была сходна съ финикійской. Главное божество ихъ носило имя *Хададъ*, что означаетъ солнце. Его называли также Хададъ-Мелехъ, Адра-Мелехъ или ко-

ротко *Молохъ*. Религіозные обычаи арамейцевъ были, по всей вѣроятности, весьма сходны съ финикійскими. Жертвоприношенія дѣтми во время народныхъ бѣдствій или въ виду войны, вообще человѣческія жертвы у арамейцевъ, какъ у всѣхъ семитическихъ или у всѣхъ древнихъ народовъ были, обычнымъ явленіемъ. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ арамейцами жило колѣно Нафтали.

Поселившись на югѣ страны колѣнамъ чаще всего приходилось имѣть дѣло съ *филистимлянами*. Этотъ народъ, относительно котораго до сихъ поръ нельзя опредѣленно сказать, былъ-ли онъ семитическаго или пеласгійскаго происхожденія, (такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ значительно отличался отъ семитовъ), переселился въ Хаанаанъ съ острова Крита и именно изъ города *Кафтора* (Kudonia). Были ли они коренными обитателями этого острова или первыми его колонистами, вышедшими изъ Финикии, неизвѣстно. Переселившись на южнсе побережье Хаанаана, они заняли узкую полосу отъ гавани Ионне (нынѣшней Яффы) до пустыни. Филистимляне, повидимому, лишь мало по малу разселились въ этой области, но ко времени водворенія израильтянъ въ Хаанаанъ они уже стали въ ней твердой ногой¹⁾. Здѣсь они основали три гавани: *Газу* на югѣ, *Аскалонъ* въ центрѣ побережья и *Ашдодъ* на сѣверѣ, и кромѣ того два большихъ города внутри страны: *Гатъ* и *Экронъ*. То были извѣстные въ исторіи пять филистимскихъ городовъ (Pentapolis), прославившіеся своей дѣятельностью и достигшіе значительнаго могущества. Но имени филистимлянъ и вся страна хаанаанская получила отъ египтянъ и грековъ названіе *Палестины*. Подобно финикійцамъ и филистимляне вѣроятно главнымъ образомъ занимались судоходствомъ и торговлей съ Египтомъ и сосѣдними островами, конкурируя такимъ образомъ съ сидонцами. Ничего общаго между этими двумя народами, однако, не было; напротивъ, они всегда враждовали между собой. Филистимляне къ тому же были народомъ воинственнымъ и хищнымъ, тогда какъ финикійяне были людьми мирными. Такъ какъ береговая полоса, ими занятая, была очень узка, то филистимляне стремились расширить своя владѣнія къ востоку. Съ этой цѣлью они, въ виду своей немногочисленности, пополняли свои полчища наемными воинами изъ жителей сосѣднихъ острововъ. Религіозныя воззрѣнія филистимлянъ въ общихъ чертахъ были тѣ же, что у прочихъ народовъ Хаанаана или у всѣхъ древнѣйшихъ народовъ вообще. И они почитали главнымъ образомъ производительную силу природы, въ лицѣ бога *Дагона*, котораго они изображали въ видѣ получеловѣка и полурыбы.

¹⁾ На памятникахъ древнѣйшихъ египетскихъ династій уже упоминается имя народа *Porusata* или *Pulost*, который египтологи отождествляютъ съ филистимлянами.

Главной богиней была та же Астарта, у филистимлянъ носившая имя *Тираты* и подобно Дагону изображавшаяся въ видѣ рыбы—символа плодородія—съ человѣческой головой; капище этой богини находилось въ Аскалонѣ. У филистимлянъ былъ также и свой богъ—исцѣлитель, подъ названіемъ *Вааль-Зевуль* (Вельзевулъ), которому былъ воздвигнутъ особый храмъ въ Экронѣ. Въ общемъ и религія филистимлянъ вела къ той же разнузданности нравовъ и къ тѣмъ же половымъ излишествамъ, что и финикійская.

Къ востоку отъ владѣній филистимлянъ находились оазисы, населенные маленькимъ племенемъ *гешуритовъ*, которые по всей вѣроятности составляли отрасль весьма мало извѣстныхъ израильтянъ. Дальше къ востоку жили *амалекиты*, о нападеніи которыхъ на израильтянъ во время ихъ странствованій въ пустынѣ рассказано было выше. Это былъ бродячій и хищнической народецъ, постоянно враждовавшій съ израильтянами. Нравы и обичаи ихъ, какъ и вообще всѣхъ племенъ, обитавшихъ между филистимскимъ побережьемъ и Мертвымъ моремъ, по сосѣдству съ Египтомъ, совершенно неизвѣстны. Ихъ божества, мужское и женское, назывались *Уроталь* и *Алилатъ*; почитаніе ихъ также было связано съ культомъ весьма неблагопрістойнаго характера.

Не такъ часто израильтяне приходили въ соприкосновеніе съ *идумейцами* (эдомитами), владѣнія которыхъ лежали между возвышенностью Сеиръ и Краснымъ моремъ. Черезъ это море идумейцы вели, повидному, нѣкоторую торговлю съ Аравіей. Ихъ горы содержали мѣдь и золото, которое они умѣли добывать. Племя это вообще считалось дѣловымъ и мудрымъ; главнымъ городомъ его былъ *Теманъ*; имъ управляли цари, которые повидному избирались самимъ народомъ¹⁾. Главное божество идумейское носило то же имя, что и у арамейцевъ, а именно *Хададъ*; это же имя носили и нѣкоторые идумейскіе цари. О нравахъ и религіозныхъ воззрѣніяхъ этого народа мало извѣстно: тѣ и другіе, по всей вѣроятности, были сходны съ обычаями и вѣрованіями израильтянъ, съ которыми ихъ соединяло племенное родство.

Къ сѣверу отъ идумейцевъ и къ востоку отъ Мертваго моря жили не разъ упомянутые уже *моавиты* и *аммониты*, сосѣди колѣвъ Гадова и Рувинова. И эти народцы также почитали Ваала, котораго аммониты называли *Милкомъ* или *Малкомъ*. Какъ у моавитовъ, такъ и у аммонитовъ было еще и другое божество, *Хемошъ*, сущность и значеніе котораго неизвѣстно. Также неизвѣстно, какъ называлось главное женское божество этихъ народцевъ. И эти племена въ служеніи своимъ богамъ предавались—какъ мы выдѣли выше,—повальному разврату.

¹⁾ См. Бытіе 36, 31, 39.

Въ сосѣдствѣ со всѣми этими народами израильтянамъ довольно трудно было удержать свою политическую самостоятельность и еще труднѣе—сохранить свою духовную индивидуальность: трудно было вообще, живя въ ближайшемъ сосѣдствѣ и волей-неволей поддерживая постоянныя сношенія съ родственными по языку и отчасти по происхожденію племенами, ничего отъ этихъ сношеній не терять. Ибо на первыхъ порахъ израильтяне имѣли въ Ханаанѣ столько же враговъ, сколько сосѣдей. Сосѣди эти, разумѣется, не могли предвидѣть, что новое ученіе, принесенное въ ихъ страну пришельцами, когда нибудь яриведеть къ низверженію ихъ боговъ, къ разрушенію ихъ капищъ и къ уничтоженію всей ихъ языческой мшшуръ; полудикіе туземцы вообще никакого представленія не имѣли о непримиримомъ противорѣчїи между ихъ грубымъ мировоззрѣніемъ и тѣми высокими задачами, которыя возложены были на израильтянъ. Нимало не подозрѣвая всего этого, коренные обитатели Ханаана тѣмъ не менѣе ненавидѣли этотъ народъ, ворвавшійся къ нимъ съ оружіемъ въ рукахъ и завоевавшій большую часть ихъ страны. Что же оставалось дѣлать израильтянамъ въ виду этой открытой или затаенной вражды? Имъ предстояло либо довести до конца завоеваніе всей страны и покорить всѣхъ ея обитателей, либо какъ нибудь примирить послѣднихъ съ собою. Продолжать войну было, однако немисливо, такъ какъ послѣ смерти Иошуа у израильтянъ не было ни вождя, ни необходимаго единства, ни охоты воевать. Пришельцы вложили поэтому мечи свои въ ножны и постарался такъ или иначе сойтись съ сосѣдями. Ханаанейцы и финикійяне въ то время только о томъ и мечтали. Преслѣдуя преимущественно мирныя торговыя цѣли, они были рады уже тому, что съ прекращеніемъ войны ихъ караванныя пути будутъ вновь открыты и они смогутъ по прежнему безпрепятственно вести свою торговлю съ далекими странами. Ханаанскія племена въ центрѣ страны и на побережьи были къ тому же такъ разрознены и раздроблены, что о серьезномъ сопротивленіи израильтянамъ они не могли и думать. На сколько финикійяне, напримѣръ, были беспомощны въ борьбѣ съ израильтянами доказываетъ слѣдующее. Около 600 человекъ изъ самаго малочисленнаго Данова колѣна, не находя для себя достаточно мѣста на небольшомъ клочкѣ земли доставшемся имъ въ удѣлъ, отдѣлились отъ него и переселились на сѣверъ у подошвы Хермова эта горсть данитовъ смѣло вступила въ бой съ жившими здѣсь сидонцами, разбила ихъ и завяла ихъ чрезвычайно плодородную территорію, построивъ на ней городъ, который они по имени своего родоначальника назвали *Даномъ*. Сидонцы же, во время вторженія къ нимъ израильтянъ просившіе у своихъ единоплеменниковъ помощи, но ея не добившіеся, и послѣ своего пораженія не думали объ отомщеніи.

ніи врагамъ, силой отнявшимъ у нихъ ихъ землю. Только филистимляне, иудейцы и моавиты дѣйствовали единодушно, когда дѣло шло о томъ чтобы причинить вредъ израильтянамъ или избавиться отъ нихъ.

Сами израильтяне, однако, жаждали мира не менѣе ханаанейцевъ и финикійцъ. При воспоминаніи о тѣхъ мытарствахъ, которыя имъ приходилось претерпѣвать въ многолѣтнихъ скитаніяхъ ихъ по пустынѣ, они ради мира готовы были нести какія угодно жертвы; ради него они дѣйствительно пренебрегали интересами отдѣльныхъ колѣнъ. Для того, чтобы снискать расположеніе сосѣднихъ племенъ и обезпечить себѣ спокойное среди нихъ житье, они стали вступать съ ними въ брачные союзы, отдавая своихъ дочерей за иноплеменниковъ и сыновей своихъ за туземныхъ дѣвушекъ. Къ такимъ смѣшаннымъ бракамъ прибѣгали всѣ колѣна, жившія на окраинахъ страны и къ тому же чувствовашія себя одинокими среди окружавшихъ ихъ язычниковъ, а именно колѣна Ашеръ, Нафтали, Зебулонъ и въ особенности бывшее почти въ зависимости отъ своихъ сосѣдей Исахарово колѣно; далѣе,—давиты, іегуден, а также всѣ колѣна, оставшіяся за Іорданомъ и поддерживавшія оживленныя сношенія съ моавитами и аммонитами¹⁾. Браки съ язычниками тогда еще у израильтянъ не возбранялись. Значительно рѣже вступали въ браки съ туземцами болѣе независимыя колѣна Эфраимово, Манашіино и Веніамново, а рѣже всѣхъ—левиты, которые вообще не смѣшивались даже съ израильтянами изъ другихъ колѣнъ.

Отъ такихъ браковъ съ сосѣдними язычниками до участія въ служеніи ихъ идоламъ былъ лишь одинъ шагъ. У туземцевъ были уже свои постоянные алтари для жертвоприношеній и свои свята мѣста для поклоненія идоламъ, съ которыми эти народцы въ своей невѣжественной простотѣ связывали извѣстные мѣны. Высокія горы и излюбленныя долины у нихъ подожвъ, находившіяся во владѣніяхъ израильтянъ, до водворенія ихъ въ странѣ служили уже для туземцевъ такими святыми мѣстами. Горы Кармель, напримѣръ, и Таворъ издавна считались священными, и туземные жрецы на ихъ вершинахъ совершали богослуженія и предсказывали будущее. У подошвы Хермова находилось капище для служенія мѣстному божеству Вааль-Гаду или Вааль-Хермову. Городъ Бетель, въ кото-

¹⁾ Судья 3, 6. Вспомнимъ, что Самсонъ безъ разбора бралъ себѣ въ жены филистимлянокъ, что іудейскій военачальникъ Амаша происходилъ отъ отца-язычника (Самуиль II, 17, 25; Хроники I, 2, 17). что Давидъ женился на дочери гешуритскаго царя Талмая. О Соломонѣ нечего ужъ и говорить.

ромъ хранился иѣкогда упавшій въ него метеоритъ, поэтому самому также считался священнымъ. Массѣ израильской, которая тогда не уяснила себѣ еще истиннаго различія между своимъ единымъ Богомъ и языческими лже-богами, и которая крѣпко держалась еще грубыхъ религіозныхъ представлений, вынесенныхъ ею изъ Египта,—этой массѣ не нужно было употреблять особыхъ усилій для того, чтобы усвоить себѣ религіозные обычаи своихъ сосѣдей-идолопоклонниковъ и принимать участіе въ ихъ жертвенныхъ прахѣ. Мало по малу языческой культъ стали усваивать и другіе слои израильскаго народа, которымъ финикіяне внушали уваженіе своимъ знаніями и вообще всей своей самой высокой въ то время культурой. Израильтяне, которые искони были склонны къ подражаніямъ, вмѣстѣ съ искусствами и ремеслами стали перенимать у финикянъ и религіозные обычаи ихъ, съ этими знаніями связанные. Культъ сосѣдей-язычниковъ вообще чрезвычайно льстилъ грубымъ инстинктамъ и соответствовалъ примитивнымъ наклонностямъ стоявшихъ еще на довольно низкой ступени развитія израильтянъ. Ихъ же національный культъ не успѣлъ еще къ тому времени вылиться въ опредѣленную вѣдѣнную форму. Шилоеое святилище, при которомъ служили левиты, потомки Арона, было слишкомъ далеко отъ огромнаго большинства израильтянъ, жившихъ преимущественно на окраинахъ страны, и кромѣ того находилось въ области эфратитовъ, которые за свой эгоизмъ и высокомеріе не пользовались симпатіями у всѣхъ прочихъ колѣнъ. Въ тѣ времена, и даже въ позднѣйшія, жертвоприношенія считались важнѣйшимъ актомъ богослуженія. Люди, чувствовавшіе потребность въ умилостивленіи боговъ, должны были строить собственные алтари или пользоваться существующими чужими. Синайское ученіе между тѣмъ не имѣло представителей или наставниковъ, которые могли бы указывать израильтянамъ иные способы снисканія милости у Бога. Левиты, которые должны были жить среди всѣхъ колѣнъ и наставлять ихъ въ вѣрѣ праотцевъ, не получили оубдности въ городахъ и въ качествѣ людей, лишенныхъ права владѣть землей и оставшихся такимъ образомъ бездомными бѣдняками не пользовались уваженіемъ своихъ соплеменниковъ. Одинъ левитъ, Ионатанъ, внукъ самого Моисея, изъ нужды дошелъ даже до того, что за пищу и одежду поступилъ въ услуженіе къ одному языческому жрецу. Всѣ эти обстоятельства,—вѣковыя привычки, подражательность, грубые чувственные инстинкты,—весьма сильно способствовали обращенію израильтянъ въ язычество, тѣмъ болѣе, что они чувствовали весьма мало влеченія къ недоступному для нихъ чистому культу въ духѣ синайскаго ученія.

Нисколько не удивительно поэтому, что всѣ развышенности въ владѣніяхъ израильтянъ вскорѣ по водвореніи ихъ въ странѣ покрылись ал-

тарями, при которыхъ воздвигнуты были также острогонечныя колонны (Mazevot), точно такія же, какія финикіяне воздвигали предъ своимъ капищами. Колѣна, поселившіяся на сѣверѣ Ханаана, почитали финикійскихъ боговъ Ваала-Адониса и Астарту, или однородныя божества арамейцевъ; заіорданскія колѣна поклонялись моавитскимъ и аммонитскимъ богамъ Хемошу и Мплкому; колѣна же, жившія въ центрѣ страны, почитали филистимскаго Дагона и Тирату. Чуть-ли не въ каждомъ израильскомъ домѣ водились домашніе божки (Тегарһим) въ видѣ челоуѣкообразныхъ мумій. Поклонялись даже мѣдному змѣю Нехуштану, изображавшему бога здравія¹⁾. Старого, единого Бога, правда, еще терпѣли, но и его изображали идоломъ. Въ религіозныхъ воззрѣніяхъ израильтянъ произошла, однимъ словомъ, полная путаница, какая бываетъ въ тѣ эпохи, когда старыя пережитыя представленія сталкиваются съ новыми, не вполне еще усвоенными, и непримиримость однихъ съ другими огромнымъ большинствомъ людей еще не созвана.

Вмѣстѣ съ религіей отъ сближенія съ языческими сосѣдями немало пострадала и нравственность израильтянъ. Бибія приводитъ тому немало примѣровъ. Она рассказываетъ, напримѣръ, какъ даниты во время своего переселенія на сѣверъ, открыто похитили у одного эфраимита идола, вмѣстѣ съ жрецомъ при немъ состоявшимъ, и увели съ собою того и другого. Еще болѣе позорное происшествіе имѣло мѣсто въ Гивеѣ, во владѣніяхъ Веніамина колѣна. Преданія насчетъ этого факта не распространяются, но судя по тому, въ какомъ тояѣ они о немъ говорятъ, слѣдуетъ думать, что то было нѣчто въ высшей степени возмутительное, и на долго осталось въ памяти людей, какъ примѣръ отвратительной безчеловѣчности²⁾.

Однако старыя воспоминанія о чудесныхъ событіяхъ въ Египтѣ, въ Синайской пустынѣ и при переселеніи въ Ханаанъ не были еще забыты и продолжали служить той невидимой связью, которая объединяла всѣ колѣна несмотря на ихъ разрозненность и на отпаденіе ихъ въ язычество. Отцы рассказывали объ этихъ бывшихъ чудесахъ сыновьямъ своимъ, а тѣ, въ свою очередь, передавали ихъ своимъ дѣтямъ и дальнѣйшему потомству. Въ трудные моменты израильтяне,—отдѣльныя лица и цѣлыя колѣна,—обращались къ этимъ воспоминаніямъ; „Гдѣ же тѣ чудеса,—спрашивали они,—о которыхъ отцы наши намъ рассказывали,—будто Господь вывелъ насъ изъ Египта и привелъ въ эту страну?“ Дивное зрѣлище у пылавшей вершины Синая, „когда вся земля всколебалась и горы разверзлись предъ лицомъ Господа и Синай предъ Богомъ Израіля“,

¹⁾ Цари II, 18, 4.

²⁾ См. ниже стр. 287-288.

осталось запечатлѣннымъ въ душѣ тѣхъ, которые не раздѣляли грубыхъ заблужденій толпы. Не было недостатка также и въ предостерегающихъ голосахъ, напоминавшихъ толпѣ объ этой великой эпохѣ и сурово осуждавшихъ увлеченія язычествомъ. Голоса эти по всей вѣроятности принадлежали левитамъ, наслѣдственнымъ хранителямъ скрижалей завѣта и Моисеевыхъ законовъ, служителей при шилонскомъ святилищѣ. Отъ времени до времени первосвященники и другіе благочестивые люди пользовались удобными случаями, а именно народными бѣдствіями, для того чтобы выступить въ собраніяхъ съ громовыми протестами противъ грѣховности и безнравственности народа. Преданіе, на примѣръ, рассказываетъ какъ одинъ изъ такихъ „вѣстниковъ Бога“, житель города Гилгала, выступилъ однажды на народномъ собраніи въ Бетелѣ съ пламенной рѣчью, въ которой онъ горько упрекалъ израильтянъ въ томъ, что они забыли союзъ свой съ Богомъ ради союза съ язычниками, же-боги которыхъ неминуемо приведутъ ихъ къ гибели. Впрочемъ, если такимъ проповѣдникамъ и удавалось иногда напоминаніемъ о блестящемъ прошломъ и указаніемъ на печальное настоящее народа расшевелить массу израильскую, то настроеніе это проходило довольно скоро. Необходимость къ тѣсному сближенію съ сосѣдями и склонность къ подражанію ихъ нравамъ и обычаямъ была слишкомъ сильна въ этой массѣ для того, чтобы она могла ихъ въ продолжительное время преодолѣть.

Въ самомъ Шилонѣ, этой святой святыхъ Израиля, гдѣ хранился ковчегъ завѣта, ничего ни дѣлали для того, чтобы привести богослуженные обряды въ соотвѣтствіе съ духомъ синайскаго вѣроученія и наставлять такимъ образомъ народъ въ его религіи. Богопочитаніе и здѣсь выражалось въ жертвоприношеніяхъ съ той лишь разницей, что кровь животныхъ здѣсь проливали въ честь не Ваала или Астарты, а Иеговы. Ковчегъ завѣта съ хранившимся въ немъ каменными скрижалями почитали не ради заповѣдей, на послѣднихъ начертанныхъ: на него смотрѣли просто, какъ на чудодѣйственное средство, обезпечивавшее побѣду надъ непріателемъ. Преемниковъ Арона не спрашивали, какой путь народъ долженъ избрать, а только какой исходъ данное предпріятіе будетъ имѣть. Облаченный въ особую одежду (эфодъ) и въ нагрудникъ, въ которомъ сіяли *Уримъ* и *Тумимъ*, первосвященникъ долженъ былъ рѣшать участь каждаго важнаго дѣла своимъ „да“ или „нѣтъ“ и, кстати, предсказывать будущее, зачѣмъ, впрочемъ, гораздо чаще обращались къ домашнимъ божкамъ и чревоѣщателямъ. Послѣ жатвы и сбора винограда бляжайшіе къ Шилону израильтяне собирались въ этотъ городъ вмѣстѣ съ своими женами, дочерьми и сыновьями. То былъ ежегодный народный праздникъ (*Chag*), чисто израильскаго происхожденія, въ которомъ къ святынь и

публичному богослуженію должны были приобщаться и женщины. Какъ проходилъ этотъ праздникъ? Посѣтители святилища въ нѣмомъ благоговѣннѣи надали ницъ предъ алтаремъ, и каждый отецъ семейства приносилъ затѣмъ жертву. Часть ея онъ отдавалъ священнослужителямъ, а остальное съѣдалъ въ кругу своей семьи, изъ которой въ этомъ торжествѣ могли принимать участіе только физически-чистые и никогда не прикасавшіеся къ трупу. Молодыя дѣвушки по этому случаю предавались пляскамъ на ровной полянѣ у Шилона. О чистомъ духовномъ культѣ такимъ образомъ въ то время еще и помину не было. Дыханіе поэзіи еще не проникало въ шилонскій шатеръ, служившій израильскимъ храмомъ.

Одно зло влекло за собой другое. Узкій эгоизмъ эфрамитовъ результатомъ своимъ имѣлъ то, что и прочія колѣна стали заботиться только о своихъ собственныхъ интересахъ, и такимъ образомъ связь между ними мало по малу ослабѣла. Отсутствие же единства у израильтянъ дѣлало невозможнымъ появленіе одного общенациональнаго вождя. И такъ какъ каждое колѣно въ трудныя минуты свои не могло рассчитывать на помощь со стороны остальныхъ, то всѣмъ имъ приходилось поддерживать дружескія отношенія съ сосѣдними племенами, вступать съ ними въ браки, принимать участіе въ ихъ quasi-религіозныхъ церемоніяхъ, а слѣдовательно, и въ нравственныхъ ихъ заблужденіяхъ. Виѣшняя разрозненность колѣнъ результатомъ своимъ имѣла такимъ образомъ и внутреннее ихъ отчужденіе. Однако, ни это національное самоотреченіе, ни угодливость въ сношеніяхъ съ сосѣдами не могли все же дать израильтянамъ столь желаннаго ими покоя и независимаго существованія. И дѣйствительно, какъ только туземцы-сосѣди успѣли нѣсколько оправиться послѣ войны, они тотчасъ дали почувствовать израильтянамъ, что они для нихъ чужіе, силой ворвавшіеся въ ихъ страну, враги, которыхъ надо истребить или по меньшей мѣрѣ смирить и унижить. Тяжелыя времена настали для Израиля со смертью Іошуи. Одно за другимъ, колѣна подвергались нападѣніямъ, униженіямъ и даже порабоженію. И лишь въ моменты крайней опасности изъ нѣдръ народа выступали люди, исполненные энергіи и мужества, и совершали геройскіе подвиги. Этимъ *героямъ* или *спасителямъ народа*, или *судьямъ* (Schoftim), какъ ихъ обыкновенно называли, въ критическія минуты удавалось, правда, иногда объединять нѣкоторыя колѣна для совмѣстнаго дѣйствія противъ врага. Но всего народа они ни разу не могли объединить; они даже не въ силахъ были удерживать болѣе или менѣе продолжительное время въ союзѣ тѣ колѣна, которыя соединялись въ виду опасности; они также не пытались создать какой-нибудь прочный порядокъ, при помощи котораго враждебныя племена можно было-бы держать въ извѣстныхъ предѣлахъ или сдѣлать ихъ безвредными. И еще ме-

нѣе въ состояніи были эти временные вожди искоренить идолопоклонство и пороки, заимствованные отъ туземцевъ, и вернуть израильтянъ къ истинной вѣрѣ и чистымъ нравамъ. Эти спасители на часть сами были заражены языческими язвами и о синайскомъ вѣроученіи имѣли лишь самое смутное представленіе.

ГЛАВА IV.

Эпоха судей и судьи-герои.

Нападеніе идумейцевъ и спаситель Отниель. Моавитскій царь Эглонъ и спаситель Эгудъ. Ханаанейскій царь Ябинъ и его военачальникъ Сисера. Пророчица-поэтеза Дебора и народный герой Варакъ. Побѣда у Тавора. Зачатки древне-еврейской поэзіи. Страданія, причиненныя израильтянамъ хищническими и бродячими народами. Герой Гидеонъ-Іерубаалъ. Важная побѣда въ равнинѣ Іезреель. Начало благосостоянія. Авимелехъ и его бой съ сихемцами. Ярръ изъ Гилеада. Одновременная вражда аммонитовъ и филистимлянъ. Іефтахъ и Самсонъ. Зевулонскіе судьи-герои.

Первымъ изъ сосѣднихъ народовъ, вскорѣ послѣ покоренія израильтянами Ханаана ставшимъ въ явно-враждебныя къ нимъ отношенія, были идумейцы. Племя это, между тѣмъ, нисколько не было стѣснено своими новыми сосѣдями изъ Іегудина и Симеонова колѣна; оно къ тому же и не боялось ихъ, опираясь на свой укрѣпленный центръ, находившійся къ востоку отъ горъ Сеиръ. Но идумейцы стремились расширить свои владѣнія на счетъ области, расположенной къ западу отъ Мертваго моря, т. е. въ ту именно сторону, гдѣ поселились названныя колѣна; они нуждались въ невольникахъ для работъ въ своихъ рудникахъ и сверхъ того опасались конкуренціи со стороны пришельцевъ. И вотъ одинъ изъ ихъ царей, *Хушанъ*, прозванный „Ринотанимъ“, внезапно напалъ на іегудитовъ и симеоонитовъ, совершенно къ этому не приготовленныхъ. Идумейцамъ не трудно было, конечно, покорить эти два колѣна, отдѣленные отъ прочихъ израильтянъ какъ бы высокой стѣной. Даже и въ томъ случаѣ, еслибъ этой стѣны не было, подлежить еще сомнѣнію, явились-ли бы другія колѣна къ нимъ на помощь. Въ чемъ именно выразилось это покореніе, трудно теперь установить; іегудеи и симеоониты по всей вѣроятности были обращены въ полурабство и въ знакъ покорности должны были ежегодно приносить идумейскому царю дары (*Minchah*) изъ стадъ своихъ или прочаго имущества. Восемь лѣтъ оба колѣна оставались подъ властью идумейцевъ. На девятомъ году одинъ іегудей, младшій братъ Калева, покорителя Хеврона, *Отниель*, возсталъ противъ идумейцевъ и, собравъ отрядъ мужественныхъ единовѣрцевъ, выступилъ съ ними противъ Хушана и на

голову разбилъ его полчища. Отниель былъ первымъ спасителемъ или „судьей“ израильскимъ. Геройскій подвигъ его, правда, большихъ результатовъ не имѣлъ: онъ въ дѣйствительности освободилъ отъ туземнаго ига только иегудеевъ и симеонитовъ; на положеніе въ странѣ прочихъ колѣнъ его побѣда не оказала никакого вліянія, и вѣсть о ней едва-ли даже достигла израильтянъ, жившихъ по той сторонѣ Іудейскихъ горъ. Но для самихъ иегудеевъ и симеонитовъ побѣда Отниеля имѣла уже то важное значеніе, что сосѣднія племена оставили ихъ въ покоѣ.

Приблизительно около сорока лѣтъ послѣ этого, другія два колѣна, жившія за Іорданомъ, были покорены моавитами. Этотъ народъ не могъ примириться съ сосѣдствомъ рувинитовъ и гадитовъ, опасаясь, какъ бы они не вздумали напасть на нихъ и отнять у нихъ ихъ земли. Чтобы разъ навсегда положить конецъ этому положенію, воинственный царь ихъ Эглонъ собралъ однажды все взрослое населеніе своей страны и напалъ на израильтянъ. Послѣдніе не выдержали этого внезапнаго нападенія и потерпѣли поражение. Колѣна Рувиново и Гадово такимъ образомъ попали подъ власть къ моавитамъ. Эглонъ, однако, не удовольствовался покореніемъ однихъ заіорданскихъ колѣнъ. Ободренный первымъ успѣхомъ, онъ перешелъ рѣку, для того, чтобы покорить и прочихъ израильтянъ. Но опасаясь встрѣтиться съ ихъ стороны болѣе энергичный отиоръ, чѣмъ со стороны рувинитовъ и гадитовъ, моавитскій царь заключилъ союзъ съ самыми ярыми врагами израильтянъ, аммонитами и амалекитами. Союзникамъ, послѣ перехода черезъ Іорданъ, въ первой очереди пришлось имѣть дѣло съ Веніаминовымъ колѣномъ, успѣвшимъ, повидимому, приготовиться къ сопротивленію. Среди веніамитовъ въ то время, по преданію, было много искусныхъ метальщиковъ, которые лѣвой рукой метали камни съ такой ловкостью, что никогда не давали промаху.¹⁾ Несмотря на это, веніамиты были разбиты во много разъ превосходившими ихъ числомъ союзниками, такъ какъ остальные колѣна, съ ближайшими къ нимъ эфраимитами въ томъ числѣ, не пожелали придти имъ на помощь. Веніамиты были покорены, подверглись со стороны побѣдителей позорнымъ униженіямъ и подобно иегудеямъ должны были въ знакъ покорности ежегодно являться съ дарами къ моавитскому царю. Цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ Веніаминово колѣно сносило эти униженія. Эглонъ переселилъ часть моавитовъ по сю сторону Іордана и, изгнавъ изъ „Города палмъ“, Цоара, израильтянъ, населилъ его язычниками. Въ это время изъ веніамитской семьи Гера вышелъ народный спаситель, по имени Эгудъ. Онъ не тважился, однако, вызвать своихъ братьевъ по сграданіямъ на открытій

1) Судьи XX, 16; Хроники I. XII, 2.

бой съ моавитами и рѣшили предварительно избавиться отъ нихъ воинственнаго царя. Эгудъ устроилъ поэтому такъ, что его выбрали посломъ для врученія Эглоу ежегодныхъ даровъ въ знакъ покорности. Возможно, впрочемъ, что на немъ, какъ на членѣ знатной семьи, и безъ того лежала эта обязанность. Прибывъ въ моавитскую столицу, онъ испросилъ себѣ свиданіе съ царемъ, и, оставшись съ нимъ наединѣ, внезапно вонзилъ ему ножъ въ сердце. Заперевъ за собою двери, онъ поспѣшилъ затѣмъ скрыться. Прежде чѣмъ слуги Эглона узнали о его смерти, Эгудъ былъ уже на этой сторонѣ Іордана. Не теряя времени, онъ собралъ, большое войско изъ вениамитовъ и эфраимитовъ, одной части ихъ велѣлъ занять всѣ іорданскіе броды, отрѣзавъ такимъ образомъ моавитовъ, жившихъ по сую сторону Іордана, отъ заіорданскихъ соплеменниковъ, а самъ во главѣ другой части внезапно напалъ на нихъ, разбилъ ихъ и многихъ изъ нихъ истребилъ. Колѣна, жившія во внутреннемъ Ханаанѣ, были такимъ образомъ на долго обезпечены отъ новыхъ набѣговъ со стороны моавитовъ и ихъ союзниковъ.

За то начались нападенія съ другой стороны, сначала невзначайныя, но съ теченіемъ времени становившіяся все болѣе серьезными. Филистимляне, стремясь расширить тѣсныя предѣлы своихъ владѣній, стали дѣлать набѣги на сосѣднія колѣна, Даново и Вениамново. Толпа филистимскихъ хищниковъ въ 600 человекъ ворвалась однажды въ расположенныя на границѣ ихъ земли израильскіе города и села, жителей ихъ, по тогдашнему обычаю, ограбила и увела въ плѣнъ. Противъ этихъ грабителей вооружился нѣкій *Шамгаръ*, сынъ Аната. Наскоро собравъ большое число добровольцевъ, онъ нагналъ филистимлянъ, разбилъ ихъ, какъ гласитъ преданіе, „воловымъ хвостомъ“, и освободилъ своихъ единовѣрцевъ. Объ этомъ героѣ преданія ничего больше не сообщаютъ, такъ что неизвѣстно даже, къ какому колѣну онъ принадлежалъ.

Въ то же время и во владѣніяхъ прочихъ колѣвъ произошли также весьма важныя перемѣны, о которыхъ, впрочемъ, до насъ дошли лишь самыя скудныя свѣдѣнія. Благодаря весьма удачно сложившимся обстоятельствамъ, сѣверныя колѣна успѣли въ теченіе перваго вѣка послѣ смерти Іошуи значительно расширить свои владѣнія, простиравшіяся отъ Нафталіевыхъ горъ до Іезреельской равнины, и добиться большей самостоятельности. Давидамъ удалось вытѣснить аммореевъ изъ Саронской долины и расширить такимъ образомъ свои владѣнія до моря у Яффы (Іоппе). Исахарово колѣно, также въ это время окрѣпшее, успѣло отчасти выйти изъ подъ власти окружавшихъ его ханаанейцевъ. Вообще же между колѣнами было тогда больше единства, чѣмъ прежде. За исключеніемъ іегудеевъ и симеонитовъ, которые все еще были отрѣзаны отъ прочихъ израильтянъ, сѣверныя колѣна стали уже входить въ сношенія

другъ съ другомъ. Росло также и благосостояніе народа. Знатные люди стали носить вышитыя цвѣтныя одежды и ѣздить на бѣлыхъ ослахъ, украшенныхъ богатыми сѣдлами. Городская жизнь быстро развивалась. Усиленіе израильтянъ было, однако, весьма невыгодно ханаанейскимъ племенамъ, потому, что ихъ караванныя дороги пролегали по владѣніямъ израильтянъ, которые во всякое время могли ихъ закрыть и такимъ образомъ совершенно уничтожить ихъ торговлю.

Для того, чтобы по возможности обезсилить израильтянъ, нѣкоторые ханаанскіе цари заключили между собой оборонительно-наступательный союзъ. Во главѣ союзниковъ сталъ царь Хадорскій, по имени *Ябинъ*, и его отличный военачальникъ *Сисера*. Этотъ полководецъ располагалъ большимъ числомъ желѣзныхъ боевыхъ колесницъ, которыя внушали ужасъ израильскимъ воинамъ, вооруженнымъ одними пращами и луками. Съ помощью этихъ колесницъ и большого союзнаго войска Ябину и Сисерѣ удалось покорить израильтянъ, жившихъ вокругъ Тавора и на близлежащей равнинѣ. Города и караванные пути были у нихъ отняты, и сами они были разоружены. Сисера затѣмъ съ такой жестокостью преслѣдовалъ израильтянъ, что ими овладѣло отчаяніе. Особенно круто приходилось Нафталиеву и Зевулонову колѣнамъ, жившимъ по близости города Хадора. Предводители этихъ колѣвъ, парализованные страхомъ, совершенно растерялись и дѣлали одну ошибку за другой; это, разумѣется, только усугубляло и безъ того весьма печальное положеніе. „Нѣтъ главы, нѣтъ вождя во Израилѣ“—таковъ былъ общій вопль тѣхъ, которые жили не одними личными интересами. Впервые израильтяне съ скорбью въ душѣ почувствовали недостатокъ единства въ народѣ и отсутствіе одного общаго вождя. Такое глубокое чувство боли нерѣдко ведетъ къ исцѣленію болѣзни.

Не было вождя и сильнаго человѣка во Израилѣ. За то была одна необыкновенно сильная женщина. Сильная не кровавыми подвигами и не обаяніемъ своего мистическаго призванія, а свѣтлымъ умомъ, высокими добродѣтелями и поэтическимъ даромъ своимъ. *Дебора*, „жена ничѣмъ неизвѣстнаго израильтянина Лапидоса, жившая на границѣ владѣній Эфраима и Вениамина, между Бетелемъ и Рамой“—вотъ и все, что мы знаемъ о вѣншихъ обстоятельствахъ жизни этой женщины. Но въ то же время мы знаемъ, что весь израильскій народъ глубоко чтилъ „матерь Израила“, и это обстоятельство доказываетъ, что то дѣйствительно была необыкновенная женщина. Дебора пѣла пѣсни, но не для праздноутихи, своей или чужой; то были не столько пѣсни, сколько боевые кличи, и пѣла ихъ Дебора съ такимъ паэосомъ и жаромъ, что самые робкіе дѣлались героями. Поэтическій даръ въ пламенной душѣ этой женщины соединялся съ пророческой прозорливостью. По тѣмъ отрывкамъ изъ ея

пѣсенъ, которые до насъ дошли, видно, что онѣ были религиозно-національнаго, патріотическаго содержанія. Великія событія прошлаго Израиля, чудеса, которыми сопровождался исходъ изъ Египта, синайское откровеніе, первыя завоеванія въ Ханаанѣ,—все это Дебора воспѣвала въ своихъ гимнахъ, пророческимъ взоромъ своимъ черпая въ этихъ воспоминавіяхъ прошлаго надежду на то, что Господь и впредь не оставитъ Свой народъ въ минуту опасности. Сидя подъ пальмой, впослѣдствіи по ея имени названной „пальмой Деборы“ (Tohmer Deboга), она поучала народъ, приходившій къ ней за совѣтомъ и разрѣшеніемъ своихъ споровъ, вмѣстѣ съ тѣмъ воодушевляя его своими пѣснями на бой съ врагами Израиля.

Слава о ея мудрости распространилась по всей странѣ и вскорѣ дошла до израильтянъ, жившихъ на сѣверѣ. Зевулово и Нафталиево колѣна, жестоко преслѣдуемая Сисерой, отправили къ ней пословъ за совѣтомъ и поощреніемъ. Выслушавъ ихъ, она призвала къ себѣ война Варака, сына Авиноама, изъ Кедешъ-Нафтали, и именемъ Господа велѣла ему отправиться во владѣнія преслѣдуемыхъ колѣнъ, собрать тамъ всѣхъ способныхъ носить оружіе мужчинъ и юношей и во главѣ ихъ выступить противъ врага. „У горы Таворъ,—предсказала она ему,—сила царя Ябина и его полководца будетъ сломлена“. Безъ самой Деборы Варакъ не соглашался, однако, предпринять этотъ опасный походъ противъ многочисленныхъ и опасныхъ въ вѣчномъ дѣлѣ враговъ. Онъ требовалъ, чтобы она отправилась вмѣстѣ съ нимъ, для того, чтобы пѣснями своими воодушевить упавшихъ духомъ израильтянъ. „Съ тобою я иду,—объявилъ ей Варакъ,—безъ тебя же остаюсь!“ Уступая его желанію и мольбамъ пословъ, Дебора согласилась отправиться на сѣверъ, въ видѣ новаго предсказанія замѣтивъ при этомъ Вараку, что Сисера погибнетъ не отъ его меча, а отъ руки женщины. Вмѣстѣ съ Деборой и Варакомъ на помощь Нафтали и Зевулону отправилась также часть эфраимитовъ и веніамитовъ. Прибытіе „матери Израиля“, избраннаго ею вождя дѣйствительно такъ воодушевило поработенныя колѣна, что они готовы были защищать свою свободу до послѣдней капли крови. Свыше десяти тысячъ человекъ собралось, подъ предводительствомъ Варака и Деборы, у горы Таворъ. Были посланы гонцы и къ другимъ колѣнамъ съ просьбой о помощи. Немногіе изъ нихъ, однако, откликнулись на этотъ зовъ присылкой опытѣйшихъ изъ своихъ воиновъ. Даже ближайшій къ Тавору израильскій городъ Мерозъ отказалъ своимъ братьямъ въ помощи.

Несмотря на это, израильтяне не теряли надежды на успѣхъ. Сисера же, узнавъ о готовящемся нападеніи, собралъ свое войско, союзныя полчища и боевыя колесницы свои и двинулъ ихъ противъ израильтянъ. Расположившись лагеремъ у города Тавааха, неподалеку отъ Тавора, Си-

сера спокойно ждалъ нападенія, инопль увѣренный, что ему и на этотъ разъ удастся справиться съ неискусными и неопытными въ боевомъ дѣлѣ израильтянами. Такъ оба войска стояли въ ожиданіи боя нѣсколько дней. Однажды утромъ Дебора объявила Вараку, что предстоящій день весьма благоприятенъ для израильтянъ. Варакъ тотчасъ собралъ все свое войско и, спустившись съ нимъ въ равнину, повелъ его къ Танааху и атаковалъ непріятеля. Едва началось сраженіе, какъ разразилась сильная гроза съ ливнемъ, которая произвела страшное смятеніе въ рядахъ суевѣрныхъ хананейцевъ; запряженные въ колесницы лошади, испуганныя грозой, понесли и тѣмъ произвели еще большее замѣшательство въ рядахъ обезумѣвшихъ воиновъ, которые въ полномъ безпорядкѣ пустились бѣжать къ Кишону. Но сильный ливень превратилъ этотъ потокъ въ большую рѣку, потопившую въ водахъ своихъ всѣхъ воиновъ съ лошадьми ихъ и колесницами. Самъ Сисера, оставивъ свое войско на произволъ судьбы, бѣжалъ въ Хацоръ, преслѣдуемый Варакомъ, но на пути нашелъ неожиданную смерть. Задыхаясь отъ усталости и чувствуя за собою погоню, онъ скрылся въ шатрѣ одного кенита, который жилъ въ дружбѣ какъ съ ханаанейцами, такъ и съ израильтянами. Утоливъ свою жажду, Сисера тотчасъ заснулъ. Тогда жена кенита, Яель, взяла заостренный колъ отъ шатра и молотомъ вбила его въ голову ханаанейскому военачальнику, который тутъ же испустилъ духъ. Пораженіе было полное. Воодушевленные уснѣхомъ, израильтяне не удовольствовались этой первой побѣдой и, предводимые Деборой и Варакомъ, напали на самаго царя Ябина въ его столицѣ и истребили послѣдніе остатки его войска. Изъ обращенныхъ въ рабство поданныхъ колѣна Нафтали и Зевулонъ сдѣлались такимъ образомъ хозяевами всего сѣвернаго Ханаана.

Эта столь же неожиданная, сколь и рѣшительная побѣда, первая послѣ смерти Іошун, имѣла весьма благоприятныя послѣдствія еще и въ другомъ отношеніи. Участники или свидѣтели чудесной побѣды, вочію видѣвшіе, какъ пламенные рѣчи вдохновенной Богомъ женщины самыхъ трусливыхъ дѣлали героями и рабовъ превращали въ господъ, и сами почувствовали себя сынами одного народа, связаннаго общимъ прошлымъ и общимъ же будущимъ. Израильтяне снова прониклись сознаніемъ своей богоизбранности и своей высокой просвѣтительной миссіи. Побѣды Деборы и Варака и событія, результатомъ ихъ явившіяся, дали, съ другой стороны, новый толчокъ израильской народной поэзіи, вызвавъ рядъ превосходныхъ по мысли и формѣ героическихъ пѣсней. Одинъ оставшійся неизвѣстнымъ поэтъ(вѣро-),¹

¹) Давно пора оставить совершенно ложную мысль о томъ, будто „Пѣсь Деборы“ принадлежить самой Деборѣ. Мыслимо-ли въ самомъ дѣлѣ, чтобы сама она на-

ятно, изъ левитовъ, воспѣлъ побѣду у Танааха и всѣ сопровождавшія ее обстоятельства въ столь картинныхъ образахъ и съ такой драматической живостью, что людямъ позднѣйшихъ поколѣнй, слушавшимъ и читавшимъ его гимнь, казалось, будто они сами присутствуютъ при этихъ событiяхъ. Еще до того, какъ у всѣхъ прочихъ народовъ, съ самымъ творческимъ изъ нихъ, эллинами, включительно, возникла какая-либо поэзiя, за нѣсколько столѣтiй до Гомера, такъ называемая пѣснь Деборы обнаруживаетъ уже весьма высокую степень поэтическаго творчества, {заставляющую предпо- лагать существованiе большого числа другихъ еще, не дошедшихъ до насъ поэтическихъ произведенiй. Въ истинно израильскомъ духѣ побѣдная пѣснь эта прославляетъ не вождей и не воинновъ за геройскiе подвиги ихъ, а одного истиннаго виновника этой побѣды, Бога Израиля. Пѣснь начинается воззванiемъ, обращеннымъ къ царямъ и вождямъ ханаанскимъ, чтобы они, свидѣтели этой чудесной побѣды, воздали честь и хвалу единому израильскому Богу:

„Слушайте, о цари, Пою я Господа,
Внимайте вы, князья: Славлю Бога Израиля!“

Пѣснь напоминаетъ затѣмъ о всемогуществѣ Бога надъ природой, о томъ, какъ Онъ поднялъ нѣкогда всѣ стихiи, какъ земля всколебалась, небо разверзлось грозой и горы Синайскiя по Его велѣнiю разступились, когда Онъ освобождалъ свой народъ, шествуя во главѣ его и прокладывая ему путь въ обѣтованную землю. Точно также и въ бою противъ Сисеры Господь явился своему народу на помощь, вооруживъ противъ его враговъ всѣ силы небесныя:

„Въ орбитахъ своихъ „И съ Сисерою онѣ
„Звѣзды возмутились, „На небѣ сражались“.

Пѣснь характеризуетъ далѣе слабость и упадокъ народа израильскаго и запущенность страны ханаанской передъ одержанной имъ надъ ханаанейцами побѣдой:

Опустѣла вся страна,
„И странники блуждали безъ путей“.

Хуже всего было то, что не было мужественныхъ вождей во Израилѣ,—
„Пока ты не возстала, Дебора.
„Возстала какъ мать во Израилѣ“.

Воспѣвая побѣду надъ Сисерой, поэтъ пользуется случаемъ, чтобы указать народу причину его упадка:

„Избрали себѣ новыхъ боговъ, „Не стало ни копiй, ни щитовъ
„И пали ихъ города; „У сорока тысячъ народа“.

зывала себя „матерью во Израилѣ!“ Зablужденiе произошло потому, что глагольную форму *גִּבְרָתָא* ошибочно считаютъ первымъ лицомъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности это второе лицо. Не сама Дебора говоритъ о себѣ въ пѣснѣ, а поэтъ обращается къ ней: „Пока ты не возстала Дебора, не возстала, какъ мать во Израилѣ“.

Далѣ въ пѣснѣ описывается необыкновенное воодушевленіе, охватившее израильтянъ въ виду общей опасности. Самъ народъ призвалъ Дебору и Варака къ вожди:

„Возстань, воспрянь, Дебора, „Впередъ, Варакъ, срази враговъ.
„Воспрянь и пой намъ пѣсни! „Варакъ, сынъ Авиноама“!

Поэтъ перечисляетъ затѣмъ колѣна, пришедшія на помощь Нафтали и Зевулону, и смѣется надъ тѣми изъ нихъ, которыя изъ эгоизма не подержали своихъ братьевъ.

„Что медлишь ты, Рувинъ, „За рѣкою остались?
„Въ загонахъ своихъ, „А Данъ отчего тащить корабли?
„Внимая мычанью „И Ашеръ у моря
„Скотовъ безсловесныхъ? „Что стережеть?
„Гадиты зачѣмъ

Призывая проклятiе на жителей города Мероза, также отказавшихъ Нафтали и Зевулону въ помощи, авторъ противопоставляетъ имъ подвигъ чужой израильтянкамъ женщины, кенитянки Іаель, убившей соннаго Сисеры:

„Благословенна да будетъ „И правой молотъ большой,
„Между женами Іаель, „Въ високъ вбила ему колъ
„Жена кенита Хевера! „И пронзила голову ему
„Воды пресиль у нея Сисера, „Къ ногамъ упалъ онъ ея,
„Молока она ему дала, „Сраженный твердою рукой“.
„Лѣвой рукой ваала она колъ,

Далѣ поэтъ описываетъ, какъ мать Сисеры съ тоскою глядитъ на дорогу, и какъ ей кажется, что она видитъ своего сына, возвращающимся побѣдителемъ, нагруженнымъ богатой добычей.

„За рѣшеткой окна своего „Отвѣчаютъ ей умныя книжки,
„Мать Сисеры тревожно глядитъ „Сама она отвѣчаетъ себѣ:
„На широкую ленту дороги. „Добычу навѣрное дѣлать еще,
„Что держитъ его такъ долго въ „По кучѣ и по двѣ на война,
пути? „А ткани цвѣтныя—Сисерѣ
„Колесница что такъ медлитъ его? „Для матери его въ подарокъ“.

Вмѣсто того, чтобы описать разочарованіе, которое должно послѣдовать за этимъ ожиданіемъ, поэтъ заключаетъ свою пѣснь пожеланіемъ:

„Такъ да погибаютъ всё „Друзья-же Твои да воссіаютъ,
„Враги твои, о Господи! „Какъ восходящее свѣтило“!

По формѣ пѣснь такъ же высоко-художественна, какъ и по содержанию. Равномѣрныя строфы разбиты на столь же равномѣрныя группы стиховъ, каждая изъ которыхъ рельефно выдѣляетъ какую-нибудь картину или развиваетъ отдѣльную мысль. Основная форма древне-еврейской поэзіи, удвоеніе равномѣрныхъ стиховъ (параллелизмъ), примѣнена и въ этой пѣснѣ, но здѣсь эти параллельные стихи выходятъ еще художественнѣе, чѣмъ въ позднѣйшихъ поэтическихъ произведеніяхъ, такъ какъ здѣсь они представляютъ не простыя повторенія предыдущихъ стиховъ, а варіаціи,

съ помощью новыхъ словъ отъѣняющія выраженную уже мысль или картину съ какой-нибудь новой стороны. Пѣснь, очевидно, сложена для торжественнаго пѣнія. Слѣдуетъ думать, что ее часто пѣли на народныхъ собраніяхъ, а также и передъ шиломскимъ святилищемъ. Вступленіе къ пѣснѣ дѣйствительно имѣетъ форму обращеннаго къ народу псалма:

„Князья поднялись во Израилѣ:

Прославьте Господа за то“ ¹⁾

Не для возвеличенія воиновъ израильскихъ и восхваленія Варака и Деборы сложена эта пѣснь, а исключительно для прославленія Бога, руководящаго сраженіями и дарующаго побѣды. Поэтъ оставляетъ поэтому на заднемъ планѣ и Дебору и Варака, что между прочимъ дѣлалъ и позднѣйшіе лѣтописцы, описывавшіе сраженіе у Тавора. Послѣ своего подвига Дебора и Варакъ сходятъ съ исторической арены, и воплѣ естественное желаніе узнать, содѣйствовали ли они и послѣ своего подвига упроченію благосостоянія спасеннаго ими народа, остается неудовлетвореннымъ. Во всякомъ случаѣ можно думать, что рѣшительныя пораженія, нанесенныя израильтянами хаанаанейскимъ царямъ, въ значительной степени упрочили ихъ положеніе въ странѣ. Библия по крайней мѣрѣ говоритъ, что послѣ побѣдъ надъ Сисерой и Ябиномъ израильтяне въ теченіе сорока лѣтъ жили мирно, не подвергаясь со стороны туземцевъ никакимъ нападеніямъ.

Но если сѣверныя колѣна надолго были обезпечены отъ новыхъ насилій то колѣна, жившія въ центрѣ страны, все еще продолжали подвергаться нападеніямъ если не со стороны своихъ сосѣдей, то со стороны пришлыхъ разбичихъ племенъ. Бродячіе хищники мидіаниты, жившіе то на Синайскомъ полуостровѣ, то за Иорданомъ, соединившись съ амалекитами и съ смѣшанными племенами неизвѣстнаго происхожденія, носившими имя „сыноей востока“ (Bene Kebe), избрали центръ Хаанаана цѣлью своихъ правильно повторявшихся набѣговъ. Въ теченіе семи лѣтъ хищники эти ежегодно ко времени жатвы переходили, съ шатрами своими, верблюдами и стадами, Иорданъ и „подобно саранчѣ“ вторгались во владѣнія израильтянъ, истребляли ихъ хлѣбъ на корню, угоняли скотъ и вообще опустошали страну. Хищниковъ этихъ между тѣмъ было такъ много, что ни одно колѣно не отваживалось открыто выступить противъ нихъ. Больше и чаще всего ихъ крайне разорительнымъ набѣгамъ подвергалась плодородная Іезреельская равнина съ прилегающими къ ней съ сѣвера и юга областями. Чтобы спасти необходимѣйшіе запасы, израильтянамъ приходилось прятать ихъ въ пещерахъ, горныхъ ущельяхъ и другихъ тайникахъ. Скудный сборъ пшеницы съ систематически опустошаемыхъ полей израильтяне должны были молотить украдкой въ погребкахъ,

¹⁾ Суды V, 2. Удвоеніе въ стихѣ 9-мъ.

выдолбленныхъ въ скалахъ. Сильно страдая отъ этихъ набѣговъ, многіе израильтяне стали собираться въ Шиломъ, предъ скиніей завѣта, умолая Бога о спасеніи. На одномъ изъ такихъ молитвенныхъ собраній вѣкій богобоязненный израильтянинъ, по всей вѣроятности изъ левитовъ, обратился къ народу съ пламенной рѣчью, горько упрекая его въ томъ, что онъ забылъ истиннаго Бога, который караетъ его всякими несчастьями за то, что онъ усвоилъ себѣ языческіе нравы и сталъ поклоняться аморейскимъ идоламъ. Эта рѣчь, повидимому, произвела сильное впечатлѣніе лишь на одного молодого слушателя, изъ Манашіина колѣна, по имени *Іерубааль* или *Гидеонъ*. Глубоко скорбя о паденіи и несчастьяхъ своего народа и воодушевленный мыслью объ его освобожденіи, онъ рѣшилъ приступить къ дѣлу, начавъ борьбой съ идолопоклонствомъ, какъ главной причиной паденія народа.

Іерубааль или Іерубошесъ, сынъ землѣдѣльца Іоаша изъ Манашіиной семьи Абіезеръ въ городѣ Офрѣ, былъ воспитанъ въ культѣ мѣстныхъ боговъ Ваала (Ваала) и Бошесъ (Астарты), отъ которыхъ и получилъ свои имена. Въ родномъ его городѣ находился храмъ Ваала, которому были посвящены особыя, предъ храмомъ росшія священныя деревья. Убѣдившись въ живности этого культа, Іерубааль смѣло и сразу отрекся отъ него. Это должна была быть весьма сильная и привлекательная личность. Сами враги его говорили про него, что онъ красивъ, „какъ царскій сынъ“. Однажды ночью онъ съ помощью рабовъ разрушилъ жертвенникъ Ваала, вырубилъ всѣ „священныя“ деревья и на ихъ мѣстѣ въ ту же ночь воздвигъ жертвенникъ во имя Бога Израиля. Жители Офры, узнавъ на утро, что Іерубааль сдѣлалъ, пришли въ страшное негодованіе и хотѣли его убить за оскверненіе ихъ святыни. Но у него нашлись приверженцы, которые выступили на его защиту. Съ этой то горстью сторонниковъ своихъ Іерубааль задумалъ освободить народъ отъ мидіанитовъ и ихъ союзниковъ по грабежамъ. Его, однако, разбирала сомнѣнія. Прежде всего ему казалось, что самъ Богъ, повидимому, оставилъ свой народъ на произволь судьбы, разъ мидіаниты могли такъ безнаказанно издѣваться надъ нимъ. Но и помимо того, онъ, незнатный юноша, младшій сынъ простого землѣдѣльца, имѣлъ основаніе опасаться, что его призывъ къ борьбѣ никѣмъ не будетъ услышанъ. Однако вѣра въ свои силы и желаніе отомстить притѣснителямъ своего народа были такъ сильны въ этомъ юношѣ, что онъ преодолѣлъ всѣ свои сомнѣнія и смѣло приступилъ къ дѣлу.

Вдохновленный, по преданію, голосомъ свыше, Гидеонъ отправилъ гонцовъ къ сосѣднимъ колѣнамъ Манаше, Ашеру, Зевулону и Нафтали съ просьбой помочь ему изгнать враговъ изъ страны. На этотъ зовъ откликнулось нѣсколько тысячъ израильскихъ воиновъ. Какъ разъ къ этому вре-

мени мидіаниты произвели новый набѣгъ на владѣнія Манашина колѣна, къ которому, Гидеонъ принадлежалъ, ограбивъ сотни семействъ и убивая при этомъ всѣхъ оказавшихъ сопротивленіе. Въ числѣ убитыхъ были и два брата Гидеона, столь же прекрасные, какъ онъ самъ. Собравъ свою рать, Гидеонъ выступилъ противъ непріятеля, расположившагося лагеремъ въ равнинѣ Іезреель, у подошвы горы Морэ (нынѣ Ed-Duhy). Гидеонъ же сдѣлалъ привалъ у Эн-дора, на разстояніи одного часа пути отъ непріятельскаго стана. Подходилъ рѣшительный моментъ, а между тѣмъ Гидеонъ сталъ замѣчать, что воинство его сильно труситъ. Опасаясь, какъ бы эти малодушные не принесли ему въ бою больше вреда, чѣмъ пользы, Гидеонъ объявилъ, что боязливые могутъ удалиться до начала сраженія. Многіе воспользовались этимъ позволеніемъ и поспѣшили уйти. Оставшихся же Гидеонъ подвергъ строгому испытанію, рѣшивъ повести въ бой только самыхъ отважныхъ. Отпустивъ и тѣхъ, которые не выдержали испытанія, Гидеонъ остался лишь при трехстахъ самыхъ отборныхъ, на все готовыхъ воинахъ. Разбивъ этотъ отрядъ на три группы, онъ снабдилъ ихъ рогами и горящими факелами, спрятанными въ кувшины. Окруживъ затѣмъ спавшихъ мидіанитовъ, эти триста храбрецовъ, по сигналу своего вождя, затрубили въ рога, выбросили свои факелы и съ крикомъ „за Бога и Гидеона“ бросились на непріятельскій лагерь. Внезапно разбуденные отъ глубокаго сна, испуганные звуками трубъ и свѣтомъ летящихъ въ воздухѣ факеловъ, мидіаниты подумали, что на нихъ напало огромное войско, и въ страшномъ смятеніи бросились бѣжать по направленію къ Іордану. Израилтяне погнались за ними и многихъ изъ нихъ перебили. Добровольцы изъ разныхъ колѣнъ, накануне отпущенные Гидеономъ и ожидавшіе исхода сраженія, спрятавшись за горою, теперь набрались храбрости и съ своей стороны бросились преслѣдовать мидіанитовъ. Наконецъ и эфранмиты, узнавъ о подвигѣ Гидеона, взяли также за оружіе и бросились къ Іордану, отрѣзавъ мидіанитамъ путь. Истребивъ многихъ изъ нихъ, они захватили въ плѣнъ двухъ ихъ военачальниковъ, Орева и Зеева и, казнивъ ихъ, принесли головы ихъ въ видѣ трофеевъ Гидеону. „День Мидіана“ на много вѣковъ остался въ памяти израилтян¹⁾, и изъ поколѣнія въ поколѣніе передавался рассказъ о томъ, какъ небольшая горсть храбрецовъ израильскихъ уничтожила несмѣтная вражескія полчища.

Не довольствуясь, однако, этой побѣдой и рѣшивъ разъ на всегда положить конецъ набѣгамъ заіорданскихъ хищническихъ племенъ, Гидеонъ, не давая отдыха своимъ усталымъ воинамъ, перешелъ съ ними черезъ Іорданъ. Онъ получилъ извѣстіе, что мидіанитскіе цари Зевахъ и Цалмуна съ

¹⁾ Іешаи IX, 3; X, 26.

остатками ихъ войска успѣли, несмотря на сопротивленіе эфранимтовъ, перейти рѣку и даже увести съ собою въ плѣнъ многихъ израильтянъ. За ними то Гидеонъ и погнался. Переправившись чрезъ Іорданъ, онъ у жителей города Суккотъ, израильтянъ, попросилъ хлѣба для своихъ голодныхъ воиновъ, но въ отвѣтъ получилъ одиѣ оскорбительныя насмѣшки. Также безучастно отнеслись къ нему и жители другого израильскаго города, Пенуеля, вмѣсто хлѣба такимъ же образомъ угостившіе Гидеона издѣвательствами. Не затѣвая съ ними ссоръ, Гидеонъ продолжалъ свою погоню за мидіанитянами, бѣжавшими на сѣверъ къ горамъ Гаурава. Погоня была сопряжена съ большими лишеніями и опасностями, такъ какъ запасовъ отрядъ никакиихъ не успѣлъ съ собою захватить, окрестная же страна кишѣла разными разбойничьими племенами, отъ которыхъ ежеминутно можно было ждать нападенія. Дошедшая уже до этихъ хищниковъ слава о необыкновенныхъ подвигахъ Гидеона внушила имъ, однако, такой страхъ, что они не осмѣлились преградить ему путь. Настигнувъ мидіанитовъ у города Нобаха или Кената, Гидеонъ нанесъ имъ столь рѣшительное пораженіе, что они съ тѣхъ поръ не въ силахъ были уже принимать какіе-либо набѣги.

Съ богатой добычей возвратился Гидеонъ съ товарищами своими на родину. Мидіанскіе цари и князья носили золотыя украшенія и пурпурныя одежды, и даже верблюды ихъ были увѣшены цѣпями изъ чистаго золота: все это послѣ сраженія у Нобаха пошло въ руки побѣдителей. На обратномъ пути въ Ханаанъ Гидеонъ наказалъ жителей Суккота и Пенуеля за то, что они отказали его войску въ хлѣбѣ. Кромѣ всякой добычи, Гидеонъ привелъ на родину и двухъ взятыхъ имъ въ плѣнъ мидіанскихъ царей. Узнавъ въ Офрѣ, что именно эти цари вѣкогда убили его двухъ братьевъ, Гидеонъ велѣлъ ихъ казнить. Никому неизвѣстнымъ „безумнымъ“ юношей Гидеонъ оставилъ родной городъ,—спасителемъ народа и героемъ, именемъ котораго полна была вся ханаанская земля, возвратился онъ въ Офру. Языческое населеніе Ханаана, также сильно страдавшее отъ мидіанитовъ, воздавало Гидеону большія почести. Благодарные же израильтяне, которыхъ онъ избавилъ отъ величайшаго бѣдствія, дошли даже до того, что предложили ему царское достоинство, которое должно было перейти и на его потомство. Гидеонъ скромно отклонилъ эту высокую честь. „Ни я ни дѣти мои не будемъ царствовать надъ вами—отвѣчалъ онъ,—Богъ Израиля—единственный вашъ Царь. „Однако у него, какъ у настоящаго царя, было много женъ, и онъ, повидимому, стремился сдѣлать свой родной городъ, Офру, центромъ для всѣхъ колѣнъ. При алтарѣ, вѣкогда имъ воздвигнутомъ во славу Іеговѣ, онъ по возвращеніи изъ похода построилъ вѣчто вродѣ храма, съ золотымъ сво-

домъ¹⁾. Израильтяне изъ сосѣднихъ городовъ стали ходить на поклоненіе къ этому новому святилищу, которому они оказывали предпочтеніе предъ шиломскимъ, потому что Офра представляла болѣе центральный пунктъ. Одному Эфраимову колѣну сооруженіе этого храма не пришлось по вкусу. Гордые эфраимиты вообще были недовольны тѣмъ, что Гидеонъ позволялъ себѣ предпринять походъ противъ мидіанитовъ и одержать надъ ними побѣду безъ ихъ вѣдома и согласія. Вначалѣ, послѣ первой своей побѣды, разсчитывая на ихъ содѣйствіе при преслѣдованіи мидіанитовъ, Гидеонъ избѣгалъ ссоры съ ними, а, напротивъ, старался расположить ихъ къ себѣ всякими любезностями. Въ качествѣ же увѣнчаннаго славой побѣдителя и названнаго всѣмъ народомъ царя, она далъ имъ повясть, что ненамѣренъ больше свозить ихъ высокомѣрія. Между ними установились поэтому довольно натянутыя отношенія, перешедшія затѣмъ и на отношенія эфраимитовъ ко всему Манашинну колѣну, къ которому Гидеонъ принадлежалъ. Этотъ величайшій изъ героевъ-судей умеръ въ глубокой старости, отъ многочисленныхъ женъ своихъ, оставивъ, по преданію, семьдесятъ сыновей. Какого рода была его дѣятельность послѣ его побѣдъ надъ мидіанитами, осталось неизвѣстнымъ.

Въ виду огромныхъ заслугъ Гидеона какъ-бы само собой разумѣлось, что послѣ его смерти одинъ изъ его сыновей будетъ провозглашенъ если не царемъ всего израильскаго народа, то по меньшей мѣрѣ вождемъ Манашинна и всѣхъ сосѣднихъ колѣнъ. Фактически за Гидеоновымъ домомъ признано было право на царское достоинство, хотя и безъ этого титула, да тѣхъ атрибутовъ, какіе въ то время присваивались царской власти. Помимо необходимости въ одномъ общенародномъ вождѣ, желаніе израильтянъ имѣть царя объясняется еще и другими причинами. Несмѣтныя богатства, вывезенныя изъ мидіанской земли Гидеономъ и его соратниками, въ значительной мѣрѣ увеличили благосостояніе и даже богатство въ народѣ, которое особенно стало замѣтно въ городахъ центральной полосы. Золото, драгоценныя каменья и дорогія ткани, въ большомъ изобиліи доставшіяся израильтянамъ, содѣйствовали развитію въ нихъ средѣ любви къ роскоши и другихъ чисто городскихъ нравовъ и привычекъ. Естественнымъ результатомъ этой роскоши явилось желаніе имѣть своего царя. Другимъ результатомъ эти перемѣны въ правахъ и привычкахъ израильтянъ явился союзъ съ финикіянами, какъ народомъ промышленнымъ и торговымъ. Большіе израильскіе города средней полосы сдѣлались рынками, на которыхъ финикійскіе товары находили большой

¹⁾ Судьи VIII, 27. Эфодъ служилъ для того, чтобы возвѣщать будущее, и при немъ состоялъ священнослужитель-левитъ. Эфодъ въ Офрѣ конкурировалъ съ шиломскимъ, при которомъ состояли потомки Арона. (Самуилъ I, II, 28).

сбыть и вольными городами, гдѣ стали селиться иноплеменные торговые люди. Въ видахъ обезпеченія личной имущественной неприкосновенности этихъ переселенцевъ, а равно и для обезпеченія ихъ караванамъ безпрепятственнаго передвиженія во владѣнιάхъ израильтянъ, финикійцы заключили съ послѣдними особый союзъ, поставивъ его подъ покровительство особаго божества, носившаго имя *Бааль-Беритъ* или *Эль Беритъ*; этому специальному божеству былъ даже посвященъ особый храмъ.

Городъ Офра, въ которомъ жили сыновья Гидеона, и гдѣ находилось новое святилище, грозилъ своимъ влияніемъ затмить столицу эфраимитовъ, Сихемъ. Чтобы сохранить за послѣднимъ его первенствующее значеніе, эфраимиты стали прибѣгать къ интригамъ, главнымъ образомъ стараясь вызвать раздоръ между гидеоновыми сыновьями. Среди этихъ братьевъ былъ одинъ, родившійся отъ сихемской женщины по имени *Авимелехъ*, нимало не походившій на своего отца. Съ непомѣрнымъ честолюбіемъ онъ соединялъ крайнюю алчность и ни передъ чѣмъ не отступавшую жестокость. Самъ ли онъ задумалъ избавиться отъ своихъ старшихъ братьевъ и присвоить себѣ ихъ богатства и власть, или же эфраимиты ему эту мысль внушили—весомѣнно одно, что онъ заключилъ съ сихемцами союзъ съ цѣлью истребленія многочисленнаго гидеонова потомства. Избранный сихемцами въ предводители, Авимелехъ на деньги, которыми они его снабдили, нанялъ цѣлое войско изъ такихъ же, какъ онъ, на все готовыхъ людей и, отправившись во главѣ ихъ въ Офру, вызвалъ братьевъ своихъ на бой. Произошло настоящее сраженіе, подробности котораго не сохранились. Авимелехъ, вышедшій изъ этого сраженія побѣдителемъ, велѣлъ казнить всѣхъ своихъ братьевъ, всѣхъ сыновей и даже внуковъ гидеоновыхъ. Сихемцы посмѣивали тогда объявить этого братоубійцу вождемъ всего Эфраимова колѣна. Единственный изъ гидеоновыхъ сыновей, Ютамъ, чудомъ спасшійся отъ руки палача, бѣжалъ изъ Офры и прибылъ въ Сихемъ. Здѣсь онъ изъ горы Гаризимъ обратился къ созваннымъ имъ жителямъ съ пламенной рѣчью, горько упрекая ихъ въ неблагодарности къ памяти его отца и злодѣйскомъ союзѣ ихъ съ братоубійцей Авимелехемъ. Предсказывая судьбу этого союза, онъ рассказалъ имъ слѣдующую притчу.

„Деревья лѣсныя—такъ началъ Ютамъ,—пошли однажды искать себѣ царя. Сначала они обратились къ масличному дереву, предлагая ему царствовать надъ ними. Но маслина отвѣчала имъ: неужели я перестану давать елей, которымъ воздаютъ честь Богу и людямъ, чтобы скитаться по лѣсу? И пошли деревья къ смоковницѣ и сказали ей: не желаешь-ли быть царицей надъ нами? И отвѣчала смоковница: неужели я

лишусь своихъ сладкихъ плодовъ, доставляющихъ отраду человѣку, для того, чтобы скитаться по лѣсу? И пошли деревья къ виноградной лозѣ и сказали ей: царствуй надъ нами! И отвѣчала лоза: неужели я перестану давать свой сокъ, веселящій Бога и людей, для того, чтобы скитаться по лѣсу? И обратились въ нуждѣ своей деревья къ колючему терновнику, предлагая ему царствовать надъ ними. И сказалъ терновникъ: если таково истинное ваше желаніе, то я готовъ быть вашимъ царемъ; если же нѣтъ, то изъ внутренности моей выйдетъ огонь, пожретъ насъ всѣхъ вмѣстѣ съ кедрами ливанскими“.

Разсказавъ эту притчу, Иотамъ въ видѣ поясненія къ ней прибавилъ: „Если вы недостойнѣйшаго изъ сыновей моего отца, злодѣя Авимелеха, считаете достойнымъ и истинно желаете имѣть царемъ своимъ, то вамъ можно только пожелать чтобы вы не расканвались въ своемъ выборѣ. Если же вы избраніемъ его въ цари преслѣдуете инныя цѣли, то огонь, пожирающій сердце Авимелеха, пожретъ васъ самихъ!“ Послѣ этой рѣчи Иотамъ бѣжалъ въ далекую Бееру, во владѣнія Веніамнинова колѣна.

Мирныя отношенія между сихемцами и Авимелехомъ дѣйствительно недолго продолжались ибо, избирая его въ цари, сихемцы на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не думали ему подчиняться, а стремились лишь сдѣлать свой городъ чѣмъ-то въ родѣ столицы израильской. Авимелехъ же, который хотѣлъ быть настоящимъ царемъ послѣ своего воцаренія немедленно лишилъ сихемцевъ всѣхъ ихъ вольностей. Не довѣряя имъ, онъ поселился не въ самомъ Сихемѣ, а въ другомъ городѣ, по всей вѣроятности, въ Арумѣ. Недовольные его деспотическимъ управленіемъ, сихемцы возроптали. Узнавъ объ этомъ, Авимелехъ послалъ въ Сихемъ въ качествѣ своего намѣстника преданнаго ему наемника Зебула, поручивъ ему смирить строптивыхъ жителей. Последнихъ это еще больше озлобило но на открытое возмущеніе они еще не рѣшались. Въ Сихемѣ въ то время жило много иновѣрцевъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ упомянутаго выше союза. Среди нихъ видное мѣсто занималъ нѣкій Гааль, сынъ Эбеда. Этотъ финикіянинъ, пользовавшійся у сихемцевъ большимъ уваженіемъ, сталъ открыто призывать ихъ къ возстанію. Пирюа однажды послѣ сбора винограда, сихемцы стали пѣть пѣсни, осмѣивая въ нихъ своего царя. Гааль воспользовался этимъ случаемъ и сталъ возбуждать народъ. „Кто такое этотъ Авимелехъ,—говорилъ онъ;—что вы должны ему подчиняться? онъ вѣдь только сынъ Іерубаала, и притомъ самый недостойный сынъ! А его намѣстникъ Зебуль? Это вѣдь бывшій хивейскій невольникъ. Почему же вы должны сносить надъ собою власть такихъ людей? Если вы хотите слѣдовать за мною, то я скоро избавлю васъ отъ Авимелеха и его наемниковъ“. Обо всемъ происходившемъ на этомъ пиру было донесенно Зебулу, который въ свою

очередь довелъ о томъ до свѣдѣнія Авимелеха, посовѣтовавъ ему произвести внезапное нападеніе на Сихемъ и примѣрно наказать его жителей. Авимелехъ не замедлилъ исполнить этотъ совѣтъ и, собравъ свои наемныя полчища, раздѣлилъ ихъ на четыре отряда, рѣшивъ атаковать городъ одновременно съ четырехъ сторонъ. Окруживъ ночью Сихемъ, отряды эти на разсвѣтѣ бросились на лежавшій въ долинѣ городъ. Сихемцы не вѣрили глазамъ своимъ, увидѣвъ эту орду. Встрѣтивъ въ это время на площади Гаала, Зебуль сталъ издѣваться надъ нимъ: „Вгляни, краснобай,—сказалъ онъ ему,—вотъ тѣ наемники, надъ которыми ты такъ смѣялся на пиру, сдержи же свое слово и помѣрайся-ка съ ними силой!“ Гааль чтобы не нарушить своего слова, долженъ былъ стать во главѣ осажденныхъ и защищать городъ. Сихемцы были, однако, очень скоро отброшены, оставивъ на мѣстѣ большое число убитыхъ. Зебуль же воспользовался паникой, чтобы изгнать изъ города Гаала со всѣми его родными. Сихемцы затѣмъ вторично выступили противъ Авимелеха, но и на этотъ разъ потерпѣли рѣшительное пораженіе. Взявъ городъ, Авимелехъ разрушилъ его до основанія, предварительно перебивъ всѣхъ его жителей; мѣсто, гдѣ стоялъ Сихемъ, онъ велѣлъ густо усыпать солью, для того, чтобы онъ никогда не былъ восстановленъ. Въ своей ненависти къ бывшимъ союзникамъ и сообщникамъ своимъ Авимелехъ доходилъ до страшныхъ жестокостей. Узнавъ, что сихемцы, успѣвшіе спастись бѣгствомъ, вмѣстѣ съ другими эфраимитами заперлись въ сосѣднемъ укрѣпленномъ городѣ *Мигдаль-Сихемъ*, онъ осадилъ и этотъ послѣдній. Не теряя времени на правильную осаду, онъ велѣлъ разложить кругомъ города огромныя костры, въ дыму которыхъ задохлось все, что было въ немъ живого, до тысячи душъ. Погибъ этотъ извергъ вполне достойною его смертью при осадѣ другого эфраимитскаго укрѣпленія, Тевеца. Возставшихъ противъ него и укрѣпившихся въ башнѣ жителей этого города Авимелехъ, точно также собирался удушить въ дыму. Осаждавшіе хотѣли уже поджечь башню и подошли къ ней вплотную, когда одна женщина бросила сверху мельничный жерновъ на голову Авимелеха и проломила ему черепъ. Дабы не говорили, что онъ палъ отъ руки женщины, Авимелехъ приказалъ своему оруженосцу заколоть его своимъ мечомъ. Такъ погибъ сынъ Гидеона, необыкновенными жестокостями своими наводившій ужасъ на всѣхъ израильтянъ. Онъ разрушилъ все, что успѣлъ сдѣлать его отецъ, и сильно ослабилъ оба колѣна, Манашинно и Эфраимово, въ которыхъ онъ самъ по происхожденію своему ближе всего стоялъ.

По смерти Авимелеха предводительская власть перешла къ его двоюродному брату *Толь*, сыну Пуп, изъ Исахарова колѣна, жившему въ городѣ Шамиръ, въ Эфраимовыхъ горахъ. Что именно этотъ „судья“ ус-

пѣлъ сдѣлать для израильтянъ, источники не сообщаютъ,—изъ нихъ видно лишь, что онъ двадцать три года былъ судьей сѣверныхъ колѣнъ или предводителемъ ихъ войскъ.—Въ то время, какъ колѣна, жившія по сю сторону Иордана, послѣ Гидеона, снова стали ослабѣвать, заиорданское полуколѣно Манашинно или Гилеадово, наоборотъ, сильно окрѣпло, гораздо лучше прочихъ колѣнъ воспользовавшись побѣдами Гидеона. Въ свое время и это полуколѣно сильно страдало отъ мидіанитовъ, жившихъ нѣсколько къ востоку отъ Гилеада, въ Гауранскихъ горахъ, и регулярно каждой весной опустошавшихъ поля и луга гилеадскіе. Гидеонъ не только освободилъ его отъ этихъ хищниковъ, но и далъ ему возможность занять бывшія владѣнія мидіанитовъ вплоть до Гауранской возвышенности. Территорію эту гилеадиты могли, однако, занять лишь послѣ продолжительной войны съ остатками мидіанитовъ и другими окрестными хищниками, также претендовавшими на эту землю. Въ то время здѣсь было не мѣнѣе шестидесяти укрѣпленныхъ городковъ, построенныхъ мидіанитами на высокихъ базальтовыхъ скалахъ. Предводителю гилеадитовъ, *Яиру*, стоило не малаго труда взять всѣ эти укрѣпленія, жители которыхъ оказывали упрямое сопротивление израильтянамъ. Послѣ многолѣтней борьбы Яиру удалось, наконецъ, овладѣть этими укрѣпленіями, по его имени получившими впоследствии собирательное имя *Хавотъ-Яиръ*, и завоевать всю страну отъ Аргоба до Гаурана. И объ этомъ судѣй-героѣ Библия не распространяется, кратко сообщая лишь, что онъ предводительствовалъ Манашиннымъ полуколѣномъ двадцать два года.

Весьма страннымъ представляется то обстоятельство, что укрѣпленіе за Иорданомъ этого полуколѣна никакой пользы, повидимому, не принесло двумъ другимъ израильскимъ колѣнамъ, также оставшимся за Иорданомъ, Рувиянову и Гадову, жившимъ нѣсколько южнѣе гилеадитовъ и подобно имъ страдавшимъ отъ набѣговъ сосѣднихъ хищниковъ. Впрочемъ, не одни заиорданскія колѣна были въ это время въ большой опасности. Съ двухъ противоположныхъ сторонъ израильтяне тогда подвергались столь стремительному натиску со стороны туземцевъ и въ столькихъ пунктахъ заразъ, что не окажи они отчаяннаго сопротивленія, всѣ колѣна были бы стерты съ лица земли. Ударъ былъ направленъ на нихъ одновременно съ востока—аммонитами и съ запада—филистимлянами. Аммониты къ этому времени успѣли уже оправиться отъ рѣшительнаго пораженія, нѣкогда нанесеннаго имъ израильтянами, и построить въ восточной части бывшихъ моавитскихъ владѣній новый и сильно укрѣпленный городъ *Раббу* или *Раббатъ-Аммонъ*, лежавшій въ весьма плодородной долинѣ, окруженно-высокими холмами. Во главѣ аммонитовъ стоялъ тогда весьма воинственный царь, частыми набѣгами на сосѣднія племена значительно расширилъ

шій ихъ владѣнія. Успѣлъ-ли этотъ царь окончательно покорить моавитовъ или онъ заключилъ съ ними союзъ, но онъ, очевидно, считалъ себя въ безопасности со стороны своихъ туземныхъ сосѣдей и могъ такимъ образомъ направить всѣ свои силы противъ сосѣдей-израильтянъ. Предпринимаемая война противъ Рувима и Гада, аммониты ссылались на то, что владѣнія этихъ двухъ колѣнъ нѣкогда составляли ихъ собственность и были силою отняты у нихъ израильтянами во время переселенія ихъ изъ Египта. Изгнавъ сначала рувимитовъ и гадитовъ изъ ихъ неукрѣпленныхъ городовъ и селеній, аммониты стали осаждать ихъ крѣпостцы и проникли затѣмъ даже во владѣнія Манашина полуколѣна, угрожая ихъ горной крѣпости Мицѣ. Не довольствуясь этимъ, аммониты перешли Иорданъ и вторглись во владѣнія Эфраимова, Веньямина и Иегудина колѣнъ. Съ противоположной стороны израильтянъ въ то же время стали тѣснить филистимляне. Прежде всего они напали на слабосильное Даново колѣно и, покоривъ его, пошли дальше, проникнувъ во владѣнія иегудеевъ и веньямитовъ. Израильтяне терпѣливо сносили всѣ эти насилія и униженія, не думая объ объединеніи своихъ силъ противъ одолѣвавшихъ ихъ враговъ. Заиорданскія колѣна, напримѣръ, обратились за помощью къ эфраимитамъ, но изъ эгонизма-ли или по слабости,—многіе изъ ихъ городовъ вмѣстѣ съ жителями ихъ были истреблены Авимелехомъ,—они и на этотъ разъ не пришли на помощь своимъ братьямъ.

Въ это тревожное для Израиля время въ двухъ концахъ земли его явилось два богатыря, которымъ удалось, на время, по крайней мѣрѣ, предотвратить большую опасность, ему угрожавшую. Эти спасители, *Иефтахъ* и *Самсонъ*, имѣли много общаго. Оба они были лишь на половину израильтянами, оба обладали необыкновенной физической силой и отвагой, и оба же были не столько народными героями, сколько искателями приключеній, съ одинаковой готовностью творившими зло и добро. Различія между ними, однако, было не менѣе, чѣмъ сходства. *Иефтахъ* былъ храбрѣйшій воинъ, встрѣчавшій врага всегда лицомъ къ лицу, одерживавшій побѣды лишь благодаря необыкновенной отвагѣ своей. *Самсонъ*, наоборотъ, при всей своей атлетической силѣ, избѣгалъ открытаго боя и старался одолѣть врага главнымъ образомъ хитростью и внезапными нападеніями.

Незаконный сынъ одного гилеадскаго жителя, *Иефтахъ*, былъ изгнанъ побочными братьями своими изъ роднаго города. Оскорбленный юноша отправился въ оставшуюся неизвѣстную страну *Товъ* и здѣсь сдѣлался предводителемъ разбойничьей шайки, во главѣ ея производя набѣги на мелкія сосѣднія племена и плохо защищенные города. Когда аммониты стали сильно тѣснить гилеадитовъ, они вспомнили объ изгнанномъ ими *Иефтахѣ*,

слава о походеиіяхъ котораго успѣла дойти до нихъ. Избранные старѣйшины отправились къ нему и стали его просить, чтобы онъ съ товарищами помогъ имъ изгнать изъ ихъ владѣній аммонитовъ. Іефтахъ сначала отказалъ: „Не вы-ли,—отвѣчалъ онъ посламъ,—возненавидѣли меня, не вы-ли изгнали меня изъ дома отца моего? И не потому-ли только вы явились теперь ко мнѣ, что вы въ большой бѣдѣ?“ Старѣйшины, однако, не уходили и настойчиво продолжали упрасивать его, обѣщая, въ случаѣ побѣды надъ аммонитами, сдѣлать его начальникомъ Гилеада. Это соблазнило Іефтаха. Однако, не довѣря старѣйшинамъ, онъ заставилъ ихъ поклясться на алтарѣ, что они сдержатъ свое обѣщаніе. Принявъ начальство надъ гилеадскимъ войскомъ, Іефтахъ прежде всего отправилъ къ аммонитскому царю пословъ, съ требованіемъ прекратить военныя дѣйствія противъ израильтянъ и очистить ихъ владѣнія. Когда же царь отказался исполнить это требованіе на томъ основаніи, что Гилеадъ нѣкогда принадлежалъ аммонитамъ, Іефтахъ, набравъ новое войско изъ молодыхъ израильтянъ, напалъ на аммонитовъ. Разбивъ царское войско на голову, онъ преслѣдовалъ его до самой аммонитской столицы, покоривъ по пути двадцать непріятельскихъ городовъ. Триумфаторомъ возвратился Іефтахъ въ свой родной городъ и, по обѣщанію, тотчасъ былъ объявленъ „судьей“ или вождемъ Манашинна колѣна. Аммониты были такимъ образомъ усмирены, но Іефтаху вскорѣ послѣ того пришлось вести новую войну,—на этотъ разъ съ израильтянами же. Дѣло въ томъ, что эфраимиты и ему, какъ нѣкогда Гидеону, не могли простить того, что онъ позволилъ себѣ воевать съ аммонитами и одержать надъ ними побѣду безъ ихъ участія. Іефтахъ былъ, однако, не такъ покладистъ, какъ Гидеонъ, и сразу далъ имъ самый энергичный отпоръ. Тогда эфраимиты перешли Іорданъ и вступили въ Гилеадъ съ намѣреніемъ покорить его и низложить его строптиваго судью. Іефтахъ выступилъ противъ нихъ и нанесъ имъ жестокое пораженіе. Чтобы отрѣзать имъ путь къ отступленію, Іефтахъ захватилъ всѣ переправы черезъ Іорданъ. Сторожевые посты, поставленные имъ у рѣки, опрашивали каждаго, желавшаго ее перейти, не изъ эфраимитовъ-ли онъ, предлагая при этомъ произнести слово „шибо-летъ“, которое эфраимиты выговаривали „сиболетъ“. Уличенныхъ такимъ образомъ бѣглецовъ гилеадскіе воины убивали тутъ же у переправы. Іефтахъ, который могъ-бы оказать большія услуги и прочимъ колѣнамъ, былъ судьей въ Гилеадѣ всего шесть лѣтъ и умеръ, не оставивъ мужскаго потомства. У него была лишь одна дочь, о которой преданія сохранили весьма трогательную легенду. Іефтахъ,—гласитъ эта легенда,—выступая противъ аммонитовъ, далъ обѣтъ, въ случаѣ побѣды надъ ними принести Богу въ жертву первое существо, которое выйдетъ ему на встрѣ-

чу при возвращеніи его въ родной городъ. Возвращаясь побѣдителемъ въ Мицпу, Іефтахъ къ ужасу своему увидѣлъ, что первую идетъ ему на встрѣчу его единственная дочь, съ тимпаномъ въ рукахъ вышедшая привѣтствовать отца съ побѣдой. Съ отчаяніемъ въ душѣ объявилъ онъ ей о своемъ обѣтѣ, колеблясь между исполненіемъ долга и отцовской любовью. Неустрашимая дѣвушка сама стала его успокаивать, говоря, что обѣтъ, данный имъ Богу, даровавшему ему побѣду, долженъ быть исполненъ во что бы то ни стало. Одного лишь она просила,—отпустить ее на два мѣсяца на Гилеадскія горы, гдѣ она съ подругами своими будетъ оплакивать свое дѣвичество. Удовлетворивъ ее просьбу, Іефтахъ по возвращеніи ея въ Мицпу совершилъ надъ ней свой необдуманно произнесенный обѣтъ. Съ тѣхъ поръ—прибавляетъ лѣтописецъ,—у молодыхъ дѣвицъ гилеадскихъ вошло въ обычай ежегодно всходить на горы и четыре дня подрядъ оплакивать преждевременно погибшую дочь Іефтаха.

Въ то время, какъ одинъ герой побѣждалъ враговъ Израйля на востокѣ, другой одолѣвалъ ихъ на западѣ. Самсонъ (Шимшонъ) изъ колѣна Данова не былъ воиномъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Это былъ лишь безумно-смѣлый, презиравшій всякія опасности богатырь, слѣдовавшій внушеніямъ одной необузданной природы своей. Войны онъ съ филистимлянами ни разу не велъ, а лишь преслѣдовалъ ихъ своей личной мезью за его родныхъ данитовъ, ими поработченныхъ. Общеизвѣстное преданіе рассказываетъ о немъ настоящія чудеса. Длинные волосы, которыхъ онъ никогда не стригъ, придавали ему видъ настоящаго дикаря. Онъ обладалъ столь громадной физической силой, что рвалъ толстые канаты какъ нитки, убилъ однажды льва голыми руками, сорвалъ въ другой разъ ворота города Газы и на плечахъ отнесъ ихъ на вершину одной горы, на разстояніи двѣнадцати часовъ пути, и разрушилъ, наконецъ, большой филистимскій храмъ, расшатавъ толстые столбы, поддерживавшіе его кровлю. Этой необыкновенной силой онъ, по преданію, обязанъ былъ своимъ длиннымъ волосамъ, и до тѣхъ поръ, пока они у него были, никто не могъ его одолѣть. Особенно жестоко онъ преслѣдовалъ филистимлянъ, отвоевавшихъ у его родного колѣна прибрежныя его владѣнія, обративъ жителей ихъ въ рабство. Даниты чувствовали, конечно, весь позоръ своего поработченія, но не встрѣчая поддержки со стороны прочихъ колѣнъ, не въ силахъ были сами стряхнуть съ себя филистимское иго. Они даже не оказывали поддержки Самсону и не рѣшались предпринять подъ его предводительствомъ настоящую войну съ своими врагами, какъ то сдѣлали гилеадиты подъ предводительствомъ Іефтаха. Самсонъ не былъ совершенно одинокъ, и у него, повидному, были товарищи, помогавшіе ему въ его набѣгахъ на филистимлянъ, но то были лишь единичные смѣльчаки,

а не войско. Вотъ почему Самсонъ долженъ былъ прибѣгать къ мелкимъ набѣгамъ и всякимъ хитростямъ, стараясь причинить врагу по возможности больше вреда. Съ высоты своего нравственнаго величія одинъ изъ позднѣйшихъ пророковъ осуждалъ этотъ образъ дѣйствій:

„Данъ поговорить за себя, подобно прочимъ колѣнамъ; но онъ будетъ нападать на враговъ, какъ змѣя придорожная, какъ асидъ, лежащій на пути и внезапно кусающій коня, такъ что вѣдникъ упадетъ назадъ. На одну Твою помощь надѣясь я, Госюди!“ *)

Исторически достоверныхъ фактовъ о подвигахъ Самсона мы въ источникахъ не находимъ. Библейскіе рассказы о немъ разукрашены легендами. Судя по нимъ Самсонъ въ ранней молодости не враждовалъ съ филистимлянами и даже выбралъ себѣ невесту изъ этого племени. Но когда въ городѣ Тимну, гдѣ эта дѣвица жила, Самсонъ убилъ льва: въ трупѣ этого льва стали роиться члены, медомъ которыхъ Самсонъ и родители, его сопровождавшіе, питались въ пути. На свадебномъ пиру Самсонъ, по тогдашнему обычаю, задалъ гостямъ загадку насчетъ льва и меда. Гости, не знавшіе пророческаго смысла этой загадки, не могли ее разгадать и по уговору должны были уплатить Самсону большой штрафъ. Но гости уговорили его невесту вывесть у него загадку и такимъ образомъ не только избежали штрафа, но еще сами должны были получить таковой у Самсона. Узнавъ, что филистимляне его обманли, раздраженные богатырь, убилъ 30 туземцевъ, свилъ съ нихъ одежды и отдалъ ихъ свадебнымъ гостямъ, какъ проигранное пари. Съ тѣхъ поръ и началась его вражда съ филистимлянами. Негодуя на свою невесту за то, что она выдала его секретъ гостямъ, онъ покинулъ ее и вернулся въ свой родительскій домъ. Тогда дѣвица эта вышла замужъ за одного изъ филистимлянъ, присутствовавшихъ на пиру. Это еще болѣе взбѣсило Самсона и послужило для него поводомъ къ новому нападенію на филистимлянъ. Онъ наловилъ нѣсколько сотъ шакаловъ, привязалъ имъ къ хвостамъ по два горящихъ факела и въ такомъ видѣ спустилъ ихъ на филистимскія поля и оливковыя рощи: весь хлѣбъ и масличныя деревья сгорѣли. Раздраженные филистимляне, не имѣя возможности расплатиться за это съ самимъ Самсономъ, отметили ему тѣмъ, что убили его бывшую невесту и ее отца. Не желая оставаться у своихъ враговъ въ долгу, Самсонъ напалъ на нихъ врасплохъ и, перебивъ ихъ большое число, бѣжалъ во владѣнія Иегудина колѣна и здѣсь скрылся въ одномъ горномъ ущельѣ. Филистимляне, ко-

*) Бытіе 40, 16, 18. Последнимъ стихомъ пророкъ или лѣтописецъ, по имени, хотѣлъ сказать, что въ борьбѣ съ врагами Израиль долженъ уповать на помощь Божью, а не на хитрости змѣицыя. Очевидный намекъ на Самсона, хотя ими не упоминается.

торые гнались за нимъ, но не могли его поймать, сорвали злобу свою на іегудеяхъ, опустошивъ ихъ поля. Три тысячи представителей этого колѣна отравились послѣ этого къ Самсону, стали упрекать его за то, что онъ навлекъ на нихъ гнѣвъ филистимлянъ, и въ заключеніе объявили ему, что они его свяжутъ и предадутъ въ руки враговъ. Самсонъ спокойно далъ связать себя и увести къ филистимлянамъ. Тѣ, увидѣвъ своего врага связаннымъ по рукамъ и ногамъ, несказанно обрадовались. Самсонъ же, сдѣлавъ усиліе, разорвалъ крѣпкіе канаты, какъ нитку, и схвативъ валяющуюся у его ногъ челюсть отъ мертвого осла, убилъ ею тысячу филистимлянъ и скрылся.

Въ другой легендѣ о подвигахъ этого богатыря разсказывается слѣдующее. Однажды, узнавъ, что Самсонъ проводитъ ночь въ Газѣ, филистимляне рѣшили воспользоваться этимъ, чтобы поймать богатыря; съ этой цѣлью они заперли городскія ворота, надѣясь утромъ захватить его. Но Самсонъ перехитрилъ своихъ враговъ. Вставъ ночью и увидѣвъ, что ворота заперты, онъ сорвалъ ихъ вмѣстѣ съ тяжелыми запорами и снесъ ихъ на вершину горы у Хеврона. О трагической кончинѣ Самсона та же легенда разсказываетъ слѣдующую исторію. Узнавъ, что богатырь состоитъ въ любовной связи съ филистимлянкой Далилэй, князья филистимскіе стали урианивать ее, чтобы она добилась отъ своего возлюбленнаго, откуда у него такая гигантская сила и чѣмъ ее можно одолѣть, обѣщая ей за это богатую награду. Послѣ долгихъ просьбъ Далилѣ однажды ночью удалось выведать у Самсона, что тайна его силы въ его волосахъ, и что если ихъ остричь, то онъ сразу потеряетъ ее и станетъ обыкновеннымъ человекомъ. Услышавъ затѣмъ своего возлюбленнаго, Далила срѣзала ему волосы и сообщила объ этомъ филистимскимъ князьямъ. Последніе не замедлили явиться, связали ослабѣвшаго богатыря, выкололи ему глаза и, заковавъ его въ цѣпи, отравили его въ темницу города Газы, приказавъ ему вертѣть меландиный жернокъ. Много лѣтъ пробылъ Самсонъ въ этой тюрьмѣ. Волосы его между тѣмъ стали отрастать, а съ ними возвращались къ нему и его богатырская сила. Однажды филистимляне устроили большой праздникъ въ честь своего бога Дагона. Во время шра князья филистимскіе велѣли привести въ храмъ слѣпного Самсона, чтобы позабавиться надъ своимъ уроченнымъ врагомъ. Слепного богатыря привели въ переполненный народомъ храмъ и поставили между столбами, поддерживавшими его кровлю. Забавивъ филистимлянъ, Самсонъ про себя молилъ Бога, чтобы онъ далъ ему силу въ послѣдній разъ отомстить врагамъ своимъ. И вся прежняя сила вернулась къ нему. Ухватившись могучими руками за столбы, онъ расшаталъ ихъ, тяжелая кровля сразу рухнула и вмѣстѣ съ Самсономъ погребла подъ собою всѣхъ находившихся въ

храмъ филистимлянъ, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Такъ окончилась эта геройская борьба одного человѣка съ цѣлымъ племенемъ, не понятая позднѣйшими поколѣніями. Легенда, снабдивъ Самсона чудодѣйственными волосами и сдѣлавъ его „назареемъ“, т. е. человѣкомъ, съ дѣтства посвященнымъ Богу, совершенно исказила образъ этого данитскаго героя-судьи. Двадцать лѣтъ Самсонъ воевалъ съ филистимлянами, но существеннаго улучшенія въ положеніи хотя бы одного своего роднаго колѣна не добился. И послѣ его смерти филистимляне долго еще держали въ порабощеніи сосѣднія израильскія колѣна: Даново, Веньямново, а отчасти и Іегудино съ Эфраимовымъ. И съ каждымъ годомъ иго это становилось все тяжелѣе для Израіля.—Въ одно время съ Самсономъ среди другихъ Израильскихъ колѣнъ выступило на защиту ихъ трое судей, но ихъ подвиги были, повидному, столь незначительны, что не запечатлѣлись въ памяти народа. О двоихъ изъ нихъ, зевулонитскихъ герояхъ—судьяхъ *Ивцанъ* изъ Бетлегема и *Эглонъ* изъ Лялона—источники сообщаютъ лишь, сколько лѣтъ они стояли во главѣ своего колѣна и гдѣ они были погребены. Объ Ивцанѣ сказано еще, что онъ оставилъ тридцать сыновей и дочерей, а о третьемъ „спасителѣ“—эфраимитскомъ вождѣ *Авдонъ*—что онъ оставилъ еще большее потомство, сорокъ сыновей и тридцать внуковъ, „подобно вельможамъ разтѣлзавшимъ на осликахъ“. О томъ же, съ какими именно врагами эти герои воевали и какихъ результатовъ они достигли, ничего не сказано. Но изъ того обстоятельства, что зевулониты, до того жившіе лишь внутри страны, къ этому времени успѣли расширить свои владѣнія до моря, слѣдуетъ заключить, что названнымъ двумъ судьямъ удалось оттѣснить ханаанейцевъ отъ побережья и заселить его зевулонитами. Гавань Акко, правда, не пошла въ руки израильтянъ и осталась въ рукахъ финикіянъ, но отъ этой гавани и на югъ до Кармела побережье въ описываемую нами эпоху принадлежало Зевулонову колѣну

ГЛАВА V.

Переходъ отъ родового строя къ государствен- ному. Элій и Самуиль.

Значеніе судей-героевъ. Перемяна въ настроеніи народа. Шиломское святилище. Элій и его сыновья. Ковчегъ завѣта въ плѣну. Разрушеніе Шилома и святилища. Вѣгство аронидовъ и левитовъ. Смерть Эліа. Ковчегъ завѣта въ филистимской землѣ и въ Киріатъ-Іеаримѣ. Возрожденіе пророчества. Самуиль изъ Рамы. Возродившіяся надежды Самуила. Пророческій или гѣвческій орденъ. Поворотъ въ исторіи народа. Участіе Іегудина колѣна въ исторіи. Новые набѣги филистимлянъ. Собраніе въ Мицпѣ. Дѣятельность Самуила. Возникновеніе святилища въ Новѣ. Нападеніе на колѣна съ двухъ сторонъ. Усиленіе филистимлянъ и аммонитовъ. Сильно ощущаемая народомъ потребность въ царѣ и отношеніе къ ней Самуила.

(1100 (?)—около 1067 г. до Р. Хр.)

Судьи-герои не въ состояніи были удержать сосѣднія племена въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени отъ дальнѣйшихъ набѣговъ на владѣнія тѣхъ или другихъ колѣвъ. Тѣмъ менѣе были они въ силахъ упрочить положеніе въ Ханаанѣ всего народа своего вообще. Даже наиболѣе выдающіеся изъ нихъ, воодушевленный Варакъ, воинственный Гидеонъ и отважный Іефтахъ сумѣли лишь на короткое время объединить нѣкоторыя колѣва. Но они не могли, да едва-ли даже и стремились возстановить единство всего народа. А между тѣмъ только объединенными силами всѣхъ колѣвъ можно было разъ навсегда положить конецъ нескончаемой враждѣ коренныхъ обитателей страны. Судьи-герои были лишь спасителями на часъ: отбивая того или другого врага, они устраняли одну непосредственную опасность и обезпечивали тому или другому колѣву мирное существованіе лишь на короткое время. Постоянною властью судьи не пользовались даже надъ тѣми колѣвами, которыя они подвигами своими избавляли отъ враговъ. Возможно, что, отдыхая послѣ своихъ побѣдъ, они въ мирное время разбирали споры между тягавшимися единовѣрцами и вообще исполняли обязанности судей; несомнѣнно, однако, что и судили они лишь тогда, когда стороны къ нимъ обращались и изъявляли готовность добровольно подчиняться ихъ приговорамъ. Но ни обязывающей къ повиновенію вышней властью, ни достаточнымъ нравственнымъ авторитетомъ судьи эти не только у всего народа, но даже и среди своихъ колѣвъ не пользовались. Несмотря, поэтому, на всѣ побѣды, этими героями одержанныя, разрозненность отдѣльныхъ колѣвъ, а отсюда и вышняя, какъ и внутренняя слабость народа не только не уменьшалась, но наоборотъ, все росла. „Змѣйные“ укусы Самсона нисколько не утрашили филистимлянъ и ничуть не мѣшали имъ смотрѣть на

всѣ сосѣднія съ ними израильскія колѣна, какъ на своихъ настоящихъ или будущихъ работъ; точно также, какъ рѣшительныя побѣды Іефтахъ надъ аммонитами не заставили послѣднихъ отказаться отъ своихъ притязаній на владѣнія заіорданскихъ израильтянъ Рувимова и Гадова колѣна и полуколѣна Манашіина. Послѣ смерти Самсона и Іефтахъ положеніе всѣхъ этихъ колѣнъ должно было быть поэтому еще болѣе безотраднѣе, чѣмъ до нихъ.

Чувство крайняго безспія своего, мало по малу проникая въ сознаніе народа, естественнымъ образомъ должно было, не могло не вызывать поштыкъ къ усиленію его путемъ нравственнаго возрожденія массы. Лучшіе представители народа должны были прійти къ тому убѣжденію, что неестественныя связи израильтянъ съ сосѣдними племенами и усвоеніе ихъ языческихъ нравовъ и обычаевъ не только не приносятъ имъ никакой пользы, но, наоборотъ, доводятъ ихъ до полнаго нравственнаго паденія, а, слѣдовательно, и до вѣшняго безспія. Воспоминаніе о Богѣ праотцевъ, неизмѣримо болѣе высокою, чѣмъ примитивныя божества туземцевъ, снова воскресаетъ въ это время въ душѣ народа, религиозное сознаніе пробуждается и уясняется. Съ воскресеніемъ этихъ воспоминаній пробужденные вспомнили также и о посвященномъ ихъ Богу шиломскомъ святилищѣ и стали снова его посѣщать. Къ концу эпохи судей Шиломъ въ большей степени, чѣмъ прежде, сталъ сборнымъ пунктомъ для израильтянъ. Здѣсь находились левиты, которые одни продолжали свято чтить и хранить завѣщанное Моисеемъ вѣрученіе. Весьма возможно, что на народныхъ собраніяхъ, часто происходившихъ здѣсь въ виду тревожнаго времени, левиты эти старались внушать собравшимся, что причина всѣхъ несчастій, обрушившихся на народъ, заключается въ отпаденіи его отъ единаго Бога Израіля и въ поклоненіи языческимъ идоламъ. Одна такая рѣчь, произнесенная, по всей вѣроятности, первосвященникомъ или простымъ левитомъ, и которая могла быть сказана только въ ту эпоху, сохранилась до сихъ поръ. Именемъ Господа этотъ первосвященникъ или левитъ, по всей вѣроятности въ Шиломѣ, говорилъ собравшемуся народу.

„Я изъ Египта вывелъ васъ; отъ моавитовъ, аммонитовъ, филистимлянъ, сидонцевъ, амалекитовъ и мидіанитовъ спасъ Я васъ, когда вы о томъ обращались ко Мнѣ съ мольбой. Но вы забыли Меня и стали служить другимъ богамъ. За это Я не буду уже больше спасать васъ. Ступайте и ищите помощи у новыхъ боговъ, вами избранныхъ. Пусть они избавятъ васъ отъ бѣды!“

Въ Шиломѣ въ это тяжелое для Израіля время жилъ священнослужитель, достойный потомокъ Арона и Пинхаса и первый послѣ нихъ аронидъ, имя котораго дошло до насъ отъ той эпохи. Источники его назы-

вають просто Эліи, безъ указанія имени его отца, упоминая лишь о томъ, что онъ былъ священнослужителемъ при шиломскомъ святилищѣ. Преданія рясуютъ его почтеннымъ старцемъ, съ устъ котораго сходили одни слова кротости и любви, и который не находилъ возможнымъ осуждать даже своихъ недостойныхъ сыновей. Подобный человѣкъ, одной уже высококравственной личностью своей и своей праведной жизнью, долженъ былъ благотворно вліять на окружающихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтать искреннихъ приверженцевъ тому ученію, представителемъ котораго онъ являлся. И когда къ нему приходили удрученные духомъ израильтяне изъ колѣнъ Эфраимова, Веньяминава и Данова,—съ запада, и отъ заіорданскихъ колѣнъ—съ востока, и горько жаловались ему, одни на ужасный гнетъ со стороны филистимлянъ, а другіе на притѣсненія аммонитовъ, то Эліи всегда пользовался такими случаями, внушая жалующимся вѣру въ всемогущаго Бога Израиля и вмѣстѣ съ тѣмъ напоминая имъ, что на Его помощь они могутъ разчитывать только тогда, если они забудутъ о чужихъ богахъ. Этими рѣчами Эліи воодушевлялъ падавшихъ духомъ и обращалъ на путь истины заблуждающихся. Многіе старѣйшины отрекались отъ Ваала и обращались къ своему исконному Богу, а за ними слѣдовали и другіе члены ихъ колѣнъ.

Ничего воинственнаго въ Эліи не было. По натурѣ своей онъ былъ скорѣ миролюбивымъ судьей и праведникомъ, чѣмъ вождемъ. Священнослужители и левиты вообще не привычны были предводительствовать толпой и обращаться съ мечомъ и копьемъ, и несмотря на это Эліи считается однимъ изъ виднѣйшихъ судей и народныхъ спасителей. Дѣятельность его, по всей вѣроятности, сводилась лишь къ тому, что когда израильскіе воины обращались къ нему, какъ къ оракулу, за совѣтомъ и указаніемъ, то онъ воодушевлялъ ихъ на бой съ врагами, никогда не забывая при этомъ внушать имъ, что одинъ только Богъ Израиля можетъ даровать имъ побѣду. Весьма возможно, что за господствомъ судей-героевъ (героической эпохой) и у израильтянъ, какъ и у многихъ другихъ народовъ древности, слѣдовало бы господство жрецовъ (теократическая эпоха), если бы авторитетъ Эліи перешелъ къ его потомкамъ. Обстоятельства сложились, однако, иначе, чѣмъ можно было ожидать. Сыновья Эліи, Хофини и Пинхасъ, не слѣдовали по его стопамъ. То были священнослужители, отнотившіеся съ неуваженіемъ къ святилищѣ, жадные и высокомерные. Черезъ своихъ рабовъ они собирали съ мірянъ причитающуюся на ихъ долю часть жертвеннаго мяса до того еще, какъ приносилась самая жертва. И если міряне не желали добровольно удовлетворять ихъ незаконныя требованія, то они не останавливались и предъ насиліями. Хофини и Пинхасъ держались такъ, точно святилище народное было ихъ личной собственностью,

а самъ народъ израильскій ихъ подданными; но этого мало: преданія вмѣняютъ имъ въ вину еще болѣе тяжкій грѣхъ,—преступныя сношенія съ женщинами, исполнявшими черныя работы при святилищѣ. Столь недостойное поведеніе священнослужителей мало по малу привело къ тому, что міряне совсѣмъ перестали посѣщать шиломское святилище. Элій зналъ о всѣхъ продѣлкахъ своихъ сыновей и, разумѣется, осуждалъ ихъ, но ничего противъ нихъ не предпринималъ и не рѣшался удалить ихъ изъ святилища. Онъ былъ уже тогда въ весьма преклонныхъ лѣтахъ и къ тому же не любилъ крутыхъ мѣръ. Когда вслѣдъ за тѣмъ на израильтянъ вообще и на него въ частности обрушилось большое несчастье, то всѣ увидѣли въ томъ. Вождю кару за грѣхи его сыновей и его собственную слабость.

Филистимляне продолжали между тѣмъ сильно беспокоить эфраимитовъ, данитовъ и веньямитовъ своими частыми грабительскими набѣгами. Въ постоянныхъ столкновѣніяхъ своихъ съ разными туземными племенами колѣна эти успѣли уже, однако, приобрести такой опытъ въ военномъ дѣлѣ, что вмѣсто того, чтобы отражать филистимлянъ безпорядочными толпами, они чувствовали себя уже въ силахъ выступить противъ непріателя въ боевомъ порядкѣ и дать ему настоящее сраженіе. Сраженіе это произошло въ Саронской долинѣ, у подошвы одной горы. Израильтяне расположились лагеремъ на холмѣ Eben-ha-Ezer, а филистимляне—въ долинѣ у города Афека. Но такъ такъ послѣдніе превосходили израильтянъ числомъ своихъ войскъ и главнымъ образомъ своими желѣзными боевыми колесницами, то имъ нетрудно было выйти побѣдителями изъ этого перваго сраженія. Израильтяне были разбиты и потеряли не менѣе четырехъ тысячъ человекъ, сохранивъ, однако, всѣ свои позиціи. По совѣту старѣйшинъ, изъ Шилома доставленъ былъ въ лагерь ковчегъ завѣта въ надеждѣ, что присутствіе его среди воюющихъ израильтянъ сдѣластъ невозможнымъ дальнѣйшее пораженіе. Ковчегъ былъ привезенъ сыновьями Эліи, Пинхасомъ и Хофни, но сверхъ ожиданій не принесъ израильтянамъ счастья. Вторично разбитые на голову, они обратились въ безпорядочное бѣгство; ковчегъ завѣта попалъ въ руки филистимлянъ, а приставленные къ нему Хофни и Пинхасъ были умерщвлены. Филистимляне долго преслѣдовали разбѣжавшееся во всѣ стороны израильское войско, распространяя ужасъ по всей странѣ. Задыхаясь отъ усталости, приближалъ въ Шиломъ вѣстникъ несчастія и объявилъ нетерпѣливо ожидавшему сообщенія объ исходѣ сраженія первосвященнику Элію печальную вѣсть: „Побѣжала израильская рать отъ филистимлянъ, и великое пораженіе нанесено народу; оба сына твои убиты, и ковчегъ завѣта попалъ въ руки враговъ!“ Вѣсть о томъ, что святиныя

во власти язычниковъ, поразила престарѣлаго первосвященника силой еще, чѣмъ смерть его сыновей. Выслушавъ разсказъ гонца, онъ свалился на землю и тутъ же испустилъ духъ.

Невѣстка Элія, жена Пинхаса, мучилась въ родахъ, когда до нея дошла вѣсть объ убійствѣ ея мужа, похищеніи ковчега завѣта и внезапной кончинѣ первосвященника. Бѣдная женщина не выдержала всего этого горя, разомъ на нее обрушившагося, и умерла въ родахъ, назвавъ передъ смертью своего новорожденнаго именемъ И-Каботъ, какъ бы желая этимъ сказать, что не стало чести израильской.

Честь народа тогда дѣйствительно была совершенно попорана. Побѣдоносные филистимляне, ободренные успѣхомъ, не довольствовались уже однимъ хищническимъ набѣгомъ на владѣнія сосѣднихъ израильскихъ колѣнъ, а проникли дальше вглубь страны, вплоть до Шилома. Ворвавшись въ священный городъ, они разрушили его до основанія вмѣстѣ съ святилищемъ, существовавшимъ со временъ Моисея. Одинъ изъ позднѣйшихъ поэтовъ въ слѣдующихъ скорбныхъ стихахъ рисуетъ это бѣдственное для Израиля время:

„Онъ (Богъ) оставилъ храмъ шиломскій, Свой пріютъ среди людей; Онъ красу Свою отдалъ въ добычу, славу Свою въ руки врагу; Онъ гнѣвомъ воспыла въ наслѣдіе Свое и ужасамъ войны подвергъ народъ Свой; служителей Своихъ онъ предалъ мечу, а воиновъ—огню; не слышно было болѣе въ народѣ брачныхъ пѣсенъ, и у вдовъ Его не хватило слезъ*).

Сила и мужество народа были окончательно сломлены послѣдними пораженіями. Обезсилены были какъ разъ тѣ колѣна, которыя служили для всѣхъ прочихъ авангардомъ. Больше всего пострадало—и воплію по заслугамъ—колѣно Эфраимово **). Съ разрушеніемъ святилища, а съ нимъ и всего Шилома, который при Эліи снова сталъ сборнымъ пунктомъ для большинства колѣнъ, прекратилась, повидимому, всякая связь съ далекими и, главнымъ образомъ, съ сѣверными колѣнами, не принимавшими никакого участія въ войнѣ съ филистимлянами и не знавшими даже о злополучномъ исходѣ послѣдняго сраженія.

Филистимляне были увѣрены въ томъ, что съ плѣненіемъ ковчега завѣта, покровителя израильтянъ, и съ разрушеніемъ шиломскаго святилища они побѣдили уже и самого Бога израильскаго народа. Имъ, однако, пришлось вскорѣ горько разочароваться въ этомъ. Когда ковчегъ былъ привезенъ въ ихъ городъ *Ашдодъ*, поля филистимскія подверглись нашествію мириадъ полевыхъ мышей, которыя истребили безъ остатка жатву. Въ тоже время среди жителей этого города появилась какая-то ужасная

*) Псаломъ 78, 60-64.

***) Псаломъ 78, 9 и слѣд., а также стихъ 67.

заразительная болѣзнь, отъ которой тѣла пораженныхъ покрывались гноимыми язвами. Идолъ главнаго божества ихъ, Дагона, въ канѣцѣ котораго поставленъ былъ ковчегъ завѣта, въ знакъ побѣды, одержанной надъ израильтянами, нѣсколько разъ подрядъ оказался сброшеннымъ съ своего пьедестала и распростертымъ передъ ковчегомъ. Нануганные всеми этими бѣдствіями жители Аидада посѣгнули отпривить ковчегъ въ соседній городъ Гать. Но съ переходомъ израильской святины туда перешла также и ужасная эпидемія; точно то же произошло и въ городѣ Экровѣ, куда ковчегъ завѣта послѣ того былъ отвезенъ. Сильно встревоженные филистимскіе князья по совѣту своихъ жрецовъ и колдуновъ рѣшили возвратить ковчегъ завѣта израильтянамъ съ приложеніемъ нескунтельныхъ даровъ, въ видѣ изображеній золотыхъ мышей и поразившихъ ихъ опухолей.

Послѣ семидесятидневнаго пребыванія въ филистимской землѣ израильская святина была положена въ колесницу, которую нагрузили также умилостивительными дарами, и въпрягли въ нее пару молодыхъ коровъ. Но преданію при этомъ произошло новое чудо: коровы сами поплыли по направленію къ владѣніямъ израильтянъ, прямымъ путемъ дошли до перваго пограничнаго іудейскаго города Беть-Шемеша и здѣсь остановились. Жители этого города находились въ полѣ, занятые уборкой пшеницы, когда они вдругъ увидѣли колесницу съ ковчегомъ завѣта въ ней. Это было для нихъ большой радостью. Левиты, жившіе въ этомъ городѣ, свили ковчегъ съ колесницы и установили его тутъ же въ полѣ, на большомъ камнѣ, который въслѣдствіи показывали любовнымъ, какъ достопримѣчательность. Въ Беть-Шемешѣ какъ разъ въ это время появилась эпидемія чумы, уносящая много жертвъ; жители города приписали появленіе заразы тому, что они не привали сватиню съ должнымъ благоговѣніемъ. Они посѣгнули поэтому отпривить ее въ соседній городъ Кириать-Іеаримъ („Исконъ городъ“), на границѣ владѣній Іегуды и Веньямина. Жители этого города охотно приняли сватиню, которую всѣ почитали и которой въ то же время всѣ избегали, помѣстивъ ее на одномъ холмѣ, прилегающемъ къ дому нѣкаго Авиадова, и поставили стражемъ при ней сына его, Фіазара. Холмъ этотъ оказался, однако, мѣстомъ весьма не подобающимъ для святины Израиля, такъ какъ до того на немъ стоялъ идолъ Ваала, къ которому окрестные язычники ходили на поклоненіе. Преслѣдуемому со всѣхъ сторонъ, забитому въ своихъ несчастіяхъ и одичавшему израильскому народу, было, однако, не до ковчегъ съ его скривками. Святина была въ полномъ пренебреженіи и немало лѣтъ прошло, пока о ней вспомнили.

Но именно эти несчастія и сознаніе своей безпомощности съ теченіемъ времени не могли не вызвать нѣкотораго поворота къ лучшему. Тѣ

израильтяне, которые не могли оставаться безучастными зрителями происходивших на их глазах событий, еще раз должны были прийти къ мысли, что единственной причиной всѣхъ несчастій народа является его религіозная и политическая разрозненность. Левиты, уцѣлѣвшіе отъ филистимскаго разгрома и пріютившіеся въ неокоренныхъ еще филистимлянами израильскихъ городахъ, дѣятельно пропагандировали въ народѣ его исконную національную вѣру. Возможно, что и возвращеніе ковчега завета изъ филистимской земли не осталось безъ вліянія на умы народа и пробудило въ немъ надежду на лучшія времена. Замѣтно стало умножаться число людей, увѣровавшихъ вновь въ Іегову, какъ единственнаго Истиннаго Бога народа. Недоставало лишь вождя, мужа вдохновеннаго и сильнаго, который могъ бы указать ослѣпленному народу его истинный путь и повести удрученныхъ духомъ къ спасительной цѣли. Но какъ разъ въ надеждающій моментъ изъ среды народа выступилъ такой мужъ и направилъ колесо исторіи Израиля по новому пути.

Сынъ Эльканы, Самуиль, какъ-бы самимъ Богомъ призванъ былъ къ тому, чтобы укрѣпить давно расшатавшіеся устои израильской народности и во время смуты ее отъ пѣснаго духовнаго и политическаго вырожденія. О важной роли Самуила въ исторіи Израиля свидѣтельствуетъ уже то обстоятельство, что послѣ Моисея ему всегда отводили первое мѣсто въ ряду благодѣтелей израильскаго народа. Это была личность возвышенная, сильная духомъ, неумолимо строгая въ одинаковой мѣрѣ къ себѣ самой, какъ и къ другимъ. Изъ среды единовѣрцевъ и современниковъ своихъ онъ весьма замѣтно выделялся глубиной своего религіознаго чувства, возвышеннымъ образомъ мыслей и самоотверженіемъ. Но что его къ большей еще мѣрѣ возвышало надъ толпой,—это былъ его пророческій даръ. Сквозь густой туманъ, окутывавшій тогда будущее Израиля, онъ духовнымъ окомъ своимъ прозрѣвалъ грядущія судьбы народа, и то, что онъ провидѣлъ, въ точности сбывалось.

Самуиль происходилъ изъ одной знатной левитской семьи: въ числѣ его предковъ былъ тотъ Коряхъ, который вѣкогда возсталъ противъ Моисея. Впоследствии эта левитская семья вошла въ составъ Эфраимова колѣна и такъ слизалась съ нимъ, что считалась эфраимитской. Подобно большинству великихъ людей, въ молодости живущихъ одной внутренней жизнью, Самуиль нравственнымъ развитіемъ своимъ главнымъ образомъ обязанъ матери своей *Хань*. Народныя преданія, возвеличивая эту женщину ради заслугъ ея сына, рисуютъ ея семейную жизнь тѣми же чертами, въ какихъ они изображаютъ жизнь праматери Рахили. Какъ Яковъ имѣлъ двухъ женъ, изъ которыхъ единственно имъ любимая осталась бездѣтной, такъ точно и отецъ Самуила, Элькана, отъ одной жены своей, Пешны,

имѣлъ много дѣтей, между тѣмъ, какъ другая, Хана, которую онъ одну любилъ всѣмъ сердцемъ, долгое время совѣмъ не имѣла дѣтей.

Въ сопровожденіи своего мужа посѣщая довольно часто шиломскій храмъ, Хана горячо молила Бога, чтобы онъ даровалъ ей сына, давая обѣтъ посвятить его на всю жизнь служенію Іеговѣ и его храму. Молитвы свои она при этомъ произносила такъ тихо, съ едва замѣтнымъ движеніемъ губъ, что первосвященникъ Элій, увидѣвъ ее однажды безмолвно склонившейся предъ ковчегомъ завѣта, подумалъ, что она пьяна, и сталъ ее стыдить. Убѣдившись же, что она совершенно трезва, онъ отпустилъ ее съ миромъ, увѣривъ ее, что Богъ исполнитъ ея просьбу. Молитвы Ханы дѣйствительно были услышаны, и она векорѣ послѣ того родила мальчика, которому дала имя Самуилъ. Когда младенецъ былъ отлученъ отъ груди, мать, согласно обѣту, отвезла его въ Шиломъ и отдала его первосвященнику. Въ то время,—гласитъ преданіе,— какъ храмовые служители закалывали жертвеннаго тельца, въ знакъ посвященія младенца Богу, Самуилъ, спавшій на рукахъ матери, вдругъ проснулся, какъ будто почувствовалъ, что здѣсь, въ храмѣ, рѣшается его судьба.

Не въ примѣръ сыновьямъ Элія, относившимся къ святынѣ съ большимъ пренебреженіемъ, Самуилъ уже въ ранней молодости относился къ ней съ истиннымъ благоговѣніемъ. Въсѣтъ съ другими левитами онъ исполнялъ обязанности служителя при храмѣ, днемъ—помогая при жертвоприношеніяхъ, ночью же—оставаясь одинъ сторожить святыню. Въ юности еще Самуилъ почувствовалъ въ себѣ пророческій духъ, безсознательно въ немъ проявлявшійся. Однажды ночью, когда онъ въ глубокомъ снѣ лежалъ въ храмѣ, ему показалось, что изъ внутреннихъ покоевъ святилища его кто-то позвалъ по имени. Полагая, что его зоветъ первосвященникъ, онъ поспѣшилъ къ нему, но убѣдившись, что онъ ошибся, возвратился въ храмъ и векорѣ заснулъ. Два раза затѣмъ тотъ же голосъ поднималъ его опять на ноги, оба раза онъ снова спѣшилъ къ ложу престарѣлаго Элія, для того, чтобы убѣдиться, наконецъ, что голосъ идетъ не извнѣ храма, а изнутри его. Отпуская Самуила въ послѣдній разъ, первосвященникъ сказалъ ему, что если онъ еще разъ услышитъ тотъ же голосъ, то чтобы онъ сказалъ: „Говори, Господь, Твой рабъ слушаетъ!“ И когда онъ затѣмъ на новый призывъ отвѣтилъ, какъ первосвященникъ ему велѣлъ, то голосъ изнутри храма возвѣтилъ ему, что семья Элія вся погибнетъ, потому что сыновья его осквернили Божій храмъ. То было первое пророческое видѣніе Самуила. Векорѣ послѣ того на израильтянъ обрушились одно за другимъ цѣлый рядъ несчастій: войско ихъ было на голову разбито и разсѣяно филистимлянами, ковчегъ завѣта попалъ въ руки непріятеля, сыновья первосвященника были звѣрски умерщвлены, внезапно умеръ уби-

тый горемъ самъ Эліи, и въ довершеніе всего былъ разрушенъ древнѣйшій шиломскій храмъ. Съ уничтоженіемъ святилища прекратилась и служба Самуила. Глубоко опечаленный онъ вернулся въ родительскій домъ свой, въ Раму.

Всѣ эти бѣдствія, почти одновременно обрушившіяся на его народъ и въ особенности паденіе Шилома, ужасомъ и скорбью должны были отозваться въ сердцѣ крайне впечатлительнаго и глубоко-религіознаго Самуила. Въ кругу левитовъ, среди которыхъ онъ выросъ, твердо вѣрили, что всѣ эти несчастія представляютъ прямой результатъ отпаденія народа отъ его Бога. „Не стало скиніи завѣта!“ Это скорбное восклицаніе для левитовъ означало, что Господь оставилъ Свой народъ. Однако, вникая въ смыслъ происходившихъ на его глазахъ событій, и думая не столько о безвозвратномъ прошедшемъ, сколько о будущемъ Израиля, Самуиль пришелъ къ иному заключенію. „Нѣтъ святилища, нѣтъ и жертвоприношеній! Развѣ жертвоприношенія составляютъ необходимую принадлежность истиннаго богопочитанія?“ „Нѣтъ,—отвѣчалъ на этотъ вопросъ Самуиль—никакого священнодѣйствія въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть, ибо мясомъ барановъ нельзя пріобрѣсти благоволенія Божія“. Самуиль впослѣдствіи пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы проповѣдывать въ народѣ эту ясно-выраженную въ законахъ Моисея мысль. Но въ чемъ же должно состоять истинное богопочитаніе?—Въ строгомъ исполненіи,—отвѣчалъ на это Самуиль,—воли Божьей.—Но въ чемъ заключается эта воля? Во время своего пребыванія въ шиломскомъ святилищѣ Самуиль ознакомился съ содержаніемъ хранившейся тамъ въ ковчегѣ каменныхъ скрижалей и „Книги закона“, которая вела свое происхожденіе отъ Моисея. Вникая въ истинный смыслъ заповѣдей и Моисеевыхъ законовъ, Самуиль понялъ, что именемъ Бога эти законы вмѣняютъ израильтянамъ въ обязанность соблюденіе права и сираведливости, милосердія къ ближнимъ и равенство всѣхъ предъ закономъ, безъ различія классовъ и кастовыхъ разграниченій. О жертвоприношеніяхъ же въ этихъ законахъ совсѣмъ не говорится, или говорится очень мало. Самуиль, который былъ на нѣсколько столѣтій ближе къ эпохѣ возникновенія израильскаго народа и его вѣроученія, тѣмъ позднѣйшіе пророки, былъ подобно послѣднимъ глубоко убѣжденъ, что Богъ освободилъ израильтянъ отъ рабства вовсе не для того, чтобы они приносили жертвы Ему, а не языческимъ богамъ,—а единственно для того, чтобы они исполняли Его заповѣди. Содержаніе этихъ заповѣдей, законы ими предписываемые,—вотъ та Воля Господня, которую израильтяне должны исполнять. Забытые народомъ эти законы воскресли въ душѣ Самуила; онъ чувствовалъ себя орудіемъ Воли Божьей, призваннымъ къ тому, чтобы ввѣдрить ее въ сознаніе народа, сдѣлать ее истинной его религіей.

Задача и цѣль всей жизни Самуила была такимъ образомъ найдена. Она заключалась въ томъ, чтобы наставлять и воспитывать израильскій народъ въ уваженіи къ законамъ Божиимъ, отучить его отъ языческихъ нравовъ и лжеученій, столь прочно усвоенныхъ имъ въ теченіе послѣднихъ вѣковъ. О средствахъ, которыми Самуилъ пользовался для того, чтобы достигнуть этой цѣли, источники, правда, ничего не сообщаютъ, но надо думать, что главнымъ средствомъ ему служило при этомъ живое слово. Самуилъ обладалъ убѣдительнымъ даромъ слова. Однѣми сухими рѣчами, однако, невозможно было въ то время дѣйствовать на очерствѣлые умы народа. Даже представителей его, часто собиравшихся на совѣщанія для того, чтобы обмѣниваться мыслями и выслушивать чужія мнѣнія,—людей, слѣдовательно привычныхъ и способныхъ воспринимать чужую мысль,—и тѣхъ трудно было однѣми проповѣдями, хотя бы и самыми убѣдительными, направить на путь истины; тѣмъ труднѣе было это сдѣлать съ той темной массой, которая стояла за этими представителями. Для того, чтобы эту толпу отвлечь отъ всѣхъ заблужденій, которая въ теченіе вѣковъ стала ея второй натурой и заставить ее уразумѣть всю гибельность этихъ заблужденій, мало было однѣхъ убѣдительныхъ рѣчей,—массу эту надо было захватить, очаровать, зажечь пламенными воззваніями.

Древніе народы все безъ исключенія питали, какъ извѣстно, особую слабость къ чудесамъ. Мудрѣйшіи совѣты, необходимѣйшую мѣру, полезнѣйшее предпріятіе они только тогда принимали и приводили въ исполненіе, когда все это преподносилось имъ въ видѣ велѣнія свыше, нашедшаго свое выраженіе въ какомъ нибудь поразившемъ ихъ фантазію знаменіи или чудѣ. Всякое предпріятіе вродѣ войны, заключенія мира, переселенія и т. п. тогда лишь получало санкцію народа, когда оно предварительно одобрялось оракуломъ или какимъ-либо инымъ, но непременно чудеснымъ путемъ. Самуилъ, желая обратить израильянъ на путь истины, точно также долженъ былъ рѣчи свои произносить не отъ себя, а именемъ пославшаго его Бога. Это ему впрочемъ тѣмъ легче было дѣлать, что онъ самъ вѣрилъ въ свою пророческую миссію, и что ему отъ времени до времени продолжали являться чудесные сны и видѣнія. Подъ непрестаннымъ вліяніемъ этихъ видѣній онъ пришелъ къ тому заключенію, что его глубокая вѣра, какъ и все его воззрѣнія представляютъ не продуктъ его ума, души или сердца, а вдохновлены въ него самимъ Богомъ или Имъ одобрены. Божественныя откровенія, выливавшіяся у Самуила въ видѣ полученныхъ или воззваній, вмѣстѣ съ тѣмъ раскрывали будущее и получали такимъ образомъ характеръ чисто-пророческихъ предвидѣній и предсказаній. Эти откровенія Самуилъ сталъ впервые сообщать народу въ своемъ родѣ

номъ городѣ Рамѣ. Вѣщая въ нихъ народу о чемъ то необыкновенномъ, выходящимъ за предѣлы повседневной дѣйствительности, Самуилъ излагалъ ихъ, повидимому, въ связныхъ рѣчахъ или даже въ правильно размеренныхъ стихахъ, уснащая ихъ поэтическими образами и наглядными сравненіями. Богатое содержаніе и прекрасная форма его пророческихъ импровизаций и воодушевленіе, съ которыми онъ ихъ произносилъ, не могли не производить сильнаго впечатлѣнія на его непривычныхъ къ такого рода рѣчамъ слушателей. Еще до возвращенія его въ родительскій домъ, въ Рамѣ было уже извѣстно, что онъ въ шиломскомъ храмѣ неоднократно сподоблялся откровенія свыше, и что откровенія эти дѣйствительно сбывались. По возвращеніи же Самуила въ родной городъ, послѣ первыхъ его рѣчей, по сосѣднимъ съ Рамой городамъ, а изъ нихъ мало-по-малу и по всей странѣ распространилась вѣсть, что въ Израилѣ появился пророкъ, и что духъ Божій, нѣкогда снисшедшій на Моисея и подвигнувшій его на освобожденіе израильтянъ изъ египетскаго рабства, нынѣ почиетъ на сынѣ Эльканы. Въ продолженіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ, прошедшихъ со смерти Моисея, среди израильтянъ не появилось ни одного пророка въ истинномъ смыслѣ этого слова. То обстоятельство, что Богъ вспомнилъ, наконецъ про свой народъ и послалъ ему второго Моисея, воскресило во всѣхъ надежду на наступленіе лучшихъ временъ. Ближайшей задачей своей Самуилъ поставилъ себѣ и всѣ старанія свои направилъ къ тому, чтобы отучить народъ отъ поклоненія идоламъ Ваала и Астарты и исцѣлить его отъ легкомысленной вѣры въ языческихъ оракуловъ и домашнихъ божковъ (терафимъ).

Самъ народъ, впрочемъ, шелъ навстрѣчу этимъ стараніямъ Самуила. Въ нѣкоторой его части въ это время замѣчалась уже склонность къ тому, чтобы покончить съ прежними религіозными заблужденіями и обратиться къ истинному израильскому Богу. Въ такое время пламенные рѣчи Самуила,—въ которыхъ онъ говорилъ, что боги язычниковъ не въ силахъ кого-либо отъ чего-либо спасти или даже оказать людямъ какую-нибудь помощь, что глупо и вмѣстѣ съ тѣмъ преступно вопрошать живыхъ оракуловъ и искать совѣтовъ у домашнихъ божковъ, и что истинный Богъ Израіля никогда больше не оставитъ избраннаго Имъ народа,—такія рѣчи въ такое время должны были найти и дѣйствительно находили могучій откликъ въ сердцахъ тѣхъ, которые сами ихъ слушали или о нихъ слышали. Самуилъ къ тому же не ждалъ, чтобы народъ приходилъ къ нему, онъ самъ шелъ навстрѣчу своимъ слушателямъ, переходя съ мѣсто на мѣсто, устранивая повсюду народныя собранія и вѣщая толпѣ то, что внушалось ему свыше.

И народъ воодушевлялся его пророческими рѣчами, пробуждался отъ своей вѣковой спячки и того оцѣпенѣнія, въ которое его повергли фи-

лиstimляне, проникался вѣрой въ своего Бога и въ собственныя свои силы, и мало-по-малу такимъ образомъ исправлялся. Израиль обрѣлъ какъ разъ того человѣка, какой ему нуженъ былъ въ то крайне смутное время,—человѣка, за которымъ онъ могъ слѣдовать, какъ за вождемъ своимъ. Духовенство израильское не сумѣло охранить народъ отъ несчастій и рабства, и онъ, отвернувшись отъ своихъ первосвященниковъ, всѣ упованія свои сталъ возлагать на пророковъ, достойнѣйшаго представителя которыхъ онъ видѣлъ въ Самуилѣ. Взоры всего Израйля обратились поэтому на него.

Самуилъ впрочемъ не стоялъ одиноко, иначе онъ не въ состоянiи былъ бы совершить свой спасительный переворотъ. У него были свои сподвижники, на которыхъ онъ вполне могъ рассчитывать. Левиты, прежде жившіе въ Шиломѣ, послѣ разрушенія этого города и уничтоженія храма, бѣжали по разнымъ израильскимъ городамъ, потерявъ свой постоянный пріютъ. Они свыклись съ своимъ храмомъ и алтаремъ, а другой дѣятельности, кромѣ служенія святынѣ, они не знали, да едва ли и были способны къ ней. Что же имъ было дѣлать въ томъ сиротливомъ положенiи, въ какомъ они очутились? Другого святилища, гдѣ бы они могли пріютиться, еще не было. Нѣкоторые изъ нихъ примкнули поэтому къ Самуилу, о высокомъ предназначенiи котораго они смутно догадывались еще въ Шиломѣ; онъ же сумѣлъ воспользоваться ими для своей мисси. Мало-помалу число этихъ самуиловыхъ сподвижниковъ такъ разрослось, что они образовали вѣчто вродѣ духовнаго ордена (Chebel) и особой левитской общины (Kehila).

Какъ этотъ орденъ или это духовое братство было организовано, при какихъ обстоятельствахъ оно впервые выступило, какъ нѣчто цѣлое, —обо всемъ этомъ источники не сообщаютъ. Положительно можно лишь утверждать, что особой школой, ученики которой были бы воспитаны и обучены Самуиломъ, орденъ этотъ не могъ быть, ибо для подобнаго духовно-воспитательнаго учрежденія не было еще тогда въ наличности необходимыхъ условій. Это просто были благочестивые молодые люди, которые чувствовали потребность сплотиться вокругъ выдающагося учителя. Прекрасно играя на тимпанѣ, арфѣ и лютнѣ, они музыкой своей аккомпанировали рѣчамъ Самуила, его пророческимъ вѣщанiями и поэтическимъ импровизаціямъ. Это гармоническое сочетанiе вдохновенныхъ рѣчей съ музыкой приводило слушателей въ такой восторгъ, такъ ободряло и воодушевляло ихъ, что они чувствовали себя какъ бы переродившимися. Посвятившіе себя Богу юноши, во главѣ которыхъ стоялъ самъ пророкъ, такимъ образомъ и съ своей стороны не мало содѣйствовали духовному и нравственному пробужденiю израильскаго народа.

Еще одно немаловажное обстоятельство способствовало тогда этому подъему духа отупѣвшей въ своихъ несчастяхъ массы. Въ продолженіе всей эпохи Судей, Іегудино колѣно не принимало никакого участія въ политическихъ событіяхъ и общественной жизни народа. Продолжая пасти свои стада въ своихъ глухихъ стѣняхъ, эти кочевники какъ будто не существовали для всѣхъ прочихъ колѣнъ и никакихъ сношеній съ ними не поддерживали. Хвалебная пѣснь въ честь Деборы и Варака о іегудеяхъ вовсе не упоминаетъ. Окруженные кенитами, идумейцами и іевусеями, они, по всей вѣроятности, подвергались нападеніямъ со стороны этихъ племенъ и съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ ихъ отражали, но преданія объ этомъ никакихъ воспоминаній не сохранили. Симеоново колѣно, находившееся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Іегудину, раздѣляло съ нимъ его судьбу и вмѣстѣ съ нимъ было отрѣзано отъ прочихъ колѣнъ. Іевусен, обитавшіе между Эфраимовыми и Іудейскими горами, составляли какъ бы живую стѣну между тѣми и другими. Однако, безпрерывные набѣги филистимлянъ, отъ которыхъ и эти два колѣна, повидному, не мало страдали, нѣсколько ихъ расшевелили и заставили ихъ выйти изъ своего уединенія. Въ видахъ общей борьбы съ врагомъ, стремившимся и ихъ обратить въ рабство, іегудеи рѣшили протянуть руку другимъ израильскимъ колѣнамъ, предварительно заключивъ миръ съ амореями, также не мало страдавшими отъ филистимлянъ. При ихъ помощи іегудеямъ удалось подвинуться ближе къ сѣверу и дойти до Ветлехема, почти у самой столицы іевусеевъ, Іевуса, между тѣмъ, какъ до того пастбища ихъ простирались не дальше Хеврона.

Какими бы, однако, причинами это обстоятельство не было вызвано несомнѣнно одно, что въ дни Самуила колѣна Іегудино и Симеоново впервые присоединились къ общенародному союзу. Разлученные въ теченіе многихъ вѣковъ, прошедшихъ со времени вступленія ихъ въ Ханаанъ, Іаковъ и Израиль, благодаря пророку, воссоединились, наконецъ. Съ появленіемъ на исторической аренѣ Іегуды, или Іакова, въ составъ израильскаго народа вступаетъ новый, свѣжій элементъ. Іегудино колѣно было чисто-пастушескимъ; городовъ, кромѣ Хеврона, и городской жизни въ его степяхъ совсѣмъ не было. Утонченныя привычки и извращенныя нравы, прочими колѣнами усвоенныя отъ финикіянъ, іегудеямъ и симеоонитамъ были совершенно чужды. Культъ Ваала и Астарты, съ ихъ грубо-чувственными излишествами среди нихъ не получилъ распространенія. Они большей частью остались такими же, какими были при вступленіи въ Ханаанъ, простыми пастухами, любившими и мужественно отстаивавшими свою свободу, но отнюдь не воинственными. Патріархальныя нравы эпохи праотцевъ долѣе всего удержались именно въ этомъ колѣнѣ. Каждая іегудей-

ская и симеонитская семья имѣла, правда, свой фамильный алтарь, но жертвоприношенія у нихъ были обставлены гораздо проще, чѣмъ у язычниковъ, и притомъ совершались всегда именемъ Бога Израиля. Существовалъ и одинъ общій для обоихъ колѣнъ жертвенникъ, на южной границѣ ихъ владѣній, въ *Беершевъ*, которую израильтяне почитали, какъ древнѣйшее святое мѣсто въ Ханаанѣ, такъ какъ въ этомъ городѣ по преданію воздвигнутъ былъ жертвенникъ еще патріархами Авраамомъ и Исаакомъ. Въ разныхъ мѣстахъ Ханаана впослѣдствіи возникъ цѣлый рядъ новыхъ святилищъ, но Беершева, несмотря на это, и много столѣтій спустя почиталась израильтянами, какъ древнѣйшее святое мѣсто. Нельзя сказать чтобы богослужебные обряды у іегудеевъ, ихъ нравы и обычаи сохранили всю свою первобытную чистоту и не были испорчены нѣкоторой примѣсью язычества, ибо и это колѣно, вмѣстѣ съ Симеоновымъ, было окружено идолопоклонниками и даже жило среди нихъ подобно прочимъ колѣнамъ вступающая съ ними въ брачные союзы. Но въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ, ведя пастушескій образъ жизни, онѣ въ большей чистотѣ, чѣмъ всѣ остальные колѣна, сохранили свои національные нравы, обычаи и вѣрованія и во всякомъ случаѣ остались свободными отъ отвратительныхъ уродливостей идолопоклонства. Восединеніе дома Іакова съ домомъ Израиля не могло поэтому не имѣть большого религіознаго и политическаго значенія для будущаго всего народа.

Само собою разумѣется, что безъ сильнаго нравственнаго вліянія и необыкновенной энергіи Самуила это религіозное возрожденіе народа и политическое его усиленіе не могло быть достигнуто. Не обладая воинскими доблестями, сынъ Эльканы былъ могучимъ оплотомъ народа, живымъ цементомъ, крѣпко поддерживавшимъ связь между столь слабыми въ своей разрозненности колѣнами. Съ помощью пророческаго ордена левитовъ Самуилъ много лѣтъ непрерывно и неутомимо работалъ въ пользу возрожденія народа. И послѣдній, не даромъ смотрѣлъ на него, какъ на своего вождя.

Филистимляне въ это время готовились къ цѣлому ряду новыхъ набѣговъ на сосѣднихъ израильтянъ. Старѣйшины разныхъ колѣнъ, въ виду этого собравшись на совѣщаніе, рѣшили отправиться въ Раму и просить Самуила, чтобы онъ отразилъ грозившую народу опасность. Самуилъ изъявилъ готовность взять на себя предводительство войсками четырехъ колѣнъ, поставивъ, однако, условіемъ, чтобы эти колѣна навсегда отреклись отъ идолопоклонства, уничтожили въ своихъ владѣніяхъ всѣ жертвенники въ честь Ваала и Астарты и вообще вернулись къ своей исконной вѣрѣ. Только въ этомъ случаѣ,—говорилъ Самуилъ,—Господь проститъ имъ ихъ прежнія прегрѣшенія и избавитъ ихъ отъ филистимлянъ. Четыре колѣна,

старѣйшины которыхъ обратились къ Самуилу за помощью, и которымъ филистимляне больше всего угрожали,—Веніаминово, Эфраммово, Даново и Іегудино,—охотно приняли это условіе. По приказу Самуила израильское воинство велѣдъ за тѣмъ собралось въ Мицпѣ. Городъ этотъ расположенъ былъ неподалеку отъ Рамы на горѣ, возвышающейся на 500 ф. надъ равниной и съ которой открывается обширный видъ на всю окрестность, такъ что приближеніе непріятели можно было замѣтить съ нея на весьма далекомъ разстояніи.

Съ вершины этой горы Самуиль обратился къ Богу съ горячей молитвой о дарованіи израильтянамъ побѣды и при этомъ принесъ въ жертву молодого ягненка. Не придавая значенія жертвоприношеніямъ, онъ, подобно Моисею, считалъ нужнымъ сдѣлать иногда эту уступку древнѣйшему народному обычаю. Филистимляне между тѣмъ приближались. При видѣ ихъ несмѣтныхъ полчищъ, израильтяне стали сильно робѣть. Но Самуиль пламенной рѣчью воодушевилъ ихъ на бой, увѣривъ ихъ, что Богъ на этотъ разъ даруетъ имъ побѣду. Но еще до сраженія небо внезапно разразилось грозой съ громомъ и молніей. Суевѣрные филистимляне, усмотрѣвъ въ этомъ дурное предзнаменованіе, повернули назадъ и бѣжали въ свои владѣнія. Увидѣвъ это бѣгство, израильтяне быстро спустились съ горы въ равнину и преслѣдовали непріятели до Ветъ-Яшана.

Эта легкая побѣда, одержанная израильтянами вблизи того самаго Eben-ha-Ezer'a, гдѣ филистимляне за много лѣтъ до того разбили на голову израильское войско и захватили у него ковчегъ завѣта, имѣло огромное значеніе. Она сильно приободрила упавшихъ духомъ израильтянъ и смирила на время филистимлянъ. Неоднократно послѣ того эти хищники предпринимали новые набѣги на владѣнія сосѣднихъ колѣнъ, но израильтяне подъ предводительствомъ Самуила наносили имъ одно пораженіе за другимъ. Филистимляне должны были наконецъ заключить съ израильтянами миръ, возвративъ завоеванные у нихъ города.

Въ теченіе десяти лѣтъ затѣмъ израильтяне наслаждались благами мира, и Самуиль съ своей стороны прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы счастье это не испортило того, что добыто было цѣной многихъ несчастій. Главнымъ образомъ онъ старался поддерживать связь между колѣнами, такъ какъ только въ этой связи была ихъ сила. Онъ ежегодно созывалъ старѣйшинъ изъ различныхъ колѣнъ, разъяснялъ имъ ихъ обязанности, неустанно напоминалъ имъ о несчастіяхъ, которыя народъ израильскій навлекъ на себя тѣмъ, что забылъ своего Бога, смѣшался съ идолопоклонниками и усвоилъ себѣ ихъ безнравственные обычаи, и предостерегалъ ихъ противъ новыхъ отпаденій въ язычество. Эти ежегодные собранія старѣйшинъ Самуиль устраивалъ поочередно въ трехъ городахъ, со времени

разрушенія Шилома получившихъ большое значеніе: въ *Беттель*, который пользовался нѣкоторымъ значеніемъ по воспоминаніямъ о праотцѣ Яковѣ, въ *Гилгалъ*, при Иошуѣ служившемъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ колѣнъ, и въ *Мицпѣ*, гдѣ израильтяне не за долго до того одержали побѣду надъ филистимлянами. Еще чаще происходили такіа собранія въ Рамѣ, куда старѣйшины изъ разныхъ колѣнъ сходились для того, чтобы совѣтоваться съ Самуиломъ по разнымъ важнымъ дѣламъ. Къ пророку кромѣ того приходили изъ всей страны тягавшіеся за разрѣшеніемъ ихъ споровъ. Пророкъ былъ не только вождемъ народа, но и первымъ его судьей. Въ Рамѣ, какъ и въ только что упомянутыхъ трехъ городахъ, былъ также и алтарь для жертвоприношеній. Ибо эти послѣднія въ народѣ все еще считались вѣрнѣйшимъ средствомъ для умилостивленія Бога. Самъ пророкъ, однако, при богослуженіи не довольствовался одними жертвоприношеніями. Съ помощью левитовъ онъ ввелъ въ службу хорое пѣніе псалмовъ подъ аккомпаниментъ струнныхъ инструментовъ, и тѣмъ внесъ новый элементъ въ богослуженіе израильтянъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ качествѣ родоначальника прославившихся впоследствии коратидскихъ составителей псалмовъ, Самуиль и самъ слагалъ хвалебные псалмы. Его ввукъ Гемавъ, вмѣстѣ съ Асафомъ и Іегудутономъ, считался впоследствии искуснѣйшимъ сочинителемъ псалмовъ и мелодій для нихъ аккомпанимента. Поезія и музыка, эти столь близкіе между собой и одинъ другой дополняющіе роды искусства, Самуиломъ впервые были введены въ богослужебный обрядъ, который отъ того получилъ болѣе торжественный, возвышенный характеръ, глубже и болѣе облагораживающимъ образомъ дѣйствовалъ на умъ и душу народа. Поезія вообще культивировалась израильтянами задолго до того, какъ она возникла у прочихъ народовъ древняго міра: задолго даже до того, какъ іонійскіе греки, въ этой области ушедшіе, какъ извѣстно, дальше всѣхъ древнихъ народовъ, поняли, что красота и благозвучіе человѣческой рѣчи, отлитой въ рядъ стройныхъ ритмическихъ стиховъ, должны производить весьма пріятное впечатлѣніе на самого простаго человѣка, и что поэзія должна поэтому дѣйствовать самымъ облагораживающимъ образомъ на массу. И постигнувъ это культурное значеніе поэзіи израильтяне отвели ей у себя весьма почетное мѣсто. Самуиль своимъ собственнымъ примѣромъ установилъ столь тѣсную связь между поэзіей и пророчествомъ. что послѣ него поэтовъ и пророковъ вообще стали обозначать одними и тѣми же словами. И тѣхъ и другихъ называли *ясновидящими* (Roeh, Choséh, Navi); выраженія *творить* и *пророчить* (hitnaveh) были почти синонимами¹⁾. *Натанъ* и *Гадъ*, ко-

¹⁾ Парал. XXV, 2—5. Самуиль I, X, 5—11: XIV, 20 34.

торые, слѣдую примѣру Самуила, сдѣлались пророками, принадлежали къ пѣвческому хору, при немъ состоявшему. Вѣроученіе, которое Моисей завѣщалъ народу, въ то время, когда онъ еще не въ состояніи былъ постичь глубокое его содержаніе, нашло такимъ образомъ средство дѣйствовать на народную душу духовнымъ же путемъ и сдѣлать массу израильскую болѣ воспріимчивой къ его истинамъ. Только этимъ путемъ и благодаря такому воздѣйствію на народъ, ученіе Моисеево стало въ дѣйствительности тѣмъ, чѣмъ оно по происхожденію своему всегда должно было быть, *религіей духа*, очищающей душу человѣка и облагораживающей его мысль.

Съ введеніемъ въ богослужебный обрядъ левитскихъ хоровъ и пѣнія псалмовъ, жертвоприношенія потеряли свое прежнее значеніе. Первосвященники изъ потомства Арона, слѣдую дурному примѣру языческихъ жрецовъ, стали, благодаря жертвоприношеніямъ, смотрѣть на себя, какъ на посредниковъ между небомъ и людьми. Самуиль первый указалъ имъ болѣ скромное мѣсто и въ извѣстной степени отодвинулъ ихъ на задній планъ. Одинъ изъ внуковъ Элія, *Ахитувъ*,—старшій братъ того, котораго мать произвела на свѣтъ за моментъ до своей смерти, когда до нея въ родахъ донеслась вѣсть объ умерщвленіи ея супруга и захватѣ ковчега завѣта,—бѣжалъ во время разгрома Шилома въ городокъ Новъ (вблизи Іерусалима), захвативъ съ собою первосвященническія облаченія и эфодъ, съ помощью котораго первосвященники предсказывали будущее. Всѣ остальные, оставшіеся въ живыхъ потомки Арона, переселились тогда въ этотъ городокъ, который черезъ нихъ сталъ священнослужительскимъ центромъ. Здѣсь Ахитувъ, повидимому, воздвигъ новый жертвенникъ и даже что-то въ родѣ скинии, по образцу шиломской. Для этой скинии арониды соорудили и свой ковчегъ завѣта. Ахитува, нисколько, повидимому, не смущало то, что этому ковчегу не хватало самого главнаго,—каменныхъ скрижалей завѣта. Народу же это было безразлично: въ своей простотѣ онъ въ религіи обращалъ больше вниманія на вѣщность, на видимую оболочку, чѣмъ на невидимое содержаніе. Святыней, отъ которой онъ ждалъ защиты, онъ считалъ именно ковчегъ, а не скрижали.

Самуиль не обращалъ никакого вниманія на собравшихся въ Новъ аронидовъ и не придавалъ значенія ни ихъ импровизированному святилищу, ни ихъ поддѣльному ковчегу, какъ будто желая заставить народъ забыть о его священнослужителяхъ. Вражда между аронидами и левитами, въ послѣдствіи болѣ рѣзко обозначившаяся, началась при Самуилѣ.

Весьма важный самъ по себѣ политическій и религіозный переворотъ, которымъ израильяне обязаны были выдающимся личнымъ дарованіямъ и необыкновенной энергіи Самуила, имѣлъ и послѣдствія весьма важныя. Од-

нако, на положеніе всего народа дѣятельность пророка замѣтнаго вліянія не оказала. Домъ Якова, т. е. колѣна Іегудино и Симеоново, правда, имъ былъ привлеченъ къ общенародному дѣлу, но колѣна, жившія на сѣверѣ страны, и при немъ не принимали почти никакого участія въ быстро смѣнявшихъ одно другое событіяхъ, происходившихъ въ центрѣ страны. Ибо вліяніе Самуила простиралось лишь на этотъ центръ, на колѣна Вениаминово, Эфраимово, Даново и на воссоединившіяся съ ними южныя колѣна. Возможно, что къ этому союзу примкнуло также и Манашино колѣно, всегда шедшее въ свитѣ Эфранма; но Зевулово и Исахорово, а тѣмъ болѣе Ашероно и Нафталіево, и наконецъ всѣ заіорданскія колѣна остались въ сторонѣ отъ этихъ событій и этого союза. Слухи о неутомимой дѣятельности Самуила и религиозно-политическомъ пробужденіи центральныхъ и южныхъ колѣнъ, безъ сомнѣнія доходили и къ нимъ, но они ровно ничего не дѣлали для того, чтобы примкнуть къ этому движенію: они даже не посѣщали Самуила. Какъ ни страненъ этотъ фактъ, а между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что Самуиль въ своей дѣятельности не охватилъ всего израильскаго народа. Само собой разумѣется, что были такія обстоятельства, которыя мѣшали этому объединенію всѣхъ колѣнъ; но дѣятельность Самуила именно потому и представляется не полной, что эти препятствія не были имъ устранимы. Все свое вниманіе онъ удѣлялъ лишь центральнымъ и южнымъ колѣнамъ, игнорируя, повидному, всѣ остальные. Такъ, въ виду преклоннаго возраста, назначая сыновей своихъ въ свои замѣстители и судьи, онъ одного изъ нихъ, Іоеля послалъ въ Беершеву на югъ, а другого, Авію, въ Бетель, въ центръ страны,—на сѣверъ же и за Іорданъ онъ никого не отправилъ. Оправданіемъ для Самуила въ данномъ случаѣ можетъ служить то обстоятельство, что по характеру и убѣжденіямъ своимъ онъ былъ вообще врагъ всякаго принужденія. Онъ желалъ руководить лишь тѣми, кто добровольно признавалъ его авторитетъ и подчинялся ему не за страхъ, а за совѣсть. Власть, основанная на одной силѣ, была противна его мягкой поэтической натурѣ. Для народа, однако мягкость эта имѣла весьма выгодныя послѣдствія.

Старость между тѣмъ подходила, и Самуиль не въ состояніи былъ уже работать съ той энергіей, какую онъ проявлялъ въ молодости и въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Сыновья его не пользовались любовью народа: ихъ обвиняли въ лихоимствѣ; другихъ же энергичныхъ людей среди тѣхъ, которые окружали пророка, не было. Связь, объединявшая различныя колѣна, мало-по-малу слабѣла, такъ какъ Самуиль не могъ уже такъ часто, какъ прежде, приходиться въ соприкосновеніе съ ихъ старѣйшинами. Трудно сказать, знали ли враги Израиля объ этомъ упадкѣ силъ и энергій у пророка-вождя и о новомъ распадѣніи союза, съ его кончиной угрожавшемъ

колѣнамъ, но какъ разъ въ это время они снова стали обнаруживать лихорадочную дѣятельность, намѣреваясь, повидимому, опять наложить на израильтянъ иго рабства. Въ филистимской землѣ при Самуилѣ была введена царская власть, по всей вѣроятности навязанная народу однимъ изъ правителей ихъ пяти городовъ. Городъ Гать сталъ столицей и резиденціей стихъ царей. Съ введеніемъ царской власти филистимляне во всякомъ случаѣ стали болѣе объединенными, а потому и болѣе сильными.

Первый, повидимому, весьма честолюбивый филистимскій царь предпринялъ рядъ большихъ походовъ. Онъ воевалъ съ успѣхомъ даже съ финикіянами, разрушивъ ихъ главный городъ Сидонъ. Жители этого города спаслись на корабляхъ и на одной глубоко-вдающейся въ море скалѣ построили новый городъ, назвавъ его „скалистымъ“ (Тиръ, *Zog*). Для непріятеля, не располагавшаго сильными кораблями, новая финикійская столица была совершенно недоступна. Съ разрушеніемъ Сидона къ филистимлянамъ отошло все побережье отъ Газы черезъ Акко до Сидона. Для нихъ, поэтому, весьма важно было завоевать и смежную внутреннюю область; при возрастаніи ихъ могуществъ имъ казалось дѣломъ весьма нетруднымъ окончательное завоеваніе всей земли израильской. Съ этого и начались новыя кровопролитныя войны между израильтянами и филистимлянами.

Съ другой стороны и аммониты, нѣкогда усмиренные Іефтахомъ, также подвигались подъ предводительствомъ своего воинственнаго царя, *Нахаша*, задумавшаго расширить свои владѣнія. Прежде всего этотъ царь напалъ на область сосѣдняго колѣна Гадова и полуколѣна Мавашина. Не будучи въ состояніи отразить аммонитовъ собственными силами, колѣна эти отправили пословъ къ Самуилу съ просьбой оказать имъ помощь. При этомъ заіорданскіе послы выразили пророку пожеланіе, которое привело его въ страшное негодованіе, несмотря на то, что оно видимо выражало общее настроеніе народа. Послы требовали, чтобы во главѣ всего народа израильскаго былъ поставленъ царь, который подъ властью своей фактически объединилъ бы всѣ колѣна со всѣми ихъ владѣніями и, предводительствуя общенароднымъ войскомъ, могъ бы съ успѣхомъ отражать враговъ отдѣльныхъ колѣнъ. Царь во Израилѣ! Весь народъ поставить въ зависимость отъ прихоти и произвола одного лица! При одной мысли объ этомъ Самуиль пришелъ въ ужасъ. Равенство всѣхъ израильтянъ предъ Богомъ и его закономъ, свобода и независимость ихъ родовъ подъ патриархальной властью старѣйшинъ,—этотъ освященный вѣками строй до того вошелъ въ плоть и кровь израильтянъ, что измѣненіе его казалось Самуилу совершенно немыслимымъ и во всякомъ случаѣ чѣмъ-то такимъ, что угрожало народу большими несчастьями. Въ тѣ времена на царей вообще смотрѣли, какъ на воплощеніе Бога на землѣ, какъ на сы-

новой Вожьихъ. Каждый данный народъ во всей его совокупности и каждый представитель его въ отдѣльности со всѣмъ, что имъ принадлежало, считались собственностью царя, который воленъ былъ распоряжаться по своему единоличному усмотрѣнiю жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ, нерѣдко заставляя людей принести ему въ жертву даже самыя святыя ихъ чувства. Подданные всѣ, безъ исключенiя, обязаны были не только безпрекословно повиноваться царю, но и рабски предъ нимъ пресмыкаться. Малѣйшiй проступокъ противъ его считавшейся священной особы наказывался какъ богохульство. Поставить надъ израильтянами царя было, такимъ образомъ, равносильно замѣнивъ ихъ единого Бога смертнымъ человѣкомъ. Такой царь стоялъ бы выше Божественнаго ученiя и вѣдѣнiя всякаго закона: одна его личная воля должна была замѣнить и то и другое. Словомъ весь правовой порядокъ, всѣ вѣковые устои израильскаго народа, всѣ его вѣровавiя и воззрѣнiя, все это должно было рухнуть, исчезнуть въ угоду царю, раствориться въ его ничѣмъ не ограниченной власти. И въ результатѣ израильтяне уподобились бы всѣмъ другимъ народамъ древности, представлявшимъ безсловесныя игрушки въ рукахъ своихъ царей.

Самуилъ, всей глубоко-вѣрующей душой и любвеобильнымъ сердцемъ своимъ преданный возвѣщенному съ Синая ученiю о равенствѣ всѣхъ людей и нравственной жизни, покоющейся на наибольшей свободѣ каждаго человѣка, именно благодаря своей преданности этому возвышенному ученiю, одинъ въ это время способенъ былъ предвидѣть и оцѣнить всѣ послѣдствiя поставленнаго ему старѣйшинами требованiя. Въ пламенной рѣчи, дышавшей глубокой любовью къ своему народу, онъ обрисовалъ предъ старѣйшинами неизбѣжные результаты постановленiя надъ израильтянами царя, главнымъ образомъ указывая на то, что такое добровольное подчиненiе ихъ, власти одного лица, кончится полнымъ рабствомъ и политической гибелью народа. „Царь,—говорилъ Самуилъ,—отнимаетъ у васъ сыновей вашихъ для своей почетной свиты, для конныхъ и пѣшихъ тѣлохранителей своихъ, для того, чтобы они обрабатывали его земли и дѣлали для него оружiе; ваши дочери должны будутъ готовить ему вкусныя яства: лучшiя поля ваши онъ присвоитъ себѣ и отдастъ ихъ своимъ сыновьямъ, а съ доходовъ другихъ, милостиво-оставленныхъ вамъ полей онъ будетъ собирать десятину, раздавая ее своимъ слугамъ и внукамъ. Онъ кромѣ того, отберетъ у васъ самыхъ лучшихъ рабовъ вашихъ, самыхъ красивыхъ невольницъ и наиболѣе крупный скотъ, съ мелкаго же скота онъ будетъ брать десятую часть. И когда вы увидите, что онъ всѣхъ васъ превратилъ въ рабовъ своихъ, то вы возопите къ Богу, но Онъ не услышитъ воплей вашихъ!“¹⁾

¹⁾ Самуилъ I, VIII, 11—19.

Какъ ни убѣдительно была рѣчь Самуила, какъ ни грозны были его предостереженія, однако, старѣйшины стояли на своемъ и продолжали утверждать, что одинъ лишь царь въ состояніи выручить народъ изъ бѣды и избавить его отъ враговъ. Мало того, когда, кромѣ заіорданскихъ аммонитовъ другія хищническія племена стали тѣснить израильскія колѣна по сю сторону Іордана, то и эти послѣднія стали настаивать на избраніи царя. Какъ разъ въ это время филистимляне возобновили свои набѣги на владѣнія эфраимитовъ и іегудеевъ, на этотъ разъ не встрѣчая съ ихъ стороны почти никакого сопротивленія. Потому ли, что престарѣлый Самуиль не въ силахъ былъ уже силотить хотя бы одни центральныя колѣна для общей обороны, или потому, что угнетенной духомъ рати израильской измѣнило военное счастье,—филистимляне во всякомъ случаѣ одержали надъ израильтянами рядъ побѣдъ. И на этотъ разъ они воспользовались ими съ гораздо большей энергіей, чѣмъ прежде, фактически забирая въ свои руки земли израильскія и самихъ израильтянъ обращая въ рабство безъ всякой пощады. Они теперь уже не довольствовались захватомъ однихъ пограничныхъ городовъ, но дѣйствительно завладѣли всѣмъ центромъ страны, почти до Іордана за Эфраимовы и Іудейскія горы. Въ нѣкоторыхъ городахъ они поставили своихъ сборщиковъ податей (Nezib), для сборовъ налоговъ скотомъ и зерномъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти сборщики выбивали изъ населенія десятину и другія подати безъ всякихъ послабленій. Въ распоряженіе сборщиковъ филистимляне оставили вооруженные отряды, которые должны были наказывать непокорныхъ, надо полагать, также безъ особыхъ послабленій. Голоса, требовавшіе избранія царя, который съ большей энергіей, чѣмъ пророкъ, могъ бы добиться освобожденія народа, въ виду этихъ новыхъ несчастій, стали раздаваться все громче и настойчивѣй. Не обращая болѣе никакого вниманія на возраженія Самуила, старѣйшины стали требовать отъ него царя такъ неотступно, что престарѣлому пророку, послѣ долгаго и отчаяннаго сопротивленія, пришлось наконецъ уступить. Голосъ свыше ввухилъ ему, чтобы онъ подчинился единоподушному желанію народа и, принеся челоука, достойнаго носить корону, помазать его на царство. Новый порядокъ, который долженъ былъ повлечь за собою крутой поворотъ въ исторіи народа, повидимому сдѣлался необходимою. Здравый умъ Самуила рѣшительно отвергалъ эту необходимость, въ качествѣ же вдохновеннаго Богомъ пророка онъ долженъ былъ признать ея наличность. Въ мукахъ явилось на свѣтъ царство израильское. Не миръ и любовь, а гнетъ и неволя породили его. Въ общественномъ укладѣ израильтянъ оно поэтому не нашло себѣ законнаго, естественнаго мѣста; оно было чѣмъ то насильственно и искусственно втиснутымъ въ народную жизнь; и люди, широкимъ государственнымъ умомъ своимъ про-

зрѣвашіе будущіе судьбы Израиля, относились къ новоявленной власти съ недоувѣріемъ и страхомъ, усматривая въ ней элементъ способный на долго задержать правильное историческое развитіе народа.

ГЛАВА VI.

Сауль.

Введеніе царской власти. Сауль, его положеніе и характеръ. Тайное избраніе его въ Мициѣ. Порабощеніе народа филистимлянами. Ионатанъ подстрекаетъ послѣднихъ къ войнѣ. Объявленіе войны. Собраніе въ Гилгалѣ. Сраженіе у Михмаса и пораженіе филистимлянъ. Строгость Саула. Побѣда надъ аммонитами. Вторичное избраніе Саула. Его дворъ и чиновники. Тѣлохранители его и постоянное войско. Побѣда надъ амалекитами. Разрывъ между Сауломъ и Самуиломъ. Вражда Саула съ сосѣдними народами. Бой съ гивеонитами. Святилище въ Гивеонѣ. Новое сраженіе съ филистимлянами. Голиаѳъ и Давидъ. Встрѣча Саула съ Давидомъ. Гнѣвъ Саула доходитъ до бѣшенства; ревность къ Давиду и преслѣдованіе его. Послѣдній бой Саула съ филистимлянами. Пораженіе его и смерть.
(Около 1067—1055)

Правленіе перваго израильскаго царя, очутившагося на престолѣ по неотступному требованію народа и съ вынужденнаго согласія Самуила, убѣдительно въсѣхъ аргументовъ пророка доказало, что царская власть не могла привести народу того избавленія, котораго онъ отъ нея ждалъ. Простого и превосходнаго по натурѣ человека, который до своего избранія въ царя никакого представленія не имѣлъ о почетѣ и власти, неограниченность и безответственность этой случайно попавшей въ его руки власти довела до того, что онъ не отступалъ ни предъ какими жестокостями для того, чтобы удержать ее въ своихъ рукахъ. Высокое положеніе и воображаемая обязанность во чтобы то ни стало сохранить его за собой мало по малу убили все, что было въ немъ хорошаго отъ природы. Съ своей стороны Самуилъ принималъ всѣ предосторожности, чтобы будущій царь по возможности меньше напоминалъ тотъ отталкивающій образъ тирана, который онъ нарисовалъ предъ старѣйшими. Насколько это было возможно, пророкъ хотѣлъ предупредить, чтобы новый царь въ своемъ самоувѣреніи не поставилъ свой личный произволъ выше всѣхъ законовъ, а, главное, чтобы онъ никогда не забывалъ своего происхожденія. Не изъ гордыхъ и себялюбивыхъ эфраимитовъ избралъ поэтому Самуилъ царя, опасаясь, какъ бы не дать народу новаго Авимелеха,—въ ненасытномъ честолюбіи своемъ дошедшаго, какъ мы видѣли, до умерщвленія всѣхъ своихъ братьевъ и разрушенія цѣлаго ряда прекрасныхъ городовъ—а изъ самаго незначительнаго колѣна, Веніаминова, и самой скромной семьи—Маттри по имени—въ этомъ колѣнѣ. Отецъ

избранника, Кишъ, ничѣмъ рѣшительно не выдавался; это былъ простой земледѣлецъ о которомъ и впослѣдствіи, когда его сытъ былъ уже царемъ, всѣ отзывались какъ о „честномъ человѣкѣ“ и только.

Въ этой семьѣ былъ одинъ весьма энергичный и умный человѣкъ, который безъ сомнѣнія въ состояніи былъ бы упрочить израильское царство и избавить народъ отъ его враговъ. То былъ Авнеръ, сынъ Нера. Но это былъ человѣкъ крайне честолюбивый и неразборчивый на средства. Самуиль, не довѣряя ему, предпочелъ его двоюроднаго брата Саула, человѣка простого и скромнаго, исправно ходившаго за своимъ плугомъ и за стадами своего отца, отъ роду не выдавашаго ничего, кромѣ той деревни или городка, въ которомъ онъ родился, и не подозрѣвавшаго, что на свѣтѣ есть люди, для которыхъ въ жизни нѣтъ ничего болѣе сладкаго, какъ власть надъ ближними своими. Саулъ отличался деревенской застѣчивостью и нелюдимостью. Будучи уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ и отцомъ взрослому сыну, онъ продолжалъ жить въ домѣ и подъ опекой своего родителя, по патриархальному обычаю, согласно которому сынъ становится самостоятельнымъ хозяиномъ лишь со смертью отца. Всѣ эти обстоятельства въ глазахъ Самуила представляли достаточную гарантію противъ превышенія власти и исключали всякую мысль о злоупотребленіи ею со стороны перваго израильскаго царя. Самуиль вправѣ былъ, разумѣется, разсчитывать и на то, что этотъ крестьянинъ, понавший въ царя исключительно по его милости, во всемъ будетъ слѣдовать его совѣтамъ,—совѣтамъ умудреннаго опытомъ пророка и вождя, и будетъ смотрѣть на него, какъ на носителя божественныхъ завѣтовъ и живую совѣсть народа.

Неожиданная вѣсть о томъ, что выборъ палъ на какого-то никому неизвѣстнаго крестьянина изъ Гивен, вызвала, какъ это и можно было ожидать, среди израильтянъ немало толковъ. О событіи этомъ разсказывали на всевозможные лады. Одна наиболѣе распространенная версія передавала это событіе въ слѣдующемъ разсказѣ. У отца Саула пропали однажды ослицы, и онъ отправилъ своего сына въ сопровожденіи одного раба розыскать ихъ. Три дня Саулъ бродилъ въ Эфраимовыхъ горахъ, не находя отцовскихъ ослицъ. Онъ было рѣшилъ уже вернуться ни съ чѣмъ въ родительскій домъ, когда рабъ, его сопровождавшій, посоветовалъ ему зайти къ жившему по близости пророку Самуилу. „Онъ все знаетъ—говорилъ невольникъ,—и его слова всегда сбываются“. Саулъ однако стѣснялся этого посѣщенія, потому что онъ не въ состояніи былъ чѣмъ-нибудь вознаградить пророка. Но когда рабъ успокоилъ его на этотъ счетъ, то Саулъ отправился къ Самуилу, который, какъ оказалось, уже ждалъ его и даже вышелъ къ нему навстрѣчу. Пророческое видѣніе, за

день до того ему явившійся, возвѣстило ему, что человѣкъ изъ Вениаминова колѣна, который на другой день его посѣтитъ, призванъ быть царемъ израильскимъ и освободить народъ отъ филистимскаго ига. На вопросъ Саула: „гдѣ домъ пророка?“, вышедшій ему на встрѣчу Самуиль отвѣчалъ; „это я самъ“. Успокоивъ его затѣмъ на счетъ пропавшихъ ослицъ, Самуиль пригласилъ его къ себѣ на ужинъ, во время котораго онъ сообщилъ ему, что онъ призванъ быть царемъ своего народа. Саулъ изъ врожденной скромности рѣшительно отклонилъ эту высокую честь. „Я изъ самаго незначительнаго колѣна, и семья ваша самая невидная среди вениамитовъ“,—говорилъ онъ. Самуиль тѣмъ не менѣе былъ весьма любезенъ съ нимъ, удержалъ его у себя на цѣлыя сутки и, провожая его на слѣдующее утро, изъ своего дома, сказалъ ему, что онъ вскорѣ увидитъ знаменія, которыя возвѣстятъ ему, что онъ свыше предназначенъ въ цари. Эти знаменія дѣйствительно вскорѣ явились, и одно изъ нихъ въ особенности произвело на Саула сильное впечатлѣніе.

Но возвращеніи въ Гивею,—гласитъ далѣе преданіе,—Саулъ попалъ въ кругъ молодыхъ экзальтированныхъ пророковъ-пѣвцовъ, исполнявшихъ духовные гимны, сопровождающаго свое пѣніе игрою на струнныхъ инструментахъ. Подъ вліяніемъ этихъ восторженныхъ религіозныхъ пѣнопѣній, Саулъ и самъ приходилъ въ экстазъ и сталъ пѣть вмѣстѣ съ молодыми пророками, чувствуя себя какъ бы перерождающимся человѣкомъ, на котораго снизошелъ духъ Іеговы. При какихъ бы условіяхъ не произошла первая встрѣча Самуила съ застѣнчивымъ сыномъ Киша—ибо первая бесѣда ихъ во всякомъ случаѣ происходила съ глазу на глазъ и едва ли была записана третьимъ лицомъ—несомнѣнно то, что свиданіе его съ престарѣлымъ пророкомъ, а затѣмъ знакомство съ гивейскими псалмопѣвцами имѣло рѣшающее значеніе въ его жизни. Эти встрѣчи произвели на него глубокое впечатлѣніе и совершили въ немъ цѣлый переворотъ. Онъ какъ бы превратился въ другого человѣка и съ тѣхъ поръ сталъ смотрѣть на міръ и людей уже не тупыми глазами деревенскаго жителя; онъ, однимъ словомъ, почувствовалъ себя призваннымъ къ освобожденію своего поработеннаго народа. Вмѣстѣ съ сознаниемъ этой высокой миссіи, на него возложенной, росли въ немъ и мужество и вѣра въ свои силы. По возвращеніи его въ отцовскій домъ, когда родные узнали о его свиданіи съ Самуиломъ, ихъ, разумѣется, сильно интересовало, что именно пророкъ ему сказалъ. Имъ было извѣстно, что Самуиль обѣщаль старѣйшинамъ поставить кого-нибудь царемъ надъ народомъ. По поведенію и сильно измѣнившемуся настроенію Саула они не могли не видѣть, что въ немъ произошелъ какой-то внутренній переломъ, увѣренныя, что встрѣча съ пророкомъ должна была въ данномъ случаѣ сыграть

важную роль. Честолюбивый Авнеръ въ особенности старался вывѣдать у Саула, что именно пророкъ ему сообщилъ. Но Сауль хранилъ на этотъ счетъ строжайшее молчаніе.

Согласно обѣщанію, данному старѣйшинамъ, Самуиль, между тѣмъ, долженъ былъ ихъ познакомить съ тѣмъ, котораго онъ тайнѣ избралъ, какъ человѣка наиболѣе достойнаго занять царскій престолъ. Съ этой цѣлью пророкъ созвалъ народное собраніе въ Мицпѣ. На это собраніе, по всей вѣроятности, явились главнымъ образомъ вѣніамиты. Пришла и семья Киша вмѣстѣ съ Сауломъ. Предъ началомъ собранія Самуиль еще разъ поставилъ на видъ старѣйшинамъ, что своимъ желаніемъ во что бы то ни стало имѣть царя они нарушаютъ завѣты того Бога, который столько разъ спасалъ народъ израильскій отъ гибели. Но такъ какъ внушеніе свыше повелѣваетъ ему подчиниться волѣ народа, то онъ и приступаетъ къ избранію. Онъ предложилъ рѣшить выборъ жребіемъ, — и жребій палъ на Саула. Послѣдняго долго не могли разыскать: онъ куда то спрятался. Когда же его, наконецъ, нашли и представили собранію, то всѣ были поражены его наружностью. Сауль былъ высокаго роста, цѣлой головой выше всѣхъ присутствовавшихъ въ собраніи и притомъ хорошо сложенъ и красивъ лицомъ; возбужденное же состояніе, въ которомъ онъ тогда, безъ сомнѣнія, находился, дѣлало его еще болѣе привлекательнымъ и произвело весьма выгодное для него впечатлѣніе на народъ. „Смотрите, — сказалъ Самуиль, когда Саула ввели, — вотъ тотъ человѣкъ, котораго Госнодь избралъ въ цари: равнаго ему не найти во всемъ Израилѣ!“ Присутствующие, увлеченные торжественностью момента и подкупающей вѣщиностью Саула, единогласно воскликнули: „Да здравствуетъ царь!“ Послѣ этого пророкъ помазалъ Саула священнымъ елеемъ, символомъ святости, въ знакъ того, что особа новоизбраннаго царя впредь должна считаться неприкосновенною. Старѣйшины были въ радостномъ возбужденіи, счастливые тѣмъ, что ихъ завѣтное желаніе имѣть царя и вожда, наконецъ, осуществилось. Они были увѣрены, что съ этимъ избраніемъ для народа открывается новая и счастливая эра. Самуиль, — гласитъ далѣе преданіе, — по этому случаю ознакомилъ собраніе съ правами, преимуществами и обязанностями царя, записавъ ихъ на особомъ сверткѣ, который онъ для сохраненія положилъ въ одномъ „священномъ мѣстѣ“. О содержаніи этого свертка къ намъ, однако, никакихъ свѣдѣній не дошло и въ исторіи народа объ этомъ документѣ впоследствии ни разу больше не упоминается. То былъ весьма важный, рѣшительный моментъ въ жизни народа, это избраніе царя, опредѣлившее дальнѣйшія политическія судьбы Изравля. Къ торжественному и радостному настроенію собранія въ Мицпѣ примѣшивался однако, какой то непріятный диссонансъ. Нѣкоторые недовольные, по всей

вѣроятности изъ эфрамитовъ, которые повидимому разсчитывали, что царь будетъ избранъ изъ ихъ среды, громко выражали свое недовольство. „Можетъ ли намъ такой человѣкъ помочь?“—говорили они. И въ то время какъ большинство старѣйшинъ радостно привѣтствовало только что избраннаго царя и, слѣдую обычаю, подносило ему подарки, а храбрѣйшіе изъ нихъ послѣдовали за нимъ въ Гивею, чтобы принять участіе въ походѣ, предпринятомъ ими противъ филистимлянъ,—недовольные держались въ сторонѣ, отказавшись признать новаго царя. Саулъ, однако, не показывалъ вида, точно онъ и не слышалъ этихъ протестовъ.

Послѣ своего избранія Саулъ долженъ былъ почувствовать въ себѣ особый приливъ мужества, либо дѣйствительно увѣровать въ то, что на него снизошелъ духъ Іеговы. Иначе довольно трудно понять ту смѣлость съ которой этотъ только недавно бросившій свой плугъ крестьянинъ рѣшился выступить противъ могущественнаго врага, и ту увѣренность, съ какою онъ вслѣдъ за своимъ избраніемъ сталъ водворять порядокъ въ разстроеномъ общественномъ быту израильтянъ. Положеніе народа въ то время дѣйствительно было крайне печальное и унизительное, еще хуже, пожалуй, чѣмъ въ эпоху Судей. Побѣдители-филистимляне отобрали у израильтянъ все ихъ оружіе, всё до одного лукъ, стрѣлы и мечи и увели съ собою всѣхъ кузнецовъ, дабы они не могли изготовить новыхъ. Для того, чтобы починить плугъ или иное земледѣльческое орудіе, израильтянамъ приходилось отпрапляться къ филистимлянамъ. Даже самъ новоизбранный царь не имѣлъ меча, этого символа власти у всѣхъ народовъ и во всѣ времена. Самое избраніе Саула, повидимому, происходило келейно такъ, чтобы филистимляне о немъ не провѣдали. Филистимскіе сборщики податей высасывали всё соки изъ народа; они были снабжены обширными полномочіями, предоставлявшими имъ право и возможность подавлять возстанія безъ всякой пощады. Порабощеніе народа доходило до того, что многихъ израильтянъ заставляли принимать участіе въ экзекуціи своихъ единовѣрцевъ. Филистимляне всей душой презирали израильтянъ, мирившихся съ такими униженіями, и не ставили ихъ ни во что. Избавленіе народа при такихъ условіяхъ могло явиться лишь результатомъ какого нибудь чуда. И это чудо произошло: его совершили Саулъ, его сынъ и родня его.

Старшій сынъ Саула, *Ионатанъ*, былъ, пожалуй, еще болѣе достоинъ царскаго сана, чѣмъ его отецъ. Скромный и самоотверженный въ большей мѣрѣ еще, чѣмъ Саулъ, храбрый до презрѣнія къ смерти, онъ очаровывалъ всѣхъ своимъ мягкимъ характеромъ любвеобильнымъ сердцемъ, своей искренностью и вѣрностью въ дружбѣ; онъ даже былъ слишкомъ мягокъ и уступчивъ. Эта черта была бы большимъ недостаткомъ въ царѣ, который долженъ обладать весьма твердымъ характеромъ. Во всемъ

прочемъ Ионатанъ былъ идеальной личностью, привлекавшей къ себѣ рѣшительно всѣ симпатіи. Правдивая натура, врагъ всякихъ увертокъ, онъ всегда высказывалъ свое мнѣніе прямо, рискуя зачастую навлечь на себя непріятности, потерять свое положеніе, а то и самую жизнь. Всѣ эти черты характера сдѣлали его всеобщимъ любимцемъ. Двоюродный братъ Саула, упомянутый уже Авнеръ, былъ человѣкъ иного склада. Это былъ воинъ въ полномъ смыслѣ слова, человѣкъ непоколебимой энергіи и отваги, властный, честолюбивый и хитрый. Неопытному въ военномъ дѣлѣ царю, а чрезъ него и всему народу, Авнеръ оказалъ большія услуги. Пользуясь поддержкой этихъ и нѣкоторыхъ другихъ членовъ своей семьи, а равно и всѣхъ вениамитовъ вообще, гордившихся тѣмъ, что царь былъ избранъ изъ ихъ среды, Саулъ вступилъ въ неравный бой съ филистимлянами.

Компанию открылъ Ионатанъ. Въ городѣ Гевѣ или Гивеатъ-Вениаминѣ стоялъ тогда гарнизономъ небольшой отрядъ филистимскихъ воиновъ, находившійся въ распоряженіи мѣстнаго сборщика податей. На этотъ то отрядъ Ионатанъ съ своими сподвижниками однажды напалъ врасплохъ и перебилъ его весь. Это былъ вызовъ, смѣлой рукой брошенный въ лицо филистимлянамъ, если не по прямому приказу, то во всякомъ случаѣ съ вѣдома Саула. Царь вслѣдъ затѣмъ повелѣлъ трубными звуками оповѣстить всѣхъ жителей во владѣніяхъ вениамитовъ, что кровавый бой съ филистимлянами начался. Одни встрѣтили эту вѣсть съ радостью и надеждой, другіе—со страхомъ и ужасомъ. Люди, не терявшіе мужества, поспѣшили силотиться вокругъ царя, чтобы подъ его предводительствомъ стряхнуть съ народа иго, или умереть. Малодушные же и трусы бѣжали за Иорданъ, или попрятались въ пещерахъ, ущельяхъ и подземельяхъ. Но и самые смѣлые не могли отдѣлаться отъ тревожныхъ сомнѣній насчетъ исхода борьбы съ могущественнымъ врагомъ при столь неблагоприятныхъ для нападавшихъ условіяхъ. Сборнымъ пунктомъ для израильскихъ воиновъ былъ назначенъ Гилгалъ, какъ городъ наиболѣе удаленный отъ филистимской земли. Выборъ этотъ сдѣланъ былъ Самуиломъ, по желанію котораго Саулъ долженъ былъ отправиться въ Гилгалъ и семь дней ждать тамъ его прибытія изъ Рамы, для того чтобы получить отъ него дальнѣйшія инструкціи. Одновременно съ пророкомъ сюда долженъ былъ прибыть и хоръ молодыхъ пѣнцовъ-пророковъ, вмѣстѣ съ игравшими на струнныхъ инструментахъ левитами-аккомпаньторами, которые своимъ пѣніемъ и музыкой должны были воодушевить израильскихъ воиновъ на бой съ врагомъ.

Филистимляне между тѣмъ готовились къ истребительной войнѣ противъ израильтянъ. Извѣстіе объ умерщвленіи Ионатаномъ гивеатскаго отряда ихъ не столько встревожило, сколько изумило. Они были поражены тѣмъ, что трусливые израильтяне, не имѣвшіе вдобавокъ никакого оружія,

осмѣлились напасть на нихъ, своихъ господъ и повелителей. За такую продерзость свою израильтяне должны были дорого заплатить. Многочисленное филистимское войско, пѣшее и конное, двинулось въ походъ черезъ долины южныхъ Эфранмовыхъ горъ и, перерѣзавъ вширь всю страну, дошли до *Михмаса*. Расположившись здѣсь лагеремъ, филистимляне послали экспедиціонные отряды по тремъ направленіямъ, на сѣверо-востокъ, западъ и юго-западъ, поручивъ имъ жестоко наказать вениамитовъ, осмѣлившихся возстать противъ своихъ повелителей, разрушить ихъ города и деревни и вообще предать опустошенію всю ихъ область. Немало израильтянъ филистимляне, подъ страхомъ мучительной смерти, заставили принять участіе въ этой экзекуціи надъ ихъ братьями. Израильтяне переживали рѣшительный, роковой моментъ.

Въ то время, какъ непріятель, медленно подвигаясь впередъ, подходилъ къ Михмасу, Сауль во главѣ своего немногочисленнаго отряда вениамитовъ съ негеривніемъ ждалъ въ Гилгалѣ прибытія пророка, который долженъ былъ дать ему необходимыя указанія и благословить его воинствъ на бой. Но дни одинъ за другимъ уходили, а Самуилъ не являлся. Каждый часъ, потерянный въ бездѣйствіи, казалось усугублялъ опасность и уничтожалъ послѣднія надежды на благоприятный исходъ затѣянной борьбы. Больше всего Сауль опасался, какъ бы филистимляне не вздумали броситься на Гилгалъ, напасть на его безоружныхъ храбрецовъ и уничтожить ихъ или обратить въ бѣгство. Многіе изъ этихъ воинствъ послѣдили тѣмъ временемъ оставить Гилгалъ, усмотрѣвъ въ отсутствіи пророка дурное предзнаменованіе. Въ этомъ отчаянномъ положеніи Сауль, прождавъ условленные семь дней, рѣшился дѣйствовать за свой страхъ. По искони заведенному обычаю, онъ сперва принесъ жертву, чтобы умолить Бога даровать ему побѣду. Въ то время, когда Сауль совершалъ обрядъ жертвоприношенія, предъ нимъ внезапно предсталъ Самуилъ. Престарѣлый пророкъ, увидѣвъ царя у жертвенника, сталъ осыпать его упреками за его нетерпѣніе. Былъ ли семидневный срокъ, назначенный ему Самуиломъ, лишь испытаніемъ, которое должно было ему доказать, намѣренъ ли избранный имъ паръ подчиняться его распоряженіямъ? Или же пророкъ разгнѣвался на царя за то, что онъ совершилъ жертвоприношеніе и такимъ образомъ присвоилъ себѣ права священнослужителя? То ли или другое обстоятельство вызвало гнѣвъ Самуила, но онъ дѣйствительно пришелъ въ большую ярость, и, пригрозивъ царю потерей престола, удалился изъ Гилгала, оставивъ Саула вмѣстѣ съ его отрядомъ на произволъ судьбы. Это было тяжелымъ ударомъ для неопытнаго царя, который въ предстоящемъ ему весьма рискованномъ предпріятіи рассчитывалъ главнымъ образомъ не на своихъ безоружныхъ воинствъ, а на содѣйствіе пророка.

Съ уходомъ Самуила изъ Гилгала, Саулу незначѣмъ болѣе было оставаться въ этомъ городѣ, и онъ съ остатками своей „арміи“ возвратился въ Геву. Выстроивъ эту дружину, онъ насчиталъ въ ней всего шестьсотъ человѣкъ. Неудивительно, что при видѣ столь ничтожной горсти, безоружныхъ людей, собиравшихся воевать съ филистимлянскими полчищами, Саулъ и Ионатанъ сильно пріуныли. Медовый мѣсяцъ только что родившагося царства былъ не очень сладокъ. Тяжелѣе всего Саулъ чувствовалъ гнѣвъ Самуила, съ удаленіемъ котораго онъ какъ бы потерялъ почву подъ ногами, лишился необходимѣйшей опоры того человѣка, который одинъ въ состояніи былъ именовъ Бога давать ему и всему народу необходимыя указанія и поддержку. Древніе народы, какъ извѣстно, не предпринимали ни одного важнаго шага, не убѣдившись предварительно путемъ предсказаній, что предпріятіе будетъ имѣть благоприятный исходъ. За отсутствіемъ Самуила, Саулъ вынужденъ былъ поэтому обратиться къ комунибудь другому, кто могъ бы его замѣнить. Онъ призвалъ изъ Нова внука первосвященника Элія, сына Ахитува, Ахію, въ рукахъ у котораго былъ вывезенный его отцомъ изъ Шилома эфодъ. Разъ пророкъ отказывалъ ему въ помощи, онъ для того, чтобы узнать гласъ Божій, долженъ былъ войти въ сношеніе съ священнослужителями. Послѣдніе такимъ образомъ снова были выдвинуты на первый планъ, съ котораго они были оттѣснены пророкомъ. Ахія, разувѣтсея, не заставилъ себя долго просить и поспѣшилъ съ своимъ эфодомъ въ Геву, захвативъ съ собой свой поддѣльный ковчегъ завѣта.

Съ прибытіемъ первосвященника положеніе, однако, нисколько не измѣнилось. Надо было принять какое-нибудь рѣшеніе, но у Саула такового не было. Выручила его необыкновенная отвага и находчивость Ионатана. Гева, гдѣ Саулъ стоялъ со своимъ отрядомъ, находилась на разстояніи не болѣе одного часа отъ Михмаса, гдѣ разбили свой лагерь филистимляне. Оба города и лагеря раздѣлялъ глубокой оврагъ, окаймленный крутыми, почти отвѣсными утесами и обрывами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ близко подходившими другъ къ другу, что оврагъ переходилъ въ ущелье шириной не болѣе десяти шаговъ. Такимъ образомъ филистимляне могли попасть въ Геву, или израильяне въ Михмасъ только окольнымъ путемъ. Этимъ то обстоятельствомъ и воспользовался Ионатанъ. Въ сопровожденіи одного своего оруженосца онъ отправился къ ущелью и, выбравъ самое узкое мѣсто, спустился сначала на дно оврага и затѣмъ ползая на четверенькахъ по противоположной отвѣсной стѣнѣ его, со стороны Михмаса, взобрался до самаго верха. Малѣйшее неловкое движеніе, и оба смѣльчака полетѣли бы въ пропасть и расшибились бы на смерть. Съ неимовѣрными усилиями они, однако, благополучно добрались до вершины оврага и сразу очутились въ непріятельскомъ лагерѣ. Филистимляне

увидѣвъ ихъ, были крайне поражены, не понимая, какимъ образомъ они могли пробраться къ нимъ черезъ это совершенно непроходимое ущелье. Не допуская, чтобы къ нимъ въ лагерь отважились явиться только два израильтянина, и увѣренные, что за ними взбираются по скаламъ еще многіе другіе, филистимляне стали насмѣшливо кричать: „Смотрите-ка, какъ евреи выползаютъ изъ своихъ норъ:—взбирайтесь-ка, поскорѣе, мы насъ знатно угостимъ!“ Для Ионатана и его товарища эта насмѣшка послужила сигналомъ къ нападенію, такъ какъ они еще въ Гевѣ условились, что при первомъ вызовѣ со стороны филистимлянъ, они ни минуты не медля должны броситься на нихъ. Весьма искусные, какъ всѣ вѣніамиты, въ метаніи коноя, Ионатанъ и его товарищъ стали швырять въ филистимлянъ огромными камнями и, сразу положивъ на мѣстѣ двадцать человѣкъ, стали подвигаться впередъ, продолжая метать камни. Филистимляне, ошеломленные этимъ внезапнымъ и безумно-смѣлымъ нападеніемъ двухъ точно изъ земли выросшихъ израильтянъ, пришли въ ужасъ, думая что предъ ними какая-то нечистая сила. Въ лагерѣ ихъ произошло смѣтеніе, воины въ паническомъ страхѣ стали давить другъ друга и наконецъ обратились въ беспорядочное бѣгство. Какъ только Саулъ, съ сторожевой башни въ Гевѣ, слѣдившій за своимъ сыномъ замѣтилъ бѣгство непріятеля, онъ поспѣшилъ на мѣсто съ своими шестью стами оставшимися ему до конца вѣрными храбрецами и довершилъ пораженіе филистимлянъ. Въстѣ съ тѣмъ и многочисленныя израильтяне, въ качествѣ невольниковъ находившіеся въ рядахъ непріятеля, обратились противъ своихъ поработителей и ихъ же оружіемъ стали ихъ безпощадно избивать. Наконецъ и тѣ израильтяне, которые при нашествіи филистимлянъ попрятались въ Эфраимовыхъ горахъ, увидѣвъ ихъ бѣгство, оставили свои ущелья и пещеры и присоединились къ преслѣдовавшимъ. Отрядъ Саула, изъ первоначальныхъ шестисотъ человѣкъ, такимъ образомъ мало по малу увеличился до десяти тысячъ. Во всѣхъ городахъ эфраимской горной страны, черезъ которую филистимскія полчища бѣжали, пробиваясь во свояси, жители израильтяне также вападали на нихъ и истребляли ихъ. Несмотря на крайнее свое утомленіе, все увеличивавшійся отрядъ Саула продолжалъ преслѣдовать непріятеля до Аялона, въ восьмичасовомъ разстояніи отъ Михмаса¹⁾.

Саулъ, еще въ Михмасѣ объявившій бой непрерывнымъ, для того, чтобы не дать филистимлянамъ убѣжать въ ихъ страну, продолжалъ бы и дальше преслѣдованіе, но тому помѣшало одно происшествіе, само по себѣ незначительное, но въ то время имѣвшее весьма важное значеніе. Царь строго приказалъ своимъ воинамъ чтобы, они до полного истребленія филистимлянъ не принимали ни нищи, ни питья, дабы не замедлить преслѣ-

¹⁾ Самуилъ I. XIV, 24—31.

дованія; нарушителей приказа ждало царское проклятіе и смертная казнь. Ионатанъ, который, какъ всегда, былъ впереди всѣхъ, объ этомъ приказѣ ничего не зналъ. Утомленной борьбой съ филистимлянами и мучимый голодомъ, онъ присѣлъ въ полѣ и увидѣвъ ичелиный улей, позволилъ себѣ съѣсть немного меда. Когда ему послѣ этого объявили о приказѣ царя, то онъ замѣтилъ: „отецъ мой поступилъ бы гораздо лучше, если бы онъ этого распоряженія не сдѣлалъ, ибо если бы отрядъ воспользовался провизіей, брошенной непріателемъ, и немного подкрѣпился бы, то онъ гораздо успѣшнѣе продолжалъ бы преслѣдованіе, чѣмъ теперь, когда воины утомлены и голодны“. Между тѣмъ наступили сумерки, и Сауль, который рѣшилъ продолжать преслѣдованіе и ночью, обратился на этотъ счетъ за совѣтомъ къ первосвященнику Ахін, сопровождавшему его въ походѣ. Но послѣдній на вопросъ царя не далъ никакого отвѣта. Изъ этого Сауль заключилъ, что кто-нибудь изъ израильтянъ совершилъ грѣхъ. Доискиваясь виновнаго, онъ поклялся, что будь то хотя бы его родной сынъ, онъ неминуемо падетъ жертвою своего грѣха. Народъ очень хорошо зналъ, что этотъ грѣхъ совершилъ Ионатанъ, но не хотѣлъ выдать своего любимца. Тогда Сауль велѣлъ бросить жребій, и такимъ образомъ обнаружилось, что нарушилъ царскій приказъ самъ царевичъ. Несмотря на то, что Ионатанъ тутъ же сознался, что онъ, не зная приказа, поѣлъ немного меду, Сауль еще разъ заявилъ, что жертва должна быть принесена. Но тутъ все войско громко запротестовало и потребовало помилованія царевича, „какъ, — говорили воины, — убить Ионатана, которому одному мы обязаны этой великой побѣдой? Не бывать этому! Ни одинъ волосъ не упадетъ съ его головы!“ Чтобы умиловить царя, народъ принесъ искупительную жертву за своего избавителя, и царю пришлось подчиниться народной волѣ.

Вслѣдствіе этого случая дальнѣйшее преслѣдованіе филистимлянъ пришлось прекратить. Уничтоженные и крайне озлобленные вернулись остатки филистимскаго войска на родину, поклявшись въ скоромъ времени жестоко отомстить израильтянамъ; послѣдніе же ликовали послѣ своей столь неожиданной побѣды. Пораженіе непріателя сильно ободрило ихъ и исполнило надеждой на лучшее будущее. У нихъ теперь уже былъ большой запасъ оружія, отбитаго у непріателя и они готовы были хоть сейчасъ возобновить войну подъ предводительствомъ своего царя, энергію и мужество котораго они усгѣли оцѣнить. Сауль же возвратился въ родную Геву такимъ же скромнымъ земледѣльцемъ, какимъ онъ всегда былъ, и принялся по старому нахать отцовскія поля, точно забывъ, что онъ уже не крестьянинъ, а царь¹⁾. Онъ тогда еще не былъ ослѣвленъ своей властью.

¹⁾ Самуилъ I, XI, 5.

Аммониты въ это время сильно тѣснили заіорданскія колѣна. Почти всѣ земли, отвоеванныя у нихъ Іефтагомъ, опять попали къ нимъ въ руки, такъ какъ гадиты и Манашино полуколѣно не въ силахъ были ихъ удержать. Въ то самое время, когда Саулъ преслѣдовалъ филистимлянъ, аммонитскій царь Нахашъ перешелъ рѣку Яббокъ, вступилъ во владѣнія израильтянъ и осадилъ ихъ укрѣпленный городъ *Явешъ-Гилеадъ*. Жители этой маленькой крѣпостцы не въ силахъ были долго держаться противъ непріятеля и вступили съ Нахашемъ въ переговоры насчетъ капитуляціи. Увѣренный, что совершенно обезсиленные и поработенныя филистимлянами израильскія колѣна съ другой стороны Іордана не придуть къ гилеадитамъ на помощь, аммонитскій царь поставилъ имъ чрезвычайно тяжелыя, безчеловѣчныя условія. Въ знакъ полной покорности всѣ жители осажденнаго города должны были подвергнуться мучительной операціи, — выкалыванію праваго глаза; за это царь обѣщаль оставить ихъ въ живыхъ, обративъ ихъ, разумѣется, въ рабство. Что было имъ дѣлать? Они выпросили себѣ семидневную отсрочку, откровенно объявивъ царю, что они хотять воспользоваться ею для того, чтобы дать знать своимъ соплеменникамъ о своемъ положеніи. „Если по истеченіи недѣли, — заявили они — братья наши не приплюгъ намъ помощи, то мы дадимъ выколоть себѣ глаза“. Нахашъ охотно согласился на эту отсрочку, вполне увѣренный, что поработенныя филистимлянами колѣна по той сторонѣ Іордана ни въ какомъ случаѣ не явятся къ гилеадитамъ на помощь.

Возвратившись однажды съ своей парой воловъ съ поля, Саулъ нашель населеніе Гевы въ большой тревогѣ и въ слезахъ. Удивленный, онъ спросилъ въ чемъ дѣло, и тогда гонцы изъ Явешъ-Гилеада рассказали ему о своемъ несчастіи и о безчеловѣчномъ условіи, продиктованномъ аммонитскимъ царемъ. Крайне возмущенный этимъ условіемъ, принятіе котораго покрыло бы вѣчнымъ позоромъ весь народъ израильскій, Саулъ тутъ же рѣшилъ во что бы то ни стало выручить гилеадитовъ. На этотъ разъ Саулъ впервые воспользовался своей царской властью. Онъ потребоваль, чтобы весь народъ, всѣ колѣна приняли участіе въ этомъ походѣ. Самуилъ, провѣдавъ о положеніи гилеадитовъ, съ своей стороны поддержаль это требованіе и объявилъ, что онъ самъ пойдетъ съ израильтянами за Іорданъ. Убивъ воловъ, которыми онъ пахаль свое поле, Саулъ разрѣзалъ ихъ туши на куски и роздалъ ихъ гонцамъ, отправленнымъ къ сосѣднимъ колѣнамъ, повелѣвъ имъ сказать, что онъ точно такъ, какъ съ этими волами, поступить и съ ними, если они не присоединятся къ нему и къ Самуилу. Израильтяне уже знали, какъ неумолимо строгъ царь въ своихъ требованіяхъ; всѣмъ было извѣстно, что онъ не останавливался даже предъ принесеніемъ въ жертву своего родного сына. Всѣ

сколько нибудь способные носить оружіе мужьяны изъ сосѣднихъ колѣнъ поспѣшили поэтому откликнуться на зовъ царя и прибыли въ сборный пунктъ. Куда дѣвалась рознь эпохи Судей! Каждый израильтянинъ чувствовалъ, что пришелъ конецъ той безурядицѣ, когда каждый дѣлалъ только то, что ему было угодно, нисколько не заботясь о своихъ братьяхъ; чувствовалось присутствие сильной власти, одной всенародной воли, которой нельзя было не подчиниться.

Большая израильская рать перешла черезъ Іорданъ и съ трехъ сторонъ напала на амонитовъ, которые не выдержали стремительнаго натиска значительно превосходившихъ ихъ числомъ израильтянъ и обратились въ бѣгство. Населеніе Явеша было спасено, и за быструю и энергичную помощь, имъ оказанную, навсегда осталось вѣрнымъ и признательнымъ Саулу и его дому. Но не одинъ Явешъ, а вся страна израильская за Іорданомъ чувствовала себя глубоко обязанной царю, такъ какъ онъ не только прогналъ аммонитовъ изъ подъ Явеша, но и вытѣснилъ ихъ изъ Гилеада вообще и такимъ образомъ освободилъ заіорданскія колѣна отъ аммонитскаго ига.

При возвращеніи Саула изъ за Іордана въ Гивею, народъ встрѣчалъ его на всемъ пути радостными кликами по случаю второй его побѣды надъ врагами. Свой восторгъ толпа израильская выразила въ довольно дикомъ требованіи, предложивъ царю казнить всѣхъ израильтянъ, протестовавшихъ противъ его избранія. Саулъ былъ однако настолько благоразуменъ, что рѣшительно отвергъ это требованіе. „Въ день, когда Богъ даровалъ намъ побѣду,—замѣтилъ онъ,—никто не долженъ погибнуть.“ Вѣрный своему пророческому призванію, Самуилъ воспользовался случаемъ, чтобы напомнить народу и самому царю, что они въ оцѣнѣннѣ своей побѣдой не должны забывать, Кому именно они этой побѣдой обязаны, и въ то же время не упускать изъ виду, что царство представляетъ для Израиля не цѣль, а средство. Для того же, чтобы средство это сдѣлать болѣе дѣйствительнымъ, Самуилъ вслѣдъ за тѣмъ созвалъ большое народное собраніе въ Гилгалѣ, которое должно было подтвердить избраніе Саула,—главнымъ образомъ тѣми колѣнами, которые не участвовали въ первомъ избирательномъ собраніи въ Мициѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ Самуилъ имѣлъ въ виду воспользоваться этимъ собраніемъ, чтобы лишній разъ напомнить народу и царю объ ихъ обязанностяхъ къ Богу.

Собраніе въ Гилгалѣ было чрезвычайно многолюдно. Явились старѣйшины и отъ всѣхъ заіорданскихъ колѣнъ. Самуилъ вторично помазалъ Саула на царство при восторженныхъ кликахъ всего собранія, единодушно привѣтствовавшихъ побѣдителя филистимлянъ и аммонитовъ. Старѣйшины освобожденныхъ имъ колѣнъ при этомъ принесли въ честь царя

щедрыя жертвы. Вслѣдъ затѣмъ Самуилъ обратился къ собранію съ большою рѣчью, свидѣтельствующей о его возвышенномъ умѣ, глубокой вѣрѣ и истинномъ патриотизмѣ. Онъ началъ съ того, что, какъ бы мимоходомъ, напомнилъ народу о тѣхъ услугахъ, которыя онъ совершенно безкорыстно ему оказалъ. „Передъ Богомъ и его помазанникомъ-царемъ,—воскликнулъ престарѣлый пророкъ,—скажите, отнималъ ли я когда либо у кого изъ васъ вола или осла, притѣснялъ ли, обидѣлъ ли я кого, получалъ ли отъ кого-нибудь изъ васъ выкупныя деньги,—и я тутъ же возвращу все это тѣмъ, которыхъ я обидѣлъ“. Громко и единогласно отвѣтило на это собраніе: „Никогда ты никому изъ насъ не причинилъ ни малѣйшаго зла!“ Послѣ этого необходимаго всгущенія Самуилъ перешелъ къ самой рѣчи своей. Развернувъ передъ слушателями своими картину славнаго прошлаго Израиля, онъ напомнилъ имъ о тѣхъ великихъ милостяхъ, которыми Господь неоднократно спускалъ избранный имъ народъ. И несмотря на эти милости, на то, что Онъ освободилъ ихъ отъ египетскаго рабства и ввелъ въ Обѣтованную землю, израильтяне вскорѣ забыли своего Избавителя. И за это Онъ покаралъ ихъ руками ханаанейцевъ, филистимлянъ и моавитовъ. Когда же народъ вновь обратился къ своему Богу, онъ смиловался надъ нимъ и послалъ ему героевъ Іерубаала, Варака, Іефтаха и Самсона, которые освободили его отъ ига иноплеменниковъ. „Не взирая на всѣ эти милости,—продолжалъ Самуилъ,—вы пожелали имѣть во главѣ своей царя, хотя единственнымъ вашимъ повелителемъ долженъ быть и остаться единый Богъ вашъ. И вотъ вы нынѣ имѣете царя, котораго сами избрали, а Господь, снисходя къ вашему желанію, утвердилъ. И я говорю вамъ: если вы и царь вашъ будете слѣдовать завѣтамъ Божіимъ, то вы будете счастливы. Если же вы отвернетесь отъ Него, то десница Его, поразитъ васъ и царя вашего“.

Какъ разъ въ тотъ моментъ,—гласитъ преданіе,—когда собравшійся въ Гилгалѣ народъ внималъ рѣчамъ маститаго пророка, небо вдругъ разверзлось страшной грозой, хотя было самое жаркое время года, когда въ Ханаанѣ дождей никогда не бываетъ. Собраніе, усмотрѣвъ въ этой необычайной грозѣ проявленіе Божьяго гнѣва, пришло въ большое смятеніе. Но Самуилъ его успокоилъ, заявивъ, что Господь не гнѣвается на израильтянъ за то, что они ему измѣнили и избрали себѣ царя. Онъ и впредь не оставитъ ихъ своими милостями, но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы они перестали поклоняться нелѣпнымъ идоламъ, которые рѣшительно ничѣмъ не могутъ имъ помочь. Въ заключеніе Самуилъ общалъ собранію, что онъ и впредь не оставитъ народа и царя своими совѣтами и указаніями и попрежнему будетъ заступникомъ ихъ предъ Богомъ.

Рѣшительныя побѣды, одержанныя Сауломъ надъ филистимлянами и аммонитами, и вторичное избраніе его представителями всѣхъ колѣнъ въ Гилгалѣ упрочили положеніе царя и всего царства вообще. Какъ Самуилъ въ своей рѣчи ни прославлялъ эпоху Судей, народъ чувствовалъ, однако, что царь гораздо лучше сумѣетъ его защищать, чѣмъ то дѣлали судьи. Народъ охотно пожертвовалъ своей республиканской свободой ради своего единства и той силы, которую оно одно ему дало. Сауль, напримѣръ, очень хорошо понималъ, что филистимляне не могутъ примириться съ своимъ пораженіемъ у Михмаса и навѣрное попытаются возстановить прежнія отношенія. Царь сталъ поэтому дѣятельно готовиться къ ихъ отраженію. Не довольствуясь этимъ, онъ предпринялъ болѣе обширныя мѣры, цѣлью своей имѣвшія не одну временную защиту того или другого колѣна, но и постоянную оборону всего народа вообще. Рѣшивъ такимъ образомъ обзавестись регулярнымъ войскомъ, онъ сталъ вербовать молодыхъ людей, извѣстныхъ своей физической силой и мужествомъ, и въ короткое время навербовалъ три тысячи добровольцевъ. Одну тысячу изъ нихъ онъ оставилъ гарнизономъ въ Гивеѣ, другую послалъ въ Бетель, а третью, подъ начальствомъ Ионатана, въ Гивеатъ-Веніаминъ. Эти три тысячи челонѣкъ послужили ядромъ для будущей израильской арміи. Удивительно, однако, что Сауль не нашелъ нужнымъ помѣстить постоянный гарнизонъ на филистимской границѣ. Для постоянной арміи нуженъ былъ, разумѣется, и постоянный главнокомандующій. На этотъ важный постъ Сауль назначилъ своего двоюроднаго брата Авнера, который оказалъ ему большія услуги въ его походахъ противъ филистимлянъ и аммонитовъ. Организовавъ такимъ образомъ дѣло обороны страны, Сауль приступилъ къ нѣкоторымъ другимъ нововведеніямъ. Единлично управляя страной, царь нуждался въ надежныхъ помощникахъ, которые безирекословно исполняли бы его волю, блюли бы его царскіе интересы и были-бы преданы ему больше, чѣмъ народу; ему, однимъ словомъ, нуженъ былъ особый штатъ царскихъ слугъ, классъ чиновниковъ. Назначивъ въ помощь главнокомандующему извѣстное число командировъ, по одному на каждую тысячу и на каждую сотню воиновъ, Сауль избралъ себѣ извѣстное число такъ называемыхъ „совѣтниковъ“ и „друзей“. Особый классъ царскихъ слугъ представляли „скороходы“ или „тѣлохранители“ (Razim), послушные исполнители царскихъ приказовъ, одновременно исполнявшіе обязанности полицейскихъ служителей и палачей. Эта вооруженная команда во главѣ со своимъ начальникомъ подчинялась лишь царю; по одному его мановенію она съ спокойной совѣстью могла вырѣзать цѣлый городъ. Начальникомъ этихъ Сауловыхъ тѣлохранителей былъ вѣкій Доегъ, идумеецъ родомъ, перешедшій къ израильтянамъ и принявшій ихъ вѣру. Постоянный гарнизонъ и многочисленный

штатъ царскихъ слугъ сдѣлала Гивею, до того бывшую незначительнымъ городкомъ, столицей, которую стали посѣщать иноплеменные гости. Въ отличіе отъ другихъ одноименныхъ городовъ, эта резиденція получила названіе *Гивеатъ-Саулъ*.

Самуилъ, который по всей вѣроятности не особенно былъ доволенъ всѣми этими новшествами, имѣвшими цѣлью возвеличеніе и упроченіе царской власти, продолжалъ тѣмъ не менѣе поддерживать дружественныя отношенія съ дважды имъ помазаннымъ Сауломъ. Онъ мирился съ этими нововведеніями, какъ съ неизбежными послѣдствіями установленія царской власти и необходимыми ея атрибутами. Онъ продолжалъ вѣрить, что Саулъ и впредь будетъ руководиться его пророческими указаніями. Въ началѣ царь дѣйствительно во всемъ ему подчинился. Такъ, когда пророкъ именемъ Бога потребовалъ, чтобы онъ предпринялъ истребительную войну противъ амалекитовъ, то Саулъ тотчасъ сталъ готовиться въ походъ. Мобилизовавъ свою недавно созданную армію, онъ приказалъ ей собраться въ городъ Теланимъ или Телемъ, въ южной части іегудейской области. Амалекиты были злѣйшими наслѣдственными врагами израильтянъ. Во время странствованія послѣднихъ въ Синайской пустынѣ они первые напали на нихъ и истребили ихъ, усталыхъ и истощенныхъ отъ долгаго странствованія, большое число (стр. 67); впоследствии же, при вступленіи израильтянъ въ Ханаанъ, они преградили имъ дорогу и снова нанесли имъ поражение (стр. 76). И послѣ того это разбойничье племя неоднократно соединялось съ другими туземными народами для совмѣстныхъ набѣговъ на израильскія владѣнія. Ихъ царь Агагъ въ царствованіе Саула повидимому причинялъ не мало зла Іегудиному колѣну. „Его мечъ много женщинъ сдѣлалъ бездѣтными“¹⁾. Самуилъ между тѣмъ дорожилъ сохраненіемъ и упроченіемъ именно этого колѣна, на которое, какъ на наименѣе зараженное язычествомъ и не испорченное городскими нравами, онъ возлагалъ большія надежды въ дѣлѣ физическаго и духовно-нравственнаго оздоровленія всего народа. Усмиреніе амалекитовъ было, однако, дѣломъ весьма нелегкимъ. Царь Агагъ пользовался славой героя и внушалъ большой страхъ сосѣднимъ народамъ, а его поданные были извѣстны, какъ отчаянные храбрецы, весьма искусные въ военномъ дѣлѣ. Саулъ не медлилъ, однако, ни минуты и смѣло предпринялъ этотъ опасный и чрезвычайно трудный походъ: израильскому войству пришлось пройти чрезъ высокія горы и пустыни, пока они добрались до владѣнія амалекитовъ. Въ сосѣдствѣ съ этими хищниками и даже среди нихъ жило мидіанитское племя кевитовъ, поддерживавшее дружественныя сношенія съ Іегудинымъ

¹⁾ Самуилъ I, XV, 33; XIV, 48.

колѣномъ и въ то же время съ амалекитами. Вступивъ съ своимъ войскомъ во владѣнія послѣднихъ, Саулъ прежде всего потребовалъ отъ кенитовъ, чтобы, они удалились оттуда, ибо, помня услуги, нѣкогда оказанныя ими израильтянамъ, онъ не желаетъ причинять имъ зла. Понимая, что ихъ ждетъ въ случаѣ сопротивленія, кениты поспѣшили уйти и тѣмъ значительно ослабили амалекитовъ. Самую войну съ послѣдними Саулъ велъ съ большимъ искусствомъ. а войско его проявило чудеса храбрости. Послѣ долгой борьбы Саулу удалось однажды завлечь непріятеля въ засаду и тутъ нанести ему рѣшительное пораженіе. Ворвавшись затѣмъ въ амалекитскую столицу (Кадешъ?), израильтяне перебили все ея населеніе, съ женщинами и дѣтьми включительно, и взяли въ плѣнъ самого Агага. Лишь небольшая горсть амалекитовъ успѣла спастись и бѣжала въ сосѣдную большую пустыню, по пути въ Египеть. Воинамъ Саула досталась въ руки богатая добыча, награбленная амалекитами во время ихъ разбойничьихъ набѣговъ на торговые караваны, чрезъ ихъ владѣнія направлявшіеся изъ Евфрата въ Египеть. Амалекиты сверхъ того оставили многочисленныя стада крупнаго и мелкаго скота и верблюдовъ. Именемъ Бога Самуилъ приказалъ, чтобы израильтяне не воспользовались этими богатствами, а предали бы ихъ уничтоженію, дабы никакого слѣда отъ амалекитовъ не осталось, и самая память о нихъ исчезла въ народѣ. Воины Саула не хотѣли, однако, разстаться съ столь богатой добычей и рѣшили воспользоваться ею въ награду за неимовѣрныя трудности и лишенія, перенесенныя ими въ походѣ. Саулъ же, обыкновенно столь строгій, на этотъ разъ былъ очень снисходителенъ, вопреки приказанію пророка допустивъ разхищеніе амалекитскаго имущества его воинами. Царь безъ сомнѣнія руководился при этомъ тѣмъ соображеніемъ, что эти богатства нѣсколько поднимутъ благосостояніе народа, сильно разореннаго филистимлянами.

Саулъ весьма гордился своей рѣшительной побѣдой надъ страшными амалекитами. Въ его глазахъ пораженіе филистимлянъ у Михмаса и аммонитовъ у Яवेशъ-Гилеада были ничто въ сравненіи съ этимъ подвигомъ. Самого царя амалекитскаго онъ, также вопреки приказанію Самуила, оставилъ въ живыхъ и въ оковахъ повезъ въ Гивею, какъ живой трофей. Военное счастье совсѣмъ вскружило царю голову, и прежней его скромности какъ будто не бывало. Возвращаясь на родину, онъ въ оазисѣ Кармелѣ приказалъ соорудить монументъ въ память только что одержанной имъ побѣды. Самуилу между тѣмъ явилось пророческое видѣніе, что царь не совсѣмъ точно исполнилъ его приказаніе и что Богъ поэтому отвернулся отъ него. Объ этомъ видѣніи пророкъ долженъ былъ сообщить самому Саулу, но ему трудно было это сдѣлать. Цѣлую ночь, проведенную въ молитвахъ, пророкъ боролся съ самимъ собою, и наконецъ рѣшился

пойти на встрѣчу царю. Но когда онъ по пути узналъ, что Саулъ въ своемъ самоупоеніи дошелъ до того, что самъ воздвигъ себѣ памятникъ вмѣсто того, чтобы смиренно признать, что побѣду надъ амалекитами даровалъ ему одинъ Богъ, то онъ отказался отъ свиданія съ царемъ и вернулся въ Гилгалъ. Къ этому времени сюда собрались старѣйшины всѣхъ сосѣднихъ колѣвъ, чтобы привѣтствовать царя съ его новой побѣдой. Вмѣсто того старѣйшинамъ пришлось, однако, быть свидѣтелями конфликта между царемъ и пророкомъ, ничего хорошаго народу не обѣщавшаго.

Какъ будто не чувствуя за собою ни малѣйшей вины, царь, увидѣвъ пророка, сказалъ ему: „Я исполнилъ повелѣніе Божіе!“ Но Самуиль сурово возразилъ ему: „А что-же означаетъ это блеяніе овецъ, которое я слышу?“ „Народъ—отвѣчалъ Саулъ—пощадилъ лучшихъ овецъ и воловъ, чтобы принести ихъ въ жертву Господу“. При этихъ словахъ пророкъ не могъ болѣе сдержатъ своего негодованія и отвѣчалъ царю слѣдующими знаменитыми словами:

„Ужели Господу такъ же угодны
Всесоженія и жертвы, какъ повиновеніе волъ Его?
Вѣдь послушаніе лучше жертвы
И повиновеніе угоднѣ Богу, чѣмъ тукъ овецъ,
Ибо ослушаніе ведетъ къ изычеству.
А непокорность—къ служенію идоламъ“¹⁾,

„И такъ какъ ты отвергъ велѣніе Божіе,—прибавилъ Самуиль,—то и Онъ тебя отвергаетъ и не признаетъ тебя болѣе царемъ“. Уничтоженный этими многозначительными словами и грознымъ видомъ пророка, Саулъ успѣшилъ сознаться въ своей винѣ и сталъ умолять Самуила, чтобы онъ сопровождалъ его до алтаря, гдѣ онъ падеть ницъ предъ Господомъ и смиренно будетъ молить Его о прощеніи. „Я тебя не знаю больше!“—коротко отвѣтилъ пророкъ и вознамѣрился было уйти, чтобы оставить Гилгалъ. Но тутъ царь, желая его удержать, ухватился за его одежду съ такой силой, что оторвалъ край ея. Самуиль замѣтилъ на это: „Вотъ тебѣ знакъ! Богъ оторвалъ отъ тебя царскій санъ и отдаетъ его болѣе достойному; и если бы даже отъ того пострадалъ весь народъ израильскій, то Онъ не раскается, ибо раскаиваются только смертные“. Но Саулъ не отходилъ и продолжалъ умолять пророка: „Не срами меня по крайней мѣрѣ предъ старѣйшинами моего колѣна и всѣмъ народомъ,—не уходи изъ города!“ Тутъ Самуиль одумался и, когда гнѣвъ его нѣсколько поутихъ, согласился проводить царя къ алтарю, предъ которымъ онъ покаялся въ нарушеніи воли Божіей. Самуиль приказалъ затѣмъ привести

¹⁾ Сам. I, XV, 22-23.

законнаго Агага. Амалекитскій царь плакалъ, причитая: „О, какъ горька смерть!“ Самуиль отвѣчалъ ему:

„Какъ мечъ твой у матерей отнималъ дѣтей,

Такъ пусть и твоя мать лишится своего сына!“¹⁾

и тутъ же приказалъ убить его.

Находившіеся въ это время въ Гилгалѣ старѣйшины при этой сценѣ между пророкомъ и царемъ, по всей вѣроятности, не присутствовали. Но отъ нихъ не могло укрыться, что между ними произошло крупное столкновение. Еще разъ убѣдившись въ томъ, какъ трудно примирить царскую власть съ пророчествомъ, слѣдующимъ однимъ завѣтамъ Божиимъ, Самуиль, глубоко опечаленный, возвратился съ свою родину Раму. Также печально оставлялъ Гилгалъ и Саулъ, возвращаясь въ Гивею. Царь и пророкъ съ тѣхъ поръ стали избѣгать другъ друга. Побѣда надъ амалекитами превратилась для Саула въ поражение: онъ чувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ и униженнымъ. Меланхолія, въ которую онъ впалъ послѣ сцены въ Гилгалѣ и которая впоследствии перешла въ безуміе источникомъ своимъ имѣла грозныя слова пророка о томъ, что Богъ передастъ власть надъ народомъ болѣе достойному, чѣмъ онъ. Эти слова неотступно преслѣдовали царя и тяжелымъ кошмаромъ давили его на яву и во снѣ. И если онъ прежде совсѣмъ не хотѣлъ быть царемъ, то теперь онъ, наоборотъ, ни за что не хотѣлъ разстаться съ своей властью. Но, со всей своей энергіей стараясь удержать ее въ своихъ рукахъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ полную свою безпомощность. Въ самомъ дѣлѣ, что могъ онъ предпринять противъ непримиримаго пророка, совершенно къ тому же его игнорировавшаго? Пустить въ ходъ грубую силу и убить его? Простое благоразуміе должно было подсказать Саулу, что этимъ онъ достигнетъ результатовъ діаметрально противоположныхъ тѣмъ, какихъ онъ добивался, и самъ вызоветъ то, чего онъ пуще всего боялся—народное возмущеніе. Саулъ очень хорошо зналъ, что весь народъ, безъ исключенія, горюю стоитъ за своего любимца, всѣми глубоко-уважаемаго пророка. Оставалось одно: умилюстить Самуила, постараться вернуть себѣ его расположеніе. Но пророкъ рѣшительно избѣгалъ царя; послѣдній для него какъ будто не существовалъ. Эта безвыходность его положенія вмѣстѣ съ мучительнымъ опасеніемъ, какъ бы Самуиль и въ самомъ дѣлѣ не вздумалъ избрать въ цари кого-нибудь другого и представить его народу, какъ болѣе достойнаго носить корону,—все это самымъ удручающимъ образомъ дѣйствовало на душу царя.

Чтобы отдѣлаться отъ этой, гвоздемъ засѣвшей у него въ головѣ, мысли и нѣсколько забыться, онъ вздумалъ воевать. На границахъ цар-

¹⁾ Самуиль I, XV, 33.

ства было еще достаточно враговъ, которыхъ можно или даже необходимо было усмирить. И царь энергично принялся за усмиреніе моавитовъ, аммонитовъ и другихъ, болѣе или менѣе враждебныхъ израильтянамъ, племенъ. Незначительныя то были войны, но онѣ какъ ни какъ давали царю то, чего онъ искалъ, развлекая его и тѣмъ самымъ заставляя его на время забывать упорно преслѣдовавшую его мысль. Когда онъ возвращался въ Гивею, народъ каждый разъ привѣтствовалъ его съ побѣдою и это нѣсколько утѣшало царя въ его горѣ. Въ такіе моменты онъ попрежнему чувствовалъ себя настоящимъ царемъ и могъ льстить себя надеждой, что если народу предложено будетъ выбрать между нимъ и новымъ ставленникомъ пророка, то онъ, помня его заслуги, ему не измѣнитъ. Саулъ не довольствовался, однако, этими побѣдами, и для того, чтобы поднять свой престижъ въ глазахъ народа и пріобрѣсти его расположеніе, придумалъ еще другое средство. Внутри страны, среди самыхъ израильтянъ, но не сливаясь съ ними, продолжали жить кое какіе мелкіе ханаанейскіе народцы или остатки таковыхъ, которые во время завоеванія страны израильтянами по тѣмъ или другимъ причинамъ не были или не могли быть ими вытѣснены. Отъ этихъ язычниковъ между тѣмъ въ массѣ израильской распространялось идолопоклонство и связанные съ этимъ культомъ безнравственные обычаи. Самуилъ въ своихъ проповѣдяхъ и рѣчахъ не уставалъ бороться съ этой язвой, на которую онъ смотрѣлъ, какъ на главную причину политической слабости и нравственнаго вырожденія народа. Саулъ съ своей стороны думалъ, что онъ окажетъ народу громадную услугу и заслужитъ милость Бога и Его пророка, если онъ истребитъ этихъ язычниковъ или изгонитъ ихъ изъ израильской земли. Превратившись такимъ образомъ въ ревнителя вѣры, въ борца за религіозную и національную самобытность народа, царь усердно принялся за искорененіе въ странѣ всѣхъ неизраильскихъ, ино-вѣрныхъ и иноплеменныхъ элементовъ. А такъ какъ инородцы эти были весьма слабы и связи между ними никакой не было, то царю съ его опытной въ военномъ дѣлѣ регулярной арміей не трудно было, конечно, справиться съ ними, тѣмъ болѣе, что особенно разборчивъ на средства Саулъ не былъ. Въ числѣ этихъ народцевъ первое мѣсто занимали гивеониты, которые добровольно подчинились израильтянамъ во время вторженія ихъ въ Ханаанъ и которыми Іошуа вмѣстѣ съ старѣйшинами далъ тогда клятвенное обѣщаніе оставить ихъ въ покоѣ и предоставить имъ навсегда свободное проживаніе въ странѣ. Саулъ нарушилъ эту клятву, устроивъ въ бывшихъ владѣніяхъ ихъ настоящую рѣзню, отъ которой лишь немногіе успѣли спастись. Ихъ городъ Гивеонъ Саулъ отдалъ своимъ родичамъ. Не довольствуясь истребленіемъ ино-вѣрныхъ народцевъ, царь воздвигъ гоненіе также и на кудесниковъ, вызывателей мертвыхъ, оракуловъ и

другихъ чудодѣвъ языческихъ, безпощадно ихъ истребляя. Совершенно вывести этихъ людей онъ, разумѣется, не могъ, потому что пока не переводятся невѣжественные и суевѣрные люди, не понимающіе, что всякія чудеса основаны на самообманѣ, до тѣхъ поръ не можетъ быть недостатка и въ спеціалистахъ, эксплуатирующихъ этотъ самообманъ и поддерживающихъ суевѣріе толпы. Тамъ, гдѣ люди вѣрятъ въ колдовство, неизмѣнно будутъ и колдуны, хотя бы ихъ истребляли огнемъ и мечомъ. Любопытно, что Саулъ и самъ не былъ свободенъ отъ вѣры въ языческихъ чародѣвъ. И если онъ тѣмъ не менѣе съ такой энергіей ихъ преслѣдовалъ, то онъ это дѣлалъ лишь потому, что хотѣлъ прослыть ревнителемъ той вѣры, которая чудотворцемъ признаетъ одного лишь Бога. Саулъ хотѣлъ, чтобы гнѣвавшійся на него пророкъ не могъ упрекать его въ томъ, что онъ не слѣдуетъ по путямъ Вожимъ. Въ усердіи своемъ онъ доходилъ, однако, до того, что сталъ во всѣхъ городахъ воздвигать алтари, хотя пророкъ былъ противъ всякихъ жертвоприношеній. Царь, очевидно, и это дѣлалъ лишь для того, чтобы доказать свою приверженность къ Богу.

Всѣми мѣрами и способами стараясь такимъ образомъ заслужить любовь и уваженіе народа, какъ строгій блюститель Вожихъ законовъ, Саулъ съ другой стороны стремился внушить израильтянамъ благоговѣніе къ своей царской особѣ, изображая изъ себя какое то высшее, недоступное для простыхъ смертныхъ существо и всячески стараясь импонировать народу вѣнчаніемъ блескомъ, которымъ онъ себя окружилъ. Самъ возложивъ на себя золотую корону, онъ не снималъ ее съ головы даже въ походахъ. Этой короной Саулъ хотѣлъ заставить народъ признать его высокое происхожденіе; современники его, которые знали его еще простымъ крестьяниномъ и склонны были обращаться съ нимъ попрежнему какъ съ равнымъ, должны были забыть его прошлое и пріучить себя смотрѣть на него снизу вверхъ, съ подобострастіемъ, какъ на помазанника Вожія и священнаго вѣнценосца. Приближаясь къ его особѣ, подданный обязанъ былъ падать предъ нею ницъ. Саулу казалось, что у будущаго соперника его, которымъ пророкъ ему угрожалъ, при одномъ видѣ его короны и меча пропадетъ охота вступить съ нимъ въ состязаніе за престолъ. Саулъ не пренебрегъ, наконецъ, еще одной привилегіей, которая въ тѣ времена принадлежала царямъ,—правомъ имѣть много женъ, и обзавелся настоящимъ гаремомъ. Къ первой женѣ своей Ахиноамъ, съ которой онъ сочетался бракомъ еще будучи крестьяниномъ, онъ присоединилъ цѣлый рядъ другихъ и въ числѣ ихъ красивую, мужественную Ригу.

Дворъ свой Саулъ обставилъ съ большой по тому времени роскошью. Съ богатой добычей, доставшейся израильтянамъ отъ побѣжденныхъ ими народовъ, и въ особенности отъ амалекитовъ, въ разоренной до того стра-

нѣ мало-по-малу распространилось благосостояніе. Израильтянки стали носить тонкія египетскія ткани, украшая ихъ пурпурными лентами и золотыми уборами. Если простыя дѣвицы могли позволить себѣ такую роскошь, то не трудно представить себѣ, какъ должны были наряжаться жены самого царя и обѣ дочери его, Меравъ и Михаль!

Ведя непрерывныя войны съ вѣншними врагами, усердно очищая страну отъ иновѣрцевъ и тѣшась наружнымъ величіемъ и блескомъ, которымъ онъ себя окружилъ, Саулъ могъ пожалуй съ теченіемъ времени совершенно забыть тѣ грозныя слова, которыми Самуилъ нѣкогда его такъ поразилъ. Но онъ едва успѣлъ придти въ себя, какъ угроза пророка страшнымъ призракомъ стояла уже предъ его глазами. Одѣвшись въ плоть и кровь, этотъ призракъ, въ образѣ прекраснаго юноши, пробрался къ самому его дворцу и очаровалъ его самого. По злой прони судьбы, самъ Саулъ долженъ былъ взлелѣять того, кого онъ такъ боялся; онъ самъ долженъ былъ поднять соперника своего до трона и въ извѣстной степени содѣйствовать его побѣдѣ надъ нимъ самимъ. Онъ самъ, однимъ словомъ, своими руками долженъ былъ приготовить свое пораженіе.

Саулу въ походахъ чаще всего приходилось имѣть дѣло съ филистимлянами, которые никакъ не могли примириться съ пораженіемъ, имъ у Михмаса нанесеннымъ, и съ потерей ихъ господства надъ израильтянами, а, вѣроятно, также и надъ ганаанейцами. Не рѣшаясь выступить противъ израильтянъ большой войной, они безпокоили ихъ частыми набѣгами, опустошая ихъ поля и хлѣбныя амбары, а иногда и уводя въ плѣнъ жителей незащищенныхъ пограничныхъ городковъ и деревень. Саулъ, однако, каждый разъ поспѣвалъ на мѣсто съ своимъ войскомъ, изгонялъ ихъ и жестоко наказывалъ. Большой войны противъ нихъ Саулъ, однако, и самъ не рѣшался предпринять, такъ какъ филистимляне все еще были очень сильны. Обѣ стороны такимъ образомъ долго уклонялись отъ серьезныхъ столкновеній. Въ концѣ концовъ дѣло однажды все-таки дошло до рѣшительнаго боя. Многочисленныя филистимскія полчища перешли границу, вступили во владѣнія Іегудина колѣна и здѣсь на горахъ между Сохо и Асекой расположились большимъ лагеремъ. Саулъ съ своей стороны собралъ всю свою армію и, выступивъ имъ навстрѣчу, разбилъ свой лагерь на сосѣдней горѣ. Нѣкоторое время воюющія стороны стояли другъ противъ друга въ бездѣйствіи, раздѣленные одной лишь долиной. Каждая изъ нихъ боялась первая начать бой.

Въ тѣ времена у всѣхъ народовъ существовалъ примѣнявшійся въ исключительныхъ случаяхъ военный обычай, состоявшій въ томъ, что изъ каждаго лагеря выступала одна, а то и нѣсколько воиновъ и вступали въ единоборство, продолжая его до полнаго истощенія силъ или до гиб-

ли одной стороны. Воинъ, одолѣвшій своего противника, тѣмъ самымъ доставлялъ побѣду своему войску и народу; противная же армія должна была призвать себя побѣжденной и безпрекословно принять условія, продиктованныя побѣдившей стороной. Такого рода поединокъ считался тѣмъ то въ родѣ суда Божія и во всякомъ случаѣ имѣлъ уже то преимущество предъ настоящимъ сраженіемъ, что обѣ стороны избѣгали такимъ путемъ большого кровопролитія. Къ этому то военному обычаю вздумали на этотъ разъ прибѣгнуть филистимляне. Выставивъ своего единоборца, они предложили израильтянамъ избрать изъ своей стороны противника и представить такимъ образомъ рѣшеніе спора поединку. Выставленный филистимлянами борецъ Голіаѳъ изъ города Гата принадлежалъ къ остаткамъ того первобытнаго племени исполиновъ-анакитовъ или рефанмовъ, которые своей необыкновенной силой и страшнымъ видомъ внушали ужасъ всѣмъ народамъ, переселившимся въ Ханаанъ. Голіаѳъ былъ шести локтей росту; онъ носилъ желѣзный шлемъ, огромный чешуйчатый панцырь вѣсомъ въ пять тысячъ шекелей и желѣзные набедренники; на плечѣ онъ носилъ копье, древко котораго напоминало бревно; мечъ же его вѣсилъ шесть тысячъ шекелей. Легенда очевидно впала въ большія преувеличенія, описывая эти детали Голіаѳова вооруженія¹⁾.

Герой, первый выступавшій изъ рядовъ своего войска для того, чтобы вызвать на бой противника, по обычаю, обращался къ непріятельскому войску съ рѣчью, въ которой осыпалъ враждебный народъ и боговъ его оскорбленіями и руганью. Это дѣлалось для того, чтобы заставить другую сторону принять вызовъ и выставить единоборцевъ. Такъ поступилъ и Голіаѳъ. Подойдя къ авангарду, онъ разразился цѣлымъ потокомъ отборной ругани противъ народа израильскаго и его Бога. Въ израильскомъ лагерѣ никто, однако, не рѣшался выступить противъ этого вооруженнаго съ головы до ногъ гиганта; ни одинъ воинъ израильскій не былъ настолько увѣренъ въ себѣ, чтобы взять на свою отвѣтственность казавшійся весьма сомнительнымъ исходъ поединка и поставить на карту независимость всего народа. Саулъ поэтому напрасно искалъ среди своихъ воиновъ единоборца, который рѣшился бы принять вызовъ и помѣряться силами съ Голіаѳомъ. Такому смѣльчаку царь обѣщалъ, въ случаѣ его побѣды, богатые дары, освобожденіе всего его рода отъ податей и воинской повинности и сверхъ того руку одной изъ его дочерей. Но даже въ виду столь соблазнительныхъ наградъ никто въ лагерѣ израильскомъ не рѣшался сразиться съ филистимскимъ богатыремъ. Разрѣшилъ это крайне тревожное положеніе молодой пастухъ изъ близкаго къ театру

¹⁾ Самуилъ II. XXI, 15—22; Парал. I. XX, 5 и слѣд.

войны городка Ветлехема, случайно попавшій въ израильскій лагерь. Этому никому неизвѣстному пастуху суждено было впоследствии произвести перестрогъ въ исторіи израильскаго народа и даже въ судьбахъ всего человечества вообще. Имя *Давидъ*, тогда знакомое однимъ лишь жителямъ мѣстечка или деревни Ветлехемъ, впоследствии сдѣлалось однимъ изъ самыхъ громкихъ именъ всемірной исторіи.

Самуилу, послѣ разрыва его съ царемъ, было свыше внушено, чтобы онъ ~~отправился~~ въ Ветлехемъ и тамъ изъ восьми сыновей престарѣлаго Ишая выбралъ одного въ будущіе царя, на мѣсто Саула, и помазалъ его. Боясь преслѣдованій со стороны царя, пророкъ тайно отъ всѣхъ пошелъ въ Ветлехемъ и, прибывъ на мѣсто, просилъ Ишая представить ему его сыновей. Старшій Эліавъ поразилъ Самуила своей высокой и стройной фигурой, но пророческій духъ внушилъ ему отдать предпочтеніе не вышней красотѣ, какъ онъ это сдѣлалъ, избирая Саула, а внутренней, духовной силѣ. Ни у одного, однако, изъ шести другихъ сыновей Ишая, ему затѣмъ представленныхъ, онъ не нашелъ того, чего искалъ. Пророкъ просилъ наконецъ привести къ нему съ луга, гдѣ онъ пасъ стадо своего отца, самаго младшаго сына Ишая. И когда Самуилъ увидѣлъ этого юношу, его прекрасные чарующіе глаза, его здоровый румянецъ и привлекательную фигуру, онъ тутъ же рѣшилъ, что именно этого Богъ избралъ въ будущіе цари израильскіе. То былъ Давидъ. Пророкъ тутъ же окропилъ его священнымъ елеемъ. Этотъ простой обрядъ, имѣвшій столь важныя послѣдствія, совершенъ былъ въ интимномъ семейномъ кругу и держался въ секретѣ какъ самымъ пророкомъ, такъ и присными Давида.

Отецъ будущаго израильскаго царя былъ незнатнаго рода, какъ всѣ жители Ветлехема. Давидъ былъ еще очень молодъ. Когда Самуилъ помазалъ его на царство, ему было всего восемнадцать лѣтъ; онъ еще мало испыталъ въ жизни и еще меньше успѣлъ сдѣлать. Прекрасныя настища въ окрестностяхъ Ветлехема представляли для него тогда весь міръ. Но въ скромномъ юношѣ таились богатые задатки, которые надо было лишь развить, дать имъ выходъ и примѣненіе, чтобы убѣдиться, что онъ далеко превосходилъ своихъ современниковъ духовно, какъ Саулъ превосходилъ ихъ физически.

Давидъ питалъ большое влеченіе къ поэзи и музыкѣ, и горное эхо въ окрестностяхъ Ветлехема неоднократно вторило его простымъ пастушескимъ пѣснямъ, сопровождаемымъ игрою на первобытномъ струнномъ инструментѣ. Однако, эта врожденная поэтическая жилка не сдѣлала его мечтателемъ и несколько не мѣшала ему смотрѣть на вещи чисто-практическими глазами; при всей своей молодости онъ умѣлъ быстро ориентироваться въ каждомъ данномъ положеніи, примѣняться къ обстоятельствамъ

и разумно пользоваться ими. Въ наружности, въ характерѣ и во всемъ его существѣ было къ тому же столько привлекательнаго и подкупающаго, можно даже сказать, обольстительнаго, что всѣ его окружающіе невольно ему подчинились: это былъ врожденный повелитель. Чарующимъ взглядомъ своимъ онъ привлекалъ къ себѣ самыхъ равнодушныхъ и обезоруживалъ самыхъ злыхъ. Высокія качества его души и ума были, однако, еще скрыты въ немъ, когда Самуилъ его впервые увидѣлъ, и только избраніе его въ цари вызвало къ жизни дотолѣ дремавшія въ немъ силы. „Духъ Божій,—говоря языкомъ того времени,—снизшелъ на него“. Одинъ мигъ былъ достаточенъ для того, чтобы изъ этого юноши сдѣлать человѣка, поднять его настроеніе, вызвать въ немъ сознаніе своей силы, мужество и энергію. Такъ же тайно для всѣхъ, какъ онъ пришелъ въ Бетлехеми, Самуилъ вернулся въ Раму, взявъ съ собою туда своего новаго помазанника. Здѣсь онъ ввелъ его въ кругъ своихъ учениковъ, молодыхъ пророковъ-пѣвцовъ и музыкантовъ. Давидъ получилъ здѣсь возможность развить свой поэтическій даръ и усовершенствоваться въ игрѣ на струнныхъ инструментахъ. Но въ кругу этихъ левитовъ и самого пророка Давидъ научился и кое чему гораздо болѣе важному: познанію Бога и его завѣтовъ. Подъ наитіемъ свыше онъ мало-по-малу проникся вѣрой въ то, что каждое помышленіе его и всякое дѣяніе суть лишь проявленія Воли Божіей, что самъ Господь руководитъ его поступками и требуетъ отъ него взаимнаго полной Ему преданности. Подъ непосредственнымъ влияніемъ и руководствомъ глубоко-религіознаго пророка Давидъ выработалъ въ себѣ такимъ образомъ то спокойствіе духа и неизмѣнную вѣру въ Бога, которой такъ часто не хватаетъ людямъ рядовымъ, то и дѣло приходящимъ въ ужасъ, или впадающимъ въ отчаяніе при каждой бѣдѣ на нихъ обрушивающейся. Въ самые трудные моменты своей жизни, въ наиболѣе опасныхъ положеніяхъ, Давидъ, наоборотъ, никогда не терялся, не поддавался малодушно страху. „Богъ со мною,—говорилъ онъ самому себѣ въ такихъ случаяхъ,—кого же мнѣ бояться? И что можетъ человѣкъ мнѣ сдѣлать?“ Этимъ спокойствіемъ духа, которое дается лишь глубокой вѣрой, и которое впоследствии нашло себѣ такое могучее выраженіе въ его псалмахъ, Давидъ обязанъ былъ главнымъ образомъ непрестанному духовному воздѣйствію на него пророка.

Изъ Рамы Давидъ неоднократно возвращался въ Бетлехеми, оставляя на время орденъ левитовъ для отцовскихъ стадъ. Мужество и вѣра въ свои силы, которыми онъ былъ преисполненъ съ тѣхъ поръ какъ пророкъ помазалъ его въ цари, не оставляли его и въ Бетлехеми, гдѣ онъ по старому пастъ стадо своего отца. Здѣсь въ полѣ на его овецъ однажды напали левъ и медвѣдь. Молодой пастухъ не растерялся, отбилъ сначала

у льва его добычу и затѣмъ одного за другимъ убилъ и льва и медвѣдя. Узнавъ, что израильтяне неподалеку отъ Ветлехема собираются сразиться съ филистимлянами, Давидъ не могъ уже спокойно ходить за своимъ стадомъ и былъ очень радъ, когда отецъ его далъ ему какое-то порученіе къ братьямъ, служившимъ въ израильскомъ войскѣ, такъ какъ представилась возможность побывать въ лагерѣ. Прибывъ на мѣсто, онъ пробрался до авангарда и къ ужасу своему услышалъ, какъ филистимскій богатырь поноситъ израильскій народъ и его Бога, тщетно вызывая кого-нибудь на бой. Робко заявилъ онъ окружающимъ его израильскимъ воинамъ, что онъ былъ бы непрочъ вступить въ единоборство съ проклятымъ филистимляниномъ, изрыгающимъ столь дерзкія хулы на воинство Божіе. Объ этомъ заявленіи смѣлаго юноши немедленно довели до свѣдѣнія царя. Саулъ велѣлъ его привести. Увидѣвъ Давида, царь не могъ надивиться смѣлости этого довольно слабаго на видъ юноши. „Какъ это ты, молодой человѣкъ,—обратился къ нему Саулъ—рѣшаешься вступить въ бой съ могучимъ филистимскимъ богатыремъ?“—„Господь, — отвѣчалъ на это Давидъ,—Который далъ мнѣ силу одолѣть заразъ льва и медвѣдя, поддержитъ меня и въ бою съ этимъ филистимляниномъ“. Наполовину убѣжденный, царь разрѣшилъ Давиду принять вызовъ и предложилъ ему свое собственное вооруженіе. Но Давидъ отклонилъ эту честь, такъ какъ онъ не привыченъ былъ носить тяжелые доспѣхи и выступилъ противъ Голиаѳа, вооруженный одними остроконечными камешками, подобранными тутъ же въ долинѣ. Первый же изъ этихъ камней, брошенный привычною рукой Давида, попалъ Голиаѳу прямо въ лобъ и свалилъ его съ ногъ. Не давъ тяжело-вооруженному и неповоротливому богатырю подняться съ земли, Давидъ быстро подбѣжалъ къ нему, выхватилъ у него мечъ изъ ноженъ и однимъ махомъ отрубилъ ему голову. Увидѣвъ съ горы гибель своего богатыря, котораго они считали неодолимымъ, филистимляне признали себя побѣжденными. Не пытаясь больше продолжать войну, они бѣжали на западъ, чтобы укрыться въ своихъ укрѣпленныхъ городахъ Гатъ и Экронъ. Израильтяне же, воодушевленные побѣдой Давида, бросились въ погоню, преслѣдовали филистимлянъ до воротъ названныхъ городовъ и весьма большое число ихъ перебили.

Съ окровавленной головой сраженнаго богатыря въ рукахъ юный побѣдитель предсталъ предъ Сауломъ, который до того его вовсе не зналъ и впервые лишь теперь услышалъ имя Давида, сына Ишая, изъ Ветлехема. Царь въ ту минуту не имѣлъ ни малѣйшаго предчувствія о томъ, что этотъ скромный юноша, необыкновенному мужеству котораго онъ не могъ не удивляться, когда нибудь сдѣлается тѣмъ соперникомъ его, котораго онъ такъ боялся. Въ этотъ моментъ Саулъ былъ всецѣло поглощенъ

великой радостью своей по случаю только что одержанной побѣды. Его сынъ Ионатанъ съ своей прямой, увлекающейся и самоотверженной душой былъ совершенно очарованъ юнымъ героемъ. Онъ сразу почувствовалъ къ нему влеченіе болѣе сильное, чѣмъ любовь къ женщинѣ. Имя Давида вскорѣ прогремѣло по всей землѣ израильской; изъ устъ въ уста переходила молва о необыкновенной побѣдѣ, одержанной имъ надъ врагомъ, благодаря столько же его смѣлости и ловкости, сколько и его глубокой вѣрѣ въ Бога. Мечъ Голиаѳа въ качествѣ трофея былъ доставленъ въ Новъ и тамъ сохранялся во временной скинни. Давидъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся въ свой родительскій домъ, на память о своемъ подвигѣ взявъ съ собою лишь черепъ Голиаѳа и его вооруженіе.

Въ Бетлехемѣ ему, впрочемъ, на этотъ разъ не долго пришлось пробыть. Роковой приговоръ надъ Сауломъ, нѣкогда произнесенный пророкомъ, началъ уже исполняться, и роль главнаго орудія при исполненіи его пришлось, разумѣется, служить Давиду. Царя снова и съ каждымъ разомъ все больше и больше стали свѣдать тѣ мрачныя опасенія, которыя впервые закрались въ его душу послѣ его столкновенія съ пророкомъ въ Гилгалѣ. Его, безъ сомнѣнія, не мало терзала и мысль о томъ, что онъ, царь и герой, одержавшій столько побѣдъ надъ филистимлянами, амалекитами, аммонитами, на этотъ разъ не могъ справиться съ непріятелемъ и долженъ былъ вручить судьбу сраженія какому то бетлехемскому пастуху. Это должно было для него служить знаменіемъ, что Богъ его совсѣмъ оставилъ. Эти печальныя мысли повергли его въ крайнее уныніе, вскорѣ перешедшее въ настоящую меланхолію; временами у него стали показываться и признаки буйнаго помѣшательства. „Злой духъ нашель на царя“—тревожно шептали другъ другу его слуги. Одна музыка нѣсколько развлекала его, напоминая ему его лучшіе молодые годы, когда онъ самъ участвовалъ въ хорѣ левитовъ и чувствовалъ себя избранникомъ, на которомъ почиетъ Духъ Божій. Приближенные его посовѣтовали ему взять ко двору искуснаго музыканта и пѣвца, рекомендовавъ ему Давида. Сауль согласился и просилъ старика Ишая, чтобы онъ отъ времени до времени отпускалъ къ нему своего младшаго сына, для того, чтобы онъ развлекалъ его своей игрой на арфѣ, своимъ пѣніемъ и пріятными рѣчами. Давидъ, такимъ образомъ, поцалъ ко двору Саула и съ первыхъ же дней очаровалъ царя своимъ умомъ и своимъ искусствомъ. Каждый разъ, когда Сауль впадалъ въ тоску, Давиду стоило лишь ударить по струнамъ своей лютни, чтобы царская хандра мгновенно исчезла. Сауль сильно привязался къ Давиду, полюбилъ его какъ родного сына и, наконецъ, упросилъ Ишая совсѣмъ оставить его при дворѣ. Сауль назначилъ его послѣ этого своимъ оруженосцемъ для того, чтобы постоянно имѣть его при себѣ и пользо-

ваться развлеченіями, которыя онъ ему доставлялъ. Это была первая ступень на пути къ возвышенію Давида. Впрочемъ, не одинъ царь былъ имъ очарованъ: такую же любовью молодой оруженосецъ пользовался и у всего царскаго двора. Больше всѣхъ, однако, привязался къ нему Ионатанъ, симпатіи котораго къ высоко одаренному оруженосцу доходили до обожанія: царевичъ любилъ его больше, чѣмъ своего отца, чѣмъ самого себя. Онъ подарилъ Давиду свое роскошное одѣяніе и свое оружіе и заключилъ съ нимъ братскій союзъ, который долженъ былъ перейти и на нѣхъ потомство. Вторая дочь царя, Михаль, въ свою очередь всей душой полюбила молодого Давида.

При дворѣ Саула Давидъ усовершенствовался въ военномъ искусствѣ, часто мѣняя лютию на мечъ. А такъ какъ храбрости у него не занимать стать было, то онъ вскорѣ сталъ отличатся въ никогда не прекращавшихся въ то время стычкахъ съ туземными племенами, въ которыхъ онъ съ теченіемъ времени сталъ принимать весьма дѣятельное участіе. Замѣтивъ его военныя способности, Саулъ назначилъ его предводителемъ одного изъ своихъ летучихъ отрядовъ, предпринимавшихъ мелкія экспедиціи противъ сосѣднихъ хищниковъ и защищавшихъ границы царства отъ вторженія послѣднихъ. Изъ такихъ экспедицій Давидъ неизмѣнно возвращался въ Гивею побѣдителемъ.

Во время одного изъ этихъ походовъ Давидъ нанесъ однажды филистимлянамъ весьма чувствительное пораженіе. Эта побѣда вызвала большую радость во всей странѣ. На обратномъ пути Давида въ Гивею къ нему изъ многихъ городовъ выходили на встрѣчу женщины и дѣвушки съ тимпанами и литаврами, устраивали въ честь молодого побѣдителя хоро-воды съ пѣніемъ и танцами, радостно привѣтствуя его при этомъ словами: „Саулъ побилъ тысячи, Давидъ же—десятки тысячъ!“ Весьма возможно, что и населеніе самой резиденціи устроило Давиду такую же шумную встрѣчу. Эти восторженныя оваціи по адресу молодого героя открыли, наконецъ, Саулу глаза. Тотъ, „болѣе достойный“, котораго Богъ, по словамъ пророка, избралъ новымъ царемъ надъ Израилемъ; соперникъ, который до того жилъ лишь въ его воображеніи блѣднымъ призракомъ—этотъ страшный фантомъ, стало быть, на самомъ дѣлѣ существуетъ и, вотъ, живымъ человѣкомъ стоитъ предъ его глазами! Но онъ не только существуетъ, онъ—любимецъ народа, любимецъ даже его, самого царя, онъ—побѣдитель, именемъ котораго полна вся страна, герой, покорившій всѣ сердца! Это открытіе глубоко потрясло все существо Саула. „За мною,—говорилъ онъ себѣ,—они считаютъ только тысячи побѣжденныхъ, за нимъ же—десятки тысячъ! Они уже превозносятъ его выше меня! Чего же ему еще не достаетъ, чтобы сдѣлаться царемъ?“ Восторженныя клики при-

вѣтствующаго его съ музыкой и пѣніемъ народа звучали въ ушахъ царя зловѣщей насмѣлкой, напоминая ему грозное слово пророка: „Ты отвергнута Богомъ!“ Любовь его къ Давиду съ этимъ открытіемъ превратилась въ ненависть. Разсудокъ царя сталъ все болѣе и болѣе мутиться и только необыкновенному самообладанію своему онъ обязанъ былъ тѣмъ, что не сошелъ въ это время окончательно съ ума.

Уже на другой день по возвращеніи Давида съ похода противъ филистимлянъ Сауль, въ припадкѣ бѣшенства, два раза подрядъ пытался поразить его своимъ копьемъ, и только во время отскочивъ въ сторону, Давидъ и въ тотъ и въ другой разъ избѣгъ смертельнаго удара. Опомнившись, Сауль въ неудачахъ этихъ увидѣлъ новое доказательство того, что самъ Богъ покровительствуетъ его сопернику. Не осмѣливаясь болѣе налагать руку на избранника Божія и любимца народа, Сауль рѣшилъ не предпринимать дальнѣйшихъ покушеній на жизнь Давида, а вмѣсто того постараться избавиться отъ него съ помощью какой-нибудь хитрости. Во избѣжаніе подозрѣній онъ сталъ осыпать его всякими милостями. Онъ назначилъ его начальникомъ своего отборнаго тысячнаго отряда (Mischma'at), поручилъ ему командованіе въ самыхъ важныхъ сраженіяхъ, сопряженныхъ съ наибольшими опасностями, и предложилъ ему, наконецъ, руку своей старшей дочери Меравъ. Сауль питалъ тайную надежду, что та или другая изъ этихъ „милостей“ избавитъ его, наконецъ, отъ соперника. Дѣло въ томъ, что старшая дочь его въ это время была уже обручена съ однимъ знатнымъ израильтяниномъ, нѣкимъ Адриелемъ изъ Мехолы. Царь рассчитывалъ, что этотъ женихъ не останется равнодушнымъ къ тому, что его суженная попала въ руки другого, и изъ ревности ли, или спасая свою честь, постыдится убить своего счастливаго соперника. Въ случаѣ же, если бы и этотъ планъ не удался, Сауль не сомнѣвался, что онъ раньше или позже найдетъ смерть въ бою съ филистимлянами. Сверхъ всѣхъ ожиданій Саула, Давидъ, однако, счастливо избѣгнулъ и той и другой опасности. Въ отвѣтъ на предложеніе руки Меравъ, Давидъ скромно замѣтилъ, что онъ слишкомъ незнатнаго рода, для того, чтобы удостоиться руки царской дочери. Сауль между тѣмъ узналъ, что его вторая дочь, Михаль, давно уже питаетъ тайную любовь къ Давиду, и черезъ посредство своихъ приближенныхъ сталъ уговаривать послѣдняго просить ея руки. Послѣ неудачи съ одной дочерью царь хотѣлъ воспользоваться любовью другой, для того, чтобы извести ненавистнаго соперника. Въ случаѣ, если бы Давидъ согласился просить руки Михаль, Сауль рѣшилъ вмѣсто богатаго, подобающаго царской дочери выкупа, котораго Давидъ не въ состояніи былъ ему внести, потребовать отъ него иного выкупа. И когда тотъ вслѣдъ затѣмъ дѣйствительно сталъ просить руки Михаль,

то царь вмѣсто выкупа потребовалъ, чтобы онъ въ извѣстный срокъ представилъ ему доказательства, что онъ своими руками убилъ сто филистимлянъ. Давиду для этого пришлось дѣлать непрерывные набѣги на филистимскія владѣнія, причемъ онъ самъ силою и рядомъ подвергался величайшей опасности. Давида это, однако, не останавливало и еще до назначеннаго ему срока онъ представилъ царю безспорныя доказательства, что онъ своими руками умертвилъ вдвое большее число филистимлянъ, чѣмъ царь отъ него требовалъ. Саулъ осталось только сдержать слово и отдать ему свою дочь.

Столь изумительное счастье Давида приводило царя въ бѣшенство. Его смертельный врагъ послѣ всѣхъ набѣговъ на филистимлянъ не только остался здоровымъ и невредимымъ, но еще сталъ суиругомъ его родной дочери! Всѣ его планы, съ помощью которыхъ царь думалъ извести того, кого онъ въ одно и то же время страшился и ненавидѣлъ, не только не привели его къ цѣли, но, наоборотъ, послужили лишь къ дальнѣйшему возвышенію его врага, все больше приближая его къ трону! Саулъ рѣшилъ тогда вернуться къ тому средству, которое онъ до того самъ отвергъ. Не возлагая больше надеждъ на слѣпой случай, который, какъ на зло, всегда оказывался на сторонѣ его врага, онъ рѣшилъ пойти прямо къ цѣли. Онъ сталъ тайно совѣщаться съ своими приближенными и съ своимъ сыномъ Іонатаномъ на счетъ того, какъ бы „устранить“ Давида. Однако и этотъ планъ не удался. Саулъ повидимому не зналъ, какъ крѣпко его сынъ успѣлъ привязаться къ Давиду. Вмѣсто того, чтобы наложить на него руку, Іонатанъ предупредилъ своего друга, что царь рѣшилъ его убить и посоветовалъ ему скрыться. Въ то же время царевичъ всячески старался переубѣдить отца на счетъ намѣреній его друга и примирить ихъ. Онъ обращалъ вниманіе царя на то, что Давидъ не только ничѣмъ предъ нимъ не провинился, но, наоборотъ, оказалъ ему громадныя услуги. Онъ напомнилъ отцу, какую радость онъ самъ испытывалъ послѣ побѣды Давида надъ Голиаѳомъ, побѣды, которой онъ оказалъ народу и царю столь важную услугу. Въ заключеніе Іонатанъ убѣдительно просилъ отца не проливать невинной крови. Сильная привязанность къ другу, любовь къ отцу, желаніе удержать послѣдняго отъ насилія, которое неминуемо навлекло бы на него ненависть всего народа,—всѣ эти разнородныя, но съ одинаковой силой обуревавшія его чувства сдѣлали Іонатана весьма краснорѣчивымъ. И послѣ долгихъ убѣжденій, ему удалось, наконецъ, смягчить сердце царя и переложить его гнѣвъ на милость. Саулъ послѣ этого далъ клятву предъ Богомъ, что онъ оставитъ Давида въ покоѣ. Іонатанъ позаботился о томъ, чтобы самъ Давидъ слышалъ эту клятву и убѣдился въ томъ, что царь не намѣренъ больше покушаться на его жизнь. Довѣряя клятвѣ царя, онъ

вернулся ко двору, не подавая виду, точно ничего не произошло. Ионатанъ же торжествовалъ, радуясь, что ему удалось примирить двухъ одинаково дорогихъ ему людей, миръ и согласіе между которыми могло не мало способствовать водворенію мира и согласія во всей странѣ, тогда какъ вражда между ними угрожала имъ самимъ и всему народу израильскому величайшими несчастіями.

Въ дѣйствительности миръ этотъ оказался, однако, лишь весьма кратковременнымъ перемиріемъ. Первой же побѣды, одержанной затѣмъ Давидомъ надъ филистимлянами, оказалось вполне достаточно для того, чтобы вновь возбудить подозрѣнія больного и крайне мнительнаго Саула и принести его въ ярость. Забывъ свою клятву, онъ однажды въ припадкѣ бѣшенства опять метнулъ въ Давида своимъ копьемъ. Давидъ, однако, и на этотъ разъ счастливо избѣжалъ опасности, во время отскочивъ въ сторону. Послѣ этого новаго покушенія Давидъ рѣшилъ, что съ его стороны было бы безуміемъ оставаться въ одномъ домѣ съ человѣкомъ, который въ ненависти своей доходитъ до клятвопреступленій и котораго галлюцинаціи совершенно лишили разсудка. Въ ту же ночь Давидъ бѣжалъ въ свой родительскій домъ, въ Бетлегема. Усмотрѣвъ въ этомъ бѣгствѣ доказательство злыхъ намѣреній Давида, разсвирѣпѣвшій Саулъ отправилъ за нимъ въ погону своихъ тѣлохранителей, приказавъ имъ окружить домъ Ишая и схватить Давида. Саулъ такимъ образомъ окончательно сбросилъ маску, которую онъ до тѣхъ поръ считалъ необходимымъ носить предъ народомъ, и сталъ преслѣдовать своего „врага“ не тайно, а открыто, на виду у всѣхъ. Но въ своемъ безуміи онъ очевидно не замѣчалъ, или забылъ, что въ борьбѣ его съ Давидомъ его же родныя дѣти были противъ него и на сторонѣ несправедливо преслѣдуемаго. Узнавъ о приказѣ царя, дочь его, супруга Давида, Михаль въ ту же ночь извѣстила его объ этомъ и заставила его бѣжать. Когда явившіеся затѣмъ на разсвѣтѣ тѣлохранители ворвались въ домъ Ишая съ тѣмъ, чтобы схватить Давида, Михаль заявила имъ, что ея супругъ боленъ. Увѣдомленный объ этомъ, Саулъ приказалъ, чтобы Давида доставили къ нему въ кровати. Тогда Михаль положила въ кровать наскоро состряпанную куклу, укрывъ ее одеялами такъ, что тѣлохранители не сомнѣвались, что въ кровати лежитъ больной Давидъ. Увидѣвъ эту куклу, Саулъ разразился проклятіями противъ своей дочери, насмѣявшейся надъ нимъ ради ея супруга. Давидъ же къ этому времени успѣлъ уже прибыть въ Раму, скрывшись въ домѣ Самуила.

Горько жаловался Давидъ престарѣлому пророку на жестокія преслѣдованія, которымъ онъ подвергался со стороны царя. Пророкъ всячески утѣшалъ его, но совѣтовалъ ни въ какомъ случаѣ не поднимать воз-

ставія. Самуиль во что бы то ни стало хотѣлъ избѣгнуть гражданской войны, которая только ослабила бы народъ. Ничего другого Самуиль не могъ для него сдѣлать, какъ только дать ему пріютъ въ мѣстечкѣ Науатъ (или Напотъ) близъ Рамы. Здѣсь на одномъ возвышеніи стоялъ храмъ съ алтаремъ, который считался священнымъ пріютомъ для бѣглецовъ. Сауль, однако, въ своемъ безуміи такъ глубоко палъ уже, что не отступилъ и предъ нарушеніемъ святости этого убѣжища. Какъ только онъ узналъ, что Давидъ скрывается въ Науатъ, онъ немедленно отправилъ туда отрядъ тѣлохранителей съ приказомъ арестовать его. Но, прибывъ къ храму во время богослуженія и услышавъ торжественное пѣніе левитскаго хора вмѣстѣ со стройной игрой струнныхъ инструментовъ, слуги царскіе были, по преданію, такъ очарованы этой музыкой, что забыли о царскомъ приказѣ и совсѣмъ не вернулись въ Гивею. То же самое произошло и со вторымъ и съ третьимъ отрядомъ, которые Сауль продолжалъ посылать въ Раму и Науатъ. Царь, наконецъ, и самъ отправился туда. Но пѣніе и игра молодыхъ пророковъ и его привели въ такой экстазъ, что онъ упалъ на землю и въ припадкѣ внезапно нашедшаго на него безумія разорвалъ свои одежды и метался по землѣ цѣлыя сутки. Эта сцена вызвала въ народѣ насмѣшливую поговорку: „И Сауль среди пророковъ!“

Опасаясь, какъ бы царь въ этомъ припадкѣ не вздумалъ самъ его убить, Давидъ рѣшилъ опять бѣжать. Но куда? Во всей землѣ израильской не было такого мѣста, куда бы царскіе слуги не могли проникнуть, чтобы схватить его и умертвить. Сауль между тѣмъ возвратился въ Гивею, какъ будто нѣсколько успокоенный. Онъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ, что произошло съ нимъ въ Науатъ, точно тамъ ничего и не было. Замѣтивъ это настроеніе царя, Ионатанъ рѣшилъ еще разъ попытаться помирить его съ Давидомъ, съ этой цѣлью уговоривъ послѣдняго прійти тайкомъ въ Гивею. На этотъ разъ Давидъ былъ очень остороженъ и заявилъ Ионатану, что онъ протянетъ царю руку лишь послѣ того, какъ онъ подвергнетъ отца своего самому строгому испытанію, изслѣдуетъ всѣ „изгибы его сердца“ и доподлинно убѣдится, что въ нихъ не осталось и слѣда ненависти къ тому, кого царь считалъ своимъ врагомъ. Но едва Ионатанъ заговорилъ съ нимъ о Давидѣ, какъ Сауль опять пришелъ въ гнѣвъ, назвалъ его недостойнымъ сыномъ, позорно вступившимъ въ заговоръ съ его врагомъ. Когда же Ионатанъ вступился за своего несправедливо оскорбляемаго друга, Сауль, не долго думая, со всей силы бросилъ въ него копье намѣреваясь его убить. Счастливо избѣгнувъ удара, Ионатанъ могъ лишь посоветовать Давиду, чтобы онъ поскорѣе и подальше ушелъ отъ великаго царскаго гнѣва. Друзья на прощанье обнялись и разставаясь долго плакали.

Давидъ очень хорошо зналъ, что Саулъ и впредь не оставитъ его въ покоѣ. Куда же онъ могъ направить свои стопы? На всемъ пространствѣ земли израильской для него не было безопаснаго уголка. Скрѣпя сердце онъ рѣшилъ поэтому просить пріюта у филистимскаго царя Ахиша, который, какъ ему казалось, будетъ радъ оказать ему гостепрѣимство, чтобы избавиться такимъ образомъ отъ опаснаго врага и обезпечить свои владѣнія отъ его набѣговъ. Но въ томъ видѣ, въ какомъ онъ тогда былъ, онъ не могъ явиться къ филистимскому царю: у него не было ни оружія, ни необходимой провизіи на дорогу. Давидъ отправился поэтому предварительно въ священнослужительскій городъ Новъ для того, чтобы запасити тѣмъ и другимъ. Онъ былъ увѣренъ, что первосвященникъ не откажется снабдить его, военачальника и зятя самого царя, всѣми необходимыми. Во главѣ священнослужителей въ Новѣ стоялъ тогда одинъ изъ внуковъ Эліи, Ахимелехъ, по всей вѣроятности, братъ того Ахи, который сопровождалъ Саула въ его походахъ. Ахимелехъ дѣйствительно снабдилъ Давида оружіемъ и провизіей, и при этомъ предсказалъ ему, что его предпріятіе увѣнчается успѣхомъ. Изъ Нова Давидъ отправился въ филистимскую столицу Гать. Онъ, повидному, еще до того успѣлъ говорить съ Ахисемъ, такъ какъ тотъ принималъ его съ большими почестями и далъ ему весьма важное мѣсто при своемъ дворѣ. Приближеннымъ Ахиша и всему народу филистимскому не нравилась, однако, эта дружба ихъ царя съ закоренѣлымъ врагомъ ихъ, котораго израильтяне послѣ побѣды его надъ ними восторженно привѣтствовали словами: „Саулъ побилъ тысячи, Давидъ же десятки тысячъ филистимлянъ!“ Отъ Давида не укрылось враждебное настроеніе противъ него слугъ Ахиша, которые, повидному собирались его убить. И чтобы спастись отъ нихъ, онъ прибѣгнулъ къ хитрости, прикинувшись безумнымъ. Въ древности на помѣшанныхъ смотрѣли, какъ на людей; въ которыхъ вселился Божій духъ, и они считались поэтому неприкосновенными. Ахишъ, отъ котораго, вѣроятно, не укрылась хитрость Давида, самъ позаботился о томъ, чтобы онъ невредимымъ оставилъ его страну. „Развѣ въ моей землѣ,—сказалъ онъ своимъ слугамъ, когда они привели къ нему Давида,—мало безумныхъ, что вы привели мнѣ еще и этого?“ И тутъ же приказалъ проводить его до израильской границы.

Очутившись снова въ родной землѣ, Давидъ сталъ думать, гдѣ бы ему найти укромное мѣсто для пріюта. Ему было извѣстно, что на западныхъ склонахъ Іудейскихъ горъ нѣвется немало пещеръ съ обширными подземельями, гдѣ окрестные пастухи часто укрывались въ непогоды съ своими стадами. Одну изъ этихъ пещеръ, въ окрестностяхъ города Адудлама, Давидъ и избралъ себѣ убѣжищемъ. Прослышавъ объ этомъ, роди-

тели его и родные присоединились къ нему, по всей вѣроятности, чтобы уйти отъ преслѣдованія Саула. Сюда же со всѣхъ сторонъ стали стекаться недовольные, гонимые, искатели приключеній и удалыцы. Припкнувъ къ Давиду, эти бродячіе люди объявили его своимъ вождемъ, поклявшись защищать его отъ преслѣдованій Саула. Между ними было немало людей необыкновенной отваги и большой энергіи, не отступавшихъ ни предъ какой опасностью, но немало и людей готовыхъ на всякое преступленіе. Тутъ были, во первыхъ, три двоюродныхъ брата Давида, *Иовъ, Авишай* и *Асаиль*, юноши съ пылкой душой подъ руководствомъ Давида, сдѣлавшіеся героями; *Элхананъ*, другой родственникъ Давида, подобно ему впоследствии одолѣвшій филистимскаго богатыря; три юноши, прославившіеся позже своими безумно смѣлыми подвигами, *Иешовеамъ* изъ города Хамона, *Элеазаръ* изъ Ахоха и *Шама*, сынъ Ага, изъ какой-то мѣстности въ Эфраймовыхъ горахъ; *Бенаягу* сынъ Іоады, изъ города Кабціеля, самаго южнаго во владѣніяхъ Іегудина колѣна, убившій однажды льва въ его пещерѣ и совершившій много другихъ подвиговъ. Эти и еще другіе храбрецы образовали ядро воинственной дружины, получившей названіе „героевъ“ (*Gibborim*). Присоединился къ Давиду и одинъ священнослужитель, молодой пророкъ изъ Самуилова левитскаго ордена, *Гадъ*, своими совѣтами и предсказаніями руководившій Давидомъ въ его дальнѣйшихъ предпріятіяхъ. Постепенно такимъ образомъ вокругъ Давида собралось до четырехсотъ человекъ, которые всѣ нашли пріютъ подъ обширными сводами адулламской пещеры.

На первое время, однако, эта толпа на все готовыхъ смѣльчаковъ большой пользы Давиду принести не могла. Войны съ царемъ онъ и не думалъ вести. Въ его глазахъ Саулъ всегда былъ и остался помазанникомъ Божиимъ, священной особой, на которую никто не смѣлъ безнаказанно поднимать руку. Глубокая вѣра, которая не оставляла Давида и въ самыя трудныя минуты его жизни, не позволяла ему къ тому же прибѣгать къ оружію въ видахъ самопомощи. Адулламская дружина во всякомъ случаѣ могла служить ему защитой на случай внезапнаго нападенія со стороны Сауловыхъ тѣлохранителей. Въ полной безопасности Давидъ однако и въ этой пещерѣ и съ такой охраной себя не чувствовалъ. Тяготясь своимъ безцѣльнымъ сидѣніемъ въ добровольномъ илѣну, Давидъ, прежде чѣмъ уйти отъ него, постарался найти пріютъ для своихъ родителей, гдѣ бы они не подвергались опасности погибнуть жертвами царскаго гнѣва. Съ этой цѣлью онъ самъ отвелъ ихъ въ страну моавитовъ, съ царемъ которыхъ онъ нѣкогда поддерживалъ дружественныя отношенія. Трудно установить, какой именно путь Давидъ и дружина, его сопровождавшая, избрали, чтобы попасть за Іорданъ, по ту сторону Мертваго моря не будучи

замѣченными Сауломъ. Если бы они перешли Иорданъ гдѣ нибудь къ сѣверу отъ Мертваго моря, то это едва ли могло бы укрыться отъ Сауловыхъ соглядатаевъ; съ меньшей опасностью соприженъ былъ и обходъ Мертваго моря съ юга, чрезъ пустыню, ибо тутъ дружинѣ Давида пришлось бы на каждомъ шагу имѣть дѣло съ мѣстными разбойничьими племенами. Остается такимъ образомъ допустить, что Давидъ, со своимъ отрядомъ перешелъ Мертвое море вбродъ. И въ наше время въ этомъ обширномъ озерѣ довольно много мелкихъ мѣсть.

Моавитскій царь дружественно принялъ Давида и его дружину и въ качествѣ временнаго мѣстопробыванія отвелъ имъ одно укрѣпленное мѣсто на горѣ Мицпе-Моавъ. Отсюда Давидъ вступилъ въ переговоры и съ аммонитскимъ царемъ Нахашемъ, тѣмъ самымъ, котораго Саулъ нѣкогда разбилъ на голову подъ Явешъ-Гилеадомъ. Нахашъ былъ весьма радъ увидѣть у себя Давида, котораго онъ считалъ врагомъ его врага, Саула. Самъ Давидъ, повидному, имѣлъ намѣреніе надолго остаться въ странѣ Моавъ, но сопровождавшій его пророкъ Гадъ воспротивился этому и посоветовалъ ему вернуться на родину. Продолжительное пребываніе въ странѣ язычниковъ, по мнѣнію пророка, было равносильно присоединенію къ языческой вѣрѣ. Давидъ въ виду этого возвратился въ Иудею и здѣсь нѣкоторое время скрывался съ своею дружиною въ одномъ лѣсу возлѣ Кеилы, къ югу отъ адуламской пещеры, своего прежняго убѣжища. Избѣгая открытыхъ столкновеній съ Сауломъ, Давидъ долженъ былъ всячески скрываться. Но онъ каждую минуту могъ ожидать, что кто-нибудь его выдастъ, такъ какъ онъ не могъ совсѣмъ порвать сношенія съ внѣшнимъ міромъ и вмѣстѣ со своею дружиною жить на пищѣ св. Антонія. Недостатка въ припасахъ онъ, правда, не ощущалъ, такъ какъ сосѣди израильтяне изъ его роднаго Иегудина колѣна, которое его любило и почитало еще больше, чѣмъ всѣ прочія, исправно снабжали его всѣмъ необходимымъ. Но могъ ли онъ быть увѣренъ, что среди тѣхъ, которые доставляли ему эти припасы, не найдется какой нибудь предатель, который донесетъ слугамъ Сауловымъ, гдѣ именно онъ скрывается. Давидъ жилъ поэтому въ непрерывной тревогѣ. Саулъ, однако, испытывалъ еще большія волненія. Его больному воображенію мерещилось, что Давидъ только о томъ и думаетъ, какъ бы его свергнуть съ престола. Душевные муки его усугубляла еще увѣренность, что его родной сынъ Ионатанъ держитъ сторону Давида и принимаетъ участіе въ заговорѣ. Всѣ помысленія его, всѣ его заботы были направлены поэтому къ одной цѣли,—къ тому, чтобы открыть мѣстопробываніе Давида и раздавить его вмѣстѣ со всѣми родными его и приверженцами. Всецѣло поглощенный этой мыслью, царь забросилъ всѣ дѣла по управленію страной и ея оборонѣ и не выступалъ больше противъ

Филистимлянь, которые снова подняли голову и, пользуясь безнаказанностью, возобновили свои набѣги на владѣнія израильтянь. Воспользовавшись продолжительнымъ и безвѣстнымъ отсутствіемъ Давида, Саулъ отдалъ жену его и свою дочь Михаль въ жены другому, чтобы уничтожить родство съ нимъ. Самого Давида ему, однако, никакъ не удавалось схватить, несмотря на то, что онъ непрерывно разсылалъ во всѣ концы страны соглядатаевъ для того, чтобы выслѣдить его и схватить. Крайне раздраженный этими постоянными неудачами, онъ однажды на народномъ собраніи разразился грубой бранью противъ своихъ вѣрныхъ слугъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они нисколько не жалѣютъ своего царя и не прилагаютъ никакихъ стараній къ тому, чтобы избавить его отъ его смертельнаго врага. Оскорбленный этими несправедливыми обвиненіями, или просто изъ злобы противъ Давида, начальникъ царскихъ тѣлохранителей, Доегъ, донесъ царю, что первосвященникъ Ахимелехъ въ Новѣ на его, Доега, глазахъ снабдилъ бѣлаго Давида провизіей, вручилъ ему мечъ Голиаа и даже вопрошалъ для него Бога. Это сообщеніе привело Саула въ страшный гнѣвъ. „Какъ,—возопилъ онъ,—я изъ ничтожества поднялъ этихъ священниковъ. я создалъ для нихъ храмъ, а они въ благодарность за мои милости оказываютъ поддержку моему врагу!“ И тутъ же велѣлъ схватить всѣхъ священнослужителей, числомъ восемьдесятъ пять, и доставить ихъ въ Гивею. Ахимелехъ напрасно клялся царю, что онъ не знаетъ о причинѣ бѣгства Давида и не могъ не снабдить пищей и оружіемъ царскаго зятя и перваго военачальника. Саулъ никакихъ оправданій слушать не хотѣлъ и приказалъ умертвить всѣхъ священнослужителей. Тѣлохранители не рѣшались, однако, вложить руку на потомковъ Арона, и обязанности палача пришлось принять на себя иноплеменнику Доегу, который одянь своими руками казнилъ первосвященника Ахимелеха, его семью и всѣхъ священнослужителей. Не довольствуясь этимъ и для примѣрной острастки своимъ врагамъ, Саулъ приказалъ перебить также всѣхъ жителей Нова, съ женами ихъ и дѣтьми. Даже скотъ не былъ пощаженъ.

Эти ужасныя казни были не только величайшимъ преступленіемъ, но и величайшей глупостью. Порвавъ сношенія съ пророкомъ, Саулъ во всякомъ случаѣ не долженъ былъ вооружать противъ себя священство. Въ своемъ безуміи царь, между тѣмъ, рѣшительно все дѣлалъ для того, чтобы нажить какъ можно больше враговъ и приобрести для того, кого онъ считалъ своимъ смертельнымъ врагомъ, возможно больше друзей. Одинъ изъ сыновей Ахимелеха, Авіатаръ, какимъ-то чудомъ спасшійся отъ рукъ палача Доега, бѣжалъ къ Давиду и принесть ему извѣстіе о повальномъ избіеніи священнослужителей. Давидъ былъ глубоко опечаленъ, считая себя виновникомъ этого несчастія. Чтобы загладить свою вину предъ Авіата-

ромъ, онъ поклялся ему въ вѣчной дружбѣ и обѣщалъ оберегать его отъ царскаго гнѣва, „какъ зѣницу ока“. Въ тотъ моментъ, однако, Авіатаръ могъ быть болѣе полезенъ Давиду, чѣмъ Давидъ ему. Онъ привезъ съ собой изъ Нова спасенный имъ эфодъ, съ помощью котораго священнослужители предсказывали будущее, и такимъ образомъ своими пророческими указаніями могъ оказать Давиду въ его безвыходномъ положеніи весьма цѣнныя услуги. Съ своей стороны и Саулъ не оставался безъ такихъ указаній. Не умѣя обходиться безъ нихъ, онъ розыскалъ одного ароніа изъ другой семьи, который сдѣлался его оракуломъ, и во всѣхъ важныхъ случаяхъ вопрошалъ для него Бога. Повидимому, это былъ тотъ Ахитувъ (II), сынъ котораго, Цадокъ, впоследствии сдѣлался преемникомъ новскихъ первосвященниковъ. вмѣсто разрушеннаго имъ храма Саулъ построилъ другой въ Гивеонѣ, гдѣ жили его родственники и гдѣ съ помощью послѣднихъ царь могъ имѣть болѣе бдительный надзоръ за первосвященникомъ, дабы онъ не вѣдожилъ въ сношенія съ Давидомъ.

Пользуясь безурядицей, водворившейся въ землѣ израильской съ тѣхъ поръ, какъ царь, пренебрегая обороной страны, всецѣло отдался преслѣдованію Давида, филистимляне возобновили свои хищническіе набѣги на пограничныя израильскія области. Ворвавшись однажды во владѣнія Іегудина колѣна, они заняли городъ Кеилу. Давидъ, скрывшійся съ своей дружиной въ сосѣднемъ лѣсу, рѣшилъ прійти на помощь этому городу и обратился поэтому за указаніемъ къ произведенному имъ въ первосвященники Авіатару. Послѣдній благословилъ его на подвигъ и Давидъ, собравъ свой отрядъ, пошелъ къ Кеилѣ, напалъ на филистимлянъ, разбилъ ихъ на голову и обратилъ въ бѣгство. Населеніе спасеннаго имъ города съ радостью привѣтствовало его, какъ своего избавителя. Давидъ нашелъ такимъ образомъ надежный пріютъ, такъ какъ Кеила была укрѣплена. Пребыванія его въ этомъ городѣ было, однако, непродолжительно. Какъ только Саулъ отъ своихъ соглядатаевъ узналъ, что Давидъ заперся въ этомъ укрѣпленіи, онъ немедленно отправился туда самъ съ цѣлой арміей, намѣреваясь осадить этотъ городъ и заставить его населеніе выдать ему того, кто ихъ только что спасъ отъ филистимлянъ. Давидъ, который и самъ имѣлъ своихъ развѣдчиковъ, своевременно узналъ объ этомъ намѣреніи Саула, а такъ какъ Авіатаръ въ то же время сообщилъ ему, что жители Кеилы не замедлятъ выдать его царю, то Давидъ успѣшилъ оставить этотъ городъ. Не считая себя въ безопасности во всей западной части Іуден, по сосѣдству съ филистимской границей, Давидъ перешелъ въ восточную ея половину, въ такъ называемую Іудейскую стѣну, по сосѣдству съ пустыней, окружающей съ юга Мертвое Море¹⁾.

¹⁾ Сам. I. XXIII, 14.

Но и тутъ Давидъ долженъ былъ скрываться въ разныхъ потаенныхъ мѣстахъ, такъ какъ гѣлохранители царскіе и здѣсь гнались за нимъ по пятамъ. Переходя съ мѣста на мѣсто, онъ наконецъ, прибѣжище на одной горѣ близъ города Зифа, къ юго-востоку отъ Хеврона. Отсюда Давидъ завязалъ сношенія съ жителями послѣдняго города, служившаго въ то время резиденціей знатнѣйшихъ семействъ Іегудина колѣна. Саулъ напрасно гнался за нимъ со своими войнами, такъ какъ іегудеи не выдавали своего любимца. Ионатану, однако, удалось розыскать Давида и принести ему радостную вѣсть, что его отецъ начинаетъ мириться съ мыслью о томъ, что онъ будетъ его преемникомъ. Давидъ готовъ былъ уже повѣрить, что насталъ конецъ его скитаніямъ, какъ вдругъ ему донесли, что жители Зифа открыли его мѣстопробываніе Саулу. Царь былъ счастливъ, что попалъ, наконецъ, на слѣдъ своего врага, за которымъ онъ такъ долго и напрасно гнался, и, приказавъ зифейцамъ строго слѣдить за Давидомъ, послѣдовалъ на мѣсто съ сильными отрядами. Давидъ, однако, обо всемъ этомъ во время узналъ и прежде, чѣмъ Саулъ послѣлъ въ Зифъ, онъ съ своими удалцами былъ уже въ степи Маонъ. Неугомимый Саулъ и сюда погнался за нимъ и, настигнувъ его, окружилъ со всѣхъ сторонъ холмъ, на которомъ онъ укрѣпился. Еще немного, и Давидъ со всей своей дружиной попалъ бы въ руки Саула, какъ вдругъ гонецъ прибылъ въ царскій лагерь съ извѣстіемъ, что филистимляне, воспользовавшись отсутствіемъ царя, ворвались въ страну и производятъ большія опустошенія. Саулъ долженъ былъ оставить на время Давида и послѣдовать навстрѣчу филистимлянамъ. Разбивъ непріятельскую рать, онъ тотчасъ же вернулся въ Маонскую степь, чтобы схватить, наконецъ, Давида. Но послѣдній успѣлъ тѣмъ временемъ уйти дальше въ глубь пустыни, къ оазису Энгади, у Мертваго моря. Кругомъ этого оазиса вся страна представляетъ необыкновенно мрачную, уныніе наводящую, пустыню, съ одиными голыми черными скалами, круто поднимающимися изъ воды къ небу. Въ глубокихъ и темныхъ ущельяхъ этихъ скалъ и въ пещерахъ окружающихъ горъ Давидъ думалъ найти вѣрное убѣжище. Саулъ, однако, и здѣсь его разыскалъ. Гонимый за нимъ, царь съ своими приближенными вошелъ однажды въ одну пещеру, столь обширную и темную, что не замѣтилъ Давида и его товарищей, которые притаившись лежали тутъ же въ глубинѣ подземелья. Не слушая своихъ друзей, которые совѣтовали ему воспользоваться благопріятнымъ моментомъ и тутъ же покончить съ безумнымъ царемъ, Давидъ ограничился тѣмъ, что тихо подошелъ къ Саулу и отрѣзалъ у него край его одежды. Когда же царь, не замѣтивъ этого, удалился изъ пещеры, то Давидъ вышелъ вслѣдъ за нимъ и, показавъ ему отрѣзанный отъ его одежды лоскутъ, обратился къ нему съ слѣдую-

щими словами: „Ты, царь, преслѣдуешь меня по пятамъ, какъ лютаго врага своего, а между тѣмъ ты сейчасъ былъ въ моихъ рукахъ, а я ничего дурного тебѣ не сдѣлалъ. Пусть-же Богъ насъ съ тобою разсудить!“ Тронутый великодушiемъ Давида, Саулъ заплакалъ и сказалъ: „Ты правъ, сынъ мой, ибо ты дѣлалъ мнѣ одно добро, а я платилъ тебѣ за него зломъ. Я знаю, что ты будешь царствовать во Израилѣ, но поклянись мнѣ, что ты послѣ моей смерти не истребишь моего потомства, и я оставляю тебя въ покоѣ“. Давидъ поклялся, и царь удалился съ своимъ отрядомъ... для того, чтобы на другой-же день возобновить свои преслѣдованiя.

Жители города Зифа, куда Давидъ вернулся послѣ встрѣчи съ царемъ, вторично донесли о томъ Саулу, очевидно разсчитывая, что Давидъ на этотъ разъ непременно попадетъ въ руки царя и они получатъ награду за свое предательство. Получивъ это донесенiе, Саулъ съ наскоро собраннымъ отрядомъ отправился въ новую погоню за Давидомъ. Неподалеку отъ Зифа царь и его воины, утомленные длиннымъ переходомъ, расположились на отдыхъ у подошвы одного холма и вскорѣ заснули. Издали замѣтивъ это, Давидъ въ сопровожденiи Авишая пробрался въ царскiй лагерь, гдѣ все было погружено въ глубокой сонъ; не слушая своего спутника, который и тутъ совѣтовалъ ему однимъ ударомъ меча избавиться отъ своего мучителя, Давидъ взялъ у царя лишь его копьё и сосудъ для воды, и никѣмъ незамѣченный, ушелъ на вершину холма, гдѣ былъ его лагерь. Взобравшись на холмъ, онъ сталъ громко звать по имени царскаго военачальника Авнера такъ, что воины въ Сауловомъ лагерѣ проснулись. Давидъ упрекалъ Авнера въ томъ, что онъ такъ плохо охраняетъ своего царя, что онъ, Давидъ, могъ убить его, но удовольствовался лишь тѣмъ, что унесъ его копьё и сосудъ. Саулъ опять долженъ былъ признать, что былъ несправедливъ къ Давиду, и еще разъ поклялся, что онъ больше не станетъ его преслѣдовать.

Горькимъ опытомъ познавъ цѣну Сауловыхъ клятвъ, Давидъ рѣшилъ не рисковать болѣе своей жизнью, жизнью своихъ родныхъ и оставшихся ему до конца вѣрными дружинниковъ. Къ тому же ему и всѣмъ его сподвижникамъ сильно наскучила скитальческая жизнь въ пустынѣ, исполненная непрерывныхъ тревогъ и тяжелыхъ лишенiй. Необходимѣйшiе припасы Давиду и его людямъ приходилось либо выпрашивать у сосѣднихъ жителей, либо добывать угрозами. Крестьяне и пастухи тѣхъ мѣстностей, по которымъ они проходили, большей частью снабжали ихъ провизiей, но нерѣдко случалось, что имъ отказывали въ самомъ необходимомъ, и въ такихъ случаяхъ приходилось прибѣгать къ наложенiю контрибуцiи и даже къ насилiямъ. Для будущаго царя между тѣмъ было весьма

неудобно прибѣгать къ вымогательствамъ съ оружіемъ въ рукахъ. У Давида къ тому же въ это время были уже двѣ жены, которыя еще больше, чѣмъ онъ самъ, тяготились безконечными скитаніями въ пустынѣ. То были: умная *Авигаиль*, вдова Навала, которая такъ влюблена была и вѣрила въ Давида, что послѣ смерти своего перваго мужа не задумалась послѣдовать за нимъ въ его странствованіяхъ, и другая, *Ахиноамъ*, изъ іудейскаго Іезрееля, по всей вѣроятности дочь какого-нибудь именитаго израильтянина, жителя той мѣстности, въ которой Давидъ съ своими приверженцами въ это время держался. Подъ давленіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, усталый тѣломъ и душой, Давидъ рѣшился,—надо полагать, не безъ большого усилія надъ собою,—на шагъ, который наложилъ пятно на его дотолѣ ничѣмъ не запятанную жизнь. Онъ снова вступилъ въ переговоры съ филистимскимъ царемъ Ахисемъ, добываясь у него пріюта для себя и своей дружины. Непрестанно стремясь къ пораженію израильскаго народа и пользуясь въ этихъ видахъ всякимъ благопріятнымъ случаемъ, Ахисъ изъявилъ готовность удовлетворить просьбу Давида, но поставилъ ему при этомъ такія условія, какихъ онъ изъ чувства самаго элементарнаго патріотизма не долженъ былъ бы принять, если бы положеніе его не было столь невыносимо. Ахисъ потребовалъ, во первыхъ, чтобы Давидъ порвалъ всѣ связи съ своей родиной и въ случаѣ войны съ израильтянами сражался бы съ своимъ отрядомъ противъ своихъ братьевъ, и во вторыхъ, чтобы онъ и въ мирное время предпринималъ набѣги на отдаленныя владѣнія Іегудина колѣна, причѣмъ часть добычи отдавалъ бы, въ качествѣ вассала, своему ленному господину, Ахису. Принимая эти условія, Давидъ, по всей вѣроятности, разсчитывалъ, что ему какъ нибудь удастся вернуться отъ ихъ исполненія или даже соединиться съ израильтянами противъ своихъ формальныхъ союзниковъ. Но ему для этого приходилось идти кривыми путями и измѣнить своему честному, прямому характеру.

Свирѣпныя фигуры дружинниковъ Давида,—число которыхъ къ этому времени возросло уже до шестисотъ,—едва-ли могли произвести пріятное впечатлѣніе на филистимлянъ при вступленіи ихъ въ Гать. Старѣйшины филистимскіе были въ этотъ разъ еще болѣе, чѣмъ въ первый, недовольны союзомъ ихъ царя съ израильскимъ вождемъ, всю свою военную славу приобрѣвшимъ въ войнахъ противъ нихъ же, филистимлянъ: этихъ старѣйшинъ къ тому же сильно тревожила окружающая Давида дружина, безумная отвага которой угрожала пріютившей ее странѣ серьезными опасностями. Самъ Ахисъ, между тѣмъ, возлагалъ столько надеждъ на этотъ союзъ, что не обращалъ вниманія на предостереженіе старѣйшинъ. Давидъ, однако, чувствовалъ себя довольно плохо въ филистимской

столицѣ, среди враждебно настроеннаго противъ него населенія. Тутъ каждый день можно было ожидать весьма неприятныхъ, если не прямо опасныхъ инцидентовъ. Давидъ поэтому просилъ у Ахиса разрѣшенія поселиться въ какомъ нибудь другомъ городѣ. Филистимекій царь охотно согласился на это, ибо, имѣя такимъ образомъ Давида съ его дружиной всегда подъ рукой, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгалъ столкновений, которыя и ему казались неминуемыми, въ случаѣ, если бы дружина Давида продолжала оставаться въ его столицѣ. Онъ отвелъ поэтому „союзникамъ“ городокъ *Сиклагъ* (Циклагъ), къ юго-востоку отъ Гата. Въстѣ о томъ, что Давиду отведенъ особый городъ, привлекла къ нему еще новыхъ удальцовъ, израильтянъ и иноплеменниковъ. Изъ этихъ новыхъ дружинниковъ многіе впоследствии прославились своими подвигами. Въ числѣ ихъ были между прочими *Сибхай*, изъ Хуши, позже одолѣвшій въ единоборствѣ филистимскаго богатыря: *Элавъ*, сынъ Ахитофеля изъ Гило, дочь котораго, Ватшева, впоследствии произвела переворотъ въ жизни Давида: ammonитъ *Целекъ*; *Нахрай*, также иноплеменникъ, сдѣлавшійся оруженосцемъ Іоава; два кенита *Ира* и *Гаревъ* и, наконецъ, хитецъ *Урія*, мужъ Ватшевы. Вмѣстѣ съ этими новыми храбрецами число „героевъ“ (Gibborim) въ свитѣ Давидовой возросло до тридцати семи; изъ нихъ трое даже среди этихъ удальцовъ слыли храбрѣйшими изъ храбрыхъ: *Иешовеамъ*, *Шама* и *Элеазаръ* (см. стр. 188). Во главѣ этихъ „героевъ“ и своихъ шестисотъ дружинниковъ Давидъ совершалъ набѣги, которые, ровно ничего не прибавивъ къ его военной славѣ, съ другой стороны должны были сильно умалить его нравственный авторитетъ въ глазахъ израильтянъ.

Къ югу отъ филистимской земли, на окраинахъ пустыни, ведущей въ Египетъ, съ незапамятныхъ временъ жило многочисленное племя *гешуритовъ*, неизвѣстнаго происхожденія, состоявшее въ союзѣ въ филистимлянами. На владѣнія этого-то племени Давидъ сталъ дѣлать частые набѣги, угоняя его стада и расхищая прочее его имущество. Отсюда Давидъ распространилъ свои набѣги далѣе на востокъ, такимъ же образомъ грабя другое мелкое племя *кенизитовъ*, а также и остатки амалекитовъ. Изъ добычи, которую онъ забиралъ у этихъ народовъ, онъ условленную часть отдавалъ Ахису, увѣряя его, что она награблена у израильтянъ въ южной и восточной Іудеѣ. Плѣнныхъ же, вмѣстѣ съ женами ихъ, Давидъ приказывалъ убивать, опасаясь, какъ бы они не открыли филистимлянамъ, что онъ въ дѣйствительности дѣлалъ нападенія не на своихъ единоплеменниковъ, а на союзниковъ самихъ филистимлянъ. Такъ дѣйствовалъ Давидъ все время, пока онъ оставался въ Сиклагѣ, годъ и четыре мѣсяца. Ахисъ былъ увѣренъ, что въ его лицѣ приобрѣлъ вѣрна-

го союзника, который съ храброй дружиной своей будто-бы дѣлалъ много зла своимъ единоплеменникамъ и тѣмъ самымъ настолько вооружилъ ихъ противъ себя, что о примиреніи ихъ нельзя было уже и думать.

Въ этомъ заблужденіи, которое Давидъ поддерживалъ въ немъ съ помощью всякихъ ухищреній, Ахишъ счелъ возможнымъ предпринять рѣшительную войну съ израильтянами. Саулъ въ это время совсѣмъ не въ состояніи былъ вести войну съ филистимлянами. Послѣ неудачи съ поимкой Давида онъ окончательно впалъ въ меланхолю и нимало не думалъ объ оборонѣ страны. Кругомъ него не было никого, кому можно было вѣрить предводительство надъ войсками. Самая лучшая рука, которая прежде сражалась за него съ врагами народа, самая изобрѣтательная голова, которая думала за него, была теперь противъ него, въ рядахъ самыхъ злыхъ враговъ Израиля. Храбрѣйшіе юноши и мужи израильскіе всѣ были въ распоряженіи Давида. Ахишъ со всей своей огромной ратью собирался между тѣмъ на него войной. На этотъ разъ филистимляне рѣшили войти въ израильскую землю не обычнымъ путемъ, съ запада, а съ сѣвера, гдѣ авторитетъ царя не былъ такъ силенъ, какъ въ центрѣ страны. Ахишъ повелъ свои полчища чрезъ равнину Іезреель, вдоль побережья, которое со времени побѣды, одержанной ими надъ финикіянами, принадлежало филистимлянамъ. Въ этой болѣе или менѣе ровной мѣстности къ тому же гораздо легче было употреблять въ дѣло боевыя колесницы и конницу, которыми довольно трудно было пользоваться въ горахъ центральныхъ областей. Согласно договору, Ахишъ потребовалъ отъ Давида, чтобы онъ со всѣми своими людьми присоединился къ его войску для совместной войны съ израильтянами. Давидъ, скрѣпя сердце, долженъ былъ исполнить это требованіе: онъ продалъ себя врагамъ своего народа и волей-неволей долженъ былъ платить условленную цѣну. Филистимскіе старѣйшины, однако, сами постарались избавить его отъ крайне тяжелаго положенія, въ которое онъ такимъ образомъ попалъ. Не довѣряя тому, кого израильтяне прославляли, какъ величайшаго врага и многократнаго побѣдителя филистимлянъ, они рѣшительно потребовали отъ своего царя, чтобы онъ отправилъ Давида съ его дружиной обратно въ Сиклагъ. Опасаясь открытаго возмущенія старѣйшинъ наканунѣ войны, на которую онъ возлагалъ столько надеждъ, Ахишъ долженъ былъ подчиниться этому требованію. И, взявъ съ Давида клятву въ вѣрности и преданности, отослалъ его обратно въ Сиклагъ. Для Давида это было великимъ счастіемъ, ибо такимъ образомъ онъ счастливо избѣгнулъ тяжелой альтернативы, оставившей ему выборъ между войной съ своимъ народомъ и измѣной пріютившему его царю.

Филистимскія полчища между тѣмъ продолжали свое нашествіе. Вступивъ въ израильскую землю, они разбили свой лагерь сначала на томъ

мѣстѣ, гдѣ нѣкогда произошла битва Гидеона съ мидіанитами, вблизи города *Сунема*. Сауль, получивъ извѣстіе о вторженіи непріятели, собралъ все свое ополченіе, форсированнымъ маршемъ пошелъ на встрѣчу Ахину и расположился лагеремъ сначала у подошвы горъ Гильбоа. Затѣмъ онъ обошелъ сосѣдній горный хребетъ, у подошвы котораго стояли филистимляне, и разбилъ свой лагерь у сѣверо-западной подошвы названныхъ горъ, близъ *Эндора*. Мѣсто это Сауль избралъ потому, что филистимская конница и боевыя колесницы не могли здѣсь, среди горъ, такъ свободно развернуться, какъ на равнинѣ. Въ виду этого и филистимляне должны были перенести свой лагерь на новое мѣсто, на сосѣднюю равнину, для того, чтобы заставить израильтянъ сойти съ горъ.

При видѣ несмѣтныхъ филистимскихъ полчищъ и въ особенности непріятельской конницы, Сауль сильно оробѣлъ. Смутное предчувствіе близости роковыхъ событій лишило его всякаго присутствія духа. Онъ чувствовалъ, что Богъ его оставилъ, такъ какъ на свой вопросъ насчетъ исхода предстоящаго сраженія онъ не могъ добиться отвѣта ни отъ пророка, ни отъ священнослужителей. Въ своемъ безпомощномъ положеніи онъ прибѣгнулъ къ одному средству, къ которому часто обращались въ древности, когда хотѣли узнавать будущее, къ „знаменательнымъ“ сновидѣніямъ, которыя толковали соотвѣтственно данному случаю. Когда же и это средство ни къ чему не привело, Сауль въ отчаяніи обратился къ одной эндорской чревоѣщательницѣ, которая уцѣлѣла отъ гоненій, самимъ Сауломъ за десять лѣтъ до того воздвигнутыхъ на всѣхъ занимавшихся колдовствомъ, и продолжала тайно заниматься своимъ ремесломъ. По злой ироніи судьбы Саулу пришлось такимъ образомъ прибѣгнуть къ тому чародѣйству, которое онъ самъ всячески искоренялъ, какъ вредный и противный израильскому вѣроученію обманъ. Переодѣвшись такъ, чтобы его не узнали, онъ въ ночь наканунѣ сраженія отправился къ эндорской волшебницѣ и просилъ ее вызвать изъ могилы тѣнь Самуила, незадолго до того скончавшагося. Легенда рассказываетъ страшную исторію, разыгравшуюся при этомъ въ домѣ колдуньи. Съ помощью заклинаній вызывая тѣнь пророка, чревоѣщательница стала говорить страшнымъ, словно изъ подъ земли выходящимъ голосомъ. Но вмѣсто тѣни Самуила, предъ царемъ вдругъ предсталъ старецъ, въ которомъ онъ узналъ самого Самуила. При видѣ одѣтаго въ саванъ пророка Сауль и даже сама волшебница окаменѣли отъ ужаса. Изъ устъ вставшаго изъ гроба пророка царь услышалъ гнѣвный вопросъ: „Зачѣмъ ты потревожилъ меня?“ Сауль упалъ на колѣни и, рыдая, застоналъ: „Худо мнѣ! Филистимляне меня одолеваютъ, и Богъ отвернулся отъ меня. Что мнѣ дѣлать?“ Самуиль отвѣчалъ: „Богъ дѣйствительно покинулъ тебя за то, что ты не покорился Его волѣ, и отдалъ

твой престолъ противнику твоему Давиду. Тебя и войско твое Ягова предасть въ руки враговъ, и завтра же ты вмѣстѣ съ сыновьями твоими будете въ могилѣ“. Сауль,—гласить далѣе преданіе,—услышавъ это предсказаніе, упалъ безъ чувствъ на землю и, очнувшись, не въ состояніи былъ добраться до своего лагеря. Слугѣ его и волшебникѣ пришлось заставить его подкрѣпить свои силы ѣдой и возвратиться въ лагерь.

Съ тяжелыми предчувствіями Сауль открылъ на другой день сраженіе. Страхъ, овладѣвшій имъ послѣ ночного видѣнія, какъ будто сообщился всему его войску, и сраженіе кончилось весьма печально для израильтянъ. Храбро дралась цѣлый день царская рать, но, не устоявъ въ равнинѣ противъ филистимской конницы и боевыхъ колесницъ, устремилась къ горамъ Гильбоа. Здѣсь она, однако, тотчасъ была достигнута филистимлянами и разбита на голову. Пали и три сына Саула: прекрасный душой и тѣломъ Ионатанъ и два брата его *Авинадавъ* и *Малхишуа*. Одинъ за другимъ легли и всѣ приближенные Саула: при немъ остался одинъ лишь оруженосецъ его. Филистимскіе стрѣлки между тѣмъ приближались. Бѣжать Сауль не имѣлъ возможности; еще меньше могъ онъ отдаться въ руки неприятелю, на позоръ и издѣвательство. И царь сталъ просить своего оруженосца, чтобы онъ убилъ его раньше, чѣмъ подоспѣютъ филистимляне. Но оруженосецъ не осмѣливался наложить руку на своего царя. Саулу такимъ образомъ осталось одно,—броситься на собственный мечъ. И онъ умеръ смертью достойною царя. Его оруженосецъ послѣдовалъ его примѣру, и также самъ закололъ себя.

Пораженіе было ужасное. Цвѣтъ израильскаго воинства лежалъ раздавленнымъ на горахъ Гильбоа и на Іезреельской равнинѣ. Филистимляне, отдохнувъ за ночь послѣ жаркаго дня, стали обходить поле сраженія, срывая съ убитыхъ израильтянъ ихъ одежды и украшенія. Тутъ же они наткнулись на тѣла Саула и его трехъ сыновей. Голову царя и его вооруженіе они въ видѣ трофеевъ отослали въ филистимскую землю, гдѣ въ память ихъ великой побѣды надъ израильтянами черепъ Саула хранится въ одномъ изъ капищъ ихъ бога Дагона, а вооруженіе—въ храмѣ Астарты. Филистимскія полчища ворвались затѣмъ въ города, расположенные на Іезреельской равнинѣ и въ восточной сторонѣ долины верхняго Іордана, и заняли ихъ. Жители этихъ городовъ еще до того, при первой вѣсти о пораженіи царскихъ войскъ у горъ Гильбоа, бѣжали за Іорданъ. Въ числѣ занятыхъ филистимлянами городовъ былъ и Беть-Шеанъ, жители котораго также бѣжали за Іорданъ, хотя ихъ городъ былъ укрѣпленъ. Чтобы надругаться надъ израильтянами, филистимляне повѣсили на стѣнахъ этого города обезглавленные трупы Саула и Ионатана. Отъ Беть-Шеана побѣдители двинулись далѣе на югъ, занимая по пути все болѣе или ме-

нѣ важные города. Въ царской резиденціи Гивеати-Сауль вѣсть о приближеніи филистимлянъ вызвала такую панику, что нянька пятилѣтняго сына Ионатана, *Мефибошета* (Мерибошета, или Мерибаала), во время бѣгства уронила ребенка. Мальчикъ при этомъ сломалъ себѣ ногу и остался на всю жизнь калѣкой.

Въ весьма печальномъ положеніи оставилъ Сауль израильскую землю,—въ болѣе печальномъ еще, чѣмъ она была въ моментъ его избранія въ цари. Тогда, двѣнадцать лѣтъ назадъ, во власти филистимлянъ была лишь небольшая часть страны, колѣна Вениаминово и Даново и части Эфранмова и Иегудина. Безумная же борьба Саула съ Давидомъ и желаніе его во чтобы то ни стало удержать власть въ своихъ рукахъ результатомъ своимъ имѣли то, что центръ страны, отъ равнины Изреельской на сѣверѣ до горъ Эфранмовыхъ на югѣ, весь оказался въ рукахъ врага. Пораженіе было такое сильное и явилось столь неожиданно, что о сопротивленіи,—на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ,—ничего было и думать. Всякая энергія пропала. Смѣлымъ подвигомъ все считали уже и то, что жители Явешъ-Гилеада, изъ уваженія къ памяти Саула, иѣкогда спасаго ихъ городъ, отважились положить конецъ надруганію надъ его трупомъ. Перешедши Иорданъ, они ночью проникли въ Бетъ-Шеанъ, сняли со стѣнъ его тѣла Саула и Ионатана, отвезли ихъ въ свой городъ, предали ихъ погребенію подъ терпентиннымъ деревомъ и установили по этому случаю семидневный трауръ. Колѣна, жившія по сю сторону Иордана, не обладали и этой смѣлостью, можетъ быть потому, что они не питали такой признательности къ Саулу, который своими раздорами съ Давидомъ довелъ страну до разоренія, а народъ до порабощенія. Таковъ былъ конецъ царя, на котораго народъ израильскій при избраніи его возлагалъ столько надеждъ.

Вторая эпоха.

ПЕРИОДЪ РАСЦВѢТА.

ГЛАВА VII.

Давидъ и Ишъ-Бошетъ.

Зависимость Давида отъ филистимлянъ. Элегія его на смерть Саула и Ионатана. Давидъ—царь іудейскій. Ишъ-Бошетъ и Авнеръ въ Махнаимѣ. Выгнание филистимлянъ изъ страны. Раздоры между Ишъ-Бошетомъ и Авнеромъ и неестественная смерть обоихъ. Давидъ—царь всего Израиля. Взятіе сіонскаго укрѣленія. Происхожденіе и возникновеніе Іерусалима. Разрывъ Давида съ филистимлянами. Дружина „героевъ“. Перенесеніе ковчега завѣта въ Іерусалимъ. Временный храмъ. Чиновники и совѣтники Давида. Гивеониты. Истребленіе дома Саулова.

(Около 1055—1035 гг.).

Даже Давидъ, на котораго народъ израильскій возлагалъ раньше столько надеждъ,—и тотъ, повидному, былъ забытъ. И, дѣйствительно, что онъ дѣлалъ въ то время, когда родная земля его истекала кровью? Независимо отъ того, узналъ ли народъ или нѣтъ о походѣ, предпринятомъ имъ сообща съ филистимлянами,—всѣмъ, во всякомъ случаѣ, не могло не броситься въ глаза, что въ этотъ тяжелый моментъ онъ держался вдали отъ всякой опасности, думая только о своемъ собственномъ спасеніи, и не спѣшилъ на помощь къ угнетенному народу, видимо дорожа своимъ позорнымъ союзомъ съ филистимлянами. Правда, въ это время онъ и самъ былъ въ довольно затруднительномъ положеніи, но это стало извѣстно лишь впоследствии. Въ данный же моментъ у всякаго израильянина, не оставшагося равнодушнымъ къ несчастію, постигнутому его народъ должно было болью отозваться въ сердцѣ то обстоятельство, что Давидъ былъ въ это время въ союзѣ съ злѣйшими врагами своего народа и, во время отсутствія ихъ царя Ахиша, пошедшаго истребительной войной на израильяны, какъ будто охранялъ даже границы его страны.

Когда Давидъ, вслѣдствіе недовѣрія къ нему филистимскихъ старѣйшинъ, не могъ принять участіе въ походѣ противъ израильяны и былъ отправленъ обратно въ Сиклагъ, онъ нашелъ этотъ городъ сожженнымъ, а

женщинъ, дѣтен и вообще всѣхъ, оставшихся дома, безслѣдно исчезнувшими. Амалекиты, сильно страдавшіе отъ набѣговъ Давида и бѣжавшіе отъ него въ пустыню, воспользовались его отсутствіемъ, чтобы въ свою очередь произвести разбойничій набѣгъ на городъ, отведенный его воинамъ и ихъ семьямъ. Ворвавшись съ юга въ филистимскую область, гдѣ лежалъ Сиклагъ, они увели всѣхъ жителей этого города въ неволю, разграбили все, что въ немъ нашлось болѣе или менѣе цѣннаго, а самый городъ послѣ этого сожгли. Все на пути своемъ предавая опустошенію и грабежу, они черезъ южную часть Іудеи дошли до пастбищъ Халеба (или Хедуба) и Маона и, нагруженные богатой добычей, собирались уже возвратиться въ свою пустыню. Когда воины Давида, вернувшись домой, не нашли никого изъ своихъ и увидѣли дома свои въ развалинахъ, то горе ихъ было такъ велико, что они вознегодовали на Давида и даже стали угрожать ему смертью: они обвиняли его въ томъ, что онъ продалъ ихъ филистимлянамъ и увелъ ихъ изъ родины, чтобы составить изъ нихъ хвостъ филистимскаго войска. Но Авіатаръ, спросивъ Господа, успокоилъ ихъ, предсказавъ имъ, что они догонятъ амалекитовъ и отберутъ у нихъ всѣхъ плѣшниковъ и всю награбленную ими добычу. Давидъ со всѣми своими людьми бросился послѣ этого въ погоню. Узнавъ отъ большого египетскаго раба, найденнаго на дорогѣ, мѣсто стоянки амалекитовъ, израильтяне настigli ихъ въ то время, когда они пировали, радуясь награбленной добычѣ. Это ликование скоро смѣнилось великимъ стenanіемъ: озлобленные воины Давида ударили на нихъ съ такой силой и дрались съ такой яростью, что большая часть амалекитовъ полегла на мѣстѣ и лишь весьма немного успѣли спастись бѣгствомъ. Люди Давидовы нашли невредимыми всѣхъ своихъ женщинъ и дѣтей и все награбленное у нихъ имущество, безъ малѣйшей потери, и сверхъ того захватили оставленные амалекитами стада. Упоенные побѣдой, Давидъ его и дружина вернулись въ Сиклагъ, возстановили свои дома и вновь устроились въ нихъ. Изъ отобранной у амалекитовъ добычи Давидъ послалъ почетные дары старѣйшинамъ іудейскимъ и своимъ друзьямъ во многихъ городахъ отъ Беершевы до Хеврона, а также кенитамъ, прежнимъ союзникамъ амалекитовъ. Давидъ при этомъ преслѣдовалъ двоякую цѣль: онъ, во первыхъ, хотѣлъ, чтобы на родинѣ его все узнали объ одержанной имъ побѣдѣ и рассчитывалъ, во вторыхъ, привлечь на свою сторону вліятельныхъ людей своего роднаго колѣна.

Но едва онъ съ людьми своими успѣлъ вновь устроиться въ Сиклагъ, какъ до него дошла прискорбная вѣсть о странномъ пораженіи, нанесенномъ израильскому войску при Гильбоа, и о гибели Саула съ его сыновьями. Гонецъ сообщившій Давиду это извѣстіе, какой-то поселившійся въ той странѣ амалекитъ, притворился сильно огорченнымъ и въ знакъ

своей печали, явился къ Давиду въ разодранныхъ одеждахъ и съ посыпанной пепломъ главою. Но въ то же время, передавая Давиду корону и украшенія Саула, онъ потребовалъ вознагражденія за принесенное имъ извѣстіе. На дальнѣйшіе вопросы амалекитъ разсказалъ, что, уступая настойчивой просьбѣ Саула, онъ самъ своими руками умертвилъ его, такъ какъ царь,—по его увѣреніямъ,—не въ силахъ былъ больше держаться на ногахъ. Невыразимой скорбью отозвалось въ сердцѣ Давида это извѣстіе о трагической кончинѣ царя; еще глубже была его печаль по поводу смерти его лучшаго друга Ионатана. По обычаю того времени, Давидъ въ знакъ скорби разодралъ свои одежды. Изъ уваженія къ памяти покойнаго царя онъ приказалъ умертвить амалекита, все еще ожидавшаго награды и похвалявшагося тѣмъ, что убилъ помазанника Божія. Затѣмъ Давидъ наложилъ на жителей Сиклага трауръ по случаю смерти царя и пораженія израильтянъ. Во время печальной церемоніи Давидъ пропѣлъ элегическую пѣснь, свидѣтельствующую столько-же о глубинѣ его чувства, сколько о его высокомъ поэтическомъ дарѣ:

„Краса твоя, Израиль,
 Сраженная лежитъ на высотахъ твоихъ!
 Какъ пали герои твои!
 Не возвѣщайте этого въ Гатѣ,
 Не разсказывайте о томъ на улицахъ Аскалона,
 Чтобы не радовались дочери филистимскія,
 Чтобы не ликовали дочери иноплемениковъ!
 Горы Гильбоа! Да не будетъ на васъ ни росы, ни дожди,
 Ни полей плодоносныхъ!
 Ибо тамъ занятнанъ щить героевъ,
 Щить Саула, оружіе муромазанника.
 Безъ крови прозенныхъ,
 Безъ тука героевъ
 Лукъ Ионатана
 Никогда не отскакивалъ,
 А мечъ Саула
 Не возвращался въ ножны!
 Саулъ и Ионатанъ,
 Столь любившіе другъ друга при жизни,
 Не разлучились въ смерти своей;
 Быстрѣ орловъ,
 Мужественнѣ львовъ были они!
 Вы, дочери Израйля,
 Плакните Саула!
 Онъ одѣвалъ васъ въ пурпурныя ткани,
 Убиралъ золотыми украшеніями
 Ваши наряды.
 Какъ пали герои въ сраженіи,

На высотахъ твоихъ, Израиль, трупами!
 Велика моя скорбь по тебѣ.
 Братъ мой Ионатанъ!
 Дорогъ ты былъ сердцу моему.
 Сильна была любовь твоя ко мнѣ.
 Сильнѣе, чѣмъ любовь къ женщинѣ.
 Какъ пали герои!
 И погибла слава Израиля!¹⁾

Пѣснь эта у всѣхъ слышавшихъ ее исторгала слезы скорби.

Однако, какъ Давидъ ни сокрушался о смерти Саула, это не помѣшало ему немедленно-же воспользоваться ею въ своихъ интересахъ. Ему не сидѣлось уже въ чужомъ и далекомъ Сиклагѣ, его потянуло на родину, гдѣ онъ въ качествѣ помазанника Божія могъ теперь уже выступить на первый планъ. Резиденціей своей онъ избралъ старый городъ Хевронъ, центръ іудейской знати. Старѣйшины этого города не приглашали его туда: наоборотъ, онъ нѣкоторымъ образомъ самъ имъ навязывался,—до того союзъ его съ филистимлянами дискредитировалъ его въ глазахъ даже его собственнаго колѣна. Его шестьсотъ воиновъ и во главѣ ихъ свита „героевъ“ послѣдовали за нимъ и также поселились съ семьями своими въ іудейской столицѣ. Лишь нѣсколько времени послѣ того какъ Давидъ осѣлъ въ Хевронѣ, старѣйшины іегудейскіе, подъ вліяніемъ его друзей, которыхъ онъ успѣлъ расположить къ себѣ своей предупредительностью, избрали его царемъ своего колѣна. Давидъ сейчасъ-же послѣ этого вступилъ въ сношенія съ заіорданскими колѣнами, стараясь и ихъ расположить въ свою пользу. Ко всѣмъ-же остальнымъ колѣнамъ, находившимся еще подъ властью филистимлянъ, онъ не могъ, да и не рѣшался обращаться. Онъ выразилъ свое удовольствіе и признательность жителямъ Явешъ-Гилеада за то, что они сохранили уваженіе къ памяти перваго израильскаго царя и спасли его тѣло отъ поруганія. При этомъ онъ кстати увѣдомлялъ ихъ, что колѣно Іегудино избрало его въ преемники Саула. Посланіе это не имѣло, однако, никакого успѣха: въ тотъ моментъ ни гилеадиты, ни прочія заіорданскія колѣна и не думали признать Давида царемъ. И ихъ, должно быть, не мало возмущало то, что онъ продолжалъ состоять въ союзѣ съ филистимлянами и рѣшительно ничего не дѣлалъ для того, чтобы изгнать врага изъ страны. Онъ даже не рѣшался разорвать тѣ позорныя узы, которыми онъ связалъ себя съ Ахисемъ. Разсудокъ боролся въ немъ съ любовью къ своему народу. Долгъ предъ родной требовалъ отъ него, чтобы онъ все поставилъ на карту, лишь-бы избавиться отъ злосчастнаго союза; разсудокъ-же подсказывалъ ему, чтобы

¹⁾ Самуиль II, 1, 19—27.

онъ до поры до времени не раздражалъ могущественнаго сосѣда, и жилъ съ нимъ въ мирѣ до тѣхъ поръ, пока онъ добьется власти надъ всѣмъ народомъ израильскимъ; и тогда онъ однимъ сильнымъ ударомъ уничтожить союзника-врага.

Ахишъ съ своей стороны ничего не имѣлъ противъ того, чтобы Давидъ величалъ себя царемъ Іегуды, но согласно договору требовалъ, чтобы онъ продолжалъ дѣлать набѣги на смежныя съ пустыней области и попрежнему удѣлялъ ему части награбленной добычи; однако, дальше границъ пустыни Давидъ не смѣлъ и шагу сдѣлать. Племянникъ его, Іоавъ, въ которомъ таились задатки будущаго великаго полководца, долженъ былъ взять на себя позорную роль исполнителя этого договора и во главѣ Давидова отряда совершать грабительскіе набѣги на гешуритовъ, кенизитовъ и другіе народцы. Съ гешуритскимъ царемъ *Талмаемъ* Давидъ въ это время, повидимому, вступилъ въ тайный союзъ, получивъ отъ него въ жены его дочь *Мааху*; возможно, впрочемъ, что онъ ее увелъ силой во время одного изъ своихъ набѣговъ. Эта Мааха была третья по счету жена Давида, сверхъ упомянутыхъ выше Ахиноамъ и Авигаиль. Не имѣя возможности импонировать народу многочисленнымъ войскомъ, Давидъ хотѣлъ блистать по крайней мѣрѣ своимъ царскимъ гаремомъ. Въ теченіе шестилѣтняго своего пребыванія въ Хевронѣ онъ сверхъ названныхъ трехъ обзавелся еще тремя женами: *Хагитъ*, *Авигаль* и *Эглой*.

Освобожденіе страны отъ филистимлянъ, о которомъ Давидъ, будучи связанъ по рукамъ и ногамъ союзомъ съ Ахисемъ, не смѣлъ и думать, суждено было совершить полководцу Саулову, Авнеру, которому удалось спастись бѣгствомъ послѣ великаго пораженія израильтянъ у Гильбоа. Не теряя мужества, Авнеръ послѣ паденія дома Саулова постарался спасти все, что только возможно было. Вмѣстѣ съ другими бѣглецами онъ отправился за Іорданъ, куда филистимляне не могли проникнуть, и гдѣ израильтяне сохранили вѣрность дому Саула. Сборнымъ пунктомъ для приверженцевъ послѣдняго Авнеръ избралъ городъ *Махнаимъ*, къ сѣверо-западу отъ р. Яббокъ, на границѣ владѣній колѣнъ Гадова и Манашина. Городъ этотъ имѣлъ тогда нѣкоторое значеніе, какъ торговый пунктъ, лежавшій на большой караванной дорогѣ между Краснымъ моремъ и Дамаскомъ. Сюда Авнеръ привелъ единственнаго оставшагося въ живыхъ сына Саулова, *Ишъ-Бошета* (Ишъ-баала), и всѣхъ членовъ несчастной царской семьи, и достигъ того, что колѣна, жившія за Іорданомъ, признали этого Ишъ-Бошета преемникомъ его отца. Навербовавъ довольно большой отрядъ изъ за-іорданскихъ израильтянъ и добровольно къ нему примкнувшихъ венимитовъ, Авнеръ повелъ войну съ филистимлянами. Дѣйствуя съ большой

осторожностью, онъ мало-по-малу сталъ вытѣснять ихъ изъ всѣхъ городовъ, занятыхъ ими по сю сторону Иордана, и въ которыхъ они по своему обыкновенію, оставили сборщиковъ податей и болѣе или менѣе значительныя гарнизоны. Очистить всю страну отъ филистимлянъ ему, однако, удалось лишь послѣ четырехъ или пяти лѣтъ непрерывной войны (1055—1051), такъ тяжела была борьба съ ними. Труднѣе все было Авнеру отвоевать у филистимлянъ владѣнія вениамитовъ, такъ какъ въ эту, ближайшую къ нимъ область, они легко могли посылать подкрѣпленія. Всѣ освобожденные имъ колѣна охотно присягнули на вѣрность сыну Саула. Авнеръ, такимъ образомъ, одинъ совершилъ подвигъ необычайный: онъ не только изгналъ филистимлянъ изъ всей страны израильской, возстановивъ независимость народа, но и объединилъ большинство колѣнъ, привлеки къ союзу даже тѣ изъ нихъ, которыя и при Саулѣ держались въ сторонѣ отъ своихъ братьевъ, жившихъ въ центрѣ страны. Онъ-то, собственно говоря, первый и положилъ прочное основаніе десятиколѣнному царству израильскому, тѣсно сплотивъ отдѣльныя его части. Изумительный его подвигъ привелъ, однако, съ другой стороны, къ тому, что страна оказалась раздѣленной на два царства,—израильское и іегудейское или іудейское,—каждое подъ властью своего избранника-царя. Іегудей, стараніями Самуила и Саула незадолго лишь до того воссоединившіеся съ прочими колѣнами, такимъ образомъ оказались опять оторванными отъ нихъ и обособившимися въ отдѣльное государство. Побѣды Авнера такимъ образомъ не принесли счастья народу потому, что результатомъ ихъ явилось его распадѣніе. Лѣтописецъ потому не распространяется о подвигахъ Авнера, отмѣчая его весьма важную, однако, дѣятельность лишь нѣсколькими, какъ-бы вскользь набросанными штрихами.

О новомъ-же воссоединеніи дома Якова съ домомъ Израиля въ тотъ моментъ и рѣчи не могло быть. Этому самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивились-бы оба царя, Давидъ и Ишъ-Бошетъ, потому что кому-нибудь изъ нихъ пришлось-бы для этого уступить свою царскую власть другому; но еще больше этому противодействовали-бы ихъ приверженцы и въ особенности полководцы одной и другой стороны, Іоавъ и Авнеръ, которые ненавидѣли и страшно ревновали другъ друга. Самимъ израильтянамъ, наконецъ, мысль о сліяніи двухъ царствъ нисколько не улыбалась. Іегудей и прочія колѣна были чужды другъ другу, какъ два различные по историческимъ судьбамъ своимъ и по всему ихъ жизненному укладу народа. Совмѣстная ихъ дѣятельность при Саулѣ была весьма непродолжительна. Всѣ колѣна относились къ іегудеямъ съ пренебреженіемъ, какъ къ простымъ „мужикамъ“. А такъ какъ ни одна сторона не хотѣла подчиниться другой и признать ея царя, то споръ должно было

рѣшить оружіе. На случай войны іудей между тѣмъ имѣли большія преимущества, не смотря на то, что численностью они едва составляли треть всѣхъ израильтянъ. Но за то они были сильно сплочены, въ то время, какъ среди прочихъ колѣнъ было немало враждебныхъ другъ другу элементовъ. Эфраимиты, напримѣръ, весьма неохотно признавали первенство вениамитовъ, къ которому принадлежалъ царь. Давидъ, далѣе, имѣлъ въ своемъ распоряженіи больше вполнѣ преданныхъ ему приверженцевъ, тѣмъ Ишъ-Бошетъ; наконецъ, его отрядъ шестисотъ и начальники его „гибборимъ“ были люди весьма опытные въ военномъ дѣлѣ и чрезвычайно отважные; израильскій-же царь не въ состояніи былъ противопоставить имъ отрядъ такой-же силы. А самое важное было то, что во главѣ „дома Якова“ стоялъ мужественный и испытанный въ бояхъ вождь, помазанный на царство самимъ пророкомъ Самуиломъ и считавшійся поэтому священной особой, между тѣмъ, какъ другой, Ишъ-Бошетъ былъ царемъ лишь по имени, не былъ ни избранъ, ни утвержденъ гласомъ свыше и лично никакими военными доблестями не обладалъ; вся власть этого царя была въ рукахъ его полководца Авнера,—самъ-же онъ жилъ въ отдаленномъ углу страны, за Иорданомъ, и едва-ли даже зналъ о томъ, что дѣлалось на другой сторонѣ рѣки, между тѣмъ какъ Давидъ жилъ среди своего колѣна и изъ своей резиденціи Хеврона самъ руководилъ своими многочисленными приверженцами.

Гражданская война между Израилемъ и Иудой или, вѣрнѣе между царями ихъ, тѣмъ не менѣе вспыхнула, какъ только Авнеру удалось склонить на сторону Ишъ-Бошета центральныя и сѣверныя колѣна. Война эта длилась два года (1051—1049). Іоавъ командовалъ войсками Давида, а Авнеръ—приверженцами Ишъ-Бошета. Подробности сраженій источники не сообщаютъ; изъ нихъ видно лишь, что іудей, несмотря на то, что ихъ было меньше числомъ, постоянно одолѣвали своихъ противниковъ. Побѣдители успѣли даже захватить въ свои руки много городовъ, во владѣніяхъ отчасти Вениаминова, отчасти Данова колѣна,—преимущественно въ западной, смежной съ филистимской землей, части этихъ владѣній. Такимъ образомъ къ Іудину колѣну навсегда отошли: данитскіе города *Зарса* и *Эштоаль*, „лѣсной городъ“ *Киріатъ-Іеаримъ*, въ которомъ все еще находился ковчегъ завѣта, нѣкогда отосланный туда филистимлянами, и горное мѣстечко *Мицпа*, въ которомъ Саулъ былъ помазанъ Самуиломъ на царство. На сѣверо-западной границѣ владѣнія Іудина колѣна путемъ завоеваній были расширены до *Гивеона*. Изъ-за этого послѣдняго, весьма важнаго въ то время города, противники долго и упорно боролись. Когда оба войска были уже сильно истощены продолжительной войной, Авнеръ предложилъ Іоаву рѣшить судьбу этого города поединкомъ. Предло-

женіе было принято и стороны выставили двѣнадцать единоборцевъ, по числу колѣвъ. Побѣду и на этотъ разъ одержали іудеи. Одинъ изъ ихъ богатырей, братъ Іоава, *Асаиль*, сразивъ своего противника, вздумалъ, опьяненный побѣдой, погнаться за самимъ Авнеромъ, чтобы и его убить, и такимъ образомъ однимъ ударомъ лишить Ишъ-Бошета его главной опоры. Однако, несмотря на то, что Асаиль былъ „легокъ на ноги, какъ олень въ полѣ“, онъ не могъ устоять противъ Авнера и палъ, пронзенный его копьемъ. Смерть этого героя еще болѣе ожесточила іудеевъ, отъ которыхъ братья убитаго, Іоавъ и Авишай, настойчиво требовали кровавой мести. Вениамиты же дружно сплотились вокругъ Авнера и поклялись защищать единственного своего героя и полководца до послѣдней капли крови. Война вслѣдствіе этого приняла характеръ настоящей бойни; противники истребляли другъ друга съ такимъ ожесточеніемъ, что Авнеръ, наконецъ, рѣшилъ положить конецъ этой братоубійственной войнѣ. И когда противники опять встрѣтились для новаго боя, онъ первый обратился къ Іоаву съ предложеніемъ прекратить взаимное избіеніе: „Неужели,—сказалъ онъ ему,—ты хочешь, чтобы мечъ безъ конца насъ поражалъ? Развѣ ты не понимаешь, какъ ужасны будутъ послѣдствія этого кровопролитія? Почему не заставишь ты своихъ людей помириться съ нами?“ Іоавъ въ отвѣтъ на это велѣлъ трубить въ трубы въ знакъ перемирія и, собравъ свою рать, вернулся въ Хевронъ. Авнеръ же съ своими людьми перешелъ Іорданъ и вскорѣ прибылъ въ Махнаимъ.

Миръ, такимъ образомъ наступившій, оказался трагическимъ для дома Саулова. Авнеръ въ это время вступилъ въ связь съ бывшей наложницей Саула, прекрасной Рицпой, которая съ двумя своими сыновьями жила въ Махнаимѣ. Хотя Ишъ-Бошетъ многое и прощалъ своему полководцу, не умѣя безъ него обойтись, но этой связи съ вдовой своего отца онъ не могъ допустить, усматривая въ ней тайное намѣреніе со стороны Авнера овладѣть престоломъ. Ишъ-Бошетъ выразилъ ему по этому поводу порицаніе. Авнеръ почувствовавъ себя оскорбленнымъ, упрекнулъ Ишъ-Бошета въ неблагодарности и совсѣмъ отвернулся отъ него. Безпомощный царь долженъ былъ проглотить обиду, не рѣшаясь принять какія либо мѣры строгости противъ своего строптиваго полководца. Авнеръ же вскорѣ послѣ того вступилъ въ тайные переговоры съ Давидомъ и обѣщалъ ему склонить на его сторону всѣ колѣна, поставивъ при этомъ условіемъ, чтобы онъ назначилъ его главно-командующимъ надъ всѣми израильскими войсками. Давидъ съ радостью принялъ это предложеніе, но въ обезпеченіе потребовалъ отъ Авнера, чтобы онъ ему возвратилъ его любимую первую жену Михаль, которую Саулъ у него насильственно отнялъ и выдалъ замужъ за нѣкоего Палтіеля изъ Вениаминова колѣна. Самъ Ишъ-Бошетъ

долженъ былъ признать справедливость этого требованія и не могъ усмотрѣть въ немъ ничего дурного для себя. Авнеръ оставилъ затѣмъ своего царя, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему надо отнять Михаль у ея второго мужа. Онъ дѣйствительно отправился въ Вениамитскую область, чтобы принудить Палтіеля отпустить Михаль. Несчастный мужъ съ плачемъ провожалъ свою жену до тѣхъ поръ, пока угрозы Авнера не заставили его, убитаго горемъ, возвратиться во свояси. Давидъ получилъ обратно ту, которую онъ первую, въ дни своей юности, всемъ сердцемъ полюбилъ. Авнеръ же отправился въ путь, обходя всѣ колѣна и тайно вербуя сторонниковъ для Давида. Ради скорѣйшаго окончанія злосчастной междоусобной войны весьма многіе израильтяне готовы были подчиниться іудейскому царю; даже многіе вениамиты были не прочь признать его своимъ царемъ. Обошедши всѣ колѣна, Авнеръ съ двадцатью представителями послѣднихъ, перешедшими на сторону Давида, вступилъ, все еще тайно, въ Хевронъ. Давидъ съ своей стороны до того еще удалилъ изъ города своихъ ревнивыхъ и недовѣрчивыхъ племянниковъ Іоава и Авишай, поручивъ имъ совершить набѣгъ. Въ ихъ отсутствіе Давидъ лично сговорился съ Авнеромъ и съ двадцатью новыми приверженцами своими насчетъ того, какимъ образомъ побудить старѣйшннхъ всѣхъ колѣнъ отречься отъ Ишъ-Бошета и присягнуть на вѣрность ему, Давиду. Авнеръ едва успѣлъ отправиться въ путь для того, чтобы вторично обойти всѣ колѣна и предложить старѣйшинамъ признать Давида царемъ, какъ Іоавъ съ своими людьми вернулся съ набѣга. Въ Хевронѣ онъ тотчасъ узналъ поразительную новость, что заклятый врагъ дома Давидова, Авнеръ, въ его отсутствіе былъ въ городѣ и самымъ дружескимъ образомъ былъ принятъ и отпущенъ самимъ царемъ. Итакъ, Давидъ за его, Іоава, спиной ведетъ какіе-то тайные переговоры съ Авнеромъ; для него не оставалось сомнѣній, что первой жертвой этого тайнаго союза будетъ онъ, Іоавъ. Быстро, какъ всегда, принявъ рѣшеніе, онъ послалъ гонцовъ за Авнеромъ, какъ-будто отъ имени царя, который проситъ его вернуться, такъ какъ онъ забылъ ему что-то важное еще передать. Авнеръ, ничего не подозрѣвая, поспѣшилъ обратно въ Хевронъ. Но у воротъ города его поджидали Іоавъ и Авишай, и сраженный неожиданнымъ ударомъ меча, Авнеръ упалъ мертвымъ. Іоавъ и Авишай сдѣлали видъ, будто они отомстили Авнеру за смерть брата ихъ Асаила, въ дѣйствительности же они просто хотѣли избавиться отъ соперника, который могъ отодвинуть ихъ на задній планъ.

Давидъ былъ глубоко огорченъ смертью Авнера. Единственный человекъ, который могъ и желалъ мирнымъ путемъ склонить на его сторону всѣ колѣна, былъ измѣннически убитъ наканунѣ осуществленія этого намѣренія. Эта смерть не только лишила Давида незамѣнимаго агитатора, она

и его самого поставила въ довольно неудобное положеніе. Еще болѣе удручающе подѣйствовала вѣсть объ убійствѣ Авнера на Ишъ-Бошета. Объ измѣнническомъ соглашеніи своего полководца съ Давидомъ онъ ничего не зналъ, и могъ поэтому въ лицѣ его оплакивать вѣрнаго друга, незамѣнимаго военачальника и главную опору своего трона. Не менѣе обоихъ царей былъ глубоко огорченъ и обезкураженъ смертью Авнера и весь народъ израильскій. Кто теперь могъ защищать его отъ многочисленныхъ враговъ, то и дѣло готовыхъ напасть на него? Давидъ все еще оставался союзникомъ филистимлянъ. Но едва израильтяне успѣли кое-какъ оправиться отъ одной печальной вѣсти, какъ пришла другая: царь Ишъ-Бошетъ найденъ умерщвленнымъ въ своей постели. Два брата-венямина, предводители разбойничьихъ шайкъ, *Рехабъ* и *Баана*, рѣшили воспользоваться безпомощностью царя и убить его, рассчитывая угодить этимъ Давиду и въ награду за голову его соперника получить отъ него высокія назначенія. Однажды, въ знойный лѣтній день, когда Ишъ-Бошетъ отдыхалъ въ своихъ покояхъ, негодян, пользуясь тѣмъ, что царская стража дремала, проникли въ домъ, умертвили спавшаго царя и, отрубивъ ему голову, поспѣшили съ нею въ Хевронъ. Давидъ, увидѣвъ, какой подарокъ ему принесли, пришелъ въ страшную ярость. Онъ напомнилъ этимъ убійцамъ, что онъ въ свое время велѣлъ казнить амалекита, который думалъ обрадовать его рассказавъ ему, что онъ своими руками, убилъ царя Саула; тѣмъ болѣе заслуживаютъ казни эти израильтяне, убившіе ни въ чемъ неповиннаго человѣка во время сна. По знаку Давида тѣлохранители его отрубили этимъ убійцамъ руки и ноги и повѣсили ихъ затѣмъ у Хевронскаго пруда. Голову-же Ишъ-Бошета царь приказалъ положить въ одинъ гробъ съ останками Авнера. Не смотря на всѣ эти знаки уваженія къ памяти Саула, оставшіеся въ живыхъ потомки послѣдняго со смертью Ишъ-Бошета почувствовали себя какъ-бы осиротѣлыми и въ небезопасномъ положеніи. Сынъ Ионатана, Мефибошетъ, бѣжалъ въ гадитскій городъ Лодбаръ, къ нѣкому Махиру; о томъ-же, что случилось съ Рицпой и ея двумя сыновьями отъ Саула, Арони и Мефибошетомъ, источники не сообщаютъ.

Со смертью Ишъ-Бошета десятиколѣнное царство, само собою разумѣется, досталось Давиду. Среди большинства колѣнъ у него было немало старыхъ приверженцевъ, которые помнили еще его побѣды надъ филистимлянами при Саулѣ и почитали его, какъ царя, избраннаго самимъ Богомъ и помазаннаго пророкомъ Самуиломъ. Другихъ израильтянъ успѣлъ привлечь на его сторону Авнеръ. Но и у тѣхъ даже, которыхъ все еще смущалъ его союзъ съ Ахисемъ, не оставалось другого выбора, какъ признать его законнымъ царемъ и присягнуть ему на вѣрность. Старѣй-

шины изъ разныхъ колѣнъ не замедлили поэтому явиться въ Хевронъ съ почетными дарами въ знакъ покорности новому царю. Даже вѣніамиты, и тѣ присягнули Давиду, хотя многіе изъ нихъ дѣлали это съ затаенной злобой. Завѣтное желаніе Давида такимъ образомъ исполнилось: изъ ничтожнаго царька одного колѣна онъ послѣ столькихъ помѣхъ и страданій сталъ, наконецъ, царемъ всего Израиля. Расколъ между домами Якова и Израиля, на время по крайней мѣрѣ, прекратился. Пророки и священнослужители не только не стали въ враждебныя отношенія къ Давиду, какъ нѣкогда къ Саулу, но, наоборотъ, съ радостью привѣтствовали въ его лицѣ новаго царя. Потомокъ Эліа, первосвященникъ Авіатаръ, бывшій въ числѣ его приближенныхъ и дѣлившій съ нимъ все его испытанія во время преслѣдованія его Сауломъ, былъ, разумѣется, самымъ горячимъ его приверженцемъ. Пророки-же видѣли въ немъ избранника и помазанника самого Самуила, вмѣстѣ съ нимъ нѣкогда состоявшаго въ числѣ его учениковъ-пѣвцовъ. Пророкъ Гадъ былъ вмѣстѣ съ Авіатаромъ въ свитѣ Давида, а другой, *Наманъ*, считался нѣкоторымъ образомъ его духовникомъ. Со стороны обѣихъ духовныхъ корпорацій, пророческой и священнослужительской, Давидъ могъ, слѣдовательно, рассчитывать на полное содѣйствіе всѣмъ своимъ начинаніямъ. Внутри страны положеніе его такимъ образомъ было болѣе или менѣе упрочено. Но извѣстному ему предстояло еще преодолѣть немало трудностей, если онъ хотѣлъ царствовать, какъ свободный и независимый правитель.

Прежде всего Давидъ долженъ былъ порвать съ филистимлянами. Безъ этого онъ никогда не достигъ бы самостоятельности и не могъ рассчитывать на преданность всего народа. Онъ долженъ былъ, слѣдовательно, предпринять кровопролитнѣйшую войну противъ своихъ союзниковъ. Давидъ не могъ, однако, сейчасъ же начать эту войну: филистимляне были еще слишкомъ сильны. Онъ рѣшилъ поэтому сначала обезпечить себя отъ одного маленькаго, но сильнаго народа, жившаго внутри самой израильской земли. Въ средину области вѣніамитовъ, на границѣ ея съ Іудеей, клиномъ врѣзывалась полоса земли, находившаяся во владѣніи іевусеевъ, которыхъ израильтяне во время переселенія своего въ Хананъ не могли покорить. Въ центрѣ этой области былъ высокій холмъ *Ціонъ* (Сіонъ), который благодаря глубокимъ и узкимъ ложбинамъ, его окружавшимъ, и сильнымъ бастіонамъ на немъ возведеннымъ, считался неприступнымъ, особенно съ южной стороны, гдѣ склоны холма подымались изъ оврага почти отвѣсной стѣной. Съ этой горной крѣпости іевусеи господствовали надъ всею окрестностью, чувствуя себя здѣсь въ полной безопасности. Съ своими сосѣдами, вѣніамитами и іевудеями, они, повидимому, жили всегда въ мирѣ, судя по тому, что даже Саулъ

съ ними не воевалъ. Давидъ-же, прежде чѣмъ начать войну съ филистимлянами, нашелъ нужнымъ овладѣть ихъ крѣпостью. Онъ сначала предложилъ іевусеямъ отдать ему ее добровольно, предложивъ имъ, повидимому, выкупъ. Іевусеи самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергли это предложеніе, язвительно замѣтивъ Давиду: „Ты не войдешь въ Сіонъ, пока не перебьешь всѣхъ нашихъ слѣпыхъ и хромыхъ“; этимъ они какъ-бы хотѣли сказать, что даже калѣки въ состояніи съ успѣхомъ защищать столь неприступную крѣпость. Давидъ рѣшилъ тогда взять ее силой. Сознавъ своихъ „героевъ“, онъ объявилъ имъ, что того изъ нихъ, кто первый взберется на вершину Сіона съ южнаго, самаго крутого его склона, онъ въ видѣ особой награды назначитъ своимъ полководцемъ. Велико было соревнованіе между этими удалцами, которые всѣ добивались высокой награды. „Герои“ одинъ за другимъ стали взбираться по обрыву, но іевусеи осыпали ихъ градомъ камней и стрѣлъ. Несмотря на это, Іоаву удалось таки первому добраться до вершины холма. Съ помощью слѣдовавшихъ за нимъ воиновъ онъ взялъ затѣмъ самую крѣпость и перебилъ ея защитниковъ. Убѣдившись, что дальнѣйшее сопротивленіе немислимо, іевусеи запросили мира. Давидъ разрѣшилъ имъ остаться въ родномъ городѣ, но не въ крѣпости, а въ восточной части окружавшаго ее города, на холмѣ Моріа. Эта побѣда, казавшаяся столь трудной и Давиду, однако, доставшаяся сравнительно легко, вызвала въ народѣ поговорку: „Подъ охраной слѣпыхъ и хромыхъ можно спокойно жить въ домѣ“.

Взявъ Сіонъ, Давидъ перенесъ въ него свою резиденцію. Крѣпость стала съ тѣхъ поръ именоваться „Городомъ Давида“, городъ же, ее окружавшій, получилъ свое названіе: *Іерусалимъ* (Іерушалаимъ), происхожденіе котораго неизвѣстно. Прежнее имя Іевусъ было вскорѣ забыто. Въ новозавоеванномъ городѣ поселилась вся царская дружина и приближенные Давида съ семьями своими. Мѣсто, гдѣ устроились храбрѣйшіе царскіе воины, отъ нихъ получило названіе „Дома Героевъ“ (Bet ha-Gibborim). Такъ положено было начало городу, который съ тѣхъ поръ считался священнымъ и оставался такимъ цѣлыя тысячелѣтія. При тогдашнихъ условіяхъ выборъ Сіона для столицы Израіля былъ очень удаченъ. Безъ сомнѣнія Сихемъ, расположенный въ самомъ центрѣ израильской земли, въ мѣстности весьма плодородной, былъ болѣе пригоденъ для столицы. Но Давидъ не могъ сдѣлать своей резиденціей этотъ городъ, жители котораго были къ нему не особенно расположены; гордые и завистливые эфраимиты вообще довольно косо смотрѣли на то, что царь, вышедшій изъ полу-варварскаго Іегудина колѣна, будетъ предписывать имъ законы. Давидъ, только-что вступивъ на престолъ, нуждался между тѣмъ въ поддержкѣ со стороны своего родного колѣна и въ надежной защитѣ противъ

непокорныхъ колѣнъ; такой оплотъ онъ могъ найти лишь въ Иерусалимѣ, расположенномъ на границѣ владѣній Иегудина колѣна и превосходно укрѣпленномъ. Мѣстность, въ которой была заложена новая столица, не можетъ считаться бесплодной, хотя она въ этомъ отношеніи значительно уступаетъ Сихемской области. Въ ложбинахъ ея текли никогда не высыхавшіе потоки *Силоа* и *Этъ-Регель* на юго-западѣ и *Гихонъ* на западѣ, которые въ сухое время года могли снабжать водой городъ и окрестныя поля. Съ трехъ сторонъ Иерусалимъ окруженъ вѣдцомъ холмовъ, которые служатъ ему защитой и украшеніемъ. На востокъ—высокій (2724 ф.) холмъ, получившій названіе *Масличной горы* отъ оливковой рощи, его покрывающей. Съ вершины этого холма взоромъ можно окинуть всю восточную половину страны, до самаго Мертваго моря и даже дальше, до горъ Гилеада. Между Масличной горой и городомъ лежитъ прекрасная *Кидронская долина*, глубиной въ 444 фута. Съ южной стороны холмъ этотъ ниже, а ложбина между нимъ и городомъ—уже: это—прославленная впоследствии долина *Hinnom* (или *Ge-Hinnom*), давшая свое названіе преисподней („геенна“). Съ запада Масличная гора еще ниже, такъ что въ этомъ мѣстѣ ее едва-ли даже можно назвать холмомъ. Между нею и городомъ тянется здѣсь болѣе широкая долина, получившая названіе *Рефаимъ*,—либо потому, что здѣсь нѣкогда обитало первобытное племя исполиновъ-рефаитовъ, либо-же потому, что они въ этомъ мѣстѣ были разбиты иевусеями. Съ сѣвера холмъ переходитъ вновь въ гладкую равнину. Этими холмами и долинами Иерусалимъ защищенъ съ трехъ сторонъ какъ-бы естественными стѣнами и рвами. Внутри самаго города, съ полукруга, окаймленного тремя долинами, съ востока, юга и запада поднимаются три холма, изъ которыхъ западный, *Сіонъ*, самый высокій, сѣверный—самый низкій; третьему, *Моріи*, съ южнымъ его отрогомъ *Офель*, не смотря на то, что онъ ниже двухъ другихъ, суждено было впоследствии превзойти по значенію своему не только *Сіонъ*, но и самыя высочайшія вершины на землѣ.

Филистимляне не могли не понимать, что избраніе Давида царемъ всего израильскаго народа результатомъ своимъ будетъ имѣть не только уничтоженіе его союза съ ними, но и то, что онъ раньше или позже станетъ во враждебныя къ нимъ отношенія. Въ завоеваніи-же Давидомъ Иевуса и перенесенія имъ туда своей резиденціи они увидѣли уже прямую угрозу. Рассчитывая предупредить его и не дать ему времени набрать большое ополченіе изъ всѣхъ колѣнъ, они поспѣшили первые выступить противъ него войной. Перешедши іудейскую границу, филистимскія полчища пошли прямо къ Иерусалиму. Потому-ли, что Давидъ дѣйствительно былъ застигнутъ врасплохъ этимъ внезапнымъ нападеніемъ, либо-же потому, что

онъ хотѣлъ избѣжать сраженія у самой столицы, такъ или иначе, но Давидъ уклонился отъ сраженія и отступилъ съ своимъ войскомъ на югъ, къ Адулламу. Ободренные этимъ походившимъ на бѣгство отступленіемъ, филистимляне чрезъ долину Рефаимъ бросились къ Ветлехему, родинѣ Давида, расположились здѣсь укрѣпленнымъ лагеремъ и стали отсюда предпринимать набѣги, предавая грабежу и опустошенію окрестную іудейскую область. Давидъ, несмотря на это, медлилъ нападеніемъ; войско, которымъ онъ располагалъ, было повидимому, слишкомъ слабо еще, и онъ ждалъ подкрѣпленій отъ нѣкоторыхъ колѣнъ. Но въ то-же время желая передъ рѣшительнымъ сраженіемъ возбудить въ своихъ воинахъ отвагу, онъ изъявилъ однажды желаніе напиться воды изъ бетлехемскаго колодца, находившагося въ рукахъ филистимлянъ. Трое самыхъ удалыхъ воиновъ его Иешобеамъ, Элеазаръ и Шама тотчасъ изъявили готовность удовлетворить это желаніе. Проникнувъ въ Ветлехемъ, эти герои необыкновенной дерзостью своей обратили ошеломленную филистимскую стражу въ бѣгство, набрали воды изъ колодца и принесли ее Давиду въ Адулламъ. Давидъ, однако, отказался пить эту воду, потому что герои добыли ее съ опасностью для своей жизни; онъ хотѣлъ лишь подвергнуть своихъ воиновъ испытанію. Тѣмъ временемъ прибыли подкрѣпленія, и израильское войско выступило на встрѣчу филистимлянамъ. При горѣ *Вааль-Перазимъ* Давидъ нанесъ имъ столь рѣшительное пораженіе, что впоследствии его сравнивали съ такой-же рѣшительной побѣдой, нѣкогда одержанной Іошуйю при Гивеонѣ. Въ своемъ дикомъ бѣгствѣ непріятель оставилъ на полѣ сраженія даже своихъ идоловъ; израильтяне подобрали ихъ и сожгли. Несмотря на это пораженіе, филистимляне не оставили своего намѣренія подчинить себѣ Давида, а съ нимъ и весь израильскій народъ. Продолжая свои набѣги, они однажды снова проникли въ долину Рефаимъ, а въ другой разъ дошли до Эфесъ-Дамима, гдѣ Давидъ нѣкогда сразилъ въ единоборствѣ Голиаѳа. Израильтяне, однако, всегда и съ успѣхомъ ихъ отражали; войско Давида въ сраженіяхъ и герои его въ поединкахъ проявляли при этомъ настоящія чудеса храбрости.

Давидъ, однако, не довольствовался уже одной обороной и рѣшилъ перейти въ наступленіе. Чтобы обезпечить своей странѣ миръ и спокойствіе и положить конецъ набѣгамъ этого маленькаго, но сильнаго племени, которое непрестанно искало войны и стремилось расширить свои владѣнія, онъ долженъ былъ сдѣлать его безвреднымъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ былъ бы принужденъ держать постоянно наготовѣ большое войско, на случай все новыхъ и новыхъ нападеній. Въ это самое время, повидимому, первый или второй царь тирскій *Хирамъ* напалъ на сѣверныхъ филистимлянъ и изгналъ ихъ изъ нѣкогда завоеванной ими фи-

никійской области у побережья. Весьма возможно, что Давидъ, который былъ въ дружбѣ съ этимъ царемъ, заключилъ съ нимъ союзъ противъ общаго врага и, получивъ отъ него значительныя подкрѣпленія, предпринялъ большую наступательную войну противъ филистимлянъ. Собравъ все свое войско, Давидъ перешелъ границу и направился къ филистимской столицѣ Гатъ, находившейся въ кратчайшемъ разстояніи отъ іудейской области. Филистимляне оказали, разумѣется, самое упорное сопротивленіе. Произошелъ цѣлый рядъ кровопролитнѣйшихъ схватокъ, въ которыхъ герои Давида имѣли неоднократно случай вновь отличиться. Передъ каждой изъ этихъ стычекъ филистимляне, по своему обыкновенію, предлагали израильскому войску рѣшить дѣло поединкомъ, выставляя съ своей стороны богатырей изъ сохранившихся еще среди нихъ рефантовъ. Обстоятельства, однако, измѣнились: въ то время, какъ въ дни юности Давида среди израильтянъ нельзя было найти ни одного воина, который рѣшился бы принять вызовъ Голіаѳа, теперь въ войскѣ Давида каждый разъ оказывалось по тридцати и болѣе храбрецовъ, горѣвшихъ желаніемъ сразиться съ филистимскими богатырями. Одинъ изъ этихъ тридцати храбрѣйшихъ, *Сибхай* изъ Хуши, одолѣлъ въ бою великана *Сипая* изъ Гата; другой, *Элхананъ* изъ Бетлехема, сразилъ брата Голіаѳа *Лакми*, выпешаго на поединокъ въ такомъ же тяжеломъ вооруженіи, какъ нѣкогда его братъ; племянникъ Давида, *Ионатанъ*, поборолъ одного гиганта, у котораго, по преданію, на каждой рукѣ и ногѣ было по шести пальцевъ. Разъ даже вышелъ на поединокъ самъ Давидъ; но, уставъ отъ продолжительной борьбы, онъ едва не былъ убитъ своимъ противникомъ, единоборцемъ *Ишби* изъ Гата. Къ счастью братъ Іоава, Авишай, во время подоспѣлъ къ нему на помощь, однимъ ударомъ сразилъ богатыря и послѣ того копьемъ своимъ убилъ триста филистимлянъ. Въ виду этого случая „герои“ взяли съ Давида слово, что онъ никогда больше не станетъ вступать въ единоборство и вообще лично не будетъ принимать участія въ сраженіяхъ, дабы, какъ они говорили, „не погасъ свѣточъ Израіля“.

Послѣ цѣлаго ряда стычекъ и поединковъ израильтянамъ удалось наконецъ нанести филистимлянамъ пораженіе столь рѣшительное, что побѣжденные принуждены были уступить своимъ побѣдителямъ самую столицу свою Гатъ со всей ея областью. Роли такимъ образомъ перемѣнились: прежній сюзеренъ Давида Ахишъ сталъ его вассаломъ, и филистимская столица, у которой израильскій царь нѣкогда просилъ пріюта, теперь сама должна была платить ему дань. Это окончательное усмиреніе филистимлянъ имѣло чрезвычайно важное значеніе: оно надолго обезпечило израильтянамъ миръ и развязало имъ руки. Ибо, кромѣ филистимлянъ, у нихъ не было другихъ враговъ, которые бы ихъ до такой степени тревожили. Имѣя

къ тому полную возможность, Давидъ не пожелалъ, однако, довести до конца завоеваніе филистимской земли и оставилъ въ покоѣ прочіе неприятельскіе города, Газу, Аскалонъ, Ашдодъ и Экронъ; даже самую столицу онъ, кажется, впоследствии возвратилъ филистимскому царю. Очевидно, онъ имѣлъ свои основанія не доводить побѣжденныхъ до крайности, считая болѣе благоразумнымъ имѣть въ нихъ покорныхъ данниковъ, чѣмъ враговъ, доведенныхъ до отчаянія.

Покореніе могущественныхъ филистимлянъ еще больше подняло престижъ Давида въ глазахъ народа и доставило ему почетъ и уваженіе со стороны сосѣднихъ племенъ. Финикійскій царь Хирамъ, который изъ-за филистимлянъ долженъ былъ перенести свою резиденцію изъ Сидона въ Тиръ, отправилъ къ Давиду пословъ, предлагая ему вступить съ нимъ въ союзъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ ему кедровый лѣсъ и всякіе строительные матеріалы, для того, чтобы онъ достойнымъ образомъ украсилъ свою новую столицу. Хирамъ не меньше самого Давида радовался усмиренію филистимлянъ, которое положило конецъ ихъ завоевательнымъ набѣгамъ и на его владѣнія. Тирскому царю особенно важно было имѣть Давида своимъ союзникомъ для того, чтобы финикійскіе торговые караваны, направляясь въ Египетъ, могли безпрепятственно проходить по израильской странѣ. Давидъ охотно принялъ предложеніе Хирама и между обоими царями такимъ образомъ установились дружескія отношенія. Давидъ воспользовался также и другимъ предложеніемъ Хирама, въ видахъ укрѣпленія Іерусалима и украшенія его постройками. Финикіяне уже въ то время довели строительное искусство до извѣстной степени совершенства. Архитектура у этого народа развилась изъ кораблестроенія, въ которомъ эти древнѣйшіе мореплаватели уже въ незапамятныя времена были очень искусны. На родинѣ своей, какъ и въ колоніяхъ, ими основанныхъ, они въ виду своихъ обширныхъ торговыхъ сношеній должны были укрѣплять свои города, которые у нихъ представляли ничто иное, какъ обширные склады товаровъ. Накопленныя-же ими богатства вызвали у нихъ потребность въ удобныхъ и красивыхъ жилищахъ. Стремясь поднять Іерусалимъ до одного уровня съ другими большими городами того времени, Давидъ просилъ Хирама прислать ему, согласно его предложенію, строительные матеріалы и архитекторовъ. Съ помощью этихъ послѣднихъ Іерусалимъ прежде всего былъ укрѣпленъ, повидимому съ одной сѣверной стороны, откуда доступъ къ нему былъ всего легче. Небольшой Сіонскій холмъ, или „Городъ Давида“, тогда уже съ трудомъ вмѣщалъ всѣхъ жителей, въ немъ поселившихся, а вѣдь нельзя-же было не имѣть въ виду постояннаго прироста населенія. Невысокій холмъ, лежавшій къ сѣверу отъ Сіона, былъ поэтому присоединенъ къ городу и впоследствии получилъ названіе *Милло*,

что означаетъ ограду, такъ какъ этотъ холмъ былъ позже обведенъ стѣной. По отношенію къ старому „Городу Давида“ этотъ холмъ стали называть „новымъ“ или „второй частью“ Іерусалима. Третій холмъ Моріа и его отрогъ Офель оставались пока внѣ городской черты и вообще въ то время не принадлежали къ Іерусалиму, такъ какъ тамъ жили исключительно іевусеи, при взятіи города пощаженные Давидомъ. Давидъ построилъ себѣ затѣмъ дворецъ изъ кедроваго дерева, доставленнаго съ Ливана. Для Іоава и прочихъ приближенныхъ царя были также выстроены обширные и прекрасные дома, хотя не изъ кедра, а изъ другаго цѣннаго дерева, кипариса.

Укрѣпивъ свою столицу и украсивъ ее цѣлымъ рядомъ новыхъ домовъ, Давидъ позаботился также и о томъ, чтобы изъ нея сдѣлать религіозный центръ, на который были-бы обращены взоры всего народа. Онъ принялъ мѣры къ тому, чтобы ковчегъ завѣта былъ доставленъ въ Іерусалимъ изъ Кириать-Іеарима, гдѣ онъ со времени освобожденія его изъ филистимскаго плѣна оставался въ домѣ нѣкоего Авинадова. Вмѣстѣ съ тѣмъ Давидъ приказалъ соорудить для него великолѣпный шатеръ (скинію). Преданіе гласитъ, что Давидъ далъ однажды обѣтъ войти въ свой домъ, лечь въ постель и предаться сну не раньше, чѣмъ онъ найдетъ мѣсто для ковчега. Въ сопровожденіи большой свиты изъ левитовъ и приближенныхъ царь отправился въ Кириать-Іеаримъ, находившейся на разстояніи трехъ часовъ пути къ сѣверо-западу отъ Іерусалима. Ковчегъ былъ поставленъ на новую колесницу, запряженную быками; обязанности возничихъ взяли на себя сыновья Авинадова, изъ которыхъ одинъ, Уза или Элеазаръ, до того много лѣтъ охранявшій ковчегъ, шелъ рядомъ съ колесницей, а другой, Ахія, велъ быковъ. Хоръ левитовъ и самъ Давидъ распѣвали при этомъ пѣсни подъ аккомпаниментъ струнныхъ инструментовъ. Но по пути вдругъ случилось несчастье. Уза, шедшій рядомъ съ колесницей, внезапно упалъ мертвымъ. Испуганный этимъ, Давидъ побоялся везти ковчегъ въ Іерусалимъ, опасаясь, что онъ причинитъ жителямъ его столько же несчастій, сколько онъ нѣкогда причинилъ филистимлянамъ и городу Ветшемену. Но такъ какъ святыня не принесла никакого вреда дому, въ которомъ она послѣ того оставалась въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ, то Давидъ распорядился, чтобы ковчегъ доставили въ Сіонъ; на этотъ разъ его, однако, не везли, а несли на рукахъ левиты. При трубныхъ звукахъ, радостныхъ кликахъ огромной толпы народа и пляски женщинъ святыня была внесена въ воздвигнутую для нея скинію. Самъ царь, забывъ свой санъ, съ большимъ одушевленіемъ пѣлъ и плясалъ предъ ковчегомъ, чѣмъ вызвалъ ѣдкое замѣчаніе со стороны своей супруги Михаль, что онъ при всемъ народѣ дѣлаетъ изъ себя шута.

Благодаря ковчегу, Иерусалимъ въ глазахъ народа сталъ священнымъ городомъ, занявъ мѣсто давно разрушеннаго Шилома. Скинія завѣта и воздвигнутый при ней алтарь не могли, конечно, оставаться безъ священнослужителей. Санъ первосвященника получилъ, разумѣется, Авиатаръ, вѣрный спутникъ Давида въ его многолѣтнихъ странствованiяхъ. Въ Гивеонѣ между тѣмъ жилъ другой первосвященникъ, *Цадокъ*, назначенный еще Сауломъ, послѣ истребленiя въ Новѣ потомковъ Элія. Давидъ не могъ лишиться его сана, такъ какъ это неминуемо вызвало-бы раздоры, и долженъ былъ поэтому признать ихъ обоихъ первосвященниками, предоставивъ Авиатару служить въ Иерусалимѣ, а Цадоку въ Гивеонѣ. Въ качествѣ поэта и музыканта, нѣкогда участвовавшаго въ левитскихъ хорахъ, Давидъ, по примѣру Самуила, ввелъ хоровое пѣніе псалмовъ при торжественномъ богослуженiи въ Иерусалимской скиніи. Въ соответственныхъ случаяхъ онъ самъ при этомъ слагалъ хвалебныя псалмы,—когда онъ, на примѣръ, возвращался въ Иерусалимъ послѣ побѣды, одержанной надъ врагами, и по поводу другихъ счастливыхъ событiй, когда душа его была полна признательности къ Богу и онъ чувствовалъ въ себѣ приливъ поэтическаго вдохновенiя. Изъ этихъ сложенныхъ самимъ Давидомъ псалмовъ до насъ дошли лишь весьма немногіе, но что онъ дѣйствительно не только пѣлъ, но и самъ составлялъ эти гимны, видно уже изъ того, что потомство всегда приписывало ему большинство псалмовъ, вошедшихъ въ всемо известное собраніе ихъ. Не подлежитъ во всякомъ случаѣ сомнѣнію, что Давидъ первый далъ образцы для этого возвышеннаго рода поэтическихъ произведенiй. Рядомъ съ царемъ въ качествѣ слагателей псалмовъ прославились и другіе современные поэты и музыканты: *Асафъ*, *Гоманъ* и *Иедутунъ*. Отъ нихъ-же произошли цѣлая генерациа псалмослагателей и псалмопѣвцевъ, *осафиды и корахиды* (Bené-Kogach). По приказанію Давида Асафъ съ своимъ хоромъ отправлялъ божественную службу при Иерусалимской скиніи, а его товарищи Гоманъ и Иедутунъ—при Гивеонскомъ алтарѣ. Давидъ такимъ образомъ далъ прочное основаніе и дальнѣйшее развитіе впервые введенному Самуиломъ въ израильскій культъ богослужебному ритуалу. Поощряя жертвоприношенiя, царь рядомъ съ ними ввелъ и хоровое пѣніе псалмовъ, какъ средство, облагораживающее душу и содѣйствующее укрѣпленію въ ней религіознаго чувства. Въ такую эпоху, когда у прочихъ народовъ поэзія была еще только въ зародышѣ, у израильтянъ она играла уже весьма видную роль, какъ основной элементъ богослуженiя.

Какъ въ области религіозной Давидъ положилъ основаніе богослужебному ритуалу, такъ онъ въ сферѣ общественныхъ отношенiй былъ творцомъ государственнаго строя, основаннаго на справедливости. Онъ

самъ засѣдалъ въ судѣ, неутомимо выслушивалъ жалобы отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ группъ населенія, спорившихъ другъ съ другомъ, и произносилъ свои приговоры съ полнымъ безпристрастіемъ. Царскимъ саномъ Давидъ такимъ образомъ пользовался не только для проявленія силы своей и власти, но и для водворенія справедливости и милости. И недаромъ онъ и въ позднѣйшія времена пользовался славой идеальнаго царя, престола котораго былъ оплотомъ правосудія, а скипетръ—залогомъ внутренняго мира. Иерусалимъ, благодаря ему, былъ поднятъ на степень идеальнаго города, гдѣ впервые въ древности нашли себѣ пріютъ истинное, чистое богопочитаніе и возвышенная справедливость. Одинъ изъ позднѣйшихъ поэтовъ прославлялъ царя и его столицу въ слѣдующемъ псалмѣ:

„Иерусалимъ устроенъ, какъ городъ,
Гдѣ царитъ всеобщее братство;
Туда стекаются колѣна,
Колѣна Господа Израиля,
Какъ въ сборный пунктъ народа,
Чтобы славить имя Господа;
Тамъ престолы правосудія,
Престолы дома Давидова!“¹⁾

По выраженію пророка Іешая, Иерусалимъ при Давидѣ представлялъ „надежный оплоть справедливости, въ которомъ обитала правда“²⁾.

Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ,—освобожденію народа отъ филистимскаго ига, водворенію въ странѣ мира и спокойствія и справедливому своему управленію,—Давидъ, какъ въ дни юности своей, сталъ любимцемъ народа. Искренняя преданность и вѣрность ему его подданныхъ установилась сама собой, и царю не приходилось добиваться ея какими-либо искусственными средствами, а тѣмъ менѣе силой. Въ видахъ обороны страны Давидъ ввелъ нѣкоторыя перемѣны. Порядокъ внутренняго управленія остался тотъ-же. По прежнему старшіе въ родѣ управляли родовыми группами, а глава старѣйшей въ родѣ семьи считался княземъ или начальникомъ всего колѣна (Noszi, Bet-Ab). Эти князья служили представителями колѣнъ предъ царемъ. Но по отношенію къ военной повинности, свободѣ или, вѣрнѣе, произволу отдѣльныхъ колѣнъ, былъ положенъ конецъ. Каждое колѣно въ случаѣ войны обязано было поставлять въ ополченіе (Zaba) опредѣленное число способныхъ носить оружіе мужчинъ, начиная съ двадцатилѣтняго возраста. Этими воинскими наборами завѣдывалъ специальный чиновникъ, котораго называли *счетчикомъ* или регистраторомъ (Sopher); на обязанности его лежало занесеніе въ списокъ именъ всѣхъ годныхъ

¹⁾ Псаломъ 122, 2—5.

²⁾ Іешая, 1, 21.

къ военной службѣ молодыхъ людей, наблюденіе за своевременнымъ ихъ прибытіемъ къ призыву и принятіе принудительныхъ мѣръ противъ уклонившихся отъ службы и запаздывавшихъ. Эту важную должность Давидъ поручилъ нѣкому *Шаишъ*, отъ котораго она перешла къ его потомкамъ. Всѣмъ ополченіемъ командовалъ одинъ полководецъ (*Sar ha-Zaba*), между тѣмъ какъ въ прежнія времена ополченіями отдѣльныхъ колѣнъ командовали ихъ князья. Давидъ содержалъ также наемные отряды, вербуя ихъ среди воинственныхъ языческихъ народцевъ *Крети*, изъ мѣстности того-же имени, входившей въ составъ филистимскихъ владѣній, и *Плэти*, неизвѣстнаго происхожденія. Этими наемными отрядами командовалъ одинъ изъ Давидовыхъ „героевъ“ *Бенаягу*, сынъ Іояды. Съ народнымъ ополченіемъ эти отряды не смѣшивались и въ сраженіяхъ дрались отдѣльной группой. Далѣе, Давидъ первый назначилъ одного изъ высшихъ сановниковъ своихъ для записыванія важныхъ—или казавшихся въ то время важными—событій, въ странѣ происходившихъ, а равно и услугъ, оказанныхъ царю, или проступковъ, противъ него совершенныхъ; это былъ *записыватель* или лѣтописецъ (*Maskihr*). Нензбѣжнымъ атрибутомъ королевской власти является, какъ извѣстно, фаворитизмъ; Давидъ также имѣлъ своего фаворита, которому онъ одному довѣрялъ въ затруднительныхъ случаяхъ, и особенно въ такихъ дѣлахъ, которыя не любятъ постороннихъ глазъ и ушей. Это былъ нѣкій *Хушай Арки*, эфраимитъ изъ города Эрка. На долю Давида выпало особое счастье: въ числѣ своихъ приближенныхъ онъ имѣлъ одного, который разумными и полезными совѣтами своими не разъ выручалъ царя изъ большихъ затрудненій. Это былъ *Ахитофель*, изъ іудейскаго города Гило. Про него говорили, что его совѣты такъ-же непогрѣшимы, какъ откровенія самого Бога, переданныя устами первосвященника. Этому умному, слишкомъ даже умному совѣтнику въ послѣдствіи суждено было сыграть весьма важную роль въ жизни царя.

Совѣтъ Давида, какъ судьи, подверглась однажды тяжелому испытанію. Въ странѣ послѣ двухлѣтней засухи насталъ продолжительный голодъ. Бѣдствіе стало еще грознѣе, когда и третьей весной не выпало ни капли дождя. Народъ въ страшной нуждѣ обратился тогда за помощью къ царю. Израильтяне смотрѣли на это несчастье, какъ на тяжкую кару Божию за какое-то нераскрытое и оставшееся безнаказаннымъ преступленіе. Давидъ обратился къ первосвященнику Авіатару, стараясь чрезъ него узнать, кто именно и чѣмъ вызвалъ столь великій гнѣвъ Божій. Отвѣтъ гласилъ „Голодъ наступилъ по винѣ Саула, жестоко преслѣдовавшаго гивеонитовъ“ (см. стр. 174) Получивъ этотъ отвѣтъ, Давидъ призвалъ уцѣлѣвшихъ отъ Сауловой рѣзни гивеонитовъ въ Іерусалимъ и спросилъ ихъ, какого удовлетворенія они хотятъ за обиду, нанесенную ихъ народу

Сауломъ. Отклонивъ предложенное имъ должное вознагражденіе, гивеониты въ видѣ искупительной жертвы потребовали, чтобы всѣ оставшіеся еще въ живыхъ потомки Саула были повѣшены въ бывшей его резиденціи Гивеатъ-Саулѣ. Требованіе это Давидъ нашелъ законнымъ и подлежащимъ удовлетворенію, ибо Саулъ во всякомъ случаѣ насильственнымъ образомъ нарушилъ клятвенный договоръ, который израильтяне при вступленіи своемъ въ Ханаанъ заключили съ гивеонитами. По понятіямъ-же и обычаямъ того времени кровопролитіе, соединенное съ клятвopреступленіемъ, могло быть искуплено только кровью-же, хотя-бы и дѣтей, расплачивающихся за преступленія ихъ отцовъ. Если-бы Давидъ вздумалъ пощадить потомство Саула, онъ возстановилъ-бы противъ себя весь народъ, который могъ думать, что царь, уклоняясь отъ искупительной жертвы, не заботится объ избавленіи страны отъ постигшаго ее бѣдствія. Съ другой стороны, удовлетвореніемъ требованія гивеонитовъ, Давидъ могъ навлечь на себя подозрѣніе въ томъ, что онъ радъ случаю истребить потомковъ Саула изъ личной мести или другихъ эгоистическихъ побужденій. Не смотря на эти послѣднія опасенія, Давидъ, скрѣпя сердце, рѣшился исполнить жестокое требованіе гивеонитовъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ было и требованіемъ всего народа. Оба сына Саула отъ его наложницы Рицпы и его внуки отъ дочери его Меравъ были розысканы и выданы гивеонитамъ, которые предали несчастныхъ лютой казни, собственноручно повѣсивъ ихъ въ томъ самомъ Гивеатъ-Саулѣ, въ которомъ ихъ отецъ и дѣдъ нѣкогда носили корону. Давидъ пощадилъ только одного внука Саула, сына Ионатана, Мефибошета, помня клятву, которую онъ далъ своему другу въ томъ, что онъ будетъ вѣчнымъ заступникомъ за его потомство. Тѣла повѣшенныхъ должны были оставаться на висѣльницѣ до тѣхъ поръ, пока не выпадеть дождь. Но небо долго еще послѣ того не посылало ни одной капли. При этомъ прекрасная Рицпа,—изъ-за которой Авнеръ разошелся съ Ишъ-Вошетомъ,—показала, на что способна материнская любовь. Не допуская, чтобы тѣла ея сыновей достались въ добычу орламъ и шакаламъ, она поселилась на той самой скалѣ, на которой стояла висѣлица, и въ теченіе лѣта самымъ бдительнымъ образомъ оберегала ихъ, днемъ терпя страшную жару, а ночи напролетъ проводя безъ сна. Осенью, когда выпалъ, наконецъ, дождь, трупы были сняты съ висѣлицы. По приказанію Давида, имъ были оказаны послѣднія почести. По этому случаю царь приказалъ также доставить изъ Явешъ-Гилеада останки Саула и Ионатана и вмѣстѣ съ тѣлами ихъ родныхъ предать ихъ погребенію въ фамильномъ склепѣ семьи Кишъ въ *Цель* (близъ Гивеатъ-Саула). Во время погребальной церемоніи Давидъ приказалъ левитскому хору пропѣть его глубоко-прочувствованную элегію на смерть Саула и Ионатана, чтобы еще разъ показать

народу, какъ близко онъ принимаетъ къ сердцу гибель вѣніамитской династїи. Единственнаго оставшагося въ живыхъ внука Саула и сына Іонатана, Мефибошета, жившаго въ домѣ одного знатнаго израильянина за Іорданомъ (см. стр. 210), Давидъ пригласилъ въ Іерусалимъ и, помѣстивъ его въ своемъ дворцѣ, обращался съ нимъ, какъ съ роднымъ сыномъ. Царь отдалъ ему личныя имѣнія Саула въ Вѣніаминовой области, поручивъ управленіе имъ одному изъ его бывшихъ рабовъ. Несмотря на все это, вѣніамиты втайнѣ обвиняли Давида въ томъ, что онъ истребилъ домъ Саула, пощадивъ одного лишь неспособнаго быть царемъ, хромого Мефибошета. Позже, когда счастье отвернулось отъ Давида, вѣніамиты за это бросали въ него камнями.

ГЛАВА VIII.

Д а в и д ъ.

(продолженіе)

Войны Давида и побѣды его надъ моавитами, аммонитами, арамейцами и идумейцами. Побѣдный псаломъ Давида. Грѣхъ съ Батшевой и его послѣдствія. Месть Ахитофеля и позорный поступокъ Амїона. Братоубійство. Бѣгство Авесалома и вмѣшательство Іоава. Умная текоитянка. Возвращеніе Авесалома и его интриги. Приготовленія Давида къ обширной войнѣ. Народная перепись, чума и недовольство въ народѣ. Заговоръ Авесалома и бѣгство Давида. Озлобленные враги и вѣрные друзья царя. Походъ сына противъ отца. Пораженіе Авесалома и его смерть. Возвращеніе Давида въ Іерусалимъ и соревнованіе колѣнъ. Призывъ Шевы къ мятежу. Амаца и Іоавъ. Осада Авели и Дана. Желаніе Давида построить въ Іерусалимѣ храмъ не осуществляется. Послѣдній псаломъ Давида. Старческая немощь его. Адоція, съ одной, и Соломонъ, съ другой стороны провозглашаются царями. Смерть Давида. Дѣянія его.

(Около 1035—1015 гг.)

Послѣ двадцати лѣтъ мирнаго царствованія Давидъ былъ вовлеченъ въ цѣлый рядъ большихъ войнъ, которыя совершенно отвлекли его отъ его мирной дѣятельности, направленной къ водворенію порядка въ странѣ и внесенію началъ справедливости въ ея общественныя отношенія. Эти войны съ отдаленными народами, навязанныя Давиду противъ его воли, совершенно неожиданно увеличили его могущество и вызвали необычайный подъемъ духа въ народѣ. Прежде всего Давидъ пошелъ войной на моавитовъ, несмотря на то, что онъ съ царемъ ихъ прежде былъ въ большой дружбѣ и во время своихъ скитаній былъ имъ весьма радушно принятъ (см. стр. 189). Что именно заставило Давида воевать съ этимъ народомъ, жившимъ далеко за Мертвымъ моремъ, неизвѣстно; можно лишь предполагать, что поводомъ къ тому послужило умерщвленіе родителей Да-

вида, которыхъ онъ тамъ оставилъ, какъ ему казалось въ полной безопасности; возможно также, что Давидъ вступился за рувимитовъ, которые жили во сосѣдствѣ съ моавитами и которыхъ, какъ болѣе слабыхъ, послѣдніе, по всей вѣроятности, притѣсняли. Давидъ во всякомъ случаѣ за что-то мстилъ моавитамъ, такъ какъ ни съ однимъ изъ побѣжденныхъ народовъ онъ не расправлялся съ такой жестокостью, какъ съ ними. Многочисленные воины, взятые у нихъ въ плѣнъ, были, по преданію, положены на землю густыми рядами: изъ каждаго трехъ рядовъ два безопасно истреблялись и только третій оставался въ живыхъ. Вся страна Моавъ была подчинена израильтянамъ и должна была ежегодно посылать дань въ Иерусалимъ; воины Давидовы привезли изъ этого похода богатую добычу.

Когда нѣсколько времени спустя умеръ аммонитскій царь Нахишъ, то Давидъ, жившій и съ нимъ въ дружбѣ, отправилъ къ его сыну *Хануну* посольство, чтобы выразить ему свое соболѣзнованіе. Приближенные новаго царя, знавшіе о страшной участи, только-что постигшей моавитовъ, усмотрѣли въ этихъ послахъ соглядатаевъ, подъ благовиднымъ предлогомъ посланныхъ будто-бы израильскимъ царемъ для того, чтобы они все посмотрѣли у нихъ въ странѣ и такимъ образомъ облегчили бы Давиду ея завоеваніе. По наущенію этихъ приближенныхъ Ханунъ приказалъ схватить пословъ, обрѣзать имъ бороды и платья и полуобнаженными выводить ихъ изъ предѣловъ страны. Послы, стыдившіеся въ такомъ смѣшномъ видѣ явиться въ Иерусалимъ, сообщили о нанесенномъ имъ оскорбленіи Давиду. Царь немедленно сталъ готовиться въ походъ. Созвано было все израильское ополченіе, собралась вся дружина царская и къ нимъ,—впервые, по всей вѣроятности,—присоединены были наемные отряды Крети и Плэти, незадолго до того на вербованные и состоявшіе подъ командой одного изъ „героевъ“ Давидовыхъ, *Бенаягу*. Ханунъ же, зная, что Давидъ не проститъ ему оскорбленія, нанесеннаго его посламъ, также сталъ готовиться къ войнѣ. Не надѣясь на свое собственное войско, онъ нанялъ большой отрядъ изъ арамейцевъ, жившихъ между Хермономъ и Евфратомъ и охотно нанимавшихся на службу къ другимъ народамъ. Наибольшее число (20,000) наемныхъ солдатъ доставилъ Хануну арамейскій царь *Гададезеръ*, столица котораго *Цова*, лежала у Евфрата. Давидъ самъ въ этотъ походъ не отправился, поручивъ главное командованіе своими войсками вполне надежному и искусному полководцу своему *Иоаву*. Переправившись съ ратью своей чрезъ Иорданъ, Иоавъ нашелъ уже арамейское наемное войско вблизи аммонитской столицы *Раббатъ-Аммона*. Чтобы не очутиться межъ двухъ огней, онъ послѣшилъ разбить свое войско на два отряда; во главѣ одного изъ нихъ онъ напалъ на арамейцевъ, предоставивъ другому, подъ предводительствомъ его брата

Авишая, раздѣлаться съ аммонитами. Свой отрядъ Іоавъ воодушевилъ на бой краткой, но выразительной рѣчью: „Братья,—сказалъ онъ воинамъ,—будемъ храбро драться за свой народъ и за наши города, а Господь Богъ пусть дѣлаеть, что ему угодно!“ Израильтяне съ Давидовой дружиной и съ „героями“ во главѣ бросились на арамейцевъ и вскорѣ обратили ихъ въ бѣгство; аммониты, увидѣвъ это пораженіе, пришли въ такой страхъ, что поспѣшили бросить свой лагерь и укрылись за стѣнами своей столицы.

Для израильскаго воинства это былъ счастливый день. Ибо блестящая побѣда надъ огромной арамейской ратью досталась имъ не чудомъ или похожимъ на чудо вмѣшательствомъ, а единственно лишь благодаря ихъ собственной храбрости и военному искусству. Іоавъ послѣ этого возвратился въ Іерусалимъ, чтобы извѣстить царя объ одержанной имъ побѣдѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ предложить ему предпринять большую экспедицію противъ арамейцевъ и такъ усмирить ихъ, чтобы они не въ состояніи были больше принимать участіе въ войнахъ противъ израильтянъ. Давидъ принялъ это предложеніе и съ побѣдоноснымъ войскомъ своимъ, только-что возвратившимся изъ-за Іордана и усиленнымъ новыми подкрѣпленіями, самъ отправился въ походъ противъ арамейцевъ. Правда, и Гададезеръ поспѣшилъ послать своему побитому войску новыя подкрѣпленія и новаго полководца, *Шобаха*, однако, когда дѣло дошло до рѣшительнаго сраженія, у города *Хайлама*, то арамейскія полчища были вторично разбиты, а новый полководецъ ихъ палъ въ бою. Арамейскіе князья, вассалы могущественнаго Гададезера, поспѣшили тогда заключить миръ съ Давидомъ. Это были князья *Рехова*, на сѣверѣ Хермона, и *Маахи* или Беть-Маахи, на восточной сторонѣ той-же возвышенности. Третій арамейскій царь, князь *Хамата*, по имени *Thôî*, враждовавшій съ Гададезеромъ, отправилъ своего сына *Іорама* къ Давиду съ дарами, привѣтствуя его съ побѣдой надъ общимъ врагомъ. Давидъ, продолжавшій между тѣмъ преслѣдовать арамейцевъ, дошелъ до самой резиденціи Гададезера, вблизи Евфрата, и въ третій разъ разбилъ ихъ на голову, забравъ въ плѣнъ всю ихъ конницу и захвативъ ихъ боевыя колесницы. Истребивъ огнемъ много городовъ въ области Цова, Давидъ пошелъ на Дамаскъ, царь котораго оказалъ помощь Гададезеру, и взялъ также и этотъ городъ. Дамаскъ съ тѣхъ поръ подпалъ подъ власть израильтянъ. Во всѣхъ покоренныхъ арамейскихъ областяхъ, отъ Хермона до Евфрата, Давидъ поставилъ своихъ намѣстниковъ, которые должны были взимать дань съ населенія. Самъ Давидъ и его военачальники не ожидали столь блестящаго успѣха. Эти рѣшительныя побѣды надъ могущественнымъ арамейскимъ царемъ прославили имя великаго царя израильскаго на всемъ востокѣ; всѣ окружающіе народы, раньше тѣснившіе израильтянъ, теперь трепетали предъ ними.

Царь аммонитскій Ханунъ между тѣмъ не понесъ еще наказанія за оскорбленіе, нанесенное имъ Давиду въ лицѣ его пословъ. Будучи въ теченіе цѣлаго года занято войной съ арамейцами, израильское войско не могло ничего противъ него предпринять. И только по окончаніи этой большой экспедиціи Давидъ отправилъ противъ Хануна большое войско подъ предводительствомъ Іоава. Этотъ походъ сверхъ ожиданія вызвалъ еще новую войну. Оказалось, что идумейцы, жившіе на южномъ берегу Мертваго моря, также, подобно арамейцамъ, поддерживали аммонитовъ, посылая имъ подкрѣпленія. Давидъ рѣшилъ поэтому и ихъ наказать, и отправилъ противъ нихъ второго полководца своего, брата Іоава, Авшпая. Покореніе этого въ сравненіи съ арамейцами незначительнаго племени представляло такъ мало трудностей, что израильское войско могло быть раздѣлено на двѣ части. Іоаву между тѣмъ пришлось довольно долго бороться съ аммонитами, которые боялись выступить противъ израильтянъ въ открытомъ бою и продолжали укрываться за крѣпкими стѣнами своей столицы, безпокою осаждавшихъ своими внезапными вылазками. У Іоава между тѣмъ не было на осадныхъ, ни стѣнобойныхъ орудій; его воины пытались, правда, неоднократно взбираться на стѣны Раббатъ-Аммона съ помощью штурмовыхъ лѣстницъ, но были каждый разъ отбрасываемы, осыпаемые градомъ камней и стрѣлъ. Послѣ цѣлаго ряда такихъ безуспѣшныхъ попытокъ Іоаву удалось, наконецъ, однажды, послѣ стремительнаго натиска, взять одну часть города. Онъ успѣшилъ дать знать объ этомъ Давиду и просилъ, чтобы онъ самъ прибылъ на мѣсто и принялъ участіе въ штурмѣ аммонитской столицы, для того, чтобы побѣда осталась за нимъ однимъ. Давиду, прибывшему съ свѣжими войсками, дѣйствительно вскорѣ удалось взять Раббатъ-Аммонъ. Израильтянамъ досталась богатая добыча. На радостяхъ Давидъ самъ увѣнчалъ себя золотой, унизанной драгоценными камнями короной главнаго аммонитскаго идола *Малкома* (Милкома). Самый городъ повидимому не былъ разрушенъ, и населеніе его не было истреблено: вопреки своему первоначальному намѣренію, Давидъ оставилъ жителей Раббатъ-Аммона въ живыхъ, обративъ ихъ въ рабство. Они должны были исполнять для израильтянъ разныя тяжелыя работы: тесать камни, дѣлать кирпичи, рубить дрова и т. д. Та же участь постигла и жителей прочихъ аммонитскихъ городовъ. Царь ихъ Хинунъ былъ, повидимому, казненъ или бѣжалъ. Въмѣсто него Давидъ поставилъ царемъ Аммона и своимъ данникомъ его брата *Шоби*.

Авишай тѣмъ временемъ съ неменьшимъ успѣхомъ велъ войну съ идумейцами. Въ большомъ сраженіи, данномъ имъ въ Соляной Долинѣ у Мертваго моря, онъ почти совершенно истребилъ все ихъ многочисленное войско. Въ этомъ бою, по преданію, пало не менѣе восемнадцати тысячъ

идумейцевъ. Остатки этого племени повидимому признали надъ собой власть израильтянъ. Давидъ поэтому пощадилъ ихъ и удовольствовался тѣмъ, что поставилъ въ ихъ городахъ сборщиковъ податей (Nezibim), какъ онъ это сдѣлалъ въ Дамаскѣ и прочихъ арамейскихъ городахъ. Эти сборщики или намѣстники имѣли въ своемъ распоряженіи особыя гарнизоны, которые должны были держать мѣстное населеніе въ повиновеніи. Идумейцы, однако, въ послѣдствіи возстали противъ израильтянъ и перебили въ нѣкоторыхъ городахъ ихъ гарнизоны вмѣстѣ съ сборщиками. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Давида, онъ отправилъ туда Иоавъ съ большимъ войскомъ. Похоронивъ убитыхъ израильтянъ, Иоавъ предалъ весь идумейскій народъ поголовному избіенію. Полгода продолжалась эта экзекція, отъ которой лишь немногіе идумейцы спаслись бѣгствомъ, и въ томъ числѣ сынъ или внукъ идумейскаго царя *Хадада*.

Всѣми этими рѣшительными побѣдами Давида—надъ филистимлянами на западѣ, моавитами и аммонитами на востокѣ, идумейцами на югѣ и арамейцами на сѣверѣ,—могущество израильскаго народа было поднято на недостижимую для него до того высоту. При воцареніи Давида границы его страны простирались отъ Дана до Веершевы; послѣдними же завоеваніями предѣлы израильской земли были расширены до Газы, почти у египетской границы, на югѣ-западѣ, и до Тапсака, у берговъ Евфрата, на сѣверо-востокѣ. Всѣ народы, на этомъ обширномъ пространствѣ покоренные Давидомъ, обязаны были ежегодно посылать ему почетные дары въ знакъ покорности, платить дань и доставлять, можетъ быть, даже рабовъ на царскія постройки и для иныхъ тяжелыхъ работъ.

Обширныя войны и многочисленныя побѣды съ большей рельефностью, чѣмъ прежняя скитальческая жизнь Давида, обнаружили высокія качества его души и ума. Твердый и непреклонный, когда дѣло шло о чести и безопасности народа, онъ въ мирное время, не смотря на всѣ свои блестящія побѣды, оставался простымъ, скромнымъ человѣкомъ, безъ всякаго самолюбія и излишней гордости. Онъ и не думалъ, какъ Саулъ, воздвигать себя памятника, чтобы увѣковѣчить свое имя. Вмѣстѣ съ своимъ полководцемъ Иоавомъ онъ вѣрилъ, что всѣ его побѣды милостиво дарованы ему Богомъ. „И узнаете вы всѣ,—говорилъ онъ, обращаясь черезъ Голиаа къ филистимлянамъ, — что не отъ меча и не отъ копья спасеніе ваше, что успѣхъ войны—въ волѣ Господа Бога, и лишь Его Одного“¹⁾. Эта вѣра воодушевляла Давида во всѣхъ его военныхъ предпріятіяхъ; глубоко ею проникнутый, онъ излилъ ее въ особомъ псалмѣ, который царь, по преданію, пѣлъ передъ ковчегомъ завѣта послѣ каждой войны.

¹⁾ Сам. I 17, 47.

Перечисляя свои бранные успѣхи, царственный псалмопѣвецъ, обращаясь къ Богу, говорить:

„Ты бранному дѣлу меня научилъ
И мишцы мои для стрѣльбы укрѣпилъ,
Щитъ Ты побѣдный въ руки мнѣ далъ,
Десницей Своею меня поддержалъ.

Ты одинъ мнѣ силу давалъ для борьбы.
Одинъ всѣхъ враговъ моихъ низвергалъ,
Ты рати ихъ тыломъ ко мнѣ обращалъ,
Спасая меня отъ ихъ лютой вражды;
Ты поставилъ меня во главѣ всѣхъ племенъ,
Народы чужіе Ты всѣ мнѣ покорилъ.

И потому, о Господи, славию я Тебя
И воспѣваю имя Твое!¹⁾

Благодаря великимъ побѣдамъ Давида, въ сознаниіи народа твердо запечатлѣлась два тѣсно-связанныя между собой убѣжденія, несомнѣнно имѣвшія сильное вліяніе на религіозныя его воззрѣнія. Одно изъ нихъ лучше всего выражено въ слѣдующемъ стихѣ:

„Не долженъ царь спасеніе видѣть
Въ огромныхъ полчищахъ своихъ,
Не всеяленъ мечъ героя
И ненадеженъ конь въ бою!²⁾

Богъ одинъ ведетъ войну, доводитъ ее до конца и рѣшаетъ судьбу противниковъ. Другое, тѣсно съ этой мыслью связанное убѣжденіе, гласить, что Богъ всегда даруетъ побѣду воинству израильскому, если оно выступаетъ на защиту Его, Божьяго дѣла, для прославленія и возвеличенія Его имени или для спасенія Его народа. Со времени большихъ побѣдъ Давида Богу Израиля было поэтому присвоено особое имя, вполне опредѣленно выражавшее эту послѣднюю мысль. Іегову стали называть „Вогомъ воинства израильскаго“ (Ihewh Zebaot, Іегова—*Саваоѳъ*), жалующимъ послѣднему побѣды. Предъ каждой войной съ тѣхъ поръ въ молитвахъ призывался Господь-Саваоѳъ, и израильская рать шла на бой въ увѣренности, что она не можетъ быть побѣждена. Эта вѣра вполнѣ дѣйствительно творила чудеса.

Давидъ безпощадно истреблялъ послѣ каждой войны идоловъ побѣжденныхъ имъ народовъ, считая ихъ плодомъ глубокаго и вреднаго заблужденія; но въ то-же время онъ сравнительно довольно мягко обращался съ самими покоренными народами. Только моавитамъ да аммонитамъ онъ

¹⁾ Псаломъ 18.

²⁾ Псаломъ 33, 16 и далѣе.

жестоко мстилъ за нанесенныя ему и всему народу израильскому оскорбленія,—однихъ истребивъ, а другихъ обративъ въ рабство. Относительно прочихъ покоренныхъ народовъ царь довольствовался однимъ наложеніемъ на нихъ дани. Жившіе-же въ самой землѣ Израильской народцы онъ совсѣмъ не тревожилъ. Такъ онъ оставилъ въ покоѣ іевусеевъ, продолжавшихъ жить въ Іерусалимѣ, и ничѣмъ не стѣснялъ ханаанейцевъ и хитейцевъ, жившихъ въ разныхъ другихъ частяхъ страны. Туземцы-инноплеменники поэтому охотно шли къ Давиду на службу.

Однако, радость по поводу великихъ завоеваній вскорѣ была омрачена внезапно нагрянувшими событіями. Счастье государствъ и народовъ, какъ счастье отдѣльныхъ людей, рѣдко бываетъ продолжительнымъ, солнечные дни и въ жизни царей смѣняются облачными, какъ-бы для того, чтобы не дать ихъ энергіи заглохнуть, а, наоборотъ, закалять ихъ характеръ въ борьбѣ съ несчастіями. Одна ошибка, сдѣланная Давидомъ, не только его самого лишила спокойствія, но одно время угрожала даже существованію всего государства, созданнаго имъ съ такими огромными усиліями. Вскорѣ послѣ возвращенія своего съ похода противъ арамейцевъ, Давидъ, взшедши однажды на крышу своего дворца, чтобы насладиться вечерней прохладой, увидѣлъ женщину, поразившую его своей необыкновенной красотой. Это была жена одного изъ его „героевъ“, хитейца *Ури*, по имени *Батшева*. Дома, въ которыхъ жили „храбрѣйшіе“, были расположены на сіонскомъ холмѣ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ царскимъ дворцомъ, и Давидъ съ своей крыши могъ поэтому видѣть купающуюся красавицу. Охваченный внезапно вспыхнувшей страстью, Давидъ не сдержалъ себя и послалъ за Батшевой своихъ тѣлохранителей, приказавъ имъ привести ее во дворецъ. Ури тогда не было въ Іерусалимѣ, онъ былъ въ арміи, которая подъ командой Іоава преслѣдовала аммонитовъ. Батшева-же не осмѣлилась воспротивиться желанію царя. Вскорѣ послѣ того узнавъ, что его увлеченіе не останется безъ послѣдствій, Давидъ всячески старался скрыть свой поступокъ, но это ему не удалось, и онъ сталъ все больше запутываться въ сѣтяхъ грѣха. Онъ вызвалъ Урію въ Іерусалимъ, весьма любезно принялъ его, разрѣшилъ ему посѣщать дворецъ и видѣться съ своей женой. Урія, который скучалъ по лагерной жизни и рвался на войну, не воспользовался гостеприимствомъ царя и спалъ у входа во дворецъ вмѣстѣ съ царскими тѣлохранителями. Давидъ сталъ тогда приглашать его къ своему столу, пить виномъ, надѣясь, что онъ, опьяненный, вспомнитъ, наконецъ, о своей женѣ. Но суровый воинъ совершенно пренебрегалъ своими супружескими обязанностями и продолжалъ спать у входа во дворецъ. Царь сталъ придумывать какой-нибудь другой выходъ изъ своего сильно тяготившаго его положенія, и это при-

вело его къ преступленію. Опасаясь, какъ-бы Урія, узнавъ о связи царя съ его женой, не убилъ его или возбудилъ противъ него своихъ товарищегероевъ, Давидъ рѣшилъ совѣмъ избавиться отъ него. Онъ отправилъ его обратно въ лагерь, вручивъ ему письмо къ Іоаву, съ тайнымъ приказомъ въ первомъ-же сраженіи съ аммонитами поставить его на самомъ опасномъ мѣстѣ, гдѣ онъ вѣрнѣе всего можетъ встрѣтить смерть. Іоавъ такъ и сдѣлалъ, и Урія палъ, пронзенный аммонитскими стрѣлами. Давидъ съ радостью встрѣтилъ эту вѣсть. Батшева-же, согласно обычаю, оплакивала своего погибшаго мужа. По окончаніи траура, Давидъ сдѣлалъ ее своей законной женой. Вскорѣ послѣ того она родила ему сына.

Во всякой другой странѣ о царскомъ „капризѣ“ этого рода поговорили-бы шопотомъ въ придворныхъ кругахъ, никто за это царя серьезно не сталъ-бы осуждать, и вся эта исторія вскорѣ была-бы предана забвенію. До народа-же объ этомъ происшествіи дошли-бы одни смутные слухи. И въ самомъ дѣлѣ, что именно случилось? Одинъ изъ царскихъ героевъ погибъ на войнѣ. Но кто зналъ, какъ и почему? Одинъ только Іоавъ. Вдова покойнаго стала женою царя. Но что-же въ этомъ дурного? Жена эта родила какъ-будто раньше срока. Но кто-же слѣдилъ за этимъ срокомъ, кого это интересовало? Ребенокъ могъ, наконецъ, считаться сыномъ Урія, оставшимся сиротой. Но въ израильскомъ царствѣ былъ глазъ, который сквозь искусственный мракъ проникалъ во всѣ тайники, была совѣсть, которая громко и безбоязненно ставила преступнику на видъ его преступленіе, хотя-бы то былъ самъ царь. Этимъ недремлющимъ окомъ, этой неугомонной, вѣчно простестующей совѣстью народа были пророки. Ихъ благороднѣйшая задача состояла въ томъ, чтобы раскрывать порокъ во всемъ его безобразіи и всенародно клеймить его, а не прикрывать его и приукрашивать и тѣмъ дать ему разростись до степени общественной язвы. Давидъ могъ думать, что одна лишь Батшева знаетъ о его грѣхѣ и одинъ Іоавъ — о причинѣ смерти Урія. Къ ужасу своему, царь вскорѣ былъ выведенъ изъ этого заблужденія.

Однажды пророкъ *Наманъ* явился къ Давиду и попросилъ у него позволенія изложить ему одну жалобу. И вмѣсто жалобы спокойно рассказалъ ему слѣдующую притчу. Въ одномъ городѣ жилъ богачъ, у котораго было много крупнаго и мелкаго скота, и бѣднякъ, все состояніе котораго заключалось въ одной овечкѣ; овечка эта выросла у него въ домѣ, ѣла и пила съ нимъ изъ одной чашки, и спала вмѣстѣ съ нимъ, и бѣднякъ такъ съ ней свыкся, что любилъ ее, какъ родное дитя. Однажды къ богачу пришелъ гость. Жалѣя заколотъ свою овцу, чтобы поточивать своего гостя, богачъ похитилъ у бѣдняка его единственную овечку и мясомъ ее накормилъ своего друга. Выслушавъ эту исторію, Давидъ въ негодо-

ваніи воскликнулъ: „Этотъ безсердечный богачъ долженъ быть наказанъ смертью, а за похищенную имъ овцу онъ долженъ заплатить вчетверо!“ Тогда пророкъ сказалъ: „Этотъ богачъ—ты самъ! Не довольствуясь многочисленными женами своими, ты отнял у Уриі его единственную жену, подвелъ его самого подъ стрѣлы аммонитовъ и затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, отправилъ его вдову въ свой гаремъ. Знай-же, что за великій грѣхъ твой мечъ будетъ свирѣпствовать въ твоемъ собственномъ домѣ, а родившійся въ грѣхѣ младенецъ твой не останется въ живыхъ!“

Всякій другой царь не замедлилъ-бы, конечно, подвергнуть строгому наказанію такого цензора нравовъ, дерзнувшаго сказать правду въ глаза своему царю, подобію Бога на землѣ. Давидъ-же, воспитанный пророкомъ Самуиломъ, выслушавъ суровое обвиненіе Натана, почувствовалъ глубокое раскаяніе и смиренно воскликнулъ: „Да, я согрѣшилъ предъ Богомъ!“ Горячими молитвами и жертвоприношеніями царь старался, повидимому, искупить свой грѣхъ и вымолить у Бога прощеніе, такъ какъ вскорѣ послѣ того Натанъ объявилъ ему, что Богъ внялъ его мольбамъ: онъ самъ не погибнетъ отъ меча, по ребенокъ, плодъ его грѣха, долженъ умереть. И, несмотря на то, что Давидъ новыми молитвами и постомъ старался вымолить у Бога его жизнь, младенецъ этотъ дѣйствительно вскорѣ умеръ. Ватшева послѣ этого родила ему другого сына, который получилъ два имени: *Iedidia* и *Соломонъ*. Это былъ самый любимый сынъ Давида.

Но если Богъ простилъ царю его тяжелый грѣхъ, то люди не хотѣли простить и отомстили ему, лишивъ его надолго спокойствія. Ватшева была дочерью одного изъ воиновъ Давида, Эліама, и внучкой его совѣтника Ахитофеля. Дѣдъ и отецъ были глубоко оскорблены тѣмъ, что Давидъ ее обольстилъ, и рѣшили при первомъ удобномъ случаѣ съ нимъ за это расплатиться. Ахитофель въ особенности жаждалъ мести, хотя Давидъ всячески старался его умилостивить. Онъ сдѣлалъ Ватшеву первой царицей, обѣщалъ ей втайнѣ, что назначить ея сына Соломона наслѣдникомъ престола и подтвердилъ это обѣщаніе торжественной клятвой. Но Ахитофель былъ неумолимъ. Какъ-бы для того, чтобы поставить царя въ еще болѣе затруднительное положеніе, въ домъ его въ это время произошло возмутительное событіе, которое глубоко его потрясло и совсѣмъ омрачило его быстро надвигающуюся старость.

Старшій сынъ Давида, *Амнонъ*, увѣренный въ томъ, что именно онъ унаслѣдуетъ престолъ, и на этомъ основаніи позволявшій себѣ рѣшительно все, воспылалъ преступной любовью къ своей побочной сестрѣ *Тамаръ*,—дочери гешуритянки Маахи отъ ея перваго мужа,—и родной сестрѣ Авесалома. Амнонъ легко могъ-бы добыться ея руки, но не этого онъ добывался. Послѣдовавъ дурному совѣту своего родственника и друга

Ионадава, и притворившись больнымъ, Аммонъ позвалъ Тамару къ себѣ въ комнату и изнасиловалъ ее. Не довольствуясь этимъ гнуснымъ поступкомъ, онъ приказалъ своему слугѣ выгнать Тамару, объявивъ, что она его, цѣломудреннаго Юсифа, хотѣла соблазнить. Въ разорванныхъ обольстителемъ одеждахъ несчастная дѣвушка, рыдая и ломая руки, пошла къ своей матери. Въ этомъ ужасномъ состояніи ее встрѣтилъ братъ ея Авесаломъ. Узнавъ что съ нею произошло, онъ прежде всего успокоилъ ее, и обѣщалъ отомстить за ея честь, приказавъ ей никому объ этомъ обѣщаніи его не говорить. Давидъ былъ глубоко огорченъ, когда узналъ объ этомъ возмутительномъ поступкѣ; но онъ былъ слишкомъ мягокъ съ своими дѣтьми и оставлялъ безнаказанными всѣ ихъ продѣлки. Авесаломъ-же цѣлыхъ два года скрывалъ свою ненависть къ соблазнителю его сестры, выжидая удобнаго случая, чтобы ему отомстить. Онъ не выказывалъ Амнону никакой вражды, для того, чтобы усыпить подозрительность отца и самого Амнона и заставить ихъ думать, что онъ давно забылъ объ оскорбленіи, нанесенномъ его сестрѣ. Авесаломъ также искусно умѣлъ скрывать свои чувства, какъ Ахитофель. Весьма возможно, что послѣдній зналъ о его намѣреніи и даже самъ указывалъ ему, какъ дѣйствовать.

Каждый изъ взрослыхъ царскихъ сыновей—у Давида ихъ было всего семнадцать, шесть родившихся въ Хевронѣ и одиннадцать въ Иерусалимѣ—имѣлъ свой отдѣльный домъ, свой штатъ и свои земли. Имѣніе и стада Авесалома находились въ *Вааль-Хацоръ*, въ долинѣ Рефаимъ, близъ столицы. Въ это имѣніе Авесаломъ однажды пригласилъ всѣхъ своихъ братьевъ на праздникъ по случаю стрижки овецъ. Въ то время, когда царскіе сыновья и прочіе гости пировали за столомъ, слуги Авесалома, по его приказанію, вдругъ бросились на Амнона и нанесли ему смертельный ударъ. Отомстивъ такимъ образомъ за безчестіе своей сестры, Авесаломъ вмѣстѣ съ тѣмъ избавился,—такъ ему, по крайней мѣрѣ казалось,—отъ конкурента на престолъ. Второго сына Давида въ то время уже не было въ живыхъ, и Авесаломъ, убивая Амнона, не сомнѣвался, что престолъ достанется ему, какъ третьему сыну царя. Увидѣвъ своего брата мертвымъ, царскіе сыновья, боясь какъ бы Авесаломъ не вздумалъ такимъ же образомъ расправиться и съ ними, поспѣшили къ своимъ муламъ и вернулись въ столицу. Въ Иерусалимѣ между тѣмъ успѣла уже распространиться молва, будто Авесаломъ убилъ всѣхъ своихъ братьевъ. Давидъ, повидимому, былъ настолько плохого мнѣнія о своемъ сынѣ, что повѣрилъ этому слуху и въ отчаяніи разодралъ свои одежды. И хотя онъ вслѣдъ затѣмъ отъ возвратившихся къ нему невредимыми сыновей узналъ, что убить въ дѣйствительности одинъ Аммонъ, но горе его все же было очень велико. Ему больно было сознавать, что его сынъ—братоубійца.

Его, кромѣ того, мучили опасенія, какъ бы это злодѣяніе не повлекло за собою еще болѣе тяжелыя послѣдствія. Одной лишь твердой вѣрѣ своей въ Бога Давидъ былъ обязанъ тѣмъ, что онъ, подобно Саулу, не лишился въ это время ума. Его, можетъ быть, спасло то, что несчастье, на него обрушившееся, было дѣйствительнымъ, а не воображаемымъ, какъ у его предшественника.

Первой мыслью Давида было отыскать сына-братоубійцу, который послѣ своего злодѣянія бѣжалъ къ дѣду своему, гешуритскому царю Талмаю, у юго-западныхъ границъ Іудеи, и подвергнуть его заслуженному наказанію, даже если бы для этого пришлось пустить въ ходъ оружіе. Но исполненію этого намѣренія помѣшали приближенные царя. Послѣ исторіи съ Батшевой при дворѣ Давида вообще пошли разныя интриги. Іоавъ, напримѣръ, былъ противъ назначенія только-что родившагося Соломона наслѣдникомъ престола и стоялъ, разумѣется, за Авесалома, какъ за старшаго сына. Царскій полководецъ опасался, какъ бы перемѣна въ престолонаслѣдіи не вызвала новыхъ раздоровъ въ странѣ. Возможно также, что онъ предпочиталъ видѣть на престолѣ Авесалома потому, что происхожденіе Соломона казалось ему нѣсколько сомнительнымъ. Съ своей стороны и Ахитофель былъ на сторонѣ Авесалома, которымъ онъ думалъ воспользоваться какъ орудіемъ противъ его отца. Четвертый сынъ Давида, *Адонія*, добивался, наоборотъ, чтобы его побочный братъ былъ подвергнутъ строжайшей карѣ. Съ казнью Авесалома престолъ долженъ былъ перейти къ нему,—Соломона же, какъ ребенка, Адонія нетрудно было, конечно, устранить.—При содѣйствіи матери своей Хагитъ онъ всячески возбуждалъ позтому Давида противъ Авесалома. Но Іоавъ и Ахитофель были умнѣе ихъ и интриговали съ большей осторожностью, такъ чтобы Давидъ не угадалъ ихъ тайныхъ намѣреній.

Когда же царь рѣшился, наконецъ, разыскать его сына-убійцу, или потребовать его выдачи,—несмотря на то, что со времени его бѣгства прошло уже три года,—то Іоавъ, чтобы отвлечь Давида отъ этого намѣренія, прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ призвалъ изъ сосѣдняго города *Текоа* одну умную женщину, которая славилась своимъ краснорѣчіемъ, и поручилъ ей изобразить предъ царемъ картину тѣхъ ужасовъ, къ какимъ его неминуемо приведетъ его намѣреніе погубить своего сына. Мудрая текоянка отправилась къ Давиду въ траурныхъ одеждахъ и, какъ будто взывая къ его правосудію, жалобнымъ тономъ воскликнула: „Помоги, о царь, помоги!“ На вопросъ Давида, въ чемъ ея жалоба, она рассказала ему слѣдующую басню. Она вдова и имѣла двухъ сыновей, но одинъ изъ нихъ во время спора убилъ другого. И теперь родственники ея покойнаго мужа требуютъ, согласно обычаю кровавой мести, жизни ея другого

сына-братоубійцы. Боясь, какъ-бы эти мстители дѣйствительно не убили единственнаго сына, у нея, бѣдной вдовы, оставшагося, она и пришла къ царю просить защиты. Одно царскаго слова достаточно, чтобы ее успокоить. Давидъ, сначала не замѣтившій, что ему рассказываютъ сказку, относящуюся къ нему самому, сталъ успокаивать текоитянку, обѣщая ей взять ея сына подъ свое покровительство. Она же продолжала причитывать и молить о защитѣ, такъ что Давидъ долженъ былъ, наконецъ, поклясться ей именемъ Бога, что съ головы ея сына-братоубійцы и одинъ волосъ не упадетъ. Тогда текоитянка, какъ будто успокоившись немного, попросила позволенія сдѣлать еще одно замѣчаніе,—очевидно для того, чтобы яснѣе показать царю, чего собственно она своей исторіей добивается. И получивъ позволеніе говорить, она сказала: „Ты общаешь мнѣ, государь, что ни одинъ волосъ не упадетъ съ головы моего сына. Но, изрекая такое слово, не признаешь-ли ты тѣмъ самого себя виновнымъ въ томъ, что не прощаешь своего собственнаго изгнанника? Ибо все мы должны умереть и подобны проливаемой на землю водѣ, которой пельзя собрать; но Богъ печется о душахъ заблудшихъ и устроилъ такъ, чтобы и отлученный не навѣки былъ отъ Него отлученъ“. Понявъ, что вся эта исторія была сочинена текоитянкой только для того, чтобы она подъ благовиднымъ предлогомъ могла высказать свое мнѣніе на счетъ его собственныхъ отношеній къ своему сыну, Давидъ потребовалъ, чтобы она чистосердечно сказала ему, не дѣйствоваль-ли Іоавъ заодно съ нею. Когда же она ему рассказала всю правду, царь послалъ за Іоавомъ, увѣрилъ его, что онъ больше не питаетъ злобы къ сыну и тутъ же поручилъ ему вызвать его въ Іерусалимъ. Умной текоитянкѣ удалось поставить царя въ такое положеніе, что онъ противорѣчилъ бы самому себѣ, если бы послѣ того продолжалъ еще мстить своему сыну.

Іоавъ самъ отправился въ Гешуръ за Авесаломомъ и привезъ его въ Іерусалимъ. Братоубійца не смѣлъ, однако, являться на глаза отцу и долженъ былъ жить безвыходно въ своемъ домѣ. Іоавъ, такимъ образомъ, самъ того не подозрѣвая, еще болѣе озлобилъ сына противъ отца и тѣмъ вызвалъ новые раздоры въ царской семьѣ. Въ своемъ уединеніи, на которое его обрекла отцовская немилость, Авесаломъ дни и ночи думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе добиться сверженія съ престола ненавистнаго царя-отца. Чтобы добиться осуществленія своего гнуснаго плана, онъ долженъ былъ пустить въ ходъ все свое умѣніе притворяться. Для этого, однако, прежде всего необходимо было хоть одно формальное примиреніе съ царемъ. Это могъ устроить одинъ лишь Іоавъ, но онъ всячески избѣгалъ Авесалома. Послѣднему пришлось употребить хитрость, для того, чтобы залучить его къ себѣ и упросить его передать царю, что онъ го-

товъ наложить на себя руки, до того несчастнымъ чувствуетъ онъ себя въ постигшей его немилости. Иоавъ, который самъ находилъ примиреніе отца съ сыномъ необходимымъ, упросилъ Давида переложить гнѣвъ свой на милость и простить сына. При первомъ послѣ разрыва свиданія съ отцомъ Авесаломъ въ совершенствѣ разыгралъ роль кающагося грѣшника и почительнѣйшаго сына. Давидъ отечески поцѣловалъ его и примиреніе такимъ образомъ состоялось. Со времени смерти Амнона тогда прошло уже семь лѣтъ.

Съ возвращеніемъ Авесалома въ Іерусалимъ при царскомъ дворѣ пошли новыя интриги. Братоубійца, повидимому, имѣлъ тайныя свиданія съ Ахитофелемъ и дѣйствовалъ по его указаніямъ. Онъ держалъ себя теперь, какъ настоящій наслѣдникъ престола, выписалъ изъ Египта лошадей и дорогую колесницу, обзавелся цѣлой полусотней тѣлохранителей и вообще сорилъ деньгами совсѣмъ по-царски. Онъ сталъ вставать рано и принимать многочисленныхъ просителей, приходившихъ къ царю съ своими жалобами и тяжбами. Терпѣливо ихъ выслушивая, онъ находилъ, что всѣ они правы, но при этомъ выражалъ сожалѣніе, что отецъ его къ нимъ невнимателенъ и далеко не всѣхъ ихъ удовлетворяетъ; какъ-бы мимоходомъ онъ при этомъ прибавлялъ, что если-бы онъ былъ судьей, онъ всѣхъ выслушивалъ-бы и судилъ-бы по правдѣ. Когда какой-нибудь проситель намѣревался броситься ему въ ноги, онъ не допускалъ его до этого и цѣловалъ его съ видомъ человѣка, для котораго всѣ люди равны. Такъ велъ себя Авесаломъ четыре года подрядъ. Ему было тогда за тридцать лѣтъ, онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и считался первымъ красавцемъ своего времени; густые, прекрасные волосы, подобно львиной гривѣ, ниспадали волнами на его плечи и спину. Словомъ онъ очаровывалъ всѣхъ кто съ нимъ ни приходилъ въ соприкосновеніе, какъ красотой своей, такъ и любезностью. Самъ Давидъ былъ ослѣпленъ и не замѣчалъ, какъ коварный сынъ его подкапывается подъ него въ его-же домѣ. Авесаломъ ждалъ лишь благоприятнаго случая, чтобы открыто выступить противъ отца, если придется—прямо убить его, и завладѣть престоломъ. Случай этотъ вскорѣ представился.

Въ послѣднее десятилѣтіе своего царствованія Давидъ, повидимому, носился съ мыслью о большой войнѣ, для которой необходимо было многочисленное войско. Съ какимъ именно народомъ онъ имѣлъ въ виду воевать, въ точности неизвѣстно, но, повидимому, то были египтяне. Въ царствованіе Давида Египетъ былъ раздѣленъ между тремя царями; одинъ изъ нихъ, Пусеннесъ, изъ танитской династіи, рѣшилъ завоевать смежное съ его владѣніями филистимское побережье. Давидъ, очевидно, опасался, что воинственный фараонъ этимъ не удовольствуется и вторгнется также и въ

израильскую землю. Чтобы предупредить это нашествіе, Давидъ самъ сталъ готовиться къ войнѣ. Онъ сталъ вербовать новые наемные отряды и между прочимъ взялъ на службу шестьсотъ хитейцевъ изъ Гата, подъ предводительствомъ *Итая*, который высоко уважалъ Давида и выказывалъ ему неизмѣнную преданность. Царь рѣшилъ также привести въ извѣстность число израильтянъ двадцатилѣтняго возраста, способныхъ носить оружіе, а равно и численность всего израильскаго населенія вообще, для того, чтобы рѣшить, можетъ-ли онъ предпринять столь тяжелую и продолжительную войну. Опредѣленіе числа годныхъ къ военной службѣ молодыхъ людей царь поручилъ своему полководцу Іоаву и другимъ своимъ военачальникамъ. Перепись длилась девять мѣсяцевъ и двадцать дней и если допустить, что цифры, приводимыя въ источникахъ, соотвѣтствуютъ дѣйствительности, то Израильская земля могла въ то время выставить 1.300.000 людей, способныхъ носить оружіе, и всего народонаселенія могла имѣть около четырехъ милліоновъ.

Со стороны Давида перепись эта была, однако, большой ошибкой, за которую ему пришлось дорого расплачиваться. Іоавъ убѣдительно просилъ царя отказаться отъ нея; и когда царь настоялъ на своемъ, то онъ приступилъ къ дѣлу съ весьма большой неохотой и единственно лишь потому, что не хотѣлъ ослушаться царскаго приказа. Сама по себѣ перепись была крайне непріятна народу, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что она предпринята въ виду новаго набора для задуманной царемъ большой войны. По распространенному тогда повѣрью израильтяне, кромѣ того, опасались какъ-бы эта царская затѣя не имѣла еще болѣе гибельныхъ послѣдствій. И дѣйствительно, когда въ странѣ вслѣдъ затѣмъ появилась ужасная чума, то всѣ были твердо убѣждены, что это — прямой результатъ переписи. По преданію, въ три дня отъ чумы умерло не менѣе семидесяти тысячъ человекъ. Преданія рассказываютъ объ этомъ слѣдующее. Когда царю сообщили результаты переписи, то онъ выразилъ сожалѣніе, что затѣялъ ее. Въ слѣдующую затѣмъ ночь Давидъ видѣлъ тяжелый сонъ, заставившій его еще больше пожалѣть объ этой мѣрѣ. Когда онъ на утро всталъ, въ мрачномъ расположеніи духа, къ нему явился пророкъ Гадъ и именемъ Бога предложилъ ему выбрать одно изъ трехъ золъ, какъ наказаніе за его необдуманный поступокъ: трехлѣтній голодъ въ странѣ, трехмѣсячную несчастную войну, или трехдневную чуму. Давидъ выбралъ послѣднее бѣдствіе, замѣтивъ при этомъ, что онъ предпочитаетъ „предать народъ въ руки Божіи, милосердіе котораго безпредѣльно, чѣмъ въ руки человѣческія“. Вслѣдствіе скученности населенія столица пострадала отъ эпидеміи гораздо больше, чѣмъ прочіе города. При видѣ груды труповъ или, по образному выраженію того времени „ангела смерти“, унесшаго

столько жертвъ, Давидъ сталъ молить Бога, чтобы онъ отвратилъ Свой гнѣвъ отъ народа. „Я одинъ,—говорилъ онъ,—согрѣшилъ и провинился предъ Тобою, но что-же сдѣлало мое бѣдное стадо? Пусть Десница Твоя поразить меня и мой домъ!“ Такъ какъ чума пощадила холмъ Морію, гдѣ жили іевусеи, то пророкъ посѣшилъ возвѣстить царю, чтобы онъ на этомъ мѣстѣ построилъ алтарь и принесъ на немъ жертву, и тогда въ столицѣ прекратится чума. Давидъ немедленно отправился къ іевусеямъ. Ихъ князь *Арна* (Арнанъ), увидѣвъ издали царя, посѣшилъ къ нему на встрѣчу, привѣтствовалъ его, какъ вѣрноподданный, и спросилъ его, чего онъ желаетъ. Узнавъ, что царь намѣренъ выкупить у него холмъ, для того, чтобы воздвигнуть на немъ жертвенникъ, Арна предложилъ его Давиду въ даръ. Какъ только на Моріи сооруженъ былъ алтарь и принесена первая жертва, чума въ Іерусалимѣ дѣйствительно прекратилась. Холмъ Морія съ тѣхъ поръ считался въ народѣ священнымъ мѣстомъ, недоступнымъ для эпидемій, такъ какъ, по преданію, на этомъ самомъ мѣстѣ праотецъ Авраамъ иѣкогда собирался принести Богу въ жертву своего сына Исаака.

Если царь, не слушая Іоава, распорядился произвести перепись, то онъ это сдѣлалъ потому, что за нее былъ человекъ, мнѣніе котораго въ его глазахъ имѣло гораздо большій вѣсъ, чѣмъ мнѣніе Іоава. Пагубный совѣтъ этотъ далъ Давиду мудрый Ахитофель, который въ неослабѣвшей съ годами ненависти своей къ обольстителю его внуки, предвидѣлъ, что перепись возстановитъ народъ противъ царя и тѣмъ самымъ поспособствуетъ осуществленію его мстительныхъ плановъ. Ахитофель не ошибся: перепись дѣйствительно возстановила противъ царя весь народъ, который вмѣнялъ ему одному въ вину гибель десятковъ тысячъ людей, унесенныхъ чумой. Ахитофель не замедлилъ воспользоваться этимъ враждебнымъ противъ царя настроеніемъ народа, для того, чтобы отомстить, наконецъ, Давиду, и орудіемъ своей мести избралъ Авесалома. Вмѣстѣ съ нимъ онъ составилъ планъ заговора, который, какъ ему казалось, не могъ не удался.

Авесаломъ разслалъ гонцовъ къ своимъ приверженцамъ, чтобы сообщить имъ условный сигналъ: какъ только они услышатъ трубный звукъ, то это будетъ означать, что онъ признаетъ и провозглашаетъ въ Хевронѣ царемъ. Главный городъ Іегудина колѣна былъ сдѣланъ конспиративной квартирой, гдѣ долженъ былъ вспыхнуть мятежъ. Здѣсь старѣшины всѣ были уже на сторонѣ Авесалома. Оставляя столицу, Авесаломъ сказалъ отцу, что онъ во время своего пребыванія въ Гешурѣ далъ обѣтъ принести жертву въ Хевронѣ, если онъ возвратится въ Іерусалимъ. Давидъ отпустилъ тогда сына, ничего не подозрѣвая.

Авесаломъ вступилъ въ Хевронъ въ сопровожденіи своихъ друзей, тѣлохранителей и двухсотъ почетныхъ гражданъ Іерусалима, которыхъ онъ подъ какимъ-то предлогомъ пригласилъ слѣдовать за собою. Не имѣя никакого представленія о заговорѣ, эти двѣсти гражданъ такимъ образомъ невольно способствовали успѣху задуманнаго Авесаломомъ дѣла. Ибо когда въ Хевронѣ увидѣли, что именитѣйшіе жители столицы перешли на его сторону, то всѣ рѣшили, что дѣло Давида окончательно проиграно. Ахитофель, который тоже подъ какимъ-то предлогомъ оставилъ Іерусалимъ и вскорѣ прибылъ въ Хевронъ, открыто объявилъ себя сторонникомъ Авесаломы и тѣмъ еще больше содѣйствовалъ успѣху его дѣла, такъ какъ всѣ знали, что онъ—правая рука Давида. Жители Хеврона и безъ того были недовольны царемъ, либо потому, что онъ основаніемъ Іерусалима и перенесеніемъ туда своей резиденціи лишилъ ихъ городъ всякаго значенія, либо-же потому, что знатнѣйшія семьи іегудейскаго колѣна, калебиты, были отодвинуты на задній планъ весьма незнатной бетлехемской семьей Ишая. Измѣннической планъ, во всякомъ случаѣ, вполне удался. Въ то время, какъ Авесаломъ приносилъ жертву, населеніе Хеврона и прибывшія съ нимъ лица провозгласили его царемъ и отреклись отъ Давида. Присоединились къ Авесалому также и нѣкоторые члены царской семьи, и между ними двоюродный братъ Давида *Амаса*, который считалъ себя великимъ полководцемъ, отодвинутымъ на задній планъ Іоавомъ. Гонцы трубными звуками подали условные сигналы сѣсѣднимъ городамъ, и всѣ заговорщики-сторонники Авесаломы собрались и провозгласили его царемъ. Они увлекли за собою всѣхъ недовольныхъ, которые были возмущены переписью, или разсчитывали, что переворотъ съ какой-нибудь стороны будетъ имъ лично полезенъ. Веніамиты, въ царствованіе Давида потерявшіе всѣ преимущества, которыми они пользовались при Саулѣ, а равно и высокоцѣнные, вѣчно всѣми недовольные эфраимиты, должны были особенно радоваться паденію Давида; они съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ присягнули на вѣрность узурпатору, что надѣялись при новомъ царѣ вновь пріобрѣсти свое былое значеніе и прежнія привилегіи. Старѣйшія этихъ колѣнъ не сомнѣвались, что имъ легче будетъ поладить съ тщеславнымъ Авесаломомъ, чѣмъ съ строгимъ Давидомъ. Отъ всѣхъ колѣнъ и изъ всѣхъ городовъ въ Хевронъ стали стекаться выборные, чтобы присягнуть новому царю. Число приверженцевъ Авесаломы росло съ каждымъ днемъ.

Вначалѣ главари заговора держали его втайнѣ. Никто изъ нихъ не долженъ былъ возвратиться въ Іерусалимъ, дабы вѣсть о провозглашеніи Авесаломы не дошла до Давида. Царь узналъ поэтому о своемъ сверженіи лишь тогда, когда все уже было сдѣлано, одновременно полу-

чивъ извѣстіе, что всѣ колѣна отпали отъ него. То была одна изъ самыхъ горестныхъ минутъ въ жизни Давида. Его родной сынъ лишилъ его престола! Давидъ, однако, недолго предавался своему горю и быстро принялъ рѣшеніе. Онъ не хотѣлъ довести дѣло до междоусобной войны, на которую его, повидимому, склоняли Іоавъ и Авишай и другіе его вѣрные сторонники и друзья. Отвергнутый всѣми колѣнами, онъ, если-бы послѣдовалъ ихъ дурному совѣту, долженъ былъ-бы запереться въ своей столицѣ. Одинъ Іерусалимъ между тѣмъ не могъ долго противостоять всѣмъ колѣнамъ съ ихъ многочисленнымъ войскомъ. Въ случаѣ-же взятія его злодѣй Авесаломъ, безъ всякаго сомнѣнія, учинилъ-бы въ столицѣ страшное кровопролитіе. Больнѣе всего въ сердцѣ царя должна была отозваться измѣна его ближайшаго совѣтника Ахитофеля. Предательство послѣдняго показало царю, что заговоръ былъ задуманъ давно, что все было предупреждено и надлежащимъ образомъ обезпечено. Всякое сопротивленіе съ его стороны казалось ему поэтому бесполезнымъ и могло лишь привести къ новымъ несчастіямъ. Собравъ всѣхъ оставшихся ему вѣрными приближенныхъ, Давидъ объявилъ имъ, что онъ рѣшилъ оставить Іерусалимъ, и притомъ—немедленно, раньше, чѣмъ Авесаломъ съ своимъ отрядомъ успѣетъ подойти изъ Хеврона.

Оставляя столицу, Давидъ имѣлъ возможность убѣдиться, что у него въ Іерусалимѣ оставалось еще немало преданныхъ друзей и приверженцевъ, готовыхъ защищать его до послѣдней капли крови. Своихъ женъ, дѣтей и слугъ царь взялъ съ собою, наложницъ-же, въ числѣ десяти, онъ оставилъ въ Іерусалимѣ, поручивъ имъ охранять дворецъ. Когда онъ, покинувъ свой домъ, вышелъ на площадь, гдѣ производилась торговля елеемъ, на юго-восточной окраинѣ города, то онъ къ немалому утѣшенію своему увидѣлъ, что за нимъ слѣдуетъ огромная толпа. Въ толпѣ этой были не только его полководцы Іоавъ и Авишай, во главѣ его славныхъ „героевъ“, и не только отряды Крети и Плэти съ ихъ предводителемъ Бенаягу, но даже Итай съ своими 600 хитейцами, незадолго лишь до того принятыми Давидомъ на службу. Царь не пожелалъ принять отъ иноплеменика Итая и его людей такой жертвы и просилъ ихъ не сопровождать его въ изгнаніи. Хитейцы, однако, не хотѣли оставить царя и тутъ-же поклялись ему въ вѣрности „на жизнь и на смерть“. Все населеніе столицы громко плакало, когда Давидъ проходилъ Кидронскую долину, чтобы чрезъ Масличную гору уйти въ пустынную область Іордана. Боясь измѣны, Давидъ не рѣшался укрыться въ какомъ-нибудь городѣ. Когда царь и огромная толпа, за нимъ слѣдовавшая, были уже на окраинѣ города, сюда поспѣшно прибыли оба первосвященника, Цадокъ и Авитаръ, въ сопровожденіи всѣхъ левитовъ, несшихъ ковчегъ завѣта. Поставивъ

святыню на землю, первосвященники пригласили всѣхъ слѣдовавшихъ за царемъ продефилировать предъ нею и тѣмъ поставить себя подъ ея защиту. Давидъ предложилъ первосвященникамъ, которые, повидимому, также собирались слѣдовать за нимъ, отвести святыню обратно въ Иерусалимъ, мягко замѣтивъ при этомъ: „Если Богу угодно будетъ снискать меня Своею милостью и привести меня обратно въ Иерусалимъ, то я вновь увижу ковчегъ завѣта и его скиню; если-же Господь отвернется отъ меня, то я покорюсь Его волѣ и смиренно перенесу свою судьбу“. Давидъ вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ, что первосвященники могутъ принести ему гораздо больше пользы, оставаясь въ Иерусалимѣ, чѣмъ слѣдуя за нимъ въ изгнаніе. Они могли, напримѣръ, въ числѣ первыхъ узнавать обо всемъ, что Авесаломъ затѣваетъ, и чрезъ сыновей своихъ своевременно доводить о томъ до его свѣдѣнія. Когда первосвященники и левиты возвратились со святыней въ городъ, Давидъ, босой, съ покрытой головой, взмолился, обливаясь слезами, на Масличную гору. Всѣ сопровождавшіе его рыдали вмѣстѣ съ нимъ, глубоко скорбя о томъ, что царь, такъ много сдѣлавшій для своего народа, одержавшій столько побѣдъ надъ могущественнѣйшими народами, долженъ бѣжать отъ своего родного сына-измѣнника. Въ это время, когда горе и отчаяніе Давида дошло до своего апогея, на вершинѣ горы, съ противоположной ея стороны, показался одинъ изъ преданнѣйшихъ его друзей, которому суждено было спасти царя и его престоль.

То былъ *Хушай*, довѣренное лицо Давида и совѣтникъ не менѣе умный, чѣмъ Ахитофель. Онъ явился въ траурныхъ одеждахъ и съ посыпанной землею главою, для того, чтобы сопровождать царя въ его бѣгствѣ. Давидъ, однако, воспротивился этому, находя, что онъ слишкомъ старъ и будетъ ему только въ тягость. Напротивъ, находясь вблизи Авесалома, онъ вмѣстѣ съ первосвященниками можетъ ему оказывать большія услуги. разстраивая планы Ахитофеля и тайно извѣщая царя обо всемъ, что Авесаломъ противъ него предпринимаетъ. Хушай не могъ не согласиться съ этимъ, поклялся вѣрно служить царю и вернулся въ Иерусалимъ.

Первый городъ, который Давиду пришлось пройти по пути къ Иордану, былъ *Бахуримъ*, во владѣніяхъ Веніамина коленъ. Вмѣсто привѣта, Давидъ встрѣтилъ здѣсь одни оскорбленія и издѣвательства. Одинъ веніамитъ *Шими*, изъ семьи Гера, въ слѣдующихъ выраженіяхъ поносилъ престарѣлаго царя: „Ты злодѣй, отверженный людьми, Богъ воздастъ тебѣ теперь за то, что ты сдѣлалъ дому Саулову, похитивъ у него корону!“ Шими долго преслѣдовалъ Давида, осыпая его ругательствами и забрасывая его камнями и грязью. Авинай хотѣлъ было проучить этого наглеца. „Какъ смѣетъ эта бѣшеная собака, — говорилъ онъ, — издѣваться надъ царемъ?“ И бросился было на Шими, но Давидъ удержалъ его. „Пускай

ругается вволю,—замѣтилъ царь: если Богъ этого хочетъ, то никто не долженъ этому противиться. Если родной сынъ мой хочетъ меня убить, то этотъ веніаминъ подавно можетъ меня ругать“. У царя тѣмъ не менѣе нашлись друзья и въ этомъ Бахуримъ. Отсюда Давидъ съ своей многочисленной свитой прошелъ черезъ пустыню въ іерихонскую область. Измученные продолжительнымъ и тяжелымъ переходомъ, воины его расположились здѣсь въ шатрахъ, для того, чтобы дать престарѣлому царю возможность отдохнуть, впредь до полученія извѣстій отъ вѣрныхъ друзей его, оставшихся въ Іерусалимѣ.

Въ то время, какъ Давидъ подходилъ къ Іордану, Авесаломъ, въ сопровожденіи своего злого совѣтника Ахитофеля, заговорщиковъ и измѣнниковъ вступилъ въ столицу. Для того, чтобы окончательно посорить Авесалома съ отцомъ и сдѣлать совершенно невозможнымъ всякое примиреніе, Ахитофель внушилъ царскому сыну новую низость, посовѣтовавъ ему захватить отцовскій гаремъ и обезчестить всѣхъ его наложницъ. Этимъ путемъ Авесаломъ, по мнѣнію Ахитофеля, окончательно убѣдилъ-бы народъ въ томъ, что онъ навсегда порвалъ съ отцомъ и успокоилъ-бы тѣхъ, которые изъ предосторожности опасались примкнуть къ нему. Въ своей бѣшен-ной ненависти къ Давиду Ахитофель меньше всего, разумѣется, думалъ о томъ, что народъ можетъ возненавидѣть похитителя престола за столь грязный поступокъ. Совѣтникъ преслѣдовалъ лишь одну цѣль: мстить Давиду, не разбирая средствъ, извести его, если не прямо убійствомъ, то всевозможными оскорбленіями. Самого Авесалома онъ ни въ грошъ не ставилъ и объ упроченіи за нимъ престола нимало не заботился: онъ былъ для него лишь орудіемъ мести. Безумный-же злодѣй, укравшій у своего отца престолъ, но incapable и шагу сдѣлать безъ чужой указки, пошелъ и на эту новую низость, и среди бѣла дня, на глазахъ всей столицы под-вергъ гнусному насилію наложницъ своего отца.

Всецѣло поглощенный такого рода дѣлами, Авесаломъ и не замѣчалъ, что за нимъ зорко слѣдитъ человекъ, который долженъ былъ разрушить всѣ его злодѣйскіе замыслы и довести его самого до гибели. Хушай призналъ новаго царя только для виду, увѣривъ его, что будетъ служить ему также вѣрно, какъ онъ до того служилъ его отцу. По отношенію къ человеку, не задумавшемуся измѣнить родному отцу, Хушай считалъ всякую измѣну позволительной. Недальновидный Авесаломъ, ничего не подозрѣвая, вполнѣ ему довѣрялъ. Авесаломъ въ это время созвалъ совѣтъ для рѣшенія вопроса о томъ, что слѣдуетъ предпринять, чтобы окончательно погубить Давида. На совѣтъ были приглашены всѣ старѣйшины, тогда находившіеся въ столицѣ. Ахитофель совѣтовалъ немедленно, въ ту же ночь, отправиться съ сильнымъ войскомъ въ погоню за Дави-

домъ, внезапно напасть на его свиту, и разсѣять ее; самого же царя, измученнаго и совершенно убитаго, какимъ Ахитофель его себя представлялъ, взять въ плѣнъ и немедленно убить. Съ его смертью,—говорилъ совѣтникъ,—весь народъ немедленно и вполне искренно признаетъ новаго царя. Старѣйшины и самъ Авесаломъ одобрили этотъ планъ. Злодѣй только о томъ и думалъ, какъ бы поскорѣе извести отца. Въ его каменномъ сердцѣ не осталось и слѣда сыновняго чувства.

Этому преступному плану не суждено было, однако, осуществиться. Хушай, призванный на совѣщаніе для обсужденія плана военныхъ дѣйствій противъ Давида, рѣшительно отвергъ предложеніе Ахитофеля. Онъ находилъ, что цѣль, которую молодой царь преслѣдуетъ, не будетъ такимъ путемъ достигнута и представилъ такіе убѣдительные—съ виду, разумѣется,—доводы, что Авесаломъ долженъ былъ съ нимъ согласиться. Ахитофель, по мнѣнію Хушая, жестоко ошибался, полагая, что на Давида можно напасть врасплохъ; какъ опытный полководецъ, онъ, вѣроятно, принялъ уже всѣ предосторожности. Преслѣдуемый, онъ не будетъ вступать въ открытый бой, а какъ въ то время, когда за нимъ гнался Саулъ, будетъ скрываться въ разныхъ потасныхъ мѣстахъ, гдѣ преслѣдованіе крайне затруднительно и требуетъ много времени. Но даже и наступитъ, Давидъ себя во всякомъ случаѣ въ обиду не дастъ; съ своей дружиной героевъ и двумя отрядами онъ, легко можетъ стать, въ первой же схваткѣ успѣть нанести своимъ преслѣдователямъ рѣшительное пораженіе. Но и въ самомъ благоприятномъ для Авесалома случаѣ, если его войско сразу и не потерпитъ пораженія, то въ дальнѣйшихъ схваткахъ съ отважными и искусными воинами Давида оно, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ терпѣть большія потери. Молва же будетъ преувеличивать эти успѣхи противниковъ, будутъ говорить, что авесаломово войско разбито, и это одно несомнѣнно будетъ обезкураживать войско, которое и безъ того опасается вступить въ бой съ героями, одержавшими столько побѣдъ надъ гораздо болѣе сильными войсками. Въ виду всего этого Хушай совѣтовалъ Авесалому не выступать противъ Давида съ тѣмъ немногочисленнымъ войскомъ, какимъ онъ тогда располагалъ, а созвать все народное ополченіе и только тогда, имѣя въ своемъ распоряженіи огромное войско, онъ можетъ рассчитывать на успѣхъ. Планъ Хушая понравился Авесалому больше, чѣмъ совѣтъ Ахитофеля, и былъ приведенъ въ исполненіе. Хушай, разумѣется, тотчасъ же, чрезъ сыновей обонихъ первосвященниковъ, *Ионатана* и *Ахимааца*, увѣдомилъ Давида о результатахъ совѣщанія. Одинъ изъ слугъ Авесалома, заподозрившій этихъ молодыхъ людей въ измѣнѣ и донесшій о томъ своему господину, едва было не погубилъ ихъ. Имъ съ большимъ трудомъ удалось добраться до Вахурима, такъ какъ

тѣлохранители Авесалома гнались за ними по пятамъ. Одна преданная Давиду семья во время спрятала ихъ на днѣ высохшаго колодца, направивъ затѣмъ преслѣдователей на ложный путь. Когда тѣлохранители ускорили въ противоположную сторону, Ионатанъ и Ахимаацъ вышли изъ колодца и продолжали свой путь. Благополучно прибывъ въ станъ Давида, они извѣстили его о состоявшемся рѣшеніи. Царь въ ту же ночь съ всей своей свитой переправился черезъ Иорданъ.

Дѣло приняло благоприятный для Давида оборотъ, когда Ахитофель послѣ только-что упомянутаго совѣщанія удалился изъ Іерусалима въ свой родной городъ Гило и здѣсь повѣсилъ. Сдѣлавъ онъ это, повидимому, изъ огорченія, что Авесаломъ отвергъ его совѣтъ а, можетъ быть, изъ опасенія, что его постигнетъ заслуженная кара, если Давиду удастся выиграть время и дѣло Авесалома будетъ проиграно. Самоубійство Ахитофеля было тяжелымъ ударомъ для узурпатора, ибо среди его приближенныхъ не было ни одного способнаго человѣка, самъ же онъ при всей энергій, съ которой онъ творилъ зло, былъ человѣкъ совершенно безпомощный. Полководецъ его Амаса былъ весьма посредственнымъ воиномъ. Ополченіе было созвано, но прежде, чѣмъ оно собралось въ Іерусалимъ, дѣло Давида значительно уже подвинулось. Перешедши Иорданъ, онъ отправился въ Махнаимъ, населеніе котораго приняло его также радушно, какъ оно нѣкогда приняло бѣжавшаго къ нимъ сына Саула. Вслѣдъ за жителями этого города къ Давиду примкнули всѣ заиорданскія колѣна, изъявивъ готовность оказать ему поддержку въ его борьбѣ съ преступнымъ сыномъ. Двое гилеадитовъ старались превзойти другъ друга въ вниманіи къ несчастному царю-отцу и въ изобиліи снабжали его и всю его свиту всѣмъ необходимымъ.

Когда Авесаломъ или Амаса собрали наконецъ многочисленное войско, они переправились съ нимъ черезъ Иорданъ и перешли къ Махнаиму. Городъ этотъ лежалъ близь густаго лѣса, который называли „Рефаимскимъ“, потому-что въ немъ нѣкогда жило исполнское племя рефаитовъ. Авесаломиты расположились въ этой лѣсистой мѣстности, повидимому, безъ всякаго порядка и плана. Напротивъ, Давидъ раздѣлилъ свое войско на три отряда, изъ которыхъ однимъ командовалъ Іоавъ, другимъ Авишай, а третьимъ—Итай,—всѣ три опытные полководцы и храбрѣйшіе воины. Каждый отрядъ былъ правильно раздѣленъ на полки, по тысячѣ человѣкъ въ каждомъ, и на сотни; тѣми и другими командовали отдѣльные начальники. Въ такомъ боевомъ порядкѣ войско Давидово выступило противъ Авесаломова. Самого Давида полководцы съ собой не взяли, зная, какую неодолимую слабость онъ питалъ къ своимъ преступнымъ сыновьямъ. Царь согласился остаться въ Махнаимѣ, но потребовалъ отъ своихъ полковод-

цевъ, чтобы они пощадилъ самого Авесалома, и повторилъ свое требованіе громко, такъ что все войско его слышало. Сраженіе, наконецъ, началось. Оно было очень кровопролитно и кончилось полнымъ пораженіемъ авесаломитовъ. Послѣдніе значительно превосходили войско Давида численностью, но сражались въ безпорядкѣ и не могли ориентироваться въ лѣсной мѣстности; отряды же Давида дѣйствовали какъ одинъ человекъ. Густой лѣсъ еще больше, чѣмъ мечи противниковъ производилъ опустошеніе въ рядахъ авесаломитовъ, которыхъ по преданію въ этомъ сраженіи пало не менѣе двадцати тысячъ человекъ. Рефаимскій лѣсъ оказался гибельнымъ и для самого Авесалома. Своими длинными волосами, которыми онъ такъ гордился, онъ зацѣпился за вѣтвь одного большого дуба, такъ что, когда мулъ изъ-подъ него ускакалъ, онъ повисъ въ воздухѣ. Одинъ изъ воиновъ Давида видѣлъ это, но не рѣшился покончить съ Авесаломомъ, помня царскій приказъ, и поспѣшилъ извѣстить о томъ Іоава. Послѣдній подошелъ къ дубу, на которомъ Авесаломъ барахтался, стараясь освободиться, и покончилъ съ нимъ, три раза пронзивъ его своимъ копьемъ. Что-то роковое было въ этой казни Авесалома тѣмъ самымъ Іоавомъ, который прежде такъ благоволилъ къ нему и тѣмъ содѣйствовалъ его мятежнымъ планамъ. Покончивъ съ Авесаломомъ, Іоавъ подаль сигналъ къ прекращенію бесполезнаго боя; авесаломиты же, узнавъ о гибели своего царя, обратились въ бѣгство и переправились черезъ Іорданъ.

Такъ окончилась эта вторая въ царствованіе Давида междуусобная война, тѣмъ болѣе безумная, что воевали сынъ съ отцомъ. Послѣдствія этой войны были весьма печальны. Прежде всего надо было извѣстить о побѣдѣ Давида, но никто не хотѣлъ брать на себя этой тяжелой обязанности, такъ какъ всѣ знали, что царь будетъ глубоко огорченъ смертью сына, несмотря на все то зло, которое онъ ему причинилъ. Іоавъ избавилъ приближенныхъ царя отъ этой мисси, возложивъ ее на одного изъ его тѣлохранителей. Давидъ дѣйствительно пришелъ въ ужасъ, получивъ это извѣстіе. Онъ долго и горько рыдалъ, то и дѣло причитая: „Сынъ мой, дорогой мой Авесаломъ! Лучше-бы я погибъ вмѣсто тебя!“ Въ родительскомъ ослѣпленіи своемъ царь вѣрилъ, что сына его „испортили“, что онъ самъ никогда не возсталъ-бы противъ отца, если-бы Ахитофель его не опуталъ. Герои и воины царскіе не осмѣливались вступить въ Маханаимъ открыто, торжествующими побѣдителями, а пробирались въ него тайкомъ, словно послѣ пораженія. Убитый горемъ Давидъ не могъ никого видѣть и ни съ кѣмъ не хотѣлъ говорить, оплакивая своего сына. Іоавъ, который больше всѣхъ, разумѣется, тяготился этимъ положеніемъ, первый собрался съ духомъ и обратился къ царю съ суровой рѣчью, упрекая его въ неблагодарности. „Ты оскорбляешь преданнѣйшихъ слугъ своихъ,—

замѣтилъ онъ ему,—оплакивая своего злѣйшаго врага; своими рыданіями ты показываешь, что ни во что не ставишь все свое войско и его вождей, и что тебѣ было-бы гораздо пріятнѣе, если-бы Авесаломъ остался въ живыхъ, а мы все пали-бы его жертвами!“ И для того, чтобы положить конецъ царской трагедіи, Иоавъ пригрозилъ Давиду, что если онъ немедленно не выйдетъ къ своему войску и не выразитъ ему благодарности за вѣрную службу, то оно покинетъ городъ и оставитъ его, безпомощнаго, одного. Эта суровая, но справедливая рѣчь глубоко-преданнаго ему Иоава заставила царя опомниться, и онъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, показался своему войску.

Отъ Авесалома остался одинъ лишь слѣдъ. Тѣло его было брошено въ яму, наскоро вырытую въ рефаимскомъ лѣсу и засыпанную кучей камней. Послѣ него осталась только одна дочь, все-же три сына его умерли еще до мятежа, точно судьба не хотѣла оставить сыновей тому, кто самъ былъ такимъ плохимъ сыномъ. Во время своего короткаго царствованія въ Иерусалимѣ Авесаломъ выстроилъ для себя въ такъ называемой Царской Долинѣ великолѣпную гробницу (впослѣдствіи получившую названіе „памятника Авесалома“), которая должна была увѣковѣчить его имя, но увѣковѣчила лишь его позоръ. Злодѣянія Авесалома оставили большой слѣдъ въ исторіи народа. Съ окончаніемъ войны Давидъ рѣшилъ возвратиться въ Иерусалимъ. Не желая, однако, навязываться народу, который только недавно призналъ царемъ его сына, онъ ждалъ, чтобы старѣйшины сами пришли къ нему съ повинной и присягнули ему на вѣрность. Сверхъ ожиданія, благопріятный для Давида поворотъ въ настроеніи народа прежде всего обнаружился въ средѣ наиболѣе отдаленныхъ сѣверныхъ колѣнъ. Они первые вспомнили, что своею безопасностью и независимостью они обязаны одному Давиду, и устыдились того что измѣнили ему ради его безумнаго сына. Повсюду народъ обращался къ своимъ представителямъ, упрекая ихъ въ неблагодарности къ спасителю страны: „Царь,—говорили израильтяне старѣйшинамъ,—который спасъ насъ отъ враговъ и избавилъ страну отъ филистимлянъ, изъ-за васъ долженъ былъ оставить родину и скитаться въ пустынѣ. Авесаломъ, которому вы присягнули, умеръ, чего-же вы медлите вернуть царя въ столицу?“ Старѣйшины сѣверныхъ колѣнъ въ виду этихъ требованій поспѣшили пригласить царя возвратиться въ Иерусалимъ, вторично такимъ образомъ признавъ его царемъ. Иегудино-же колѣно,—отъ котораго, какъ отъ ближайшаго къ царю, этого всего меньше можно было ожидать,—да веніамиты, которые всегда враждебно относились къ Давиду, не спѣшили къ нему на встрѣчу. Иегуден, первые въ Хевронѣ оказавшіе поддержку Авесалому, можетъ быть устыдился своей измѣны и не осмѣливались просить у царя прощенія; либо

они, наоборотъ, все еще были имъ недовольны и не хотѣли его признавать даже въ виду смерти Авесалома; возможно, наконецъ, что отъ примиренія съ царемъ ихъ удерживалъ мятежный полководецъ Амаза, который не могъ рассчитывать на то, чтобы Давидъ его простилъ. Последнее предположеніе, повидимому, самое близкое къ истинѣ, такъ какъ Амаза, послѣ своего пораженія въ Рефаимскомъ лѣсу бѣжавшій на родину, очевидно воспользовался большимъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ среди іегудеевъ, чтобы поагитировать противъ царя-побѣдителя. Когда Давидъ увидѣлъ, что его родное колѣно не желаетъ его признать, онъ поручилъ оставшимся въ Іерусалимѣ первосвященникамъ созвать старѣйшинъ іегудейскихъ и внушить имъ, что они первые обязаны пойти на встрѣчу царю. „Царь — плоть отъ плоти вашей, — говорили первосвященники старѣйшинамъ, — почему-же вы одни медлите возвратить его, тогда какъ прочія колѣна все уже ему подчинились? Амаза-же Давидъ черезъ тѣхъ-же первосвященниковъ обѣщалъ, что онъ его не только проститъ, но и назначитъ своимъ полководцемъ, если онъ присягнетъ ему и постарается, чтобы за нимъ послѣдовало все колѣно Іегудейское. Въ виду этихъ обѣщаній Амаза рѣшился перейти на сторону Давида и уговорилъ старѣйшинъ исполнить желаніе царя. Іегудеи послѣ этого отправили къ царю пословъ съ приглашеніемъ возвратиться въ Іерусалимъ.

Это рѣшеніе поставило вѣніамитовъ въ весьма затруднительное положеніе. Во время бѣгства царя изъ Іерусалима они, когда онъ проходилъ чрезъ ихъ владѣнія, повсюду встрѣчали его крайне враждебно, не допуская, чтобы онъ когда-нибудь могъ возвратиться въ столицу и снова занять престолъ. Случилось, однако, иначе: сверхъ всеѣхъ ихъ ожиданій Давидъ снова признавъ былъ царемъ не только сѣверными колѣнами, но и Іегудой. Не питая къ отвергнутому ими царю ни малѣйшаго расположенія, они одни не могли, однако, враждовать съ нимъ, потому что царь жестоко расплатился-бы съ ними за это. Изъ этого затруднительнаго положенія ихъ вывелъ Шими, тотъ самый, который во время бѣгства царя—когда онъ проходилъ черезъ Бахуримъ—осыпалъ его оскорбленіями и бросалъ въ него камнями и грязью. Онъ совѣтовалъ вѣніамитамъ немедленно отправить къ царю большое посольство, которое должно было оказать ему больше почестей, чѣмъ представители прочихъ колѣнъ, расположить его къ себѣ и тѣмъ, такъ сказать, заставить его забыть нанесенныя ему оскорбленія. Старѣйшинамъ колѣна совѣтъ этотъ понравился. Тысяча вѣніамитовъ, изъявившихъ готовность пойти на встрѣчу царю, присоединились къ іегудейскому посольству и вмѣстѣ съ нимъ отправились къ Іордану. Желая въ своемъ усердіи облегчить царю переходъ черезъ рѣку они развели для него мостъ.

Сопровождаемый своимъ войскомъ и приближенными, Давидъ между тѣмъ покинулъ Махнаимъ и подошелъ къ Иордану. Въ тотъ моментъ, когда царь собирался перейти рѣку, Шими во главѣ своего посольства поспѣшилъ къ нему навстрѣчу, бросился ему въ ноги, сталъ каяться въ оскорбленіяхъ ему нанесенныхъ, и молить о прощеніи. При этомъ онъ не забылъ поставить царю на видъ, что изъ всѣхъ израильтянъ онъ первый поспѣшилъ ему навстрѣчу. Авишай который понялъ игру этого якобы кающагося врага, сталъ опять просить царя, чтобы онъ позволилъ ему его повѣситъ. Но Давидъ воспротивился этому, сказавъ: „Сегодня я узналъ, что я еще царь во Израилѣ, а въ такой радостный для меня день никто не долженъ быть убитъ“.

Съ огромной свитой, гораздо болѣе еще, чѣмъ та, которая сопровождала его въ его бѣгствѣ, въ сопровожденіи іудейскаго посольства тысячи вѣніамитовъ и заіорданскихъ приверженцевъ своихъ, Давидъ, перешедши рѣку, направился къ Іерусалиму. Первымъ городомъ на пути его былъ Гилгалъ. Здѣсь собрались уже послы отъ всѣхъ остальныхъ колѣнъ, чтобы отъ имени ихъ вновь присягнуть царю на вѣрность. Послы эти были немало изумлены и почувствовали себя оскорбленными тѣмъ, что іегуден опередили ихъ и поспѣшили навстрѣчу царю безъ нихъ. Въ этомъ усердіи послы израильскіе усмотрѣли интригу со стороны іегудеевъ, желаніе вкрасться въ довѣріе царя во вредъ прочимъ колѣнамъ. Іегуден однако, не остались въ долгу. „Намъ царь,—говорили они,—ближе, чѣмъ вамъ, и если мы опередили васъ, то мы это сдѣлали не потому, чтобы мы ждали отъ него какихъ-либо милостей. Спросите самого царя, потчивалъ-ли онъ насъ, давалъ-ли онъ намъ какіе-либо подарки?“ Старѣйшины израильскіе возразили на это: „Насъ десять колѣнъ и мы имѣемъ, поэтому, въ десять разъ больше правъ на царя, чѣмъ вы. Мы же первые, а не вы, просили царя возвратиться на родину!“ Спорившія стороны, не уступая одна другой, мало по малу пришли въ большое ожесточеніе и стали осыпая противниковъ оскорбленіями. Давидъ, повидимому, склоненъ былъ стать на сторону іегудеевъ. Воспользовавшись общимъ замѣшательствомъ, вѣніамитъ *Шева*, изъ семьи Вихрия, затрубилъ въ рогъ и воскликнулъ: „Довольно! Нѣтъ у насъ ничего общаго съ Давидомъ и нѣтъ намъ удѣла въ сынѣ Ишая! Расходись по шатрамъ своимъ, Израиль!“ Это былъ сигналъ къ новому возстанію. Оскорбленные тѣмъ, что царь сталъ на сторону іегудеевъ, старѣйшины сѣверныхъ колѣнъ послѣдовали призыву Шевы и пошли за нимъ. Одни іегудеи остались при Давидѣ и сопровождали его въ Іерусалимъ. Радость царя по случаю возвращенія его въ свою столицу была такимъ образомъ омрачена. Въ странѣ возникъ новый расколъ и была близка новая междоусобная война. Въ

этомъ печальномъ положеніи Давидъ сдѣлалъ шагъ, который можно считать весьма разумнымъ, или же, наоборотъ, безрасуднымъ, въ зависимости отъ того, какъ на него посмотрѣть. Дѣло въ томъ, что Іоавъ впалъ въ немилость у царя съ тѣхъ поръ, какъ послѣдній узналъ, что онъ своими руками убилъ Авесалома. Давидъ не могъ поэтому оставить его въ званіи полководца. Царь, кромѣ того, хотѣлъ исполнить обѣщаніе, данное имъ Амасѣ, что онъ назначить его своимъ полководцемъ. А такъ какъ онъ могъ рассчитывать теперь только на одно Іудино колѣно, то ему тѣмъ болѣе необходимо было расположить къ себѣ Амасу, пользовавшагося у іегудеевъ большимъ вліяніемъ. Тайкомъ отъ Іоава Давидъ поручилъ поэтому Амасѣ созвать въ три дня ополченіе Іегудина колѣна и выступить съ нимъ противъ мятежниковъ. Но срокъ этотъ подходилъ уже къ концу, а Амаасы еще не было. Давидъ сталъ беспокоиться, не обманулъ-ли его Амаза и не стакнулса-ли онъ съ мятежниками. Надо было спѣшить, чтобы не дать Шевѣ собрать большое войско и не допустить его въ укрѣпленные города. Давиду такимъ образомъ волей неволей пришлось обратиться къ одному изъ своихъ племянниковъ, которые оставались ему неизмѣнно-вѣрны и къ тому же были гораздо болѣе опытными и искусными полководцами, чѣмъ Амаза. Но не желая всетаки передать главное командованіе Іоаву, онъ поручилъ его Авишаю. Послѣдній выступилъ въ походъ съ одними наемными отрядами Крети и Плѣти, да съ дружиной героевъ, какъ ядромъ того войска, которое онъ по пути надѣялся собрать. Іоавъ же, забывъ оскорбленіе, нанесенное ему Давидомъ, отправился въ походъ вмѣстѣ съ братомъ, повидному въ качествѣ негласнаго предводителя будущей арміей. Глубоко-преданный Давиду, онъ обратился къ народу съ воззваніемъ, приглашая его примкнуть къ царю.

Прибывъ въ Гивеонъ, братья-полководцы встрѣтили Амасу. Іоавъ тутъ же рѣшилъ покончить съ нимъ. Онъ дружески подошелъ къ нему, освѣдомился о его здоровьи, но при этомъ какъ-бы нечаянно выронилъ мечъ свой изъ ноженъ и, подымая его съ земли, внезапно вонзилъ его ему въ грудь. Амаза тутъ же испустилъ духъ. Не теряя времени, Іоавъ и Авишай бросились въ погоню за Шевой. Въ Гивеонѣ они оставили одного изъ вѣрныхъ приверженцевъ царя, который всѣхъ слѣдовавшихъ черезъ этотъ городъ ополченцевъ направлялъ къ Іоаву. Такимъ образомъ всѣ іегудеи, набранные Амасой, примкнули къ Іоаву и Авишаю. Братья-полководцы обошли всѣ сѣверныя колѣна, повсюду находя сторонниковъ Давида. Шева же имѣлъ мало сообщниковъ: сѣверныя колѣна не рѣшались затѣвать междоусобную войну ради такого человѣка, какъ Шева, который не пользовался никакимъ авторитетомъ. Съ небольшимъ отрядомъ, за нимъ слѣдовавшимъ, Шева проникъ въ укрѣпленный городъ

Авель (который въ отличіе отъ другого города того же имени называли еще *Бетъ-Мааха*); другая часть его приверженцевъ заняла городъ *Данъ*, находившійся на разстояніи одного часа отъ Авеля, у подошвы Хермона, неподалеку отъ источниковъ Іордана. Не предлагая жителямъ Авеля сдаться, Іоавъ велѣлъ окопать городъ валомъ и подвести подъ его стѣны мины, чтобы ихъ разрушить. Населеніе осажденнаго города было въ большой тревогѣ. Но одна умная женщина, взобравшись на стѣну крѣпости, упросила воиновъ, подводившихъ мины, призвать Іоава. И когда послѣдній подошелъ къ стѣнѣ, она стала упрекать его въ намѣреніи погубить ни въ чемъ неповинныхъ жителей: „Прежде, чѣмъ разрушать наши стѣны,—говорила она,—ты долженъ былъ-бы спросить насъ, всѣ-ли мы хотимъ воевать съ тобою и вѣтъ-ли подлинно среди насъ мирныхъ и преданныхъ царю гражданъ. За что же ты хочешь погубить отцовъ и матерей нашихъ? Почему ты желаешь истребить наслѣдіе Израиля?“ Іоавъ отвѣчалъ, что онъ и не думаетъ „истреблять наслѣдіе Израиля“, а желаетъ лишь захватить мятежника, осмѣлившагося поднять руку на царя, и какъ только ему выдадутъ этого веніамита, онъ тотчасъ оставитъ городъ. Женщина тогда общала ему, что голова мятежника вскорѣ будетъ брошена со стѣны. Общаніе это было исполнено. Іоавъ немедленно снялъ осаду, распустилъ ополченіе и съ вѣстью о подавленіи мятежа вернулся въ Іерусалимъ. Давидъ волей неволей долженъ былъ оставить за Іоавомъ званіе своего полководца.

Съ очищенной страданіями совѣстью возвратился Давидъ въ свою столицу. За свой грѣхъ онъ дважды пострадалъ и дважды же искупилъ свое преступленіе. Онъ тайно обезчестилъ жену преданнѣйшаго слуги своего, и, какъ-бы въ возмездіе за это, сынъ его обезчестилъ его наложницъ; онъ пролилъ кровь имъ же оскорбленнаго Уріи—и кровь лилась потоками въ его собственной семьѣ, едва было не поглотивъ его самого. Горькимъ опытомъ онъ позналъ, какъ мало можетъ даже кроткій царь полагаться на любовь народа. Его обширные планы насчетъ большой войны рухнули. Въ послѣдніе годы своего царствованія онъ всю свою дѣятельность сосредоточилъ поэтому на внутреннихъ дѣлахъ. Одну мысль въ особенности, которая, повидному, долго его занимала, онъ хотѣлъ осуществить до своей смерти. Богу Израиля, избавившему его отъ столькихъ бѣдъ, онъ желалъ воздвигнуть великолѣпный храмъ. Не одно чувство благодарности руководило Давидомъ въ этомъ намѣреніи,—сооруженіемъ храма онъ стремился вмѣстѣ съ тѣмъ возвеличить столицу въ глазахъ всего народа. Іерусалимъ былъ тогда лишь царской резиденціей, но не имѣлъ еще значенія первенствующаго въ странѣ города. Роль политическаго центра у него все еще оспаривалъ Сихемъ, и даже въ средѣ одного іегудейскаго

коляна Хевронъ игралъ не менѣе важную роль, чѣмъ Иерусалимъ. Въ качествѣ же религіознаго центра его превосходилъ Гивеонъ, въ которомъ находился сооруженный нѣкогда Сауломъ большой жертвенникъ. Роль Шилома унаслѣдовалъ не Иерусалимъ, а Гивеонъ. Сооруженіемъ грандіознаго храма Давидъ и думалъ отодвинуть на задній планъ всѣ эти соперничавшіе съ его столицей города и сдѣлать его единственнымъ политическимъ и религіознымъ центромъ Израильской Земли. Но прежде, чѣмъ приступить къ осуществленію этого плана, царь счелъ нужнымъ посоветоваться съ пророкомъ Натаномъ, въ то время пользовавшимся большимъ авторитетомъ, чѣмъ первосвященники. „Я вотъ живу въ роскошномъ кедровомъ дворцѣ,—говорилъ царь пророку,—а Ковчегъ завѣта все еще стоитъ въ переносномъ шатрѣ. Я желаю воздвигнуть для святыни храмъ изъ кедроваго дерева“. Пророкъ, разумѣется, одобрилъ этотъ планъ. Но въ ту же ночь Давидъ видѣлъ знаменательный сонъ. А на утро къ нему явился Натанъ и именемъ Бога возвѣстилъ ему, что онъ не призванъ соорудить храмъ, такъ какъ онъ пролилъ слишкомъ много крови, и что задача эта возложена на его сына. вмѣстѣ съ тѣмъ пророкъ возвѣстилъ ему, что его престолъ воздвигнуть на долгія времена и что народомъ израильскимъ будетъ править длинный рядъ царей, его потомковъ, если они будутъ слѣдовать по путямъ Божиимъ. Сооруженіе великолѣпнаго храма въ Иерусалимѣ было завѣтной мечтой Давида, но онъ смиренно подчинился возвѣщенному пророкомъ Божьему велѣнію и отказался отъ своего намѣренія. Въ горячей молитвѣ предъ ковчегомъ завѣта царь тѣмъ не менѣе благодарилъ Господа за милость, которой онъ его удостоилъ; поднявъ его изъ праха и поставивъ его во главѣ избраннаго Имъ народа. Особенной же признательностью было преисполнено его сердце за предсказаніе, что царскій домъ его и престолъ просуществуютъ много лѣтъ. Эти чувства Давидъ излилъ въ особомъ псалмѣ, который повидимому былъ его лебединою пѣснью¹⁾).

Давиду не дано было соорудить храмъ, но онъ тѣмъ не менѣе сдѣлалъ кое-какія приготовленія къ его постройкѣ. Такъ, онъ удѣлилъ будущему святилищу часть добычи, отнятой имъ у побѣжденныхъ народовъ. Онъ же, повидимому, выработалъ для него подробный богослужебный ритуаль, согласно обряду, введенному еще пророкомъ Самуиломъ и по которому службу въ храмѣ должны были отправлять два хора левитовъ, псалмопѣвцы и струнные инструменты. Самого Давида считали изобрѣтателемъ нѣкоторыхъ музыкальныхъ инструментовъ, которые впоследствии были введены въ богослужебный обрядъ.

¹⁾ Самуилъ II, 23.

Силы Давида тѣмъ временемъ быстро падали, хотя ему не было еще и семидесяти лѣтъ. Трудности и лишения, перенесенныя имъ въ молодости, въ скитаніяхъ его при Саулѣ, и въ многочисленныхъ походахъ, прискорбныя событія въ его собственной семьѣ, позорный поступокъ Амнона, мятежь Авесалома,—все это его преждевременно состарило. Онъ сталъ забнуть въ жаркомъ климатѣ Іерусалима; теплыя покрывала, въ которыя его кутали, его не грѣли. Этой хилостью царя вздумалъ воспользоваться его четвертый, родившійся въ Хевронѣ, сынъ *Адонія*, для того, чтобы обезпечить за собою престолъ. Со смертью Амнона и Авесалома онъ дѣйствительно былъ законнымъ наслѣдникомъ, но онъ боялся, что тронъ ускользнетъ отъ него, если онъ будетъ ждать смерти отца. Онъ по всей вѣроятности зналъ о томъ, что царь тайно общалъ своей женѣ Ватшевѣ объявить ея сына своимъ наслѣдникомъ. Адонія не хотѣлъ, подобно Авесалому, возстать противъ своего отца, онъ желалъ лишь всенародно объявить себя наслѣдникомъ престола и добиться, чтобы сановники признали его таковымъ. Онъ сталъ совѣтоваться поэтому съ тѣми царскими приближенными, которые были противъ перехода престола къ Соломону. Въ числѣ этихъ сторонниковъ и совѣтниковъ Адонія былъ прежде всего Іоавъ, поддерживавшій въ его лицѣ законнаго наслѣдника, какъ онъ раньше поддерживалъ Авесалома, и Авіатаръ, котораго царь въ то время за что то не взлюбилъ, приблизивъ къ себѣ его соперника, гивеонскаго первосвященника, Цадока. За Адонію были, наконецъ, всѣ остальные царскіе сыновья, которые не желали видѣть на престолѣ своего младшаго брата, родившагося къ тому же отъ сомнительнаго брака.

При дворѣ опять начались интриги. Адонія былъ также прекрасенъ лицомъ, какъ Авесаломъ, также покорялъ всѣ сердца, какъ онъ, но и въ такой же мѣрѣ легкомысленъ и не способенъ къ управленію, какъ его братъ. Подобно Авесалому, онъ старался импонировать толпѣ своею царскою роскошью, сталъ выѣзжать въ великолѣпной колесницѣ, передъ которой скакали пятьдесятъ тѣлохранителей, задавалъ роскошные пиры и вообще сорилъ деньгами. Давидъ и къ нему былъ также слабъ, какъ къ Авесалому, закрывалъ глаза на всѣ его излишества и тѣмъ какъ-бы признавалъ его своимъ наслѣдникомъ. Однажды Адонія пригласилъ своихъ приверженцевъ, съ Іоавомъ и Авіатаромъ во главѣ, всѣхъ своихъ братьевъ, кромѣ Соломона, и многихъ жителей столицы на празднество, устроенное имъ у источника Рогеля. Тутъ у скалы было совершено жертвоприношеніе, а затѣмъ во время пира посвященные въ дѣло провозгласили Адонію царемъ и тутъ же ему присягнули. Вѣсть объ этомъ вскорѣ облетѣла весь городъ и дошла до дворца; одинъ лишь Давидъ ничего не зналъ: престарѣлый, вѣчно забнувшій царь жилъ взаперти и цѣлые дни

проводилъ въ постели, никого не принимая. Первый забилъ тревогу Натанъ. Онъ зналъ, что Давидъ далъ тайно клятву Батшевъ, что ея сынъ Соломонъ будетъ наслѣдникомъ престола. Пророкъ тогда же возвѣстилъ царю, что Соломонъ самимъ Богомъ предназначенъ ему въ наслѣдники. Самъ Натанъ, наконецъ, питалъ больше довѣрія къ Соломону, и возлагалъ на него гораздо болѣе надеждъ, чѣмъ на Адонію. Пророкъ въ виду всего этого отправился къ Батшевъ, рассказалъ ей о томъ, что произошло у Рогеля и условился съ ней относительно того, что слѣдуетъ предпринять, чтобы разстроить планы Адоніи. Батшева немедленно отправилась къ царю и напомнила ему о его клятвѣ, увѣряя его при этомъ, что она и ея сынъ падутъ первыми жертвами Адоніи, если ему удастся вступить на престолъ; для этого бракъ его, Давида, съ ней, будетъ всенародно объявленъ позорной связью. Явившійся въ это время во дворецъ пророкъ, подтвердилъ извѣстіе о провозглашеніи Адоніи царемъ, перечислявъ при этомъ всѣхъ лицъ, которыхъ Адонія не пригласилъ на свой праздникъ, какъ сторонниковъ Соломона и своихъ противниковъ. Давидъ немедленно принялъ рѣшеніе и въ тотъ же день привелъ его въ исполненіе. Онъ во что бы то ни стало хотѣлъ сдержать свою клятву, хотя бы для этого пришлось немедленно передать бразды правленія Соломону. Пригласивъ во дворецъ всѣхъ сановниковъ и воиновъ, не участвовавшихъ въ заговорѣ Адоніи, онъ объявилъ имъ свое твердое желаніе видѣть Соломона помазаннымъ на царство еще при жизни своей и предложилъ имъ тотчасъ же приступить къ исполненію его воли. Сановники и воины торжественно обѣщали признать Соломона наслѣдникомъ престола. Тогда Давидъ собралъ отряды Крети и Плэти и приказалъ имъ слѣдовать за его сыномъ. Сѣвъ на царскаго мула, Соломонъ отправился въ долину Гихонъ, въ западной части города, сопровождаемый своими братьями, войскомъ, сановниками и большой толпой народа. Когда вся эта процессія прибыла къ Гихону, Натанъ и первосвященникъ Цадокъ окропили Соломона елеемъ изъ сосуда, хранившагося въ скиніи завѣта, помазавъ его на царство; воины затрубили въ рога, и вся присутствовавшая при этомъ толпа воскликнула: „Да здравствуетъ царь Соломонъ!“ Сильное возбужденіе царило въ этотъ день въ Іерусалимѣ. Въ восточныхъ горахъ его раздавались крики: „Да здравствуетъ царь Адонія!“ въ то самое время, какъ въ западныхъ кричали: „Да здравствуетъ царь Соломонъ!“ Если бы Адонія и его приверженцы продолжали твердо стоять на своемъ, то дѣло легко могло дойти до новой междоусобной войны. Но Адонія не хотѣлъ, подобно Авесалому, довести дѣло до крайности. Онъ не могъ къ тому же не знать, что самые видные его сторонникъ, Іоавъ и Авіатаръ, въ этомъ случаѣ не оказали бы ему никакой поддержки.

Какъ только онъ узналъ, что Соломонъ по приказанію царя помазанъ на царство, онъ сразу оробѣлъ и поспѣшилъ къ алтарю у Ковчега завѣта, чтобы стать подъ защиту святыни. Соломонъ, который тѣмъ временемъ успѣлъ уже взять бразды правленія въ свои руки, велѣлъ ему передать, что онъ можетъ безбоязненно оставить алтарь и что одинъ волосъ не упадетъ съ его головы, если онъ впродъ ни въ чемъ не провинится. Адонія отправился тогда во дворецъ, присягнувъ своему брату на вѣрность и былъ милостиво отпущенъ. Споръ о престолонаслѣдіи такимъ образомъ былъ благополучно оконченъ. Силы Давида между тѣмъ быстро падали. Послѣ бурнаго царствованія, продолжавшагося сорокъ лѣтъ и шесть мѣсяцевъ онъ тихо угасъ (около 1015 г.) Останки его были преданы погребенію въ обширномъ подземельи одного изъ южныхъ отроговъ Сіона, съ тѣхъ поръ служившей усыпальницей для всѣхъ израильскихъ царей.

Израильтяне искренно оплакивали царя, сдѣлавшаго народъ свой великимъ и самостоятельнымъ. Смерть очистила Давида. Лишь послѣ того, какъ душа его оставила свою земную оболочку, народъ сталъ понимать, чѣмъ онъ въ дѣйствительности для него былъ и что онъ для него сдѣлалъ. Внутри страны онъ первый объединилъ разрозненные и до него чуждыя другъ другу колѣна въ одинъ народъ. Возстанія Авесалома и Шевы доказали, какъ крѣпка была эта связь, сплотившая отдѣльных членовъ Израиля въ одинъ государственный организмъ. Израильскія колѣна и не думали воспользоваться смертью Давида для того, чтобы порвать съ домомъ Якова; какъ ни велико было соревнованіе между этими двумя домами, связь между ними все-же не была нарушена. Давидъ и въ другихъ отношеніяхъ старался устранять поводъ къ раздорамъ, дѣйствуя мягко и осторожно. Такъ, до него сильно враждовавшіе другъ съ другомъ пророки и первосвященники при немъ шли рука объ руку. Соломона, напри- мѣръ, онъ поручилъ помазать на царство одновременно пророку Натану и первосвященнику Цадоку. Точно также онъ слѣдилъ за тѣмъ, чтобы оба первосвященника, Авіатаръ и Цадокъ, жили другъ съ другомъ въ мирѣ. На какія-либо несправедливости съ его стороны въ народѣ никто не могъ жаловаться, ибо онъ по разумѣнію своему стремился всякаго и cadaго удовлетворить, тѣмъ болѣе, что всякая несправедливость его самого глубоко возмущала. Сломивъ могущество филистимлянъ, такъ долго державшихъ въ порабощеніи сосѣднія съ ними колѣна, и покоривъ всѣ хищническіе народы, окружавшіе Израильскую землю вплоть до Евфрата, онъ не только содѣйствовалъ росту благосостоянія своего народа, но и поднялъ израильское царство на степень могущественнѣйшей державы, не уступавшей по силѣ самому Египту и превзошедшей государства Евфрата и Тигра, Халдею и

Ассирию¹⁾. Этимъ онъ, въ ббльшей мѣрѣ, чѣмъ кто-либо до него, содѣйствовалъ пробужденію въ израильянахъ національнаго самосознанія и народной гордости. Народъ при немъ чувствовалъ себя сильнымъ не только матеріально, но и духовно, сознавая, что онъ — носитель великаго Божественнаго ученія, возвеличенный надъ всѣми сосѣдними народами. Ошибки Давида были мало-по-малу забыты, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ въ нихъ неоднократно каялся и искупилъ ихъ тяжелыми страданіями. Потомство судило его снисходительнѣе, чѣмъ современники. Великія-же дѣянія Давида, его справедливость, кротость и богобоязненность придали его образу черты идеальнаго царя, служившаго примѣромъ для всѣхъ его преемниковъ, образцомъ, съ которымъ сравнивали послѣдующихъ царей, чтобы убѣдиться, насколько тотъ или другой изъ нихъ къ нему приближался. Царствованіе Давида сіяло въ дали времени, какъ самое совершенное, когда во Израилѣ царило право и справедливость, страхъ Божій, миръ и согласіе, когда во главѣ народа стоялъ человекъ, соединившій могущество со смиреніемъ. Съ теченіемъ вѣковъ образъ Давида прояснялся все больше и больше, преобразившись въ свѣтлый, идеальный ликъ образцоваго царя и святого псалмопѣвца.

¹⁾ Новѣйшіе англійскіе историки справедливо признають израильское государство въ царствованія Давида и Соломона одной изъ „великихъ державъ“ древности. Такъ, Роулинсонъ, въ своей „The five great monarchies of the eastern ancient world“ (II p. 333 Note) говоритъ:

Историки до сихъ поръ рѣдко признавали истинное величіе и настоящій характеръ израильскаго царства при Давидѣ и Соломонѣ, какъ одного изъ большихъ восточныхъ государствъ, равнаго по могуществу Хаддеѣ и Ассирии и уступавшаго другимъ государствамъ древности только потому, что оно недолго существовало. Одинъ Стэнли, глубже другихъ понимавшій прошлое Востока, замѣтилъ, что Давидъ, завершивъ свои завоеванія, „сдѣлался царемъ, могуществомъ своимъ не уступавшимъ великимъ монархамъ Египта и Персін, какъ Рамзесъ или Киръ“.

ГЛАВА IX.

СОЛОМОНЪ.

Дѣятельность Соломона. Его мудрость. Притчи Соломоновы. Умерщвление Адонія и Иова. Лишеніе сана Авіатара и назначеніе Цадока первосвященникомъ. Расширеніе предѣловъ Израильскаго царства. Гаремъ Соломона. Бракъ его съ дочерью Пусевенесса. Нишность его двора. Порабощеніе хаанаанскихъ народцевъ, принудительныя работы и приготовленія къ постройкѣ храма и дворца. Сановники Соломона. Расторженіе союза колѣнъ. Сооруженіе храма на холмѣ Морія и освященіе его. Укрѣпленіе Іерусалима. Другія сооруженія. Соломоновъ тронъ. Источники богатства въ царствованіе Соломона. Товарищество для ввоза и вывоза колесницъ и лошадей. Торговья сношенія съ Офиромъ. Пути сообщенія. Соломоновы чиновники.

(Около 1015—975)

Давидъ такъ упорядочилъ общественный бытъ израильтянъ, что его пресмыкну—если онъ только не былъ глупцомъ, преступникомъ, или чело­вѣкомъ безъ характера, слушающимъ дурныхъ совѣтовъ своекорыстныхъ людей — немного труда приходилось-бы тратить на управленіе страной. Соломонъ, однако, не довольствовался однимъ управленіемъ и сдѣлалъ гораздо больше. Онъ поднялъ израильское государство до такого невиданнаго дотолѣ могущества и блеска, что позднѣйшія поколѣнія долго еще согрѣвались въ лучахъ ослѣпительнаго сіянія, исходившаго отъ его царствованія. Не подлежитъ сомнѣнію, что если какой-нибудь царь поддерживаетъ, укрѣпляетъ развиваетъ силу и престижъ государства хотя-бы и не имъ созданныя; если онъ при этомъ даетъ народу возможность наслаждаться благами долгаго мира; если онъ создаетъ новые источники богатства и щедрою рукой разсыпаетъ эти богатства въ своей странѣ, такъ что и въ бѣднѣйшей хижинѣ исчезаетъ нужда: если онъ открываетъ своему народу новые пути и средства для развитія его дѣятельности и самъ всячески поддерживаетъ въ немъ духъ предприимчивости; если онъ, наконецъ, сверхъ всего этого, обладаетъ достаточно просвѣщеннымъ умомъ, чтобы поощрять и духовныя стремленія народа, будить и воспитывать въ немъ чисто-эстетическія чувства; если онъ съ помощью всѣхъ этихъ матеріальныхъ и духовныхъ средствъ поднимаетъ страну свою до такой высоты, на какой до него не стояло ни одно государство, — то само собой разумѣется, что такой царь въ полной мѣрѣ заслуживаетъ тѣ громкія похвалы, какія благодарное потомство ему расточаетъ. Подкупленные величіемъ этихъ дѣяній, позднѣйшія поколѣнія смотрятъ весьма снисходительно на нныя слабости такого царя, видя въ нихъ неизбѣжныя послѣдствія несовершенства человѣческой природы вообще. Именно такимъ великимъ, хотя и не лишеннымъ недостатковъ, монархомъ былъ Соломонъ. Прежде всего

онъ въ теченіе всего своего царствованія поддерживалъ въ странѣ миръ и не велъ никакихъ войнъ, хотя при тѣхъ военныхъ ресурсахъ, какими онъ располагалъ, ему не трудно было дѣлать новыя завоеванія. Оттого онъ и получилъ имя „царя мира“ (Шелома, Шило); продолжительнымъ миромъ онъ умножилъ благосостояніе народа; онъ правилъ народомъ мудро и справедливо, и безпристрастно творилъ судъ между отдѣльными лицами и цѣлыми колѣнами; онъ основалъ много городовъ и заботился о безопасности дорогъ и слѣдовавшихъ по нимъ каравановъ; онъ украсилъ Іерусалимъ великолѣпными сооруженіями и во славу Бога Израиля воздвигъ роскошный храмъ; онъ поощрялъ занятія искусствомъ и поэзіей и тѣмъ внесъ въ жизнь народа новый облагораживающій элементъ; онъ, наконецъ, указалъ народу своему великія цѣли и значительно расширилъ его кругозоръ. За все это его по справедливости считаютъ царемъ мудрымъ и великимъ.

Всѣ эти блестящія заслуги Соломона не должны, однако, настолько ослѣплять строгій судъ исторіи, чтобъ онъ изъ-за нихъ не замѣчалъ пятенъ на его челѣ. Историкъ не вправѣ умолчать о томъ, что и этотъ мудрецъ на тронѣ, какъ всякій смертный, не былъ свободенъ отъ недостатковъ. Иначе чѣмъ исторія объяснитъ тотъ расколъ, который возникъ у свѣжей еще могилы Соломона и имѣлъ столь тяжелыя послѣдствія. Начало его царствованія было запятано кровопролитіями, а конецъ покрытъ тяжелыми тучами, затемнившими его блескъ. Страсть Соломона къ роскоши повела къ порчѣ нравовъ, къ деспотизму, къ наложенію на народъ тяжкаго бремени, которое онъ долго и покорно сносилъ, но при первомъ благопріятномъ случаѣ стряхнулъ съ себя. Соломонъ сдѣлалъ изъ израильскаго царства строго-деспотическую монархію, въ которой воля всего народа должна была подчиниться единоличной волѣ царя. Но всѣ эти темныя стороны Соломонова царствованія вполнѣ искупаются его великими дѣнями. Тѣмъ болѣе, что довольно трудно—въ настоящее время—установить, насколько въ этихъ печальныхъ порядкахъ виноватъ самъ Соломонъ, какую отвѣтственность должны нести за нихъ его совѣтники и чиновники, и насколько они вызывались необходимостью. Такова ужъ судьба всѣхъ вѣнценосцевъ вообще, что и достойнѣйшіе изъ нихъ дѣлаютъ иногда, ради сохраненія своей власти и престижа, такіе шаги, которые они сами, можетъ быть, въ душѣ осуждаютъ, и что имъ сплошь и рядомъ вмѣняютъ въ вину такія ошибки и преступленія, въ которыхъ повинны не столько они, сколько ихъ не по разуму усердствующіе помощники.

Соломонъ былъ еще очень молодъ, когда вступилъ на престолъ: ему, можетъ быть, не было тогда еще и двадцати лѣтъ. Но онъ и въ то время уже обладалъ зрѣлымъ и широкимъ умомъ, стремившимся къ великимъ

цѣлямъ. Онъ хотѣлъ возвеличить свой народъ, сдѣлать его богатымъ, счастливымъ и всѣми уважаемымъ, придать блескъ и величіе своему царствованію. Когда онъ, вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ, посѣтилъ гивеонское святилище, то ему, по преданію, явилось сонное видѣніе, во время котораго ему свыше было внушено, чтобы онъ въ молитвѣ у алтаря высказалъ свое самое горячее желаніе, и обѣщано, что оно будетъ въ точности исполнено. Чего же просилъ на другой день предъ алтаремъ молодой царь? Не долгой жизни, не богатствъ и почестей, не побѣдъ надъ врагами, а только мудрости, чтобы служить своему народу праведнымъ судьей. Такой мудростью,—умѣніемъ проникать въ души тяжущихся, уяснять себѣ всѣ обстоятельства дѣла и изъ хаоса противоположеній извлекать истину, судить не по наружному виду и не на основаніи голословныхъ утверженій,—этой способностью молодой царь обладалъ въ весьма высокой степени. Судъ Соломона вошелъ въ поговорку, какъ образецъ мудрости и справедливости. Всѣмъ извѣстно, какъ онъ, напримѣръ, рѣшилъ дѣло двухъ женщинъ, спорившихъ за обладаніе ребенкомъ. „Разрѣжьте младенца пополамъ,—приказалъ онъ своимъ слугамъ,—и дайте половину одной женщинѣ и половину другой“. Настоящая мать не могла, разумѣется, допустить исполненія такого приговора и готова была лучше отдать своего ребенка противницѣ, чѣмъ видѣть его убитымъ. Соломонъ такимъ образомъ своимъ приговоромъ обнаружилъ истинное материнское чувство и узналъ на чьей сторонѣ правда. Молодой царь вообще близко принималъ къ сердцу всякую несправедливость и, когда узнавалъ о ней, строго ее преслѣдовалъ. Если изреченіе „тронъ зиждется на справедливости“ и не имъ выдуманно, то по духу оно принадлежитъ ему.

Соломонъ заслужилъ славу мудреца не только своими судебными приговорами, но и на другомъ поприщѣ—своими не менѣе извѣстными притчами („Мошоль“). Въ нихъ онъ выводилъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ высокіе ливанскіе кедръ и низкія ползучія растенія, какъ символы великаго и низменнаго, и заставлялъ говорить четвероногихъ, птицъ, пресмыкающихся и даже нѣмыхъ рыбъ. Каждая притча заканчивалась соотвѣтствующей „моралью“. Въ преданіяхъ сказано, будто Соломонъ сочинилъ три тысячи такихъ притчъ и сверхъ того еще пять тысячъ пѣсеней или поученій¹⁾. Цифры эти, конечно, сильно преувеличены. Соломона отнюдь нельзя считать изобрѣтателемъ притчъ, ибо немало такого рода „примѣровъ“ рассказывали въ народѣ задолго до него. Такъ, ютамъ,

¹⁾ „Цари“ 1, 5, 12. Въ настоящее время можно считать окончательно установленнымъ фактъ, что ни „Притчи“, ни „Пѣснь пѣсеней“, ни „Поученія“ не принадлежатъ Соломону. Всѣ эти произведенія относятся къ другимъ эпохамъ и инымъ положеніямъ.

сынъ „судья“ Гидеона, рассказалъ съ горы Гаризимъ жителямъ Сихема остроумную притчу о лѣсныхъ деревьяхъ, ищущихъ царя (стр. 125); пророкъ Натанъ свое суровое обвиненіе Давида въ прелюбодѣяннн также облекъ въ форму притчи (стр. 229). Но если Соломонъ и не одинъ составлялъ притчи, то ему во всякомъ случаѣ дѣлаетъ честь, что онъ свои досуги посвящалъ поэтическому творчеству. Кромѣ поученій онъ составлялъ также остроумныя загадки. Въ тѣ времена былъ обычай забавлять гостей на пирахъ, задавая имъ и рѣшая болѣе или менѣе головоломныя загадки. Сами цари не пренебрегали такого рода игрой ума. Соломонъ-же, по преданію, былъ необыкновенно силенъ въ этой игрѣ.

Не смотря на свой высокій умъ, Соломонъ дѣлалъ крупныя ошибки, большинство которыхъ явилось результатомъ его преувеличенныхъ представленій о царской власти. Отъ царей сосѣднихъ государствъ, финикійскаго и египетскаго, съ которыми онъ поддерживалъ постоянныя сношенія, Соломонъ усвоилъ себѣ неподобающее смертному высокомѣріе и совершенно ложное мнѣніе, будто въ странѣ все должно исходить отъ одного царя, что народъ не имѣетъ никакого значенія, и что всякое мѣропріятіе, всякое распоряженіе болѣе или менѣе общаго характера тогда лишь имѣетъ цѣну, если оно сдѣлано царемъ или имъ одобрено. Особѣ царя одной принадлежить во всемъ рѣшающій голосъ, его единоличная воля—обязательный для всѣхъ законъ. Эти ложныя представленія о своей власти были тѣмъ камнемъ преткновенія, о который разбивалась вся мудрость Соломона. Гораздо лучше, чѣмъ его предшественники Саулъ и Давидъ, Соломонъ своимъ примѣромъ доказалъ, какъ глубоко правъ былъ пророкъ Самуиль, предостерегая израильскихъ старѣйшинъ противъ введенія въ странѣ царской власти (стр. 155).

Соломонъ былъ, къ несчастію, младшимъ сыномъ у своего отца, и престоль достался ему вопреки освященному временемъ обычаю. Въ глазахъ народа законнымъ наслѣдникомъ престола былъ его братъ Адонія, приверженцами своими уже провозглашенный было царемъ. Пока Адонія оставался въ живыхъ, тронъ Соломона не былъ поэтому проченъ, или царю, по крайней мѣрѣ, такъ казалось. Адонію, слѣдовательно, надо было такъ или иначе устранить. Соломонъ, не долго думая, поручилъ это дѣло начальнику своихъ тѣлохранителей Венайгу, который проникъ въ домъ Адоніи и убилъ его. Чтобы чѣмъ-нибудь оправдать это кровопролитіе, приближенные Соломона рассказывали, что Адонія хотѣлъ жениться на молодой дѣвушкѣ Авишагъ, которая ухаживала за престарѣлымъ Давидомъ и была его наложницей въ послѣдніе годы его жизни. Усмотрѣвъ въ этомъ бракѣ новое покушеніе со стороны Адоніи на престоль, Соломонъ поспѣшилъ избавиться отъ него. Узнавъ объ этомъ убійствѣ, Іоавъ, какъ быв-

шій приверженецъ Адоніи, понялъ, что и ему грозитъ та же участь. Заслуженный полководецъ, такъ много сдѣлавшій для увеличенія могущества Израиля и упроченія дома Давидова, долженъ былъ, какъ преступникъ, бѣжать къ алтарю, надѣясь здѣсь избѣгнуть насильственной смерти. Бенаягу, однако, не устранился святыни и звѣрски убилъ престарѣлаго полководца у самаго алтаря. Въ оправданіе этого новаго кровопролитія, Соломонъ сочинилъ легенду, будто Давидъ, умирая, внушилъ ему, чтобы онъ не далъ Іоаву умереть естественной смертью, за то, что онъ убилъ Авнера и Амасу. Спровадивъ такимъ образомъ полководца, Бенаягу самъ занялъ его мѣсто. Другого приверженца Адоніи, первосвященника Авіатара, Соломонъ не рѣшался убить, и удовольствовался тѣмъ, что лишилъ его сана и изгналъ изъ Іерусалима, сославъ его на жительство въ городокъ Анатотъ. Цадокъ послѣ этого сталъ единственнымъ первосвященникомъ; его потомство занимало этотъ важный постъ въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія. Соломонъ, однако, и этими жертвами не удовольствовался. Былъ еще одинъ человекъ, котораго онъ боялся. То былъ Шими, тотъ самый веніамитъ, который нѣкогда такъ издѣвался надъ Давидомъ во время его бѣгства изъ Іерусалима, а впослѣдствіи униженно вымаливалъ у него прощенія. Соломонъ опасался, какъ-бы онъ не вздумалъ устроить мятежъ и свергнуть его съ престола въ пользу остававашагося еще въ живыхъ внука Саула. Подъ самымъ пустымъ предлогомъ онъ приказалъ своему палачу Бенаягу убить веніамита, что тотъ и не замедлил исполнить. Только послѣ этихъ трехъ кровопролитій, Соломонъ, наконецъ, успокоился, увѣренный, что его престолу никто и ничто больше не угрожаетъ.

Соломонъ прежде всего постарался обставить свой дворъ съ необыкновеннымъ блескомъ, какъ это подобало царю, властному слову котораго ввимапи отъ границъ Египта до береговъ Евфрата. Для пышности двора въ тѣ времена прежде всего требовалось большое число женщинъ. Давидъ имѣлъ шестнадцать женъ. Но что значило это число въ сравненіи съ огромными гаремами египетскаго и финкійскаго царей, блестящіе дворы которыхъ служили для Соломона образцами. Молодой царь постарался поэтому обзавестись большимъ гаремомъ. Преданія, конечно, сильно преувеличиваютъ, разсказывая, что у Соломона была тысяча женъ,—семьсотъ царицъ и триста наложницъ. Но и тѣхъ и другихъ у него безъ сомнѣнія было гораздо больше, чѣмъ у Давида. И вовсе не потому, чтобы онъ былъ невоздерженъ въ любви, а потому, что этого требовали придворные обычаи того времени. Первой женой Соломона была дочь аммонитскаго царя, красавица *Наама*, которую ему сосваталъ еще Давидъ. Послѣ вступленія же своего на престолъ онъ сталъ брать себѣ женъ изъ дочерей моавитскихъ

и арамейскихъ царей и даже у хитейцевъ и ханаанейцевъ, т. е. у такихъ народовъ, браки съ которыми не дозволялись израильскими законами. Самолюбію молодого царя льстило то, что цари египетскихъ народовъ охотно отдавали ему въ жены своихъ дочерей; родство съ ними въ то же время обезпечивало ему миръ. Больше же всего, Соломонъ былъ польщенъ тѣмъ, что и египетскій царь выдалъ за него свою дочь. Вслѣдствіе продолжительныхъ междоусобицъ Египетъ въ то время былъ уже въ нѣкоторомъ упадкѣ. Во главѣ его стала при Давидѣ новая династія (XXI-ая), избравшая своей резиденціей городъ *Танисъ* (Цоанъ) въ нижнемъ Египтѣ, граничившемъ съ Израильской Землей. Одинъ изъ царей этой династіи, Пусеннесъ, воевалъ съ филистимлянами и отобралъ у нихъ городъ Газеръ. Давидъ, какъ мы видѣли (стр. 234), опасался, что этотъ фараонъ предприметь походъ и на израильскую страну, и въ виду этого сталъ даже готовиться къ большой войнѣ. Пусеннесъ, между тѣмъ не чувствовавшій себя въ силахъ воевать съ израильтянами, наоборотъ, самъ поспѣшилъ заключить союзъ съ Соломономъ, выдавъ за него свою дочь; въ видѣ приданаго онъ отдалъ ей завоеванный у филистимлянъ городъ. Соломонъ былъ увѣренъ, что сдѣлалъ удачный шагъ, заключивъ этотъ брачный союзъ; ему казалось, что престижъ его, какъ царя, и блескъ его царствованія много выиграютъ отъ того, что онъ породнился съ фараономъ. Позднѣйшія событія показали, какъ глубоко Соломонъ въ этомъ отношеніи заблуждался. Само собой разумѣется, что египетской царевнѣ устроена была въ израильской столицѣ блестящая встрѣча и что она стала первой царичей и главной женой Соломона. Молодому царю стыдно было, что онъ не можетъ предоставить въ распоряженіе фараоновой дочери великолѣпнаго дворца. Что, въ самомъ дѣлѣ, значилъ кедровый домъ Давида въ сравненіи съ колоссальными дворцами-лабиринтами египетскихъ царей? Соломонъ рѣшилъ поэтому воздвигнуть для своей первой жены достойный ея высокаго происхожденія дворецъ.

Въ такой-же союзъ, какъ съ Пусеннесомъ, Соломонъ вступилъ затѣмъ и съ финикійскимъ царемъ Хирамомъ, взявъ себѣ въ жены также и его дочь. Постоянныя сношенія израильскаго двора съ египетскимъ и финикійскимъ результатомъ своимъ имѣли цѣлый рядъ важныхъ нововведеній и обширныхъ предпріятій. Многочисленный царскій гаремъ требовалъ и многочисленнаго штата дворцовыхъ слугъ. Посламъ родственныхъ или дружественныхъ царей, часто прибывавшимъ въ Иерусалимъ, чтобы отъ нихъ имени привѣтствовать великаго и мудраго царя, необходимо было устраивать блестящіе приемы. Далѣе, отъ народовъ, покоренныхъ Давидомъ и состоявшихъ данниками израильскаго царя, также часто приходили въ столицу съ данью и дарами посланцы, которымъ также надо было пока-

зывать царскій дворъ во всемъ его блескѣ, чтобы внушить имъ уваженіе къ могущественному царю. Все это требовало соотвѣтственной обстановки и поглощало огромныя суммы. Какъ великъ былъ дворцовый штатъ Соломона видно между прочимъ изъ того, что на прокормленіе его уходило въ день тридцать воловъ, сто барановъ и тридцать коръ (около 3600 четвертей) лучшей пшеничной муки; такое же количество муки, но низшаго качества, поставлялось каждодневно и для дворцовой прислуги; дворъ сверхъ того истреблялъ массу всякой домашней птицы, дичи и т. д. Изъ какихъ источниковъ Соломонъ покрывалъ эти огромныя расходы? Своихъ имѣній или вообще какихъ-либо доходовъ у него не было, и всѣ издержки по содержанію двора долженъ былъ такимъ образомъ нести народъ. Для этого вся страна была раздѣлена на двѣнадцать податныхъ округовъ и въ каждый изъ нихъ былъ назначенъ особый чиновникъ („исцивъ“), который обязанъ былъ собирать съ населенія и доставлять въ столицу все, что требовалось на содержаніе двора въ теченіе одного мѣсяца: скоть, птицу и муку, а также ячмень и солому для царскихъ лошадей и муловъ. При раздѣленіи государства на эти 12 чисто административныхъ округовъ исконное дѣленіе его на 12 колѣнъ совсѣмъ не принималось въ соображеніе; владѣнія всѣхъ колѣнъ оказались поэтому перетасованными и раздробленными. Сдѣлано это было, конечно, въ видахъ централизаціи, — для того, чтобы покончить съ существованіемъ отдѣльныхъ, болѣе или менѣе автономныхъ колѣнъ. Одно Вениамитское владѣніе, какъ слишкомъ маленькое, не было раздроблено. Отъ Эфраймовой же области отрѣзали приіорданскія ея части и полосу, прилегавшую къ Мертвому морю, и образовали изъ нихъ отдѣльный округъ; еще болѣе были раздроблены владѣнія Манашіина колѣна по сю сторону Іордана, изъ которыхъ составили три податныхъ округа; сѣверныя колѣна потерпѣли ту-же участь, а изъ владѣній трехъ заіорданскихъ колѣнъ сдѣлали два округа; одному лишь Іегудину колѣну, какъ ближайшему къ царю и пользовавшемуся поэтому особыми привилегіями, оставлена была вся его прежняя территорія. Надъ двѣнадцатью окружными сборщиками поставленъ былъ особый высшій чиновникъ, наблюдавшій за тѣмъ, чтобы они исправно взимали дань и своевременно доставляли ее ко двору.

Страсть царя къ внѣшнему блеску больше всего обнаружилась въ его грандіозныхъ постройкахъ. Прежде всего онъ рѣшилъ воздвигнуть въ столицѣ великолѣпный храмъ, о сооруженіи котораго мечталъ еще его отецъ. Соломонъ не могъ мириться съ тѣмъ, что въ Египтѣ и Финикіи, съ царями которыхъ онъ поддерживалъ дружественныя отношенія, издавна существовали колоссальныя храмы, а въ его столицѣ святыня все еще обрѣталась въ простомъ шатрѣ. Вслѣдъ за своимъ вступленіемъ на пре-

столь онъ поэтому тотчасъ занялся приготовленіями къ постройкѣ храма. Мѣсто для него было выбрано еще Давидомъ; то былъ холмъ Морія, въ сѣверо-восточной части города, на которомъ Давидъ послѣ прекращенія чумы построилъ алтарь. Золота и серебра для украшенія будущаго храма также уже припасено было въ достаточномъ количествѣ. Не было, однако, самаго главнаго, — строительныхъ матеріаловъ, камня и дерева. Камень имѣлся въ изобиліи подъ самой столицей. Но правильныя плиты и обдѣланныя глыбы, годныя для постройки, предстояло лишь извлечь изъ нѣдръ окружающихъ городъ скалистыхъ горъ. На сѣверной сторонѣ Іерусалима можно еще въ настоящее время видѣть обширныя каменоломни, имѣющія около 700 футовъ въ длину и мѣстами столько-же въ ширину; это настоящей лабиринтъ катакомбъ; толстые каменные столбы, подпирающіе ихъ крыши, уцѣлѣли до сихъ поръ. Изъ этихъ-то ломокъ высѣкали большія, правильныя глыбы для фундамента и капитальныхъ стѣнъ будущаго храма. Но откуда-же взяли ту многочисленную армию рабочихъ, которая необходима была для выполненія столь тяжелаго труда, какъ рубка, отдѣлка и доставка огромныхъ массъ камня? Отъ своего тестя, фараона Пусеенеса. Соломонъ научился искусству доставать рабочихъ безъ большихъ затратъ. Въ самой землѣ израильской жили еще при немъ остатки разныхъ ханаанскихъ народовъ, которыхъ Іошуа при завоеваніи страны не могъ покорить, а послѣдующіе завоеватели не въ состояніи были истребить. Саулъ задался было цѣлью сократить ихъ число, но изъ-за раздоровъ своихъ съ Давидомъ онъ не хотѣлъ или не могъ поступить съ ними черезъ-чуръ круто. Давидъ-же оставилъ ихъ въ покоѣ, потому что они жили въ мирѣ съ израильтянами и часто оказывали имъ помощь въ войнахъ съ филистимлянами и другими внѣшними врагами. Чѣмъ могущественнѣе становились израильтяне, тѣмъ безвреднѣе дѣлалось для нихъ это туземное населеніе. Несмотря на это, Соломонъ, которому нужны были даровые работники для его грандіозныхъ построекъ, совершенно неожиданно объявилъ всѣхъ туземцевъ полурабами и отправилъ ихъ на каменоломни. То были остатки амореевъ, хитейцевъ, фериситовъ и хивейцевъ, жившіе у Беть-Шеана, въ равнинѣ Іезреель, на сѣверѣ—во владѣніяхъ Зевулонова, Ашерова и Нафталіева колѣвъ, и на западѣ—среди данитовъ; сюда-же вошли и іевусеи, у которыхъ Давидъ отнялъ нѣкогда Іерусалимъ, позволивъ имъ затѣмъ поселиться въ окрестностяхъ столицы (стр. 217). Всѣ эти народцы въ то время насчитывали еще въ своей средѣ около 150.000 способныхъ къ работѣ мужчинъ, которые всѣ и были командированы на работы. Соломонъ при этомъ сослался на то, что праотецъ Ной послѣ потопа предалъ всѣхъ первобытныхъ обитателей Ханаана проклятію и осудилъ ихъ на рабство за то, что родоначальникъ ихъ Хамъ обошелся

непочтительно съ своимъ отцомъ¹⁾. Надъ этими 150.000 туземцами, нязведенными на степень рабовъ, Соломонъ поставилъ три тысячи надсмотрщиковъ-израильтянъ. Главнѣйшій-же инспекторъ работъ *Адонирамъ* контролировалъ всѣхъ надсмотрщиковъ и имѣлъ высшій надзоръ за работами вообще. Восемьдесятъ тысячъ этихъ несчастныхъ работали день и ночь въ самыхъ каменоломняхъ, подъ руководствомъ спеціалистовъ изъ финикійскаго города *Библоса* (Гиблина), вырубая изъ скаль огромныя глыбы, обтесывая ихъ въ правильныя плиты и складывая въ ряды. Остальные семьдесятъ тысячъ съ немовѣрными усилиями извлекали эти тяжелые камни изъ глубокихъ шахтъ и доставляли ихъ затѣмъ къ мѣсту постройки.

Тирскій царь Хирамъ, другъ Соломона, поставлялъ для будущаго храма кедровое и кипарисовое дерево. Эти деревья рубили въ лѣсахъ Ливана и доставляли въ Тиръ или другую финикійскую гавань, сплавляли затѣмъ на плотахъ къ Яффѣ и оттуда съ великимъ трудомъ доставляли черезъ горы и долины въ Иерусалимъ. Но откуда Соломонъ бралъ рабочихъ для сруба этой огромной массы деревьевъ и доставки ихъ на мѣсто? Такъ какъ обращенныхъ въ рабство туземцевъ на это не хватало, или-же ихъ неудобно было отправлять на чужбину, то ихъ замѣнили израильтянами, въ числѣ тридцати тысячъ человекъ. Они были раздѣлены на три партіи, по десяти тысячъ въ каждой; партіи чередовались, причемъ каждая работала одинъ мѣсяць и два мѣсяца затѣмъ отдыхала. Эти тридцать тысячъ израильтянъ, правда, не были обращены въ рабство, они были свободны и вѣроятно получали даже нѣкоторую плату за свой трудъ; но отказаться отъ него они не могли.

Соломонъ не могъ, разумѣется, требовать отъ Хирама, чтобы онъ позволилъ ему даромъ вырубать его дорогіе кедровыя и кипарисовыя лѣса и даромъ-же поставлялъ ему спеціалистовъ, руководившихъ рубкой деревьевъ и добываніемъ камня. Взамѣнъ этого Соломонъ поставлялъ ему ежегодно, до окончанія постройки, по двадцати тысячъ коръ (около двухъ съ половиной милліонѣвъ четвертей) пшеницы и сверхъ того большое количество вина и масла. Все это ложилось тяжкимъ бременемъ на народъ, которому и безъ того приходилось содержать огромный царскій дворъ. Но кромѣ того Хирамъ доставлялъ еще золото для украшенія храма. За это Соломонъ уступилъ ему двадцать городовъ, изъ бывшихъ владѣній Ашерова колѣна, на границѣ Финикіи. То были, правда, незначительные города и Хираму они не особенно понравились, но все-же это была израильтянская земля, которая такимъ образомъ навсегда перешла къ финикіянамъ. Хирамъ заселилъ эти города различными туземными народами, и оттого эта мѣст-

¹⁾ Бытіе 9, 25.

ность получила названіе „Округа народностей“ („Гелиль-га-Гоимъ“), а позднѣе стала называться *Галилеей*.

Какъ только камень и лѣсъ были доставлены на мѣсто, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ долженъ былъ быть сооруженъ весь храмъ, началась постройка его, подъ руководствомъ финикійскихъ архитекторовъ и въ финикійскомъ-же стилѣ. Храмъ строили изъ каменныхъ плитъ, а стѣны внутри выложили кедровыми досками, на которыхъ были искусно вырѣзаны разныя фигуры, въ видѣ пальмовыхъ деревьевъ, разныхъ цвѣтовъ и херувимовъ; вся эта рѣзба была отдѣлана золотомъ. Храмъ имѣлъ въ длину 60, въ ширину 20 и въ вышину 30 локтей и состоялъ изъ двухъ отдѣленій, внутренняго и наружнаго. Внутреннее составляло четырехугольникъ въ 20 квадратныхъ локтей въ задней, возвышенной части храма, и носило названіе *Святой святыхъ* („Дебиръ“); наружное или такъ называемое *Святилище* (Hechal) имѣло 40 локтей въ длину и 20 въ ширину. Въ Святой святыхъ стояло два херувима изъ вызолоченнаго оливковаго дерева, вышиною въ 10 локтей и съ распущенными крыльями, имѣвшими по 5 локтей въ длину. Передъ входомъ въ Святилище былъ открытый портикъ („Уламъ“) въ ширину храма, длиною въ десять локтей; его поддерживали двѣ массивныя колонны удивительной художественной работы. Ихъ сдѣлалъ одинъ полу-израильтянинъ Хиромъ, отецъ котораго былъ финикійянинъ изъ Тира, а мать израильтянка изъ Нафталіева колѣна. Колонны эти были 18 локтей въ вышину и 12 въ обхватъ; великолѣпныя канители ихъ имѣли форму лилій, окруженныхъ гранатами изъ бронзы. Лѣвая колонна называлась *Иахинъ*, а правая — *Боазъ*; значеніе этихъ именъ до сихъ поръ не выяснено. Съ трехъ сторонъ къ храму примыкали флигеля съ жилыми покоями для священнослужителей-левитовъ. Боковыя стѣны храма были снабжены вверху, надъ флигелями, рѣшетчатыми окнами; задняя-же стѣна была глухая и обращена на западъ: это означало, что израильтяне не должны молиться солнцу, въ противоположность другимъ народамъ Востока, которые въ тѣ времена всѣ поклонялись дневному свѣтлу, какъ божеству плодородія. Въ храмѣ вообще всегда царилъ полумракъ. Полъ въ святилищѣ былъ кишарисовый съ инкрустаціями изъ золота. Въ Святую святыхъ вели массивныя двери изъ оливковаго дерева съ золотыми фигурами. Въ самомъ „дебирѣ“ стояли лишь херувимы, какъ-бы охранявшіе ковчегъ съ скрижалями завета; въ наружномъ-же храмѣ стоялъ алтарь изъ кедроваго дерева, кругомъ вызолоченный, десять свѣтильниковъ и столъ съ двѣнадцатью освященными хлѣбами.

Храмъ былъ окруженъ обширнымъ дворомъ, расположеннымъ нѣсколько пониже и обнесеннымъ высокой стѣной. Здѣсь стоялъ большой бронзовый жертвенникъ и обширный мѣдный бассейнъ, служившій для омовенія рукъ

и ногъ священнослужителейъ передъ вступленіемъ въ храмъ. Огромная чаша этого резервуара была утверждена на двѣнадцати бронзовыхъ быкахъ, расположенныхъ по три съ каждой ея стороны и обращенныхъ въ разныя стороны. Это „мѣдное море“—какъ народъ называлъ бассейнъ—было сдѣлано упомянутымъ уже выше Хирамомъ и въ своемъ родѣ также считалось шедевромъ. Вода выливалась изъ бассейна, повидимому, съ помощью вертящихся крановъ. Сверхъ большого резервуара въ томъ-же дворѣ было еще десять маленькихъ подвижныхъ бассейновъ, на колесахъ, весьма изящной работы. Для храма была изготовлена въ огромномъ количествѣ золотая и бронзовая утварь, жертвенныя чаши, кадилалицы и проч. Въ общемъ храмъ внутри и снаружи поражалъ своимъ богатствомъ и великолѣпіемъ. Наряду съ жертвоприношеніями Соломонъ обратилъ также вниманіе и на богослуженіе въ новомъ храмѣ и заказалъ для хора лютни и арфы изъ сандаловаго дерева.

Въ семь лѣтъ грандіозное сооруженіе было окончено и новый храмъ былъ торжественно освященъ. Для этого торжества былъ избранъ первый осенній мѣсяцъ, время окончанія полевыхъ работъ и сбора винограда. На освященіе были приглашены представители отъ всѣхъ колѣнъ и старѣйшины всѣхъ израильскихъ родовъ. Со всей страны въ Иерусалимъ собралось огромное множество народу, чтобы подивиться великолѣпію храма и присутствовать на столь важномъ всенародномъ праздникѣ. Торжества начались перенесеніемъ съ Сіонской горы на холмъ Морію ковчега заветъа. Левиты несли святыню на плечахъ до входа въ храмъ, а ариониды затѣмъ внесли ее въ Святую святыхъ и поставили подъ распростертыя крылья херувимовъ. При ковчегѣ сохранились еще тогда тѣ самыя палки, на которыхъ израильтяне несли его еще во время своего сорокалѣтняго странствованія въ пустынѣ; при этомъ всѣ присутствующіе могли видѣть священную реликвию, двѣ каменные плиты съ начертанными на нихъ десятью заповѣдями. Во время перенесенія святыни и освященія храма народъ приносилъ тысячи жертвъ, ариониды служили, а хоры левитовъ пѣли псалмы. Слѣдующіе стихи представляютъ, вѣроятно, отрывокъ изъ этихъ псалмовъ:

„Поднимите вы, врата, верхи ваши,
Подымитесь вы, вѣчныя двери,
Дабы вступилъ Царь славы.
Кто же есть Царь славы?
То Іегова, сильный и могучій,
Непобѣдимый на полѣ брани!

Поднимите вы, врата, верхи наши,
Подымитесь вы, вѣчныя двери,
Дабы вступилъ Царь славы.
Кто же есть Царь славы?
Это Богъ-Савваооъ;
Это Онъ—Царь славы!⁴¹⁾

По преданію, въ томъ моментъ, когда ковчегъ былъ внесенъ въ Святую святыхъ, густое облако вдругъ окутало всю внутренность храма,

⁴¹⁾ Псаломъ 23, 7—10.

такъ что арониды не могли приступить къ богослуженію. Присутствованіе увидѣли въ этомъ проявленіе Божьей милости, знаменіе того, что сооруженіе храма угодно Господу и что Онъ желаетъ, чтобы народъ Ему въ немъ поклонялся. Очарованная благолѣпіемъ храма, восторженно настроенная толпа была обрадована этимъ очевиднымъ проявленіемъ Божіей милости. Въ краткомъ словѣ царь далъ всѣмъ этимъ чувствамъ подобающее выраженіе: „Господь, — сказалъ Соломонъ, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ, — избралъ для Себя пребываніе въ облакѣ. И я создалъ для Него надежное жилище, мѣсто для вѣчнаго пребыванія Его!“ Холмъ Морія сталъ такимъ образомъ какъ-бы вторымъ Синаемъ, на которомъ нѣкогда раздался гласъ Господній, вѣщавшій изъ глубины густого облака. Народъ израильскій съ тѣхъ поръ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на храмъ, какъ на видимую обитель Бога, наполняющаго Собою и небо и землю. Отсюда, изъ таинственнаго полумрака Святой святыхъ, какъ нѣкогда съ вершины Синая, народъ ждалъ божественныхъ указаній о тѣхъ путяхъ, по которымъ ему должно слѣдовать. Пророкъ, присутствовавшій при освященіи (по всей вѣроятности *Ахія* изъ Шилома), именемъ Бога возвѣстилъ царю: „Если ты будешь поступать согласно съ Моими законами и будешь исполнять заповѣди Мои, то Я исполню обѣтъ, данный Мною отцу твоему Давиду. Я буду пребывать въ лонѣ Израиля и не оставлю милостями Своими Мой народъ“.

Радостно праздновала огромная толпа, собравшаяся въ Иерусалимъ со всѣхъ концовъ страны, свой осенній праздникъ, совпавшій съ освященіемъ храма. Глубокое и неизгладимое впечатлѣніе произвелъ на эту толпу Божій Домъ, въ которомъ все было залито чуднымъ сіяніемъ отъ покрытыхъ золотомъ стѣнъ и блестящихъ драгоценныхъ сосудовъ, но который въ то-же время поражалъ величавой простотой своей архитектуры и полнымъ отсутствіемъ какого-либо изображенія божества, невидимо витавшаго въ таинственномъ полумракѣ этой обители Своей. „Обитель Господня“ — бьющее въ глаза противорѣчіе, лежащее въ сочетаніи этихъ представленій, впоследствии было понято израильтянами — давала пищу воображенію и окрыляла фантазію толпы, которая не можетъ себѣ представить ничего божественнаго безъ матеріальной, видимой оболочки. Домъ Господень, въ которомъ левога обиталъ среди Своего народа и проявлялъ Себя ему въ Своихъ откровеніяхъ, потому самому сталъ для этого народа національнымъ сокровищемъ. Ковчегъ Завета съ тѣхъ поръ не брали уже больше въ походы, чтобы при его помощи добиться побѣды; во время войнъ и большихъ бѣдствій, постигавшихъ народъ, всѣ сердца обращались къ храму на холмѣ Моріи, чтобы умоливать невидимое божество, въ немъ

витавшее, отвратить отъ народа великое несчастье. Храмъ сталъ „гордостью и мощью Израиля, радостью его очей“¹⁾).

Съ освященіемъ храма положено было начало правильной организаціи духовенства, о которой нельзя было думать до того, ни при первобытнѣйшей обстановкѣ шиломскаго святилища, ни при временномъ нахожденіи святины въ сіонскомъ шатрѣ. Духовенство, какъ отдѣльное сословіе, во всякомъ случаѣ существовало давно, состоя исключительно изъ потомковъ Арона. Но оно не было организовано и раздѣлено на высшихъ и низшихъ представителей. Только при Соломонѣ впервые во главѣ всего духовенства поставленъ былъ официальный первосвященникъ, а всѣ остальные священнослужители были ему подчинены и раздѣлены на классы. Саномъ первосвященника былъ облеченъ *Азарія*, послѣ смерти своего отца Цадока. Точно также была устроена другая духовная корпорація, левиты. Они были подчинены аронидамъ и раздѣлены на три группы, изъ которыхъ одна прислуживала при жертвоприношеніяхъ, другая исполняла сторожевую службу при храмѣ и завѣдывала сосудами и прочими его принадлежностями, и третья, наконецъ, образовала хоры храмовыхъ пѣвцовъ и музыкантовъ. Первые, служители при алтарѣ (*Mescharetim*), составляли классъ *герсонидовъ*, вторые, сторожа (*Schomrim*), — классъ *мераридовъ*, и третьи, пѣвцы (*Meschogerim*), — классъ *кегатитовъ*. Во главѣ этихъ послѣднихъ стояли три знаменитыхъ псалмопѣвца: *Геманъ*, внукъ пророка Самуила, съ своими сыновьями, упомянутыми уже *корахидами*, *Асафъ* со своими сыновьями и *Иедутунъ*.

Съ сооруженіемъ храма и устройствомъ быта духовенства Іерусалимъ сталъ не только политической столицей страны, но и духовнымъ ея центромъ. Ежегодно сюда къ осеннимъ праздникамъ стекались со всѣхъ концовъ страны паломники, чтобы присутствовать при торжественномъ богослуженіи, какого, разумѣется, не могло быть при скромныхъ алтаряхъ отдѣльныхъ колѣнъ. А такъ какъ Іерусалимъ въ это время сталъ и значительнымъ торговымъ центромъ, въ которомъ впервые стали появляться не только иноземные гости, но и всевозможные иноземные товары, то онъ еще больше сталъ привлекать къ себѣ израильтянъ изъ всѣхъ колѣнъ. Самый младшій изъ всѣхъ городовъ Израильской Земли въ короткое время переросъ такимъ образомъ и далеко оставилъ за собою древнѣйшіе ея города. Соломонъ велѣлъ обнести свою столицу крѣпкими стѣнами. Іерусалимъ съ трехъ сторонъ былъ окруженъ холмами, представлявшими естественныя укрѣпленія, такъ что строителямъ оставалось лишь соединять ихъ стѣнами; съ сѣверной стороны, наоборотъ, гдѣ холмы весьма низки,

¹⁾ Езек. 24, 21; 7, 24; Псаломъ 47, 5 и 89, 36; Амось 4, 2; 6, 8; 8, 7.

а также со стороны Кидронской долины, между Моріей и городомъ, пришлось возвести крѣпкую и высокую стѣну. А такъ какъ еще при Давидѣ вокругъ сіонскаго холма была возведена стѣна, для защиты этой части города, то съ сѣверо-востока Іерусалимъ оказался такимъ образомъ обнесенымъ двойной стѣной, которая сдѣлала сѣверную долину совершенно недоступной извнѣ.

Воздвигнувъ „Домъ Божій“, Соломонъ приступилъ къ сооруженію „дома царскаго“, постройка котораго продолжалась тринадцать лѣтъ. Дворецъ состоялъ изъ цѣлаго ряда зданій, занимавшихъ довольно большую площадь на сѣверномъ холмѣ, въ части города, которая называлась Милло. Входъ въ этотъ царскій кварталъ открывалъ „Ливанскій лѣсъ“, получившій это названіе отъ кедровыхъ колоннъ, которыя здѣсь были установлены въ два ряда, по пятнадцати въ каждомъ. Колоннада эта служила сборнымъ мѣстомъ для царской стражи; здѣсь всегда находились 300 тѣлохранителей, вооруженныхъ золотыми копьями и щитами и сопровождавшихъ царя, когда онъ отправлялся въ храмъ. Въ самомъ дворцѣ особенно великолѣпна была „судебная“ или тронная зала. Она была выложена кедромъ и украшена позолоченной рѣзьбой. Здѣсь стоялъ тронъ Соломона, который славился какъ чудное произведеніе искусства. Онъ весь былъ сдѣланъ изъ слоновой кости и чистаго золота. Къ нему вели шесть ступеней, на каждой изъ которыхъ лежали двѣ искусно сдѣланныя фигуры львовъ,—эмблема силы и царской власти. Такія же фигуры украшали съ обѣихъ сторонъ и самый тронъ. Въ этой, открытой для всѣхъ, судебной залѣ царь выслушивалъ тяжущихся и произносилъ приговоры. Правосудіе Соломонъ считалъ одной изъ важнѣйшихъ и священнѣйшихъ своихъ обязанностей. Въ этой же залѣ царь принималъ иноземныхъ пословъ, которые являлись въ Іерусалимъ, чтобы привѣтствовать его отъ имени своихъ повелителей, или для того, чтобы завязать сношенія съ его дворомъ, вести переговоры о заключеніи союзовъ и т. д. Для царя, его женъ и двора былъ выстроенъ особый дворецъ. Первая же царица, дочь египетскаго фараона, жила въ особомъ, спеціально для нея построенномъ дворцѣ, отдѣльно отъ прочихъ женъ и наложницъ Соломона. Весь царскій кварталъ съ разбитымъ при немъ большимъ садомъ и прилежавшимъ къ нему храмомъ былъ окруженъ особой стѣной съ цѣлымъ рядомъ укрѣпленій. Для снабженія храма, дворца и города водой Соломонъ устроилъ, повидимому, нѣчто въ родѣ водопровода, источникомъ для котораго служили обильные ключи Аинъ-Этама, находившіеся на разстояніи двухъ часовъ пути къ югу отъ столицы.

Вслѣдъ за царемъ и всѣ знатныя лица, принцы, сановники и фавориты Соломона стали строить для себя великолѣпныя зданія изъ

кедра и кипариса. Страсть къ блеску и пышности, отъ царя перешедшая къ высшимъ классамъ, могла найти себѣ полное удовлетвореніе, благодаря богатствамъ, которыя притекали въ страну изъ трехъ главныхъ источниковъ. Преданія, конечно, сильно преувеличиваютъ, утверждая, что въ это время серебро въ Иерусалимѣ было „какъ камень“, а драгоценнаго кедроваго дерева столько, „сколько сикоморъ въ низменности“; не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что столица при Соломонѣ дѣйствительно была весьма богатымъ городомъ. Дворцы свои сановники и богачи строили на томъ же холмѣ Милло, на которомъ воздвигнуты были царскіе дворцы. Эта вторая (Mischneh) часть города своими великолѣпными зданіями вскорѣ затмила старый Сіонъ, который съ тѣхъ поръ имѣлъ значеніе лишь по воспоминаніямъ о Давидѣ и потому, что здѣсь, на южномъ склонѣ холма, находились царскія усыпальницы. При Соломонѣ Иерусалимъ раздѣлялся на четыре части: *Старый Городъ* или *Сіонъ*, только-что упомянутый *Второй Городъ* или *Мило*, далѣе *Морія*, гдѣ стоялъ храмъ и жили ариониды и левиты, и, наконецъ, четвертая часть города *Офель* или *Офла*. Въ этой послѣдней, составлявшей южное продолженіе Моріи, жили состоявшіе при храмѣ рабы-гивеониты, позднѣе получившіе названіе *Nethinim*. Здѣсь же жили и мелкіе финикійскіе торговцы елеемъ, и крупныя купцы, которые вели большія дѣла, всякіе мѣнялы и люди, отдававшіе деньги въ ростъ. Всѣ эти торговые люди образовали особую корпорацію или цехъ, состоя подъ покровительствомъ союзнаго договора, заключеннаго Хирамомъ съ Соломономъ. Подчиняясь однимъ финикійскимъ законамъ и живя своими обычаями, они безпрепятственно отправляли здѣсь свои религіозныя обряды и поклонялись своимъ идоламъ.

Тремя источниками богатства, золотымъ дождемъ сыпавшимся на столицу, явились: данн покоренныхъ народовъ, сношенія съ Египтомъ и торговля съ Индіей. Всѣ народы, покоренные Давидомъ, отъ границъ Египта до Евфрата, были подвластны и Соломону. Стараясь жить съ нимъ въ мирѣ и добываясь его дружбы, вассальныя князья, по обычаю того времени, вмѣстѣ съ богатой данью посылали ежегодно ко двору также и почетныя дары: золотую и серебрянную утварь, драгоценныя одежды и ткани, пряности, лошадей и муловъ. Еще больше доходовъ приносили царю и столицѣ сношенія съ Египтомъ. Страна фараоновъ, въ которой съ древнѣйшихъ временъ существовало обширное коневодство, поставляла лошадей для всѣхъ бѣдныхъ этими животными гористыхъ странъ передней Азіи. Въ Египтѣ изготовляли въ большихъ количествахъ и боевыя колесницы, которыя тоже находили большой сбытъ во всей Азіи. Князья Арама и всѣхъ при-евфратскихъ странъ до Соломона получали лошадей и колесницы непосредственно изъ Египта, транспортируя ихъ черезъ фили-

стимское побережье и израильскую землю. Соломонъ приказалъ не пропускать больше этихъ транспортовъ черезъ его страну и въ то же время выхлопоталъ у своего тестя фараона для одного израильскаго торговаго товарищества монополію на вывозъ лошадей въ Азію. Обширная торговля лошадьми и колесницами такимъ образомъ вся оказалась въ рукахъ израильтянъ, которыхъ она приносила огромные барыши.

Для нуждъ своей арміи Соломонъ и самъ вывозилъ изъ Египта большое число лошадей и колесницъ, для которыхъ онъ строилъ особые дворы, получившіе названіе „Конныхъ дворовъ“ (Chazar-Susah) и „Домовъ боевыхъ колесницъ“ (Bet-ha-Merkabot). Въ этихъ обширныхъ дворахъ, снабженныхъ четырьмя тысячами стойлъ, Соломонъ содержалъ 12.000 кавалерійскихъ лошадей и 1400 пароконныхъ колесницъ. Особый кварталъ былъ отведенъ для этой конницы и въ самой столицѣ.

Наиболѣе крупныя доходы приносила, однако, Соломону и его подданнымъ морская торговля съ Индіей, путь къ которой царь первый открылъ своей странѣ. Возможно, что вавилоняне прежде другихъ народовъ вступили въ торговыя сношенія съ Индіей, до которой отъ ихъ побережья доступъ былъ не особенно труденъ; возможно, что и финикіяне, соблазненные необыкновенными богатствами этой страны чудесъ, также пытались въ нее проникнуть. Но для послѣднихъ путешествіе въ эту отдаленную страну было сопряжено съ непреодолимыми почти трудностями, главнымъ образомъ изъ-за дикихъ и разбойничьихъ племенъ, хозяйничавшихъ по всему побережью Краснаго моря. Финикіянамъ поэтому приходилось бы отправлять свои суда въ Индію изъ Персидскаго залива и устраивать у этого залива собственныя пристани и подвергать свои вывозимые и ввозимые товары всевозможному риску. Благодаря союзу финикійскаго царя Хирама съ Соломономъ открылся между тѣмъ новый, болѣе короткій и безопасный путь въ Индію. Полоса земли отъ южной границы Іудеи до Идумейскихъ горъ и оттуда до восточнаго залива Краснаго моря, города *Айлата* и его гавани *Эціонъ-Геверъ*, стала свободной и безопасной съ тѣхъ поръ, какъ Давидъ своими истребительными войнами противъ амалекитовъ и идумейцевъ очистилъ эту мѣстность отъ ихъ разбойничьихъ шаекъ. Караваны могли съ тѣхъ поръ спокойно слѣдовать изъ Іерусалима до самаго Краснаго моря. По совѣту Хирама Соломонъ велѣлъ построить въ гавани Эціонъ-Гевера нѣсколько большихъ и крѣпкихъ кораблей и вооружить ихъ. Въ качествѣ экипажа для этой флотиліи Хирамъ отправилъ въ Эціонъ-Геверъ своихъ лучшихъ моряковъ. Соломонъ съ своей стороны присоединилъ къ нимъ нѣсколько сотъ израильтянъ, опытныхъ судоходовъ изъ Данова и Зевулонова колѣнъ, издавна жившихъ у моря. Снабженный такимъ образомъ

превосходнымъ экипажемъ и отлично вооруженный, израильскій торговый флотъ смѣло могъ пуститься въ далекій путь къ устьямъ Инда. Товары, которые эти корабли повезли для обмѣна въ Индію, были главнымъ образомъ финикійскіе или вывезенные финикіянами изъ странъ, лежащихъ къ западу отъ ихъ земли: пурпуръ, стекло, ткани и т. д. Грузъ этотъ былъ, по всей вѣроятности, пріобрѣтенъ у тирскихъ купцовъ самимъ Соломономъ или какой-нибудь іерусалимской торговой компаніей. Сама Израильская Земля въ тѣ времена не производила ничего такого, что имѣло бы цѣну въ глазахъ иноземцевъ. Былъ въ немъ лишь одинъ продуктъ, *гилеадскій бальзамъ*, чудодѣйственное лѣкарственное средство, которое пользовалось повсюду большимъ спросомъ и цѣнилось на вѣсъ золота.

Вышедши изъ Эціонъ-Гевера, корабли поплыли вдоль береговъ Краснаго моря, прошли Бабъ-Эль-Мандебскій проливъ и чрезъ Индійскій океанъ вскорѣ добрались до страны Офиръ (Абира, нынѣшній Зундъ), у устьевъ Инда. Во всѣхъ гаваняхъ, куда корабли заходили по пути и гдѣ были торговые рынки, израильскіе купцы понемногу обмѣнивали свои товары на мѣстные произведенія. Но самымъ крупнымъ и богатѣйшимъ рынкомъ Индіи была тогда страна Офиръ; сюда, и главнымъ образомъ въ торговый городъ Минна-Гура, стекались богатства всѣхъ странъ Востока для взаимнаго обмѣна. Израильтяне получили здѣсь за свои товары много слитковъ золота и разные другіе предметы, произведенія самой Индіи и другихъ сосѣднихъ странъ. По прошествіи трехъ лѣтъ, корабли богато-нагруженные всякимъ добромъ, благополучно вернулись на родину. Длинные караваны верблюдовъ доставили въ израильскую столицу вывезенныя изъ далекихъ странъ богатства, которымъ населеніе Іерусалима не могло надивиться. Тутъ было болѣе 400 талантовъ (600 пудовъ) золота, большое количество серебра, слоновой кости, черного и сандалнаго дерева и благовонныхъ травъ; привезены были также уродливыя обезьяны, великолѣпныя павлины и всякія другія никогда невиданныя израильтянами рѣдкости. Слоновой кости было такъ много, что Соломонъ могъ изъ нея сдѣлать себѣ цѣлый тронъ, а изъ дорогого и рѣдкаго сандалнаго дерева сдѣлали даже перила на мосту, который соединялъ царскій дворецъ съ храмомъ; изъ того же дерева были изготовлены также арфы и лютни для струннаго оркестра, состоявшаго при храмѣ. Путешествіе въ Офиръ было повторено послѣ того нѣсколько разъ; изъ каждой изъ этихъ поѣздокъ израильтяне привозили новыя сокровища и рѣдкости. Изъ незначительнаго мѣстечка у гавани Эціонъ-Гевера Айлать сталъ важнымъ торговымъ городомъ, въ которомъ поселилось довольно большое число израильтянъ изъ Іегудина колѣна. Территорія Израильской Земли теперь простиралась уже до самаго Краснаго моря.

Обширная торговля съ Египтомъ, Арамомъ, Финикіей и Индіей вызвала необходимость въ проложеніи удобныхъ дорогъ и обезпеченіи безопасности каравановъ. Съ этой цѣлью Соломономъ приняты были различныя мѣры. Въ такой гористой странѣ, какъ Ханаанъ, вьючнымъ животнымъ, а тѣмъ болѣе лошадямъ и колесницамъ, очень трудно, если не совсѣмъ невозможно дѣлать большія разстоянія, такъ какъ здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаются крутые подъемы, опасные спуски, непроходимыя ущелья и т. д. По приказанію царя и по имъ самимъ выработанному плану большое число рабовъ приступило къ проложенію двухъ большихъ караванныхъ дорогъ, которыя должны были связать южныя границы страны съ сѣверными, чрезъ Іерусалимъ, и восточныя съ западными. То были такъ называемыя „Царскія Дороги“. На эти обширныя работы были наряжены, повидимому, всѣ обращенные въ рабство туземцы, какъ только закончены были работы по добыванію строительныхъ матеріаловъ для храма и царскихъ дворцовъ. Трудъ былъ неимоვნю тяжелый: приходилось сносить цѣлыя горы, засыпать глубокіе овраги и ущелья, рѣзать скалы и убирать тяжелые камни и т. д. Неизвѣстно, сколько времени продолжались работы, но въ результатъ получились широкія колесныя дороги, по которымъ колесницы и караваны могли безъ затрудненій слѣдовать отъ береговъ Краснаго моря до горъ Хермона и отъ Іордана до Средиземнаго моря. Вдоль этихъ дорогъ былъ устроенъ рядъ укрѣпленій для обезпеченія ихъ безопасности и для того, чтобы служить приваломъ для каравановъ и путешественниковъ. Къ сѣверу отъ Іерусалима были такимъ образомъ укрѣплены верхній и нижній *Бетъ-Хоронъ*, а къ западу бывшій филистимскій городъ *Газеръ*, который фараонъ далъ своей дочери, первой женѣ Соломона, въ приданое; далѣе къ сѣверу были укрѣплены: *Валлотъ*, во владѣніяхъ Веніамина колѣна, *Мегиддо*, въ Іезреельской равнинѣ, бывшая ханаанейская столица *Хацоръ*, и еще нѣкоторые города у сѣверныхъ границъ Израильской Земли. Укрѣплены были многіе города, лежавшіе на караванной дорогѣ и въ подвластномъ Соломону Арамѣ, и въ числѣ ихъ знаменитый *Тадморъ* (позднѣйшая Пальмира), расположенный въ плодородномъ оазисѣ между Дамаскомъ и Евфратомъ. Тадморъ сталъ при Соломонѣ обширнымъ рынкомъ, въ которомъ сходились торговые люди изъ Финикіи, Арама, при-евфратскихъ странъ и Вавилона. Кромѣ всѣхъ этихъ конныхъ и экипажныхъ дворовъ, укрѣпленій и караванъ-сараевъ, Соломонъ устроилъ еще нѣсколько продовольственныхъ пунктовъ съ обширными складами, въ которыхъ хранились хлѣбные запасы на случай неурожая.

Соломонъ упорядочилъ такимъ образомъ многія отрасли государственнаго хозяйства и позаботился даже о будущемъ страны. У него не бы-

ло, какъ у отца его, умнаго совѣтника, вродѣ Ахитофеля, который помогъ бы ему въ организаціи всего этого многосложнаго дѣла. Онъ одинъ долженъ былъ руководить всѣми своими предпріятіями. Но онъ сумѣлъ выбрать себѣ надежныхъ помощниковъ, которые внимательно относились ко всѣмъ его предназначеніямъ и аккуратно исполняли его распоряженія. Въ виду расширенія предѣловъ государства, цѣлаго ряда преобразованій, а также и въ виду увеличенія своего двора, Соломону пришлось создать нѣсколько новыхъ должностей. Такъ какъ частыя сношенія съ иноземными царями и постоянныя приемы требовали, какъ мы видѣли выше, большого придворнаго штата, то явилась необходимость въ учрежденіи специальной должности управителя двора (al ha-Bajit). Должность эта, которую при Соломонѣ занималъ нѣкій *Ахитуръ*, сохранилась и при его преемникахъ и въ послѣдствіи получила весьма важное значеніе. Особый начальникъ (al ha-Nezibim) былъ поставленъ также надъ двѣнадцатю намѣстниками или окружными сборщиками податей, доставлявшими ко двору необходимые продукты. Эту должность при Соломонѣ занималъ *Азарія бенъ Натанъ*. Другой высшій начальникъ завѣдывалъ всѣми работами по сооруженію храма, дворца, дорогъ и крѣпостей. Это былъ упомянутый уже выше *Адоирамъ*, сынъ Авды. Изъ новыхъ должностей, учрежденныхъ Соломономъ, эти три были самыя важныя. Прежнія же должности счетчика ополченія (Sopher) и докладчика (Maskhir), занимали тѣ же лица, которые отправляли эти обязанности при Давидѣ, или ихъ сыновья.

Благодаря порядку, введенному Соломономъ въ странѣ, расширенію ея территоріи и богатствамъ, въ изобиліи притекавшимъ извнѣ, израильская земля стала въ царствованіе Соломона самостоятельной, обширной и могущественной державой, которая могла соперничать съ величайшими государствами той эпохи. Цари и народы, враждовавшіе между собой, часто обращались къ Соломону, славившемуся на всемъ Востокѣ своею мудростью, призывая его въ третейскіе судьи. Величайшимъ благомъ Соломонова царствованія былъ, однако, прочный миръ и ничѣмъ не нарушенная безопасность страны. Отъ Дана до Беершевы израильтяне могли при немъ спокойно наслаждаться жизнью, „каждый подъ своимъ виноградникомъ и всякій подъ смоковницею своею“.

ГЛАВА X.

СОЛОМОНЪ.

(продолженіе)

Туземные народы и израильтяне. Ростъ культуры. Монетное дѣло. Раздѣленіе времени. Классы населенія. Туземцы, полу-рабы и иноземцы. Царица Савская. Равенство всѣхъ предъ закономъ. Горда-убѣжища. Царскій и народный судъ. Законы въ пользу немущихъ. Чистота нравовъ. Бракъ. Положеніе женщины. Развитіе музыки и поэзіи. Загадки—національный родъ поэтическаго творчества. Развитіе прозы. Два памфлета. Послѣдніе годы Соломона. Матежъ Иеровама. Смерть Соломона.

Въ этомъ мірѣ одна лишь органическая жизнь подлежитъ непрерывной эволюціи; инертная же неорганическая масса, — скалы, напримеръ, сросшіяся съ материкомъ, ледяныя поля и горы полярныхъ странъ и т. д.,—цѣлыми тысячелѣтіями пребываютъ въ неподвижности, если какой-нибудь толчекъ извнѣ не нарушитъ ихъ мертваго равновѣсія. Но и въ сферѣ органической жизни замѣтнымъ для каждаго глаза переменамъ подвергаются одни высшіе наиболѣе совершенные организмы,—отдѣльные люди, общества и народы. Этотъ соціологическій фактъ допускаетъ, разумѣется, и обратное заключеніе. Народы, быстро развивающіеся и прогрессирующіе, должны быть признаны болѣе одаренными, совершенными, а слѣдовательно и болѣе жизнеспособными, чѣмъ тѣ, которые въ теченіе многихъ вѣковъ ни на шагъ не подвинулись, хотя бы имъ даже удалось сохранить свой первоначальный типъ. Внутреннія и внѣшнія переменны въ жизни того или другого народа свидѣтельствуютъ поэтому въ пользу того, что у него здоровое, крѣпкое ядро, вполне способное противостоять превратностямъ судьбы и выйти побѣдителемъ изъ самой жестокой борьбы за существованіе. Первобытные обитатели Ханаана весьма мало измѣнились въ теченіе тѣхъ пятисотъ лѣтъ, которые прошли со времени переселенія израильтянъ: ханаанейцы и моавиты, аммониты и идумейцы, даже филистимляне и финикіяне остались тѣми же, какими ихъ застали развѣдчики, посланные въ ихъ страну Моисеемъ. Или они, можетъ быть, дѣйствительно ушли впередъ, но лѣтописцы почему-то не сочли нужнымъ довести о томъ до свѣдѣнія потомства? Такое явно-пренебрежительное молчаніе исторіи во всякомъ случаѣ не свидѣтельствуетъ въ пользу этихъ народовъ. Оно доказываетъ лишь, что они не сумѣли увѣковѣчить свои дѣянія въ какихъ либо памятникахъ. Можетъ быть, впрочемъ, такіе памятники ими оставлены но всеразрушающее время ихъ безжалостно уничтожило? Но если бы оно и было такъ, то это еще убѣдительнѣе доказывало бы ихъ ничтожество: это значило бы, что и современники и потомство такъ мало дорожили со-

храненіемъ ихъ памятниковъ, что воспоминаніе объ этихъ народахъ могло совсѣмъ исчезнуть изъ памяти позднѣйшихъ поколѣній.

Не то мы видимъ у израильтянъ. Въ теченіе тѣхъ же пятисотъ лѣтъ они во всѣхъ отношеніяхъ и самымъ кореннымъ образомъ измѣнились. И каждую перемѣну, за этотъ періодъ времени въ жизни ихъ происшедшую, они увѣковѣчили въ цѣломъ рядѣ памятниковъ, по которымъ и современныя намъ поколѣнія и будущія могутъ составить себѣ о ней вполне отчетливое представленіе. Эти перемѣны захватили рѣшительно всѣ стороны народной жизни израильтянъ. Переносный шатеръ и грубая землянка исчезли, уступивъ мѣсто прочной и удобно устроенной изъ крѣпкаго дерева избѣ; кочевья номадовъ стали укрѣпленными городами; первобытныя пастбища превратились въ тщательно воздѣлываемыя хлѣбныя поля, сады и виноградники; вдоль и поперекъ страну перерѣзывали шоссированныя дороги, по которымъ двигались длинные караваны верблюдовъ, нагруженныхъ всякими товарами. Царь не ходилъ уже за плугомъ, а раздѣлжалъ въ великолѣпной колесницѣ. Во времена Деборы знатнѣйшіе израильтяне ѣздили еще на бѣлыхъ осликахъ, Давидъ же пользовался уже муломъ, а Соломонъ—лошадьми. И не одинъ царь, не одни придворные, но и всѣ болѣе или менѣе зажиточные израильтяне въ одеждѣ, въ пищѣ и вообще во всей своей вѣншей жизни и домашней обстановкѣ проявляли уже извѣстную степень культурности. Золото въ странѣ было въ изобиліи, серебра-же такъ много, что оно при Соломонѣ сильно упало въ цѣнѣ.

Вслѣдствіе быстрою роста внутренней торговли и развитія торговыхъ сношеній съ иноземными государствами, явилась необходимость во введеніи определенной монетной единицы, которая пользовалась бы повсемѣстнымъ обращеніемъ. Въ древнѣйшее время у израильтянъ вовсе не было монетъ, была лишь весьма неопредѣленная мѣновая единица, которой служила штука мелкаго скота (Kesita); позже она была замѣнена маленькими серебрянными слитками цилиндрической формы (Geruh). Но эти слитки совершенно не удовлетворяли потребностямъ сильно развившейся съ теченіемъ времени торговли, тѣмъ болѣе, что цѣна серебра подвергалась частымъ и сильнымъ колебаніямъ. По примѣру вавилонянъ и финикянъ Соломонъ рѣшилъ поэтому фиксировать цѣну опредѣленнаго вѣса каждаго благороднаго металла и такимъ образомъ установить прочную монетную единицу. Небольшой камешекъ точно опредѣленнаго вѣса (шекель, секель) былъ принятъ за единицу и названъ „Царскимъ камнемъ“ (Eben ha-Melech). Нормальный шекель получилъ названіе „священнаго вѣса“ (Schechel ha-Kodesch). Мелкой ходячей монетой стали кусочки золота и серебра одного вѣса съ шекелемъ. Но такъ какъ для оптовой торговли эти мел-

кіе слитки представляли большія неудобства, то Соломонъ ввелъ въ обращеніе большія серебрянныя и золотыя монеты вѣсомъ въ 3000 шекелей (Kikhar). Точное опредѣленіе вѣса монетъ требовало и изготовленія точныхъ вѣсовъ, которые впервые и были устроены при Соломонѣ. При немъ же введена была и правильная система мѣръ: длины, сыпучихъ тѣлъ и жидкостей.

Что же касается раздѣленія времени у израильтянъ, то источники на этотъ счетъ прямыхъ указаній не даютъ. Съ вѣроятностью можно однако допустить, что подобно вѣмъ древнимъ народамъ и израильтяне не знали раздѣленія дня на часы. День раздѣлялся на утро, полдень и вечеръ (веп-ha-Argajim), а ночь, какъ это требовалось на войнѣ для смѣны постовъ, на три вахты (Aschmoga). Недѣлю же считали не по солнечному календарю, какъ египтяне, въ десять дней, а согласно четыремъ фазамъ луны—семидневной. Весь календарь вообще былъ лунный, и день каждого новолунія считался праздникомъ. Осталось, однако, неизвѣстнымъ, какъ израильтяне уравнивали почти двухдневную разницу между четырьмя недѣлями и мѣсяцемъ. Ничего опредѣленнаго неизвѣстно также относительно другихъ раздѣленій времени. Такъ, по однимъ свѣдѣніямъ, годъ начинался осенью по окончаніи жатвы ¹⁾, по другимъ же годъ въ память освобожденія изъ Египта начинался весной, такъ что осенній праздникъ приходился на седьмой мѣсяць ²⁾. Какимъ образомъ могли одновременно существовать эти два счисленія? Или одинъ годъ считался гражданскимъ, а другой религіознымъ? Кто вообще велъ у израильтянъ календарь и устанавливалъ сроки для годовыхъ, мѣсячныхъ и всякихъ иныхъ праздниковъ? Лежало-ли это на обязанности какого-нибудь чиновника, или этимъ завѣдывало духовенство? Трудно допустить, чтобы счисленіе времени по исходу изъ Египта было въ народномъ употребленіи; имъ пользовались, по всей вѣроятности, лишь арионы и левиты, которые одни сохраняли воспоминанія о прошломъ народа. Соломонъ первый ввелъ въ употребленіе официальное лѣтосчисленіе по годамъ царствованій, заимствовавъ эту систему изъ Египта, гдѣ царямъ, какъ извѣстно, поклонялись какъ божествамъ. Сдѣлалъ онъ это, разумѣется, въ политическихъ или династическихъ видахъ,—для укрѣпленія монархическаго начала, чтобы внушить народу, что царь въ странѣ—все, что отъ него все должно исходить и къ нему возвращаться. Эти, цѣликомъ заимствованныя Соломономъ извѣстия и безъ разбора пересаженныя на израильскую почву, нововведенія не мало способствовали разрушенію стараго народнаго строя жизни, мало по малу совершенно его упразднивъ и предавъ забвенію.

¹⁾ Исходъ 23, 16; 34, 22.

²⁾ Числа 9, 11.

Въ царствованіе Соломона произошло также и новое раздѣленіе народа на классы. Довольно значительное число, какъ мы видѣли, (стр. 261), первобытныхъ обитателей страны, обращенныхъ Соломономъ въ полурабство, образовали особый низшій классъ населенія. Они не были крѣпостными отдѣльныхъ лицъ или семействъ, а государственными, „царскими“ рабами. Одна группа ихъ, *гивеониты*, состояли при храмѣ дровосѣками и водовозами; другіе, водворенные въ особыхъ поселкахъ близъ столицы, служили, вѣроятно, во дворцѣ и вообще исполняли всякаго рода казенныя работы. Эти полу-рабы, носившіе названіе *поселенцевъ* (Toschabim), были, правда, независимы отъ отдѣльныхъ лицъ, но и не свободны, будучи обязаны безвозмездно исполнять порученныя имъ работы. Немногіе изъ нихъ имѣли свои клочки земли и жили трудами своихъ рукъ; всѣ остальные въ свободное отъ казенныхъ работъ время могли заниматься на полевые и всякія другія частныя работы. Ихъ поэтому называли также наемниками (Secharim).

При Давидѣ, а еще болѣе при Соломонѣ образовался также особый классъ иноземцевъ, *пришельцевъ, чужихъ* (Gerim), навсегда поселившихся въ землѣ Израильской. Торговля сношенія, благосостояніе страны, ея безопасность, обеспеченная продолжительнымъ миромъ, — все это въ царствованіе Соломона привлекало въ страну израильскую переселенцевъ изъ близкихъ и далекихъ странъ, моавитовъ, аммонитовъ, идумейцевъ, а также и египтянъ, финикянъ и др. Иноплеменниковъ, быть можетъ, привлекала также и вѣра израильская, стоявшая такъ высоко надъ язычествомъ и нашедшая себѣ столь блестящее внѣшнее выраженіе въ іерусалимскомъ храмѣ; иновѣрцы, которыхъ не удовлетворяло грубое идолопоклонство, стремились, можетъ быть, въ Іерусалимъ, чтобы приобщиться къ гораздо болѣе чистому израильскому культу и стать подъ „крылья Бога Израиля“. Все это вполне возможно, такъ какъ при Соломонѣ страна, народъ и религія израильская были повсюду извѣстны. Израильскіе мореплаватели, посѣщавшіе чужія страны, гавани и рынки, и торговые люди, поддерживавшіе постоянныя сношенія съ иноземными купцами, безъ сомнѣнія рассказывали отдаленнымъ народамъ о своей родинѣ, обычаяхъ и вѣрованіяхъ своего народа. Эти мореходы и купцы были, сами того не сознавая, первыми посланниками и распространителями израильскаго вѣрученія среди языческихъ народовъ. Прославленію Іеговы не мало содѣйствовалъ и самъ Соломонъ, всеиѣтная слава котораго, какъ царя мудраго и могущественнаго, возвеличила въ глазахъ тогдашняго міра славу того Бога, Котораго онъ почиталъ и Которому воздвигъ столь великолѣпный храмъ.

Однажды населеніе Іерусалима было поражено необычайнымъ посѣщеніемъ. Въ сопровожденіи многочисленной свиты въ столицу явилась

мудрая царица *Savei* (Сава, Шева), богатой пряностями страны у арабійскаго берега Краснаго моря, которую израильскіе мореплаватели, отправляясь въ Офиръ, часто посѣщали. Наслышавшись отъ нихъ о необыкновенной мудрости Соломона и великолѣпіи его двора, она хотѣла лично убѣдиться въ вѣрности этихъ разсказовъ. Весьма радушно принятая Соломономъ, царица много бесѣдовала съ нимъ, пришла въ восторгъ отъ его мудрости, восхищалась храмомъ, имъ воздвигнутымъ, блескомъ его двора и порядкомъ, въ немъ царившимъ. Желая испытать его мудрость, она задала ему вѣсколько загадокъ, которыя Соломонъ безъ труда разгадалъ. Царица на прощаніе призналась Соломону, что то, что она увидѣла въ его столицѣ, превзошло всё ея ожиданія.

Подобно этой царицѣ, въ Иерусалимѣ часто являлись и другіе не столь знатные иноземцы, чтобы присягнуть на вѣрность израильскому царю и поселиться въ его странѣ, гдѣ люди поклонялись Богу, не изображая его въ видѣ идола и не устроявая во славу его безстыдныхъ вакханалій. Эти иноземцы не могли однако пріобрѣтать въ израильской странѣ земли, такъ какъ она вся была въ частномъ владѣніи израильтянъ и по закону не могла быть отчуждаема иноземцамъ. Для того, чтобы получить право осѣлости въ странѣ, пришельцы должны были поэтому устриваться при какой-нибудь израильской семьѣ, принимавшей ихъ подъ свое покровительство. Въ странѣ образовалось такимъ образомъ четыре класса: урожденныхъ израильтянъ (*Ezrach*), коренныхъ иноплеменниковъ, обращенныхъ въ полурабство, но отчасти владѣвшихъ еще землей, чужестранцевъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ отдѣльныхъ израильтянъ и, наконецъ, рабовъ, состоявшихъ отчасти изъ бывшихъ военнопленныхъ, отчасти изъ туземцевъ, не имѣвшихъ своей земли и продававшихся въ рабство. У всѣхъ древнихъ народовъ покоренное туземное населеніе и иноземцы были совершенно безправны; съ ними обращались грубо и жестоко, и они не смѣли жаловаться на какія-бы то ни было несправедливости. Израильскіе-же законы, даже самыя древніе, наоборотъ, всячески покровительствовали „чужимъ“ и не допускали, чтобы ихъ незаслуженно оскорбляли и преслѣдовали. Ибо израильтяне должны были всегда помнить, что они нѣкогда, въ Египтѣ, сами были такими-же чужими и тяжело страдали тамъ подъ гнетомъ кореннаго населенія.

Въ основу израильскаго права вообще съ самыхъ незапамятныхъ временъ былъ положенъ идеальный принципъ равенства всѣхъ людей предъ закономъ. Израильское обычное право не знало, напримѣръ, того сохранившагося еще въ законодательствахъ средневѣковой Европы и глубоко-несправедливаго различія, какое всё народы древняго міра дѣлали между

убійствомъ, совершеннымъ надъ представителями высшихъ и низшихъ классовъ, причемъ одно и то же преступленіе въ одномъ случаѣ наказывалось смертью, а въ другомъ—слабо или совсѣмъ не преслѣдовалось. Исходя изъ того положенія, что „каждый человѣкъ сотворенъ по образу и подобию Божию“, израильскій законъ требовалъ смертной казни для каждаго убійцы, независимо отъ того, кто именно убить. Израильтянинъ, напримѣръ, убившій своего раба, такъ же точно расплачивался за то собственной жизнью, какъ и рабъ, убившій своего хозяина. За жестокое обращеніе съ рабомъ, послѣдствіемъ своимъ имѣвшее тѣлесныя поврежденія, владѣлецъ терялъ свое право на раба и долженъ былъ возратить ему свободу. Обычай кровавой мести существовалъ, конечно, и у израильтянъ. У пылкихъ обитателей южныхъ странъ не хватаетъ терпѣнія для продолжительной судебной процедуры, либо они не довѣряютъ безпристрастности судей, которые могутъ и не удовлетворить ихъ за жестокую обиду, имъ нанесенную. Родственники убитаго израильтянина сплошь и рядомъ прибѣгали поэтому къ самосуду. Считалось дѣломъ личной или фамильной чести, чтобы убійца палъ отъ руки одного изъ ближайшихъ родныхъ убитаго. Законъ стремился, однако, если не совсѣмъ вывести, то по крайней мѣрѣ ограничить примѣненіе этого кроваваго обычая. Такъ, если убійство было не заранѣе обдуманное, то убійца могъ найти спасеніе въ храмѣ, у алтаря, или въ особо для этой цѣли отведенныхъ *городахъ-убъжищахъ*, гдѣ мститель не имѣлъ права его убивать. Соломонъ отвелъ для этого шесть городовъ, три по сю и три по ту сторону Иордана. То были: *Хевронъ* на югѣ, *Сихемъ* въ центрѣ и *Кадешъ* на сѣверѣ; за Иорданомъ такими убъжищами для преступниковъ служили города: *Безеръ*, *Раммотъ-Гилеадъ* (Мицпа) и *Голанъ*. Эти города защищали отъ кровавой мести не только израильтянъ, но также и рабовъ и иноземцевъ.

Первоначально судебныя функціи были въ рукахъ самихъ общинъ (Edah), представляемыхъ своими „призванными“ (Kegue ha-Edah) или старѣйшинами, которые завѣдывали всѣми общественными дѣлами вообще, собираясь для этого на совѣщанія (Sod). Но съ введеніемъ царской власти, присвоившей себѣ также право творить судъ, судьи изъ старѣйшинъ стали назначаться или по крайней мѣрѣ утверждаться верховной властью. Сами цари разбирали дѣла и произносили приговоры, впрочемъ только въ особо важныхъ или затруднительныхъ случаяхъ. Судопроизводство было публичное; судьи разбирали тяжбы у городскихъ воротъ, на площади подъ открытымъ небомъ, куда горожане сходились для купли, продажи и мѣны.

Первоисточникомъ права и покровителемъ правосудія израильскій законъ признавалъ самого Іегову: „Ему, Судьѣ всей земли, противна всякая несправедливость“. Вѣрили, что Господь невидимо присутствуетъ на

судѣ и наблюдаетъ за судьями ¹⁾). Законъ внушалъ поэтому старѣйшимъ творить судъ съ безпристрастіемъ и осмотрительностью, остерегаться несправедливыхъ или недостаточно мотивированныхъ приговоровъ, не считаться съ положеніемъ и чиномъ истца и подсудимаго, немущаго и незнатнаго выслушивать съ тѣмъ-же вниманіемъ, какъ богатаго и именитаго, а цуще всего оберегать себя отъ всякаго подкупа. Для доказательства вины подсудимаго требовались показанія не менѣе двухъ свидѣтелей. Секретарь суда (Schotër) былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и исполнителемъ приговора.

Несмотря на всѣ эти гарантіи правосудія, въ самомъ законодательствѣ или, точнѣе, въ унаслѣдованномъ отъ древнѣйшихъ варварскихъ временъ обычномъ правѣ сохранились до позднѣйшаго времени кое-какіе законы, жестокость которыхъ совершенно не соответствовала общему духу всего израильскаго законодательства. Такъ, вмѣстѣ съ отцомъ, осужденнымъ на смерть, подлежали казни и его дѣти, которые такимъ образомъ самымъ несправедливымъ образомъ расплачивались жизнью за преступленіе, въ которомъ они слюшь и рядомъ были совершенно неповинны ²⁾). На этомъ основаніи гивеониты требовали отъ Давида казни дѣтей Саула, нѣкогда убившаго ихъ предковъ (стр. 221), и Давидъ долженъ былъ удовлетворить это требованіе. За исключеніемъ этихъ немногихъ варварскихъ законовъ или обычаевъ, израильское право, какъ продуктъ Моисеева законодательства, въ общемъ проникнуто было духомъ милосердія и гуманности къ слабымъ и немущимъ. Принципъ полного равенства людей предъ закономъ, положенный въ основу Моисеева законодательства, естественно долженъ былъ привести и къ устраненію различія между богатствомъ и бѣдностью, — различія, служившаго во всѣ времена и у всѣхъ народовъ первоисточникомъ безконечныхъ страданій, несчастій и преступленій. И если израильскіе законы не могли, конечно, препятствовать богатымъ умножать свои богатства, то съ другой стороны они стремились къ тому, чтобы въ странѣ совсѣмъ не было или было по возможности меньше бѣдныхъ ³⁾). Въ силу великаго правила, повелѣвающаго любить ближняго, какъ самого себя, израильскіе законы вмѣняли въ обязанность родственникамъ челоувѣка, впаваго въ бѣдность, оказывать ему всякую поддержку, дабы онъ могъ снова встать на ноги ⁴⁾). Съ той-же цѣлью законъ опредѣлялъ, чтобы израильтянинъ, ввавшій въ неоплатные долги, совсѣмъ освобождался отъ нихъ по наступленіи юбилейнаго (каж-

¹⁾ Второзаконіе 1, 17; Псаломъ 82, 1; Паралип. II, 19, 6 и слѣд.

²⁾ Юшуа 7, 24-25. Царя II, 14, 6.

³⁾ Второзаконіе 15, 4.

⁴⁾ Левитъ 25, 25, 35, 39.

даго седьмого) года; наследственное имущество бѣднаго, имъ заложенное или даже проданное, въ юбилейный годъ ему безвозмездно возвращалось, если родные его до того это имущество для него не выкупили; немущему, наконецъ, изъ нужды продавшему себя въ рабство, седьмой годъ возвращалъ свободу. Всѣ эти законы, имѣвшіе цѣлью предотвращеніе прогрессивнаго обѣднѣнія и классовой борьбы немущихъ съ имущими, въ царствованіе Соломона не находили примѣненія, такъ какъ при общемъ благосостояніи народа въ приложеніи ихъ не ощущалось особой надобности. Былъ однако и при Соломонѣ цѣлый классъ немущихъ, всецѣло зависѣвшихъ отъ добротныхъ даяній богатыхъ людей. То были левиты, которые при водвореніи израильтянъ въ Ханаанѣ не были надѣлены землей. Но мысли Моисея священнослужители не должны были владѣть недвижимымъ имуществомъ. При неотчуждаемости-же родовыхъ израильскихъ имѣній левиты и впоследствии не могли приобретать земли и обезпечить себя такимъ образомъ своимъ собственнымъ угломъ и опредѣленнымъ доходомъ. Необходимо было между тѣмъ дать имъ какія-нибудь средства къ существованію, дабы они не дошли до неподобающей духовному сословію крайней нужды. Высшій классъ этого сословія, завѣдывавшіе при храмѣ жертвоприношеніями арониды, былъ въ достаточной степени обезпеченъ доходами съ алтаря; всѣ-же остальные левиты, исполнявшіе обязанности стражей при храмѣ, служителей при алтарѣ, а также пѣвцы, псаломщики и музыканты, отъ этихъ доходовъ ничего не получали. И имъ дѣйствительно пришлось-бы очень плохо, если-бы Соломонъ, устранивая бытъ духовенства вообще, не позаботился и о нихъ. Онъ сталъ строго слѣдить за точнымъ исполненіемъ полузабытаго закона о десятинномъ сборѣ, въ силу котораго каждый земледѣлецъ и скотовладѣлецъ обязанъ былъ отдавать десятую часть своего урожая и приплода отъ скота левитамъ. Правда, законъ этотъ не имѣлъ принудительнаго характера и мірянъ, уклонявшихся отъ несенія этой дани, никакой отвѣтственности не подвергалъ. Царь, однако, имѣлъ полную возможность настоять на томъ, чтобы законъ этотъ не остался мертвой буквой, и Соломонъ дѣйствительно въ полной мѣрѣ пользовался для этого своею властью. Несостояшіе при храмѣ левиты были разселены по израильскимъ городамъ, гдѣ они прокармливались учительствомъ. Соломонъ и объ ихъ участи позаботился.

Рядомъ съ заботами объ истинномъ правосудіи и покровительствѣ слабымъ и немущимъ, израильскіе законы съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили также за чистотой нравовъ. Подъ вліяніемъ пророковъ и первосвященниковъ прежніе унаслѣдованные отъ египтянъ черезъ-чуръ вольные нравы стали мало-по-малу выводиться. Моисеево-же законодательство было особенно строго на этотъ счетъ. На изнасилованіе дѣвицы, напримѣръ,

законы эти смотрѣли какъ на гнуснѣйшее преступленіе ¹⁾, которому не должно быть мѣста въ израильскомъ народѣ. Тѣ, которымъ предназначено было сдѣлаться матерями, должны были вступать въ домъ своего супруга чистыми и цѣломудренными. Вратья обязаны были оберегать честь своихъ сестеръ и мстить ихъ обольстителямъ ²⁾. Для удовлетворенія желаній израильтянъ, не состоявшихъ въ бракѣ, законъ допускалъ существованіе профессиональных гетеръ, отдававшихся за деньги (Nedân); этой профессіей могли, однако, заниматься исключительно иностранки. Съ особой строгостью законъ слѣдилъ за чистотой брака, оберегая семейныя узы, какъ зеницу ока. Нарушеніе супружеской вѣрности считалось тяжкимъ преступленіемъ, которое законъ каралъ смертю, а общественное мнѣніе—позоромъ. Всевозможныя огорченія, которыя Давиду пришлось испытать на склонѣ лѣтъ, несмотря на царскій санъ, были результатомъ его прелюбодѣянія съ Ватпевой, котораго народъ не хотѣлъ ему простить. Глава семьи выдавалъ своихъ дочерей замужъ безъ ихъ согласія и точно также выбиралъ женъ для своихъ сыновей, не справляясь съ ихъ симпатіями и антипатіями. Вступая въ бракъ, женихъ давалъ отцу невесты обычный выкупъ (Mohâr); то былъ пережитокъ древнѣйшихъ временъ, когда отецъ просто продавалъ свою дочь претенденту на ея руку. Законъ впослѣдствіи ограничилъ это право отца на продажу своей дочери. „Покупавшій“ дѣвицу обязанъ былъ либо самъ на ней жениться, либо отдать ее въ жены своему сыну, но не имѣлъ права перепродать ее другой семьѣ ³⁾; онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ сдѣлать изъ нея рабыню; оставляя-же ее у себя своей наложницей, онъ обязанъ былъ обходиться съ ней, какъ съ законной женой своей. Свадебные обряды были несложны. Невѣста въ день своего бракосочетанія носила вѣнокъ изъ цвѣтовъ и поэтому называлась „вѣнчанной“ (Kallah). Въ этомъ вѣнкѣ ее изъ родительскаго дома вводили въ домъ ея тестя, предварительно сводя ее съ женихомъ въ особую, специально для этого свиданія разукрашенную комнату (Chuppa).

Обычно каждый израильтянинъ имѣлъ лишь одну жену, и только въ извѣстныхъ случаяхъ,—когда бракъ, напримѣръ, оставался бездѣтнымъ,—онъ могъ брать себѣ въ домъ вторую жену ⁴⁾. Одни цари, въ подражаніе

¹⁾ Сам. II, 13, 12.

²⁾ Бытіе 34, 31; 49, 5.

³⁾ Исходъ 21, 8.

⁴⁾ Что у израильтянъ всегда существовало единоженство, видно въ особенности изъ разсказа о похищеніи вениамитами шиломскихъ дѣвицъ (Судьи 21, 21-22). Двоеженство по нуждѣ также ясно указано въ преданіяхъ объ Авраамѣ, Яковѣ и Элкѣ, первыя жены которыхъ были бездѣтны. Исаакъ имѣлъ только одну жену. Единоженство теоретически обосновано въ разсказѣ о сотвореніи первой жены Евы (Бытіе 2, 24).

сосѣднимъ дворамъ, содержали большіе гаремы, точно такъ, какъ они-же одни нерѣдко нарушали святость брака. Саулъ, напримѣръ, отнялъ у Давида его жену, а свою дочь, когда онъ его возненавидѣлъ, и отдалъ ее въ жены другому; въ свою очередь и Давидъ не задумался отнять ее силой у второго ея супруга.—Положеніе женщины у израильтянъ вообще было гораздо лучше, чѣмъ у многихъ древнихъ народовъ и даже чѣмъ у нѣкоторыхъ современныхъ. Въ домахъ израильтянъ не было, какъ у древнихъ грековъ, напримѣръ, особыхъ покоевъ, въ которыхъ женщины держались взаперти, какъ въ тюрьмѣ. Израильтянки и въ домѣ своемъ и внѣ его были совершенно свободны. Во время сбора винограда, напримѣръ, и всѣхъ народныхъ праздниковъ дѣвѣны свободно предавались пляскамъ и пѣнію (стр. 111). Каждый разъ, когда Саулъ и Давидъ возвращались съ войны побѣдителями, женщины и дѣвѣны выходили имъ на встрѣчу и пѣли въ ихъ честь хвалебныя пѣсни. Только благодаря такому свободному положенію женщины у израильтянъ, отдѣльныя выдающіяся представительницы ихъ могли принимать участіе въ судьбахъ всего своего народа. Мы видѣли выше, какую крупную роль сыграла въ свое время „матерь во Изрвилѣ“ Дебора; умной текоитянкѣ удалось примирить царя Давида съ его сыномъ; двѣ другія женщины, жительницы городовъ Тевеца и Авеля, положили конецъ гражданской войнѣ въ царствованіе того-же Давида и спасли свои города отъ опустошенія ихъ войсками Іоава. Идеальными чертами народныя преданія рисовали праматерей израильскихъ, которыя уже въ то древнѣйшее время были на равныхъ правахъ съ своими мужьями и пользовались у нихъ большимъ уваженіемъ. Израильское законодательство вообще не дѣлало различія между мужчиной и женщиной и обязывало, напримѣръ, сыновей чтить мать свою такъ же, какъ отца. Нравы и обычаи того времени не допускали, однако, чтобы женщины слишкомъ часто показывались на улицахъ и площадяхъ и вмѣшивались въ толпу мужчинъ: доброй израильтянкѣ полагалось блюсти свой домъ, печь хлѣбы, прясть и ткать. Выходя изъ дому, замужнія женщины прикрывали часть лица прозрачной полувуалью (Zeif), которая оставляла свободными глаза, эта фата прикрѣплялась къ особой круглой палочкѣ (Nezem), которая шла отъ лба до середины носа ¹⁾. Съ умноженіемъ благосостоянія въ странѣ при Соломонѣ израильтянки стали, конечно, одѣваться съ болѣе-шей роскошью, чѣмъ въ прежнія времена. Носовыя палочки, которыя прежде изготовлялись изъ мѣди, стали дѣлать изъ золота. Руки и шею стали украшать браслетами и ожерельями, а пальцы—дорогими кольцами;

¹⁾ Такія полувуали на такихъ-же мѣдныхъ или золотыхъ носовыхъ палочкахъ женщины носятъ въ Палестинѣ и Египтѣ до сихъ поръ.

состоятельныя израильтянки стали наряжаться въ блестящій пурпуръ и бѣлоснѣжныя льняныя ткани, которыя въ изобиліи привозили изъ Финикіи и Египта.

Ростъ культуры въ израильскомъ народѣ обусловливался, однако, не однимъ смягченіемъ нравовъ и не только ростомъ благосостоянія народнаго, но въ значительной мѣрѣ также и развитіемъ народной поэзіи и искусства. Эпоха политическаго расцвѣта въ то же время была и эпохой расцвѣта поэтическаго творчества и состоявшаго съ нимъ въ то время въ тѣсной связи музыкальнаго искусства. Въ старыя времена у израильтянъ водился одинъ лишь простѣйшаго устройства музыкальный инструментъ: ручной бубенъ (Toph-Turim), немудрой игрой на которомъ израильтянки сопровождали свое пѣніе во время хоровыхъ плясокъ. Со временъ Самуила и Давида вошли въ обращеніе новые инструменты (Khe-Schir): арфа (Khinór), лютя (Nebel), другой десятиструнный инструментъ (Nebel-Asór) и флейта (Chalil). Какого рода были мелодіи, исполнявшіяся на этихъ инструментахъ, и какого характера было то пѣніе, которому игра на этихъ инструментахъ служила аккомпаниментомъ, о томъ преданія ничего не сообщаютъ. Весьма мало свѣдѣній источники даютъ также и относительно формъ и содержанія поэзіи Соломоновой эпохи, но на этотъ счетъ все же имѣются кое-какія указанія. Дошли до насъ также и имена нѣкоторыхъ поэтовъ той эпохи. Кромѣ самого Соломона и профессиональных пѣвцовъ-левитовъ въ то время были еще и нѣкоторые другіе поэты, всѣ вышедшіе изъ Іегудина колѣна. Это были: *Этанъ* изъ семьи Зераха и три брата или родича *Геманъ*, *Халколь* и *Дарда* изъ семьи Перець. Національная поэзія, начало свое берущая въ тайникахъ души народа и служащая выраженіемъ его сокровенныхъ думъ, была у израильтянъ не просто игрой воображенія, предназначенной для услажденія часовъ досуга, не сплетеніемъ разныхъ мифологическихъ бредней, болѣе или менѣе привлекательными формами своими плѣняющихъ одинъ нищій вѣншней красоты умъ,—поэзія израильская была серьезна и богата содержаніемъ даже тогда, когда она только забавляла. Съ первыхъ шаговъ своихъ она безсознательно стремилась къ тому, чтобы будить духъ народа, а не усыплять его, давать пищу уму, а не раздражать его, парализовать нездоровые инстинкты народа, а не будить ихъ. Этотъ нравственно-воспитательный характеръ имѣла у израильтянъ не одна духовная, но и свѣтская поэзія. Ибо рядомъ съ псалмами и гимнами во славу Іеговы существовали также и басни, притчи и загадки, образцовымъ составителемъ которыхъ считался, какъ мы видѣли, Соломонъ. Изъ того, что до нашихъ дней сохранилось отъ этой литературы, любопытны въ особенности „вопросы и отвѣты“ въ формѣ загадокъ. Это сентенціи, основанныя на жизненномъ опытѣ и имѣющія поучительную цѣль. Приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ для образца.

- Вопросъ:* „Три воши существуютъ, которыхъ никогда нельзя насытить,
„И четвертая, которая не знаетъ слово „довольно“?“
- Отвѣтъ:* „Кладбище, утроба бесплодной жены
„И земля, ненасытная къ водѣ;
„Огонь же не знаетъ, что значить „довольно“.
- Вопросъ:* „Три вещи меня всегда удивляли,
„А четвертой никогда не пойму я“?“
- Отвѣтъ:* „Путь орла, парящаго въ поднебесьи;
„Путь змѣи, извивающей по скаламъ;
„Путь корабля, слѣдующаго по морю, --
„И путь мужчины, тайкомъ идущаго къ своей рабынѣ“.
- Вопросъ:* „Подъ тремя людьми дрожать земля
„Четвертаго же она снести не можетъ?“
- Отвѣтъ:* „Подъ рабомъ, достигшимъ власти;
„Подъ глупцомъ, когда онъ сытъ не въ мѣру;
„Подъ замужъ вышедшимъ уродомъ, --
„Рабыни, отъ госпожи своей получившей наследство“.
- Вопросъ:* „Четыре есть на свѣтѣ слабыхъ существа,
„Великихъ разумомъ и мудростью своей?“
- Отвѣтъ:* „Муравьи, народъ не видный, яичу
„На зиму себѣ готовятъ;
„Горный кроликъ, звѣрь ничтожный,
„Домъ себѣ самъ строить въ скалахъ;
„Саранча, безъ цара и команды
„Стройно въ походъ выступаетъ
„И ящерица, которую руками нетрудно поймать,
„Въ царскихъ чертогахъ свободно живетъ“.

Израильтяне придавали такое значеніе поэзіи, что еще задолго до Соломона былъ составленъ сборникъ древнѣйшихъ пѣсенъ. Побѣдный гимнъ Іошуи, пѣснь Деборы, элегія Давида на смерть Саула и Ионатана и другія поэтическія произведенія вошли вѣроятно въ этотъ древнѣйшій и до насъ не дошедшій сборникъ, упоминаемый въ Библии подъ названіемъ „Книги (свертка) пѣсенъ“.

Свѣтская поэзія у израильтянъ не исчерпывалась, между тѣмъ, однѣми притчами и загадками, въ родѣ только что приведенныхъ. Были въ ней и иныя, болѣе глубокія произведенія, въ которыхъ народъ въ болѣе или менѣе поэтической формѣ выразилъ свой взглядъ на историческое и культурное значеніе свое. Эти произведенія явились продуктомъ выросшаго національнаго самосознанія народа, который съ надеждой взиралъ на свое будущее и вѣрилъ, что ему, Богомъ руководимому, предназначена высокая миссія. Ближайшимъ образомъ этотъ ростъ національнаго самосознанія обусловленъ былъ ростомъ политической мощи Израиля, обширными территоріальными приобрѣтеніями, сдѣланными въ царствованіе Давида, и всѣми признаннымъ могуществомъ израильскаго государства при Соломонѣ. Въ

сознаніи своей вѣщней силы израильтяне однако никогда не доходили до самоувѣрія. Въ поэтическихъ произведеніяхъ, отражавшихъ взгляды народа на самого себя, наоборотъ, постоянно указывается на то, что всеѣми завоеваніями и богатствами израильтяне обязаны одному Богу и что все будущее ихъ—въ рукахъ одного Его, а не царей, героевъ и армій. И если Господь снискалъ этотъ народъ Своими милостями, то ни за что иное, какъ за чистую, нравственную жизнь, за слѣдованіе вѣщностямъ Божиимъ. Ярче всего народъ выразилъ этотъ взглядъ свой на самого себя въ слѣдующемъ стихотвореніи:

„Въ дождѣ Якова не видитъ Богъ пасялій,
 „Во Израилѣ нѣтъ больше злодѣяній,—
 „Якова, Господь его, при немъ,
 „И милость царская въ его средѣ.
 „Избавивъ народъ отъ египтянъ, Господь
 „Силой титановъ его одарилъ,
 „Ибо нѣтъ колдовства противъ Якова.
 „И безсильны волхвы противъ Израиля.
 „Повсюду про нихъ теперь говорятъ:
 „Смотрите Господь что сдѣлалъ изъ нихъ!
 „Смотрите, народъ, какъ львица, встаетъ,
 „Какъ левъ, царь лѣсовъ, онъ поднялся
 „И не ляжетъ, всесильный, покуда
 „Всей добычи своей не поѣстъ!
 „Какъ прекрасны шатры твои, Яковъ!
 „Жилища твои, Израиль!
 „Какъ бы роскошныя долины,
 „Какъ бы тѣнистые сады,
 „Какъ цвѣтникъ благоуханный
 „Какъ лѣсъ изъ кедровъ прирѣчныхъ“¹⁾.

Всякій народъ, однако, въ творчествѣ своемъ не ушедшій дальше поэзіи, стоитъ еще на довольно низкой ступени культуры. Народная поэзія это лишь первый лепетъ народа, первая и слабая попытка его выразить свои примитивныя чувства и незрѣлыя мысли. И лишь тогда, когда народъ начинаетъ откликаться на событія и выражать свои мысли безъ поэтическихъ прикрасъ, въ спокойномъ и точномъ прозаическомъ изложеніи—только тогда можно признать, что онъ достигъ извѣстной умственной зрѣлости. Въ царствованія Давида и Соломона израильтянской народъ впервые доказалъ, что онъ заслуживаетъ аттеста о политической зрѣлости. Полная всякихъ чудесъ исторія народа въ то время была уже записана въ скромной прозѣ, хотя и въ болѣе или менѣе живомъ драматическомъ изложеніи и не безъ поэтическихъ преувеличеній. Искусство письма тогда, разумѣется, достигло уже у израильтянъ нѣкоторой степени развитія

¹⁾ Числа 24, 5—10.

Давидъ, напримѣръ, свой приказъ Іоаву объ умерщвленіи Уриі послалъ въ письмѣ¹⁾. Чиновникъ, который велъ счетъ израильтянамъ, подлежащимъ призыву въ ополченіе, записывалъ имена ихъ въ особый свертокъ; точно также и другой чиновникъ (Maskhir), на которомъ лежала обязанность „запоминать“ имена лицъ, угодныхъ и негодныхъ царю, вмѣстѣ съ ихъ дѣяніями, также велъ для этого особые списки. Правда, невозможно установить, какія именно части лѣтописей израильскихъ были въ то время уже написаны, но подробное описаніе предшествовавшего историческаго періода при Соломонѣ бесспорно было уже начато. Не подлежитъ, по крайней мѣрѣ, никакому сомнѣнію, что въ эту эпоху были обнародованы два *памфлета*, которые подъ видомъ историческихъ разсказовъ имѣли цѣлью доказать преимущества монархическаго режима, установившаго порядокъ въ странѣ, организовавшаго и объединившаго весь народъ предъ рознью, беспорядкомъ и преступнымъ произволомъ эпохи судей. Если среди израильтянъ находились еще тогда недовольные, которые сожалѣли о былой свободѣ, упраздненной съ введеніемъ въ странѣ царской власти, то эти обнародованные въ царствованіе Соломона памфлеты должны были окончательно ихъ переубѣдить. На основаніи цѣлаго ряда историческихъ фактовъ въ нихъ доказывалось, что въ тѣ времена, когда въ Израильской землѣ не было царей и когда каждый волея былъ дѣлать все, что ему было угодно, израильтяне не только поклонялись идоламъ, но и открыто предавались насиліямъ и грабежамъ, публично безчестили женщинъ, нарушали священный обычай гостепріимства, вели братоубійственныя войны и вообще творили самыя ужасныя беззаконія. Республиканская свобода и отсутствіе сильной власти были единственными причинами этой анархіи,— вотъ что эти два памфлета стремились внушить народу, доказывая, что при царской власти столь глубокое нравственное паденіе (Nebalah) абсолютно невозможно. Мрачными красками описывая эпоху судей, эти невинные съ виду памфлеты попутно преслѣдовали еще и другую цѣль. Династія Давида, какъ мы выше видѣли, имѣла ожесточенныхъ враговъ въ лицѣ вениамитовъ, которые никакъ не могли забыть, что они въ царствованіе Саула играли первую роль въ 'странѣ и что Іегудино колѣно, изъ котораго вышелъ Давидъ, лишило его этой гегемоніи. Среди вениамитовъ было еще при Соломонѣ изрядное число недовольныхъ, выжидавшихъ лишь удобнаго момента, чтобы свергнуть царя съ престола вмѣстѣ со всѣмъ его домою и вернуть себѣ свое прежнее значеніе. Жители Гивеи, при Саулѣ бывшей политическимъ центромъ всей Израильской земли, а съ возвышеніемъ Іерусалима ставшей незначительнымъ провинціальнымъ городкомъ,

¹⁾ Сам. II, 11, 14.

не могли примириться съ этимъ упадкомъ ихъ столицы и по примѣру веніамита-же Шевы, нѣкогда возставшаго противъ Давида, мечтали о мятежѣ противъ Соломона. Авторъ одного изъ памфлетовъ даетъ подробную характеристику этого города, изображая его гнѣздомъ всякихъ пороковъ и преступленій.

Жители Гивен, по увѣренію автора памфлета, въ прежнее время совершали беззаконія надъ беззаконіями. Одному достойному мужу они отказали въ ночлегѣ, а жену его обезчестили; съ оружіемъ въ рукахъ они возстали противъ всего народа, защищая скрывшихся въ ихъ городѣ злодѣевъ. И этотъ, столь низко павшій городъ,—воскликаетъ онъ,—хотятъ сдѣлать столицей всего Израиля! Не мало достается также отъ автора гилеадитскому городу Явешу, за то, что онъ остался вѣренъ памяти Саула. „Въ то время,—говорится въ памфлетѣ,—когда весь народъ собрался, чтобы наказать гивеянъ за ихъ позорный поступокъ, одни жители Явеша не пожелали къ нему присоединиться; они, стало быть, одобряли это злодѣяніе и за то ихъ постигла та же справедливая кара, которой подвергалась Гивея!“ Это былъ довольно прозрачный намекъ по адресу всѣхъ приверженцевъ Саулова дома. Шева, возставшій противъ Давида послѣ возвращенія его изъ Махнаима, встрѣтилъ поддержку и защиту среди однихъ сѣверныхъ данитовъ, которые такимъ образомъ тоже оказались въ числѣ приверженцевъ Саулова дома и противниковъ Давида. Противъ нихъ выступаетъ авторъ второго памфлета, обвиняя ихъ въ томъ, что они еще до переселенія своего на сѣверъ и вплоть до конца эпохи судей занимались грабежемъ, совершали всякія насилія, поклонялись истукану и дошли даже до того, что незаконннѣшимъ образомъ заставили служить при этомъ идолѣ израильскаго священнослужителя-левита.

Въ первомъ памфлетѣ рассказывается, какъ нѣкій Миха изъ эфраимова колѣна сдѣлалъ себѣ кумирь и служителемъ къ нему опредѣлил сначала своего сына, а затѣмъ левита Ионатана, внука Моисея. Переселявшіеся въ то время на сѣверъ даниты похитили этотъ кумирь и увели съ собою Ионатана, несмотря на всѣ протесты и сопротивленіе эфраимита. Памфлетистъ передаетъ при этомъ нѣкоторыя любопытныя подробности. Такъ, серебро, изъ котораго идолъ былъ сдѣланъ, названный эфраимитъ самъ укралъ у своей матери, но когда эта женщина стала проклинать вора, онъ поспѣшилъ возвратитъ ей серебро, а мать тутъ же приказала отлить изъ него идола. Похитивъ этотъ истуканъ, даниты поставили его въ своей столицѣ Данѣ и много лѣтъ ему поклонялись, причемъ обязанности служителей при немъ послѣ Ионатана исполняли его потомки.

Еще болѣе возмутительную исторію рассказываетъ второй памфлетистъ о жителяхъ Гивен. Нѣкій левитъ, возвращаясь изъ Бетлегема съ ушедшей отъ него наложницей, зашелъ въ Гивею переночевать, но никто

изъ жителей не хотѣлъ дать ему пріюта. Только одинъ жившій въ этомъ городѣ эфраммитъ сжалился надъ странниками и пріютилъ ихъ въ своемъ домѣ. Узнавъ объ этомъ, гивеяне собрались большою толпою и напали на домъ эфраммита, намѣреваясь убить левита. Желая спасти свою жизнь, послѣдній выдалъ имъ свою наложницу. Гивеяне набросились на эту женщину и одинъ за другимъ предавались отвратительной оргіи до тѣхъ поръ, пока несчастная тутъ же не испустила духъ. Возмущенный левитъ сообщилъ объ этомъ гнусномъ злодѣяніи всѣмъ колѣнамъ. Старѣйшины израильскіе на созванномъ по этому случаю совѣщаніи рѣшили потребовать отъ вениамитовъ, чтобы они выдали имъ всѣхъ гивеянъ, принимавшихъ участіе въ ночной оргіи. Вениамиты, однако, наотрѣзъ отказали и объявили войну всѣмъ колѣнамъ. Война была упорная и кровопролитная; съ обѣихъ сторонъ пало много тысячъ израильтянъ, но въ концѣ концовъ союзникамъ хитростью удалось одержать надъ вениамитами рѣшительную побѣду. Почти все мятежное колѣно было истреблено, спаслись лишь 600 человекъ, которымъ удалось спрятаться за одной скалой. Союзники послѣ этого перешли Иорданъ и жестоко наказали также жителей Явешъ-Гилеада за то, что они не откликнулись на призывъ, обращенный къ нимъ всѣми колѣнами, и тѣмъ показали, что они держатъ сторону гивеянъ. Старѣйшины израильскіе рѣшили затѣмъ не выдавать своихъ дочерей за удѣлѣвшихъ вениамитовъ. Опасаясь, однако, какъ бы черезъ это не вывелось все колѣно Вениаминово, старѣйшины вслѣдъ за тѣмъ отмѣнили свое рѣшеніе и дали вениамитамъ четырехсотъ дѣвицъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Явешъ, разрѣшивъ имъ добыть себѣ остальныхъ 200 дѣвицъ въ Шиломѣ, куда израильтяне ежегодно послѣ сбора винограда собирались со всей страны съ женами своими и дочерьми на народный праздникъ. Эти 600 молодыхъ вениамитовъ положили начало новому вениаминову колѣну.

Таково содержаніе этихъ двухъ памфлетовъ. Стиль въ обоихъ гладкій, образный, рассказъ ведется живо, увлекательно. Видно, что историческая проза въ то время достигла уже у израильтянъ извѣстной степени развитія. Существовала уже, повидимому, своего рода историческая литература, впоследствии вошедшая въ составъ всѣхъ извѣстныхъ Книгъ Судей и Самуила. Историческіе труды у израильтянъ настолько же стоятъ выше соответственныхъ трудовъ у всѣхъ прочихъ народовъ той эпохи, насколько поэзія израильская превосходитъ поэзію древнихъ. Израильскіи лѣтописи къ тому же на четыреста лѣтъ древнѣе самыхъ раннихъ историческихъ трудовъ, греческихъ. Правда, историческая проза израильтянъ не блещетъ художественными красотоми эллинской, но за то она точнѣе и правдивѣе, искреннѣе и задушевнѣе. Отъ своей родоначальницы, народной поэзіи, исторія израильская наслѣдовала ея лучшія достоинства.

Языкъ израильтянъ, или, какъ его нынѣ называютъ, древне-еврейскій языкъ—точно существуетъ еще какой-то другой, ново-еврейскій языкъ—въ описываемую нами эпоху достигъ уже высокой степени совершенства и вылился въ окончательныя свои формы. Діалектическія различія къ тому времени почти совсѣмъ уже исчезли вслѣдствіе непрерывныхъ сношеній и тѣснаго сближенія всѣхъ колѣнъ при Давидѣ и Соломонѣ. Этимологія, орфографія и вообще письменный языкъ былъ во всякомъ случаѣ одинъ у всѣхъ израильтянъ. А между тѣмъ наиболѣе культурный народъ той эпохи, финикіяне, и послѣ того долго еще не знали даже, какими буквами изображать звуки своего языка и въ какія формы вылить то немного, что они хотѣли увѣковѣчить въ письменныхъ памятникахъ. Сама исторія израильтянъ, столь богатая разнообразными событіями, не мало способствовала обогащенію ихъ языка, давъ ему гибкость и подвижность, необходимыя для точнаго обозначенія понятій вообще, какъ и для отчетливаго и связнаго описанія историческихъ событій въ частности. Насколько израильтяне уже въ тѣ отдаленныя времена интересовались своимъ прошлымъ, видно между прочимъ изъ того, что наиболѣе замѣчательныя историческія фразы, упоминаемыя въ преданіяхъ, вошли во всеобщее употребленіе и стали народными поговорками¹⁾. Другими родами литературы израильтяне и въ Соломонову эпоху не занимались. Изъ искусствъ же они культивировали одну музыку и духовное пѣніе, во всѣхъ прочихъ его отрасляхъ ничего почти не сдѣлавъ. Отъ финикіянъ и египтянъ они, правда, научились нѣкоторымъ ремесламъ и умѣли ковать оружіе („Charasch“), строить дома, воздвигать укрѣпленія (Mesger), плавить благородные металлы и выдѣлывать изъ нихъ разныя украшенія. Но ничего выдающагося они и въ этой области не сдѣлали.

Недалеко ушли израильтяне въ эпоху своего политическаго расцвѣта и въ томъ, что представляло величайшую задачу этого народа,—въ истинномъ познаніи и почитаніи Бога, въ очищеніи своей религіи отъ грубыхъ языческихъ представленій того времени. Со времени Самуила и въ значительной степени благодаря ему идолопоклонство стало, правда, мало по малу выводиться, но и при Соломонѣ оно далеко еще не исчезло. Идея о единомъ, духовномъ Богѣ не успѣла еще настолько проникнуть въ умы народа и укрѣпиться въ его сознаніи, чтобы дальнѣйшія отпаденія въ язычество стали невозможны. Столь возвышенная и чистая религіозная идея въ то время могла быть достояніемъ лишь немногихъ; ея носителями и хранителями были одни пророки и левиты, одни они понимали, что ис-

¹⁾ Приводимъ нѣкоторыя изъ этихъ поговорокъ: „И Саулъ среди пророковъ“, „Со слѣпыми и хромыми въ домѣ можно спокойно спать“, „Кто устоитъ противъ сыновей Анака?“, „Отъ злодѣевъ жди злодѣйствъ“.

тинное богопочитаніе состоитъ не въ исполненіи какихъ-либо догматовъ, а въ чистой, праведной, простой жизни (Tom derech) людей, не ожидающихъ за то себѣ отъ неба никакой награды. Вся же масса израильская не въ состояніи была еще возвыситься до чисто-отвлеченнаго понятія о Богѣ-духѣ, Богѣ-идеалѣ и даже много позже не умѣла отличать идеи божества отъ представленія о видимомъ, осязаемомъ и человѣкоподобномъ богѣ. Іегова, Богъ Израиля, Богъ праотцевъ его, столько чудесъ для своего народа совершившій, даровавшій его воинству столько побѣдъ и такъ возвеличившій его въ глазахъ прочихъ народовъ, былъ для израильтянъ первымъ, величайшимъ и могущественнѣйшимъ Богомъ,—но не единственнымъ: масса израильская вѣрила, что кромѣ Него существуютъ еще и другіе, правда не столь великіе боги, и рядомъ съ Нимъ почитали и ихъ, придавая имъ вполнѣ реальныя формы. Въ самомъ Іеговѣ народъ почиталъ къ тому же не *Любовь*, не Бога справедливости и милосердія, а одну *Силу*, Бога возмездія и мести, безошадно истребляющаго враговъ избраннаго имъ народа и жестоко расправляющагося съ грѣшниками. Но время постепенно брало свое. Мало по малу и самая масса израильская стала вѣрить и понимать, что Іегова не только караетъ, но и милуетъ, и не отвергаетъ грѣшниковъ, а открываетъ имъ путь ко спасенію. На самый гнѣвъ Божій стали смотрѣть, какъ на проявленіе Его справедливости, ибо Онъ, Судья всей земли, защищаетъ праведныхъ отъ нечестивыхъ, добрыхъ отъ злыхъ и слабыхъ отъ сильныхъ. Бога-мстителя въ представленіяхъ народа мало по малу вытѣснялъ Богъ-праведникъ, Которому зло и неправда негодны, а все гнусное и низкое, всякій грубый развратъ внушаетъ ужасъ и отвращеніе.

Новымъ религиознымъ или, вѣрнѣе, этическимъ началомъ, положеннымъ въ основаніе синайскаго вѣроученія, вообще въ эту эпоху произошло сильно бороться въ народѣ со старыми, отъ временъ язычества унаслѣдованными представленіями. Израильтяне, напримѣръ, клялись именемъ Іеговы, ибо всякая клятва, считаясь торжественнымъ и священнымъ актомъ, признавалась таковымъ и получала силу лишь тогда, когда клявшійся призывалъ въ свидѣтели своей правоты или того, что онъ исполнитъ свое обѣщаніе, имя Господне. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, при клятвѣ играло большую роль символическое число семь, и самое слово „клясться“ (*hischtaba*) напоминало это число, ибо язычники всегда клялись семью богами (*кабирами*, см. стр. 102). Израильтяне не могли также разстаться и съ другимъ языческимъ представленіемъ, въ силу котораго Бога можно склонять въ свою пользу жертвоприношеніями и всесоженіями. Соломоновъ храмъ, съ его великолѣпнымъ алтаремъ и цѣлымъ штатомъ состоявшихъ при немъ священнослужителей, какъ будто нарочито поддер-

живаль въ народѣ это грубое заблужденіе. Ученіе пророка Самуила о томъ, что „мясомъ барановъ нельзя пріобрѣсти благоволенія Божія“ (стр. 143), было предано забвенію. И только введеніе въ новомъ храмѣ чисто-духовнаго богослуженія, съ пѣніемъ псалмовъ и игрою на струнныхъ инструментахъ, нѣсколько ослабляло значеніе жертвоприношеній и содѣйствовало проникновенію въ народныя массы болѣе возвышенныхъ и чистыхъ взглядовъ на сущность Божества.

Съ созданіемъ большого и благоустроеннаго храма духовенство,— во главѣ котораго при Соломонѣ стоялъ первосвященникъ Азарія, сынъ Цадока,—получило вполнѣ опредѣленное и такъ сказать официальное положеніе. Авторитетъ его въ народѣ отъ этого, разумѣется, только выигралъ. Въ храмѣ, однако, первосвященники никакой властью не пользовались, вполнѣ подчиняясь царю и руководясь его указами. Санъ ихъ былъ наследственный. При вступленіи въ должность, первосвященники помазывались, какъ цари. Во время службы они носили великолѣпныя, высокому сану ихъ подобающія, одежды. Во-первыхъ, длинную до пяты ризу изъ голубого пурпура, полы которой кругомъ были убраны гранатовыми кистями и золотыми бубенчиками. Риза поддерживалась поясомъ, вышитымъ разводастыми шелками и золотомъ. На головѣ первосвященникъ носилъ митру изъ дорогого бѣлаго виссона, а на лбу діадему изъ чистаго золота съ вырѣзанной на ней надписью: „Святъ Іеговъ“. Плечи и грудь покрывалъ нарамникъ (эфодъ), вытканый изъ пурпуровыхъ, виссоновыхъ и золотыхъ нитей. Къ эфоду золотыми цѣпочками и кольцами прикрѣплялся на груди особый щитъ (Chōschen), усаженный двѣнадцатю драгоценными камнями разныхъ цвѣтовъ, на которыхъ были вырѣзаны имена двѣнадцати израильскихъ колѣнъ. Эти переливавшіеся всѣми цвѣтами радуги камни на груди первосвященника имѣли, разумѣется, символическое значеніе. Они наглядно изображали сіяніе и благодать, вѣрность и правду (Urim w'Tumim) и означали, что первосвященникъ является посредникомъ между израильскими колѣнами и Іеговой, во всѣхъ важныхъ случаяхъ обязанный возвѣщать народу и царю волю Божию. Въ царствованіе Соломона первосвященникъ пользовался такимъ-же, если не болѣшимъ еще авторитетомъ, чѣмъ пророкъ. Во время большихъ народныхъ празднествъ онъ, а не пророкъ, давалъ народу благословеніе. Благословеніе это не состояло, какъ у язычниковъ, изъ темныхъ, мистическихъ заклинаній, а выражало ясную и всѣмъ понятную мысль. „Да благословитъ тебя Господь,—говорилъ при этомъ первосвященникъ,—и охраняетъ тебя! Да воззрѣтъ Онъ на тебя свѣтлымъ ликомъ Своимъ! Да благоволитъ Онъ къ тебѣ и даруетъ тебѣ счастье и миръ!“¹⁾

¹⁾ Числа 6, 24-26.

Какъ у всѣхъ народовъ, религіозная жизнь у израильтянъ проявлялась главнымъ образомъ во время большихъ праздниковъ, которые были приурочены къ главнымъ событіямъ земледѣльческаго года. Это были: весенній праздникъ несквашеннаго хлѣба (Песахъ)—послѣ уборки ячменя, лѣтній праздникъ созрѣванія хлѣбовъ (Шевуотъ)—послѣ уборки пшеницы и осенній праздникъ (Суккотъ)—послѣ уборки плодовъ и винограда. На эти годовые праздники израильтяне со своими семействами отправлялись изъ своихъ деревень въ ближайшіе города, гдѣ были святилища, и отъ того они получили названіе „паломническихъ“ праздниковъ (Regalim). Всѣмъ этимъ праздникамъ, которые въ древнѣйшія времена были чисто-земледѣльческими, впоследствии былъ присвоенъ религіозно-историческій характеръ. Пасха должна была знаменовать исходъ израильтянъ изъ Египта; Шевуотъ—синайское событіе, а Суккотъ—странствованія народа въ пустынѣ, гдѣ онъ много лѣтъ жилъ въ шатрахъ. Послѣдній день двухъ главныхъ праздниковъ израильтяне проводили въ храмѣ, посвящая его посту и молитвѣ.

Сдѣлавъ свою столицу политическимъ и духовнымъ центромъ страны, упразднивъ автономію отдѣльныхъ колѣнъ, расторгнувъ ихъ союзъ и всѣмъ этимъ достигнувъ вышняго объединенія ихъ въ одно государство, Соломонъ не могъ, однако, добиться внутренняго слянія колѣнъ въ одинъ народъ. Отчасти этому препятствовало исконное нерасположеніе, которое домъ Израили питалъ къ дому Иегуды, или, точнѣе, сѣверныя колѣна къ южнымъ. Но главнымъ образомъ, если не всецѣло, вину въ этомъ слѣдуетъ отнести на счетъ Соломона, всѣ свои заботы сосредоточившаго на вышнемъ великолѣпнѣй государствѣ, а не на внутренней его силѣ. При всей своей мудрости, царь не былъ настолько проникателенъ, чтобы видѣть, что онъ самъ подрываетъ основы того государства, которое онъ думалъ возвеличить вышнимъ блескомъ. Несмотря на накопленіе богатствъ въ странѣ и на показное великолѣпіе столицы, народъ и на сѣверѣ и на югѣ былъ весьма далекъ отъ благосостоянія и потому глубоко недоволенъ. Отъ торговли съ Египтомъ, Финикіей и Индіей наживались одни богатые столичные купцы; вся же масса трудового населенія, никакого отношенія къ этой торговлѣ не имѣя, буквально изнемогала подъ бременемъ непопулярныхъ налоговъ, которые съ нея взимали натурой на содержаніе многочисленнаго царскаго двора и почти даровымъ трудомъ—на грандіозныя царскія сооруженія. Недовольство въ народѣ было скрытное, но достаточно было перваго подходящаго случая для того, чтобы оно прорвалось наружу и вылилось въ открытый мятежъ.

Между чиновниками, завѣдывавшими царскими постройками, былъ одинъ эфраимитъ, человѣкъ съ горячей головой, весьма энергичный и край-

не честолюбивый. То былъ *Иеровеамъ*, сынъ Невата, изъ городка *Цереды*, близъ Иордана. Попавъ въ столицу, онъ добился должности надсмотрщика надъ работами по укрѣпленію города и съ такимъ умѣньемъ руководилъ ими, что обратилъ на себя вниманіе царя, который назначилъ его на высшій постъ правителя областей Эфраимовой и Мавашиной. Здѣсь Иеровеаму часто приходилось выслушивать жалобы народа на непосильное бремя, наложенное на него царемъ,—жалобы, которыя среди всегда недовольныхъ эфраимитовъ раздавались громче, чѣмъ среди другихъ колѣнъ. Это недовольство было на руку Иеровеаму, съ его тайными честолюбивыми планами, и онъ рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ имъ воспользоваться. Случай этотъ не замедлилъ представиться. Соломонъ имѣлъ неосторожность допустить въ столицѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ храмомъ, сооруженіе нѣсколькихъ языческихъ алтарей. Сдѣлалъ-ли онъ это въ угоду своимъ иноплеменнымъ женамъ, или же по требованію финикійскихъ торговцевъ, жившихъ въ столицѣ и по договору Хирама съ Соломономъ имѣвшихъ право открыто исповѣдывать въ израильской столицѣ свой языческій культъ,—фактъ тотъ, что на Масличной горѣ были воздвигнуты жертвенники для финикійской богини Астарты, для аммонитскаго бога Милкома, для моавитскаго Кемоша и другихъ. Израильтяне, между тѣмъ, не настолько еще были крѣпки въ своей вѣрѣ, чтобы этотъ примѣръ не могъ служить для нихъ соблазномъ къ отпаденію въ язычество. Одинъ пророкъ,—по всей вѣроятности *Ахія* изъ Шилома,—имѣлъ смѣлость поставить царю на видъ этотъ тяжелый грѣхъ, предваривъ его, что онъ можетъ его довести до потери престола. Соломонъ; повидимому, не обратилъ вниманія на это предостереженіе. Возмущенный религиознымъ индифферентизмомъ царя, Ахія, знавшій про честолюбивые замыслы Иеровеама, рѣшилъ воспользоваться имъ, какъ орудіемъ для наказанія Соломона. Однажды, когда Иеровеамъ выходилъ изъ Иерусалима, пророкъ подошелъ къ нему, снялъ съ него плащъ, разорвалъ его на 12 кусковъ и, подавая ему десять изъ нихъ, сказалъ: „Возьми эти 10 кусковъ: они означаютъ, что отъ дома Давида отпадутъ десять колѣнъ, и ты будешь царемъ надъ ними“. Иеровеаму только этого и надо было для того, чтобы дѣйствовать: вѣдь самъ пророкъ именемъ Бога одобрилъ задуманное имъ дѣло. Онъ поспѣшилъ къ роднымъ эфраимитамъ и предложилъ имъ отложиться отъ царя. Соломонъ, однако, своевременно узналъ объ этомъ и отправилъ на мѣсто отрядъ тѣлохранителей съ приказомъ убить мятежника. Иеровеамъ, однако, во время успѣлъ скрыться и окольными путями бѣжалъ въ Египетъ.

Въ странѣ фараоновъ престолъ незадолго до того перешелъ къ новой династіи (XXII-ой), резиденціей своей избравшей городъ Бубастись.

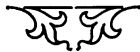
Шешенкъ (Шинакъ, Сезонхозизъ, царствовавшій около 980—959), первый царь этой династїи, расторгъ союзъ, существовавшій между Египтомъ и Израилемъ благодаря тому, что Соломонъ взялъ въ жены дочь прежняго фараона. Вопреки своему предшественнику, Шешенкъ былъ весьма враждебно настроенъ противъ израильскаго царя, считая его слишкомъ могущественнымъ. Стремясь подорвать эту силу, онъ дружелюбно встрѣтилъ Иеровеама, рассчитывая воспользоваться имъ, какъ орудіемъ противъ Соломона. Такой же дружескій приемъ и покровительство Шешенкъ оказалъ другому врагу израильтянъ, жаждавшему отомстить имъ за великую обиду, нанесенную его народу. То былъ *Хададъ* (Ададъ), сынъ или внукъ идумейскаго царя, нѣкогда побѣжденнаго Давидомъ, и мальчикомъ бѣжавшій съ родины во время рѣзни, которую въ ней учинилъ Іоавъ, подавляя возстаніе (стр. 226). Друзья идумейскаго царскаго дома доставили молодого Хадада въ одинъ оазисъ въ синайской пустынѣ, гдѣ онъ оставался все время, пока египетскій престолъ занималъ тестъ Соломона. Съ воцареніемъ же Шешенка онъ посѣшилъ въ Египетъ и былъ весьма благосклонно принятъ. Шешенкъ выдалъ за него свою сестру и надѣлилъ его землей. Хададъ, однако, горѣлъ желаніемъ вернуться на родину, чтобы отвоевать ее у израильтянъ. Онъ не сомнѣвался, что при нѣкоторой поддержкѣ со стороны Шешенка это ему удастся, такъ какъ воинственный духъ, царившій въ израильской землѣ при Давидѣ и Іоавѣ, въ мирное царствованіе Соломона совсѣмъ ослабѣлъ. Хададъ рассчитывалъ главнымъ образомъ на партизанскую войну съ израильтянами въ горахъ его родины. Съ войскомъ, которое ему удалось собрать, онъ достигъ идумейской земли и сталъ грабить израильскіе караваны, доставлявшіе товары изъ гавани Аплата въ Іерусалимъ и обратно. Тяжелое же и отвыкшее отъ войнъ Соломоново ополченіе не въ состояніи было справиться съ идумейцами. Израильской рати не хватало „героевъ“ Давида, мужественно шедшихъ на встрѣчу всякой опасности и справлявшихся съ каждымъ врагомъ. Это были первые симптомы того, что военному могуществу израильскаго царства приходилъ конецъ.

На противоположномъ концѣ страны, на крайнемъ сѣверѣ ея, въ то же время собиралась другая туча, на которую Соломонъ не обратилъ вниманія, но которая позже разразилась большимъ бѣдствіемъ надъ Израилемъ. Въ то время, какъ идумейцы съ успѣхомъ отвоевали свои бывшія владѣнія на югѣ, арамейцы подняли знамя войны на сѣверѣ. Одинъ изъ военачальниковъ царя Гададзера, нѣкогда побѣжденнаго Давидомъ (стр. 224), по имени *Резонъ*, послѣ пораженія арамейскихъ войскъ при Хайламѣ и сверженіи Гададзера съ престола, собралъ большую разбойничью шайку и сталъ производить набѣги въ мѣстности между Евфра-

томъ и сѣверными отрогами Ливана. Не довольствуясь одной добычей, Резонъ наwerbовалъ большое полчище, подступилъ съ нимъ къ Дамаску, овладѣлъ этимъ городомъ и провозгласилъ себя царемъ. Отсюда Резонъ сталъ затѣмъ производить набѣги и на пограничныя израильскія области, не встрѣчая никакого отпора со стороны Соломона. Изнѣженный и мирный по натурѣ царь боялся всякой войны, и къ тому же не располагалъ достаточнымъ войскомъ для того, чтобы одновременно воевать и на сѣверѣ и на югѣ. Такъ мало по малу собирались надъ Израилемъ грозныя тучи, которыя легко могли быть разсѣяны, если бы Соломонъ своевременно объ этомъ позаботился. Эти вѣшнія затрудненія вскорѣ осложнились и большимъ внутреннимъ расколомъ, мало по малу совсѣмъ подорвавшимъ могущество израильскаго государства.

Самому Соломону, впрочемъ, не суждено было дожить до этихъ печальныхъ событій и быть свидѣтелемъ упадка Израиля. Процарствовавъ почти сорокъ лѣтъ, онъ почилъ въ мирѣ (между 997—975), едва доживъ до шестидесяти лѣтъ. Тѣло его было предано погребенію въ царской усыпальницѣ, устроенной Давидомъ въ одномъ гротѣ на южномъ склонѣ горы Сіонъ. Впослѣдствіи рассказывали, что Соломонъ, также какъ и его отецъ, зарылъ въ глубинѣ этого грота несмѣтныя сокровища, которыми нѣсколько столѣтій спустя воспользовались іудейскіе цари. Несмотря на то, что у Соломона было много жень, онъ, повидимому, оставилъ весьма немногочисленное потомство. Источники упоминаютъ только объ одномъ сынѣ *Рехавеамъ*, да двухъ дочеряхъ, *Тапатъ* и *Босматъ*, которыхъ отецъ выдалъ за двухъ своихъ чиновниковъ. Престоль перешелъ къ Рехавеаму, который и вызвалъ расколъ, положившій начало распаденію Израильскаго царства.

Потомство, которое въ удивленіи своемъ предъ Соломономъ преувеличивало его могущество и мудрость до размѣровъ, превышающихъ человѣческія силы, приписывало ему сверхъестественную власть надъ какими то таинственными духами, которые по одному его мановенію появлялись и исчезали. Даже перстень, на которомъ было вырѣзано имя Соломона, обладалъ, по преданію, чудесной силой изгнанія злыхъ духовъ. Израильское царство, поднятое Соломономъ на такую высоту, при немъ дѣйствительно напоминало сказочную страну, созданную его волшебными чарами. Со смертью его эти чары исчезли: его сынъ унаслѣдовалъ тронъ но не волшебный перстень его.

ПРИМЪЧАНІЯ.

Примѣчанія.

I

Пророки и ихъ предсказанія.

(Къ стр. 57—59)

Въ общественной жизни древнихъ израильтянъ пророки играли столь важную роль, что безъ надлежащаго представленія о нихъ исторія этого народа была-бы совершенно непонятна. Само собою разумѣется, что пророки не имѣли бы никакого значенія, если бы ихъ предсказанія не сбывались. Не подлежитъ между тѣмъ никакому сомнѣнью, что эти пророчества не были *vaticinia ex eventu*,—не могли быть продиктованы пророкамъ современными событіями, потому что они относились къ фактамъ, совершавшимся гораздо позже, много лѣтъ спустя послѣ ихъ смерти. Несмотря на то, въ предсказаніяхъ израильскихъ пророковъ нѣтъ ничего темнаго и двусмысленнаго, и извѣстныя прорицанія древне-греческихъ и всякихъ иныхъ оракуловъ никакого сравненія съ ними въ этомъ отношеніи не выдерживаютъ. Сами пророки израильскіе такъ были увѣрены, что предсказанія ихъ раньше или позже непременно сбудутся, что Іеремія, напримѣръ, въ бесѣдѣ съ Ананіей, такъ и говоритъ (28, 8-9); „Пророки, до меня и до тебя жившіе многимъ народамъ предсказывали войны, всякія бѣдствія, а равно и миръ. И когда миръ наступалъ, ихъ признавали пророками, посланными самимъ Господомъ“. Іеремія этимъ хотѣлъ сказать, что пророчества, предвѣщающія несчастія могутъ и не сбываться,—такъ какъ Господь можетъ смилостивиться надъ народомъ и отвратить отъ него бѣду,—но предсказанія, обещающія миръ и благополучіе, непременно должны сбываться. Исполненіе пророчествъ вообще для Іереміи, какъ и для другихъ пророковъ израильскихъ, не подлежитъ никакому сомнѣнью, какъ фактъ всѣмъ извѣстный и много разъ подтвержденный. Исторія Израиля дѣйствительно доказываетъ, что пророчества сплошь и рядомъ сбывались. Лѣтописи Израильскія во всемъ ихъ объемѣ

въ настоящее время вполне доступны нашему обзору, а всё событія, къ которымъ пророчества относятся библейской критикой всесторонне освѣщены и вполне установлены. Съ этими источниками въ рукахъ мы можемъ точно опредѣлить и время, когда данное предсказаніе было сдѣлано, и сколько именно времени прошло отъ него до наступленія соотвѣтственныхъ событій. А такъ какъ пророчества чаще всего относятся къ общимъ историческимъ фактамъ, то мы имѣемъ такимъ образомъ полную возможность провѣрить, сбылось-ли такое-то „слово“ такого-то пророка, или нѣтъ.

Начнемъ съ древнѣйшаго пророка, намъ извѣстнаго, съ Амоса. Въ вступленіи къ его книгѣ сказано, что онъ „слово“ свое произнесъ „во дни царя Узіи іудейскаго и Іеровеама II израильскаго“, и точнѣе: „за два года до землетрясенія“,—которое пророкъ и предсказалъ. Что при царѣ Узіи дѣйствительно произошло землетрясеніе видно изъ того, что на него ссылается одинъ изъ позднѣйшихъ пророковъ, Захарія (14, 5), который говоритъ: „Вы побѣдите, какъ бѣжали отъ землетрясенія во дни Узіи“. Фактъ такимъ образомъ установленъ,—посмотримъ же, дѣйствительно-ли его Амосъ предсказалъ. Въ своемъ словѣ пророкъ именемъ Бога говоритъ о стихійномъ бѣдствіи, которое постигнетъ Израильскую землю въ наказаніе за прегрѣшенія ея обитателей. Слово землетрясеніе при этомъ не упомянуто, но оно вытекаетъ изъ каждой угрозы пророка. Такъ въ 13—16 стихахъ второй главы онъ говоритъ: „Я заставлю землю дрожать подъ вами, какъ дрожить возъ, нагруженный снопами; самый быстроногіи изъ васъ не успѣетъ убѣжать... герой не сможетъ спастись... и храбрѣйшіи изъ храбрыхъ нагимъ побѣдить въ тотъ день изъ своего дома“. 15-й стихъ III главы гласитъ: „Я поражу зимнія жилища ваши и лѣтнія, и исчезнутъ съ лица земли дома съ украшениями изъ слоновой кости и погибнутъ самыя большія зданія. Такъ изрекъ Господь!“ Ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ предсказаніемъ и съ предсказаніемъ именно землетрясенія, черезъ два года послѣ того дѣйствительно наступившаго.

Амосъ предсказалъ также и гибель десяти-колѣннаго царства, и при томъ въ такое время,—при Іеровеамѣ II—когда это царство было на верху своего могущества, и простиралось отъ Хермона на сѣверѣ до Мертваго моря на югѣ¹⁾: „Отъ меча по-

¹⁾ Цари II. 14, 25.

гибнуть Іеровеамъ, и Израиль уйдетъ изъ своей земли" (7, 11—17); „Я изгоню васъ изъ земли вашей далеко за Дамаскъ" (5, 27); „Я разсѣю домъ Израиля между всѣми народами" (9, 9); „Я воздвигну противъ васъ народъ, который будетъ преслѣдовать васъ отъ Хамата до Арабы (Мертваго моря), т. е. во всей странѣ" (6, 14). Амосъ не называетъ этотъ народъ, который будетъ „преслѣдовать" израильтянъ и уведетъ ихъ „далеко за Дамаскъ": онъ не знаетъ этого народа, но онъ знаетъ, что то, что онъ предсказываетъ, непременно исполнится. Десяти-колѣнное царство между тѣмъ уничтожено было ассиріянами лишь около 720 г., и пророкъ такимъ образомъ предсказалъ это событіе за цѣлыхъ сто лѣтъ до того, какъ оно произошло. На это можно было бы возразить, что въ устахъ Амоса то было не пророчество, а одно предположеніе; что ассиріяне при немъ уже носились съ мыслью о завоеваніи Египта и пророкъ могъ, слѣдовательно, допустить, что, проходя, чрезъ Израильскую Землю, ассиріяне и ее завоюютъ. Но если бы это было предположеніе, а не пророчество, то Амосъ долженъ былъ бы, не могъ не допустить, что вмѣстѣ съ десяти-колѣннымъ царствомъ ассиріянами будетъ завоевано и Іудейское царство, тѣмъ болѣе, что послѣднее при немъ было гораздо слабѣе перваго. Амосъ между тѣмъ рѣшительно заявляетъ, что Іудея останется независимой: „Я не истреблю дома Якова и восстановлю въ тотъ день павшую скинію Давидову" (9, 8—11). „Домъ Якова" дѣйствительно продержался еще цѣлыхъ 134 года послѣ паденія дома Израиля. Здѣсь мы имѣемъ такимъ образомъ дѣло съ настоящимъ предсказаніемъ, въ точности сбывшимся.

Удивительное пророчество о томъ, что „впослѣдствіи времянь Сіонъ поставленъ будетъ во главѣ горъ и къ нему будутъ стекаться многочисленныя народы, ибо отъ него произойдетъ для нихъ законъ и слово Божіе изъ Іерусалима", которое мы въ тождественныхъ почти выраженіяхъ находимъ у Іешаи (2, 2—4) и у Михи (4, 1—3), по всей вѣроятности принадлежитъ болѣе раннему пророку, Іоилу или Гошеѣ I. Но кто бы это пророчество первый не произнесъ,—оно вполне сбылось. За 700 лѣтъ до Іисуса и Павла израильскіе пророки такимъ образомъ предвидѣли, что великія истины, впервые провозглашенныя на Синаѣ, „впослѣдствіи времянь" сыграютъ огромную роль въ исторіи всего человѣчества.

Величайшій изъ Іудейскихъ пророковъ, Іешая, послѣ завоеванія Израильскаго царства Ассиріей неоднократно предсказы-

валь вторженіе въ Іудею Санхерива, чудесное спасеніе двухколѣннаго царства и, наконецъ, внезапную гибель ассирійской арміи. (Іешая 10, 5—34; 37, 6—7; 22—35).

Современникъ Іешаи, пророкъ Миха, за сто лѣтъ предсказалъ гибель Іерусалима (Миха, 3, 9—12; Іеремія 26, 18). Мало того, онъ совершенно ясно предсказалъ, что страну изгнанія будетъ именно Вавилонъ: „Извивайся дочь Сіона, какъ извивается въ мукахъ роженица, ибо вскорѣ ты должна будешь погибнуть, будешь жить въ полѣ и дойдешь до Вавилона; тамъ ты будешь спасена, тамъ Господь избавитъ тебя отъ рукъ враговъ твоихъ“ (4, 10) Въ то время, когда это пророчество было произнесено, Вавилонъ былъ еще ничтожной областью, только что и лишь на короткое время отдѣлившейся отъ Ассиріи, О томъ, что эта отдаленная провинція когда-нибудь завоюетъ іудейское царство, также мало можно было тогда думать, какъ, примѣрно, во времена курфюрста Фридриха бранденбургскаго, въ началѣ XVIII столѣтія, можно было допустить, что его потомокъ чрезъ 170 лѣтъ побѣдитъ Францію и станетъ императоромъ германскимъ. Правда, и Іешая предсказалъ царю Хизкіи на 124 года впередъ, что его потомки будутъ уведены въ Вавилонъ и будутъ евнухами во дворцѣ вавилонскаго царя (39, 5—7). Но Миха превзошелъ Іешаю, предсказавъ не только самое плѣненіе, но и избавленіе отъ него.

То же плѣненіе Израиля предсказалъ и Іеремія, и при томъ въ такомъ возрастѣ, когда политическія комбинаціи человѣку еще менѣе доступны, чѣмъ пророчества. Іереміи было около пятнадцати лѣтъ, когда онъ возвѣстилъ: „Отъ сѣвера придетъ несчастіе на всѣхъ жителей сей земли; цари сѣверныхъ странъ поставятъ свои престолы у воротъ Іерусалима и у всѣхъ городовъ іудейскихъ“ (1, 14—15). Большинство рѣчей Іереміи относится къ этой катастрофѣ, которую онъ предсказалъ всю, отъ начала ея до конца. И даже, когда на помощь осажденному Іерусалиму подоспѣло египетское войско, Іеремія въ своихъ пророчествахъ продолжалъ настаивать на томъ, что Іерусалимъ неминуемо погибнетъ, а царь и народъ будутъ уведены въ плѣнъ: „Не обманывайте самихъ себя,—говорилъ онъ,—утверждая, что вавилоняне отъ насъ совсѣмъ уйдутъ, ибо если вамъ даже удастся разбить все войско ихъ, такъ что отъ него останутся одни раненные, то эти больные сожгутъ городъ“. (37, 9—10). Подобно Михѣ, Іеремія предвидѣлъ не только гибель Іерусалима, но и его возро-

деніе. Уже въ первомъ юношескомъ словѣ своемъ онъ говорилъ, что призванъ предвѣщать не только разрушеніе и опустошеніе, но и возстановленіе и возрожденіе". (1, 10; 31, 27). Свои утѣшительныя рѣчи о возвращеніи и возрожденіи народа Іеремія при томъ произносилъ какъ разъ въ самый печальный моментъ, во время осады Іерусалима. Самъ пророкъ былъ крайне изумленъ, когда ему въ это время было свыше внушено, чтобы онъ приобрѣлъ для себя поле своего родственника, сдѣлалъ бы купчую запись и бережно сохранилъ ее: „Городъ,—говоритъ онъ, обращаясь къ Іеговѣ,—изнуренный голодомъ и язвою, предается въ руки осаждающихъ его халдеевъ, а Ты велишь мнѣ купить поле и пригласить свидѣтелей. (32, 24). И, какъ бы объясняя самому себѣ это внушеніе, онъ пророчить: „Будутъ еще покупать поля за серебро и дѣлать купчія записи во владѣніяхъ Веніамина и Іегуды, на горахъ и въ низменности, на сѣверѣ и на югѣ, ибо народъ будетъ возвращенъ изъ плѣна“ (32, 44). И все это въ точности сбылось.

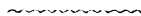
Сбылись также и предсказанія позднѣйшихъ—періода послѣ изгнанія—пророковъ. Обращаясь къ израильтянамъ, печалившимся по поводу скромныхъ размѣровъ и бѣдности новаго храма, пророкъ Хагай утѣшалъ ихъ, говоря: „Этотъ храмъ прославится среди народовъ больше, чѣмъ первый“ (2, 7—9). Тоже говорилъ и современникъ Хагая, Захарія: „И далеко живущіе придутъ и примутъ участіе въ устройствѣ храма Господня“, (6, 15). Предсказанія эти въ послѣдствіи исполнились. Изъ Сиріи, при-евфратскихъ странъ, Малой Азіи, Греціи и Рима массами стекались языческіе паломники въ Іерусалимъ на поклоненіе израильскому Богу, дарами своими дѣйствительно принимая участіе въ устройствѣ храма. Задолго до апостольской дѣятельности Павла язычники во множествѣ обращались въ вѣру израильскую; фактически именно эти добровольныя обращенія и подали тарсійскому апостолу мысль о присоединеніи язычниковъ къ наслѣдію Авраама. Послѣднее предсказаніе послѣдняго пророка Захаріи гласитъ: „Народы и жители большихъ городовъ будутъ еще приходить въ эту землю и приглашать другъ друга къ посѣщенію дома Господня въ Іерусалимѣ. Десять челоуѣкъ изъ разныхъ народовъ земли возьмутся за полу нѣкаго мужа изъ Іудеи и скажутъ ему: „Мы пойдемъ за вами, ибо мы слышали, что съ вами Богъ!“ (8, 20—23). Это пророчество тѣмъ болѣе удивительно, что въ то время рѣшительно ничто не могло его внушить: возвращавшіеся изъ

плѣна іудей всѣмъ сосѣднимъ народамъ внушали одно презрѣніе и ненависть.

Этотъ бѣглый обзоръ пророческихъ предсказаній отъ Амоса до Захаріи (800—516) неопровержимо доказываетъ, что они дѣйствительно являлись результатомъ предвидѣнія будущихъ событій. Допущеніе такъ называемыхъ *vaticinia ex eventu* и логическихъ комбинацій совершенно исключается. Событія фактически были за болѣе или менѣе долгое время предсказаны, и притомъ сплошь и рядомъ въ такіе моменты, когда ихъ совершенно нельзя было предусмотрѣть.

Нѣкоторыя пророчества во всякомъ случаѣ не сбылись. Такъ Іеремія и Іехезкель предсказывали, что Невухаднецаръ положитъ конецъ египетскому царству. Эти же пророки, а также Гошеа I и Іешая предсказывали воссоединеніе десятиколѣннаго царства съ Іудой подъ однимъ царемъ изъ Давидова дома, а Іешая, кромѣ того, пророчилъ, что египтяне и ассиріяне заключатъ тройственный союзъ съ Израилемъ и признаютъ его Бога (19, 23—25). Всѣ эти предсказанія не исполнились. Эти немногія исключенія нисколько, однако, не умаляютъ цѣны пророчествъ вообще. Если Египетъ не былъ завоеванъ Невухаднецаромъ, то онъ лѣтъ на 70 позже все-же былъ завоеванъ сыномъ Кира. Изъ двухъ другихъ предсказаній первое—о воссоединеніи Израильскаго царства съ Іудейскимъ—отчасти сбылось, второе же—о союзѣ трехъ народовъ и признаніи ими единого Бога—представляетъ у Іешаи не столько пророчество, сколько мечту, далекій идеалъ, о которомъ онъ самъ говоритъ, что онъ сбудется лишь „въ концѣ дней“ (בְּאַחֲרֵי הַיָּמִים)

Не слѣдуетъ къ тому же упускать изъ виду, что своей дѣятельностью пророки преслѣдовали главнымъ, если не единственнымъ образомъ, нравственныя и религіозныя цѣли, а не чисто-пророческія. Послѣднія у нихъ вытекали изъ первыхъ и всецѣло имъ подчинялись. Пророки предвѣщали будущее только для того, чтобы внушать народу, что его нравственныя и религіозныя заблужденія влекутъ за собою всевозможныя несчастія, вырожденіе народа и гибель его, и что только въ чистой нравственной жизни, въ слѣдованіи завѣтамъ Господнимъ—залогъ его мирнаго преуспѣянія и великаго будущаго.

II. Переходъ черезъ Красное море.

(Къ стр. 65).

Переходъ израильтянъ черезъ Красное море—фактъ вполнѣ установленный исторической критикой и столь же мало вызывающій сомнѣнія, какъ и пребываніе евреевъ въ Египтѣ. Не выяснено лишь, какимъ образомъ и въ какомъ именно мѣстѣ переходъ этотъ состоялся. Выясненіе этихъ двухъ частныхъ между тѣмъ весьма важно для рѣшенія вопроса, могъ-ли вообще этотъ переходъ состояться безъ вмѣшательства такъ называемаго чуда.

Общераспространенное мнѣніе, что переходъ былъ совершенъ благодаря какому-то необыкновенному отливу, въ настоящее время рѣшительно оставлено, ибо наблюденія показали, что самый сильный отливъ понижаетъ уровень воды въ Красномъ морѣ всего на нѣсколько футовъ. Переходъ къ тому же представлялъ бы неимовѣрныя трудности даже и въ томъ невѣроятномъ случаѣ, если бы дно моря совсѣмъ было обнажено отливомъ, такъ какъ послѣдній оставляетъ на немъ глубокой слой ила, а самое дно у береговъ весьма каменистое. Но этого мало. Если бы израильтяне дѣйствительно пошли въ воду, рассчитывая на отливъ, то египтяне ни въ какомъ случаѣ за ними туда не послѣдовали бы, зная что за отливомъ сейчасъ же слѣдуетъ приливъ, повышающій уровень воды въ морѣ на нѣсколько лишнихъ футовъ противъ обыкновеннаго. Отливъ такимъ образомъ перехода нисколько не объясняетъ.

Сама Библия, впрочемъ, объ отливѣ не говоритъ и обнаженіе дна во время перехода приписываетъ одному восточному вѣтру: „И гналь Господь волны сильнымъ восточнымъ вѣтромъ всю ночь, и обратилъ море въ сушу, и разступились воды“. (Исх. 14, 21). Точно также сильнымъ вѣтромъ объясняетъ внезапное обнаженіе дна и „Пѣсня къ морю“ (Исх. 15, 8—10). Сѣверная часть Суэцкаго залива, гдѣ, по преданію, произошелъ переходъ, еще въ настоящее время имѣетъ около 1500 футовъ ширины. Мыслимо-ли, чтобы какая бы то ни была буря обнажила морское дно на такомъ пространствѣ? Мыслимо-ли, далѣе, чтобы обнажая дно, буря вмѣстѣ съ тѣмъ очистила его отъ толстаго слоя ила, отъ безчисленныхъ камней и прочихъ препятствій, сильно затрудняющихъ въ такихъ мѣстахъ движеніе вбродъ. Ни отливъ, ни восточный вѣтеръ перехода черезъ Красное море или Суэцкій заливъ,

израильтянамъ такимъ образомъ нисколько облегчить не могли. Но что же заставляетъ насъ думать, что переходъ произошелъ въ заливъ? Развѣ источники указываютъ именно на него? Южнѣе Суэца израильтяне моря во всякомъ случаѣ перейти не могли, такъ какъ здѣсь заливъ еще шире. Единственное, что остается такимъ образомъ допустить, это то, что переходъ произошелъ гдѣ-нибудь сѣвернѣе Суэца и притомъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ дно не илистое и не каменистое, а песчанное, которое одно, при содѣйствіи сильнаго вѣтра, сдѣлало бы переходъ возможнымъ. Посмотримъ же, гдѣ именно это могло произойти.

Перешеекъ, по которому теперь прорытъ Суэцкій каналъ, изобиловалъ въ древности *горькими озерами*, самое сѣверное изъ которыхъ носило названіе *Крокодиловаго* (Bahr el Timsah). Эти озера существовали въ самой отдаленной древности и упоминаются какъ Страбономъ, такъ и Плиніемъ. Здѣсь же въ ту отдаленную эпоху существовалъ и каналъ, сооруженный, повидимому, при фараонѣ Сетѣ I и соединявшій восточный рукавъ Нила съ Краснымъ моремъ. Объ этомъ каналѣ подробно говорятъ и Страбонъ, и Аристотель, и Геродотъ. Существованіе его подтверждаютъ на основаніи древнѣйшихъ надписей и новѣйшіе египтологи (Бругшъ, Лепсіусъ, Эберсъ и др.). По Геродоту, который самъ его видѣлъ и подробно описалъ, каналъ этотъ начинался у Нила, нѣсколько сѣвернѣе Бубастиса, и впадалъ въ Красное море у Патумоса, Библейскаго Питома. Достоверно извѣстно между тѣмъ, что этотъ послѣдній городъ не лежалъ ни у Краснаго моря, ни у Суэцкаго залива, а гораздо сѣвернѣе, въ прямомъ направленіи къ востоку отъ Бубастиса, т. е. у сѣверныхъ береговъ вышеупомянутыхъ горькихъ озеръ, или у Крокодилова озера. Изъ описанія Геродота видно, что въ его время и въ древности вообще „Краснымъ моремъ“ называли не только, что мы теперь этимъ именемъ обозначаемъ (Черное море, Аравійскій заливъ), но и всѣ внутреннія озера, съ Крокодиловымъ включительно, находившіяся на перешейкѣ. Изъ Книги Исхода равнымъ образомъ видно, что во время пребыванія израильтянъ въ Египтѣ, существовалъ искусственный водный путь, соединявшій Суэцкій заливъ съ этими озерами, а эти послѣднія—съ ближайшимъ рукавомъ Нила. Изъ той же Книги извѣстно, что израильтяне построили для Фараона два города, въ которыхъ хранились большіе запасы зерна, Питомъ и Рамзесъ. Египетъ въ древности служилъ, какъ извѣстно, житницей для всѣхъ бѣдныхъ хлѣбомъ сосѣднихъ

странъ, и прежде всего для Ханаана и Аравіи. Плодороднѣйшая Нильская долина руками миллионовъ царскихъ рабовъ—и въ томъ числѣ израильтянъ—снабжала фараоновъ огромными количествами зерна. Для этого-то царскаго хлѣба израильтяне и построили названные города-зернохранилища. Сооруженіе послѣднихъ обусловливаетъ существованіе въ то время правильнаго воднаго сообщенія между Ниломъ и Краснымъ моремъ, безъ котораго зернохранилища эти были бы излишни. Сообщеніе же это необходимо предполагаетъ продолженіе Краснаго моря на нѣсколько миль къ сѣверу отъ Суэцкаго залива, до внутреннихъ озеръ, или и еще дальше, до Крокодиловаго озера.

Вернемся теперь къ поставленному нами въ началѣ этой замѣтки вопросу. Въ какомъ именно мѣстѣ могъ быть совершенъ интересующій насъ переходъ? Послѣ всего только что сказаннаго отвѣтъ на этотъ вопросъ не представляетъ большихъ трудностей. Если каналъ, о которомъ выше идетъ рѣчь, существовалъ еще во время исхода изъ Египта, то израильтяне вовсе и *не могли* дойти до Краснаго моря, или, точнѣе, до узкой полосы Суэцкаго залива, по той простой причинѣ, что этого залива тогда не существовало: онъ сливался въ одну водную массу съ каналомъ и внутренними озерами; если же этого сообщенія уже не было,—потому что каналъ былъ занесенъ песками,—то израильтянамъ *не зачѣмъ было* идти до залива, такъ какъ на пути къ нему лежали озера, которыя они могли перейти гораздо раньше и значительно легче, чѣмъ заливъ, не говоря уже о самомъ морѣ. Внимательное чтеніе соотвѣтственныхъ мѣстъ Библии и изученіе топографіи мѣстности приводитъ къ заключеніямъ, что израильтяне дѣйствительно не пошли такъ далеко на югъ, а перешли воду значительно сѣвернѣе, вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ они до того жили. Изъ Книги Исхода (14, 2. 9) и Чисель (33, 8) видно, что переходъ состоялся у Пи-Гахирота, въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ идолъ египетскаго бога Тифона. А такъ какъ этотъ идолъ стоялъ, по свидѣтельству Плутарха, у города Heroopolis'a, то эти два имени, очевидно, обозначали одинъ и тотъ же городъ. Тожественность этихъ именъ дѣйствительно доказана изслѣдованіями Ферстера, Вилькинсона и друг.¹⁾ А такъ какъ изысканіями Лепсіуса

¹⁾ Тожественность Пи-Гахирота съ плутарховскимъ Heroopolis'омъ легко доказывается и филологическимъ путемъ. Смѣшанное египетско-израильское Пи-Гахиротъ означаетъ: городъ (по египетски: пи или пе) Хиро или Херо (еги-

доказано, что Негоopolis лежалъ на пути отъ Питома и Рамзеса въ Ханаанъ, по близости Крокодиловаго озера или у сѣверныхъ береговъ Горькихъ Озеръ, то ясно, что переходъ произошелъ именно въ этомъ мѣстѣ.

Арабы называли суэцкія озера „морями“ (Bahr). Крокодилово озеро такъ и называлось „Крокодиловымъ моремъ“ (Bahr el Timsah). Израильтяне точно также словомъ „море“ יָם обозначали всякое озеро и даже прудъ. Такъ, Тиверіадское озеро называлось יַם הַכְנֵסִית, а одинъ прудъ за Іорданомъ—יַם יְזוּרִי. (Іеремія 48, 32, ср. Іешая 16, 8). Весьма вѣроятно также, что библейское названіе Краснаго или Чермнаго моря יָם סוּף первоначально служило для обозначенія именно этихъ внутреннихъ озеръ, такъ какъ слово יָם обозначаетъ видъ тростника (Sari), который произрастаетъ у береговъ Нила и у близлежащихъ озеръ, но никогда не встрѣчается ни у Краснаго моря, ни у Суэцкаго залива. Дно въ Горькихъ Озерахъ было не илистое и не каменистое, а песчаное. При многочисленныхъ отмеляхъ каждое изъ нихъ не трудно было перейти вбродъ, если вѣтеръ, хотя бы мѣстами только, обнажалъ его дно. Крокодилово озеро въ ширину имѣло всего нѣсколько сотъ футовъ, а другія были и того меньше. Всѣ эти безспорныя данныя приводятъ насъ къ мысли, что израильтяне перешли не Красное море, а одно изъ Горькихъ Озеръ, вблизи Пи-Гахирота (Хероополиса). Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ,—на который, какъ на чудо, только и ссылается преданіе,—погналъ воды озера къ югу и обнажилъ высокую песчаную отмель, по которой израильтяне и перешли это „море“ на другой берегъ.

III.

Происхожденіе филистимлянъ.

(Къ стр. 104).

Историку, добросовѣстно относящемуся къ своему дѣлу, приходится нерѣдко доказывать вещи, очевидныя и безъ всякихъ доказательствъ. Не подлежитъ напримѣръ никакому сомнѣнію, что филистимляне происходили изъ острова Крита. Библия опредѣленно называетъ ихъ גוֹי פְּלִשְׁתִּים (Цефанія 2, 5; Іехезкель 25, 16). Про-

петское же названіе бога Тифона); Негоopolis же представляетъ ничто иное, какъ греческій переводъ этого имени и также означаетъ „городъ Херо“.

тивъ этого возражаютъ, однако, что сходство именъ и въ данномъ случаѣ, какъ вообще, ничего не доказываетъ. Приходится поэтому обратиться къ другимъ аргументамъ. Та-же Библия во многихъ мѣстахъ называетъ родиной филистимлянъ городъ или островъ *Кафторъ*: מפתור (העליתי) ופלשתיים [Амосъ 9, 7]; כפתרים היצאים; מפתור (Второзак. 2, 23) אשר יצאו משם פלשתים ואת כפתרים (Бытiе 10, 14) כי שרד ה' את פלשתים שארית אי כפתור (Иеремiя 47, 4). Еще Кальметъ и его послѣдователи доказали тождественность этого Кафтора съ Критомъ. Но другiе ученые нашли эти доказательства мало-убѣдительными, и нѣкоторые изъ нихъ (Гезениусъ) полагаютъ, что подъ Кафторомъ слѣдуетъ понимать Каппадокию. Талмудъ между тѣмъ даетъ неопровержимое доказательство того, что Кафторъ есть дѣйствительно ничто иное, какъ островъ Критъ. Въ трактатѣ Менахотъ (р. 28 в.), въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится объ украшенiи כפתור на храмовомъ свѣтильникѣ, сказано, что оно видомъ напоминало критское яблоко: כפתורים למה הן דומין כסין תפוחי הכרתים: „Критскими“—же яблоками израильтяне называли плоды айвы (квита). По гречески эти плоды и самое дерево назывались *Kydonia*, по имени критскаго города *Kydonia*, который считался родиной айвы. Израильтяне такимъ же образомъ по мѣсту происхожденiя называли эти плоды כפתורים, т. е. „кафторскими“ или критскими яблоками. По сходству капителей на колоннахъ съ айвой, эти архитектурныя украшенiя также называли כפתור (Амосъ 9, 1). Происхожденiе филистимлянъ изъ острова Крита или Кафтора такимъ образомъ вполнѣ доказано. Первые критяне переселившiеся въ Ханаанъ, были повидимому изъ города Кидонiи. Здѣсь они съ теченiемъ времени смѣшались съ первобытными обитателями страны, рефаитами или анакитами, и образовали отличный отъ первыхъ поселенцевъ народъ, который въ Ханаанѣ получилъ названiе филистимлянъ. Позднѣйшiе-же переселенцы съ острова Крита, занявшiе отдѣльную полосу земли у южнаго побережья Ханаана, близъ Газы, не назывались филистимлянами и сохранили свое первоначальное имя критянь. Въ отличiе отъ филистимской земли, Библия эту полосу земли такъ и называетъ „областью критянь“ (נגב הכרתי) (Самуиль I. 30, 14). Среди этихъ переселенцевъ, а не у филистимлянъ, какъ нѣкоторые думаютъ, Давидъ наwerbовалъ свой наемный отрядъ *Крети*,—כרתי

1) Тутъ очевидная перестановка словъ, которая часто встрѣчается въ еврейскихъ текстахъ.

IV.
„Судьи“, ихъ роль и значеніе.

(Къ стр. 111—134).

Израильскихъ *шофтимъ* охотно сравнивали всегда и до сихъ поръ продолжаютъ сравнивать съ кареагенскими *суфетами*, хотя болѣе или менѣе внимательное изученіе дѣла не можетъ не привести къ заключенію, что кромѣ сходства именъ между ними нѣтъ ничего общаго. Суфеты, какъ извѣстно изъ римскихъ историковъ, были первыми сановниками Кареагена: „*Sufetes quod velut consulare imperium apud eos (Poenos) erat*“ и „*Sufetes qui summus Poenis est magistratus*“. То были настоящіе цари, которымъ присвоена была верховная, пожизненная и наследственная власть надъ всѣмъ Кареагеномъ вообще и надъ каждымъ жителемъ его въ отдѣльности. Далекое не тѣмъ были израильскіе шофтимъ. Никакой официальной власти у нихъ не было, или они пользовались таковою лишь тогда, когда самъ народъ временно имъ ее вручилъ и притомъ лишь въ предѣлахъ того колѣна, изъ среды котораго данный шофеть вышелъ. Власть эта была во всякомъ случаѣ единоличная и по наследству не передавалась. Когда „судья“ умиралъ, то на его мѣсто открывалась, такъ сказать, вакансія, которая оставалась иногда не замѣщенной по нѣсколькимъ десяткамъ лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока событія не выдвигали на это мѣсто другого. Изъ всѣхъ шофтимъ нѣсколько напоминалъ кареагенскихъ суфетовъ одинъ *Іефтахъ*, за свои услуги гилеадитамъ потребовавшій отъ ихъ старѣйшинъ, чтобы они назначили его „начальн. надъ всѣми жителями“: *אקיה לכם לראש לכל ישיביגלוער*: и затѣмъ *וישימו העם אותו עליהם לראש ולקצין* (Судьи 11, 8—11). Но и тутъ разница очевидна. Іефтахъ не требовалъ, чтобы его признали пожизненнымъ шофетомъ, да и самое слово „шофеть“ при этомъ не было употреблено,—по той простой причинѣ, что шофтимъ не пользовались той властью, какой Іефтахъ добивался. Гилеадиты должны были такимъ образомъ сдѣлать въ пользу своего спасителя особое исключеніе. Въ ту эпоху колѣна управлялись своими старѣйшинами (*זקנים*), а такъ какъ при большемъ ихъ числѣ необходимо было, чтобы распоряжался кто-нибудь одинъ, то сами старѣйшины назначили изъ своей среды одного—обычно, знатнѣйшаго—„главою“ или „правителемъ“ (*קצין, ראש*), которому принадлежала исполнительная власть, тогда какъ прочіе *זקנים* пользовались однимъ совѣщательнымъ голосомъ. За свои услуги Іефтахъ и потребовалъ отъ гилеадитскихъ старѣйшинъ, чтобы они для

него сдѣлали исключеніе и признали его своимъ главой, хотя онъ не былъ ни старѣйшиной, ни изъ знатной семьи. Въ виду безвыходнаго положенія своего колѣна, старѣйшины должны были признать надъ собою власть Іефтахы, но эта власть простиралась лишь на однихъ гилеадитовъ и для прочихъ колѣнъ не существовала. Однородный примѣръ даетъ исторія сына „судьи“ Гидеона, *Авимелеха*, котораго сихемиты, въ благодарность къ памяти его отца, избрали своимъ царемъ (וימליכו את אבימלך למלך),—а не шофетомъ, такъ какъ этотъ титулъ ни съ какой внѣшней властью не былъ соединенъ.

Шофтимъ, такимъ образомъ, отнюдь не были *summus magistratus consularis imperii* надъ всѣмъ Израилемъ и едва ли даже надъ одними своими колѣнами. Но съ другой стороны они не были и судьями, а тѣмъ менѣе верховными судьями народа. Довольно трудно въ самомъ дѣлѣ представить себѣ искателя приключеній Самсона съ его удалыми выходками въ роли степеннаго судьи. Въ данномъ случаѣ всѣхъ вводитъ въ заблужденіе слово שפט. Если какой-нибудь шофетъ и исполнялъ иногда судебныя функціи—рѣшительнаго примѣра на этотъ счетъ мы въ источникахъ не находимъ—то эта была простая случайность, такъ какъ *правомъ* творить судъ „судьи“ никогда не пользовались хотя бы въ однихъ своихъ колѣнахъ. Первоначальное значеніе глагола שפט, какъ и глагола ין было: „вступаться за угнетаемаго и обижаемаго, оказывать ему помощь, защищать его отъ обидчиковъ“. Примѣры: שפטו דל ויתום (Псаломъ 82,3) לשפט יתום ודף (т. же 10, 18), ישפט עני עם (т. же 72,4). Настоящіе судьи у израильтянъ назывались שפט именно и только потому, что они вступались или должны были вступаться за угнетенныхъ и оскорбленныхъ. Глаголь שפט употреблялся поэтому не только въ значеніи „судить“, но и: „преслѣдовать, карать, наказывать“.

Роль „судей“ сводилась къ тому, что они въ критическіе моменты выступали на защиту своего колѣна, избавляли его отъ опасности, оказывали ему помощь въ борьбѣ съ врагами. Оттого ихъ называли также, מושיעם, т. е. помощниками, спасителями, избавителями. Объ Отніелѣ, на примѣръ, такъ и сказано: ויקם ה' מושיע לבני ישראל ... את עהניאל (Судьи 3,9); то же говорится и объ Эгудѣ (т. же, 15). Не народъ, слѣдовательно, выбиралъ себѣ „судей“, а самъ Богъ возлагалъ на нихъ освободительную миссію, поручая имъ выступить на защиту тѣснаго колѣна; וכי הקים ה' ויקם ה' שפטים ויושיעום מיד שוניהם (т. же 16)... להם שפטים (Суд. 2,18),

О Самсонѣ сказано: והוא יחל להושיע את ישראל מיד פלשתים (т. же 13, 5), искажаютъ истинный смыслъ фразы וישפט את ישראל, когда ее переводятъ: „онъ судилъ израильскій народъ“, потому что глаголь וישפט въ этомъ случаѣ равнозначущъ съ ויושיע или ויגיל, и приведенная фраза такимъ образомъ означаетъ: „онъ спасалъ Израиль, помогалъ ему, защищалъ его отъ враговъ“. И это относится не только къ судьямъ-воинамъ Отниелю, Эгуду, Шамгару, Вараку, Гидеону, Иефтаху и Самсону, но и къ болѣе мирнымъ шофтимъ, какъ Тола, Яиръ, Ибцанъ, Элонъ, Авдонъ, о подвигахъ которыхъ преданія почти ничего не сообщаютъ, и даже къ первосвященнику Элію и пророку Самуилу. Объ этомъ послѣднемъ говорится, что онъ וישפט את ישראל כל ימי חייו (Сам. I 7, 15), и при этомъ прибавлено, что онъ велъ израильтянъ въ войну (т. же 9—12). О *Яиръ*, гилеадитскомъ шофетѣ, о которомъ Книга Судей (10, 4) сообщаетъ лишь, что онъ „судилъ“ 22 года и при этомъ, что ему принадлежалъ קוֹת יַאִיר, мы изъ другихъ источниковъ (Числа 32, 41; Второзак. 3, 14) знаемъ, что онъ эти города завоевалъ оружіемъ. Составитель Книги Судей многихъ шофтимъ перечисляетъ лишь по именамъ, вѣроятно потому, что ихъ дѣянія ему не были извѣстны, либо потому, что подробное описаніе ихъ не соответствовало его цѣлямъ. Тожественное значеніе глаголовъ שפט и הושיע видно еще изъ слѣдующаго выраженія пророка Обадіи (1, 21): ועלו מושעים בהר ציון לשפט את הר שוע—„придутъ спасители („судьи“) къ горѣ Сіонъ, чтобы наказать гору Исава“, т. е. отомстить идумейцамъ за израильтянъ.

Аналогія между шофтимъ и суфетами такимъ образомъ хромаетъ на обѣ ноги. За небольшими исключеніями израильскіе „судьи“ были воинами, героями, освобождавшими одно свое или нѣсколько сосѣднихъ колѣнъ отъ иноплеменнаго ига. Если они послѣ своихъ побѣдъ и въ награду за нихъ получали власть надъ спасеннымъ ими колѣномъ, — по предварительному-ли договору какъ это имѣло мѣсто у Іефтаха, или tacitu consensu, какъ у нѣкоторыхъ другихъ,—то это было случайностью, а не общимъ правиломъ; судьями-же народа эти „судьи“ никогда не были.

V.

„Соферъ“ и „Мазкиръ“. Чѣмъ они были?

(Къ стр. 219-220).

Историки нерѣдко впадаютъ въ грубыя ошибки и искажаютъ историческіе факты, насильственно сближая слова совершенно

различнаго значенія единственно на томъ основаніи, что они сходно звучатъ. Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ заблужденія, къ какимъ изслѣдователей еврейства привели такого рода этимологическія манипуляціи. На этотъ разъ я желаю лишь выяснитъ происхождение и настоящее значеніе словъ ספר и מזכיר, которыми при дворѣ Давида названы были чиновники. впервые получившіе специальное назначеніе.

Филологи указываютъ между прочимъ на то, что въ арамейскомъ, ново-еврейскомъ, а также и въ арабскомъ языкахъ глаголь ספר означаетъ: „скоблить, соскабливать, стричь“ и отсюда ספר значитъ „стригунъ“, а מספרים — ножницы; тоже существительное во всѣхъ названныхъ языкахъ означало кромѣ того, „морской берегъ“ и „границы“. Но такъ какъ всѣми этими значеніями никакъ нельзя объяснить того, что еврейскій глаголь ספר чаще всего употреблялся въ смыслѣ „считать“, а ספר — „разсказывать“, то этимологи откопали „первоначальное“ значеніе этого глагола: „вырѣзывать на камнѣ“, указывая при томъ, что онъ въ арабскомъ *въ видѣ исключенія* употреблялся въ значеніи: „писать книги“. Ссылаясь на это исключительное значеніе слова ספר, филологи между тѣмъ совершенно обходятъ молчаніемъ его гораздо болѣе употребительныя у арабовъ значенія, а именно: „путешествовать“ и „надѣвать на верблюда намордникъ“, — обходятъ потому, что этими значеніями никакъ невозможно объяснить дѣйствительнаго смысла даннаго слова въ еврейскомъ языкѣ. Между тѣмъ съ того, что арабы этимъ словомъ называютъ всякую большую книгу и специально — Пятикнижіе, филологи могли-бы догадаться, что значеніе глагола ספר „писать книги“ арабами просто заимствовано у евреевъ. Для того, чтобы выяснитъ, чѣмъ собственно были соферы при израильскихъ царяхъ, вообще нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ арабскому и арамейскому языкамъ, — достаточно вспомнитъ въ какомъ значеніи глаголь ספר употреблялся въ самомъ еврейскомъ языкѣ. Дѣйствительно ספר, какъ выше сказано, означалъ „считать“. а въ формѣ Piel (ספר) — „разсказывать“, т. е. „пересчитывать событія по порядку“: ויספרו לו את כל המצאות אותם (Iosua 2, 23); ספרה נא לי את כל הגדלות עשה אלישע (Цари II, 8, 4). ספר значилъ также: „давать отчетъ объ извѣстномъ лицѣ, описать дѣянія современника“, а отсюда: „хвалить, славить, возвеличивать“. Отъ этого и произошли выраженія ספר כבוד и ספר תהלות, а также и מפלים и נפלאות. Первоначальное, основное значеніе существительнаго ספר было та-

кимъ образомъ „счетчикъ“, человекъ, который считаетъ, ведетъ счетъ чему-нибудь. Начиная отъ Давида такой счетъ вели числу людей, которыхъ вербовали на войну,—по 1000 отъ каждаго колѣна, либо постолько же отъ каждаго большого и по 100 отъ маленькаго города (Амосъ 5, 3). פָּרָרָה имѣло приблизительно тоже значеніе, что и греческіе *katalegein sratiotas*, набирать воиновъ, потому что на вербованные ополченцы вносились съ особый списокъ; тотъ же, кто этимъ дѣломъ занимался, назывался פָּרָרָה, какъ у грековъ *katalogeus*—человекъ, составляющій реестръ, списокъ. Какъ этотъ *katalogeus* велъ списокъ—*katalogos*—греческихъ воиновъ, такъ פָּרָרָה велъ такой же списокъ израильскихъ воиновъ—פָּרָרָה. Это послѣднее слово такимъ образомъ первоначально не означало ничего другого, какъ воинскій списокъ,—длинный свитокъ папируса, въ который были занесены имена на вербованныхъ воиновъ. Что должность софера была чисто-военная, ясно видно изъ Іереміи (52, 25) и изъ Книги Царей (II, 25, 19): הפָּרָרָה שֶׁר הַצֹּבָא הַמְּצֹבָא אֶת עַם הָאָרֶץ. И только позже словомъ פָּרָרָה стали называть всякаго писца вообще, а словомъ פָּרָרָה всякій свитокъ: סֵפֶר כְּרִיתוֹת и סֵפֶר הַמִּקְנָה (ср. также Числа 5, 23). Впослѣдствіи когда слово פָּרָרָה стало служить лишь для обозначенія свитковъ большихъ размѣровъ, для маленькихъ свитковъ ввели новое выраженіе; מִגְלָל פָּרָרָה. И еще много позже, когда словомъ פָּרָרָה начали называть книги и специально Книгу Закона סֵפֶר הַתּוֹרָה — только тогда слово פָּרָרָה стали употреблять въ значеніи тождественномъ съ סֵפֶר — „человѣка книжнаго“. Вообще при опредѣленіи значенія слова פָּרָרָה надо строго различать между временемъ до и послѣ изгнанія.—Первый учредилъ должность соферовъ Давидъ, такъ какъ при частыхъ войнахъ ему необходимо было имѣть точныя свѣдѣнія о численности ополченія, которымъ онъ могъ располагать для даннаго похода. Первый занималъ эту должность Шаиша или Шиша, отъ котораго она перешла къ его потомству. При царѣ Іоіакимѣ было даже два счетчика (Іеремія 36, 10—12). Послѣднимъ занималъ эту должность Іонатанъ, при царѣ Цидкїи.

Другого царскаго чиновника מְזַכֵּיר по такому же недоразумѣнію считаютъ чѣмъ-то въ родѣ придворнаго историографа, лѣтописца израильскихъ царей, *cujus erat, res gestas regis et historiam imperii conscribere*. Изъ древнихъ народовъ между тѣмъ такая должность существовала у однихъ персовъ, отъ которыхъ Давидъ не могъ ее заимствовать; у египтянъ-же не было обыкновенія вести правильныя лѣтописи. При обилии египетскихъ памятниковъ и широ-

ковѣщательныхъ надписей на нихъ, египетская исторія поэтому очень бѣдна историческими записями. Для того, чтобы выяснить, чѣмъ собственно были израильскіе мазкиры, надо обратиться, къ исторіи самыхъ израильтянъ, а не къ чужимъ памятникамъ. У израильтянъ издревле существовалъ особый *זכרון ספר*, „Свитокъ воспоминанія“, въ который заносились имена мужей праведныхъ и заслуженныхъ (Малахія 3, 16). Съ другой стороны извѣстно, что и имена, „недостойныхъ и враговъ народа“ также заносились на память въ особый свитокъ (Ср. Іешая 4, 3) *כל הכתוב לחיים* и (Псаломъ 113, 16) *ועל ספרך זלם יכתבו*) Если челоѣкъ, имя котораго фигурировало въ списокѣ достойныхъ, бывалъ затѣмъ уличенъ въ недостойномъ поступкѣ, то имя его вычеркивалось изъ этого списка; отсюда выраженіе *מפך מטה* (Исх. 32, 32—33, Пс. 69, 29) и *מפך קדו* (Нехемія 13, 14); чье-либо имя или заслуги вычеркивать изъ списка праведныхъ дѣяній. Наоборотъ, и поступки также вычеркивались изъ другого списка, если совершившій ихъ былъ помилованъ; отсюда выраженіе *מפך עון, פשע, חטא*. Царямъ, разумѣется, всего важнѣе было, чтобы аккуратно отмѣчались имена тѣхъ, которые чѣмъ-нибудь провинились лично предъ ними; проступки такихъ лицъ записывались съ особой обстоятельностью, для того, чтобы при случаѣ ихъ можно было освѣжить въ памяти: это называлось *מוזיר עון*; „приводить на память вину“ (Цари I, 17, 18: Іехезкель 29, 16), и еще яснѣе *למחמת מוזיר עון*: „Напоминать о проступкѣ, для того чтобы провинившійся былъ задержанъ, наказанъ“. Вотъ для этого-то и служилъ *מוזיר*. Его обязанностью, было вести списокъ всѣмъ друзьямъ и врагамъ царя, записывать съ одной стороны услуги, ему оказанныя, а съ другой—оскорбленія величества, которыя не могли быть тотчасъ наказаны, дабы царь могъ сдѣлать это при подходящемъ случаѣ *עו פקידך*. Ничего общаго съ историками или лѣтописцами эти мазкиры такимъ образомъ не имѣли. Они были просто чиновниками, въ частныхъ или династическихъ интересахъ царя отмѣчавшими заслуги и проступки его сановниковъ. Независимо отъ этой прямой обязанности своей и по особому царскому порученію первый мазкиръ составилъ, вѣроятно, именно списокъ Давидовыхъ „гибборимъ“, сохранившійся во II Книгѣ Самуила (23, 8—39), а также и краткое описаніе ихъ поединковъ, приложенное къ 21 главѣ той же Книги; другой мазкиръ, повидимому, составилъ списокъ областныхъ правителей при Соломонѣ (Цари I, 4, 8—19). Эти и нѣкоторыя другіе списки могли впослѣдствіи служить матеріаломъ для

израильскихъ лѣтописей (דברי הימים), которые навѣрно существовали уже при Соломонѣ, хотя Библия почему-то упоминаетъ о нихъ впервые лишь при разсказѣ о царѣ Рехавеамѣ.

VI.

Морская торговля съ Офиромъ. Предметы ввоза и вывоза. Бальзамъ.

(Къ стр. 269—270),

О странѣ Офиръ и специально о ея географическомъ положеніи новѣйшими историками и географами съ Риттеромъ („Sinai Halbinsel“ I, 351 и др.), во главѣ написано не мало любопытныхъ изслѣдованій. Наболѣе убѣдительнымъ представляется мнѣніе Лассена („ludische Alterthümer“ 539 и др.), доказавшаго тождественность библейскаго אופירъ съ страной Abhira у устьевъ рѣки Инда. Страна эта была извѣстна также и древнимъ грекамъ, которые называли ее Abygia. Что указаніе Лассена соотвѣтствуетъ дѣйствительности, доказывается не только сходствомъ именъ „Офиръ“ и „Абира“, но и свѣдѣніями, сообщаемыми Книгою Царей (I, 10, 11 и слѣд. 22) о предметахъ, вывезенныхъ израильскими мореходами изъ этой страны. Тутъ были не только золото и серебро, но и שנהבים וקופים ולבנים (אלגונים). Всѣ эти слова—старо-индійскія, а это доказываетъ, что обозначаемыя ими животныя и растенія доставлялись въ Израильскую землю изъ Индіи. Слово קרן, обезьяна, по санскритски karī, перешло и въ греческій языкъ (kuros, keiros), чрезъ посредство финикіянь. Слово לבנים, въ единственномъ числѣ לבני, павлинь, по малабарски звучитъ Tagai, по санскритски Sikki (Звукъ t въ этомъ языкѣ переходитъ въ c). אלגונים, въ единственномъ числѣ אלגון, сандальное дерево, произрастающее въ Индіи, по санскритски называется valga. Золото, добываемое въ Индіи, въ еврейской литературѣ носитъ названіе זהב אופיר, или просто אופיר, или иначе אופו и сокращенно פז. שנהבים, или какъ Rödiger правильно отдѣляетъ שן והבים, слоновая кость, могла быть ввозима и не изъ Индіи, такъ какъ слоны водятся и въ Африкѣ. Напротивъ הבים или הובנים (Iехезкель 27, 15) въ единственномъ числѣ הובן, черное дерево, могло быть доставляемо только изъ Индіи.

Сверхъ перечисленныхъ, въ Библии встрѣчаются еще названія нѣкоторыхъ другихъ растеній, произрастающихъ въ одной

Индіи и носящихъ поэтому въ еврейскомъ языкѣ индійскія названія, доказывающія, что израильтяне уже въ самую древнюю эпоху поддерживали сношенія съ этой страной. Это, во-первыхъ, קמניס, корица, по малайски называемая kaimanis.. По словамъ Геродота этотъ продуктъ и самое названіе его (по гречески κινναμωμον) стали извѣстны грекамъ черезъ финикіянь. קמניס или קמניס, греч. ketto, кассія, есть также индійскій продуктъ, какъ и נרד, нардь, индійское Narda. Всѣ эти произведенныя и еще кое-какія безъ сомнѣнія доставлялись израильтянамъ изъ Индіи. Но какимъ путемъ и черезъ чье посредство? Доподлинно извѣстно, что греки и другіе народы запада получали всѣ индійскіе продукты отъ финикійскихъ торговцевъ. Но такъ какъ эти послѣдніе не поддерживали сношенія съ тѣми гаванями, которыя черезъ Красное море вели изъ Ханаана прямо въ Индію, т. е. съ Айлатомъ и Эціонъ-Геверомъ, со времени завоеванія Давидомъ Идумейской земли принадлежавшими израильтянамъ, и такъ какъ источники категорически сообщаютъ, что Соломонъ по предложенію финикійскаго царя Хирама посылалъ въ Офиръ суда именно черезъ эти гавани, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что израильскіе корабли первые и стали вывозить перечисленные продукты изъ Офира или Индіи.

Какіе именно предметы израильскіе мореходы вывозили изъ этой страны намъ болѣе или менѣе извѣстно. Источники перечисляютъ одни самыя цѣнные и рѣдкіе: золото и слоновую кость, обезьяны и павлины, сандачное и черное дерево, обходя менѣе важные продукты, какъ корицу, кассія, нардь и др. Гораздо труднѣе установить, какія именно произведенія своей страны израильтяне вывозили въ Индію. Ибо за всѣ тѣ цѣнные товары, которые они вывозили изъ Офира, они должны же были платить другими товарами, и притомъ такими, какихъ эта страна не производила. Корабли, отправлявшіеся въ Офиръ, должны же были взять съ собою какой-нибудь грузъ. Источники между тѣмъ не даютъ никакихъ указаній насчетъ того, изъ чего эти грузы состояли. Можно во всякомъ случаѣ допустить, что финикіяне, по почину которыхъ Соломонъ и завязалъ сношенія съ Офиромъ, воспользовались ими въ своихъ торговыхъ интересахъ и нагружали израильскія суда произведеніями своей страны или товарами, которые они вывозили изъ другихъ странъ запада и которые въ Офирѣ находили сбытъ. Но съ другой стороны трудно допустить, чтобы Соломонъ построилъ цѣлый флотъ исключительно для нуждъ

финикійской торговли и вовсе не вывозилъ на немъ продуктовъ Израильской земли. Ибо если бы это было такъ, то израильскіе корабли не могли бы привозить съ собою изъ Офира такія большія количества (по 600 пудовъ заразъ, см. стр. 270) золота, серебра и разныхъ другихъ весьма цѣнныхъ товаровъ. Но что же именно израильтяне могли возить въ Офиръ такого, чего у нихъ на родинѣ было много, а въ Офирѣ такъ мало, что мѣстные торговцы охотно могли принять эти продукты въ обмѣнъ за свои товары? Изъ Іехезкеля мы знаемъ, какіе предметы Израильская земля производила въ столь большихъ количествахъ, что часть ихъ могла вывозить въ чужія страны. Въ грандіозной картинѣ, которую этотъ пророкъ даетъ о торговлѣ финикійскаго города Тира между прочимъ упоминаются предметы, которые этотъ городъ вывозилъ изъ Іудеи и Израіля *שמן וכסף וזהב וכלי כסף וכלי זהב וכלי כסף וכלי זהב* (Іехезкель 27, 17). Итакъ эти земли могли вывозить: пшеницу, медъ, (финиковый), оливкое масло и бальзамъ. Что означаетъ слово *גב*, неизвѣстно. Однако, пшеницу, медъ и масло Соломонъ едва ли могъ вывозить въ Индію, такъ какъ эта страна сама изобиловала этими продуктами. Единственнымъ предметомъ израильскаго экспорта въ Индію могъ быть такимъ образомъ только бальзамъ, при Соломонѣ уже пользовавшійся всесвѣтной извѣстностью и огромнымъ спросомъ, какъ чудодѣйственное цѣлебное средство.

Греческіе и римскіе писатели единогласно утверждаютъ, что настоящій бальзамъ водился исключительно въ Палестинѣ. На этотъ счетъ мы находимъ прямыя указанія у Діодора Сицилійскаго (II, 48, XIX, 95), Страбона (16, 40, p. 763), Трога-Помпея (Justinus, 36, 3) и у Плинія (26, 54: „Sed omnibus odoribus braefertur balsamum uni terrarum Iudaea concessum“). Показанія эти, однако, преувеличены, такъ какъ самъ Діодоръ, напримѣръ, сообщаетъ, что бальзамные кусты были найдены также и въ Аравіи, въ странѣ Савеѣ. Аравія, по всей вѣроятности, и есть родина всѣхъ бальзамныхъ деревьевъ или кустовъ: мирры (*Balsamodendron myrrha*), аравійскаго ладоннаго дерева и меккскаго бальзамника (*Balsamodendron Gileadense* или *Amuris Gileadensis*). Этотъ послѣдній видъ и есть тотъ самый, который произрасталъ и въ Палестинѣ. Но гдѣ именно? Чрезвычайно нѣжный кустъ этотъ для правильнаго роста своего требуетъ не только особой почвы, но и весьма высокой и притомъ равномерной въ теченіе круглаго года температуры. А такія климатическія условія въ Пале-

стинѣ можно найти лишь въ Заіорданской ея половинѣ, въ одной гилеадской области. Правда, и въ Библии и у греческихъ писателей мы находимъ указанія на то, что драгоцѣнный кустъ водился кое-гдѣ и внѣ Гилеада,—въ оазисахъ Энгади и Цоарѣ; извѣстно также, что его впослѣдствіи разводили и въ Іерихонѣ, и въ Газѣ, и въ Тиверіадѣ. Но при Соломонѣ онъ произрасталъ исключительно въ Гилеадѣ, и притомъ не во всей области, а лишь въ одной мѣстности Бетъ-Харанѣ или Бетрамтѣ, библейской בית הרם или בית הרן, римскій Libias. Развалины этой мѣстности, которую туземцы называли Er-Rameh, недавно найдены: онѣ находятся неподалеку отъ понынѣ существующей арабской деревни Keterein, приблизительно на разстояніи одного часа пути къ востоку отъ устья въ Іордана и къ сѣверу отъ Мертваго моря. Бетрамта, такимъ образомъ, дѣйствительно принадлежала къ гилеадскимъ владѣніямъ. Оттого и самый бальзамъ, въ ней произраставшій, извѣстенъ подъ названіемъ „гилеадскаго“ (Ср. Іеремія 8, 22: 46, 11).

Изъ исторіи извѣстно, что Иродъ Антипа, римскій намѣстникъ Галилеи въ I вѣкѣ по Р. Х., приказалъ укрѣпить Бетрамту или Бетъ-Харанѣ, придавая ей, повидимому, большое значеніе. Во время Іудейской войны, римлянамъ изъ-за нея же пришлось выдержать нѣсколько большихъ сраженій съ іудеями. Впослѣдствіи Бетрамта была даже одно время епископской резиденціей. Такое значеніе эта отдаленная и ничѣмъ другимъ не замѣчательная мѣстность получила исключительно благодаря своему бальзаму. Отсюда его уже въ самыя незапамятныя времена вывозили въ Египеть (Бытіе 37, 25) и, какъ мы видѣли изъ Іезекеля, въ финикію, торговцы которой экспортировали его далѣе, въ Грецію и Римъ. Можно такимъ образомъ считать вполне установленнымъ тотъ фактъ, что израильтяне въ Гилеадѣ издревле занимались въ обширныхъ размѣрахъ разведеніемъ бальзамнаго куста съ чисто-промышленными цѣлями, добывали изъ него цѣлебныя капли и вывозили ихъ во всѣ извѣстныя тогда страны. Этотъ-то гилеадскій бальзамъ и былъ тѣмъ единственнымъ продуктомъ Израильской земли, который Соломонъ на своихъ судахъ вывозилъ въ Индію, получая отъ нея взаменъ золото, серебро и прочія произведенія этой богатой страны.

VII.

Уримъ и Тумимъ.

(Къ стр. 291)

О сущности и значеніи такъ-называемыхъ „Уримъ и Тумимъ“ учеными изслѣдователями были высказаны самыя различныя мнѣнія, изъ которыхъ одни просто смѣшны, а другія нисколько не разъясняютъ дѣла (См. объ этомъ обстоятельную статью Дистилля въ „Herzog's Real-Encyklopaedie, XVI, 742 и дд.). Ни одинъ изъ этихъ изслѣдователей не замѣтилъ, что сама Библия даетъ исходную точку для объясненія значенія Уримъ и Тумимъ. Третій стихъ 43-го псалма гласитъ: שלח אורח ואמתך המה ינחוני יביאוני. Здѣсь существительныя אור и אמת употреблены въ единственномъ числѣ вмѣсто множественнаго אורים и תמים если имѣть въ виду, что слово תמים — синонимъ слово אמת и подобно ему значить: истина, правда (Ср. Амось 5, 10 и Іошуа 24, 14). Смыслъ приведеннаго стиха такимъ образомъ ясенъ, авторъ его молить у Бога, чтобы Онъ послалъ ему „Уримъ и Тумимъ“, т. е. свѣтъ и истину, или другими словами, свое Божье слово, откровеніе которое-бы „вело“ молящаго и привело къ „Обителямъ Господней“. Въ томъ же значеніи истины очевидно слѣдуетъ понимать и выраженіе תמים הבה (Сам. I, 14, 41). תמים здѣсь замѣняетъ, תמים и греческій переводчикъ правильно перевелъ его aliteia—истина, правда. Такъ какъ слово משפט означаетъ между прочимъ и „неизмѣнный приговоръ“ (Притчи 29, 25): מה' משפט איש, то смыслъ выраженій משפט האורים и משפט השן המשפט (Чис. 27, 21) вполне ясенъ: они означаютъ щитъ на груди первосвященника, вѣщавшій волю Божью. Несовсѣмъ ясно лишь слово אורים. Это во всякомъ случаѣ множественное число отъ אור, и въ данномъ случаѣ употреблено въ этомъ числѣ, очевидно, только для созвучія съ תמים, подобно тому, какъ изъ אלה שאלה ради слѣдующаго за нимъ לקעצה (Іешая 7, 11) אור въ еврейскомъ языкѣ употребляется также и въ значеніи „блеска, сіянія“ (ср., напримѣръ, выраженія אור פנים и אור עינים). אורים такимъ образомъ должно означить блескъ или сіяніе, отъ многихъ предметовъ исходящее. Значеніе это вполне примѣнимо къ сіянію, исходившему отъ двѣнадцати драгоценныхъ камней, которыми былъ украшенъ первосвященнической щитъ. Подъ אורים такимъ образомъ подразумѣвались самыя камни, а слово תמים прибав-

влялось къ אורים для того, чтобы внушить мірянамъ, что слово, возвѣщенное первосвященникомъ, истинно и вѣрно. Изъ упомянутого уже выше 21-го стиха 27 главы Чисель слѣдуетъ, что первосвященники, когда къ нимъ за тѣмъ обращались, возвѣщали Божью волю, объявляли Его рѣшенія. А такъ какъ эти рѣшенія, во-первыхъ, передавались черезъ камни щита и, во-вторыхъ, были самой истиной, то они иначе и не могли называться, какъ משפט ותמים אורים. Что подъ אורים ותמים понимали ничто иное, какъ эти двѣнадцать драгоценныхъ камней, слѣдуетъ прямо изъ классическаго описанія первосвященническаго щита (Исх. 28, 15—30), — иначе будетъ совершенно непонятно то мѣсто въ этомъ описаніи, которое гласитъ ונתת אל חשן המשפט את האורים ואת התמים (Исх. 28, 30). Что собственно надо было „дать“ щиту, т. е. вставить въ него, если не камни? Если подъ вставкой въ „хошень“ здѣсь подразумѣвался какой-либо другой предметъ, то въ виду его важнаго значенія тутъ же слѣдовали бы детальныя указанія на счетъ его изготовленія. А между тѣмъ въ подробнѣйшемъ описаніи первосвященническаго облаченія объ этомъ предполагаемомъ предметѣ нѣтъ ни одного слова. Ясно, что уримъ ве-тумимъ были ничто иное, какъ эти двѣнадцать камней. Въ Левитѣ (8, 9) говорится поэтому только ויתן אל החשן אבני זכרון, и не прибавлено, что „хошень“ украшенъ драгоценными камнями: это само собой разумѣется, ибо безъ нихъ онъ не имѣлъ бы никакого значенія. Въ описаніи „хошена“ (Исх. 28, 17) поэтому такъ прямо и сказано: וכלאת בו (בחשן) מלאת אבן, т. е., что въ него должны быть вставлены камни. Ясно, что „хошень“ или щитъ служилъ лишь вмѣстилищемъ, оправой для камней или для уримъ ве-тумимъ. Подобно тому, какъ два оникса, украшавшіе наплечники эфода, назывались אבני זכרון, „камнями воспоминанія“, точно такъ и двѣнадцать камней „хошена“ должны были называться אבני אורים ותמים. Выраженіе ונתת את האורים ואת התמים представляетъ поэтому простое сокращеніе, съ опущеніемъ слова (אבני). Изъ цитированнаго мѣста Книги Исхода слѣдуетъ, во-первыхъ, что число 12 означало 12 израильскихъ колѣнъ и, во-вторыхъ, что камни должны служить для возвѣщенія чрезъ нихъ Божьей воли. О первомъ моментѣ говорится (ст. 29) ונשא אהרן את משפט בני ישראל על לבו, а о второмъ (ст. 30) ונשא אהרן את משפט בני ישראל על לבו. Это „рѣшеніе для Израиля“ Аронъ носилъ на своемъ сердцѣ, нося уримъ и тумимъ (т. же האורים על לבו), а это были именно камни.

Что Уримъ и Тумимъ были въ дѣйствительности ничѣмъ инымъ, какъ двѣнадцатью разноцвѣтными камнями, доказывается еще путемъ аналогіи, на которую первый указалъ Гуго Гроціусъ (De veritate christiana religionis I, 16, прим. 113). Claudius Aelianus въ своихъ *Variae historiae* (XIV, 34) рассказываетъ, что египетскіе первые жрецы, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и верховными судьями, носили на шеѣ какое-то изображеніе изъ одного сапфира, и что это изображеніе называли „истиной“. Нѣчто въ этомъ родѣ передаетъ и Діодоръ Сицилійскій (*Bibliotheca* I, 48, р. 58). На стѣнной картинѣ въ одномъ египетскомъ храмѣ были, по его словамъ, изображены 30 судей и въ центрѣ группы была фигура верховнаго судьи-жреца, „съ шеи котораго свѣшивалась *истина*“. Въ другомъ мѣстѣ (т. же 75, стр. 87) Діодоръ сообщаетъ, что египетскій верховный судья носилъ на шеѣ, на золотой цѣпи, образокъ изъ драгоценныхъ камней, которыхъ жрецы называли *истиной*. Изображеніе это по всей вѣроятности представляло египетскую богиню истины, Тмэ. Образокъ, или камни, которыми онъ былъ укрѣпленъ, могли, разумѣется, имѣть лишь одно значеніе, а именно, что приговоры верховнаго судьи-жреца истинны и вѣрны. Своимъ священнослужителямъ древніе народы вообще приписывали волшебную силу и поэтому все, что они ни дѣлали и говорили, считалось истиннымъ и справедливымъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что „хошень“ израильскихъ первосвященниковъ былъ заимствованъ у египтянъ, а не наоборотъ, какъ думаетъ Гуго Гроціусъ. Въ пользу этого мнѣнія свидѣтельствуетъ сходство израильскаго нагрудника во многихъ деталяхъ съ болѣе древнимъ египетскимъ образкомъ: тѣ же драгоценные камни, та же цѣпь, на которой „хошень“ висѣлъ, и тоже названіе „истина“, אמת; выраженіе אמת, приговоръ, обычно сопровождающее слово אמת, также указываетъ на египетское происхожденіе послѣдняго. Однако, первосвященническая „истина“ вовсе не была простой копіей съ египетской, а напротивъ, значительно уклонялась отъ своего оригинала. Прежде всего число камней было въ ней увеличено до двѣнадцати, по числу израильскихъ колѣнъ; „хошень“ затѣмъ носили не на шеѣ, какъ въ Египтѣ, а на груди, и наконецъ посредствомъ него объявлялись не судебные приговоры, а рѣшенія самого Іеговы. Изображенія у израильтянъ также никакого не было, ибо у нихъ не было и богини Тмэ. Мнѣніе односго ученаго (Knobel, zu Exodus, 288) о томъ, что израильское אמת происходитъ отъ египетскаго Tme совершенно невѣрно, ибо это

слово представляетъ множественное число чисто-еврейскаго слова, какъ ׀׀׀׀ есть множественное число отъ ׀׀׀. Также неосновательно и другое предположеніе, будто Уримъ и Тумимъ были унизанныя драгоценными камнями фигуры, прикрѣплявшіяся къ „хошену“. Если бы это было такъ, то при описаніи „хошена“ и эти фигуры были бы безъ сомнѣнія подробно описаны, какъ главная его составная часть. Не слѣдуетъ къ тому же забывать, что никакія фигуры, вообще, не могли украшать груди первосвященника, такъ какъ всякое религіозное изображеніе противорѣчитъ духу израильскаго вѣроученія. Главной составной частью „хошена“ были такимъ образомъ его двѣнадцать драгоценныхъ камней. Отъ своего блеска они получили названіе ׀׀׀׀, а по тому дѣйствию, котораго отъ нихъ ожидали—второе свое названіе ׀׀׀, т. е. истина, вѣрность.

VIII.

Хронологія.

Библейская хронологія страдаетъ кое-какими противорѣчіями, которыя съ перваго взгляда представляются какъ будто совершенно непримиримыми. Не желая или не умѣя въ нихъ разобраться, иные историки прямо отвергали всю израильскую хронологію, другіе же пытались и до сихъ поръ пытаются „исправить“ ее съ помощью египетской и ассирійской. И въ томъ и въ другомъ случаѣ лѣченіе оказывается, однако, гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ сама болѣзнь, которую хотятъ исцѣлить. Израильской хронологіи рѣшительно незачѣмъ считаться съ египетской, по той простой причинѣ, что она несравненно надежнѣе ея. Въ первой колебанія въ самомъ худшемъ случаѣ не превышаютъ какихъ-нибудь двухъ десятковъ лѣтъ, тогда какъ во второй они доходятъ до цѣлыхъ тысячелѣтій. Wuttke въ своей „Geschichte der Schrift und des Schiffthums“ (I, 488) говоритъ: „Началомъ царствованія фараона Менеса считаютъ: Генне—6467 г. до Р. Х., Шамполлионъ-Фижакъ—5867, Лесюэръ—5788, Беки—5702, Гехекіанъ-Бей—5652, Унгеръ—5613, Анри—5303, Ленорманъ—4915, Барукки—4890, Бругшъ—4455, Пикерингъ—около 4400, Лаутъ—4175, Гинксъ—3895, Лепсіусъ—3892, Бунзенъ—3623, Майеръ—3187, Гумпахъ—2785, Улеманъ—2782, Зейфартъ—2781, Пуль—2717, Глиддонъ—около 2700, Причардъ—около 2400, Кнетель—2387, Вилькинсонъ—2330, Памеръ—2224 и, наконецъ

Гофманъ—2182 г.“ Для одного и того же событія мы имѣемъ такимъ образомъ двадцать шесть хронологическихъ датъ, которыя всѣ основаны на тщательныхъ изысканіяхъ, а въ противоположныхъ полюсахъ своихъ расходятся между тѣмъ не болѣе и не менѣе какъ на 4285 лѣтъ!.. Я и самъ взялся было вычислить, когда этотъ миѳическій Менесъ дѣйствительно вступилъ на престолъ, но ничего не добился и бросивъ это бесплодное занятіе въ результатѣ пришелъ къ тому заключенію, къ какому до меня еще пришелъ Платтъ,—что при тѣхъ средствахъ, какими мы теперь располагаемъ, всякія заключенія насчетъ времени воцаренія этого фараона по необходимости будутъ совершенно произвольными. Вся египетская хронологія, между тѣмъ, прямо и всецѣло зависитъ отъ времени вступленія на престолъ Менеса, какъ перваго царя первой египетской династіи, которымъ открывается непрерывный рядъ слѣдующихъ за нимъ царей и династій. Если начало этого ряда не поддается исчисленію, то и вся исторія Египта въ хронологическомъ отношеніи остается неопредѣленной величиной. Но можетъ быть хронологія позднѣйшей эпохи египетской исторіи, совпадающей съ эпохой израильскихъ царей, болѣе надежно? Ссылаясь на указаніе Цензорина, по которому фараонъ Менефата изъ XIX династіи воцарился въ 1323 году, египтологи дѣйствительно думаютъ, что эта дата можетъ служить исходной точкой для хронологизаціи дальнѣйшей, послѣ этого фараона, исторіи Египта. По ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, и этотъ фундаментъ оказывается весьма шаткимъ. Указанія относительно времени царствованій отдѣльныхъ фараоновъ въ эту эпоху представляютъ значительныя колебанія. Такъ, по Бругшу Псусенесъ царствовалъ въ 1015—980 гг., а по Рейнишу въ 949—935, Шешенкъ по одному царствовалъ въ 980—959, а по другому въ 935—914. Колебанія, какъ изъ этихъ цифръ видно, относятся не только ко времени царствованій, но и къ ихъ продолжительности. Такихъ и еще болѣе яркихъ примѣровъ египетская „хронологія“ представляетъ сколько угодно. Мыслимо ли пользоваться столь сомнительными данными, какъ регулирующимъ средствомъ? Въ дѣйствительности нормой и коррективомъ можетъ и должна служить не египетская хронологія для израильской, а, наоборотъ, израильская для египетской,—по крайней мѣрѣ за время отъ Соломона до Юшіи.

Другіе ученые (Шрадеръ, Брандесъ и др.) пытались реконструировать израильскую хронологію на основаніи такъ называе-

ныхъ ассирійскихъ „анналовъ“. Въ развалинахъ Ниневіи археологи между прочимъ нашли четыре списка, содержащіе около двухсотъ именъ ассирійскихъ правителей и ихъ чиновниковъ, а также и краткое перечисленіе предпринятыхъ ими разновременныхъ походовъ. Эти весьма неполные и сбивчивые списки ассиріологи произвели въ анналы и съ ихъ помощью умудрились создать нѣчто въ родѣ ассирійской хронологіи. Не довольствуясь этимъ ассиріологи хотятъ изъ этихъ „анналовъ“ сдѣлать синхронистическую норму для исторіи Израиля въ ея царскую эпоху. Надо питать самое слѣпое довѣріе къ этимъ ученымъ, чтобы слѣдовать за ними на этомъ весьма темномъ и скользкомъ пути. Прежде всего приходится имъ вѣрить на слово, что они правильно дегинфируютъ свою клинопись. Сами ассиріологи между тѣмъ въ этомъ совсѣмъ не увѣрены. Оппертъ, напримѣръ, который считается однимъ изъ первыхъ авторитетовъ въ ассиріологии, увѣряетъ, что его коллеги Гинксъ и Роулинсонъ не прочли правильно ни одной ассирійской надписи (*Studien und Kritiken*, 715 и др.). Другіе же ассиріологи въ томъ же самомъ упрекаютъ самого Опперта. Мы съ своей стороны думаемъ, что правы и тѣ и другіе, такъ какъ дѣйствительно нѣтъ труда болѣе тяжелаго и неблагодарнаго, какъ дешифрированіе ассирійскихъ надписей. Клинообразное письмо состоитъ изъ идеографическихъ знаковъ, изъ которыхъ каждый, по показаніямъ самихъ ассиріологовъ, служитъ для изображенія самыхъ различныхъ звуковъ и слоговъ. Такъ, одинъ знакъ, или вѣрнѣе группа знаковъ, читается: Ab, be, ne, ku, da и bil, другая группа служитъ для изображенія слоговъ; Vat, mik, mit и chuv. Неудивительно, что сами ассиріологи питаютъ недовѣріе къ результатамъ своихъ работъ, сколько бы эрудицій и труда они въ нихъ не вложили. Стоитъ въ самомъ дѣлѣ вспомнить, какъ трудно бываетъ иногда даже опытному семитологу разобрать какую-нибудь финикійскую или пуническую надпись, даже если тутъ же имѣется и соотвѣтствующая греческая; несмотря на обиліе всякихъ вспомогательныхъ средствъ, версіи одной и той же надписи въ различныхъ чтеніяхъ въ концѣ-концовъ все-таки сильно расходятся. Объ ассирійскихъ же письменахъ, ключъ къ которымъ представляетъ настоящее *passerpartout*, и говорить нечего. Но если мы даже допустимъ, что упомянутые ассирійскіе списки учеными прочитаны совершенно правильно, то изъ этого, разумѣется, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы они могли сослужить какую-нибудь службу израильской исто-

ріи. Вѣдь для того, чтобы какой бы то ни было хронологической системой можно было пользоваться какъ средствомъ для исправленія данныхъ библейской хронологіи, прежде всего необходимо, чтобы сама эта система покоилась на вполнѣ солидныхъ основаніяхъ и представляла бы нѣчто вполнѣ достовѣрное. Между тѣмъ единственнымъ базисомъ и исходнымъ моментомъ для ассирійской хронологіи служить солнечное затменіе, о которомъ вкратцѣ сообщается въ одномъ изъ ниневійскихъ списковъ. Ассириологи Смитъ и Шрадеръ употребили неимовѣрныя усилія на то, чтобы „открыть“ это затменіе и чтобы вычислить затѣмъ, что оно произошло въ 763 году, а Оппертъ между тѣмъ доказываетъ, что оно *могло* произойти не въ 763 г., а въ 809 году. И на такого рода фундаментахъ ассириологи строятъ свои хронологическія системы, усиленно рекомендуя ихъ вниманію историковъ еврейства! Историки между тѣмъ располагаютъ столь богатымъ и сравнительно весьма надежнымъ хронологическимъ матеріаломъ, что имъ рѣшительно незачѣмъ прибѣгать къ услугамъ гг. египто и ассириологовъ съ ихъ построенными на пескѣ системами.

Внимательное изученіе первоисточниковъ даетъ исторнику полную возможность установить еврейскую хронологію вполнѣ надежнымъ синхронистическимъ путемъ, съ помощью котораго нормируются всѣ библейскія даты отъ Саула до разрушенія Іерусалима,—допуская, что сами по себѣ даты эти точны. Для провѣрки же послѣднихъ и окончательнаго ихъ установленія мы имѣемъ два корректива. Первый состоитъ въ сличеніи параллельныхъ хронологическихъ показаній двухъ источниковъ, Книги Царей и Хроникъ (*Паралипомена*),—для опредѣленія *продолжительности* правленій всѣхъ іудейскихъ царей; вторымъ коррективомъ служитъ синхронизмъ израильскихъ и іудейскихъ царей, вступленія которыхъ на престоль въ Книгахъ Царей всегда даются параллельно одно другому. Этотъ синхронизмъ царствованій можетъ потому служить коррективомъ, что два или три вступленія на престоль параллельныхъ царей вполнѣ совпадаютъ. Поэтому: 1) Отъ раздѣленія царства или отъ вступленія на престоль Рехавеама іудейскаго до смерти Ахазіи іудейскаго же должно было пройти ровно столько лѣтъ, сколько прошло отъ вступленія на престоль Іеровеама израильскаго до гибели Іегорама израильскаго же; 2) число лѣтъ, прошедшихъ затѣмъ отъ вступленія на престоль царицы Аталіи іудейской до кончины царя Узіи

іудейскаго же, должно равняться почти числу лѣтъ, прошедшихъ отъ воцаренія Іегу до смерти Пекахіи израильскихъ, и, наконецъ 3), число лѣтъ, прошедшихъ отъ воцаренія въ Іудеѣ Іотама до шестого года царствованія Хизкіи должно быть равно числу лѣтъ, прошедшихъ отъ воцаренія въ Израилѣ Пекаха до паденія Самаріи. — Съ помощью вышеуказаннаго второго корректива можно было бы хронологію эпохи двуцарствія довести до математической точности, если бы параллельныя даты вполне совпадали. Но такъ какъ онѣ, — съ перваго взгляда, по крайней мѣрѣ, — не вполне гармонируютъ, то историческая критика должна розыскать и выяснить причины этихъ несоотвѣтствій и внести затѣмъ надлежащія поправки. Попытки въ этомъ направленіи не разъ уже предпринимались, но по причинамъ, о которыхъ будетъ сказано ниже, онѣ до сихъ поръ благоприятныхъ результатовъ не дали. Трудности такой работы, о которыхъ надлежащее представленіе могутъ имѣть лишь специалисты, не должны однако отбивать у изслѣдователей охоту къ дальнѣйшимъ попыткамъ въ этомъ направленіи. Настоящая замѣтка и является такого рода опытомъ, имѣющимъ цѣлью дать вполне точную хронологію всей царской эпохи. Прежде всего резюмируемъ вкратцѣ то, что нами уже выше сказано:

І у д а.

Израиль.

1) Отъ Рехавеама до Ахасіи
(включ.).	===	Отъ Іеровеама I до Іегорамы
(включ.).
2) „ Аталіи до Узіи	===	„ Іегу до Пекахіи (включ.).
3) „ Іотама до 6-го года Хизкіи	===	„ Пекаха до Гошеи и паденія Самаріи (включ.).

Безусловная точность перваго изъ этихъ равенствъ давно уже констатирована и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Второе основано на категорическомъ указаніи первоисточника, что Узія царствовалъ 52 года, а Пекахія былъ убитъ на послѣднемъ году его царствованія. Что Узія дѣйствительно царствовалъ 52 года, это доказывается кромѣ того цѣлымъ рядомъ мѣстъ, въ которыхъ говорится о 38-мъ, 39-мъ, 50-мъ и наконецъ, о 52-мъ году его царствованія (Цари II, 15, 8, 13, 17 и 23). Третье же равенство само собою разумѣется, ибо конецъ израильскаго царства отъ Пекаха до паденія Самаріи долженъ былъ длиться ровно столько, сколько прошло отъ Іотама до 6-го года Хизкіи, такъ какъ сказано (Цари II, 18, 10), что Самарія пала на шестомъ году царствованія Хизкіи. Эти синхронистическія параллели такимъ образомъ въ общемъ безусловно точны, но въ нѣсколь-

кихъ мѣстахъ онѣ, какъ сказано уже, представляютъ дефекты. А именно даты однихъ царствованій не соотвѣтствуютъ датамъ другихъ, параллельныхъ, или приводятъ къ противорѣчіямъ. Съ поправками въ данномъ случаѣ надо, однако, соблюдать известную осторожность, предпринимая таковыя тогда лишь, когда наличность ошибки не подлежитъ малѣйшему сомнѣнію, а вносимая поправка дѣйствительно ее устраняетъ. Пояснимъ прежде всего, какъ въ такихъ случаяхъ могли произойти ошибки. Всѣмъ хронологамъ известно, что числа въ еврейскихъ текстахъ изображаются часто однобуквенными знаками. При этомъ вполне возможны были описки, когда вмѣсто одной буквы въ текстъ попадала другая, весьма схожая съ нею. А такихъ схожихъ по начертанію буквъ въ еврейскомъ языкѣ довольно много: ׀ и ׀, ׁ и ׁ, ׂ и ׂ, ׃ и ׃, ׄ и ׄ, ׅ и ׅ и др. Для исправленія этихъ описокъ надо, однако, руководиться какой-нибудь контролирующей нормой. Такую норму мы имѣемъ въ параллельности царствованій. Такъ какъ источники указываютъ не только, сколько лѣтъ каждый іудейскій и израильскій царь правилъ, но и на какомъ году правленія параллельнаго царя онъ вступилъ на престолъ, то обѣ цифры—цифра продолжительности царствованія и дата синхронистическаго вступленія на престолъ—должны гармонизировать. Разъ этой гармоніи нѣтъ, то ясно, что гдѣ-нибудь произошла ошибка. Ниже мы увидимъ, что даты относительно синхронистическихъ вступленій на престолъ вполне точны даже тамъ, гдѣ онѣ съ перваго взгляда представляютъ какъ-будто противорѣчія. Тамъ же, гдѣ числа показаны съ ошибками, послѣднія въ греческой и сирійской версияхъ исправлены; кромѣ того, Seder Olam Raba, написанная во II столѣтіи и трактующая специально библейскую хронологию, съ своей стороны исправила много погрѣшностей. Сличеніе даты вступленія на престолъ каждаго даннаго царя съ числомъ прошедшихъ уже до того лѣтъ царствованія другого синхронистическаго царя представляетъ вѣрное средство къ устраненію противорѣчій. Но такъ какъ одного этого контролирующаго средства недостаточно, то приходится прибѣгать еще и къ другому. Дѣло въ томъ, что при указаніяхъ продолжительности царствованій неполный годъ или даже нѣсколько мѣсяцевъ часто считаются за цѣлый годъ. Такъ Захарія царствовалъ всего 6 мѣсяцевъ (Цари II, 15, 8), а библейская хронологія считаетъ ихъ за цѣлый годъ. Кромѣ того, такъ какъ у израильтянъ во всякомъ случаѣ должно было существовать какое-нибудь на-

чало года, по которому вели счетъ времени, то могло случиться, что одинъ и тотъ же годъ засчитывался скончавшемуся царю и его преемнику. На этотъ счетъ въ талмудической литературѣ (Tosifta Rosch ha-Schana I, вавилонскій трактатъ Rosch ha-Schana р. 1 в.) сохранилось преданіе: „Если царь умиралъ въ мѣсяцъ Адаръ, а его преемникъ вступалъ на престолъ въ томъ же мѣсяцѣ, то данный годъ засчитывали обоимъ царямъ“. При вычисленіи продолжительности того или другого царствованія приходится такимъ образомъ имѣть въ виду и эти начеты, сбрасывая гдѣ нужно лишній годъ. Эти два регулирующія средства, — вышеуказанное сравненіе синхронистическихъ датъ и устраненіе начетовъ, дополняя одно другое, устраняютъ большую часть противорѣчій, представляемыхъ библейской хронологіей эпохи царей.

Съ помощью этихъ двухъ контролирующихъ средствъ приступимъ теперь къ детальному анализу всѣхъ трехъ синхронистическихъ параллелей.

I. Въ первой параллели находимъ одно противорѣчіе и одну погрѣшность, устраненіе которыхъ необходимо для приведенія хронологіи соотвѣтственнаго періода времени въ полный порядокъ.

1) Въ Книгѣ Царей (II, 1, 17) сказано, что по смерти царя Ахасія израильскаго его преемникъ Іегорамъ ¹⁾ вступилъ на престолъ на второмъ году царствованія Іорама іудейскаго, а первый стихъ 3 главы той же Книги гласитъ, что этотъ же Іегорамъ вступилъ на престолъ на 18 году правленія Іосафата. Поставимъ эти противорѣчашія одно другому мѣста рядомъ, для того, чтобы ихъ непримиримость была очевидна:

Цари II, 1, 17,

Цари II, 3, 1.

ויהורם בן אחאב מלך על ישראל בשנת וימלך יהורם תחתיו בשנת שתיים ליהורם
שמונה עשרה ליהושפט מלך יהודה בן יהושפט מלך יהודה

Какое-нибудь изъ этихъ показаній невѣрно. Но которое именно? Очевидно, первое, такъ какъ дальше неоднократно рассказывается, что Іосафатъ царствовалъ еще въ одно время съ Іегорамомъ и вмѣстѣ съ нимъ препринялъ одну экспедицію. Ясно, что этотъ Іегорамъ долженъ былъ вступить на престолъ еще при Іосафатѣ. Въ другомъ мѣстѣ говорится, что братъ Іегорама, Ахасія, вступилъ на престолъ до него, а именно на 17 году царство-

¹⁾ Такъ какъ въ обоихъ царствахъ было по Іораму и Іоашу, то для отличія мы израильскихъ царей будемъ называть *Іегорамъ* и *Іегоашъ*, а іудейскихъ—ихъ настоящими именами.

ванія Іосафата. Любопытно, что въ греческомъ переводѣ Библии перваго, неправильнаго указанія вовсе нѣтъ, а въ 17 стихѣ I главы оно замѣнено вторымъ указаніемъ зъ I стихѣ 3 главы. Возможно, что греческій переводчикъ въ этомъ случаѣ самъ внесъ поправку, но эта поправка вполне законная. Число שלם сюда совершенно не подходитъ и попала въ означенный стихъ по ошибкѣ, какъ неправильная транскрипція числового знака. Что-же касается словъ יהורם בן יהושפט то эта простая описка, какая въ Библии при собственныхъ именахъ встрѣчается довольно часто. Ср. напримѣръ מיכל вмѣсто מרב и עקב вмѣсто אהרן (Іеремія 33, 26) אביתר בן אחימלך вмѣсто אביתר בן אחימלך (Самуилъ II, 8, 17) צדקיהו вмѣсто יהויקים (Іеремія 27, 1 ср. съ ст. 24) ליותם למחזיקי בית דין вмѣсто ליותם בן עזיה (Цари II, 15, 30) и мн. др. Принимая все сказанное въ соображеніе мы должны придти къ тому заключенію, что Іегорамъ израильскій вступилъ на престолъ при Іосафатѣ и что послѣдній въ свою очередь сталъ царствовать съ 4-го года правленія Ахава. Это къ тому же вполне гармонируетъ съ параллельнымъ указаніемъ, согласно которому Ахасія израильскій вступилъ на престолъ на 17 году правленія Іосафата. Только при переводѣ лѣтъ царствованія брата Ахасіи, Іегорама, на лѣта царствованія Іосафата, необходимо внести маленькую поправку, имѣющую свои основанія. А именно, въ текстѣ переводъ этотъ гласитъ: „Іегорамъ на 18-мъ году Іеровеама“. Изъ нижеслѣдующихъ таблицъ между тѣмъ видно, что число 18 сюда совершенно не подходитъ, такъ какъ предшественникъ Іегорама, Ахасія, царствовалъ два года. Замѣчательно, что въ Seder Olam Raba въ этомъ мѣстѣ показанъ 19-й годъ вмѣсто восемнадцатаго: והלא בשנת י"ט ליהושפט מלך יהודה בן אפאם. Вполнѣ основательная поправка эта, которую принимаютъ всѣ еврейскіе комментаторы Библии, отъ автора „Ялкута“ до Раши, приводитъ все въ полный порядокъ,

2. Вторую погрѣшность представляетъ указаніе текста (Цари I, 16, 23) на то, что Омри воцарился на 31 году правленія Асы и царствовалъ послѣ того 12 лѣтъ. На основаніи этого ошибочнаго, какъ мы увидимъ, показанія нѣкоторые изслѣдователи пришли къ заключенію, будто гражданская война и царствованіе Омри вмѣстѣ продолжались 16 лѣтъ. Отъ такого вывода между тѣмъ во всѣхъ послѣдующихъ датахъ произошла-бы полная путаница. Разъ въ текстѣ ясно сказано: во первыхъ, что Омри царствовалъ *всего* двѣнадцать лѣтъ, и во вторыхъ и еще

точнѣе, что онъ царствовалъ отъ 27 (а не тридцать перваго) до 37 года правленія царя Асы, то нѣтъ никакой надобности считаться съ очевидной неточностью, вкравшейся въ цитируемый стихъ. Много разъ уже упомянутый Seder Olam Raba и сюда внесъ вполне основательную поправку, указавъ, что 23 стихъ относится къ концу гражданской войны между Омри и Тивни, продолжавшейся пять лѣтъ. Данное мѣсто Seder'a гласитъ: כמה היתה מחלוקת זו? חמש שנים. בשנת ל"א לאסא מלך עמרי מלכות שלמה ת. е.: „Сколько времени продолжалась эта междоусобная война? Пять лѣтъ. Отъ 31 года Асы Омри царствовалъ безпрепятственно и одинъ“. Не зная объ этой поправкѣ Seder'a, Ушеръ и другіе изслѣдователи сами къ ней пришли, что только лишній разъ доказываетъ полную ея основательность. Къ 23 стиху слѣдуетъ такимъ образомъ придать конецъ 22-го: וימת תבני וימלך עמרי בשנת שלשים ואחת שנה לאתא מלך יהודה וימלך עמרי על ישראל שתיים: מלך וימלך, вмѣсто perfectum'a מלך, и затѣмъ сдѣлать новое предложеніе, начиная его аористомъ וימלך, вмѣсто perfectum'a מלך. בתרצה מלך שש שנה. עשרה שנה. получится хронологическая дата, сходная съ датой объ Ахавѣ въ 20 стихѣ той-же 16 главы. Съ этой поправкой всѣ хронологическія данныя первой параллели приводятся въ полный порядокъ. Продолжительность соотвѣтственной эпохи составляетъ какъ будто 95 или даже 98 лѣтъ, — въ дѣйствительности-же она равна лишь 93 годамъ, какъ то и видно изъ прилагаемыхъ (въ концѣ 1 тома) къ этой замѣткѣ синхронистическихъ таблицъ.

II. Во второй синхронистической параллели мы встрѣчаемся съ большими еще трудностями, представляемыми датами вступленій на престолъ обоихъ преемниковъ Іегу, числомъ лѣтъ царствованія Іоаша іудейскаго, и въ особенности царствованіемъ Узіи. Первое затрудненіе, котораго комментаторамъ до сихъ поръ не удалось разрѣшить, можетъ быть между тѣмъ легко устранено, если мы допустимъ, что Іоахазъ израильскій царствовалъ не 17, а 16 лѣтъ (י"ו вмѣсто י"ז); даты еще лучше будутъ гармонировать, если мы вмѣсто того примемъ, что Іегорамъ израильскій царствовалъ не 16 лѣтъ, а полныхъ 17 (Ср. таблицу II). Гораздо труднѣе заполнить пробѣлъ въ 12 или по крайней мѣрѣ въ 11 лѣтъ, между царствованіями Амаціи и Узіи, — пробѣлъ, надъ заполненіемъ котораго хронологи не мало и, къ сожалѣнію, совершенно бесплодно потратили массу труда. Въ одномъ мѣстѣ (Цари II, 14, 17) текстъ гласитъ, что послѣ смерти Іегоаша израильскаго Амація царствовалъ еще 15 лѣтъ, — что, пови-

димому, должно означать, что преемникъ Амаціи, Узія, вступилъ на престолъ на 15 году правленія Іеровеама; въ другомъ же мѣстѣ (т. же 15,1) сказано, что тотъ же Узія вступилъ на престолъ на 27 году правленія Іеровеама. Нѣкоторые комментаторы думали устранить это противорѣчіе, допуская, что цифра 27 представляетъ простую описку, т. е. что числовой знакъ י"ז ошибочно попалъ въ текстъ вмѣсто надлежащаго י"ה, издревле будто бы служившаго для обозначенія цифры 15. Объясненіе это, однако, не выдерживаетъ критики, потому что знакъ י"ז для обозначенія числа 15 (вмѣсто знака י"ה, служившаго для сокращеннаго обозначенія имени Іеговы) былъ введенъ гораздо позже.

При переводѣ лѣтъ царствованія Узіи на соотвѣтственные годы Іеровеама II текстъ даетъ еще и другую, столь же неточную дату. Сказано, что Іеровеамъ скончался послѣ 41-лѣтняго царствованія, на 38 году правленія Узіи. Это послѣднее число во всякомъ случаѣ слишкомъ велико, будемъ ли мы принимать, что Іеровеамъ II царствовалъ одновременно съ Узіей 26 (41—15) лѣтъ, или же только 14 (41—27). Въ первомъ случаѣ до 38 лѣтъ не хватаетъ 12, а во второмъ даже цѣлыхъ 24. Хронологи, чтобы восполнить этого дефицитъ, прибавили Іеровеаму 10 лѣтъ, т. е. допустили, что онъ былъ царемъ не 41, а 51 годъ, и י"ז для этого передѣлали въ י"ח. Передѣлка эта, разумѣется, совершенно произвольна, но вполнѣ очевидно, что поправка въ данномъ случаѣ безусловно необходима,—иначе весь синхронизмъ и вообще вся хронологія царскаго періода будетъ подрыта до основанія. Дѣлая эту поправку мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны устранить также и только что отмѣченное противорѣчіе между числами 15 и 27. Послѣднюю цифру слѣдуетъ считать болѣе правильной, такъ какъ въ самомъ текстѣ прямо не сказано, чтобы Узія вступилъ на престолъ на 15 году царствованія Іеровеама II: текстъ гласитъ лишь, что „Амація царствовалъ послѣ смерти Іосафата израильскаго еще 15 лѣтъ“ (Цари II, 15, 17). Изъ этого слѣдуетъ лишь одно,—Амація умеръ, либо былъ убитъ, на 15 году правленія Іеровеама II. Другой же вышеупомянутый выводъ, а именно, что сынъ Амаціи, Узія, сталъ царемъ на 15 году правленія того же Іеровеама, оказывается неосновательнымъ. Въ самомъ текстѣ прямого указанія въ этомъ смыслѣ нѣтъ, а сказано лишь, что вступленіе на престолъ Узіи, послѣдовало на 27 году царствованія Іеровеама II. Ясно, что между убійствомъ Амаціи и воцареніемъ его сына должно было пройти нѣкоторое время.

Вотъ этимъ-то промежуткомъ и объясняется вышеуказанный пробѣлъ. Еще старинные хронологи объяснили этотъ пробѣлъ междуцарствіемъ, наступившимъ за умерщвленіемъ Амаціи и длившимся нѣсколько лѣтъ, до воцаренія его сына Узія. Объясненіе это слѣдуетъ принять, и не въ виду противорѣчивости датъ, а по чисто-историческимъ соображеніямъ. 22 стихъ 14 главы (Цари II) гласитъ: *וְהָיָה בְנֵה אֵילָת וַיִּשְׁבֶּה לַיהוָה אֶת־הַיָּם וַיִּבְנֶה אֵילָת וַיִּשְׁבֶּה לַיהוָה אֶת־הַיָּם* т. е. „Узія построилъ и укрѣпилъ гавань Айлатъ (у Краснаго моря) и возвратилъ ее Іудеѣ, *посль того, какъ его отецъ умеръ.*“ Послѣдняя деталь представляется какъ будто совершенно излишней, ибо не могъ же Узія отвоевать эту гавань при жизни своего отца, будучи въ то время еще ребенкомъ. Если мы къ тому же примемъ въ соображеніе, что завоеваніе вновь Айлата необходимо означаетъ владычество надъ всей Идумейской землей (Эдомомъ), то станетъ очевиднымъ, что Узія могъ отвоевать эту землю, будучи уже самъ царемъ. Но вѣдь сказано, что эту страну покорилъ его отецъ и онъ же взялъ идумейскій городъ Селу (Петру)? Предъ нами, очевидно, историческая загадка, которую необходимо разгадать. Оставимъ поэтому на время хронологию и постараемся разобраться въ однихъ историческихъ фактахъ. Безспорныя данныя указываютъ на то, что при Узіи Идумея была независима, что идумейцы при немъ опустошили Іерусалимъ, а съ нимъ и всю Іудею, которая вслѣдствіе этого пришла въ сильный упадокъ. Не подлежитъ далѣе никакому сомнѣнію, что пророкъ Амосъ жилъ и импровизировалъ во дни Узія. Въ своихъ пророчествахъ онъ угрожаетъ Эдому всякими несчастіями за то, что онъ въ своей жаднѣ кровавой мести беспощадно преслѣдовалъ родственниковъ ему іегудеевъ (Амосъ I, 11). Пророкъ говоритъ здѣсь не о минувшихъ событіяхъ, а о томъ, что происходило на его глазахъ, ибо, возвращаясь къ этимъ событіямъ, онъ предсказываетъ, что Іуда вскорѣ опять покоритъ Эдомъ (9, 12) *לְמַעַן יִרְשָׁו אֶת־שְׂאֵרֵי אֲדָוִם*. При этомъ онъ Іудейское царство называетъ „развалившейся хижиной Давида“ (т. же 9, 11): *כִּכְתָּר דֹּד הַנְּפֹלָת* и говоритъ, что Богъ „задѣлаетъ трещины этой хижины и возстановитъ ее изъ руинъ“ (9, 11). Отсюда слѣдуетъ, что идумейцы въ царствованіе Узія опустошили всю Іудею и оставили въ ней однѣ развалины. Вышеприведенное краткое сообщеніе текста о томъ, что Узія завоевалъ Айлатъ означаетъ, слѣдовательно, двѣ вещи: что онъ эту гавань *отвоевалъ обратно* לַיהוָה וַיִּשְׁבֶּה לַיהוָה и что онъ *вновь покорилъ не только Айлатъ, но и всю Иду-*

мею. То была царская расплата за жестокости, учиненныя идумейцами надъ Іудеей.

Когда именно Узія могъ отвоевать Айлатъ и Идумею? Текстъ на этотъ вопросъ отвѣчаетъ: *וַיִּקְרַח אֶרְצָה שֶׁכַּב הַמֶּלֶךְ עַד אֶרְצוֹ* въ весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Попытаемся, однако, въ нихъ разобратся. Нельзя допустить, чтобы Узія отвоевалъ Идумею *непосредственно* послѣ смерти своего отца, ибо долженъ же былъ пройти нѣкоторый промежутокъ времени, въ теченіе котораго идумейцы мстили іудеямъ, производя свои опустошительныя набѣги на ихъ владѣнія. Эти набѣги невозможно отнести къ концу царствованія Амаціи, ибо жившій при Узіи пророкъ Амосъ говорить, что Іудея при немъ еще представляла „хижину въ развалинахъ“: пролитая іудейская кровь, слѣдовательно, тогда еще не была отомщена. Ясно, что Узія не могъ отвоевать Айлатъ и весь Эдомъ вслѣдъ за убійствомъ своего отца. Слова *וַיִּקְרַח אֶרְצָה שֶׁכַּב הַמֶּלֶךְ עַד אֶרְצוֹ* такимъ образомъ должны имѣть другое, не буквальное значеніе: авторъ очевидно хотѣлъ въ нихъ указать, что Идумея была вновь завоевана послѣ того, какъ Амація былъ преданъ погребенію въ царскихъ гробницахъ, гдѣ были похоронены всѣ его предшественники. Взглянемъ поближе на событія, о которыхъ идетъ рѣчь.

Амація былъ убитъ въ Лахишѣ вслѣдствіе дворцового заговора. Какъ отца его, Іоаша, (Цари II, 12, 21) и какъ правнука его Амона, (т. же 21, 23) Амацію убили его придворные, князья іудейскіе. Тѣло умерщвленнаго царя было затѣмъ доставлено въ Іерусалимъ и погребено въ „городъ Давида“ (т. же 14, 20). Привезли его, однако, въ столицу не убійцы, и не вслѣдъ за убійствомъ, а нѣкоторое время спустя. А затѣмъ сказано, „И весь народъ іудейскій провозгласилъ Узію царемъ“, т. е. опять таки не тотчасъ послѣ убійства его отца, а позже. Замѣчательно, что текстъ (т. же 14, 21) передаетъ послѣдній фактъ въ выраженіяхъ, сильно напоминающихъ позднѣйшій рассказъ (т. же 21, 24) о событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертью Амона. Сказано именно, что народъ сначала убилъ заговорщиковъ-убійць, а затѣмъ посадилъ на престолъ сына убитаго. Такимъ же образомъ, повидимому, и за смертью Амаціи слѣдовала революція и контръ-революція. Аристократы, составивъ заговоръ на жизнь царя, преслѣдовали его послѣ его бѣгства до Лахиша и тамъ умертвили; весь же народъ, возставъ противъ убійць, а можетъ быть и перебивъ ихъ, провозгласилъ царемъ Узію. И только послѣ этой контръ-

революці тѣло Амаціи было привезено въ Іерусалимъ и предано погребенію. Указаніе: $\text{שכב המלך עם אמתו ביום דוד}$ слѣдуетъ такимъ образомъ понимать въ смыслѣ: אמתו בעיר דוד . И только послѣ этого погребенія Узія предпринялъ походъ противъ идумейцевъ, отвоевалъ Айлатъ, а за нимъ и всю Идумейскую Землю. Между смертью Амаціи и этимъ завоеваніемъ долженъ быть, слѣдовательно, пройти значительный промежутокъ времени. Въ этотъ-то промежутокъ Іудея и была по выраженію пророка Амоса, „развалившейся хижиной“, въ это время „идумейцы проливали невинную кровь въ Іудеѣ“. Кто тогда управлялъ Іудеей? Не царь, разумѣется, а аристократы-заговорщики, убившіе Амацію. И сколько продолжалось это междуцарствіе? На это даютъ точный отвѣтъ вышеприведенныя и съ виду какъ будто противорѣчащія другъ другу даты: отъ 15 года правленія Іеровеама II, когда Амація былъ убитъ, и до 27 года того же царствованія, когда народъ посадилъ его сына на престолъ, т. е. 12 или точнѣе 11 лѣтъ. Хронологическія указанія такимъ образомъ въ полномъ порядкѣ, обѣ даты вѣрны и одна другой соотвѣтствуютъ. Отъ смерти Амаціи до кончины Узія прошло, слѣдовательно, не 52, а 63 года. Въ это время царствовали въ Израилѣ: Іеровеамъ, отъ 15 своего года до 26-го (если онъ былъ царемъ лишь 41 годъ), затѣмъ недолго остававшіеся на престолѣ Захарія и Шаллумъ, и наконецъ Менахемъ и сынъ его Пекакія. Послѣдніе четыре царствовали всѣ вмѣстѣ только 13 лѣтъ, а вмѣстѣ съ Іеровеамомъ $13+26=39$ лѣтъ. До 63 лѣтъ, прошедшихъ отъ убійства Амаціи до смерти Узія іудейскихъ не хватаетъ, слѣдовательно, еще 24 года, которые цѣликомъ слѣдуетъ отнести къ царствованію Іеровеама, иначе мы изъ Сциллы попадемъ въ Харибду и опять уничтожимъ до основанія всю хронологию эпохи царей. Приходится по этому принять поправку Бунзена (Aegypten IV, 384), который при опредѣленіи продолжительности правленія Іеровеама вмѣсто נ"ב , представляющаго по его мнѣнію простую опіску, принимаетъ נ"ד . Правда и этихъ 61 года недостаточно, и для полнаго синхронистическаго соотвѣтствія не хватаетъ еще двухъ лѣтъ. Но эта разница имѣетъ свое объясненіе, какъ мы увидимъ ниже. Съ этой необходимой поправкой оба ряда датъ второй синхронистическѣй параллели вполне гармонируютъ. Соотвѣтственный періодъ времени равняется 137 годамъ.

III.—Третья синхронистическая параллель—самая кратчайшая, но въ хронологическомъ отношеніи представляетъ наибольшую

шія трудности. Ибо съ іудейской стороны она обнимаетъ періодъ въ 38 лѣтъ, тогда какъ съ израильской мы имѣемъ всего 29, а именно 20 лѣтъ царствованія Пекаха и 9 лѣтъ правленія Гошеи: недостаетъ такимъ образомъ 9 лѣтъ. Не гармонируютъ кромѣ того и отдѣльныя перечисленія одного царствованія на другое, синхронистическое. Первое перечисленіе, согласно которому Пекахъ былъ убитъ на 20 году правленія Іотама (Цари II, 15 30) וימיתוהווימלךחלתיו(הושעאתפרק) בשנתעשריםליותםבןעזיה, совершенно невѣрно, но мы выше (стр. 332) указали уже, что это явная описка, причемъ слова ליותםבןעזיה ошибочно попали въ текстъ вмѣсто לאחובןיורם. Этого, однако мало: число 20, здѣсь фигурирующее, также невѣрно, ибо ни Іотамъ, ни Ахазъ такъ долго не царствовали. Въ сирійской версіи вмѣсто עשרים мы находимъ בשלשלתרתין, т. е. на *второмъ* году Ахаза. Это число болѣе подходяще, хотя и оно не совсѣмъ точно, ибо въ одномъ мѣстѣ (Цари II, 6, 2) сказано, что Ахазъ вступилъ на престолъ на 17 году правленія Пекаха, другими словами, что онъ одновременно съ нимъ царствовалъ три года. Однако, сколько же времени царствовалъ послѣдній израильскій царь, Гошеа? Изъ приведеннаго мѣста слѣдуетъ, что онъ вступилъ на престолъ непосредственно послѣ Пекаха. Но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ царствовать по меньшей мѣрѣ 18 лѣтъ, между тѣмъ какъ многія мѣста текста категорически свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ занималъ престолъ всего 9 лѣтъ (Цари II, 17, 1; 18, 1, 9, 10). Трудно допустить, чтобы во всѣхъ этихъ четырехъ мѣстахъ выпалъ десятичный знакъ или чтобы онъ въ стихѣ 15, 30 поставленъ былъ по ошибкѣ. Также трудно согласиться съ Эвальдомъ, который думаетъ сгладить это противорѣчіе, допуская, что предшественникъ Гошеи, Пекахъ, царствовалъ не 20, а 29 или 30 лѣтъ, ибо точность первой цифры не подлежитъ никакому сомнѣнію. Остается такимъ образомъ одно,—принять предположеніе, давно уже и неоднократно высказанное многими хронологами, а именно, что между правленіями Пекаха и Гошеи было междуцарствіе. Выраженіе חלתיווימלך не только не противорѣчитъ этому предположенію, но наоборотъ, подтверждаетъ его стихомъ 15, 30. Очевидно, имѣлось въ виду указать, на какомъ году современнаго іудейскаго царя—Ахаза, конечно, а не Іотама—Гошеа вступилъ на престолъ. Но такъ какъ цифру 20 этого стиха въ данномъ случаѣ, какъ мы видѣли выше, принять невозможно, то ее необходимо исправить съ помощью другого, болѣе точнаго текста.

Дѣйствительно стихъ 17, 1 прямо говоритъ, что „Гошеа воцарился на дѣнадцатомъ году правленія Ахаза іудейскаго“. Слѣдовательно и стихъ XV, 30 долженъ былъ первоначально гласить: וַיִּחַיֵּם יוֹסֵף לְמִלְךָ הַלְלוּ בְּשָׁנָה זָרָה לְמֶלֶךְ. Число 12 при этомъ было выражено знакомъ ם׳; если маленькое ׳ отсюда выпало, то осталось одно ׳ ׀), вмѣсто котораго въ текстъ весьма легко могло попасть весьма схожее съ нимъ по начертанію ׳׳—כ׳. Даннымъ стихомъ очевидно имѣлось въ виду указать не на то, въ какомъ году Гошеа убилъ своего предшественника, а на какомъ именно году послѣ того онъ вступилъ на престолъ.—точно такъ, какъ въ другомъ текстѣ (Цари I. XVI, 22—23), это сдѣлано для Омри (См. выше стр. 331). Итакъ между насильственной смертью Пекаха и воцареніемъ Гошеи долженъ былъ пройти нѣкоторый промежутокъ времени. Разумѣется, основанная на однихъ хронологическихъ соображеніяхъ, эта гипотеза о междуцарствіи представляется мало-убѣдительною и, такъ сказать, фактически-безпочвенною. Имѣются, однако, и чисто историческія указанія на то, что въ концѣ израильскаго царства было одно время, когда въ странѣ вовсе не было царя.

Здѣсь не мѣсто подробно доказывать, что авторъ послѣднихъ одиннадцати главъ книги пророка Гошеи не имѣетъ ничего общаго съ авторомъ первыхъ трехъ главъ той же книги, и что первый пророчествовалъ по меньшей мѣрѣ на пятьдесятъ лѣтъ позже второго. Каждый гебраистъ и безъ такихъ доказательствъ легко замѣтитъ эту разницу въ полномъ различіи содержанія и формы обѣихъ частей. Изъ многихъ „словъ“ этого Гошеи II между тѣмъ слѣдуетъ, что въ его время въ израильскомъ царствѣ вовсе не было царя. Такъ 3 и слѣдующ. стихи 10 главы гласятъ: „Ибо теперь лукавые сердцемъ говорятъ“ : „нѣтъ у насъ царя . . . и никто ничего не можетъ намъ сдѣлать!“, т. же. стихъ 15: „Рано погибъ царь израильскій“, тамъ же XIII, 10: „Гдѣ царь твой, который могъ бы прійти къ тебѣ на помощь во всѣхъ твоихъ городахъ? . . . И такъ какъ ты говорилъ: дай мнѣ царя и князя, то я далъ тебѣ царя во гнѣвѣ Моемъ и отнялъ его у тебя въ Моемъ негодованіи“. И въ другихъ мѣстахъ у этого про-

1) Здѣсь предъ нами новое доказательство того, что даты въ текстѣ первоначально изображались не словами, а буквенными знаками. Въ данномъ случаѣ въ одномъ изъ списковъ фигурировало, по всей вѣроятности, ם׳ בְּשָׁנָה вмѣсто ם׳ ׀ и сирійскій переводчикъ поставилъ по этому свое ׀ בְּשָׁנָה; въ другомъ же списокѣ изъ этого ם׳ сдѣлали ם׳ и такимъ образомъ получилось ם׳ בְּשָׁנָה

рока имѣются указанія на междуцарствіе и анархію. А такъ какъ отъ Узіи до Пекаха слѣдоваль непрерывный рядъ царей, то совершенно ясно, что это междуцарствіе могло быть только между правленіями Пекаха и Гошеи, какъ послѣдняго израильскаго царя. Такимъ образомъ оба ряда датъ и всѣ перечисленія гармонизируютъ и въ третьей и послѣдней синхронистической параллели. Соотвѣтственный періодъ времени и въ Израилѣ, какъ и въ Іудеѣ, продолжался 38 лѣтъ, а именно: Пекахъ 20 + междуцарствіе 9 + Гошеа 9=38, а съ необходимымъ сокращеніемъ вслѣдствіе начета (см. ниже)—36 лѣтъ (см. таблицу III).

Вся же эпоха отъ раздвоенія царства до гибели Самаріи или паденія десятиколѣннаго царства продолжалась по этому расчету 266 лѣтъ, а именно:

а. Отъ воцаренія Іеровеама до смерти послѣд- няго Омрида	}	93 года
или отъ воцаренія Рехавеама до кончины Ахазіи		}
б. Отъ воцаренія Іегу до смерти Пекахіи или отъ царицы Аталіи до 52 года Узіи	}	
с. Отъ воцаренія Пекаха до паденія Самаріи или отъ 52 года Узіи до 6 года Хизкіи		}

Противорѣчія въ текстѣ при этомъ расчетѣ устранены безъ всякихъ надъ нимъ насилій, хронологическая Сцилла и Харибда благополучно обойдена, и главныя трудности всѣ преодолѣны. Остается лишь устранить кое какія другія менѣе важныя противорѣчія, представляющіяся, однако, совершенно непонятными безъ надлежащихъ объясненій. Замѣтимъ прежде всего, что осенній праздникъ въ Израильскомъ царствѣ выпадалъ на мѣсяць позже, чѣмъ въ Іудеѣ, а такъ какъ съ этимъ праздникомъ совпадало и начало года (חַדְשׁ הַבְּרִיאָה), то счетъ времени въ обоихъ царствахъ былъ различный, въ зависимости отъ различія въ началѣ года. Перечисленія датъ однихъ царствованій, израильскихъ, на другія, іудейскія, представляли поэтому нѣкоторыя трудности и такимъ образомъ легко могли произойти ошибки. Дѣло еще болѣе осложнялось слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Въ Іудеѣ вели счетъ времени, по всей вѣроятности, по „свободному“ или „чистому“ лунному году, считая 6 мѣсяцевъ по 29 и 6 другихъ — по 30 дней, а весь годъ, слѣдовательно, въ 354 дня. Объ этомъ свидѣтельствуетъ 19 стихъ 104 псалма: יָמֵי יְרֵחַ

לְבוּדֵי : „Богъ сотворилъ луну для указанія времени праздниковъ“, т. е. праздники вычисляются по лунѣ. Каждое начало мѣсяца было праздникомъ, и солнце при счетѣ времени вовсе не принималось въ расчетъ. Противъ этого возражали, что такъ какъ Моисеевы законы предписывали всѣмъ израильтянамъ праздновать Пасху ко времени созрѣванія ячменя и такъ какъ послѣднее зависитъ отъ солнца, то и въ Іудеѣ должны были вычислять праздники и вести счетъ времени вообще не по лунѣ, а по солнцу. Возраженіе это доказываетъ лишь, что тѣ, которые его дѣлали, незнакомы съ фактами. Достоверно извѣстно, что вплоть до царствованія Хизкіи Пасха ни разу ни праздновалась всѣмъ народомъ одновременно. На этотъ счетъ имѣются прямыя указанія во II книгѣ Царей. (XX III, 22): כִּי לֹא נִשְׁחַח כָּל־הָעָם יְשׁוּבִים הָיוּ הַשָּׁנָיִם וְאֵין מִלְכֵי יִשְׂרָאֵל וְכָל־יְמֵי מִלְכֵי יִשְׂרָאֵל וְכָל־יְמֵי מִלְכֵי יִשְׂרָאֵל וְכָל־יְמֵי מִלְכֵי יִשְׂרָאֵל и въ хроникахъ (XXX. 26). Дѣло въ томъ, что несмотря на существованіе въ Іерусалимѣ общаго для всего народа храма, израильтяне до царствованія Хизкіи продолжали пользоваться своими мѣстными родовыми или фамильными святилищами („Бамотъ“),—о чемъ неоднократно упоминается въ книгахъ Царей. Пасхальный агнецъ приносила въ жертву также каждая семья или родъ отдѣльно на своемъ приватномъ алтарѣ. Общности празднованія такимъ образомъ не было, какъ не было и обще-обязательнаго для всего народа срока для этого праздника. Пасху праздновали и агнецъ пасхальный приносили въ жертву въ предписанномъ закономъ „весеннемъ“ мѣсяцѣ. Но кто же устанавливалъ этотъ мѣсяцъ, кто назначилъ день праздника? Если какой нибудь священнослужитель этимъ и занимался—въ источникахъ мы на этотъ счетъ не находимъ никакихъ указаній—то народъ во всякомъ случаѣ съ его мнѣніемъ не считался. Законъ о празднованіи Пасхи послѣ уборки ячменя оставался такимъ образомъ мертвой буквой до реформы, введенной Хизкіей. Этотъ царь строжайшимъ образомъ воспретилъ жертвоприношенія на бамотахъ и приказалъ уничтожить всѣ частныя алтари. Кто хотѣлъ принести жертву, долженъ былъ отправляться въ Іерусалимъ. При Хизкіи Пасха поэтому впервые праздновалась въ столицѣ и всѣмъ народомъ одновременно. Само собою разумѣется, что для такого праздника долженъ былъ быть назначенъ опредѣленный день. Изъ Хроникъ (II, XXX, 15) видно, что Хизкія для этого назначилъ 14-ый день второго мѣсяца: וַיִּשְׁחַח הַיָּמִים וַיִּשְׁחַח הַיָּמִים וַיִּשְׁחַח הַיָּמִים וַיִּשְׁחַח הַיָּמִים וַיִּשְׁחַח הַיָּמִים. Точнѣе, это значитъ, что Хизкія ввелъ дополнительный, високосный мѣсяцъ. Талмудъ объ этомъ говоритъ

что $\text{הַיּוֹם הַזֶּה הָיָה הַיּוֹם הַשְּׁמִינִי}$, „Хизкія сдѣлалъ Нисанъ високоснымъ мѣсяцемъ“. Другими словами это означаетъ, что, устанавливая впервые день празднованія Пасхи, царь этотъ принялъ въ расчетъ стояніе солнца. Но такъ какъ ямень въ томъ году къ назначенному царемъ дню не поспѣлъ, то Хизкія отложилъ праздникъ на мѣсяць, т. е. комбинировалъ лунный годъ съ солнечнымъ. До того же, въ теченіе всей эпохи судей и царей, въ Іудеѣ годъ былъ чисто лунный въ 354 дня.

Иначе считали годъ въ десятиколѣнномъ царствѣ. Вмѣстѣ съ египетскимъ культомъ Аписа и въ связи съ нимъ Іеровеамъ безъ всякаго сомнѣнія ввелъ въ своемъ царствѣ и египетское времячисленіе, по солнечному календарю. Годъ въ израильскомъ царствѣ такимъ образомъ былъ продолжительнѣе іудейскаго на 11 дней и царствованія преемниковъ Іеровеама казались поэтому болѣе короткими, чѣмъ правленія іудейскихъ царей. Разница эта особенно замѣтно дала себя знать въ царствованіе Іеровеама II. Дѣло въ томъ, что 33 лунныхъ года составляютъ почти (безъ 2 дней) 32 солнечныхъ. Согласно тексту Іеровеамъ II царствовалъ 41 годъ, но мы выше видѣли, что эта дата не точна и что вмѣстѣ съ Бунзеномъ необходимо допустить, что Іеровеамъ II занималъ престолъ цѣлыми двадцатью годами больше, т. е. 61 годъ, считая по израильскому солнечному времени. Сверхъ того мы видѣли выше, что перечисленія израильскихъ датъ на іудейскія не совсѣмъ совпадаютъ: не хватаетъ съ израильской стороны двухъ лѣтъ. Эти два года объясняются разницей въ календаряхъ, такъ какъ даты правленія іудейскихъ царей также вычислялись по лунному году. А такъ какъ 61 солнечный годъ равны почти 63 годамъ луннымъ, то мы и получимъ, что Іеровеамъ II царствовалъ не 41, а 63 года. Указанная разница такимъ образомъ пополнена, и послѣднее противорѣчіе, представляемое хронологическими датами текста, устранено.

Для тщательной провѣрки и приведенія въ порядокъ хронологіи эпохи царей различные изслѣдователи разновременно предлагали уже болъшую часть изъ указанныхъ здѣсь нормирующихъ средствъ. Но одни изъ этихъ ученыхъ оперировали одними средствами, а другіе другими, и ни одинъ изъ нихъ не пользовался всѣми ими заразъ. Оттого у каждаго изъ нихъ оставались пробѣлы и противорѣчія. Тѣ и другія между тѣмъ могутъ быть безостаточно устранены лишь при совокупномъ примѣненіи всѣхъ регулирующихъ средствъ. Эти средства суть слѣдующія: 1) явно

ошибочныя числа и имена должны быть критическимъ путемъ исправлены или вовсе исключены; 2) столь же очевидныя начеты въ датахъ продолжительности правленія нѣкоторыхъ царей должны быть устранены, съ возстановленіемъ подлежащихъ чисель; 3) необходимо принять, что между смертью Амаѳіи и воцареніемъ Узіи было междуцарствіе въ 11-12 лѣтъ, которое доказывается не только хронологическимъ, но и чисто историческимъ путемъ; 4) такое же междуцарствіе въ 9 лѣтъ было и между смертью Пекаха и восшествіемъ на престолъ Гошеи,—междуцарствіе, въ пользу котораго также точно свидѣтельствуютъ не только хронологическія, но и историческія данныя; 5) дата текста относительно продолжительности царствованія Іеровеама II должна быть увеличена на 20 солнечныхъ или на 22 лунныхъ года; 6) необходимо, наконецъ, допустить, что начало года и его продолжительность въ израильскомъ царствѣ были одни, а въ іудейскомъ другія. По совокупномъ примѣненіи къ хронологическимъ датамъ текста всѣхъ этихъ регулирующихъ средствъ мы получимъ, что продолжительность израильскаго царства или время отъ вступленія на престолъ Рехавеама до шестого года царствованія Хизкіи равняется 266 луннымъ или 258 солнечнымъ (юліанскимъ) годамъ.

Для дальнѣйшаго и послѣдняго царскаго періода, т. е. отъ паденія Самаріи и десятиколѣннаго царства до разрушенія Іерусалима, библейская хронологія не даетъ никакихъ самоконтролирующихъ средствъ, такъ какъ вся она въ этомъ періодѣ сводится къ указанію продолжительности правленій послѣднихъ шести іудейскихъ царей. Для провѣрки этихъ указаній мы располагаемъ здѣсь, однако, другимъ, еще болѣе надежнымъ средствомъ, чѣмъ синхронизмъ двухъ царствъ и перечисленія соотвѣтственныхъ датъ. Дѣло въ томъ, что со времени паденія израильскаго царства и дальше мы рядомъ съ библейской хронологіей имѣемъ и общую, въ видѣ такъ называемаго Птолемея „Канона Регентовъ“, точность котораго не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Это новое контролирующее средство даетъ полную возможность установить въ окончательномъ видѣ хронологическія даты послѣдняго царскаго періода, т. е. начало и конецъ этой эпохи, отъ паденія десятиколѣннаго царства или шестого года царствованія Хизкіи до гибели Іерусалима, или 11 года послѣдняго іудейскаго царя (Цидкіи). Ближайшими регулирующими моментами въ данномъ случаѣ являются два обстоятельства: одновременность царствованій Хизкіи и Мардокепада—для фиксированія *начала* даннаго

періода, и синхронистическая дата, согласно которой разрушеніе храма произошло на 19 году царствованія Невухаднецара,—для установленія его *конца*.

Хизкія принималъ пословъ вавилонскаго царя Меродахъ-Баладана вскорѣ послѣ своего выздоровленія. Этотъ Меродахъ-Баладанъ всѣми историками единогласно отождествляется съ упоминаемымъ въ Птоломеевомъ „Канонѣ“ царемъ Мардокемпадомъ (Ср. Bunsen, Aegypten, III, 113; Niebuhr, Geschichte Assur's und Babel's 40, 75; Winer, Biblischer Realwörterbuch, ст. „Merodach-Baladan“). Мардокемпадъ этотъ царствовалъ отъ 26 до 37 года эры Небонассара, начало которой, какъ извѣстно, относится къ 747 г. до Р. Хр.; онъ, слѣдовательно, занималъ вавилонскій престолъ отъ 721 до 710 года. Хизкія такимъ образомъ непремѣнно долженъ былъ царствовать въ періодѣ, обнимаемомъ этими датами. Можно даже точно установить въ какомъ именно году Хизкія принималъ посольство Мардокемпада. Послѣднее, какъ сказано, явилось въ Іерусалимѣ, чтобы привѣтствовать Хизкію по случаю его выздоровленія. Болѣзнь этого царя совпала съ осадой Іерусалима Санхеривомъ, на что имѣются прямыя указанія у Іешаи (38, 1—6, 39, 1) и въ Книгѣ царей II (гл. 20). А такъ какъ Санхеривъ осадилъ Іерусалимъ на 14 году царствованія Хизкіи, то ясно, что болѣзнь его и выздоровленіе должны были произойти въ этомъ же году. А такъ какъ невозможно съ другой стороны допустить, чтобы Меродахъ-Баладанъ ждалъ съ своимъ поздравленіемъ, то очевидно, что онъ посольство свое отправилъ въ Іерусалимъ, какъ только до него дошла вѣсть, что войско Санхерива погибло, а самъ ассирійскій завоеватель бѣжалъ на родину. Посольство Мардокемпада такимъ образомъ должно было прибыть въ Іерусалимъ либо на четырнадцатомъ же году царствованія Хизкіи, либо, самое позднее, на слѣдующемъ, пятнадцатомъ году (См. Niebuhr Op. cit. 75.) Не подлежитъ сомнѣнію, что вавилонскій царь, отправляя къ Хизкіи свое посольство, преслѣдовалъ политическія цѣли и имѣлъ въ виду заключеніе съ іудейскимъ царемъ союза противъ общаго ихъ врага, Ассиріи. Четырнадцатый или пятнадцатый годъ правленія Хизкіи не могъ быть позже послѣдняго года царствованія Мардокемпада, т. е. 37 года эры Небонассара, или 710 года до Р. Хр. Этотъ выводъ представляетъ первый регулирующий моментъ, съ помощью котораго точно устанавливается въ хронологическомъ отношеніи начало послѣдняго царскаго періода.

Для такого же хронологического установления конца того же періода мы располагаемъ другимъ, еще болѣе точнымъ, если это возможно, регулирующимъ средствомъ. Дата разрушенія храма или одиннадцатый годъ царствованія Цидкіи совпадаетъ съ девятнадцатымъ годомъ правленія Невухаднецара, т. е. 586 годомъ до Р. Х., или, что тоже, четвертый годъ правленія Іоакима соотвѣтствуетъ первому году правленія Невухаднецара, т. е. 604 году до христіанской эры. Всѣ эти даты и ихъ взаимныя перечисленія вполне установлены Птоломеевымъ „Канономъ“ и не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ обоихъ конечныхъ пунктахъ мы располагаемъ такимъ образомъ совершенно надежнымъ регулирующимъ средствомъ для опредѣленія продолжительности всего періода отъ 14—15 года царствованія Хизкіи до послѣдняго, 11-го года правленія Цидкіи, а равно и для провѣрки всѣхъ промежуточныхъ датъ. По даннымъ Книги царей послѣдній царскій періодъ обнимаетъ 125 лѣтъ, а именно: Хизкія (сосчитывая съ 29 лѣтъ всего его царствованія 14) 15+Менаше 55+Амонъ 2+Іошія 31+Іоакимъ 11+Цидкія 11=125. Если мы къ этимъ 125 годамъ прибавимъ 586 (послѣдній годъ Цидкіи), мы получимъ что 14+15 годъ Хизкіи падаетъ на 711-710 годъ до Р. Хр., т. е. на послѣдній или предпослѣдній годъ царствованія Мардокемпада; или Меродахъ-Баладана. Продолжительность правленія только что перечисленныхъ послѣднихъ іудейскихъ царей въ совокупности такимъ образомъ не можетъ быть меньше 125 лѣтъ, иначе царствованіе Хизкіи не совпадетъ съ правленіемъ Мардокемпада; больше эта сумма можетъ быть,—приблизительно до 135 лѣтъ, т. е. до перваго года правленія Мардокемпада, но не меньше. Что же касается до только что приведенныхъ изъ Книги Царей датъ относительно продолжительности правленія каждаго изъ послѣднихъ шести іудейскихъ царей, то онѣ подтверждаются и другими указаніями. О 29 годахъ Хизкіи говоритъ также и Іешая (36, 1 и 38, 5), 31 годъ Іошіи подтверждаются Іереміей (25, 1, 3); тотъ же пророкъ неоднократно упоминаетъ и объ 11 годахъ Іоакима и Цидкіи, двухлѣтнее же царствованіе Амона большимъ сокращеніямъ, очевидно, не подлежитъ. Для однихъ только 55 лѣтъ Менаше мы не находимъ въ текстѣ втораго указанія. Моверсъ и другіе изслѣдователи нашли поэтому дату слишкомъ высокой, и разумѣется, безъ всякаго основанія. Цифра эта безусловно необходима для того, чтобы царствованіе Хизкіи могло совпасть съ правленіемъ Мардокемпада. Сопоставленіе вавилонскихъ датъ по

Птоломею съ іудейскимъ по Книгѣ Царей наглядно показываетъ полную правильность послѣднихъ.

Вавилонъ	Иудея
Мардокемпадьъ . . . 1 годъ	Хизкія 15 лѣтъ
Аркеанъ 5 лѣтъ	Менаше 55 „
Междущарствіе I . . . 2 года	Амонъ 2 года
Белибъ 3 „	Іошія 31 годъ
Апаранадъ 6 лѣтъ	Іоакимъ 11 лѣтъ
Регебель 1 годъ	Цидкія 11 „
Мезезимордахъ . . . 4	<u>125 лѣтъ</u>
Междущарствіе II . . . 8 лѣтъ	
Асарадинъ 13 „	
Саоздухинъ 20 „	
Кинеладанъ 22 года	
Набопалассаръ . . . 21 годъ	
Набоколассаръ . . . 19 лѣтъ	
(Невухаднецаръ)	= 125 лѣтъ

Изъ этой синхронистической таблички мы неизбежно должны придти еще и къ другому выводу. 125 лѣтъ, прошедшихъ отъ 14—15 года царствованія Хизкіи до 11 года Цидкіи, должны были въ точности равняться 125 годамъ, прошедшимъ отъ перваго года правленія Мардокемпада до 19 года Невухаднецара, т. е. іудейскіе годы должны были быть въ данномъ случаѣ такими же комбинированными лунными годами, какъ и вавилонскіе. Ибо, если бы даты правленій послѣднихъ іудейскихъ царей были даны въ чистыхъ лунныхъ годахъ, по 354 дня, а соотвѣтственныя вавилонскія даты—въ комбинированныхъ, по 365 въ каждомъ, то іудейскіе 125 лѣтъ оказались бы въ итогѣ короче вавилонскихъ по меньшей мѣрѣ на три года, и 125 лунныхъ годовъ составили бы лишь 122 комбинированныхъ или юліанскихъ. И въ этомъ случаѣ 14-15 годъ правленія Хизкіи такимъ образомъ не могъ бы совпасть съ послѣднимъ годомъ правленія Мардокемпада, ибо по этому счету вавилонскаго царя во время осады Іерусалима Санхеривомъ и болѣзни Хизкіи два или три года не было уже въ живыхъ. Ясно такимъ образомъ, что со времени Хизкіи іудейскій годъ долженъ былъ быть совершенно одинаковъ съ вавилонскимъ, или, другими словами, что начиная отъ Хизкіи время въ Іудеѣ считали уже не по чистымъ луннымъ годамъ въ 354 дня, а по комбинированнымъ, отъ времени до времени регулируя лунный календарь по солнечному. Со времени Хизкіи въ Іудеѣ такимъ образомъ должны были быть

введены високосные годы. Это предположение подтверждается упомянутым уже выше историческим указанием, по которому Хизкия отсрочил однажды празднование Пасхи на целый месяц. Не подлежит сомнению, что в Иудею знали про вавилонский солнечный календарь еще до Хизкии, ибо еще при Ахазъ в Иерусалимъ былъ введенъ вавилонскій *гномонъ*, получившій здѣсь названіе *מלך היום* „солнечныхъ или тѣневыхъ часовъ Ахаза“. Когда же Хизкия рѣшилъ впервые вести одновременное празднование Пасхи всѣмъ народомъ, то онъ вмѣсто наступившаго уже тогда Нисана назначилъ его на слѣдующій мѣсяць. Почему? Потому,—какъ мы это уже выше видѣли,—что Нисанъ тогда не совпадалъ съ предписаннымъ закономъ для празднованія Пасхи „весеннимъ“ или земледѣльческимъ мѣсяцемъ (*בנין חורן*): ячмень къ тому времени еще не поспѣлъ. И царю такимъ образомъ пришлось измѣнить іудейскій календарь путемъ введенія високоснаго мѣсяца или года. А разъ эта календарная реформа была уже введена, то ея по необходимости должны были уже держаться и впредь, ибо прежній лунный календарь каждый разъ приводилъ къ дефицитамъ, а возвращеніе къ старому порядку внесло бы полный сумбуръ въ счетъ времени. Имѣются, впрочемъ, прямыя историческія указанія на то, что введеная Хизкией календарная система, съ такъ называемымъ *שנה חזק*, т. е. пополненіемъ cadaго второго или третьяго года високоснымъ мѣсяцемъ, фактически была въ Иудеѣ въ употребленіи и при всѣхъ послѣдующихъ царяхъ.

До Хизкии же время въ Иудеѣ считали короткими лунными годами. 266 лѣтъ отъ раздвоенія царства до гибели Самаріи слѣдуетъ поэтому считать въ 354 дня каждый. При перечисленіи на солнечныя, въ 365 дней, ихъ, какъ сказано уже, приходится укоротить на восемь лѣтъ, и изъ 266 лунныхъ годовъ мы такимъ образомъ получимъ 258 обыкновенныхъ. Если мы эти 258 лѣтъ прибавимъ къ 5-6 году царствованія Хизкии или, что то же, къ датѣ паденія Самаріи, т. е. къ 719 году до христіанской эры, то мы получимъ, что раздвоеніе царства должно было произойти въ 719—258=977 году до Р. Х. Эта послѣдняя дата лишь на два года разнится отъ той—975—которая для этого событія принимается виднѣйшими хронологами, Петавіусомъ, Ушеромъ, Винеромъ и Кайлемъ. Другіе историки дату раздвоенія царства отодвигаютъ до 985 года, потому что они не обратили вниманія на выше указанный начеть въ 8 лѣтъ и не перевели іудейскихъ лунныхъ годовъ на обыкновенные. Третья группа изслѣдователей, напротивъ

сокращаетъ эту дату до 960,950 (Зейффартъ) или и еще меньше (Рей-нишь): это большей частью египтологи, мнѣніе которыхъ въ данномъ случаѣ, какъ мы видѣли въ началѣ этой замѣтки, основано на крайне ненадежныхъ данныхъ. Ассириологъ Брандесъ на основаніи ассирійской „хронологіи“, о которой мы также говорили выше, относитъ раздѣленіе еврейскаго царства даже до 929 года!

Для приведенія въ порядокъ библейской хронологіи болѣе ранней эпохи—отъ раздвоенія царства до Соломона, Давида, Саула и далѣе—мы не располагаемъ никакими контролирующими средствами. Непосредственно за Рехавеамомъ мы сразу натываемся на 40 лѣтъ Соломонова царствованія, круглая цифра которыхъ вызываетъ у хронологовъ сомнѣнія. Такимъ образомъ съ первой же ступени хронологическая лѣстница какъ будто обрывается. По двумъ солиднымъ основаніямъ мы должны, однако, признать, что Соломонъ царствовалъ именно 40 лѣтъ, не больше и не меньше. Самая скептическая критика не усумнится въ точности датъ, опредѣляющихъ продолжительность правленія царей послѣ соломоновой эпохи только потому, что та или другая изъ этихъ датъ представляетъ круглую цифру. Никому не придетъ въ голову заподозрить, на примѣръ, показаніе текста, согласно которому Іоашъ царствовалъ сорокъ лѣтъ, ибо тутъ же рядомъ тотъ же текстъ даетъ соотвѣтственныя даты и для предшественника этого царя и для его преемника. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, начиная царствованіями Рехавеама и Іеровеама I, лѣтописцы стали сохранять въ памяти, а можетъ быть даже и записывать, сколько именно лѣтъ каждый изъ израильскихъ и іудейскихъ царей занималъ престолъ,—разумѣется, если они имѣли на этотъ счетъ достовѣрныя свѣдѣнія. Но какія же доказательства имѣемъ мы въ пользу того, что лѣтописцы стали дѣлать эти записи только со времени Рехавеама, не включивъ въ нихъ самаго блестящаго изъ царствованій, Соломонова? Если мы вообще допускаемъ—а не допускать этого, конечно, невозможно,—что въ послѣ-соломонову эпоху существовали какія-нибудь лѣтописцы, отмѣчавшіе современныя событія, то мы съ такимъ же если не большимъ еще правомъ должны допустить, что они существовали при самомъ Соломонѣ. Вѣдь даже относительно болѣе ранняго Давида текстъ обстоятельно указываетъ, что онъ царствовалъ 40 лѣтъ и шесть мѣсяцевъ, а именно 7 лѣтъ съ половиной въ Хевронѣ и 33 года въ Іерусалимѣ. Тотъ же текстъ весьма подробно датируетъ въ хронологическомъ отношеніи исторію мятежа Авесалома (См. Сам. II, XIII, 23,

38; XIV, 28; XV, 7.). Точно указана была въ текстѣ также продолжительность царствованія Саула, какъ мы увидимъ ниже. Да и относительно самого Соломона Библия даетъ всѣ важнѣйшія даты. Сказано, напримѣръ, что постройка храма была имъ начата на второмъ мѣсяцѣ четвертаго года его царствованія, что постройка эта продолжалась 7, а постройка дворца—13 лѣтъ; въ другомъ мѣстѣ дополнительно сказано, что сооруженія храма и дворца вмѣстѣ заняло 20 лѣтъ и т. д. Нельзя же допустить, чтобы составитель „Книги Царей“ просто выдумалъ всѣ эти даты, а не нашелъ ихъ въ современныхъ записяхъ. По всей вѣроятности, и при Соломонѣ, какъ при Давидѣ и Саулѣ, были такіе люди, которые интересовались современными имъ событіями, запоминавшіе и отмѣчавшіе въ назиданіе потомству все крупное и важное. Возможно ли притомъ допустить, чтобы эти лица не поинтересовались отмѣтить, сколько именно лѣтъ царствовалъ величайшій изъ израильскихъ царей, Соломонъ? На нашъ взглядъ это совершенно немислимо. И мы не имѣемъ поэтому ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ томъ что Соломонъ дѣйствительно царствовалъ сорокъ лѣтъ. Но у насъ есть кромѣ того и другое основаніе считать эту дату достовѣрной и точной. Соломонъ, какъ мы видѣли, женился на дочери фараона Пусеннеса, поддерживалъ съ египетскимъ дворомъ постоянныя сношенія и усердно перенималъ нравы и обычаи египетскаго двора. По примѣру фараоновъ, на которыхъ египтяне смотрѣли, какъ на божества, Соломонъ съ своей стороны стремился внушить народу, что онъ, царь въ странѣ все, что отъ него все должно исходить и къ нему возвращаться. Въ Египтѣ между тѣмъ издавна было въ обычаѣ всякое событіе, отъ важнѣйшихъ до самаго незначительнаго, отмѣчать годами царствованія соотвѣтственнаго фараона. Бунзенъ (*Aegypten IV*, 112) на этотъ счетъ замѣчаетъ: „Они, египтяне, не являлись на свѣтъ, не жили и не умирали безъ того, чтобы это не отмѣчалось годами царствованія подлежащаго фараона“. Безъ сомнѣнья, подъ влияніемъ этого египетскаго обычая годы царствованій при Соломонѣ сдѣлались такъ сказать обязательнымъ хронологическимъ канонемъ. Какъ въ Египтѣ жрецы, такъ въ Израильскомъ Царствѣ арониды или левиты получили отъ царя предписаніе или въ угоду ему сами стали отмѣчать всѣ общественныя событія по солнечнымъ часамъ его царскаго величества.

Сорокалѣтіе Соломонова царствованія по всѣмъ этимъ соображеніямъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Одинъ камень прет-

кновенія въ древней израильской хронологіи такимъ образомъ устраненъ. Вышеприведенная же дата, опредѣляющая продолжительность царствованія Давида въ 40¹/₂ лѣтъ, дана текстомъ въ такой категорической формѣ и столь правдоподобна, что ни одинъ изъ хронологовъ никогда и не сомнѣвался въ ея точности. Что же касается Саула, то единственная и весьма темная хронологическая дата, къ нему относящаяся, представляетъ второй камень преткновенія, устранить который гораздо труднѣе, чѣмъ первый. Это единственное указаніе текста (Сам. I. XIII, 1) на продолжительность Саулова царствованія, гласитъ: *בן שנה ושלשים ושלשה* *למלכותו*. Загадочный стихъ этотъ вызвалъ цѣлый рядъ самыхъ несообразныхъ толкованій, критическій обзоръ которыхъ сдѣланъ въ статьѣ Реша о библейской хронологіи (Herzog, Real-Encyclopaedie XVIII, 453). Изъ всѣхъ предположеній, по поводу этого стиха высказанныхъ, наиболѣе подходящимъ слѣдуетъ считать мнѣнія Скалигера, полагающаго, что въ стихѣ пропущены двѣ числовыя даты,—одна, указывавшая, сколько лѣтъ было Саулу, когда онъ сталъ царемъ, и другая, опредѣлявшая продолжительность его царствованія. Ни самому Скалигеру, ни другимъ хронологамъ до сихъ поръ, однако, не удалось удовлетворительнымъ образомъ заполнить этотъ пробѣлъ и воспроизвести пропущенныя числа. Одна греческая схолія даетъ для первой половины стиха цифру 30, но уже Бунзенъ (Aegypten I, 3, 231; IV, 372) правильно замѣтилъ, что это число въ данномъ случаѣ недостаточно: при вступленіи своемъ на престолъ Саулъ долженъ былъ быть гораздо старше, такъ какъ онъ тогда имѣлъ уже взрослого сына Іонатана. Въмѣсто 30 здѣсь первоначально скорѣе могло фигурировать число сорокъ, и первая половина даннаго стиха вѣроятно гласила: *בן ארבעים שנה שאול במלכותו*. Но эта дата для хронологіи значенія не имѣетъ. Гораздо важнѣе выяснить, какое слово пропущено во второй половинѣ стиха, т. е. сколько лѣтъ Саулъ былъ царемъ.

Бунзенъ полагаетъ, что двадцать два года и что текстъ въ этомъ мѣстѣ первоначально гласилъ: *במלכותו ועשרים ושתי שנים* *מלך*. Слово *עשרים* по его предположенію, въ послѣдствіи было замѣнено числовой буквой 'ב', которая затѣмъ выпала, такъ что осталось одно *ושתי*. Это объясненіе не выдерживаетъ никакой критики. Если бы слово *עשרים* было здѣсь замѣнено буквеннымъ знакомъ, то это было бы, разумѣется, не *ב*, а *כ*. Какимъ же образомъ въ стихѣ могло остаться слово *ושתי*? Объясненіе Бунзена кромѣ

того грѣшить и противъ еврейской грамматики. При числахъ отъ двадцати и выше никогда не употребляется שנים, множественное число, а всегда שנה, единственное; кромѣ того число единицъ при этомъ ставится не въ Status cinctus וְשָׁנָה, а въ абсолютной формѣ, такъ что вмѣсто совершенно неправильныхъ бунзеновскихъ שנים עשרים ושתי שנים здѣсь должно было быть либо שנים עשרים либо שנה עשרים ושתי שנים. Изъ того, что въ стихѣ остались именно эти два слова, שנים и וְשָׁנָה между тѣмъ прямо слѣдуетъ, что здѣсь пропущено слово עשרה, десять, а не עשרים, двадцать. При числѣ двѣнадцать, правда, въ большинствѣ случаевъ употребляется שנה но можно поставить и שנים (Ср., напримѣръ, у Нехеміи V, 14: שנים עשרה). Такимъ образомъ дата Саулова царствованія первоначально должна была гласить: וְשָׁנָה עשרה שנים נלך על ישראל, и первый израильскій царь занималъ, слѣдовательно, престолъ не двадцать два, а двѣнадцать лѣтъ. Всѣ событія его царствованія отлично укладываются въ это число лѣтъ. Въ пользу 12-лѣтняго правленія Саула говоритъ еще и другое соображеніе. Изъ текста слѣдуетъ, что Давиду при смерти Саула было тридцать лѣтъ, такъ какъ сказано, что онъ жилъ всего семьдесятъ, а царствовалъ сорокъ (40) лѣтъ. При вступленіи на престолъ Саула—если послѣдній, какъ мы это допускаемъ, дѣйствительно царствовалъ двѣнадцать лѣтъ—Давиду, слѣдовательно, было около 18 лѣтъ, т. е. приблизительно столько же, сколько его другу Ионатану. Если же мы вмѣстѣ съ Бунзеномъ допустимъ, что Саулъ царствовалъ не 12, а 22 года то окажется, что Давиду при вступленіи его предшественника на престолъ было всего *восемь* лѣтъ. А въ этомъ случаѣ не можетъ быть, разумѣется, и рѣчи ни о дружбѣ его съ Ионатаномъ, ни о его единоборствѣ съ Голиафомъ. Изъ текста между прочимъ видно, что предъ вступленіемъ Давида въ бой съ филистимскимъ богатыремъ Саулъ „облекъ его воинской одеждой своей, и возложилъ мѣдный шлемъ на главу его, и надѣлъ на него броню“ (Сам. 1, XVII, 38): само собой разумѣется, что съ восьмилѣтнимъ ребенкомъ Саулъ этого не могъ бы сдѣлать. Выраженіе же עָרַב, которое текстъ примѣняетъ къ Давиду въ рассказѣ о его помазаніи на царство, нисколько не противорѣчитъ его 18-лѣтнему возрасту. עָרַב называли всякаго молодого человѣка, жившаго въ родительскомъ домѣ, и этимъ же словомъ текстъ (Сам. 1, XVI, 11) называетъ не только Давида, но и всѣхъ старшихъ братьевъ его.

Въ общемъ мы такимъ образомъ имѣемъ довольно точныя хронологическія данныя за всю царскую эпоху, отъ конца эпохи

судей и вплоть до разрушенія Іерусалима. Соломонъ скончался и Рехавеамъ вступилъ на престолъ, какъ мы выше видѣли, въ 977 (975) году до Р. Хр. Прибавимъ къ этому числу 40 лѣтъ царствованія Соломона, 40 лѣтъ Давида и 12—Саула, а всего 92 года, и мы получимъ, что конецъ эпохи судей и начало израильскаго царства падаетъ на $977 - 92 = 1069$ годъ до христіанской эры. За этотъ періодъ, обнимающій пятьсотъ съ лишнимъ лѣтъ, хронологія израильская настолько надежна, насколько она вообще можетъ быть таковой при счетѣ по годамъ царствованій. Гораздо менѣе достовѣрными хронологическія данныя текста становятся въ дальнѣйшемъ періодѣ, въ эпоху судей, такъ какъ данныя, относящіяся къ дѣятельности отдѣльныхъ судей, даются текстомъ большей частью въ круглыхъ цифрахъ; хронологію затѣмъ запутываетъ здѣсь еще и то обстоятельство, что нѣкоторые судьи выступали одновременно, какъ напримѣръ Іефтахъ и Самсонъ. Египтологи пользуются этой неопредѣленностью датъ для того, чтобы въ угоду своей египетской хронологіи свести продолжительность всей эпохи судей, отъ самаго завоеванія Ханаана до избранія Саула на царство, до 200 лѣтъ: этимъ ученымъ, съ ихъ апокрифической хронологіей (см. выше, стр. 323-324) мы рекомендуемъ обратить вниманіе на категорическое указаніе Книги Судей, которая устами Іефтаха говоритъ, что со времени водворенія израильтянъ въ Ханаанъ и до него, Іефтаха, прошло не менѣе трехсотъ лѣтъ: *לשׁ למי שׁתׁ* (Судьи XI, 26). Пусть это число „круглое“, пусть его въ уста Іефтаху вложилъ позднѣйшій лѣтописецъ,—все равно, одинъ или другой, говоря о трехстахъ годахъ, долженъ былъ навѣрное знать, что со времени послѣдняго года странствованія въ пустынь и до Іефтаха прошло во всякомъ случаѣ больше двухсотъ лѣтъ.

Промежутокъ въ 480 лѣтъ, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ хронологовъ, прошелъ отъ исхода изъ Египта до сооруженія Соломонова храма, во всякомъ случаѣ нѣсколько великъ. Но больше четырехсотъ лѣтъ между этими событіями непременно должно было пройти, считая въ томъ числѣ 40 лѣтъ странствованій въ пустыняхъ, 300 лѣтъ приблизительно, прошедшихъ затѣмъ до Іефтаха и 52 года царствованій Саула и Давида—395 лѣтъ, и прибавивъ сюда еще время Элія и Самуила. По словамъ составителя родословной Самуила (Паралипоменонъ 1, VI, 7—12, 18—23) между Корахомъ, современникомъ Моисея, и Самуиломъ прошло 14 поколѣній, что по минимальному расчету даетъ больше 400 лѣтъ. Мы

имѣемъ поэтому основанія думать, что только что приведенное число 480 не на много уклоняется отъ истины и что исходъ изъ Египта во всякомъ случаѣ произошелъ до 1400 года до христіанской эры.

Наша дата для распадѣнія царства, 977 до Р. Хр., отклоняется отъ даты, вычисленной Петавіусомъ и Ушеромъ (975) всего на два года. Согласно нашей цифрѣ:

Сауль царствовалъ между	1069—1057	гг. до Р. Хр.
Давидъ „ „	1057—1017	„ „ „
Соломонъ „ „	1017— 977	„ „ „

Но такъ какъ 92 года, обнимаемые этими тремя царствованіями, были лунные (см. выше, стр. 345), то переводя ихъ на обыкновенные, въ 365 дней, мы должны урѣзать ихъ по меньшей мѣрѣ на два года. Сауль такимъ образомъ царствовалъ въ 1067—1055 гг.

Прилагаемая при семъ синхронистическія таблицы наглядно изображаютъ всѣ внесенныя нами въ даты текста поправки и въ общемъ даютъ возможно точный хронологическій обзоръ эпохи царей. Онѣ показываютъ синхронизмъ параллельныхъ царствованій изъ нихъ видно также, въ какихъ случаяхъ даты царствованій даны въ полныхъ или неполныхъ годахъ. Двойныя цифры при годахъ 1—2, 2—3 и т. д. означаютъ, что лишь нѣкоторая часть даннаго года покрывается соотвѣтственнымъ параллельнымъ или синхронистическимъ годомъ; 0—1 означаетъ, что данный годъ царствованія слѣдуетъ считать неполнымъ. Перечисленіе лунныхъ годовъ, относящихся къ датамъ до царствованія Хизкіи на солнечные сдѣлано по расчету 33 короткихъ на 32 обыкновенныхъ. Цифры, набранныя жирнымъ шрифтомъ, наглядно показываютъ это сокращеніе. Третья таблица показываетъ продолжительность правленій іудейскихъ царей отъ Хизкіи до паденія царства, а равно и синхронизмъ этихъ царствованій съ правленіями вавилонскихъ царей по Птолемею „Канону Регентовъ“. Изъ этой таблицы видно, что даты царствованій послѣднихъ шести іудейскихъ царей показаны въ комбинированныхъ лунныхъ, т. е. почти въ солнечныхъ годахъ, причемъ 14 годъ Хизкіи соотвѣтствуетъ 12 году Мардокемпада, четвертый годъ Іоакима—первому Набоколоссара и одиннадцатый годъ Цидкіи—девятнадцатому году того же Набоколоссара. Изъ этихъ трехъ синхронистическихъ датъ слѣдуетъ, что Хизкія вступилъ на престолъ, въ 723-724 г. до Р. Хр. Изъ нихъ же вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ, что предшествующія даты

къ царствованіямъ послѣднихъ іудейскихъ царей относящіяся и въ третьей таблицѣ показанныя, всѣ вѣрны.

Всѣ три таблицы показываютъ, наконецъ, съ какимъ годомъ общей до-христіанской эры каждая фигурирующая въ нихъ дата совпадаетъ или по крайней мѣрѣ должна совпадать. Вообще же параллелизацію съ общимъ лѣтосчисленіемъ можно принимать лишь приблизительно, такъ какъ въ точности неизвѣстно, въ какомъ именно году Хизкія ввелъ свою календарную реформу, т. е. когда прекратился счетъ времени на лунные годы. Гипотетически допускаютъ, что это произошло на седьмомъ году царствованія Хизкіи, или чрезъ годъ послѣ паденія десятиколѣннаго царства. Синхронистическія несоотвѣтствія, какія при этомъ могутъ произойти, какъ и всѣ прочія неточности въ датахъ, подробно нами выше указанныя, въ совокупности представляютъ, однако, величины столь незначительныя, что хронологію царской эпохи въ ея исправленномъ видѣ, нельзя не признать въ общемъ весьма точной.—гораздо болѣе точной, во всякомъ случаѣ, чѣмъ египетская, ассирійская и финикійская хронологіи.

Синхронистическія таблицы царей іудейскихъ и израильскихъ.

I.

Отъ раздвоенія царства до смерти Ахазіи и гибели послѣдняго Омрида.

До Р. Хр.	ЦАРИ ІУДЕЙСКІЕ	Годы царств.	Годы по порядку	Годы царств.	ЦАРИ ИЗРАЙЛЬСКІЕ
977	Рехавсамъ (17 л.)	1	1	1	Іеровеамъ I (22 г.)
		2	2	2	
975	3	3	3	
		4	4	4	
		5	5	5	
		6	6	6	
		7	7	7	
		8	8	8	
		9	9	9	
		10	10	10	
		11	11	11	
		12	12	12	
		13	13	13	
		14	14	14	
		15	15	15	
		16	16	16	
		17	17	17	
960	Авіамъ (3 года ¹⁾)	1	18	18	
		2	19	19	
		3	{ 20	20	
0—1	21				
957	Аса (41 годъ ²⁾)	1—2	21	21	

1) На восемнадцатомъ году царствования Іеровеама **Царя** I. XV, 1.
2) На двадцатомъ году царствования Іеровеама. **Царя** I. XV, 9.

До Р. Хр.	ЦАРИ ИУДЕЙСКІЕ	Годы царств.	Годы по порядку	Годы царств.	ЦАРИ ИЗРАИЛЬСКІЕ
955	Аса	2—3	22	22 0—1	Геровеамъ Надавъ (2 года ¹)
954	3—4	23	1—2 0—1	Ваша (24 года, ²)
		4—5	24	1—2	
		5—6	25	2—3	
		6—7	26	3—4	
		7—8	27	4—5	
		8—9	28	5—6	
		9—10	29	6—7	
		10—11	30	7—8	
		11—12	31	8—9	
		12—13	32	9—10	
		13—14	33	10—11	
		14—15	34	11—12	
		15—16	35	12—13	
943	16—17	36	13—14	
		17—18	37	14—15	
		18—19	38	15—16	
		19—20	39	16—17	
		20—21	40	17—18	
		21—22	41	18—19	
		22—23	42	19—20	
		23—24	43	20—21	
		24—25	44	21—22	
		25—26	45	22—23 23—24	
933	26—27	46	0—1	Эла (2 года, ³)
932	27—28	47	1—2 0—1	Омри—Тивни (12 лѣтъ, ⁴) (4 года)
932	28—29	48	1—2	Омри—Тивни
931	29—30	49	2—3	
		30—31	50	3—4	
				4—5	Омри одинъ, ⁵)
929	31—32	51		
928				

1) На второмъ году царствования Асы. Цари I. XV, 25

2) На третьемъ году царствования Асы. Цари I. XV, 28. 33

3) На двадцать шестомъ году царствования Асы. Цари I. XVI 8.

4) На двадцать седьмомъ году царствования Асы. Цари I. XVI 15-16. Семидневное правленіе Зимри, какъ и другихъ царей, царствовавшихъ менѣе одного года, въ эти таблицы не входятъ.

5) Цари I. XIV, 22-23.

До Р. Хр.	ЦАРИ ИУДЕЙСКІЕ	Годы царств.	Годы по порядку	Годы царств.	ЦАРИ ИЗРАИЛЬСКІЕ
	Аса	32—33	52	5—6	Омри одинъ
		33—34	53	6—7	
		34—35	54	7—8	
		35—36	55	8—9	
		36—37	56	9—10	
		37—38	57	10—11	
922	38—39	58	0—1	Ахавъ 22 го
		39—40	59	1—2	
		40—41	60	2—3	
		41	61	3—4	
918	Иосафатъ (25 л. *)	0—1	62	4—5	
		1—2	63	5—6	
		2—3	64	6—7	
		3—4	65	7—8	
		4—5	66	8—9	
		5—6	67	9—10	
		6—7	68	10—11	
		7—8	69	11—12	
		8—9	70	12—13	
		9—10	71	13—14	
911	10—11	72	14—15	
		11—12	73	15—16	
		12—13	74	16—17	
		13—14	75	17—18	
		14—15	76	18—19	
		15—16	77	19—20	
		16—17	78	20—21	
		17—18	79	21—22	
				0—1	
		901	18—19	
899	19—20	81	0—1	Иегорамъ (12 л. *)
		20—21	82	1—2	
		21—22	83	2—3	
		22—23	84	3—4	
		23—24	85	4—5	
		24—25	86	5—6	
894	Иорамъ (8 л. ⁵⁾)	0—1			

1) На тридцать восьмомъ году царствованія Асы. Цари I. XVII 2 .
 2) На четвертомъ году царствованія Ахава Цари I. XXII, 42.
 3) На семнадцатомъ году царствованія Иосафата. Цари I. 22, 52.
 4) На восемнадцатомъ году царствованія Иосафата. Цари II. III 1, по Seder Olam
 Раба на девятнадцатомъ году: см. выше стр. 330.
 5) На пятомъ году царствованія Иегорама. Цари II. VIII, 16-17.

До Р. Ур.	ЦАРИ ИУДЕЙСКІЕ	Годы царств.	Годы по порядку	Годы царств.	ЦАРИ ИЗРАИЛЬСКІЕ
	Иорамъ	1—2	87	6—7	Иегорамъ
		2—3	88	7—8	
		3—4	89	8—9	
		4—5	90	9—10	
		5—6	91	10—11	
		6—7	92	11—12	
		7—8	93	12	
888 887	Ахазія (1 годъ¹)	0—1			

1) На двѣнадцатомъ году царствованія Иегорама Царя II, VIII, 25 (Ср. т. же IX, 29)

II

Отъ вступленій на престолъ Аталіи и Іегу до разрушенія Самаріи и паденія десятиколѣннаго царства.

До Р. Хр.	ЦАРИ ИУДЕЙСКІЕ	Годы царств.	Годы по порядку	Годы царств.	ЦАРИ ИЗРАИЛЬСКІЕ	Общее число лѣтъ
887	Аталія (6-7 л.)	1	1	1	Іегу 28 (ѣтъ)	94
886		2	2	2		95
		3	3	3		96
		4	4	4		97
		5	5	5		98
		6	6	6		99
	6—7	}	7	7		100
881	Іоашъ (40 л. ¹⁾)		0—1	8	8	101
		1—2	9	9		102
879	2—3	10	10		103
		3—4	11	11		104
		4—5	12	12		105
		5—6	13	13		106
		6—7	14	14		107
		7—8	15	15		108
		8—9	16	16		109
		9—10	17	17		110
		10—11	18	18		111
		11—12	19	19		112
		12—13	20	20		113
		13—14	21	21		114
		14—15	22	22		115
		15—16	23	23		116
		16—17	24	24		117
		17—18	25	25		118
		18—19	26	26		119
		19—20	27	27		120
		20—21	28	28		121
		21—22	29	1	Іоахаъ 16 л., по тексту 17 л. ²⁾)	122
860	22—23	30	2		123

1) На седьмомъ году царствованія Іегу. Царств. II. XII, 2.

2) На двадцать третьемъ году царствованія Іегоаша. Царств. II. XIII, 1.

До Р. Хр.	ЦАРИ ИУДЕЙСКІЕ	Годы царств.	Годы по порядку	Годы царств.	ЦАРИ ИЗРАИЛЬСКІЕ	Общее число лѣтъ			
847	Иоашъ.	24—25	31	3	Иоахазъ.	124			
		25—26	32	4		125			
		26—27	33	5		126			
		27—28	34	6		127			
		28—29	35	7		128			
		29—30	36	8		129			
		30—31	37	9		130			
		31—32	38	10		131			
		32—33	39	11		132			
		33—34	40	12		133			
		34—35	41	13		134			
		35—36	42	14		135			
		36—37	43	15		136			
		844	37—38		44	16	Иегоашъ (16 л. 1)	137
38—39	45			0—1	138				
843	Амація (29 л.)	39—40	46	1—2	Иеровоамъ II (61 по тексту 41 2)	139			
		0—1		2—3		140			
		1—2	47	3—4		141			
		2—3	48	4—5		142			
		3—4	49	5—6		143			
		4—5	50	6—7		144			
		5—6	51	7—8		145			
		6—7	52	8—9		146			
		7—8	53	9—10		147			
		8—9	54	10—11		148			
		9—10	55	11—12		149			
		10—11	56	12—13		150			
		11—12	57	13—14		151			
		12—13	58	14—15		152			
		13—14	59	15—16		153			
		830	14—15		60	16		154
				15—16		61	0—1		155
16—17	62			1—2	156				
17—18	63			2—3	157				
18—19	64			3—4	158				
19—20	65			4—5	159				

1) На тридцать седьмомъ году царствованія Иегоаша. Цари II. XIII, 10.

2) На второмъ году царствованія Иегоаша. Цари II. XIV, 1.

3) На пятнадцатомъ году царствованія Амаціи. Цари II. XIV, 23.

До Р. Хр.	ЦАРИ ИУДЕЙСКІЕ	Годы царств.	Годы по порядку	Годы царств.	ЦАРИ ИЗРАИЛЬСКІЕ	Общее число лѣтъ.
821	Амація	20—21	66	6—7	Героверамъ II	159
		21—22	67	7—8		160
		22—23	68	8—9		161
		23—24	69	9—10		162
		24—25	70	10—11		163
		25—26	71	11—12		164
		26—27	72	12—13		165
		27—28	73	13—14		166
815	Междуцарст. 1)	28—29	74	14—15		167
		1	75	15—16		168
		2	76	16—17		169
		3	77	17—18		170
		4	78	18—19		171
		5	79	19—20		172
		6	80	20—21		173
		7	81	21—22		174
		8	82	22—23		175
		9	83	23—24		176
		10	84	24—25		177
		11	85	25—26		178
805	Узія (52 года 2)	12	86	26—27		179
		0—1			26—27	179
		1—2	87	27—28		180
		2—3	88	28—29		181
		3—4	89	29—30		182
		4—5	90	30—31		183
		5—6	91	31—32		184
		6—7	92	32—33		185
		7—8	93	33—34		186
		8—9	94	34—35		187
		9—10	95	35—36		188
		10—11	96	36—37		189
		11—12	97	37—38		190
		12—13	98	38—39		191
789	13—14	99	39—40		192
		14—15	100	40—41		193
		15—16	101	41—42		194
		16—17	102	42—43		195
		17—18	103	43—44		196
		18—19	104	44—45		197

1) См. выше стр. 331.

2) На двадцать седьмомъ году царствованія Героверамъ II. Цари II. XV, 1.

До Р. Хр.	ЦАРИ ИУДЕЙСКІЕ	Годы царств.	Годы по порядку	Годы царств.	ЦАРИ ИЗРАИЛЬСКІЕ	Общее число лѣтъ			
783	Узія	19—20	105	45—46	Іеровеахъ II	198			
		20—21	106	46—47		199			
		21—22	107	47—48		200			
		22—23	108	48—49		201			
		23—24	109	49—50		202			
		24—25	110	50—51		203			
		25—26	111	51—52		204			
		26—27	112	52—53		205			
		27—28	113	53—54		206			
		28—29	114	54—55		207			
		29—30	115	55—56		208			
		30—31	116	56—57		209			
		31—32	117	57—58		210			
		32—33	118	58—59		211			
		33—34	119	59—60		212			
769	34—35	120	60—61	Захарія ²⁾	213			
		35—36	121	61 (62 ¹⁾)		214			
		36—37	122	(62—63)		215			
		37—38	123	(63)		0—1	Захарія ²⁾	216	
				0—1					
		763	38—39		124	0—1	Менахемъ (10 лѣтъ ³⁾)	217
				39—40		125	1—2		218
				40—41		126	2—3		219
				41—42		127	3—4		220
				42—43		128	4—5		221
43—44	129			5—6	222				
44—45	130			6—7	223				
45—46	131			7—8	224				
46—47	132			8—9	225				
757			47—48	133	9—10	Пекахія (2 г. ⁴⁾)		226
		48—49	134	10	227				
		49—50	135	1	228				
		50—51	136	2	229				
		51—52	137	1	230				
754	Іотахъ 16 л., ⁶⁾	1	138	2	Пекахъ (20 л. ⁵⁾)	231			
		2	139	3		232			
		3	140	4		233			

1) См. выше стр. 332 и 336

2) На тридцать восьмомъ году царствованія Узія. Цари II. XV, 8.

3) Правленіе Шадума, царствовавшаго лишь одинъ мѣсяць, особо здѣсь не упомянуто. Правленіе Менахема—на 39 году царствованія Узія. Цари II, XV, 17,

4) На пятидесятомъ году царствованія Узія. Цари II. XV, 23.

5) На пятьдесятъ второмъ году царствованія Узія. Цари II, XV, 27.

6) На второмъ году царствованія Пекаха. Цари II. XV, 32.

До Р. Хр.	ЦАРИ ИУДЕЙСКІЕ	Годы царств.	Годы по порядку	Годы царств.	ЦАРИ ИЗРАИЛЬСКІЕ	Общее число лѣтъ.			
751	Ютамъ	4	141	5	Некахъ	234			
		5	142	6		235			
		6	143	7		236			
		7	144	8		237			
		747	8		145	9	(Начало эры Набонассара)	238
				9		146	10		239
				10		147	11		240
				11		148	12		241
				12		149	13		242
				13		150	14		243
				14		151	15		244
				15		152	16		245
		739	Ахазъ 16 л. *)	15—16		153	17		246
				0—1					
				1—2					
2—3	155			19	248				
736	3—4	156	20	Междуцарст. *)	249			
		0—1							
		4—5	157	1—2		250			
		5—6	158	2—3		251			
		6—7	159	3—4		252			
		7—8	160	4—5		253			
		8—9	161	5—6		254			
		9—10	162	6—7		255			
		10—11	163	7—8		256			
		11—12	164	8—9		257			
		727	12—13		165	9—10	Гошеа (9 л. *)	258
0—1									
13—14	166			1—2	259				
14—15	167			2—3	260				
15—16	168			3—4	261				
0—1									
725 724	Хизкія *)	0—1	169	4—5		262			
		1—2							
		2—3					170	5—6	263
		3—4					171	6—7	264
720	4—5	172	7—8		265			
		5—6	173	8—9 ^{b)}		266			

1) На семнадцатомъ году царствованія Некаха. Цари II. XVI, 1.
 2) См. выше стр. 336.
 3) На двѣнадцатомъ году царствованія Ахаза. Цари II. XVII, 1.
 4) На третьемъ году царствованія Гошеа. Цари II. XVIII, 1.
 5) На шестомъ году царствованія Хизкія. Цари II. XVIII, 10.

III

Отъ Хизкія до разрушенія Іерусалима.

До Р. Хр.	ЦАРИ ІУДЕЙСКІЕ	Годы царств.	Годы по порядку	Годы правления	ЭРА НАВОНАССАРОВА	
724	Хизкія (29 лѣтъ)	1	1	3	Илулай	
723		2	2	4		
722		3	3	5		
721		4	4	1		Мардокемпдъ (Меродахъ-Бала- данъ).
		5	5	2		
		6	6	3		
		7	7	4		
		8	8	5		
		9	9	6		
715	10	10	7		
		11	11	8		
		12	12	9		
		13	13	10		
		14	14	11		
710	15	15	12		
709		16	16	1	Аркеанъ	
	17	17	2			
	18	18	3			
	19	19	4			
	20	20	5			
705	21	21	1		
704		22	22	2	Междуцарствіе I	
702	23	23	1		
		24	24	2	Белибъ	
700	25	25	3		
699		26	26	1	Апаранадъ	
	27	27	2			
	28	28	3			
	29	29	4			
695	Манаше (55 лѣтъ)	1	30	5		
		2	31	6		
693		3	32	1	Реgebель
692			4	33	1	
		5	34	2		
		6	35	3		

До Р. Хр.	ЦАРИ ИУДЕЙСКІЕ	Годы царств.	Годы по порядку	Годы правлен.	ЭРА НАБОНАССАРОВА
688	Манаше	7	36	4	Мезезмордакъ Междуцарствіе II
		8	37	1	
		9	38	2	
685	10	39	3	
		11	40	4	
		12	41	5	
		13	42	6	
680	14	43	7	Азаридинъ
		15	44	8	
		16	45	1	
		17	46	2	
		18	47	3	
		19	48	4	
675	20	49	5	
		21	50	6	
		22	51	7	
		23	52	8	
		24	53	9	
670	25	54	10	
		26	55	11	
		27	56	12	
		28	57	13	
667	29	58	1	Саосдухинъ
		30	59	2	
665	31	60	3	
		32	61	4	
		33	62	5	
		34	63	6	
		35	64	7	
		36	65	8	
		37	66	9	
		38	67	10	
660	39	68	11	
		40	69	12	
		41	70	13	
		42	71	14	
		43	72	15	
665	44	73	16	
		45	74	17	
		46	75	18	
		47	76	19	
650	48	77	20	

До Р. Хр.	ЦАРИ ИУДЕЙСКІЕ	Годы царств.	Годы по порядку	Годы правлен.	ЭРА НАВОНАССАРОВА
647	Маваше	49	78	1	Ксиноладанъ
		50	79	2	
645	51	80	3	
		52	81	4	
		53	82	5	
		54	83	6	
		55	84	7	
640	Амонъ (2 года)	1	85	8	
		2	86	9	
638	Юшія (31 годъ)	1	87	10	
		2	88	11	
		3	89	12	
635	4	90	13	
		5	91	14	
		6	92	15	
		7	93	16	
		8	94	17	
630	9	95	18	
		10	96	19	
		11	97	20	
		12	98	21	
626	13	99	22	
625	14	100	1	Набонлассаръ
		15	101	2	
		16	102	3	
		17	103	4	
		18	104	5	
620	19	105	6	
		20	106	7	
		21	107	8	
		22	108	9	
		23	109	10	
615	24	110	11	
		25	111	12	
		26	112	13	
		27	113	14	
		28	114	15	
610	29	115	16	
		30	116	17	
		31	117	18	
607	Юджимъ (11 л. 1)	1	118	19	

1) Послѣ Юшіи царствовалъ 3 мѣсяца Юахазъ.

До Р. Хр.	ЦАРИ ИУДЕЙСКІЕ	Годы царств.	Годы по порядку	Годы правленія	ЭРА НАБОНАССАРОВА
	Іоакимъ	2	119	20	Набополассаръ
605	3	120	21	
604	4	121	1	Набоколассаръ
		5	122	2	(Невухаднецаръ)
		6	123	3	
		7	124	4	
600	8	125	5	
		9	126	6	
		10	127	7	
		11	128	8	
596	Цидкія (11 л. 1)	1	129	9	
595	2	130	10	
		3	131	11	
		4	132	12	
		5	133	13	
590	6	134	14	
		7	135	15	
		8	136	16	
		9	137	17	
		10	138	18	
586	11	139	19	

1) Пслѣ Іоакима царствовали три мѣсяца Іоакимъ.

УКАЗАТЕЛЬ

- Ааронъ**, см. Аронъ.
Абира, см. Офиръ.
Абиръ 55.
Авдонъ 134.
Авель 248.
Авесаломъ 231—244.
Авигайлъ 194.
Авимелехъ 125—127, 311.
Авинадавъ 140, 217.
Авинадавъ, сынъ Саула 198.
Авиталь 205.
Авишагъ 257.
Авишай 188, 208, 209, 224, 225, 239, 246, 247.
Авитаръ 190—191, 202, 211, 218, 220, 238, 250, 258.
Авія 152.
Авверъ 157, 161, 169, 193, 205—209.
Авраамъ 46, 48, 49, 103, 148.
Агагъ 170, 171, 173.
Агалиавъ 52.
Адонирамъ 262, 272.
Адонисъ 102.
Адонія 232, 250—252, 257.
Адріель 183.
Адулламъ 187, 214.
Азарія 266.
Азарія бенъ Натанъ 272.
Аинъ-Этамъ
Ай 83.
Айлатъ 76, 269, 270.
Акко 45, 134.
Алилатъ 105.
Амалекиты 67—68, 105, 170, 171, 202.
Амаса 237, 242, 245, 247.
Аммониты 78, 105, 128—130, 153, 166, 167, 223—225.
Аммонъ, богъ египетскій, 53.
Амвонъ 230—231.
Аморен 46, 78.
Амрамъ 56.
- Анакиты** 44, 309.
Антиливанъ, см. Хермонъ.
Апись 73.
Арадъ, городъ 45.
Арадъ, царь 77.
Арамейцы 103, 104, 223.
Арамъ 103.
Арамъ-Дамаскъ 103.
Арамъ-Хамать 103.
Арамъ-Цова 103, 224.
Арна 236.
Ароеръ 99.
Арониды 151, 280. См. также „Левиты“
Аронъ 55, 61—62.
Арумъ 126.
Асанлъ 188, 208.
Асафиды 218.
Асафъ 150, 218, 266.
Аскалонъ 104.
Асмунъ 102.
Астарта 102.
Атира, см. Гатора.
Афекъ 138.
Ахимааца 241.
Ахмелехъ 190.
Ахиноамъ, жена Давида 194.
Ахиноамъ, жена Саула 175.
Ахитофель 220, 230—242.
Ахитувъ I 151.
Ахитувъ II 191.
Ахишуръ 272.
Ахишъ 187, 194—196, 215.
Ахія 217.
Ахія, священнослужитель 163, 165.
Ахія, пророкъ 265, 293.
Ашдождъ 704, 139—140.
Баана 210.
Вааль см. Ваалъ.
Балакъ 79.
Бальзамъ гилеадскій 91, 318—319
Басанъ, см. Башанъ.
Басмата 295.

- Батшева 195, 228 и слѣд., 251.
 Бахуримъ 239, 241.
 Вашанъ 79.
 Беершева 148, 152.
 Безерь 278.
 Венаягу 188, 220, 223, 238, 257, 258.
 Ветель 83, 92, 107, 108, 150, 152.
 Ветлекемъ 147, 178, 179, 181.
 Ветрамта 319.
 Ветъ-Мааха, см. Авель.
 Ветъ-Харанъ 91, 319.
 Ветъ-Хоронъ 271.
 Ветъ-Шеанъ 198, 199.
 Ветъ-Шемешъ 140.
 Ветъ-Яшанъ 149.
 Вецалель 52.
 Вибла 45.
 Библия, см. Вибла.
 Виблосъ 45, 262.
 Вилеамъ 79.
 Воазъ 263.
 Богатство страны при Соломонѣ 268, 269, 292.
 Богослуженіе Въ Гилгалѣ и Рамѣ 150.
 Богослуженіе въ Иерусалимѣ 218.
 Бракъ у израильтянъ 281, 282.
 Бубастисъ 54, 293, 306.
Ваалотъ 271.
 Ваалти 102.
 Вааль 102, 103.
 Вааль Беритъ 125.
 Вааль Гадъ 107.
 Вааль Зевувъ 105.
 Вааль-Пеоръ 79.
 Вааль-Перазимъ 214.
 Вааль-Хацоръ 231.
 Вааль-Хермонъ 107.
 Вааль-Цефонъ 64.
 Варакъ 116—119.
 Введеніе царской власти 153—156.
 Ввозъ и вывозъ 316—319.
 Веніаминово колѣно 51, 86, 113, 245 и др.
 Върученіе израильтянъ 47, 289.
Гааль 126, 127.
 Гададезеръ 223—224.
 Гадово колѣно 50, 113, 128, 129.
 Гадъ, пророкъ 150, 151, 188, 189, 211, 235.
 Газа 104.
 Газерь 99, 271.
 Галилея 93, 263.
 Гаревъ 195.
 Гаризимъ, гора 89, 93.
 Гатора 53.
 Гать 104, 140, 153, 180, 187, 215.
 Гебалъ, см. Виблосъ.
 Гева 161 и слѣд.
 Гелиль-га-Гонимъ 263.
 Геманъ 150, 218, 266, 283.
 Геннисаретское озеро, см. Тиверіадское.
 Герон, см. Дружина Давидова.
 Гешуриды 105, 195, 205.
 Гибборимъ, см. Дружина Давидова.
 Гивеать-Веніаминъ, см. Гева.
 Гивеать-Саулъ, см. Гивея.
 Гивеониты 83, 84, 174, 175, 220, 221, 268.
 Гивеонъ 83, 84, 174, 191, 207, 249.
 Гивея 157, 170, 199.
 Гидеонъ 121—125.
 Гилгалъ 82, 89, 150, 161, 163, 167—168, 246.
 Гилеадъ, цолуколѣно 51, 128.
 Гилеадъ, страна 98, 99.
 Гильбоа 93.
 Гинномъ 213.
 Гиргашен 46.
 Гихонъ 213, 251.
 Голанъ 278.
 Голіаѳъ 177, 180, 181.
 Города-убѣжища 278.
 „Городъ Давида“ 212, 216, 217.
 Горькія озера 306—308.
 Гошенъ 50.
 Границы Израильской земли при Давидѣ 226.
Давидъ 178—196, 201—254.
 Дагонъ 104, 133.
 Далила 133.
 Дамаскъ 103, 224, 295.
 Даново колѣно 51, 87, 88, 100, 106, 131, 132.

- Данъ, городъ 106, 248
 Дарда 283
 Дворецъ Соломоновъ 267
 Дворъ Соломона 258—260
 Дебиръ, см. Святая Святыхъ
 Дебора 115—120
 Доегъ 169, 190
 Дружина Давидова 188, 195, 212, 214, 215
 Духовенство, см. левиты.
Единобожіе у израильтянъ 60
 Единоборства на войнѣ 176, 177, 215
Жертвоприношенія 74, 143, 172
Завоеваніе Ханаана 83, 84, 88
 Загадки 283, 284
 Заіорданскія колѣна 80
 Закіордавъ, см. Гилеадъ
 Законы Моисеевы 72, 73
 Законы о милосердіи 279, 280
 Законы о равенствѣ 76, 277, 278
 Законы о чистотѣ нравовъ 280, 281
 Заповѣди 69 и слѣд.
 Заря 207
 Зебуль 126, 127
 Зевахъ 122
 Зевулово колѣно 51, 86, 100, 134
 Зеевъ 122
 Зифъ 192, 193
Ивцанъ 134
 Идолопоклонство у египтянъ 52—54
 Идолопоклонство у ханаанскихъ народовъ 102—106
 Идолопоклонство у израильтянъ 54 55, 73, 74, 79, 107—109, 289
 Идумейцы 77, 105, 112, 225, 226
 Избраніе перваго царя 156—160
 Изда 53
 Израиль (колѣно) 51
 Израиль (десять колѣнъ) 147, 148
 Израильская земля, см. Палестина
 Израильскія горы 93
 И-кабодъ 139
 Иновѣрцы и иноплеменники 276, 277
 Ира 195
 Исаакъ 46, 148
 Исахарово колѣно 51, 86, 99
 Искусства и ремесла у израильтянъ 289
 Историческая литература 288, см. памфлеты
 Исходъ изъ Египта 62—66
 Итай 235, 238, 242
 Ишай 178, 181
 Ишби 215
 Ишъ-баалъ см., Ишъ-Бошетъ
 Ишъ—Бошетъ 205 и слѣд.
Иахинъ 263
 Іевусен 46, 86, 87, 147, 211 и слѣд. 236
 Іевусъ 84, 87, 212
 Іегова 60, 61
 Іегудино колѣно 50—87, 100, 147, 148, 244—246
 Іедидія 230
 Іедутунъ 150, 218, 266
 Іезеръ 78, 99
 Іевреель 93, 99
 Іерихонъ 83
 Іеровеамъ 293
 Іерубаалъ, см. Гидеонъ
 Іерубошетъ, см. Гидеонъ
 Іерусалимъ 212 и слѣд., 248 и слѣд., 266
 Іефтахъ 129—131, 310, 311
 Іеповеамъ 188, 195, 214
 Іоавъ 188, 207—209, 225, 226, 229, 232—238, 242—244, 247, 248, 257, 258
 Іоель 152
 Іонадавъ 231
 Іонатанъ, внукъ Моисея 287
 Іонатанъ, племянникъ Давида 215
 Іонатанъ, сынъ Авіатара 241
 Іонатанъ, сынъ Саула 160, 161, 164, 165, 184—186, 189, 192, 198, 199, 203
 Іоппе, см. Яффа
 Іорамъ 224
 Іорданъ 94

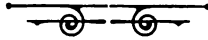
- Иосифово колѣно 51, 85.
 Ютамъ 125, 126.
 Юхеведъ 56.
 Юшуа 68, 83—86, 99, 100.
 Юдейскія горы 93.
 Юдино колѣно см. Иегудино.
Набирь 102, 290.
 Кадешъ 75, 76, 171, 278.
 Кайфа 100.
 Калевиты 237.
 Калевъ 112.
 Камнеломни 261.
 Кармель 93.
 Кафторъ 104, 309.
 Кегать 56.
 Кедешотъ 103.
 Кедешимъ 103.
 Кейла 191.
 Кенать см. Нобахъ.
 Кениты 57, 170, 171.
 Кенизиты 195.
 Кидонія 309.
 Кидронская долина 213.
 Кириать-Иеаримъ 140, 207, 217.
 Кишонъ 117.
 Кишъ 156.
 Классы населенія 276, 277.
 Климатъ Палестины 92—94, 95.
 „Книга браней Господнихъ“ 80.
 Книга завѣта 73.
 Князья израильскіе см. старѣйшины.
 Ковчегъ завѣта 72.
 Ковчегъ завѣта въ плѣну 138—140
 Колесницы боевыя 269.
 „Колодезь князей“ 80.
 Конные дворы 269.
 Корахиды 150, 218, 266.
 Корахъ 141.
 Красное море 306—308.
 Крети и Плэти 220, 223, 238, 247, 309.
 Критъ 308, 309.
 Крокодилово озеро 306—308.
 Культура египетская 51—54.
Лахишъ 84.
 Лахми 215.
 Левиты-священнослужители 75, 88, 89, 108, 146, 151, 266, 280, 291.
 Левинно колѣно 51, 52, 88, 89
 Ливанъ 92.
Мааха, городъ 224.
 Маха, жена Давида 205, 230
 Мазкирь 220, 272, 314—316.
 Малкомъ 105, 225.
 Малхишуа 198.
 Манашино колѣно 50, 51, 85, 128 и др.
 Манна 67.
 Маонъ 192.
 Масличная гора 93.
 „Матерь Израиля“ см. Дебора.
 Матри 156, 166.
 Махванимъ 99, 205, 242.
 Махиръ, полуколѣно 51.
 Махиръ, гилеадитъ 210.
 Мацевотъ 103, 109.
 Мегиддо 271.
 Междоусобная война 207.
 Меравъ 176, 183.
 Мертвое море 90, 91.
 Мефибошетъ 199, 210, 221, 222.
 Мигдаль-Сихемъ 127.
 Мидявиты 79, 120, 122, 123.
 Милкомъ см. Малкомъ.
 Мяло 216, 217, 268.
 Мириамъ 55, 65.
 Михаль 176, 182, 183, 190, 208, 209, 217.
 Михмасъ 162, 163.
 Мицпа, гора 93.
 Мицпа, городъ 149, 150, 207.
 Мицпа-Гилеадъ см. Рамотъ-Гилеадъ.
 Мицпе-Моавъ 189.
 Мишалъ 100.
 Моавиты 79, 105, 113, 222, 223.
 Моисей 55—82.
 Молохъ 103.
 Моветное дѣло 274, 275.
 Морія 212, 268.
 Морэ 93, 122.
 Мошлимъ 80, см. также „поэзія“ и „поэты“.
 Музыка у израильтянъ 283.
 „Мѣдное море“ 264.
Маама 258.
 Науать 186.

- Натанъ 150-151, 211, 229, 230, 249
 Нафталиево колѣно 51, 86, 100.
 Нахашъ 153, 189, 223.
 Нахрай 195.
 Нехуштаяъ 109.
 Нецпвъ см. сборщники податей.
 Нобахъ 123.
 Новъ 151, 187, 190.
Общины израильскія 278.
 Обычай и нравы 281, 282.
 Обѣтованная Земля см. Святая Земля
 Огъ 79.
 Ополченіе народное 219.
 Оревъ 122.
 Освященіе Соломонова храма 264,
 265.
 Откровеніе на Синаѣ 19.
 Отнїель 112, 113.
 Офель 213, 268.
 Офла, см. Офель.
 Офиръ 270, 316—319.
 Офра 121—125.
Палестина (въ географ. отношеніи)
 90—99, 104.
 Палтіель 208—209.
 Памфлеты 284—288.
 Пасха 292.
 Патріархи 46—50.
 Пахтъ см. Пехтъ.
 Пеннина 141.
 Пенуэль 123.
 Первосвященникъ 291.
 Перенесеніе ковчега 217.
 Перепись при Давидѣ 235.
 Переселеніе въ Египеть 50.
 Переходъ чрезъ Красное море 64,
 65, 305.
 Пехтъ 53.
 Пн-га-Хиротъ 64, 307, 308.
 Пинхась, внуки Арона 80, 89.
 Пинхась, сынъ Элія 137—139.
 Писга, гора 98.
 Питомъ и Рамзесъ 54, 306.
 Поговорки народныя 289.
 Положеніе женщины 281, 282.
 Положеніе израильтянъ въ Египтѣ
 54, 57.
 Полу-рабы 276, 277.
 Порабощеніе туземцевъ 261.
 „Поселенцы“ 276.
 Поэзія израильская (библ.) 80, 96,
 117, 120, 150, 283 и слѣд.
 Поэты 283 см. также „Мошлимъ“.
 Права израильтянъ на Ханааяъ
 46, 47.
 Праздники 110, 111, 292.
 Праотцы см. Патріархи.
 Преслѣдованіе язычниковъ Саулотъ
 174, 175.
 Притчи Соломоновы 256.
 Пророчества 57, 144, 145, 229,
 299.
 Продовольственные склады 271.
 Псалмы 150, 218.
 Пусенесъ 234, 259.
 Пурпуръ 45.
 Пѣвческіе хоры 150, 151.
 „Пѣснь Деборы“ 117, 120.
 „Пѣснь къ морю“ 65, 66.
 „Пѣснь у колодца“ 80.
Раба см. Рабать-Аммонъ.
 Рабать-Аммонъ 128, 223, 225.
 Рабы 276, 277.
 Развѣдчики 44, 75, 76.
 Раздѣленіе времени 275.
 Разъединеніе колѣвъ 81, 85.
 Рама 145, 150, 179.
 Рамзесъ 50.
 Рамотъ-Гилеадъ 99, 278.
 Резонъ 294.
 Религія египтянъ 52, 54.
 Религія ханааяск. народовъ 102,
 106.
 Рефаимскій лѣсъ 242, 244.
 Рефанмъ 213.
 Рефанты 44, 309.
 Рефидимъ 67, 68.
 Рехавъ 210.
 Рехавеамъ 295.
 Реховъ 224.
 Рицпа 175, 208, 221.
 Рогель 250.
 Родовая месть 278.
 Ростъ культуры 273 и слѣд.
 Рувимово колѣно 50, 113, 128,
 129.

- Саваоѣ** 227, 264.
Самсонъ 131—134.
Самуиль 141, 163, 167, 168,
 170—173, 178, 179, 185—
 188, 197.
Сарра 46.
Саронская равнина 93.
Саулъ 156—199.
Сборщики податей израильскіе 226,
 260, 272.
Сборщики податей филист. 155, 160.
„Святая земля“ 48, 89, 90, 95—98.
Святая Святыхъ 263, 265.
Святыище 263.
Сеиръ 75, 76.
Сибхай 195, 215.
Сидонцы 106, 107.
Сидонъ 45, 153.
Сиклагъ 195 и слѣд.
Силоа 213.
Симеоново колѣно 87, 100, 147,
 148.
Синайская пустыня 66, 67.
Синайскій хребетъ 68.
Синай 215.
Сисера 115—120.
Сихемъ 46, 85, 125—127, 212,
 248, 278.
Сихонъ 78.
Сіонъ 93, 211—213, 216, 252, 268.
Скрижали завѣта или союза 72, 264.
Служители при храмѣ Соломоно-
вомъ 266.
Смѣшанные браки 107.
Сношенія съ египтянами 51.
Собраніе въ Гилгалѣ 167, 168.
Собраніе въ Мицпѣ 159, 160.
Содомъ и Амора 91.
Соломонъ 230, 254—295.
Соляная Долина 225.
Соферъ см. счетчикъ.
Союзъ Давида съ филистимлянами
 194 и сл.
Союзы съ финикіянами 124, 125,
 216, 259, 268.
Сраженія у Гильбоа 196—199.
Старѣйшины 76, 149, 219, 310.
Странствованіе израильтянъ въ пу-
стынѣ 76, 77.
Судъ Соломона 256.
Судъ у израильтянъ 76, 278, 279.
Судьи-герои 111 и слѣд., 135,
 310 и слѣд.
Суккотъ 123.
Сунемъ 197.
Суфеты карагонскіе 311.
Счетчики 219, 220, 272, 313,
 314.
Таворъ 93.
Тадморъ 271.
Талмай 205, 232.
Тамара 230, 231.
Танаахъ 116.
Тапата 295.
Тапсакъ 226.
Тевецъ 127.
Текопянка 232, 233.
Теланиъ см. Телемъ.
Телемъ 170.
Теманъ 105.
Терафимъ 109, 145.
Тиверіадское озеро 90.
Тирата 105.
Тиръ 45, 153.
Тмъ 322.
Тола 127.
Торговля съ Египтомъ 268, 269.
Торговля съ Индіей 269 и слѣд.
 316—319.
Торговья товарищества 270.
Тронъ Соломоновъ 267.
Тѣлохранители 169, 267.
Удѣлы колѣнъ при Іошуѣ 85, 86.
Уза 217.
Уримъ и тумимъ 110, 291, 320.
Урія 195, 228 и слѣд.
Уроталь 105.
Фаранъ 75, 93.
Феризейцы 46.
Филистимляне 104, 105, 114, 131
 —133, 138, 139, 148, 149,
 153, 155, 160 и слѣд. 176,
 177, 191, 194—199, 215,
 308, 309.
Финикіяне 44, 45, 101—103,
 216 и др.

- Жавоть-Яиръ** 128.
Хагитъ 205, 232.
Хададъ, богъ 103, 105.
Хададъ-Мелехъ см. Хададъ-богъ.
Хададъ, царь 226, 294.
Хайламъ 224.
Халколь 283.
Хамать 103.
Хана 141, 142.
Ханаанейцы 44.
Ханаанъ см. „Палестина“, „Святая Земля“
Ханунъ 223, 225.
Хацоръ 86, 115, 271.
Хевронъ 84, 87, 147, 204 и слѣд. 236—237, 249, 278.
Хемонъ 105.
Хермонъ 92, 93.
Хешбонъ 99.
Хивейцы 46.
Хирамъ 214—216, 259, 262.
Хиромъ 263, 264.
Хитейцы 46, 238.
Ховавъ 75.
Хофни 137, 138.
Хошень 291, 321—323.
Храмъ Соломона 260—267.
Хронологія ассирійская 324—326.
Хронологія египетская 323, 324.
Хронологія Израильская 323. и сл.
Хушай 220, 239—241.
Хушанъ 112.
Цадокъ 191, 218, 238, 250, 258.
Цалмуна 122.
Царица Савская 276, 277.
„Царскій камень“ 274.
„Царскія дороги“ 271.
Цела 221.
Целекъ 195, 228 и слѣд.
Цефата 77.
Ционъ см. Сионъ.
Цоаръ 91, 113.
Цова 223, 224.
Черное море см. Красное море.
Чиновники Давида 219, 220.
Чиновники Саула 169.
Чиновники Соломона 272.
Число населенія Израильской Зем-
ли при Давидѣ 235.
Чума при Давидѣ 235.
Шаддай 60.
Шайша 220.
Шама 188, 195, 214.
Шамгаръ 114.
Шамиръ 127.
Шева 246, 247.
Шекель 274.
Шефела 93, 94.
Шешенкъ 294.
Шиболетъ 130.
Шиломъ 89, 108, 136, 139,
Шими 239, 245, 246, 258.
Шишакъ см. Шешенкъ.
Шобахъ 224. **Шоби** 225.
Шофтимъ см. „Судьи-герои“.
Шуръ 64, 66.
Эбалъ 93.
Эбень-га-Эзеръ 138, 149.
Эгла 205.
Эглонъ, городъ 84.
Эглонъ, судья 134.
Эглонъ, царь 113.
Эгудъ 113, 114.
Эдомиты см. идумейцы.
Экронъ 104, 140, 180.
Элеазаръ „гиборъ“ 188, 195, 214.
Элеазаръ, сынъ Авинадава 140, 217.
Элеазаръ, сынъ Арона 89.
Элегія Давида на смерть Саула
 203, 204.
Элиавъ, братъ Давида 178.
Элиавъ, сынъ Ахитофеля 195.
Элиамъ 230.
Элій 137 и слѣд.
Элхонанъ 188, 215.
Эль, Элонимъ 60.
Эль-Беритъ см. Вааль-Беритъ.
Элькана 141.
Эмориты см. Аморен.
Энгади 91, 192.
Эндорская чревоушчательница 197.
Эндоръ 122, 197.
Этамъ см. Шуръ.
Этанъ 283.
Эфесь-Дамимъ 214.
Эфодъ 110, 124, 191, 291.

- Эфранмово коѣно 51, 85, 99,
125, 130.
Эфранмовы горы 85, 93.
Эціонъ-Геверъ 269, 270.
Эштоаль 207.
Ябокъ 94.
Явешъ-Гилеадъ 99, 106, 199, 204.
Явинъ 86, 115—117.
Яель 117—119.
Языкъ арамейскій 103.
Языкъ еврейскій 102, 289.
Языкъ финикійскій 102, 289.
Яиръ 128, 312.
Яковъ, пріотець 46, 49, 50, 141,
Яковъ (колѣна Іудино и Симеоново)
147—148, 152, 206 и др.
Ярмукъ 94.
Ярмутъ 84.
Ясновидящіе (Roeh) 150.
Яфа 104, 114, 262.

Оглавление.

	стр.
Отъ издателя	1
Генрихъ Грець, челоуѣкъ и историкъ	3
Предисловіе	19
Введеніе	27

Первый періодъ—до вавилонскаго плѣненія. Первая эпоха—зачатки исторіи.

ГЛАВА I.

Доисторическое время. Первобытные обитатели Ханаана. Исполныи. Анакиты или Рефанты. Финикияне. Права израильтянъ на Ханаанъ. Патріархи. Наслѣдственное ученіе. Переселеніе въ Египетъ. Кристаллизациа племенъ въ народъ. Свѣтлыи и темныи стороны египтянъ. Моисей, Ароизъ и Миріамъ. Пророчество. Призваніе Моисея къ освобожденію. Его сопротивленіе. Исходъ изъ Египта. Переходъ черезъ Черное море. Странствованія по пустынѣ. Законодательство на горѣ Синаѣ. Заповѣди. Отпаденіе. Признаніе. Странствованія. Побѣды надъ заіорданскими народцами. Зачатки еврейской поэзи. Смерть Моисея. 43—82

ГЛАВА II.

Завоеваніе Ханаана.—Іошуа—преемникъ Моисея. Переходъ черезъ Іорданъ. Завоеваніе Іерихона. Гивеониты. Коалиціа ханаанскихъ городовъ противъ израильтянъ. Побѣда у Гивеона. Покореніе страны. Разъединеніе колѣнъ и ихъ удѣлы. Колѣно Левіино и ковчегъ завѣта въ Шиломѣ. Природа „Земли Израильской“. Климатъ и растительность. Устройство поверхности и орошеніе. Остатки ханаанскихъ народцевъ. Смерть Іошуи. 82—100

ГЛАВА III.

Сосѣди.—Финикияне, арамейцы, филистимляне и идумейцы, ихъ нравы, обычаи и вѣрованія. Моавиты и амониты. Сближеніе израильтянъ съ сосѣдями и подражаніе имъ. Раздробленіе колѣнъ, отсутствіе единства между ними и вслѣдствіе этого, ихъ слабость. Спасители на часъ. 101—112

ГЛАВА IV.

Эпоха судей и судьи-герои.—Нападеніе идумейцевъ и спаситель Отниель. Моавитскій царь Эглоизъ и спаситель Эгудъ. Ханаанскій царь Ябинъ и его военачальникъ Сисера. Пророчица-поэтесса Дебора и народный герой Варакъ. Побѣда у Тавора. Зачатки древне-еврейской поэзи. Страданія, причиненныи израильтянамъ хищническими и бродячими народцами. Герой Гидеонъ-Іерубааль. Важная побѣда въ равнинѣ Изреель. Начало благосостоянія. Авимелехъ и его бой съ сихемцами. Яиръ изъ Гилеада. Одновременная вражда амонитовъ и филистимлянъ. Іефтахъ и Самсонъ. Зевулонскіе судьи-герои 112—134

ГЛАВА V.

Переходъ отъ родового строя къ Государственному. Элій и Самуиль. Значеніе судей-героевъ. Перемяна въ настроеніи народа. Шиломское святилище. Элій и его сыновья. Ковчегъ завѣта въ пѣяну. Разрушеніе Шилома и святилища Бѣгство аронидовъ и левитовъ. Смерть Эліа. Ковчегъ завѣта въ филистимской землѣ и въ Киріатъ-Іеаримѣ. Возрожденіе пророчества. Самуиль изъ Рамы. Возродившіяся надежды Самуила. Пророческій или цѣвческій орденъ. Поворотъ въ исторіи народа. Участіе Іегудина колѣна въ исторіи. Новые набѣги филистимлянъ. Собраніе въ Мициѣ. Дѣятельность Самуила. Возникновеніе святилища въ Новѣ. Нанаденіе на колѣна съ двухъ сторонъ. Усиленіе филистимлянъ и аммонитовъ. Сильно ощущаемая народомъ потребность въ царѣ и отношеніе къ ней Самуила. 135—156

ГЛАВА VI.

Саулъ.—Введеніе царской власти. Саулъ, его положеніе и характеръ. Тайное избраніе его въ Мициѣ. Порабощеніе народа филистимлянами. Ионатанъ подстрекаетъ послѣднихъ къ войнѣ. Объявленіе войны. Собраніе въ Гилгалѣ. Сраженіе у Михмасъ и пораженіе филистимлянъ. Строгость Саула. Побѣда надъ аммонитами. Вторичное избраніе Саула. Его дворъ и чиновники. Тѣлохранители его и постоянное войско. Побѣда надъ амалекистами. Разрывъ между Сауломъ и Самуиломъ. Вражда Саула съ сосѣдними народами. Бой съ гивеонитами. Святилище въ Гивеонѣ. Новое сраженіе съ филистимлянами. Голіаѳъ и Давидъ. Встрѣча Саула съ Давидомъ. Гитѣвъ Саула доходитъ до бѣшенства; ревность къ Давиду и преслѣдованіе его. Послѣдній бой Саула съ филистимлянами. Пораженіе его и смерть. 156—199

Вторая эпоха. Періодъ расцвѣта.

ГЛАВА VII.

Давидъ и Ишъ-Бошетъ.—Зависимость Давида отъ филистимлянъ. Элегія его на смерть Саула и Ионатана. Давидъ—царь іудейскій. Ишъ-Бошетъ и Авнеръ въ Махнанімѣ. Вытѣсненіе филистимлянъ изъ страны. Раздоры между Ишъ-Бошетомъ и Авнеромъ и неестественная смерть обоихъ. Давидъ—царь всего Ираиля. Взятіе сіонскаго укрѣпленія. Происхожденіе и возникновеніе Іерусалима. Разрывъ Давида съ филистимлянами. Дружина „героевъ“. Перенесеніе ковчегъ завѣта въ Іерусалимъ. Временный храмъ. Чиновники и совѣтники Давида. Гивеониты. Истребленіе дома Саулова. 201—222

ГЛАВА VIII.

Давидъ. (продолженіе).—Войны Давида и побѣды его надъ моавитами, аммонитами, арамейцами и идумейцами. Побѣдный исаломъ Давида. Грѣхъ съ Батшевой и его послѣдствія. Местъ Ахитофеля и позорный поступокъ Амнона. Братоубійство. Бѣгство Авесалома и вмѣшательство Іоава. Умная теконтянка. Возвращеніе Авесалома и его интриги. Приготовленія Давида къ обширной войнѣ. Народная перепись, чума и недовольство въ народѣ. Заговоръ Авесалома и бѣгство Давида. Озлобленные враги и вѣрные друзья царя. Походъ сына противъ отца. Пораженіе Авесалома и его смерть. Возвращеніе Давида въ Іерусалимъ и соревнованіе колѣнъ. Призывъ Шевы къ мятежу. Амаза и Іоавъ. Осада Авеля и Дана. Желаніе Давида построить въ Іерусалимѣ

храмъ не осуществляется. Послѣдній псаломъ Давида. Старческая немощь его. Адонія, съ одной, и Соломонъ, съ другой стороны провозглашаются царями. Смерть Давида. Дѣянія его. 222—253

ГЛАВА IX.

Соломонъ.—Дѣятельность Соломона. Его мудрость. Притчи Соломоновы. Умерщвление Адонія и Иоава. Лишеніе сана Авіатара и назначеніе Цадока первосвященникомъ. Расширеніе предѣловъ Израильскаго царства. Гаремъ Соломона. Бракъ его съ дочерью Исусенеса. Пышность его двора. Порабощеніе ханаанскихъ народцевъ, принудительная работа и приготовленія къ постройкѣ храма и дворца. Сановники Соломона. Расторженіе союза колѣвъ. Сооруженіе храма на холмѣ Морія и освященіе его. Укрѣпленіе Іерусалима. Другія сооруженія. Соломоновъ тронъ. Источники богатства въ царствованіе Соломона. Товарищества для ввоза и вывоза колесницъ и лошадей. Торговныя сношенія съ Офиромъ. Пути сообщенія. Соломоновы чиновники. 253—272

ГЛАВА X.

Соломонъ (продолженіе)—Туземные народы и израильтяне. Ростъ культуры. Монетное дѣло. Раздѣленіе времени. Классы населенія. Туземцы, полу-рабы и иноземцы. Царица Савская. Равенство всѣхъ предъ закономъ. Города-убѣжища. Царскій и народный судъ. Законы въ пользу немущихъ. Чистота правовъ. Бракъ. Положеніе женщины. Развитіе музыки и поэзіи. Загадки—національный родъ повѣстическаго творчества. Развитіе прозы. Два памфлета. Послѣдніе годы Соломона. Мятежъ Іеровоама. Смерть Соломона. 273—295

Примѣчанія.

1. Пророки и ихъ предсказанія	299
2. Переходъ черезъ Красное море	305
3. Происхожденіе филистимлянъ	308
4. „Судья“, ихъ роль и значеніе	310
5. „Соферъ“ и „Мазкиръ“. Чѣмъ они были?	312
6. Морская торговля съ Офиромъ. Предметы ввоза и вывоза. Бальзамъ	316
7. Уримъ и Тумимъ	320
8. Хронологія	323
Синхронистическія таблицы царей іудейскихъ и израильскихъ	353
Указатель	366

